

Жития святых

написанные
святými

Сборник

**Жития святых,
написанные святыми**

ТД "Белый город"

2013

УДК 27-29
ББК 86.372

Сборник

Жития святых, написанные святыми / Сборник — ТД "Белый город", 2013

ISBN 978-5-485-00117-9

Данное издание представляет собой сборник житий святых, составленных величайшими подвижниками Православной Церкви: свт. Игнатием (Брянчаниновым), свт. Афанасием Александрийским, прп. Ефремом Сириным, прп. Иоанном Дамаскиным и др. Таким образом, о святых пишут люди, которые сами прошли узким путем благочестия, путем исполнения заповедей Божиих и которые сейчас причислены Церковью к лику святых. Поэтому эта книга будет, несомненно, полезна как пример духовного делания одних подвижников и поучений других — их жизнеписателей.

УДК 27-29

ББК 86.372

ISBN 978-5-485-00117-9

© Сборник, 2013
© ТД "Белый город", 2013

Содержание

Иосиф	7
Жизнь и труды апостола Павла	25
Жизнь в иудействе	25
Обращение в Христианство	31
Время обращения апостола Павла	36
Первые подвиги апостола Павла	38
Первое апостольское путешествие	41
Второе апостольское путешествие	49
Третье апостольское путешествие	57
Узы в Иерусалиме	63
Плавание в Рим	71
Первые узы в Риме	73
Четвертое путешествие и последние узы в Риме	77
Обзор деятельности и значения апостола Павла	80
Житие св. Антония Великого	83
Предисловие	83
Житие	84
Жизнь и наставления преподобной Синклитикии Александрийской, подвизавшейся в IV веке	112
Жизнь блаженного Аврамия и племянницы его Марии	131
Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа. Прп. Иоанн Дамаскин	141
Удивительный святой подвиг знатного человека	143
Рождение св. Иоасафа	146
Мученическая кончина святых отцов	149
Стремление царевича Иоасафа к познанию истинного Бога	150
Повествование о св. Варлааме и свиданиях его с царевичем Иоасафом. Начало его святого учения	153
Учение о будущем страшном пришествии Христа	162
Учение о непостижимой мудрости всемогущего Бога, о Его славе, могуществе и величии	183
Учение о догматах веры	188
Святое крещение Иоасафа, последние наставления, прощание и удаление св. Варлаама в пустыню	190
Розыски св. Варлаама и мученическая кончина других божественных отцов	197
Увещания и хитрые способы Авенира отклонить от Христианства сына и мудрые беседы Иоасафа с отцом	200
Публичная речь Нахора, говорившего по внушению Святого Духа, в которой выставляется заблуждение идолопоклонников и возвещается христианская истинная вера	209
Борьба Иоасафа с волшебником Февдою и его сатанинскими кознями и вразумительное дивное видение	216
Беседа мудрого Иоасафа с Февдою, его обличение и победа над идолами	222

Обращение царя Авенира в Христианство и просвещение всей страны	229
Кончина царя Авенира, оставление царства св. Иоасафом и удаление в пустыню	232
Свидание и жизнь Иоасафа с преподобным Варлаамом	238
Успение преподобного Варлаама	242
Успение преподобного Иоаслафа	244
Однажды ночью. Повесть о святом Григории, епископе Акрагантском[37]	245
Часть первая	245
I. Паломник	245
II. Путь к земному Иерусалиму приводит иногда на путь к Небесному	247
III. Кто он?	251
IV. Тайна приоткрывается	251
V. «Сам – сто»	255
VI. Пятый Вселенский Собор	258
VII. От Бога не уйдешь	261
VIII. Великий чудотворец	266
Часть вторая	269
I. Гром среди ясного неба	269
II. Адская кузница...	270
III. Начало тернистого пути	272
IV. Золотой ключ подходит ко всякой двери	274
V. Без суда и следствия	277
VI. Зло торжествует	278
VII. Совет аввы Марка	279
VIII. Обязанные чудесам свидетели	280
IX. Суд	282
Эпилог	286
Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова	287

Жития святых, написанные святыми

Свт. АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ

Прп. ЕФРЕМ СИРИН

Прп. ИОАНН ДАМАСКИН

Прп. НИКИТА СТИФАТ

Свт. ИННОКЕНТИЙ (БОРИСОВ),
еп. Херсонский

Свт. ИГНАТИЙ (БРЯНЧАНИНОВ),
еп. Кавказский

ЕПИСКОП ВАРНАВА (БЕЛЯЕВ)

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
№ ИС 10-08-0378

Иосиф

Свт. Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский

Священная повесть, заимствованная из книги Бытия (гл. 32–50)¹

Чудно приходит к праведникам посреди их бедствий мысль благодарения Богу. Она исторгает сердца их из печали и мрака, возносит к Богу, в область света и утешения. Бог всегда спасает прибегающих к Нему с простотою и верою.

Возвращался святой патриарх Иаков из Месопотамии в землю Ханаанскую, в землю рождения своего, в предопределенное Богом свое наследие (Быт. 32). Внезапно пришла к нему весть, что гневный Исав, брат его, идет к нему навстречу, что при нем четыреста вооруженных мужей. Еще в лета юношества Исав, волнуемый завистью, покушался на жизнь Иакова. Чтоб избегнуть преждевременной насильственной смерти, Иаков удалился в Месопотамию. Он пробыл там двадцать лет. Время могло бы исцелить уязвленное злобою сердце Исава... Нет, он идет навстречу брату с вооруженной дружиной. Многочисленность толпы, воинственный вид ее обличали злонамеренный умысел. Время не исцелило ненависти в Исаве: возмужал он, возмужала в нем и ненависть к брату.

Испугался Иаков. Не зная, что делать, он решился разделить имение свое, состоявшее из домочадцев и многочисленных стад, на два полка. «Если разъяренный Исав, – рассуждал он, – изрубит один полк, может быть, иссякнет гнев его, и он не прикоснется к другому полку». За двумя полками стояли жены и дети Иакова; позади всех стояла вторая супруга его, Рахиль, с единственным сыном своим Иосифом, юнейшим из сыновей Иакова. Они заняли последнее место как младшие, но это место дала им также особенная предусмотрительная любовь супруга и отца как безопаснейшее. Глаз любви сметлив; сметлив и глаз ревности. Сделав такое распоряжение, праведник спешит в обычное пристанище праведников – спешит встать пред Богом в благоговейной молитве. *Недостойн я*, – исповедуется он Богу, – *всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему, ибо я с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь у меня два стана* (Быт. 32, 10).

Отовсюду окруженный напастью, праведник изливает сердце пред Богом, сводит расчет свой с судьбой, находит себя вполне удовлетворенным, находит, что Бог, заповедовавший ему путешествие в Месопотамию и возвращение из нее, сделал все по обетованию Своему. *Недостойн я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему*. Глубокое, истинное смирение! Оно одно достойно предстоять Богу. Оно одно достойно беседовать с Богом: никогда оно не оставляется Богом. Ему внимает милостиво Бог, изливая обильные щедроты на молящегося со смирением. Изменилось, по мановению Божию, сердце Исава: доселе оно пылало враждой, теперь внезапно запылало любовью к брату. Исав кидает меч, бежит в объятия брата – и плачут два брата в объятиях друг у друга (Быт. 33).

Вот Иаков уже давно – в Ханаанской земле. Уже скончалась его любимая супруга, Рахиль, родами второго сына, Вениамина. Уже много скорбей испытал Иаков от буйных сыновей, которые вели себя в обетованной земле, как бы в земле, приобретенной завоеванием (Быт. 34–35). В окрестностях шатра его, раскинутого близ Хеврона, они пасли многочисленные стада свои, иногда уходя, и довольно далеко, на другие, более тучные пастбища. Иаков пребывал постоянно дома, где удерживали его и лета, и духовное преуспевание. Оно привлекало ум и сердце старца к Богу, и потому полюбил он уединение в шатре. Некогда и несродно такому человеку вдаваться в житейские попечения. Неотлучно при нем было его утешение – любимый сын,

¹ Из книги «Аскетические опыты».

прекрасный душою и телом Иосиф. Услуга старцу-отцу и внимание глубокому святому учению отца-боговидца составляли все занятие, все наслаждение юноши. В душу его падало слово благочестия, как падает семя на тучную землю, и скоро принесло плод: засияла в душе Иосифа святая чистота. В чистоте сердца начинает отражаться Бог, как в зеркале тихих, прозрачных вод отражается солнце. Добродетель Иосифа возбудила в братьях не соревнование, а зависть: так, по несчастью, всего чаще случается в человеческом обществе. Братья изобрели и вознесли злую клевету на Иосифа – какую именно, умалчивает Писание. Но проникательный и благодатный Иаков не был обманут хитросплетенною выдумкою, он продолжал любить – любить Иосифа, и в знак особенной любви подарил сыну пеструю одежду. Яркость и разнообразие цветов особенно уважались и доньше уважаются на кочевом Востоке. Не была ли одежда эта символом испещренной противоположными обстоятельствами жизни, предстоявшей юноше? Вдохновение внушило прозорливому старцу изобразить пророчество не словом – символом: пеструю одежду. Отсюда начинаются странные приключения Иосифа.

Он служит прообразом, дальнею библейскою тенью Господа нашего Иисуса Христа, а для деятельной жизни является примером благочестивого и добродетельного человека, подвергающегося разнообразным странным бедствиям, во время которых сохраняет он верность благочестию и добродетели, никогда и нигде не оставляется Богом, повсюду храним и наконец прославляется дивно. Послушаем, послушаем любопытное сказание о чудных и наставительных приключениях облеченного пророком-отцом в пеструю одежду.

Братья Иосифа, увидев, что отец их любит его более всех других сынов, возненавидели его: при каждом слове с ним, при каждом взгляде на него закипало в них мрачное смущение (Быт. 37, 4). А он не понимал объявшего их недуга: чистая душа его видела всех чистыми, благонамеренными.

С доверчивостью открывал он пред ними сердце. Это незлобивое сердце уже избрано Богом в сосуд таинственных откровений. Благодать Святого Духа, сообразно юношеским летам Иосифа, начала являть свое присутствие и действие в знаменательных сновидениях. Живо рисовались таинственной рукою странные сновидения в девственном воображении. Иосифу было семнадцать лет, когда приснился ему первый пророчесственный сон. С откровенностью, не подозревающей никакого зла, он пересказывает его братьям: видно, сон оставил в душе юноши необычайное впечатление, которое нуждалось в объяснении. Он хотел вызвать, услышать это объяснение из уст старших братьев. «Привиделось мне, – говорил он им, – будто все мы вяжем снопы на поле; мой сноп вдруг поднялся и встал прямо, а ваши снопы обратились к снопу моему и поклонились ему». Братья отвечали: «Неужели ты будешь в самом деле царствовать над нами или сделаешься господином нашим?» И удвоили братья ненависть к нему за благодатный сон, за уязвившую их, перетолкованную, искаженную ими святую откровенность его. Иосиф видит новый сон. С детской невинностью, как бы в оправдание первого сна и в доказательство, что знаменательные сны приходят к нему невольно, независимо от него, рассказывает он сон отцу и братьям. «Видел я, – говорит он, – будто солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились мне». Отец, услышав рассказ сына, остановил юношу. «Что сон, виденный тобою? – сказал он ему. – Неужели я, мать твою и братья твои поклонимся тебе до земли?» (Быт. 37, 5–8). Опытный и духовный отец остановил сына не потому, чтоб признал сон его суетным мечтанием, собственным произведением души, недугующей высокоумием, но чтоб предохранить юную душу от впадения в высокоумие и вместе строгим замечанием сколько-нибудь погасить зависть и ненависть в братьях.

Так, христианские аскетические наставники заповедуют не обращать особенного внимания на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным; заповедуют соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность. Бывают сновидения от Бога, чему служат примером и доказательством сны Иосифа, но состояние видящего сны и видения опасно, очень близко к самообольщению. Зрение недо-

статков наших – вот безопасное видение! Зрение падения и искупления нашего – вот нужнейшее видение! Дух сокрушенный и смиренный (ср. Пс. 50, 19) – вот состояние существенно полезное, чуждое самообольщения; состояние, о котором благоволит Бог! Рассуждение, способное постигать, расценивать и объяснять видения, свойственно одним преуспевшим в духовном подвиге; оно приобретается долгим временем, оно – дар Божий. Имел этот Божий дар святой Иаков: он остановил сына, рассказывавшего пророческое сновидение, а сам – свидетельствует Писание – соблюдал в памяти слова его, носившие на себе помазание Духа.

Не такое действие произвел новый сон на братьев Иосифа: он только умножил в них ненависть и зависть к нему. Однажды они угнали стада в Сихем. Иаков сказал Иосифу: «Братья твои в Сихеме; хочу послать тебя к ним». Иосиф отвечал: «Я готов». «Пойди, – продолжал Иаков, – посмотри, здоровы ли твои братья и здоровы ли наши овцы. Потом воротись и скажи мне» (Быт. 37, 12–14).

Легко иногда расстаются люди; расставаясь, они как бы не расстаются; прощаясь, почти не прощаются. А такое прощание бывает часто прощанием навсегда; часто следует за ним продолжительная, исполненная горестей разлука. Не знал старец, отпуская Иосифа, что он долго-долго не увидит любимого сына! Мог ли он думать, что, посылая Иосифа к братьям, посылает его к убийцам? Ему была известна ненависть их к юноше, но могла ли ему прийти мысль, чтоб эта ненависть возросла до замысла, до заговора, до решимости совершить братоубийство? Незлобие старца было незлобие опытное – не то детское незлобие, которого исполнен был Иосиф, шедший прямо на нож, как агнец.

Мудрый Иаков, при всем духовном преуспевании своем, при всей опытности, накопленной в многолетнюю страдальческую жизнь, не мог представить себе, чтоб буйные сыновья его были способны к ужасному преступлению братоубийства. Свойственно святыне не мыслить зла о ближних; ей свойственно самых явных, открытых злодеев считать менее злыми, нежели каковы они на самом деле. И видим мы многих святых людей, не обманутых явным грехом – обманутых многою любовью своею, своею доверчивостью к ближним!

Старец! Надолго ты расстанешься с любимым твоим сыном, Иосифом! Ты имеешь дар и пророчества, и прозорливости; но на это время Бог, непостижимо устраивающий участь человека, закрыл от тебя будущее непроницаемою завесою. Ты отпустил Иосифа на несколько дней – увидишь его после многих скорбных годов. А он увидит землю Ханаанскую, то место, где раскинут шатер твой, когда настанут дни погребения твоего – и только на короткие дни этого погребения! Сюда принесут кости его; сюда возвратится с ними многочисленное потомство его и вооруженною рукой вступит во владение наследием праотца своего – теперь юноши Иосифа.

Пошел Иосиф из дома отцовского, из Хеврона, пришел в Сихем. Там уже не было его братьев. Он не знал, где найти их, и начал искать и расспрашивать. Внезапно встретился с ним незнакомый человек, который спросил его, кого он ищет. Иосиф отвечал ему: «Ищу братьев моих; скажи мне, не знаешь ли, где они со стадами своими?» Незнакомец отвечал: «Ушли отсюда; я слышал, они говорили между собой: пойдем в Дофан» (Быт. 37, 15–17). По словам этого человека, которого как будто судьба нарочно привела навстречу Иосифу, чтоб направить его к его предопределению, юноша начинает снова искать братьев – жертва жрецов своих – и находит их в Дофани. Издали узнали они его – начали сговариваться об убийстве. Раздались в собрании братьев ужасные слова о брате: «Вот идет сновидец. Убьем его и скажем: его съел хищный зверь. Посмотрим, что будет тогда с его снами!» Вслед за ужасными словами поднялись и преступные руки. Но Рувим, старший сын Иакова, отнял его у них. «Не будем убивать его, – сказал он им, – собственными руками! Спустите его в один из здешних рвов, рук же ваших не возлагайте на него!» (Быт. 37, 19–22). И помышлял смягчившийся Рувим возвратить старцу-отцу любимого сына. Они сняли с Иосифа пеструю одежду и бросили его в глубокий сухой колодец – живого в ужасную могилу. Во рву Иосиф, в челюстях смерти!.. Святой юноша, тяжким опытом начинается твоя духовная опытность! Чудная твердь души твоей, перенесшая

такую лютую скорбь! Твердость в бедствиях дается непорочной, безукоризненной совестью. Научи нас стяжать и чистоту твою, и твердость – могучие опоры для сердца в превратностях жизни.

Иосиф во рву. Что делают братья? Они сели есть... Созревшая ненависть!.. Когда какая-нибудь страсть созреет в душе, душа уже не чувствует своего смертного недуга. Страшнее быть сердцем в этой глубине злобы, чем телом, при душе ангельской, во рву глубоком. Сыны Иакова совершили злодеяние, как бы исполнили долг: столько природнилась им ненависть к брату. *И сели они есть хлеб* (Быт. 37, 25), – говорит Писание.

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего доброго. Буйно совершалась она. Как иначе могли обедать убийцы? Громкий хохот прерывал страшное молчание: то был хохот души, которая сбросила с себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившейся, насытившейся злобой. Выскакивали по временам адские слова – как бы из темной пропасти – из сердец, решившихся на братоубийство. Мрачны, зверовидны были лица обедающих. Зрение и слух их угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здесь благоразумие. Какое благоразумие! Когда страсти овладеют человеком, тогда ум, лишенный своего владычества, служит угодливым и изобретательным слугой страстям для удовлетворения их лукавых, прихотливых, преступных требований.

Пируют сыновья Иакова над могилой с живым мертвецом, и вот мечущиеся взоры их внезапно усматривают путешественников. То были измаильтяне, купцы. Они показались от Галаада, на дороге к Египту. Их верблюды были обильно навьючены стираской², бальзамом и ладаном: эти товары везли они для продажи в Египет. На бешеной трапезе услышался голос: *что пользы, если мы убьем брата нашего и скроем кровь его? Пойдем, продадим его Измаильтянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша* (Быт. 37, 26–27). Голос этот был голос Иуды, четвертого в сынах Иакова. Иуда предложил продажу брата-праведника. Чрез многие столетия явится другой Иуда; он скажет о другом Праведнике, о самом Богочеловеке: *Что вы дадите мне, и я вам предаю Его?* (Мф. 26,15).

Зазвенели златницы³... уже вытасчен из колодца Иосиф и поспешно продан аравитянам. Ни одного спорного слова ни о цене, ни о пленнике не произнесено ни с той, ни с другой стороны. Не умолчало бы Писание о достойном памяти слове, если бы оно было сказано. Писание в этой повести передает и те слова, которые сколько-нибудь стоят замечания. Звучат златницы... их было двадцать. Как схож звон этот со звоном тридцати сребреников!.. Блаженный юноша, проданный за двадцать златниц! Ты удостоился быть прообразом Проданного за тридцать сребреников!

Рувима не было за обедом. Не был он участником в умысле и заговоре преступном; не был и на пиру, на котором праздновалось удавшееся злодейство. Тайно приходит он ко рву и зовет погребенного. Нет ответа. Опять зовет... Нет ответа! В отчаянии он рвет на себе одежду, прибегает к братьям, говорит им: «Нет юноши во рву! Куда теперь денусь я?..» (Быт. 37, 29–30). В ответ зазвучали златницы. Их было двадцать: девять братьев, присутствовавших при продаже, доказали, что они не забыли отсутствовавшего десятого.

Между тем сыновья Иакова придумывали, как скрыть от старца-отца поступок свой с Иосифом. Они закололи козленка, в крови его обагрили пеструю одежду и послали ее отцу с жестоким вопросом: «Мы нашли это; узнавай – одежда ли это сына твоего или нет?» Он узнал ее; он сказал: «Это одежда сына моего: зверь лютый съел его! Лютый зверь похитил Иосифа!» Растерзал Иаков на себе одежды, надел на себя рубище и многие дни оплакивал сына (Быт. 37, 31–34). Собрались к нему сыновья и дочери; они утешали старца. Но он не хотел утешиться,

² Благовонная смола.

³ Вообще монета (ср. Мф. 22, 19) или золотая монета (ср. Быт. 24, 22; Чис. 7, 86; 4 Цар. 5, 5; Неем. 7, 70).

говорил: *с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю* (Быт. 37, 35). Долго повторял он эти слова и долго плакал.

Измаильтяне привели Иосифа в Египет (Быт. 39), там перепродали его Потифару, вельможе фараона (фараонами именовались цари египетские), начальнику телохранителей царских. И Господь был с Иосифом, таинственно бдел над ним, помогал ему. Скоро заметил господин благословение Неба над рабом своим и очень полюбил его. Следствием этой особенной любви было то, что Потифар вручил Иосифу управление всем домом своим и всем имением. Господь, ради Иосифа, благословил достояние египтянина: излилась благодать Божия на все имение его, на дом его и на поля его. Потифар предался расположению своему со всею беззаботливой доверчивостью, даже сам не осматривал ничего, не обращал ни на что внимания. Иосиф был очень статен, прекрасен собой. Красота его привлекла взоры жены Потифара. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юноше страсть свою. Юноша не согласился на беззаконие. Он увещевал жену, пылавшую безумным и преступным вожделением; он говорил ей: «Господин мой так вверился мне и так почил на моих заботах, что даже не знает ничего, что у него в доме. Все добро свое он сдал безотчетливо в мои руки: в его доме нет никого выше меня; все в моем ведении, кроме тебя, супруги его. Как же мне поступить по словам твоим? Как мне согрешить пред Богом?» (Быт. 39, 8–9). Не слышит преступная жена мудрых слов сына Иаковлева: другое говорит в ней овладевшая ей страсть. Она слышит только голос страсти: слова Иосифа пролетели мимо слуха ее, как пустые звуки, без смысла и значения. От времени до времени повторяет жена предложение, всегда с одинаково открытой, пламенной наглостью. Однажды Иосиф занимался в доме по должности своей; случилось, что тут никого не было из домашних, за исключением госпожи. Она схватывает его за одежду, умоляет, требует, чтоб желание ее было тут же исполнено. Иосиф вырывается из рук ее, убегает; верхняя одежда его осталась в руках египтянки. Неудовлетворенная преступная любовь внезапно превращается в бешеную ненависть: та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекрасной плоти, теперь неистово жаждет напиться кровью. Вопиет иступленная египтянка, громким визгом и криком сзывает домашних. Прибегают они. «Глядите, – говорит им египтянка, – этот молодой еврей введен в дом наш, чтоб поругаться над нами!.. Он пришел ко мне... Он сказал мне... Я закричала громким голосом... Услышав вопль мой, он убежал от меня... Вот верхняя его одежда в руках моих!» (Быт. 39, 14–15). Она сохранила эту одежду до возвращения Потифара. В другой раз одежда – немой, услышанный лжесвидетель на Иосифа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событие. Она говорила жалобно и тихо: «Ко мне приходил молодой еврей, которого ты ввел к нам, чтоб обесчестить нас, и предлагал мне беззаконие. Когда же я громко закричала, он убежал, оставив у меня свою верхнюю одежду» (Быт. 39, 16–18). Услышав сказание правдоподобное, в котором простотой и холодностью рассказа искусно прикрывались страшная буря душевная и адская клевета, видя в руках жены доказательство происшествия – одежду Иосифа, доказательство, против которого, по-видимому, не было опровержений, Потифар пришел в сильное негодование. Расспросы и суд признал он излишними, ненужными – так преступление раба в глазах его было ясно, живо, очевидно. Он велел ввергнуть Иосифа в темницу, в которой содержались государственные преступники, в твердыню – так называет эту темницу Писание.

Господь, избравший Иосифа с дней его детства, Господь, помогавший ему в плену и в доме Потифара, не оставил его и в темнице. Расположилось к Иосифу сердце начальника темницы: он вверил юному узнику всю темницу, всех узников, заключенных в ней, и, подобно Потифару, почил со всею доверенностью на заботах Иосифа. Спустя несколько времени провинились пред египетским царем двое вельмож его: старейшина виночерпий и старейшина над хлебами (Быт. 40). Разгневанный фараон заключил их в ту же темницу, в которой содержался Иосиф. Начальник темницы поручил их Иосифу. Когда они пробыли несколько дней в темнице, в одну и ту же ночь каждый из них увидел сон. Утром приходит к ним Иосиф и

примечает, что они оба в смущении. Он спрашивает вельмож фараоновых: «Отчего на лицах ваших печаль?» Они отвечают: «Каждый из нас видел сон, но некому истолковать снов наших». Иосиф сказал: «Не Бог ли дает дар изъяснять те сны, которые посылаются от Него? Расскажите мне сны ваши» (Быт. 40, 6–8).

Из слов Иосифа видно его духовное преуспевание, плод искушений. Когда в детстве он видел сны, то ощущал только, что в них есть значение, и пересказывал их отцу и братьям, как бы ища объяснения, но не смея присовокуплять никакого толкования. А здесь едва услышал, что старейшины видели сон, и уже надеется найти разрешение загадочных сновидений в Боге, к Которому он приблизился, Которому усвоился скорбями, верой, чистотой, молитвой. Сны ввели его в горнило скорбей; сны выведут его из этого горнила, в который Промысл обыкновенно ввергает людей, предназначенных им для дел великих. Начал старейшина виночерпий рассказывать сон свой. «Привиделось мне, – сказал он, – что передо мною виноградный сад; в саду вижу три лозы, сочные, пустившие отрасли и давшие зрелый плод. Чаша фараонова была в руке моей. Я взял кисть винограда, выжал сок в чашу и подал ее фараону». Иосиф отвечал: «Вот значение этого сна: три лозы – три дня. Пройдут еще три дня, и вспомнит фараон о тебе, возвратит тебе прежний сан твой старейшины виночерпия: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, в благополучии твоём, вспомни обо мне. Окажи мне милость: поведай обо мне фараону и изведи меня из этих угрюмых стен. Я украден из еврейской земли и здесь не сделал ничего худого, а меня ввергли в эту ужасную темницу». Старейшина над житницами, услышав истолкование благоприятное, также пересказал свой сон Иосифу. «И я, – говорил он, – видел сон. Мне представилось, что держу на голове три корзины с хлебами.

В верхней корзине было всякого рода печенье, употребляемое фараоном. Внезапно налетели птицы, начали клевать печенье». Иосиф отвечал: «Вот значение сна: три корзины – три дня. Пройдут еще три дня – и снимет фараон с тебя голову твою! Труп твой повесят на дереве; птицы небесные съедят тело твоё». Настал третий день: это был день рождения фараона. Он дал пир своим придворным; в беседе с ними вспомнил царь о двух заключенных старейшинах: старейшине виночерпию возвратил прежний сан, и тот снова стал подавать чашу фараону, а старейшину над житницами велел казнить, по предсказанию Иосифа. И забыл старейшина виночерпий об Иосифе (Быт. 40, 9–23). Еще нужно было праведнику томление в темнице! Еще нужны ему были уединение и мрак тюрьмы, чтоб душа его глубже погрузилась в молитву, ею еще более приблизилась к Богу, еще светлее озарилась разумом духовным.

Прошло два года, – фараон видит сон (Быт. 41). Ему представилось, будто он стоит при реке: вот выходят из реки семь коров, тучных, прекрасных, и стали ходить по прибрежному пастбищу. За ними вышли из реки другие семь коров, тощих, неприятного вида, – тоже начали ходить с первыми по берегу реки. Внезапно тощие коровы пожрали тучных, и не заметно было, чтоб тучные вошли в них: они сохранили свой прежний вид изнурения. Проснулся фараон. Потом опять засыпает, – видит другой сон: видит, будто из одного стебля выросли семь колосьев, наполненных зрелыми зернами, за ними выросли другие семь колосьев, тонких, как бы иссушенных зноем и ветром. Эти тонкие колосья поглотили в себя семь первых полных колосьев. Проснулся фараон; смутилась душа его; с наступлением утра он приказывает созвать всех ученых и мудрецов Египта и пересказывает им сон свой. Но они не могли истолковать сновидения, произведшего в царе задумчивость и смущение. Тогда старейшина виночерпий сказал фараону: «Теперь вспоминаю согрешение мое! Когда ты, царь, прогневался на рабов твоих, на меня и на старейшину над житницами, повелел заключить нас в темницу, которая при доме начальника телохранителей, каждый из нас в одну и ту же ночь увидел сон. Там с нами был молодой еврей, раб начальника телохранителей, мы рассказали ему сны свои, и он истолковал их. Мне предсказал возвращение сана, а товарищу моему – казнь. Так и случилось с обоими нами» (Быт. 41, 9–13).

Фараон послал в темницу за Иосифом, велел привести его к себе. Вывели Иосифа из темницы: вывела его рука Божия. По обычаю страны остригли ему волосы, переменяли на нем одежду: он предстал пред лицо фараона. Египетский царь пересказал ему сны свои и жаловался на мудрецов, что они не могли истолковать этих видений. «Я слышал о тебе, – говорил фараон Иосифу, – что ты объясняешь сны, когда тебе перескажут их». Иосиф отвечал: «Без Бога не может фараон получить удовлетворительного ответа». Невольно Иосиф обнаруживает свое духовное состояние! Он исповедует явное, чудное, существенное Божественное действие, действие Святого Духа, не зависящее от человека, посещающее человека по высшей воле и открывающее ему тайны. Это невидимое общение с Богом, это благодатное действие ощущал в душе своей Иосиф: до такой высоты духовного преуспеяния возвели его постоянство в добродетели, бедствия, страдания, или, правильнее, благодать Святого Духа, осеняющая постоянно добродетельных, в особенности же страдальцев невинных. «Оба сна твои, – сказал он фараону, – имеют одно значение; сны твои – один сон. Семь коров тучных предзнаменуют семь лет плодородных; семь полных колосьев предзнаменуют то же. Семь коров тощих и семь колосьев иссохших означают семь лет голода. Бог показывает фараону то, что Он вознамерился совершить. Наступят семь лет, в течение их будут в Египте обильные жатвы. Придут другие семь лет, и от скудости их забудется обилие первого семилетия. Голод поразит, сгубит землю. Самые следы предшествовавшего обилия изгладятся последующей за ним скудостью, потому что голод будет очень сильный. Дважды повторился сон фараона: это подтверждение изречения Божия и знак, что Бог ускорит привести в исполнение Свое определение. Царь! Высмотри у себя разумного человека и поручи ему землю Египетскую. Пусть в течение семи плодоносных лет собирается пятая часть всего урожая. Собираемая пшеница должна поступить в ведение фараона и храниться в городах. Таким образом составятся хлебные запасы для семи лет неурожайных и земля не погибнет от голода». Понравились слова Иосифа фараону и окружающим его. Фараон сказал им: «Где же нам найти другого человека, который бы, как этот, имел в себе Духа Божия? – потом, обращаясь к Иосифу, говорит ему: – Бог открывает тебе тайны, и потому нет человека, который бы сравнился с тобою мудростью и разумом. Будь главою в доме моем; пусть повинуются тебе все люди мои! Разве одним престолом я буду выше тебя. Ставлю тебя над всею землею Египетской» (Быт. 41, 14–41).

Фараон снял перстень с руки и надел его на руку Иосифа, облек его в червленую одежду, возложил на него золотую цепь и повелел посадить его на вторую колесницу свою: в ней возили нового сановника по городу; перед колесницей шел глашатай, возвещая народу сан и власть Иосифа. Тогда Иосифу исполнилось тридцать лет. Фараон женил своего наперсника на Асенефе, дочери жреца илиопольского, и переименовал его, назвав *Псомфомфаних*. Что бы значило это наименование? Оно значит *Спаситель мира*. Прообразовал Иосиф нисхождение на землю Богочеловека к падшему и заблудшему роду человеческому, когда послан был отцом к братьям, пасшим скот вдали от отцовского шатра. Прообразовал Его, когда был продаваем братьями иноплеменикам. Прообразовал Его погребение своим заключением в темнице; внезапным возвышением и славою своею прообразовал славу Его воскресения. Дочь жреца и лиопольского, вступившая в супружество с Иосифом, предызображала Церковь Христову, составившуюся из язычников. Спасением народа от смерти предзнаменовалось спасение человечества от смерти вечной. Раздаятель вещественного хлеба был пред изображением Того, Кто и *Хлеб, сшедший с небес*, и Раздаятель этого небесного хлеба (Ин. 6). Из среды таинственных ветхозаветных преобразований в первый раз услышалось утешительное имя: *Спаситель мира*! Дивно Промысл Божий предвещал великое дело Божие, искупление человечества, библейскими прообразовательными теньями. В какой дали времен начали являться эти тени! Как живо обрисовывали они истину! Какою таинственностью покрыты были для современников! Как они стали ясны, очевидны, когда Бог открыл человекам разумение вдохновенных Им Писаний.

Иосиф приступил к исполнению обязанностей, к которым призвал его Сам Бог и которые, по устроению Божию, возложил на него владетель Египта. Он предпринял путешествие по всему Египту и, обозрев страну, сделал нужные распоряжения. Земля в продолжение семи лет давала обильную жатву. В течение этих семи лет Иосиф скоплял хлебные запасы, которые хранил в городах за надежным присмотром и стражею в обширных кладовых. Он собрал бесчисленное количество пшеницы: она лежала в складочных местах, подобно горам песку. В течение тех же плодородных семи лет Асенефа родила двух сынов. Иосиф назвал первенца Манассиею. Называя так, он включил в имя старшего сына глубокую мысль: *Бог дал мне забыть все несчастья мои* (Быт. 41, 51). Второго он назвал Ефремом, соединяя с этим именем другую глубокую и благочестивую мысль: *Бог сделал меня плодовитым в земле страдания моего* (Быт. 41, 52). Такие мысли заключают в себе эти имена по значению своему на еврейском языке.

Протекли семь лет плодородных, как проходит все, что подчинено времени; наступили голодные годы. По предсказанию Иосифа, голод начал свирепствовать по всей земле. Народ египетский возопил к фараону, прося хлеба. Фараон отвечал подданным: *пойдите к Иосифу и сделайте, что он вам скажет* (Быт. 41, 55). Иосиф отворил запасные житницы, начал продавать оттуда хлеб египтянам. Голод свирепствовал по лицу земли. Жители соседних стран, услышав, что в Египте продается хлеб, и утесняемые голодом, начали приезжать в Египет для покупки пшеницы. Мудрый, предусмотрительный правитель заготовил запасной хлеб в количестве, способном не только прокормить свой народ, но и привлечь деньги других народов в египетское государство.

В числе прочих земель, угнетенных голодом, томилась земля Ханаанская. Терпело недостаток в пище и семейство святого патриарха. Слух, что в Египте продается хлеб, дошел до старца (Быт. 42). Он сказал сыновьям своим: «Я слышал, есть пшеница в Египте; что вы не обратите на это внимания? Сходите туда, купите сколько-нибудь хлеба для поддержания жизни нашей; иначе — чтоб не пришлось нам умереть с голоду». Повинуясь воле отца, десять братьев Иосифа отправились в Египет для покупки хлеба. Вениамина не отпустил Иаков с братьями; он сказал: «Чтоб не случилось с ним на дороге чего худого» (Быт. 42, 1—4).

Прибыв в Египет, сыновья Иакова пришли с прочими покупателями на то место, где продавался хлеб. Продажею хлеба занимался сам Иосиф. Когда братья предстали перед ним, он тотчас узнал их, но они нисколько не подозревали, что стоят перед братом, проданным в рабы за двадцать златниц. И как им было узнать его? Когда они расстались с ним, ему едва минуло семнадцать лет; теперь он приближался к сорокалетнему возрасту. Измененный годами, он не менее изменен был величием и блеском сана, первого в царстве Египетском, которое опередило почти все другие государства образованностью, могуществом, внутренним устройством. Представ перед Иосифом, братья низко поклонились ему челом до земли. Иосиф вспомнил сны свои... Мудрый, добродетельный Иосиф! Он отложил до другого времени объявить себя братьям. Сколько эта великая душа имела над собой власти! Не снеслось ли сердце его желанием тотчас дать о себе радостнейшую весть престарелому, святому родителю, который более двадцати лет ничего не знал о нем и, считая погибшим безвозвратно, печалился неутешно? Он не внимает влечению милостивого, великодушного сердца, избирает образ действия, необходимо нужный для пользы и своей, и братьев своих. Иосиф знал грубые, необузданные нравы этих людей; то были полудикие пастухи, выросшие на кочевьях, проводившие всю жизнь при стадах, на приволье буйной свободы, под открытым небом, в безлюдных пустынях. Они не знали никакой власти над собой: отцу оказывали неповиновение; причиняли ему частые оскорбления; всякое пожелание свое, как бы оно преступно ни было, приводили в исполнение; руки их нередко бывали обгажены кровью невинных. Такими изображает Писание сыновей Иакова. Им нужен был урок. Для собственного благополучия их необходимо было познакомиться их с покорностью, с благонравием. Жестокие души, привыкшие попираť совесть и страх Божий, иначе не могли быть потрясены, приведены в чувство и самопознание, как пыткой

страха человеческого. Предвидя продолжительный голод, Иосиф предвидел и необходимость переселения семейства Иаковлева из Палестины в Египет. Не поэтому ли он назвал братьев своих при первом их приезде в Египет соглядатаями?.. Если б братья его внесли с собой в новое отечество свою необузданность, свое буйство, скоро навлекли бы на себя негодование египтян; скоро низринулось бы благополучие семейства Иаковлева, благополучие самого Иосифа; семейство это и он подверглись бы величайшим бедствиям. Приобретенное долговременными страданиями должно было оградить, сохранить мудрым поведением.

Иосиф обошелся с братьями важно, сурово, как строгий властелин. «Откуда вы?» – спросил он их. Они отвечали: «Из земли Ханаанской: пришли купить хлеба». Он возразил: «Вы соглядатаи: пришли высмотреть нашу страну!» Они отвечали: «Нет, господин! Рабы твои пришли купить хлеба. Все мы братья, сыновья одного старца. Мы пришли с мирным расположением: рабы твои не соглядатаи». Он сказал: «Нет, нет: вы пришли высмотреть землю!» Они отвечали: «Нас двенадцать братьев; рабы твои – из земли Ханаанской. Меньшой из нас остался при отце, а одного... не стало». Иосиф заметил: «В ваших словах есть ложь! Правду я сказал, что вы соглядатаи. Клянусь неприкосновенностью фараона, вы не выйдете отсюда, если меньшой брат ваш не придет ко мне. Этим вы должны оправдать себя. Пошлите одного из среды вас, пусть приведет брата. Вы же останетесь здесь под стражею, доколе не объяснится, справедливы ли слова ваши или нет. Если они окажутся несправедливыми... Клянусь неприкосновенностью фараона, вы соглядатаи!» – и с этими словами отдал их под стражу (Быт. 42, 7-17).

Прошли три дня. На третий день он призывает их и говорит: «Я из числа боящихся Бога. Вот как поступите: если вы с мирным расположением, то идите, отвезите купленную вами пшеницу; один же из вас будет удержан здесь под стражею. В следующий раз приведите ко мне брата вашего: этим вы докажете истину слов ваших. Если же не приведете меньшего брата, то не увидите лица моего!» (Быт. 42, 18–20). Иосиф говорил с братьями своими при посредстве переводчика. Он еще не отпустил их окончательно, и, в то время как занялся с другими покупателями, сыновья Иакова начали потихоньку беседовать между собой на еврейском языке. Могли ли они предполагать, что грозный египетский вельможа понимает их! А он напряженным слухом и вниманием следит за каждым словом; каждое их слово уловляет душа его, полная святой любви, действующая со святой, спасительной мудростью. «Право, – говорили друг другу сыновья Иакова, – преследует нас грех, который мы совершили над братом нашим! Мы пренебрегли глубокой скорбью его, мы не послушали его, когда он умолял нас. За него пришла на нас эта напасть!» Рувим сказал прочим: «Не говорил ли я вам: не обижайте юношу? Вы меня не послушали: вот кровь его взыскивается» (Быт. 42, 21–22).

Пронзали чувствительное сердце Иосифа слова братьев. Он вышел на минуту от них и облегчил обременившееся сердце потоками слез. Потом опять пришел к ним, избрал из среды их Симеона, приказал возложить на него пред глазами их оковы. В поступках мудрого Иосифа все имеет свою причину. О причине, по которой цепи сделались уделом дикого и свирепого Симеона, не другого кого из братьев, умалчивает Писание; но из того же Писания видно, что именно ему нужен был более строгий урок. Все десять братьев позволяли себе тяжкие проступки, но Симеон запятнал себя ужасным убийством сихемлян, чем подверг все семейство святого патриарха страшной опасности, от которой оно было избавлено особенным заступлением Промысла. И не его ли руки поднимались на другое убийство, более ужасное и преступное?.. Иосиф отдал тайное приказание наполнить пшеницею мешки братьев и в мешок каждого вложить деньги, отданные за пшеницу, сверх того дать им на дорогу пищи.

Видно, каждый отдельно заплатил за взятую им пшеницу: это черта – одна из тех, которыми изображаются перед нами отдаленные обычаи библейской древности.

Навьючив ослов пшеницей, сыновья Иакова отправились в обратный путь. На первом стану один из них, с намерением накормить осла, снял с него мешок, который как-то развязался, – и увидел узелок своих денег в мешке поверх пшеницы. Он закричал братьям: «Мои

деньги мне возвращены! Вот они... в мешке моем». Ужаснулось сердце их; они смутились и говорили друг другу: «Что Бог творит с нами?» (Быт. 42, 27–28).

Прибыв в землю Ханаанскую, к отцу, они рассказали все случившееся с ними, говорили:

«Муж, господин земли той, обошелся с нами очень сурово, даже посадил нас в тюрьму как соглядатаев. Мы сказали ему: «Нет! Господин, мы не соглядатаи! Мы пришли с мирным расположением. Нас двенадцать братьев, мы сыновья отца нашего; одного из нас... не стало, а меньшей при отце, в Ханаанской земле». Отвечал нам тот муж, господин земли: «Вот что будет для меня доказательством, что вы не соглядатаи, а люди с мирным расположением: одного из вас оставьте здесь, у меня, сами, взяв купленную для дома вашего пшеницу, идите; но меньшего брата вашего приведите ко мне. По этому узнаю, что вы не соглядатаи, но люди мирные, и тогда отдам вам брата вашего, остающегося у меня теперь заложником, и вы будете торговать свободно в Египетской земле». Когда они высыпали пшеницу из мешков, у каждого вместе с пшеницею выпал узелок с его деньгами, отданными за пшеницу. Увидев узелки своих денег, они испугались. Увидел эти узелки отец их и также испугался. «Вы, – сказал он им, – сделали меня совсем бездетным! Иосифа нет, Симеона нет, и Вениамина ли хотите взять? За вас обрушились на голову мою все эти беды».

Рувим отвечал ему: «Двух сыновей моих убей, если не приведу Вениамина к тебе обратно». Старец отвечал: «Не пойдет сын мой с вами! Брат его умер; он остался один: если случится ему зло на дороге, в которую вы отправляетесь, то вы сведете старость мою с печалью в ад» (Быт. 42, 29–38).

Голод усиливался, усиливался, одолел землю (Быт. 43). Кончилась в доме Иакова пшеница, привезенная из Египта, и сказал старец сыновьям своим: «Сходите опять в Египет, купите нам сколько-нибудь хлеба». Иуда отвечал ему: «Муж, господин той земли, сказал нам, подтверждая клятвою слова свои, что мы не увидим лица его, если не придет с нами меньшей брат наш». Иаков заметил: «Зачем вы сделали это злое дело, зачем сказали мужу, что есть у вас брат?» Они отвечали: «Муж делал нам строгие и подробные допросы. Он выспрашивал: жив ли еще отец ваш? Есть ли еще у вас брат? Мы отвечали на вопросы его. Разве знали мы, что он скажет: приведите брата вашего?» Потом Иуда начал уговаривать отца своего: «Отпусти юношу со мною; мы встанем, пойдем, достанем хлеба на пропитание тебя и себя, чтоб нам не умереть с голоду. Я возьму на мою ответственность Вениамина: от моей руки взыщи его. Если не приведу его назад и не поставлю пред тобой, да будет гнев твой на меня во всю жизнь мою. Если бы мы не промедлили столько, то два раза успели бы побывать в Египте». На это сказал отец: «Когда уж так, то вот как сделайте: возьмите здешних произведений и принесите тому мужу в дар. Возьмите ладану, меду, стираксы и орехов. Возьмите двойные деньги, чтоб можно было возратить деньги, найденные в мешках ваших: может быть, они попали туда по какому недоразумению. И брата вашего возьмите. Собирайтесь в путь и идите к мужу. Бог мой да преклонит мужа к милосердию, чтоб он отпустил брата вашего и Вениамина. Я вполне сделался бездетным!» (Быт. 43, 1-14).

Сыновья Иакова взяли с собою дары и двойные деньги, отправились в Египет. Прибыв туда, предстали Иосифу. Увидел Иосиф Вениамина, брата своего по матери, – и возмущилась душа его. Он призвал управляющего своим домом и сказал ему: «Веди этих людей в дом мой и приготовь хороший обед: в полдень они будут обедать со мной». Домоправитель исполнил по приказанию Иосифа, повел братьев в дом его. Они, видя, что их ведут в дом Иосифа, говорили друг другу: «Нас ведут сюда по случаю денег, найденных в наших мешках, чтоб вознести на нас клевету, обвинить нас, взять в рабы и завладеть ослами нашими». Поэтому у ворот дома, не входя в них, они приступили к домоправителю и говорили ему: «Умоляем тебя, выслушай нас. Когда мы приходили в первый раз за покупкой хлеба и, взяв насыпанными наши мешки, отправились в обратный путь, – на первом стану развязали мешки наши и внезапно увидели деньги свои, каждый в своем мешке; эти деньги мы принесли теперь обратно, весом. А для

покупки нового хлеба принесли другие деньги. Кто же отданное нами серебро за первый хлеб вложил в мешки наши, мы не знаем». «Успокойтесь, – отвечал домоправитель, – не опасайтесь ничего. Бог ваш,

Бог отцов ваших послал вам богатство в мешки ваши. А деньги, внесенные вами, значатся у меня в приходе и считаются в числе полученных». Он вывел к ним Симеона. Потом была принесена вода, им умыли ноги, а ослам дали корму. Они выложили дары и, приготовив их, ожидали выхода Иосифова к полудню (Быт. 43, 15–25).

Когда Иосиф возвратился в дом, братья поднесли ему дары и поклонились челом до земли. Он спросил их: «Здоровы ли вы? – потом прибавил: – Здравствует ли старец, отец ваш, о котором вы мне сказывали? Неужели он жив еще?» Они отвечали: «Еще жив и здравствует раб твой, отец наш». «Благословлен этот человек пред Богом!» – сказал Иосиф. Они низко поклонились ему. Сыскав глазами между ними Вениамина, Иосиф спросил: «Это ли меньшой брат ваш, которого вы обещали привести ко мне? – и на утвердительный ответ их промолвил: – Бог да помилует тебя, дитя мое!» Смутился Иосиф, сильно забилося его сердце, слезы хлынули из глаз. Поспешно ушел он в свою спальню, там насытился слезными потоками, потом умыл лицо, вышел к братьям и, удерживая себя, сказал: «Предложите трапезу». Для него приготовлено было отдельно, и отдельно для сыновей Иакова, и отдельно для египтян, которые в тот день обедали у вельможи (Быт. 43, 26–32).

Египтяне, повествуя Писание, не могли быть за одним столом с евреями; они, по своему поверью, гнушались всякого пастуха-овцевода. Сыновей Иакова посадили прямо против Иосифа, по годам их. Удивились они, увидя себя рассаженными по старшинству. Им подавали кушанья, каждому отдельно часть его, части накладывал сам Иосиф, и Вениамину накладывал больше, нежели прочим братьям. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Иакова за трапезою роскошной и приветливой. Не привыкшие стеснять себя, пустынные пастухи поели досыта и выпили обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христианам на Божественной литургии. Господь благоволил соделаться братом нашим. Он приобрел владычество над миром – таинственным Египтом, – а братьям Своим, которые страждут под бременем греха, приготовил трапезу и напояющую державную чашу (ср. Пс. 22, 5) – пресвятое Тело Свое и пресвятую Кровь Свою. Христиане, причащаясь этой Божественной пищи, причащаются живота вечного, освобождаются от грехов и, в упоении наслаждением духовным, забывают скорби, гнетущие их при странствовании в Египте – в стране чужой, в стране изгнания. Эта страна, исполненная горестей и бедствий, видимых и невидимых, – жизнь земная.

Иосиф между тем отдал тайное приказание своим подчиненным: «Наполните мешки этих людей пшеницей, всыпьте больше, лишь бы в силах были увезти. Деньги каждого положите в мешок сверху пшеницы. В мешок меньшого вложите, кроме денег, и серебряную мою чашу» (Быт. 44, 1–2). Все было исполнено по приказанию Иосифа. Наступило утро: сыновья Иакова пустились в путь с навьюченными хлебом ослами. Когда они вышли из города и были еще недалеко, Иосиф говорит домоправителю своему: «Ступай скорее в погоню за этими людьми, настигни их и скажи: что это? Вы за мое добро воздали злом? Зачем вы украли мою серебряную чашу? Не та ли эта чаша, из которой пьет господин мой? Да в ней же он и гадает». Домоправитель, настигнув их, повторил от слова до слова приказанное Иосифом. Они отвечали: «Напрасно так говорит господин! Нет, рабы твои не сделали этого. Если деньги, найденные в мешках наших, мы принесли опять из земли Ханаанской, то с чего нам красть из дому господина твоего серебро и золото? У кого найдешь чашу, тот да будет казнен, и мы отдадимся в рабство господину нашему». Домоправитель отвечал: «Пусть будет по слову вашему: у кого найдется чаша, тот да поступит в рабы к господину моему». Они поспешно сняли мешки с ослов, и каждый развязал мешок свой. Домоправитель начал обыскивать со старшего, дошел

до младшего; чаша нашлась в мешке Вениамина. В отчаянии они растерзали на себе одежды, положили мешки на ослов и возвратились в город (Быт. 44, 4-14).

Иосиф был в дому своем: они пришли к нему и пали пред ним на землю. «Что вы сделали? – сказал он им. – Разве вы не знали, что нет на земле гадателя, подобного мне?» Иуда отвечал: «Господин! Нам нечего отвечать тебе, нечего говорить, нечем оправдаться! Бог карает тайное согрешение рабов твоих. Отдаем себя в рабы господину нашему. Пусть будем рабами твоими мы и тот, у кого нашлась чаша». «Зачем мне, – сказал Иосиф, – быть несправедливым? Тот, у кого нашлась чаша, пусть будет рабом моим, а вы идите свободно к отцу». Тогда Иуда, приступив к нему, сказал: «Господин! Умоляю тебя, позволь мне сказать пред тобою несколько слов и не прогневайся на раба твоего: я знаю, что ты второй по фараоне. Господин! Ты спрашивал рабов твоих, имеете ли вы отца или брата? И мы сказали господину: есть у нас престарелый отец и меньшой брат, родившийся, когда уже отец был в преклонных летах. Их было два у матери: старший... умер; этот остался один, и отец полюбил его. Ты сказал рабам твоим: «Приведите его ко мне, хочу видеть его». Мы сказали господину: «Невозможно юноше оставить отца своего; если он покинет отца – отец умрет». Ты же сказал рабам твоим: «Если не придет меньшой брат ваш, то вы не увидите более лица моего». Когда мы пришли к рабу твоему, отцу нашему, то передали ему слова господина нашего. Отец сказал нам: «Идите опять, купите хлеба». Мы отвечали: «Нельзя нам идти! Если меньшой брат наш пойдет с нами, то пойдем, потому что без него мы не будем допущены пред лицо мужа». Твой раб, отец же наш, сказал нам: «Вы знаете, что жена моя родила мне двоих. Один пошел от меня к вам, вы сказали, что он съеден зверем, с тех пор и поныне я не видал его. Если и этого возьмете и случится с ним дорогою какое зло, вы сведете старость мою с печалью в ад». Итак, если я пойду теперь к рабу твоему, отцу нашему, а юноши не будет со мною – ведь душа его привязалась к душе... этого! – и увидит отец мой, что нет с нами юноши, он умрет. И сведут рабы твои старость раба твоего, отца нашего, с печалью в ад. Я, раб твой, взял юношу у отца, сказав ему: «Если не приведу его к тебе и не поставлю пред тобою, пусть будет гнев твой на мне во все дни жизни моей». Пусть же я буду рабом твоим вместо юноши... Да! Рабом господину... А юноша пусть идет с братьями своими. Как мне идти к отцу без юноши? Не снести мне той горести, которая поразит отца моего» (Быт. 43, 15–34).

Иосиф не мог далее удерживать и скрывать себя (Быт. 45). Всем присутствующим он приказал выйти; даже из приближенных и домашних не было никого, когда он открыл себя братьям. Все удалились; тогда с плачем и воплем воскликнул Иосиф братьям: «Я Иосиф!.. Неужели еще жив отец мой?» Братья пришли в совершенное недоумение, не могли ничего отвечать ему. Иосиф сказал им: «Приблизьтесь ко мне». Они подошли к нему. «Я Иосиф, – повторил он им, – я брат ваш, которого вы продали в Египет. Не скорбите же, что вы продали меня сюда... Чтоб это вас не тревожило, не мучило! Бог, промысляющий о спасении вашем, послал меня сюда. Вот, второй год на земле голод, и еще осталось пять лет, в которые напрасно будут пахать землю, в которые жатвы не будет. Бог послал меня перед вами приготовить вам убежище на земле и прокормить наше многочисленное семейство. Не вы продали меня сюда: сюда послал меня Бог, сделал как бы отцом фараону, господином над всем домом его и владыкой всей Египетской земли. Поспешите возвратиться к отцу моему и скажите ему: вот что говорит тебе сын твой, Иосиф: «Бог сделал меня господином Египта – приди ко мне, не медли. Ты поселишься в Гесемской земле, будешь близ меня, ты, и сыновья твои, и сыны сынов твоих, и овцы твои, и волы твои, и все стада твои. Я буду доставлять тебе пропитание, потому что еще в течение пяти лет будет голод на земле». Ваши глаза видят, и глаза Вениамина, брата моего, видят, что я моими устами говорю вам это. Расскажите отцу моему всю славу и власть, которые даны мне в Египте, которые вы видели собственными вашими глазами. Поспешите, приведите отца моего сюда». Он бросился на шею к Вениамину и, обняв его, плакал, и Вениамин обнял его и тоже плакал. Потом со слезами он обнимал всех братьев своих. Тогда открылись уста

их, доселе запечатленные страхом и недоумением: они вступили в беседу с Иосифом (Быт. 45, 1-15).

Дошел слух до дома фараонова о прибытии братьев Иосифа; обрадовались фараон и двор его. Фараон сказал Иосифу: «Скажи братьям своим – так поступите: наполните мешки ваши хлебом, идите в землю Ханаанскую и, взяв отца вашего, переселитесь ко мне со всем имением вашим. Богатства Египта отворены для вас». Иосиф подарил братьям, каждому, по две перемены платья, а Вениамину пять перемен и триста золотых монет. Отцу своему он послал многие дары на десяти ослах и дал десять мулов с хлебом на дорогу. Одарив так братьев своих, он отпустил их; отпуская, сказал: «На пути не ссорьтесь между собою». Нужно было вольным питомцам пустыни такое наставление: конечно, теперь они дали ему должный вес, помнили и сохранили его.

Возвратились сыновья Иакова в Ханаанскую землю, к отцу своему, сказали ему: «Сын твой Иосиф жив: он-то и управляет всею Египетскою землею». Ужаснулся Иаков, не поверил им. Они уверяли его, пересказывали в точности все слова Иосифа. Когда же старец увидел богатые дары и колесницы, посланные за ним Иосифом, тогда ожил дух его, и сказал Иаков: «Велико для меня, если жив еще Иосиф! Пойду, увижусь с ним, прежде нежели умереть мне» (Быт. 45, 16–28).

Патриарх поднялся со всеми домочадцами, со всем имуществом; достигнув так называемого Клятвенного колодца, принес близ него жертву Богу. В ночном видении Бог сказал старцу: «Иаков! Иаков! Я Бог отцов твоих. Не бойся переселиться в Египет: там произведу от тебя народ многочисленный. Я сойду с тобою в Египет, и Я выведу тебя оттуда. Иосиф своими руками закроет глаза твои» (Быт. 46, 1–4).

Семейство Иакова при переселении своем в пределы Египта состояло, включая сюда и Иосифа с его сыновьями, из семидесяти пяти душ мужеского пола. Достигнув Гесемской земли, он послал Иуду возвестить Иосифа о своем прибытии. Иосиф велел запрячь колесницы и выехал навстречу старцу-отцу в область Гесемскую; увидев его, кинулся ему на шею с воплем и рыданием. Иаков сказал Иосифу: «Теперь пусть умру, потому что я видел лицо твое: еще ты жив!» (Быт. 46, 29–30).

Когда все семейство прибыло в Египет, Иосиф сказал братьям: «Пойду к фараону, извещу его о вашем пришествии, скажу: братья мои и весь дом отца моего, обитавшие в Ханаанской земле, пришли ко мне. Они – скотоводы: такое занятие нашего рода исстари. Они пригнали сюда и стада свои. Если призовет вас фараон и спросит, какое ваше занятие, отвечайте ему: мы, рабы твои, с детства и поныне занимаемся скотоводством, им занимались и отцы наши. А он скажет вам: поместитесь в Гесеме аравийском» (Быт. 46, 31–34).

Этот значительный участок плодороднейшей земли, очень удобный для скотоводства, никогда не был населен. Причиной помещения семейства патриарха в отдельной и необитаемой стране, говорит Писание, было известное поверье египтян, признававших нечистыми тех, которые занимались овцеводством. Иосиф доложил фараону, что отец его и братья со стадами своими прибыли из Ханаанской земли и остановились в стране Гесем. Из братьев он избрал пять человек и представил их фараону. Фараон спросил братьев Иосифовых: «Чем вы занимаетесь?» Они отвечали: «Мы, рабы твои, занимаемся овцеводством: это занятие было нашим с детства, и занятием отцов и праотцев наших. Ныне мы пришли обитать в земле твоей: в Ханаанской стороне крайне усилился голод, и тамошние пастбища недостаточны для стад наших. Позволь рабам твоим поселиться в земле Гесемской» (Быт. 47, 1–4).

Фараон отвечал, обратясь к Иосифу: «Отец твой и братья твои пришли к тебе. Пред тобой вся земля Египетская; посели их на лучшем месте. Пусть поселятся в земле Гесем. Если же между ними есть люди способные, то поставь их в старейшины над стадами моими» (Быт. 47, 5–6). Ввел Иосиф и Иакова пред фараона: старец благословил царя египетского. Фараон спросил Иакова о числе лет его. «Мне, – отвечал старец, – сто тридцать лет. Немного лет мне!

Жизнь моя преисполнена бедствий: я не проживу столько, сколько прожили отцы мои». И, снова благословив царя, старец вышел от него (Быт. 47, 7-10). Иосиф исполнил все по приказанию фараона относительно помещения отца своего в земле Гесемской. Там часто любимый сын навещал старца – отца своего и доставлял ему все нужное для его содержания.

Очень занимательны разные подробности о гражданском устройстве Египта во времена Иосифа, сохраненные для нас книгой Бытия. В этих подробностях виден образец, как первоначально возникали государства, как люди переходили из состояния дикой свободы в состояние подданства; как это подданство было сначала неполным и более подходило к патриархальному подчинению; как потом сделалось подданством безусловным; наконец, тут же видно, что учредителем самодержавного, или монархического, правления в Египте был мудрый, святой Иосиф. Тогдашний двор фараона хотя уже и представляет некоторое величие и пышность, но не успел еще уклониться от патриархальной простоты: его высший царедворец лично занимается продажей хлеба; другой царедворец носит корзины с хлебом на голове своей, третий собственными руками выжимает сок из винограда в чашу, подает эту чашу царю не только во дни торжественных пиршеств, но, как видно, ежедневно. Народонаселение в Египте было еще очень незначительно, отчего целая плодородная область Гесем оставалась ненаселенной, а жители городов имели возможность заниматься пашней и скотоводством. Книга Бытия дышет юностью политического мира. Сказание боговдохновенного писателя этой книги, Моисея, своей естественностью переносит внимательного читателя в отдаленную, священную древность, к этим людям, жившим в чудной простоте, к этой недавно начавшейся жизни, чуждой всех утонченностей. Эта жизнь и эта простота полны силы! Кто погружается часто в созерцание библейских сказаний, тот непременно ощутил в душе своей особенное, странное впечатление. Это впечатление состоит в обонянии какой-то свежести, молодости, как бы от дыхания воздухом прекрасного летнего утра. Душа юнеет от пристальных взоров на юность мира, от беседы с юным миром; ее силы бод реют, укрепляются, как дух старца оживает среди общества детей. Приятно насладиться свежестью юного мира, отдохнуть в ней от впечатлений современного, дряхлого, рассыпающегося.

Сильный голод продолжался; особенно страдали от него Египет и Палестина: в этих странах ни у кого не было хлеба, кроме заготовленного Иосифом. Не осталось ни золота, ни серебра в обеих землях: все деньги перешли в руки Иосифа, а он внес их в казнохранилище фараона, которое, нужно заметить, было в самом доме царя египетского. Египтяне, не имея денег, имели нужду в хлебе: они продали фараону прежде скот свой, потом земли, наконец, самих себя. Вот начало безусловного подданства в Египте. Только земли жрецов остались их собственностью: они получали хлеб от фараона безвозмездно, в подаяние. По окончании голодных лет, когда египтяне укрепили за фараоном и земли свои, и самих себя, Иосиф выдал им на посев семена, с тем чтоб они пятую часть урожая представляли ежегодно в дань казне. Эта вновь учрежденная мера относительно к дани и самый переворот относительно к власти были приняты с удовольствием и благодарностью народом новорождающегося самодержавного государства. «Сохранил ты жизнь нашу, – говорили египтяне Иосифу. – Ты благодетель наш; будем рабами фараону» (Быт. 47, 25). Писатель книги Бытия замечает, что эта дань оставалась неизменной и в его времена, то есть по истечении почти четырех столетий. Из сочинений несравненно позднейших писателей, Геродота и Диодора, видно, что тот же способ взимания податей продолжался до их времени, видно, что земля в Египте была собственностью царей египетских. Доходы царей египетских с земли, говорит Диодор, были столько удовлетворительны, что всякую другую дань с народа сделали ненужной. В этом распоряжении виден глубокий, светлый ум Иосифа, его необыкновенная способность к управлению, способность, которая обнаружилась в нем с самой юности и которую так скоро и справедливо заметили и начальник телохранителей, и начальник темницы. Он учреждает налог сильный, но чрезвычайно удобный для взноса по свойству

страны. Какая дань свойственнее для плодородного Египта, как не дань хлебом? Легко было вносить ее там, где урожаем обыкновенный.

Легко было доставлять с полей, лежащих при судоходной реке, каковы все поля Египта, расположенные по берегам Нила, в города с хлебными кладовыми, стоящие при той же реке. Легко было вознаграждать недоимки, которые могли случаться в неурожайные годы, уплатой в годы непомерного урожая. Если можно назвать какие урожаи непомерными, то название это преимущественно пред всеми урожаями мира принадлежит урожаям нив египетских. Сбыт хлеба внутри был вполне удобен для фараона из пристаней, лежавших при этой же судоходной реке.

Впоследствии, когда основались гавани и у Средиземного моря, на берегах которого обитал весь просвещенный и торгующий мир того времени, Египет стал житницей этого мира и оставался его житницей, доколе Средиземное море оставалось его центром; а оно было центром образованного, действующего мира почти до новейших времен, почти через всю жизнь мира. Установление Иосифа имело необыкновенную основательность при всей простоте своей, потому и было долговечно. Самое время благоговеет перед мудрым государственным постановлением и через многие столетия хранит его в неприкосновенной, столь благотворной для государств неизменяемости. Через явное для всех государственное благодеяние Иосиф усилил и образовал власть фараонов, обеспечил новое государство капиталом и постоянными, обильными доходами.

Семнадцать лет прожил Иаков в земле Египетской и, достигнув 147-летнего возраста, почувствовал приближение кончины. За несколько дней перед смертью он призывает возлюбленного сына своего, Иосифа, и говорит ему: «Сделай надо мною милость и истину: не хорони меня в Египте. Да почию с отцами моими! Вынеси меня из Египта и похорони в гробе их» (Быт. 47, 29–31). Движимый верою – не каким-нибудь мелочным, земным пожеланием, – вдохновенный старец завещает перенесение тела своего в Палестину и погребение его в пещере Хевронской области. Так объясняет его завещание святой апостол Павел, упоминающий о словах этого завещания как о внушенных свыше и заключающих в себе глубокую таинственность (ср. Евр. 11, 21). Святой сын обещает свято исполнить волю святого отца. Иаков потребовал, чтоб обещание было скреплено клятвою, – и дал клятву Иосиф, тогда Иаков, сидевший на одре своем, поклонился на верх жезла Иосифова. Жезл был в руке вельможи или по тогдашнему обычаю, или как знак высокого сана.

По прошествии немногих дней известили Иосифа, что отец его пришел в совершенное изнеможение (Быт. 48). Он взял с собою двух сынов своих, Манассию и Ефрема, отправился к умирающему отцу. Дряхлый старец лежал на смертном одре в расслаблении. Ему сказали: «Идет к тебе сын твой Иосиф». Старец собрался с силами, сел на одре. Укрепила ли его любовь к сыну? Или в эту минуту снизошло на него осенение благодати? Умирающий ожил жизнью Божественного вдохновения. Часто в избранниках Божиих к естественному действию человека внезапно присовокупляется сверхъестественное действие Святого Духа. Это могущественное действие выводит человека из его обыкновенного состояния и делает орудием Божиим. Такими были предсмертные минуты Иакова. Когда Иосиф вошел к нему, он сказал ему: «Мой Бог явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, благословил меня и сказал мне: «Я умножу тебя, произведу из тебя племена народов и дам тебе, а после тебя потомству твоему эту землю в вечное владение». На этом основании два сына твои, родившиеся тебе до пришествия моего в Египет, пусть будут моими. Ефрем и Манассия будут моими, как мои – Рувим и Симеон. Сыновья, которые родятся тебе после них, будут твоими и призовутся к наследию под именами этих двух братьев, в их участки. Мать твоя Рахиль скончалась в Ханаанской земле, когда я шел из Месопотамии и приближался к Ефрату. Это то же, что и Вифлеем. Тут, по пути, похоронил я ее». Увидев сыновей Иосифа, он спросил его: «Кто это с тобою?» Иосиф отвечал: «Это сыновья мои, которых Бог даровал мне здесь». И сказал Иаков: «Подведи их ко мне: я благословлю их».

Глаза патриарха померкли от старости: он не видел ясно. Когда Иосиф подвел к нему детей, он обнял их, поцеловал их и сказал Иосифу: «Вот, я не надеялся увидеть лицо твое, а Бог показал мне и детей твоих». Иосиф отвел их от колен старца, и они поклонились ему до земли! Потом, взяв Ефрема в правую руку против левой Иакова, а Манассию в левую против правой Иакова, он подвел их снова к старцу; и простер вдохновенный старец руки для благословения, сложив их крестообразно: правую руку положил он на голову Ефрему, а левую на голову Манассии (Быт. 48, 1-14).

В первый раз является при благословении крестное знамение, обычное знамение благословения в Новозаветной Церкви! «Бог, – говорил святой патриарх, – Бог, Которому угодили отцы мои Авраам и Исаак, Бог, покровительствующий и помогающий мне с младенчества моего и доселе, избавляющий меня от всех напастей, да благословит этих детей! Да назовутся они по имени моему и по имени отцов моих Авраама и Исаака; да произойдет от них многочисленное потомство». Когда Иосиф увидел, что старец наложил правую руку на голову Ефрема, это показалось ему неправильным; он взял отцовскую руку, чтоб переложить ее с головы Ефрема на голову Манассии, и сказал: «Отец мой! Ты не так положил руки. Вот первенец: на него возложи правую руку». Старец не захотел этого сделать. «Знаю, – сказал он, – сын мой, знаю: и от этого будет многочисленное потомство, и этот будет велик. Но меньшой брат его будет больше: потомство его составит целый народ». Он снова благословил их. «В вас, – сказал он, – да благословится Израиль! Будут говорить: да совершит Бог над тобою то, что Он совершил над Ефремом и Манассиею». А Иосифу сказал: «Я умираю. Бог будет с вами и возвратит вас из этой земли в землю отцов наших. В той земле даю тебе участок лишний перед братьями твоими: его взял я у аммореев мечом и луком моим» (Быт. 48, 15–22). Слово мужей духоносных, замечает один великий наставник аскетов⁴, подобно слову престарелого Иакова: они словом своим передают слушателям духовную силу, живущую в них, приобретенную ими в борьбе с грехом, победами над невидимыми амморейцами – помышлениями и ощущениями порочными.

Час кончины святого патриарха приближался. В этот предсмертный час излился на него обильно Святой Дух и как бы вполне овладел им. В те последние минуты земной жизни, в которые душа готова была выйти из обветшавшего тела, низшел Дух Божий, остановил разлучение, излил в отходящую душу, в остающееся тело жизнь благодатную. Умиравший ожил жизнью будущего века. Пospешно потребовал к себе старец всех сыновей своих; поспешно они стеклись к нему, окружили его (Быт. 49). Он еще сидел на одре. Когда они собрались, Иаков произнес им вдохновенное, пророческое завещание. Это завещание дышит юношеской силой и поэзией, вечной юностью небожителей и святой поэзией их. Тут нет человека! Тут язык человека был только орудием. Так и слышен говорящий Бог. Так и слышен Бог, изрекающий волю Свою, с властью распоряжающийся будущими судьбами человеков и их отдаленного потомства! Завещание патриарха – небесная песнь, воспетая Духом во всеуслышание мира. Эта песнь возвещает миру Искупителя и народам, погруженным в и до л о с л у жение, озарение светом Христианства.

«Соберитесь, – сказал умирающий старец сыновьям своим, сказал как бы уже из области того века, – соберитесь, окружите меня; я возвещу вам будущее. Соберитесь, сыны Иакова, послушайте меня, послушайте Израиля, послушайте отца вашего». Рувим устраняется от прав первенства за угождение чувственности; не получили их Симеон и Левий. Их склонность к кровопролитию поражена проклятием, потомству их суждено рассеяние по племенам прочих братьев. Над Иудею разверзлось все обилие благословения: ему обещано гражданское могущество, знаменитость, первенство между братьями, в особенности же ему предопределено быть праотцем Спасителя, Который, – как возвестил пророчествующий старец, – ожидание наро-

⁴ Преподобный Исаак Сирин.

дов. Вдохновенный патриарх изрекал благословение сыновьям, отдельно каждому, исчисляя сыновей по старшинству. Достигнув имени Иосифа, он снова призвал на него и на его потомство благословение неба и земли. Верно и сильно выразилось это благословение в том благоденствии, которым впоследствии пользовалось многочисленное потомство Иосифа (Быт. 49, 1-27).

С окончанием пророческого завещания речь Иакова изменилась: уже не одушевляют ее восторг, торжественность, небесное величие. Она подобна телу, оставленному душою. Бог, говоривший устами старца, прекратил Свои таинственные вещания, умолк вдохновенный пророк: начинает в изнеможении говорить умирающий старец. «Я обращаюсь, – были последние слова Иакова, – к людям моим: погребите меня в пещере, которая на поле Ефрона хеттеянина. Там похоронены Авраам и Сарра; там похоронены Исаак и Ревекка; там похоронил я Лию». Сказав это, Иаков положил на одр ноги и скончался. Он *приложился к народу своему*, говорит Писание (Быт. 49, 33), к тем святым праведникам, которых земля произвела и воспитала для неба, которых она уже предала в область вечности.

Увидев, что Иаков скончался, Иосиф пал на лицо отца своего – целовал лицо, уста, запечатленные смертью, орошал это лицо обильными слезами (Быт. 50). Он повелел врачам приготовить тело, по обычаю Египта, к погребению. Врачи в течение сорока дней совершали приготовление, предохраняющее тела от гниения. Весь Египет участвовал в печали Иосифовой: семьдесят дней оплакивали египтяне кончину святого старца, родоначальника израильского. По прошествии дней плача Иосиф испросил себе у фараона позволение исполнить завещание отца и свой клятвенный обет ему – похоронить драгоценное тело праведника в Ханаанской земле. Фараон пожелал, чтоб шествие его наперсника в землю Ханаанскую было сопровождаемо должным великолепием. Весь двор царя египетского, все вельможи его сопровождали Иосифу; при них было множество колесниц и всадников. Все сыновья Иакова, все внуки его, способные к путешествию, участвовали в нем. Достигнув места погребения, они почтили священное тело семидневным плачем, *плачем великим* – так называет его Писание (Быт. 50, 10). То поле, на котором остановилось это многочисленное собрание и где оно совершало свой погребальный плач, называли жители страны «Плачем Египетским».

Исполнив обет, Иосиф возвратился в Египет. Еще продолжало беспокоить братьев совершенное ими над ним злодеяние. Они подозревали вельможу-брата в памятозлобии, а эта чистая, святая душа была способна только к благодати! Полагая, что Иосиф не хотел зрелищем мщенья возмутить спокойствие престарелого отца, что он отлагал мщение до удобного времени, они пришли к нему и сказали: «Отец перед кончиной заповедал: “Скажите Иосифу: прости им согрешение их, прости им неправду их: они совершили над тобой преступление, но ты прости им вину их ради Бога отцов твоих”» (Быт. 50, 17). Когда они говорили это, Иосиф плакал. Они пали перед ним и сказали: «Вот, мы отдаемся тебе в рабы!» Великодушный Иосиф, Иосиф, достойный благословений земли и неба, достойный благословения всего племени христианского, благословения всех читающих сказание его назидательных деяний, отвечал братьям: «Не бойтесь! Я – Божий. Вы сговорились сделать мне зло, а Бог совещал о мне благое. И исполнилось Его определение! Множеству людей доставлено пропитание, сохранена жизнь. Не бойтесь: я буду покровителем вашим и семейств ваших» (Быт. 50, 19–21). Живая вера в Бога и зрение чистым душевным оком Промысла Божия возносят человека превыше всех бедствий, превыше страшного душевного бедствия – памятозлобия и мести.

Книга Бытия умалчивает о дальнейших обстоятельствах жизни Иосифовой: вероятно, жизнь его протекла в тишине и нерушимом благополучии. Писание говорит только, что Иосиф остаток дней своих провел в Египте, видел внуков Ефремовых, видел сынов Махира, старшего сына Манассиина, и скончался ста десяти лет. Отходя в вечность, он завещал своим: «Я умираю; Бог посетит вас и выведет из этой земли в землю, которую Он обещал даровать вам. Тогда, при переселении вашем, возьмите кости мои отсюда с собою в землю обетованную» (Быт. 50,

24–25). Сделав это завещание, он почил; тело его, предохраненное от гниения, было положено в ящик, приготовлено к заповеданному перенесению. И три столетия ожидало тело Иосифа перенесения, о котором завещание было дано и принято с такой верой.

Жизнь и труды апостола Павла Свт. Иннокентий, еп. Херсонский

Умоляю вас: подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 4, 16).

Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии... чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут верить в Него к жизни вечной (1 Тим. 1,12–13,16).

Жизнь в иудействе

Павел (в переводе с латинского – «малый, меньший»), до обращения в Христианство – Савл («вожделенный»), один из величайших учителей Церкви Христовой, который после прочих апостолов обратился к вере в Иисуса Христа, но более каждого из них содействовал покорению державе Его всего мира, произошел от иудейских родителей, из рода Израилева, колена Вениаминова (Флп. 3, 5). Многие из отцов Церкви со свойственной им духовной проницательностью находили в некоторых местах Ветхого Завета (особенно в 28-м стихе 67-го псалма) предсказания о происхождении Павла от этого колена. Выражение «Еврей от Евреев», употребленное Павлом в Послании к Филиппийцам (Флп. 3,5), чтобы указать свое происхождение, означает такого человека, между предками которого не было ни одного не обрезанного по обряду Моисееву – преимущество, стоившее того во времена апостола, когда многие из иудеев происходили от язычников, обратившихся в иудейство, или даже сами были некогда язычниками. Значительное образование, для получения которого Павел был намеренно послан в Иерусалим, знакомство в юных годах с первыми лицами в иудейской столице, утонченные общежительные познания, следы которого весьма часто встречаются в его посланиях (см. Флм.; 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1–6; 12, 11), заставляют думать, что он произошел не из низкого, по крайней мере, не из бедного сословия. Время рождения Павла при всех попытках установить его до сих пор остается неопределенным. Вероятно только то, что оно недалеко отстоит от времени Рождества Христова. Известно, что отчеством Павла был Таре (см. Деян. 9,11; 21, 39; 22, 3), главный город Киликии, лежавший у Средиземного моря и составлявший одну из цветущих областей Римской империи. Блаженный Иероним Стридонский сообщает, что родители Павла переселились в Таре из иудейского города Гиекала после того, как тот был взят и опустошен римлянами.

Семья Павла, как явствует из Деяний святых апостолов (см. Деян. 22, 28), обладала весьма важным в тогдашние времена правом римского гражданства. Откуда это право? По сказанию Диона Хризостома⁵, город Таре за свою приверженность Юлию Цезарю, стоившую жителям его великих бедствий от Кассия, получил в царствование Августа⁶ многие права и преимущества, из чего некоторые писатели и заключили, что все жители Тарса пользовались правом римских граждан. Но при перечислении этих преимуществ не упоминается о праве римского гражданства. Напротив, латинские писатели называют Таре только вольным городом, а вольность, как привилегия, гораздо ниже права римского гражданства. Притом если бы все жители Тарса имели право римского гражданства, то римский трибун, как описывается в Дея-

⁵ Дион Хризостом, или «Златоуст» (ок. 40 – ок. 120) – древнегреческий оратор, писатель, философ и историк.

⁶ Октавиан Август (63 г. до Р.Х. – 14 г. по Р.Х.).

ниях (см. Деян. 21, 39), знавший о происхождении Павла из этого города, не осмелился бы подвергнуть его без суда телесному наказанию и Павлу не было бы нужды во избежание пытки объявлять, что он римский гражданин. Вероятнее, что кто-нибудь из предков Павла приобрел своему потомству право римского гражданства или посредством услуг, оказанных кесарям во время междоусобий, или за деньги. По свидетельству Диона Кассия⁷, Юлий Цезарь даровал это право весьма многим чужестранцам. А Иосиф Флавий⁸ говорит, что иудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивых римских правителей.

Гораздо важнее вопрос: получил ли Павел в юности греческое образование? Большая часть писателей, древних и новых, отвечали на него утвердительно. В самом деле, Таре настолько славился науками, что жители его, по замечанию Страбона⁹, соперничали в просвещенности с жителями Афин и Александрии и поэтому кажется сомнительным, чтобы родители Павла не воспользовались для образования своего сына теми средствами, которые находились у них, так сказать, под руками. Самые послания апостола Павла, по-видимому, дают основания предполагать в нем знание греческих писателей, поскольку он приводит в них стихи некоторых поэтов: Арата (см. Деян. 17, 28), Менандра (см. 1 Кор. 15, 32), Епименида (см. Тит. 1, 12). Несмотря на это, гораздо вероятнее, что образование, полученное Павлом в Иерусалиме, не было предварено изучением в Тарсе греческой мудрости, ибо Савл был отправлен в Иерусалим в самых юных летах. *Жизнь мою*, – говорит он, – *от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи* (Деян. 26, 4). То же, без сомнения, означает и выражение: *воспитанный... при ногах Гамалиила*, которое применяет, говоря о себе, Павел (Деян. 22, 3).

Родители Павла принадлежали к фарисейской секте, а фарисеи, по словам Иосифа Флавия, гнушались не только науками, но и самым языком необрезанных. При тщательном рассмотрении посланий апостола Павла в самом образе их изложений открывается много доказательств того, что пишущий их не был знаком ни с каким другим образованием, кроме раввинского, бывшего в употреблении у тогдашних палестинских иудеев. Что же касается греческого языка, то из всего видно, что на нем пишет иудей, воспитанный в Палестине, привыкший к выражениям и словосочетанию еврейскому. Мнения греческих поэтов, приводимые Павлом, таковы, что могли быть известны всякому сколько-нибудь образованному человеку и без особенного упражнения в греческой литературе. Они походят на пословицы, которыми часто становятся некоторые стихи любимых писателей. Впрочем, апостол мог весьма часто слышать их во время своих путешествий по Греции, где лучшие стихотворцы перечитывались многими наизусть. Само общение его с уверовавшими язычниками доставляло ему много подобных сведений. Кроме того, мы знаем, что апостол посвящал свободное от трудов время чтению книг. Можно предположить, что между этими книгами были и некоторые греческие. Павел, как видно из Деяний (см. Деян. 17, 23), почитал за нужное предварительно узнавать дух и нравы тех людей, которым намеревался проповедовать. В этом отношении многие греческие поэты могли быть ему весьма полезны.

Желание дать сыну лучшее образование, впрочем, в духе отечественной, иудейской религии, пример сограждан, которые имели обыкновение посылать своих детей путешествовать для усовершенствования себя в науках, и, может быть, родственные связи, которые родители Савла имели с жителями Иерусалима (см. Деян. 23, 16), расположили их направить своего

⁷ Дион Кассий (155/164-229/235) – греческий историк, римский политический деятель, автор сочинения «Римская история» в 80 книгах.

⁸ Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100) – еврейский историк, известен дошедшими до нас на греческом языке трудами – «Иудейская война» (о восстании 66–70 гг.) и «Иудейские древности» (где изложена история евреев от сотворения мира до Иудейской войны).

⁹ Страбон (64/63 до Р.Х. – 23/24 по Р.Х.) – древнегреческий географ и историк. Автор «Географии» (17 книг), являющейся итогом географических знаний античности, и «Исторических записок» (до нас не дошли).

сына для обучения в Иерусалим, который еще почитался тогда средоточием иудейской мудрости. Как сын фарисея, Савл присоединился к секте фарисеев и сделался учеником Гамалиила, знаменитейшего из тогдашних еврейских законоучителей. Если он тот самый Гамалиил, о котором упоминается в Деяниях (см. Деян. 5, 34), то он достоин быть наставником такого ученика, каким явился Павел. Отзыв его о христианстве показывает в нем человека здравомыслящего, который от Промысла и времени ожидает разрешения недоумений, возбуждаемых необыкновенными событиями, относящимися к религии, в твердой уверенности, что изобретение человеческое, сколько бы ни прикрывалось личиной Божественного происхождения, не может долго выдерживать характера Божественности и с продолжением времени исчезает само собой (см. Деян. 5, 35–39).

Юный Савл был тщательно наставлен в отеческом законе (ср. Деян. 22, 3), чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайные дарования вскоре выделили его среди сверстников, и немногие могли соперничать с ним в разумении фарисейского богословия (см. Гал. 1, 14). Природная доброта сердца, а может быть, и пример наставника были причиной того, что Савл, несмотря на юные свои лета, когда обыкновенно любят более узнавать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (см. 2 Тим. 1, 3) и был по правде законной непорочен (ср. Флп. 3, 6).

По обыкновению тогдашних иудеев обучать детей своих какому-нибудь искусству, Савл с упражнением в науках соединял упражнение и в ремесле. Евангелист Лука называет его делателем палаток (см. Деян. 18, 3). В чем бы ни состояло это искусство (ибо мнения о нем не совпадают), из истории путешествий апостола видно, что он мог заниматься им всюду, куда ни приходил, и что платы за труды доставало на содержание его вместе с сотрудниками в деле проповеди.

Апостол Павел сам некоторым образом характеризует дух образования, полученного им от Гамалиила, когда учение фарисейское называет строжайшим в отеческом вероисповедании (см. Деян. 26, 5). Нравственность фарисеев в Новом Завете проявляется, по большей части, в безобразном виде: они везде изображаются лицемерами, которые под личиной строгой набожности скрывают сердца, исполненные гордости и корыстолюбия – черты, без сомнения, взятые с натуры! Впрочем, основатели фарисейской секты могли производить и благопристойные впечатления. В сочинениях раввинов, которые обычно держались фарисейства, часто встречаются изящные правила нравственности. В творениях Иосифа Флавия, который также принадлежал к фарисеям, большей частью господствует здравый образ мыслей и нередко чистое нравственное чувство. Если в среде фарисеев многие только носили личину благочестия, то некоторые, вероятно, все же были тем, чем другие хотели только казаться. По крайней мере, нельзя думать, чтобы в их школах учили лицемерию. А поэтому образование Павла в фарисейском училище при таком учителе, как Гамалиил, могло оказать благотворное действие на развитие его нравственного характера, по крайней мере, не могло так повредить чистоте характера, как могут думать некоторые, основываясь на худом понятии о фарисеях.

Чтение книг Ветхого Завета, которым постоянно занимались в фарисейских школах, способствовало обогащению памяти Савла лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестия. Любимое их упражнение – изъяснять многие места в иносказательном смысле – пролагало в его уме путь тому святому искусству: извлекать из мертвого письма дух животворящий (ср. 2 Кор. 3, 6), которым ознаменованы все его послания, особенно к Евреям и Галатам. Даже то, что в образовании фарисейском было предосудительного: чрезмерная привязанность к человеческим преданиям и мнениям учителей, страсть все подводить под правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведение нравственности из области духа в круг внешних, часто механических действий – все это впоследствии, под благотворным влиянием христианской религии, могло обратиться во благо. Люди с сильным умом и живым характером

при душевных переменах, с ними встречающихся, обыкновенно уклоняются в противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и с Павлом.

По обращении в Христианство он везде обнаруживает противоположный прежнему образ мыслей, даже там, где говорит и без непосредственного внушения Духа Божия, по собственному чувству (например, см. 1 Кор. 7, 25–40). В самом начале своего апостольского служения он не только отверг нечистые человеческие предания, которые были отвергнуты и прочими апостолами, вразумленными в их ничтожности учением и примером Иисуса Христа (см. Мф. 15, 1–9), но и проповедовал свободу христиан от обрядового закона – поступок, который долго подвергался едва ли не всеобщему нареканию, однако же был совершенно сообразен с духом новозаветного учения. Таким образом, Промысл, избравший Савла от чрева матери (см. Гал. 1, 15) на великое служение апостольства, обнаружил мудрое водительство и в том, что попустил ему провести юность свою *при ногах Гамалиила* (Деян. 22, 3).

Первое понятие о христианстве Павел, по всей вероятности, получил еще в школе Гамалиила, ибо нельзя думать, чтобы фарисейские наставники оставляли учеников своих в неведении о так называемой ими «новой секте», которая с самого своего начала сделалась весьма значительной и угрожала всем преданиям фарисеев. Невероятным даже кажется, чтобы Савл никогда не видал Иисуса Христа в продолжение Его земной жизни. Так, однако же, заставляют думать вся последующая история и все его послания. Павел нигде не упоминает о том, чтобы он видел Иисуса Христа, хотя во многих случаях было бы весьма прилично и даже нужно упомянуть об этом (например, см. Гал. 1, 12; ср. Деян. 1, 21 и др.). Напротив, он нередко говорит нечто такое, из чего должно заключить, что Иисус Христос не был ему известен лично (например, см. Деян. 9, 5). Притом если бы Павел находился когда-нибудь в числе слушателей Иисуса Христа, то евангелисты, вероятно, заметили бы это обстоятельство, тем более что он, судя по его характеру, не мог быть безмолвным слушателем или зрителем Мессии.

Странность эту можно частично объяснить тем, что время открытого служения Иисуса Христа роду человеческому было непродолжительно и что большая часть его была проведена в путешествиях по Палестине, особенно по той ее части, которая называлась Галилеей. Иисус Христос приходил в Иерусалим только на праздники, и то на краткое время. Он почти всегда удалялся от шумных собраний народа и проповедовал большей частью не там, где полагали враги Его (см. Ин. 11, 54–57). Поэтому-то были и такие люди, которым, при всем желании их видеть Его, не представлялся такой случай (см. Лк. 23, 8). С другой стороны, Гамалиил, сообразно своему характеру, вероятно, старался содержать учеников своих, особенно юных, как Савл, в удалении от всех народных собраний, которые в то время редко обходились без печальных последствий. Лишь по окончании своего образования Савл мог отлучиться из Иерусалима в Таре к своим родителям. И можно ли перечислить все причины, которые могли воспрепятствовать Павлу видеть Иисуса Христа во дни Его земной жизни?

Из училища Гамалиилова Савл вышел тем, кем надлежало выйти ученику фарисея, – неумеренным ревнителем отеческих преданий (ср. Гал. 1, 14). Пылкость характера и юность возраста его были причиной того, что он не перенял у своего наставника самой лучшей, может быть, части его наставлений – искусства соединять с ревностью по вере хладнокровное рассуждение и благоразумную терпимость (см. Деян. 5, 33–39). Соучастие в убиении апостола Стефана, по-видимому, было не первым опытом приверженности Савла к отеческим преданиям, ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники иудейские вследствие сего решились уполномочить юного фарисея на произведение тех кровавых гонений, которые последовали за смертью первомученика (см. Деян. 26, 10). Наклонность многих из тогдашних иудеев к языческим обычаям весьма часто представляла случаи к обнаружению патриотической ревности. Едва ли даже Савл (увлеченный пылкостью характера) не состоял в некотором отношении с ужасной в те времена сектой зилотов. Наименование ревнителя, которое он дает сам себе

(см. Гал. 1, 14), расположенность к нему убийц Стефановых (см. Деян. 7, 58), которые, по всей вероятности, были зилоты, делают эту догадку правдоподобной.

Когда, таким образом, ученик Гамалиилов, имея ревность по Боге, но без рассуждения и не разумея праведности Божией, *усиливался поставить собственную праведность* (Рим. 10, 2–3), праведность по вере в Иисуса Христа тем временем уже оказывала благотворное свое действие над многими из его братьев по плоти. Несмотря на гнусную клевету первосвященников якобы о похищении тела Иисусова учениками Его и на строгие меры против провозвестников Его Воскресения, весь Иерусалим исполнялся славою имени Распятого: слово Божие росло, и число учеников непрестанно умножалось, из самых священников иудейских *очень многие покорились вере* (Деян. 6, 7). Иудейству, и без того давно потрясаяемому различными толками господствующих сект, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающего Христианства.

Что должен был мыслить и чувствовать в этих обстоятельства Савл – юноша с пылким характером, патриотическим чувством, с умом сильным, но помраченным предрассудками, фарисей, от всего сердца приверженный к отеческому закону и обычаям, свято чтивший не только Моисея и Пророков, но и предания старцев, столь несообразные с духом Христианства? Мог ли он обольстительную мечту о Мессии, царе-завоевателе, променять на почитание Креста, который еще недавно был предметом посмеяния для Иерусалима? Мог ли он ожидать для себя чего-нибудь доброго от той «секты», Основатель которой столь строго и часто вооружался против порочной жизни фарисеев – его наставников и воспитателей? Савл видел только опасность со стороны Христианства, а поэтому питал к нему одно отвращение.

Чудеса Иисуса Христа и Его апостолов могли быть изъясняемы им так, как их вообще изъясняли фарисеи: содействием злых духов, легковерием народа и тому подобное. Внутреннее превосходство христианского учения также не могло трогать его: для этого требовалось спокойное углубление в дух христианской религии и в свою совесть, к чему ум, занятый предрассудками, не был способен. Только опытные и рассудительные люди, как Гамалиил, могли ожидать от Промысла разрешения недоумений, возбуждаемых успехами Христианства. Павел думал, что ему *должно много действовать против имени Иисуса Назорея* (Деян. 26, 9) – и действовал!

Первые опыты Савловой вражды ко Христову имени, вероятно, состояли в спорах с его провозвестниками (см. Деян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская недолго могла противостоять Стефану, исполненному Духа Божия (см. Деян. 6, 10). Сила слова заменена была насилием лжи (см. Деян. 6, 13). Правдивость характера Павла не позволяет думать о том, чтобы он участвовал в сплетении клеветы на Стефана, однако же несомненно то, что он одобрял его убийство (см. Деян. 8, 1) и стерег одежды бесчеловечных Стефановых убийц (см. Деян. 7, 58). Он поступил в этом случае по совести, но только заблуждающейся. На нем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, в точности сбылись слова Спасителя: *убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу* (Ин. 16, 2). Ему казалось, что он приносит Богу отцов своих самую приятную жертву, когда преследует распространителей «новой ереси», которая, по его мнению, имела целью ниспровержение иудейской религии. Если бы он увидел, подобно Стефану, Иисуса, стоящего одесную Бога Отца, то, верно, не опасаясь участи Стефановой, в ту же минуту исповедал бы Его Сыном Бога Живого. Но если гнавший не знал, Кого гнал, то Гонимый зрел уже в нем *избранный сосуд* (Деян. 9, 15).

Неисповедимый Промысл попустил ненависти Савла к христианам открыться в новых разительнейших явлениях, чтобы, как изъясняет сам апостол, в нем первом показалось все долготерпение Божие в пример тем, которые будут веровать в Иисуса Христа *к жизни вечной* (1 Тим. 1, 16). Рассеяние верующих по смерти Стефана породило в уме его убийц мысль, что усиленное гонение положит конец «новой ереси». По крайней мере, Савл в ослеплении дерзнул на новые жестокости. Получив от первосвященников власть преследовать христиан, он с

этой целью ходил по всем синагогам; не довольствуясь этим, входил в дома их, не щадил ни пола, ни возраста, мучениями принуждал их хулить имя Иисуса, заключал в темницы и, когда убивали их, то подавал на то свой голос (см. Деян. 26, 10–11). Так может поступить человек с самой набожной совестью, когда он не проник в истинное свойство любви к Богу и ближнему! Успехи рассеявшихся христиан, которые всюду, куда бы ни приходили, благовествовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гонение на них за пределы Палестины. Еще дыша угрозами и убийством, он испросил у первосвященников письма к дамасским синагогам (см. Деян. 9, 2), чтобы, связав тамошних христиан, препроводить их в Иерусалим. Дамаск, весьма обильно заселенный иудеями, представлялся Павлу обширнейшим полем для его действия. Римская власть, которая не терпела таких явлений, каким было убийство Стефана, не имела там силы, ибо Дамаск был завоеван незадолго перед тем Аретой, царем арабийским (см. 2 Кор. 11, 32). Новый его властитель благоприятствовал иудеям. Письма первосвященника, и без того уважаемые в иноземных синагогах, в дамасских должны были иметь силу закона и полный успех, который действительно последовал, только совсем в другом виде!

Обращение в Христианство

Путешествие в Дамаск было тем временем, которое Промысл избрал для обращения Савла в Христианство. Чем необыкновеннее это происшествие, чем разительнее открывается в нем Божественность христианской религии, тем драгоценнее для нас то, что мы имеем о нем весьма обстоятельные и несомненные сведения, сообщенные евангелистом Лукой (см. Деян. 9, 1-25) и двукратно самим Павлом (см. Деян. 22, 5-16; 26, 12-19). *Среди дня, – повествует он, – на дороге я увидел с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и идущих со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна* (Деян. 26, 13-14).

Легко представить, сколь сильное впечатление должно было произвести это необыкновенное явление в пылкой душе гонителя! Он был уверен, что все неприязненные действия его против христиан непосредственно относятся к славе Божией, что он подражает в этом деле Финеесу и Илии¹⁰, и вот на том самом пути, который свидетельствовал о его ревности по Боге, видит явление, которого он не мог не признать за Божественное, слышит с неба голос, жалующийся на преследование! В ту минуту должны были возобновиться в памяти его все злодеяния, причиненные им в Иерусалиме верным, должна была предстать его воображению смерть Стефана, бесчеловечие его убийц, кроткое спокойствие и небесное незлобие самого мученика. Совесть, конечно, уже внушала ему, перед Кем он виновен, но еще как бы не доверяя несправедливости своего дела, как бы желая дать знать, что он никого не гнал со злым намерением, всегда действовал по закону, Савл в трепете дерзнул спросить: *кто Ты, Господи? – Я Иисус, Которого ты гонишь* (Деян. 9, 5; 26, 15), – таков был ответ ему!

Нужно представить себя на месте Павла, чтобы почувствовать силу этих слов. Не было уже места сомнению в Божественности лица Иисусова, оставалось только место для страха и ужаса. Савл не знал еще, что Иисус есть Бог милосердия и щедрот, что Он пришел взыскать и спасти погибших и для того взошел на Крест, чтобы привлечь к Себе всех, обремененных грехами. Сообразно земному понятию своему о Мессии, он, без сомнения, думал увидеть в Нем строгого мстителя за поругание имени Своего, за мучение рабов Его и ожидал для себя участи Дафана и Авирона¹¹. Но Гонимый явился не для того, чтобы наказать гонителя, но чтобы сделать его Своим апостолом. *Встань и стань на ноги твои, – молвил Господь, – ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными* (Деян. 26, 16-18).

Ободренный этими утешительными словами, Савл желал знать, что требуется от него, чтобы соответствовать новому служению, на него возлагаемому, и получил ответ, что ему будет открыто о том в Дамаске. После того видение кончилось, оставив глубокие следы на очах Савловых (он сделался слеп) и еще глубже – в его сердце. Люди же, шедшие с ним, видели только свет и слышали голос, но Того, Кто говорил с ним, не видели и, что говорил, не разумели.

Савл, ведомый спутниками, пришел в Дамаск. Слепота его продолжалась три дня, проведенные им без пищи и питья. Состояние духа его было в то время самое мучительное для ветхого человека, но тем благодатнее для человека нового: все силы ума и сердца должны были как бы переродиться для новой жизни во Христе Иисусе. Лишенный света внешнего, он обратился ко внутреннему – молился, и получил видение, в котором представилось ему, что некто

¹⁰ Чис. 25; 3 Цар. 17.

¹¹ Чис. 16.

из христиан, именем Анания, возвратит ему зрение (см. Деян. 9, 12). В то же время последовало откровение и Анании. Сам Иисус Христос (так много заботился Он о Своем гонителе!), являсь ему, повелел идти к Савлу для возвращения тому зрения. Анания ужаснулся, представляя лютость этого человека и его ненависть к христианам, но был успокоен тем, что прежний гонитель – теперь уже избранное орудие славы Христовой. Найдя Савла в доме некоего иудейнина, именем Иуды, он возложил на него руки и сказал: *Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа* (Деян. 9, 17). За словами тотчас последовало и действие: с глаз Савла как будто спала какая-то чешуя, он прозрел и немедленно принял крещение без сомнения от рук Анании (см. Деян. 9, 10–18).

Обращение Павла есть одно из необыкновеннейших событий, какими прославилась Апостольская Церковь. Потому-то святые отцы столь часто вспоминали о нем и с таким удовольствием углублялись в него размышлением. Оно служит утешительнейшим примером для всех грешников, особенно тех, которые имели несчастье питать ревность по Боге без рассуждения, и в то же время это обращение одно из самых ощутимых доказательств Божественности христианской религии. В самом деле, не кроткий по природе человек, который бы сам по себе имел расположение к благотворному учению христиан, не слушатель Иисуса Христа, о котором можно бы сказать, что он увлечен сладостью слов Его, – не такой человек видит Иисуса, которого иудеи почитали мертвым, но упорнейший защитник иудейства, непримиримый враг имени Христова, жестокий преследователь почитателей Его, в котором первосвященники видели надежный оплот против разливающегося потока «новой ереси», одно имя которого приводило в трепет и таких людей, каков был Анания, прибытия которого в Дамаск христиане ожидали как гнева Божия, а иудеи как посланного свыше хранителя, – одним словом, Савл видит Иисуса, признает Его Мессиею, Сыном Божиим, и делается ревностным провозвестником имени Его, презирающим самую смерть за истину нового учения. Какое ободрение для гонимых христиан! Какой страх для иудеев! Какой ужас для убийц Стефана – для убийц Иисуса Христа!

Савл не мог ожидать себе от христиан никаких земных выгод. Искал ли он чести? Она была оказана ему Верховным советом иудейским, который возложил на него самое важное поручение: истребить возникающее Христианство. Исполнение этого поручения покрыло бы его новой славой, и он мог бы получить право на самое высокое положение среди фарисеев. Напротив, христиане как сами не имели почестей, так не могли и обещать их, будучи гонимы и презираемы иудейскими властями. Искал ли он богатства?

Христиане были бедны, многие из них жили милосердием своих братьев по вере, их последнее имущество подлежало расхищению, сама жизнь находилась в непрестанной опасности. Напротив, секта фарисеев изобиловала всеми временными благами и, пользуясь великим уважением в народе, могла доставить любимцам своим все им угодное. Надеялся ли он быть важным лицом среди христиан, начальником их «ереси»? Но что за слава быть главой общества, состоявшего из людей низкого происхождения, бедных, слабых, незнакомых с мирским просвещением, проповедующих добровольную нищету и самоотвержение? Кроме того, мог ли Савл надеяться на доверие к себе христиан после многократного проявления своей жестокости к ним?

Вся последующая жизнь святого Павла служит яснейшим доказательством того, что он сделался христианином не по каким-либо земным побуждениям, но единственно потому, что совершенно убедился в Божественности Христианства чудесным явлением Иисуса Христа. Он везде проявляет строжайшее бескорыстие: имея полное право получать содержание от тех, кто обязан ему своим спасением, питается большей частью своими собственными трудами; собирает милостыню по Церквам, им насажденным, но не для себя, а для бедных иерусалимских христиан; ищет славы, но единственно той, которая состоит в верном исполнении высоких обязанностей апостольства; не терпит, чтобы кто-либо из обращенных им назывался по его

имени, Павловым; называет себя последним из апостолов; хочет, чтобы его считали не более чем служителем Иисуса Христа; вслух постоянно говорит, что он был гонителем и хульником и помилован единственно по милосердию Спасителя.

Но Савл не только не искал для себя у христиан никаких временных отличий, но еще должен был при переходе в Христианство отказаться от тех, что имел в иудействе. Сделавшись христианином, он должен был потерять славу первого ревнителя и защитника иудейства, должен был ниспровергать отеческие предания, к которым он привык с детства, должен был разрывать нежнейшие узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались в иудействе. Этого мало. За веру в Иисуса Христа ему неминуемо надлежало сделаться предметом ненависти всех фарисеев, всего синедриона, всего народа иудейского.

Савл не был мечтателем, который внушения своего собственного чувства и игру воображения почитает за Божественные вдохновения. Мечтательность энтузиазма происходит или от чрезмерного пристрастия к любимым мнениям, или от меланхолии, или от живого, но необразованного воображения, или от детского легковерия. Савл имел сильное пристрастие, но не к христианству, а к преданиям фарисейским; между тем когда познал истину, то немедленно отверг их раз и навсегда. Его характер не был мрачным. Каким бы опасностям, скорбям, лишениям ни подвергался он в продолжение своего апостольства, при всем том в нем не было ни малейших признаков малодушия, он был совершенно доволен своей судьбой, радовался среди самых страданий. Если он желал окончания своей жизни, то только потому, чтобы скорее соединиться с возлюбленным Спасителем. В этом желании не было ничего нетерпеливого от энтузиазма; потому-то когда он увидел, что для учеников его полезнее, чтобы он оставался в этой жизни, то употреблял все справедливые способы к отдалению ее конца.

Савл имел живое воображение, но как строго оно было подчинено рассудку! Читая его послания, мы находим сильные порывы чувств, но они никогда не выходят за пределы: это невольное излияние сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему. Тем менее можно предполагать в нем легковерия и неосмотрительности. Из одной истории его можно извлечь подобные правила христианского благоразумия. Он постоянно внушал своим ученикам все испытывать, дабы принимать одно доброе, упрекал их, когда они, подобно детям, колебались всяким ветром учения (ср. Еф. 4,14), предостерегал их от ложных откровений и пророчеств, никогда не требовал себе слепой веры, напротив, хотел, чтобы они поступали по убеждению собственного своего ума. Так ли поступают люди с мечтательным характером?

Тем прискорбнее для сердца христианина, когда он находит, что в наши времена некоторые из так называемых христианских философов покушаются чудесное обращение апостола Павла изъяснять естественным образом. И пусть изъяснения их были бы действительно естественны, но, напротив, они таковы, что едва ли бы могли заслужить одобрение самих врагов Павловых – иудеев.

Весьма вероятно, так думают те, которые мудрствуют сверх того, что написано (ср. 1 Кор. 4, 6), будто Савл после смерти Стефана начал сомневаться в справедливости гонения, воздвигнутого на христиан. На пути в Дамаск это сомнение еще более как бы усилилось. «Что, – размышлял он, – если христиане невинны, если правда все то, что они повествуют об Иисусе Христе, если этот Иисус, мной гонимый, есть действительно Мессия? Чего должны ожидать враги Его, чего должен ожидать я? О, если бы Он явился мне и уверил меня в Своей Божественности, я немедленно сделался бы христианином!» Когда душа Павлова была наполнена такими мыслями, вдруг будто нашло облако, ударил гром и Савл, ослепленный молнией, повергся на землю. Поскольку же иудеи почитали гром за некоторый вид Божественного откровения, смысл которого изъясняли сообразно состоянию своего духа, то это естественное происшествие и было почтено Савлом за таковое откровение. Ему показалось, что он видит Самого Иисуса Христа и беседует с Ним, между тем, эта беседа была не что иное, как разглагольствие его с собственной совестью. Решившись же вследствие этого явления обратиться ко Христу,

он достигает Дамаска, вступает в общение с христианами и, узнав основательнее святость и чистоту их учения, принимает крещение.

Изъяснение это, сколько ни стараются придать ему вид правдоподобия, никак не может согласовываться с историческими сказаниями о Павловом обращении, основывается на недоказанных предположениях и опровергает само себя.

1. Не согласовывается с историческими сказаниями.

а) Павел свидетельствует, что он слышал голос, говоривший на еврейском языке (см. Деян. 26, 14): это непререкаемая черта действительного разговора с действительным лицом, ибо гром не может говорить ни по-еврейски, ни на другом каком-либо языке – это нелепость! С другой стороны, нельзя утверждать, что Павел размышлял сам с собой на еврейском языке – это также нелепость!

б) Павел рассказывает, что спутники его голос слышали, но никого не видели (Деян. 9, 7). Если под голосом разумеется гром, то слова «никого не видели» будут совершенно лишние, ибо кто, слыша гром, будет думать, что это говорит какое-либо лицо? Если же голос, слышанный Павлом, был такого свойства, что в спутниках его он должен был вызвать представление о лице говорящем, то это верный знак того, что голос этот был членораздельный, сходный с голосом человеческим.

в) Павел весьма подробно описывает явление Иисуса Христа, замечает место и время, когда оно случилось; как было тут не упомянуть ему и о том, что голос, говоривший с ним, выходил из облака? Напротив, он утверждает, что это случилось внезапно в полуденное время, то есть когда небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобного явления с неба (см. Деян. 9, 3; 22, 6).

г) Когда удары громовые раздаются близко к человеку, то в таком случае звук следует непосредственно за светом, но Павел увидел сначала свет, а потом уже, павши на землю, услышал голос. Если же молния ударила далеко от Савла, то она не могла повредить его зрения.

д) В одном месте Деяний говорится, что спутники Павловы голос слышали (см. Деян. 9, 7), а в другом – написано, что они не слышали слов Того, Кто говорил с Савлом (см. Деян. 22, 9). Такое противоречие останется неизъяснимым, если под голосом будем понимать гром. Ибо в таком случае «не слышать» – значит просто не слышать, не ощущать слухом, но можно ли вместе и слышать, и не услышать? Однако это противоречие исчезает само собой, когда голос, услышанный Павлом, принимаем за голос членораздельный, ибо спутники могли слышать звук слов и не понимать их значения. Таким образом, о них можно было сказать, что они и слышали голос, и не услышали.

2. Основывается на недоказанных предположениях.

а) Мысль, что Савл перед путешествием в Дамаск начал колебаться в своей приверженности к иудейству, раскаявшись в жестокостях и гонениях, воздвигнутых на христиан, есть произвольная догадка, противоречащая истории. Ибо в каком расположении духа он отправился в Дамаск? Дыша угрозами и убийством на учеников Господних (см. Деян. 9, 1). Это ли признак человека, начинающего приходить к раскаянию? В продолжение путешествия не было случая переменить ему свой образ мыслей. Из вопроса, заданного им Иисусу Христу: Кто Ты, Господи? – видно, что он непосредственно перед тем совсем не думал, как это предполагается, об Иисусе Христе, иначе упрек Спасителя: Что ты гонишь Меня? – тотчас пробудил бы в душе его мысль, что это Иисус, им гонимый.

б) Не более силы имеет и то предположение, что иудеи во времена Иисуса Христа почитали гром за некоторый вид Божественного откровения. Изобретатели и защитники его вместо убедительных доказательств ссылаются на Евангелие от Иоанна (см. Ин. 12, 26–29), но место это без явного насилия над строем речи не может быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Иосифа Флавия, но у него громы – только признак присутствия Божия –

мнение, по всей вероятности, произошедшее от воспоминания Синайского законодательства, в котором присутствие Божие обнаружилось громами.

3. Опровергает само себя.

а) Предполагается, что Савл был ослеплен и повержен на землю молнией, и в то же время предполагается, что он, поверженный на землю, мог спокойно размышлять сам с собой, задавать вопросы, отвечать, осуждать прежние деяния свои, решиться на перемену своей веры. Не истребляют ли сами себя эти два противоположения? Человек, пораженный молнией, способен ли к таким размышлениям? Опыт показывает, что такие люди лишаются чувств.

б) Итак, надлежит утверждать, что разговор Павла со своей совестью происходил не во время громовых ударов, а при дальнейшем продолжении им пути или в Дамаске. Но если это так, то мог ли Павел представлять его в виде разговора с

Самим Иисусом Христом, происшедшим во время грома? Это мог сделать лишь стихотворец, а не апостол.

Кроме того, надо заметить: а) что Павел неоднократно ставит явление ему Иисуса Христа (см. 1 Кор. 9, 1; 15, 8; Гал. 1,1,16) в один ряд с действительным явлением Его прочим апостолам и выводит из этого истину и Божественность своего апостольства; но все это не иначе можно соотнести с прямою Павлова характера, как при условии, что ему действительно явился Иисус Христос; б) прочие апостолы и все христиане, без сомнения, приняли Савла в свое сообщество не ранее, как после строгого исследования всех обстоятельств его чудесного обращения, совершенно уверившись, что он не был обманут собственным воображением. Что они не были легковжны к прежнему гонителю своему, ясно из апостольских Деяний (см. Деян. 9, 27–28).

Время обращения апостола Павла

По многим причинам полезно знать, в какой именно год по Вознесении Иисуса Христа случилось обращение апостола Павла. Но попытка определить в точности этот момент, столь важный по отношению к хронологии Деяний апостольских, сопряжена с великими неудобствами, не только по причине недостатка ясных свидетельств, но и по причине разногласия прикровенных указаний, из которых нам посредством рассуждений надлежит вывести правдоподобнейшее мнение. Сделаем, однако же, то, что можно, если нельзя сделать всего.

Многие из прежних библейских хронологов полагали, что Павел обратился ко Христу в первый год по Вознесении Господнем (см. Деян. 9, 27–28). Но, приняв это мнение, следует утверждать, что происшествия, описанные в книге Деяний до 9-й главы, содержащей историю обращения Павлова, случились в продолжение нескольких месяцев, что, судя по их количеству и качеству, маловероятно. Невероятно также и то, чтобы в продолжение столь незначительного времени христиане до того умножились в Дамаске, что для истребления их нужно было посылать туда Савла. Притом Павел сам рассказывает, что во время его обращения Дамаск находился под властью аравийского царя Ареты, но Сирия в 33 и 34 годах принадлежала еще римлянам и состояла под управлением Вителлия¹². Правда, защитники вышеприведенного мнения догадываются, что Арета в самом начале войны с Иродом Антипой из-за Иродиады (война эта началась в 34 году) совершил нападение на Дамаск, чтобы таким образом предупредить римлян, в приязни и содействии которых Ироду, своему врагу, он не мог сомневаться. Но эта догадка весьма неосновательна, ибо Арета, конечно, не был столько безрассуден, чтобы своим нападением на римские области настраивать против себя повелителей мира.

История, напротив, говорит, что Вителлий, правитель Сирии, оставался спокойным зрителем борьбы Ирода с Аретою и требовал от кесаря повеления, как ему должно поступать в этом случае. Но если Арета до полученного Вителлием приказа от Тиверия¹³ доставить его живым или мертвым в Рим завладел Дамаском, то остается необъяснимым, почему славлюбивый и мужественный Вителлий, который принудил некогда парфянского царя принести жертву статуям Августа и Калигулы¹⁴, не отразил тотчас силу силой, как того требовали честь римского имени и его собственная репутация? Он, без сомнения, сделал бы это и в том случае, если бы Арета только осмелился окружить своими войсками Дамаск, как весьма убедительно поясняют слова Павловы [*стерег город Дамаск* (2 Кор. 11, 32)] хронологи. Еще менее всего можно предполагать в Арете решимость осаждать Дамаск после того, как Вителлий, вследствие Тивериева повеления помогать всеми силами Ироду, собрал свои войска для войны с арави-
тиями.

Но не завоевал ли Арета Дамаска и, следовательно, не могло ли последовать обращение Павла в Христианство в 39 году по Рождестве Христовом, когда Вителлий, получив известие о смерти Тиверия, возвратил свои войска на зимние квартиры? Также невероятно, ибо римский военачальник ни в коем случае не позволил бы аравийскому властителю безнаказанно расхищать и присваивать себе области, находившиеся под его управлением. Вообще, доколе Вителлий был проконсулом Сирии (до 39 года), Дамаск не мог быть отнят у римлян. Значит, обращение Павла могло последовать, по крайней мере, не ранее 39 года нашей эры или спустя пять лет по Вознесении Господнем.

¹² Авл Вителлий (15–69 гг.) – римский консул (с 48 г.), проконсул Африки (61–62 гг.), провозглашен римским императором с 69 г., в этом же году погиб в борьбе с другим претендентом на трон – Веспасианом.

¹³ Тиверий (42 г. до Р.Х. – 37 г. по Р.Х.) – пасынок Августа, римский император с 14 г. по Р.Х.

¹⁴ Гай Цезарь Калигула (12–41 гг.) – римский император с 37 г. из династии Юлиев-Клавдиев. Убит преторианцами в 41 г.

Наиболее вероятно, что оно произошло в 40 год по Рождестве Христовом. Сирия не была тогда уже под управлением победоносного Вителлия. Бездеятельность и безрассудство преемника Тиверия, Калигулы, служили ободрением для врагов Римской империи, а поэтому Арета, который, за три года до того разбив войска Иродовы, мог, гордясь успехом, отважиться на завоевание Дамаска. С этим мнением согласуются и важнейшие из хронологических указаний на время обращения Павлова, которые находятся в его посланиях и в Деяниях апостольских. Из Послания к Галатам видно, что первое путешествие Павла в Иерусалим последовало спустя три года по его обращении (см. Гал. 1, 18). Поскольку Павел называет здесь Иакова Младшего, с которым он виделся, братом Господним, для того, конечно, чтобы отличить его от Иакова Старшего, то надо думать, что последний был в живых, когда апостол в первый раз ходил в Иерусалим. Во время вторичного посещения Павлом Иерусалима Иаков Старший был умерщвлен. Кончина апостола должна предварить смерть царя Агриппы, его убийцы, только несколькими месяцами, ибо евангелист Лука о последней повествует непосредственно за первым. А смерть Агриппы, как достоверно известно, наступила в четвертый год Клавдиева¹⁵ царствования, или в 44 год нашей эры.

Итак, если обращение Павла, как мы видели, не могло последовать прежде 39 года и если Иаков Старший был в живых во время первого пребывания Павлова во Иерусалиме и мертв во время второго, то есть в 44 году, то это значит, что первое путешествие Павла в Иерусалим произошло в 43 году и, следовательно, обращение его должно быть отнесено к 40 году по Рождестве Христовом, или к шестому году по Вознесении Спасителя. То же подтверждает и сама причина, в силу которой предпринято было апостолом второе путешествие в Иерусалим. Голод, от которого страдала тогда Иудея и который побуждал антиохийцев посылать через Павла милостыню в Иерусалим, начался в четвертый год Клавдиева правления (в 44 году по Рождестве Христовом) и продолжался, по свидетельству Иосифа Флавия, около двух лет. Павел, вследствие пророчества Агава, должен был, по всей вероятности, в самом начале бедствия отправиться в Иерусалим для того, чтобы доставить пособие братьям-христианам, живущим в Иудее (Деян. 11, 29). А поэтому второе путешествие его приходится на 44 год, первое – на 43-й, и, следовательно, обращение его должно было последовать в 40 год.

Сказанному нами, по-видимому, противоречит Послание к Галатам, где апостол говорит, что второе путешествие в Иерусалим предпринято было им спустя не четыре, а четырнадцать лет по его обращении: *Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим* (Гал. 2, 1). Но лучшие из древних и новейших критиков полагают, что в указанном месте надо читать не четырнадцать, а четыре. Впрочем, нет особенной нужды вносить изменение в настоящее написание, ибо наше мнение может вполне согласовываться с ним. Именно, Павел не говорит, что путешествие, о котором упоминает он в Послании к Галатам (см. Гал. 2,1), было точно второе, а сообщает только, что спустя четырнадцать лет по обращении он опять ходил в Иерусалим. Судя по этому времени и по делам, которыми он занимался там, весьма вероятно, что он разумел под этим третье свое путешествие в Иерусалим, описанное в 15-й главе Деяний. Причина, почему Павел упомянул непосредственно вслед за первым о своем третьем путешествии и обошел молчанием второе, состояла в том, что он при рассказе о пребывании в Иерусалиме имел целью показать свое равенство с прочими апостолами, в подтверждение которого второе путешествие ничего более не предоставляло.

¹⁵ Тиберий Клавдий (10 г. до Р.Х. – 54 г. по Р.Х.) – римский император с 41 г. из династии Юлиев-Клавдиев.

Первые подвиги апостола Павла

В порядке вещей следовало бы предположить, что Павел по своем обращении в Христианство будет искать случая вступить в сообщество апостолов, чтобы, научившись от них таинствам новой веры, участвовать в их апостольских трудах. Так, может быть, поступил бы всякий другой, но не Павел. Призванный к христианству и апостольству *не человеками и не через человека* (Гал. 1, 1), но Самим Иисусом Христом, он от Него Единого ожидал наставления в великом служении своем, не почитая нужным *советоваться* о том *с плотью и кровью* (Гал. 1, 16), с кем-либо из людей, себе подобных. Анания, совершивший над ним крещение, мог преподавать Павлу и некоторые первые понятия о предметах веры. Но мог ли он сообщить ему разумение всех тайн Христовых (ср. Еф. 3, 4), которые впоследствии оказались раскрытыми в посланиях Павловых, причем некоторые из них [например, тайна обращения ко Христу язычников (см. Еф. 3, 4–8)] были тогда скрыты еще и для самих апостолов?

Евангелие к евреям, из которого, по мнению некоторых критиков, апостол заимствовал сведения о жизни Иисуса Христа и духе Его учения, в первые годы по обращении Павла еще не существовало. Из того, что в этом Евангелии упоминается о явлении Иисуса Христа апостолу Иакову [случай, не упомянутый прочими евангелистами, но упомянутый Павлом (см. 1 Кор. 15, 7)], не следует еще, чтобы оно было прочитано последним.

Павел упоминает и о некоторых других происшествиях, описанных евангелистами [например, об установлении Тайной Вечери (см. 1 Кор. 11, 23–29)], однако можно утверждать, что он узнал о них не из Евангелий, а из непосредственного откровения. Он неоднократно в своих посланиях объявляет (и мы должны слушать его, оставляя все догадки в стороне), что все, чему он ни поучал, открыто ему Духом Святым (см. 1 Кор. 2). При таком учителе не было нужды в земных наставниках.

От жестокого гонителя Христианства до ревностного проповедника Евангелия, от фарисея, помраченного предрассудками, до великого учителя народов, проповедующего премудрость, сокровенную в Боге, – расстояние великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получил он телесное прозрение от Анании, как тотчас, сообразно предсказанию Иисуса Христа (см. Деян. 26, 18), начал отверзать духовные очи другим. Быть христианином и проповедовать имя Христово для него означало одно и то же. Он уже имел все качества, потребные для высокого апостольского служения. Апостолу следовало быть самовидцем Иисуса Христа – Павел видел Его, и, что важнее, видел не в состоянии уничижения, но в состоянии славы. Апостол должен быть избран Самим Иисусом Христом – Павел принял жребий служения не от кого-нибудь другого, как от Самого Христа. Апостол должен был принять Духа Святого – Павел был постоянно храмом Святого Духа.

Могли ли дамасские раввины противостоять новому проповеднику Христианства? Им оставалось одно средство, столь угодное фанатизму, – прибегнуть к насилию. Оно немедленно было употреблено в дело: решили умертвить Павла. Дамасский градоначальник, содействуя врагам его, окружил стражей все выходы из города, чтобы обреченная на заклание жертва не могла спастись бегством. Но прозорливая попечительность новых братьев Павловых по вере была гораздо деятельнее злобной предусмотрительности врагов его: в продолжение ночи он был спущен в корзине по городской стене (см. 2 Кор. 11, 32). Так в самом начале апостольского служения Павлова открылась неизмеримая череда опасностей и скорбей, сквозь которые он должен был проходить до самого конца своей жизни, чтобы получить тот неувядаемый венец правды, который приуготовит ему Господь в день оный (ср. 2 Тим. 4, 8).

Из Дамаска Павел удалился в Аравию (см. Гал. 1, 17). Надо думать, что это путешествие его, как и все другие, имело своей целью проповедь Евангелия. Впрочем, подробности его для нас неизвестны, святой Лука даже не упоминает о нем. Возвратившись из Аравии, Павел снова

посетил Дамаск и, несмотря на недавнюю опасность, снова проповедовал в нем Христа. От обращения его в Христианство протекло уже около трех лет, и он решился побывать в Иерусалиме, чтобы увидеться с Петром (см. Гал. 1, 18). К этому путешествию могли расположить его отчасти потребность определить круг своего апостольского служения сообразно действиям прочих апостолов, отчасти желание видеть Матерь Церквей – Церковь Иерусалимскую – и утешиться с очевидцами жизни

Иисуса Христа преуспеванием Христианства между иудеями, и, наконец, отчасти ревностное желание возвестить имя Христово в том самом месте, где он явился упорным гонителем Его.

Иерусалимские христиане не могли не слышать о чудесном обращении Павла. Но трехлетнее пребывание его в Аравии, с которой палестинские иудеи, особенно в то время, не имели никакого общения, могло привести к забвению его непритворного усердия к новой вере, проявленного им в Дамаске. Между тем они весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темницы, в которые верующих ввергал Савл-гонитель. Поэтому неудивительно, что иерусалимские христиане удалялись от него, не веря, чтобы он был учеником Иисуса, несмотря на то что он, придя в Иерусалим, всячески старался присоединиться к ним. Павлу следовало представить поручителя в искренности своих намерений, и он нашел его в Варнаве, вероятно, познакомившимся с ним в Дамаске. Тот, пользуясь доверенностью к себе всей Иерусалимской Церкви, представил Павла апостолам, рассказав подробно как о чудесном обращении его, так и о ревности за имя Христово. Подозрения кончились, уступив место братской любви, и Павел с тех пор начал сообщаться с апостолами на равных правах (см. Деян. 9, 28).

Пребывание его в Иерусалиме сопряжено было с великой опасностью: три года отсутствия не могли привести к забвению его измены (так, без сомнения, называли иудеи обращение Павла ко Христу) перед синедрионом – причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться от проповедования Евангелия в Иерусалиме. Но Павел не знал страха в деле проповеди и бестрепетно возвещал вслух для всех и каждого, что распятый Назарянин, Которого он прежде гнал, есть истинный Мессия, Сын Божий! Иудеи иерусалимские в этом отношении были ничем не лучше дамаских: составилась заговор на жизнь проповедника. Все верующие увидели опасность, один Павел не хотел замечать ее. Напрасно братья советовали и просили его удалиться – душа его занята была одной мыслью: Иерусалим, бывший свидетелем его гонения на христиан, должен стать свидетелем и его ревности ко христианской вере (см. Деян. 22, 17). Он готов был уже перед лицом синедриона омыть своей кровью позор соучастия в убийстве Стефана, но Промысл, который предопределил его к большим подвигам, не принял этой жертвы.

По обыкновению, Павел вошел во храм для молитвы. Кажется, наряду с прочим, молился он и о том, чтобы Промысл вразумил его, должен ли он остаться в Иерусалиме или, следуя совету братьев, удалиться из него. Посреди молитвы пришел он в восторг: ему явился Иисус Христос и повелел оставить Иерусалим, потому что иудеи не примут его свидетельства о Нем. В избытке святой ревности Павел представлял, что иерусалимляне, соблазненные его прежней жестокостью к христианам, ни от кого с такой убедительностью не смогут услышать проповедь Евангелия, как от него, и что пример его может возратить на путь правый тех, кто, подобно ему прежнему, имеет ревность без рассуждения. Но Господь объявил ему, что он предназначен быть апостолом язычников, а не иудеев (см. Деян. 22, 17–21). Павел повиновался и был препровожден верующими сначала в Кесарию, а потом в Таре – место его рождения (см. Деян. 9, 30). Было это в начале 44 года по Рождестве Христовом.

Между тем христиане, рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, пронесли слово Евангелия до Финикии, Кипра и Антиохии (см. Деян. 11, 19). В последней проповедь евангельская возобладала над столь многими душами, что иерусалимские христиане, услышав о том, почли за нужное отправить туда Варнаву для укрепления новоначальных в вере. Господь

благословил труды этого добродетельного мужа, но жатва была так богата, что требовала не одного, а многих делателей. Зная отличные дарования и ревность ко Господу Павла, а также провидя его предназначение быть учителем язычников, из которых большей частью состояла Церковь Антиохийская, Варнава отправился за ним в Киликию и, найдя его в Тарсе, привел с собой в Антиохию (см. Деян. 11, 25).

Здесь Павел вместе с Варнавой целый год трудился над образованием Церкви. Успех был столь велик, что Церковь Антиохийская впоследствии сделалась, как известно, Матерью восточных Церквей. Святой Лука по этому поводу замечает, что ученики в Антиохии первыми стали называться христианами (ср. Деян. 11, 26). Поскольку же это произошло, как полагают, от частого употребления Христова имени, то можно догадаться, что оно было непрестанно запечатлено не только в сердце, но и на языке Павловых учеников. Так верно и постоянно исполнял он свое намерение не казаться знающим что-либо, кроме Иисуса Христа, и Того – Распятого! Предсказание пророка Агава о скором голоде, который должен был наступить особенно среди иерусалимских христиан, потерпевших от иудеев разграбление имущества, расположило антиохийцев послать им братское пособие. По этому случаю Павел снова отправился в Иерусалим для доставки собранной милостыни. Если происшествия, описанные в 12-й главе Деяний: убиение апостола Иакова Иродом, заключение и чудесное освобождение Петра, внезапная смерть Ирода, убийцы Иакова, – случились, как следует думать, во время пребывания Павла в Иерусалиме, то оно продолжалось около года, и подробности его нам неизвестны.

Первое апостольское путешествие

По возвращении из Иерусалима Павел недолго оставался в Антиохии. Уже наступило время, когда ему надлежало явить себя на великом поприще учителя язычников. Он и прежде благовествовал им Евангелие, но его голос сливался с голосами других проповедников; он назидал на основании, уже положенном другими его предшественниками, между тем как ревность к распространению истины побудила его проповедовать там, где еще не было известно имя Христово.

К столь великому подвигу Павел приурочен был новым, чрезвычайным откровением, о котором упоминается им во Втором Послании к Коринфянам и которое, по наиболее вероятному хронологическому соображению, должно быть отнесено к этому времени. Сущность и образ этого откровения описаны самим Павлом в следующих словах: *Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба, И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2 Кор. 12, 2–4). Хотя апостол говорит здесь о себе в третьем лице, не приходится сомневаться, что он изображает тут самого себя. К такому заключению приводит уже краткое вступление, которым начинается повествование об откровении: *Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним* (2 Кор. 12, 1). Того же вывода требуют и следующие за этим повествованием слова: *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12, 7), – которые будут излишними, по крайней мере, совершенно неожиданными, если предшествующее повествование не подразумевает самого апостола. Самая цель, ради которой упоминается об откровении, не позволяет относить эти его слова к кому-нибудь другому, кроме Павла, ибо он хотел доказать этим истину своего апостольского достоинства, сомневающимся в том лжеучителям. В этом отношении рассказ о чужом опыте ничего не сообщал бы нового в пользу Павла. Относительно же самого откровения представляют интерес следующие вопросы: что за состояние, в котором находился Павел? Куда он был восхищен и что слышал? Для чего дано такое откровение, которого человеку невозможно пересказать?

Состояние Павла в продолжение явленного ему откровения было таково, что он сам себе не мог дать в нем отчета. «В теле ли, – говорит он, – находился я тогда, было ли со мной тело, или вне тела, одна душа оставалась? Не знаю, – Бог один знает». И прочие святые мужи, когда получали откровения, разрешались, более или менее, от уз телесной природы, возносясь в область своего духа, но для Павла в продолжение откровения эти узы будто вовсе не существовали. Он весь был в духе, а дух весь в Боге. Для всемогущества Божия, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову из тела, но трудно усмотреть необходимость в таковом беспримерном для самых благочестивых людей отлучении в живом человеке души от тела, как об этом пишет святитель Иоанн Златоуст в толковании на Второе Послание апостола Павла к Коринфянам.

Мир духовный, куда был восхищен Павел, как не подлежащий пространству, существует везде и нигде, а потому требуется только, чтобы в духе человека раскрылась способность к сообщению с ним, и он, оставаясь в теле, без всякой перемены места, может быть на небе – в обществе Ангелов и блаженных душ. Раскрытие таковой способности по необходимости сопряжено с ослаблением обыкновенного союза души с телом, с некоторым бездействием низшей, чувственной природы, ибо тело тленное, как замечает премудрый Соломон, отягощает душу, и земное жилище обременяет ум (Прем. 9, 15–17) и не попускает ему возноситься в свойственную ему область духа.

Духовная область, в которой пребывал апостол, называется третьим небом и раем. Позднейшие иудеи отмечают семь небес, но их третье небо низко для Павла. В Священном Писании, кроме воздушного и звездного неба, упоминается о небесах небес (ер. Пс. 148, 4). Эти небеса, вероятно, и разумел апостол под третьим небом. Название духовной области раем, хотя также не совсем определенное, характеризует, однако же, понятие третьего неба. Основываясь на значении этого слова, следует полагать, что Павел был восхищен в мир духовный, в блаженное жилище небожителей. Здесь-то и слышал он такие слова, которые невозможно пересказать. По-видимому, если можно было слышать, то можно и пересказать, но Павел слышал их, находясь в возвышенном, сверхъестественном состоянии духа. После того как он нисшел с этой высоты в обыкновенное свое состояние, дух его снова заключился в темнице плоти, хотя осталось в душе некоторое представление о предметах небесных, но для выражения их уже не находилось слов на языке человеческом.

Таковое откровение, несмотря на то что его невозможно было пересказать другим, возымело благотворное действие как по отношению к самому апостолу, так и ко всем верующим. Оно показывало, как замечает святитель Иоанн Златоуст, что Павел ничем не ниже прочих апостолов, и могло служить к утешению и ободрению апостола на его многотрудном поприще. Подобным же образом из него могут почерпнуть для себя назидание и утешение и все верующие. В апостоле Павле, восхищенном в рай, мы имеем очевидного свидетеля будущего блаженства праведных.

Упомянув об откровении, данном Павлу, нельзя обойти молчанием и другого обстоятельства, о котором он упоминает непосредственно за этим откровением. *И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, – говорит Павел, – дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12, 7). Некоторые, вслед за святителем Иоанном Златоустом, считали, что здесь говорится о противниках, с которыми надлежало бороться Павлу, каким был, например, Александр медник, на которого он жаловался во Втором Послании к Тимофею (см. 2 Тим. 4, 14). В самом деле, ангелом зла, или посланником сатаны, по употреблению этих слов в Ветхом Завете, мог быть назван какой-нибудь упорный противник истины, поощряемый сатаною. Но выражение « жало в плоть » показывает, что источник страданий апостола скрывался в его теле, в каком-либо недуге телесном, который мучил апостола особенно тем, что препятствовал его ревности в деле проповеди. С этим мнением согласуется и древнейшее предание. Еще Тертулиан разумел под жалом плоти болезнь ушей, а блаженный Иероним – вообще болезнь головы. Посланицею сатаны названа эта болезнь не потому, что она якобы была непосредственным произведением духа злобы, ибо, говоря словами святителя Иоанна Златоуста, мог ли диавол иметь власть над телом Павла, когда сам подлежал его власти, как раб? Но болезнь эта могла быть так названа или по своей лютости, или по ее действиям, которые шли во вред христианству и, следовательно, в пользу царства тьмы.

Само путешествие апостола для проповеди язычникам было предпринято вследствие откровения некоторым из предстоятелей Апостольской Церкви. Дух Святый повелел им, чтобы Савл и Варнава выделены были на дело, для которого Он их призвал (Деян. 13, 2), то есть на проповедь язычникам. Вместо всех напутственных приготовлений они, совершив пост и молитву, возложили руки на избранных и отпустили их в путь. Вместе с ними отправился и Иоанн, прозванный Марком, сродник Варнавин, но время вскоре покажет, что он был еще неспособен разделять с Павлом труды апостольства.

Кто, глядя на этих бедных, бесславных путников, мог подумать, что они вскоре ниспровергнут всех идолов, перед коими после некоторых неудачных опытов противоборства с благоговением преклонилась витийственная мудрость философов Греции и Рима; что они среди развращеннейших городов Азии и Европы, где нечестие было уполномочено законом, где был самый престол сатаны, из их же развращенных граждан образуют в течение нескольких лет совершеннейшие общества людей, каковых самые Платоны могли только желать, не имея

надежды увидеть на самом деле? Но где творится дело Божие, там все становится возможным. Бог положил юродством проповеди спасти мир (см. 1 Кор. 1, 21), и проповедь Павла должна была произвести чудеса.

Будучи посланы Духом Святым, путешественники не имели и другого руководителя в пути, кроме Него. Сначала прибыли они в Селевкию, приморский город, лежащий против острова Кипр. Оттуда отплыли в Кипр – отечество Варнавы (ср. Деян. 13,4; 4, 36). Это последнее обстоятельство и, может быть, слух, что на Кипре находились уже некоторые из христиан, были причиной того, что этот многолюдный остров первым удостоился услышать благовестив. Огласив саламинские синагоги именем Иисуса Христа, проповедники прошли потом весь остров до города Пафа, славившегося своим служением Венере. Здесь чудодейственная сила Божия открылась (насколько известно) в первый раз в Павле. Тамошний проконсул Сергей Павел, которого автор Деяний называет мужем разумным, пожелал услышать слово Божие. Однако некий иудеянин, именем Вариисус, который выдавал себя за волшебника и пользовался доверием проконсула, всемерно старался отвратить его от веры. Но Павел, исполнившись Святого Духа, устремил на него взор и сказал: *О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени* (Деян. 13, 7-11). И волхв тотчас ослеп, а изумленный этим чудом проконсул немедленно принял крещение.

С этих пор евангелист Лука в своем повествовании о путешествиях апостола постоянно называет его Павлом, между тем как до проповеди слова Божия на Кипре всегда именовал его Савлом. Такая смена имен позволяет думать о том, что апостол примерно в это времена и переименовал свое имя на новое. Блаженный Иероним решительно полагал, что Савл назвал себя Павлом по случаю обращения в Христианство проконсула Павла, чтобы в новом имени своем иметь как бы некоторый знак столь славной победы над знаменитым римлянином, подобно тому как римские военачальники получали прозвища от названий городов и областей, ими покоренных. Но подобный знак, очевидно, несовместим со смирением апостола, который весь успех своей проповеди всегда приписывал не себе, а Божией благодати. Поэтому многие отцы Церкви (святители Иоанн Златоуст, Амвросий Медиоланский и другие) держались мнения, что апостол переименовал свое имя еще при крещении. В подтверждение этого указывают на обыкновение иудеев обозначать важные события в своей жизни переименованием имени. Но если это так, то почему святой Лука начал употреблять имя Павла не ранее как по обращении проконсула? Нельзя не признать, что эти два события (обращение проконсула и переименование имени) находятся в связи. Итак, в чем состоит эта связь?

Вероятно, проконсул из любви и уважения к Павлу предложил ему свое имя, как то делали и другие знаменитые римляне с людьми, ими любимыми и уважаемыми, а Павел не отрекся от восприятия этого имени, которое по своему значению совершенно соответствовало его смирению, поскольку он называл себя меньшим из апостолов. Впрочем, обращение проконсула могло оказать влияние на употребление имени Павла и в том случае, если Савл воспринял его еще при крещении. До сих пор оно, как еще малоизвестное, оставалось без употребления. Но с этого времени апостол из уважения к вере проконсула и, может быть, по его просьбе начал постоянно применять его к себе, а прежнее имя Савл, таким образом, вышло из употребления. Менее вероятно мнение тех, кто предполагает, что апостол переименовал имя для того, чтобы не узнавали в нем прежнего гонителя христиан. С таким намерением он не избрал бы себе имени Павла, которое по сходству звучания невольно приводило на память Савла. Равным образом неосновательно мнение и тех, кто говорит, что апостол еще при обрезании получил два имени. Действительно, иудеи давали иногда при совершении этого своего обряда два имени, но всегда избирали такие, которые были несходны по звуку.

Из Пафа проповедники отплыли на твердую землю, в Малую Азию. Здесь Марк, отделившись от них, возвратился в Иерусалим вопреки желанию Павла и Варнавы (см. Деян. 13, 13; 15, 38). Последние через Пергию Памфилийскую достигли Антиохии Писидийской. В день субботний апостол со своими спутниками явился в тамошнюю синагогу. После обычного чтения из Закона и пророков начальники ее предложили посетителям сказать что-нибудь в назидание и утешение народу. Нельзя было ожидать лучшего случая для проповеди. Обширная нива представлялась сама собой, и Павел начал щедрой рукой бросать семена благовестил (см. Деян. 13, 16–41). Напомнив о благодеяниях, которыми Бог ущедрил народ еврейский, – как Он извел его из Египта, питал чудесным образом в пустыне, даровал им судей для управления и защиты, наконец, избрал на царство прежде Саула, а потом Давида, мужа по сердцу Своему – Павел утверждал, что обетование, данное Давиду об имеющем произойти из его потомства Мессии, сбылось на Иисусе, Который перед появлением Своим народу был возведен Иоанном Крестителем, но, не узанный первосвященниками, был осужден на смерть и распят согласно предсказаниям о Нем пророков. Впрочем, Бог воскресил Его из мертвых, и Он явился по Воскресении Своем многим из учеников, что также предвозвещено было пророками и самим Давидом. Во имя Сего-то Воскресшего Мессии возвещается верующим в Него отпущение грехов и оправдание, которого не мог доставить им Моисеев закон. А потому иудеям должно быть осторожными, чтобы, по примеру первосвященников отвергнув Иисуса Христа, не подвергнуться ужасной казни, которой Бог накажет презрителей Сына Своего (ср. Деян. 13, 41).

Речь эта произвела сильное впечатление на слушателей. Многие из иудеев и прозелитов (язычников, обратившихся к иудейской религии) последовали за апостолом, чтобы получить от него обстоятельное наставление в вере. В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие (Деян. 13, 44). Но столь счастливому началу не соответствовал достойный завершения этого дела конец. Иудейские раввины не могли равнодушно взирать на то, что бедные пришельцы вызывали к себе уважение всего города; может быть, соблазняла их и свобода, с которою апостолы, вопреки обыкновению иудеев, обращались с язычниками. Испытав зависти и злобы, они, вместо того чтобы своим примером располагать других в пользу нового учения, стали противоречить проповедникам и злословить их. *Вам, – отвечал им Павел со дерзновением, – первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли* (Деян. 13, 46–47). Слова эти тем более расположили в пользу Евангелия язычников, которые никогда не замечали подобного беспристрастия в иудейских раввинах, ибо последние всегда подчеркивали великое различие между иудеем и эллином. Но не менее возрастала при этом и ненависть иудеев к ним. Не имея возможности действовать против апостолов собственными силами, они возбудили против них некоторых женщин, славившихся набожностью и знаменитостью рода (любимое орудие фанатизма). Влияние последних на городских правителей привело к тому, что Павел и его спутники, отрясши прах от ног своих, оставили Антиохию (ср. Деян. 13, 44–52).

Подобные плоды принесла и проповедь Павла в Иконии. Великое число язычников и иудеев признало над собой победу Евангелия, но некоторые из последних были столь упорны, что отвращали от веры и других. Постоянство апостолов, которые, несмотря на опасность, продолжали трудиться над обращением заблудших, дало время созреть злобе врагов их. Дошло до открытого возмущения: весь город разделился на две части, из которых одна почитала Павла и Варнаву за посланников Божиих, а другая обвиняла их как врагов отечественной религии. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слепыми вождями, устремилась для умерщвления свидетелей истины, но они, будучи заблаговременно предупреждены об угрожающей им опасности, удалились в ликаонские города Листру и Дервию (см. Деян. 14, 1–7).

Здесь чудотворная сила Павлова произвела самое необыкновенное действие на сердца жителей города. Доказательством этому служит следующий случай. В Листре среди слушателей Павла находился некий нищий, который не владел ногами от самого рождения. Сила слова, а может быть, и слух о необыкновенных деяниях новых проповедников настолько расположили его к христианству, что он в духе живой веры ожидал от них себе исцеления. Павел, взглянув на него и прочитав это на его лице, именем Иисуса Христа велел ему встать на ноги и ходить. Хромой вскочил, как будто никогда и не был увечным. Явленное чудо должно было уверить всякого в непосредственном содействии Божию тому человеку, который произвел его, но в глазах ликаонцев-идолопоклонников оно показалось признаком непосредственного присутствия самих богов. *Боги, – говорили они, – в образе человеческом сошли к нам* (Деян. 14, 11). Варнава, как старший летами, почтен был за Зевса, а Павел, отличавшийся даром слова, за Ермия (Гермеса). Весть о явлении богов немедленно распространилась по всему городу. Жрец идола Зевса поспешил приготовить жертву и вывел за город (где было произведено чудо) волов, увенчанных венками, чтобы вместе с народом совершить жертвоприношение.

Чудотворцы не менее ликаонцев изумились, когда узнали, что им готовится божеская почесть. Разодрав свои одежды, они бросились в середину народа (который, вероятно, несколько удалился от них из благоговения), восклицая: «Братия, что вы делаете? Мы не боги, а люди, вам подобные. Мы проповедуем, чтобы вы оставили ложных богов, вами почитаемых, и обратились к Единому Истинному Богу, Который есть Творец неба и земли. Он попустил язычникам ходить до времени своими путями, следовать своему нечистому образу мыслей о Боге, впрочем, никогда не оставляя их без свидетельства о Своем бытии. Блага, которыми вы наслаждаетесь, дожди, падающие с неба, благорастворение воздуха, плодоношение полей и виноградников ваших – все есть дар Его Отческой десницы» (ср. Деян. 14, 15–17). Эти разительные слова едва убедили суеверный народ оставить свое безумное намерение и не приносить им жертвы.

Столь неимоверное уважение ликаонцев к Павлу и Варнаве позволяло ожидать, что весь их город обратится ко Христу. Так, конечно, и было бы, но иудеи превратно истолковали их слова, обвинив во лжи. Воспрепятствовав успехам проповеди Евангелия в Антиохии и Икони, они не могли равнодушно слышать об успехах апостолов в ликаонских городах. Придя в Листру, иудеи своей клеветой до того довели неразумный народ, что он побил камнями того самого человека, который недавно был почитаем ими за Гермеса. Изнемогший под ударами камней, Павел упал на землю и, почитаемый за мертвого, был вытащен за город как злодей, недостойный погребения. Какое торжество для его злобных врагов! Но истина бессмертна. Те из листрян, которые остались верными Христу, собрались вокруг своего полумертвого учителя. Подкрепляемый благодатью и чистой совестью, он, собравшись с силами, встал и в сопровождении своих почитателей возвратился в город. Поскольку нельзя было ожидать успеха проповеди у ожесточенного народа, то Павел удалился из Листры в Дервию. Злоключение, которое им довелось претерпеть в первой, вознаграждено было духовным утешением в последней: здесь многие со всем усердием присоединились к числу учеников Господа (см. Деян. 14, 21).

Нельзя при этом не заметить, что в ряду противников христианской религии почти всегда первыми и упорнейшими были иудеи – замечание, подтверждаемое не только историей апостольского служения Павлова, но и всей историей Христианства первых веков. Закоренный предрассудок, гласящий что они одни вследствие завета Божия с Авраамом имеют право на благодеяния Божии, ниспосланные в лице Мессии, ложное мнение, сводящееся к тому, что исполнение обрядового закона достаточно для оправдания себя перед судом Божиим, и другие заблуждения, питаемые гордостью и корыстолюбием, преграждали путь к сердцам иудеев благотворному учению о вере во Иисуса Христа. Им нужна была не такая религия, которая уравнивала бы их с язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще более возвышала бы их мнимые права и преимущества.

Не таково было состояние язычников. Им нечем было хвалиться во плоти, они не считали своими предками Авраамов и Давидов, были *чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире* (Еф. 2, 12). Приверженность к бездушным идолам, ослабляемая философией и здравым смыслом, уже давно погасла во многих из них. Нужда в новой лучшей религии давно пробудилась и сделалась почти всеобщей потребностью того времени. Потому-то многие из язычников уже тайно или явно держались иудейства, которое при всех несовершенствах своих привлекало сердца служением единому Богу. Но иудеи, позволяя язычникам участвовать в своих благочестивых собраниях и разделять с ними надежду жизни вечной, не переставали, однако же, выставять перед ними свои преимущества, не стыдились твердить, что язычник не иначе может войти в рай, как под ризой иудея. Итак, могли ли язычники равнодушно внимать провозвестникам

Евангелия, которые отверзали для них врата Царствия Небесного, затворяемые раввинами? Могли ли они не прославлять благодать Божию (см. Деян. 13, 48), которая простерла и на них отеческий взор свой, даруя им религию, которую давно искало их сердце? Естественно, что они охотнее иудеев преклонялись под легкое иго Евангелия и постоянно носили его.

На обратном пути в Антиохию Павел снова посетил своих учеников в Листре, Иконии и Антиохии Писидийской (см. Деян. 14, 21–23). В его отсутствие они должны были претерпеть много зла как от иудеев, так и от язычников, оставшихся во тьме идолопоклонства, а потому присутствие его было для них присутствием Ангела-утешителя. Земные утешения не могли иметь места в этом случае: вера питается не землей, а небом. Павел старался открыть для них неисчерпаемый источник утешения в самом существе принятой ими религии, вразумляя их, что Царствие Божие, внутреннее соединение с Богом в духе, не иначе может быть достигаемо, как путем скорбей и искушений. Для устроения внешнего порядка между новообращенными, распространения истинной веры и благоденствия он рукоположил к каждой Церкви пресвитеров и, препоручив их Господу, отправился со спутниками в дальнейший путь. Пройдя через Пергию, в которой они проповедовали Слово Божие, путешественники достигли Атталии, из которой отплыли обратно в Антиохию (см. Деян. 14, 24–27). По их прибытии немедленно собрались верующие: каждый желал услышать об успехах проповеди. Повествование Павла исполнило сердца всех радостью и благодарением Промыслу, который отверз дверь веры для язычников.

В Деяниях апостолов не сказано, как долго продолжалось первое путешествие Павла по обращению язычников. Надобно полагать, что оно длилось около двух лет. Нужно было время и на путешествие, и на проповедь, и на устроение новосозидаемых Церквей. Так, о пребывании Павла в Иконии сказано, что оно продолжалось довольно долго (см. Деян. 14, 3), притом, что апостолы проповедовали еще и в некоторых других городах, о которых не упоминает святой Лука (см. Деян. 14, 6).

Пробыв довольно долго в Антиохии, Павел должен был в третий раз идти в Иерусалим. Поводом к этому путешествию было нестроение, происшедшее в Антиохийской Церкви, виновниками которого были иудействующие христиане. Придя из Иерусалима, они, возроптав, начали внушать братьям, что без соблюдения обрядового закона, особенно без обрезания, невозможно получить спасение. Павел с Варнавой ревностно восстали против этого заблуждения, столь несовместимого с христианскою свободой. Уважение, которым они пользовались за свои апостольские труды, придавало значимость их мнению, но при необходимости выходцы из Палестины могли сослаться также в качестве примера и на старейших апостолов, обычаи Иерусалимской Церкви и тому подобное. Споры, происшедшие по этому случаю, окончились ничем, и юная годами Церковь Антиохийская, не имея возможности самостоятельно разрешить возникшие недоумения, решила прибегнуть к совету своей Матери – Церкви Иерусалимской, положив Павлу и Варнаве отправиться по этому делу к апостолам и пресвитерам в

Иерусалим. Для отвращения подозрений в пристрастии они взяли с собой некоторых из братьев, вероятно, таких, которые придерживались противного мнения.

Проходя Финикию и Самарию, путешественники утешали и радовали тамошних христиан своим повествованием об успехах их проповеди и обращении язычников (см. Деян. 15, 3). С таким же удовольствием слушали их рассказы об этом и в Иерусалиме. Торжество веры христианской было тогда торжеством каждого христианина. Между тогдашними учениками и последователями Церкви Христовой совсем не было еще того преступного равнодушия к успехам своей религии, которое, наконец, сделалось едва ли не всеобщим спустя 18 столетий.

Для разрешения спорного вопроса, предложенного Павлом, собралась вся Иерусалимская Церковь. Но не было согласия и здесь, так же как и в Антиохии. Уверовавшие фарисеи упорно требовали, чтобы обращающиеся язычники были подвергаемы обрезанию. Ожидали мнения председателей собора – апостолов. Петр, вразумленный в тайну спасения язычников посетившим его откровением, первый предложил, что не следует возлагать на язычников того ига (обрядового закона), которого не могли понести сами иудеи. После этого начал говорить Павел. Вместо рассуждений и доказательств он рассказал собранию историю своего апостольского путешествия, из которой самым очевидным образом открывалось, что Дух Святой в излиянии даров Своих на учеников Павловых не полагал никакого различия между обрезанными и необрезанными и что, следовательно, обрезание не составляет необходимой принадлежности Нового Завета. Наконец, речь Иакова, который сказанное Петром и Павлом подкрепил пророчествами из Ветхого Завета, утвердила торжество истины над предрассудком. Во имя Святого Духа было положено даровать обращающимся язычникам свободу от обрядового закона, с некоторыми необходимыми ограничениями, состоящими в том, чтобы язычники воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удушения и крови и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе (ср. Деян. 15, 20). Павлу и Варнаве вручен был ответ, долженствовавший успокоить Антиохийскую Церковь.

Но были еще и другие обстоятельства Павлового служения, которые доставляли ему беспокойство. Необыкновенные успехи, которыми Провидение благословляло его проповеднические труды, дар чудес, сообщенный ему в избытке, служили для него порукой, что он верно исполняет высокое звание апостола, не повреждая слова Божия, как многие, но проповедуя искренно (ср. 2 Кор. 2, 17). Но Павел всегда помнил, что он, как и другие апостолы, носит сокровище благодати в глиняных сосудах (ср. 2 Кор. 4, 7), что дар апостольства, подобно другим духовным дарам, требует от обладающего им строгого надзора за своими поступками, непрестанной проверки должного его употребления, а потому желал испытать чистоту своего учения, проповедуемого им язычникам, заручившись мнением о том прочих апостолов, чтобы, как он сам говорит, убедиться, не напрасно ли он подвизался и подвизается в деле проповеди (см. Гал. 2, 2). Враги Павловы, то есть враги Креста Христова, как увидим, всюду будут разглашать, что он учит не тому, о чем проповедуют другие многие. Чтобы заградить им уста, надо было получить одобрительное свидетельство о своем учении от прочих апостолов. И Павел, который почитал законом стараться о добром не только перед Господом, но и перед людьми (ср. 2 Кор. 8, 21) и представлять себя на суде совести всякого человека (ср. 2 Кор. 4, 2), наедине предложил Петру, Иакову и Иоанну благовествование, проповедуемое им язычникам. Они не нашли в нем ни излишества, ни недостатка, и единодушно признали в Павле великое достоинство его как учителя языков, прося об одном, чтобы он располагал обращающихся язычников к оказанию помощи палестинским христианам, которые претерпевали крайнюю бедность, что Павел, говоря его словами, и *старался... исполнять в точности* (Гал. 2, 10).

По возвращении из Иерусалима Павел продолжал трудиться над устройством Антиохийской Церкви, утверждая в вере и благочестии ее первохристиан (см. Деян. 15, 35). К этому времени относится и обличение им Петра, о котором упоминается во второй главе Послания к Галатам. Петр, по прибытии своем в Антиохию, сначала, подобно Павлу, свободно общался

с уверовавшими язычниками и разделял с ними их трапезу, но когда пришли от Иакова некоторые из иерусалимских иудеев, то он, не желая обнаружить перед ними свободы христианской, начал устраняться от трапезы с обращенными язычниками. Пример его так сильно подействовал на других, что этим лицемерием (так назван Павлом поступок Петра) был увлечен даже Варнава, ревностный дотоле защитник свободы христианской. Предостерегая от соблазна некоторых иудеев, Петр тем самым уже соблазнял всех язычников, тогда как последние имели большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми, ибо они водились истиною, а иудеи пред рассудком. Павел видел эту опасность уклонения от Евангельской истины и перед лицом всех сказал Петру: *если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески* (не наблюдая различия яств, предписываемого законом Моисеевым), *а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски* (Гал. 2, 14). Павел не упоминает, какое действие произвело в Петре его обличение. Без сомнения, последний увидел и исправил свою ошибку.

Второе апостольское путешествие

К тому времени Антиохийская Церковь уже была богата наставниками и притом вполне утверждена на краеугольном камне – Иисусе Христе. Труды Павла перестали быть для нее необходимыми. Между тем сердце его стремилось видеть чад своих по вере и породить новых от нетленного семени слова Божия. Руководствуясь этими чувствами, он предложил Варнаве предпринять второе апостольское путешествие. Этот верный соучастник намерений и трудов Павловых со всем усердием готовился сопутствовать ему, но выбор себе сотрудников заставил их разлучиться. Варнаве хотелось иметь спутником Иоанна, называемого Марком, своего сродника. Павел почитал недостойным такой чести человека, который в предшествующем путешествии оставил их без всякой достаточной на то причины. Следовало опасаться, что он, уstraшенный опасностями и трудами, снова оставит их, что послужило бы соблазном для новоначальных христиан. Поэтому Павел хотел взять в сотрудники Силу, пришедшего с ним из Иерусалима, в способностях и ревности которого он имел уже возможность увериться из его проповедания слова Божия к антиохийцам. Варнава не соглашался. Павел еще менее способен был истины ради уступить ему в этом, от чего и произошло огорчение.

Апостол, взяв с собой Силу, отправился в путь без Варнавы, который вместе с Марком поплыл на Кипр (см. Деян. 15, 35–41). Разногласие это не погасило в душе апостола христианской любви к Варнаве и самому Марку. В посланиях, написанных Павлом после этого, он всегда с похвалой упоминает о первом (ср. Гал. 2, 9; 1 Кор. 9, 6), не забывает и последнего, свидетельствуя, что Марк в сотрудничестве для Царствия Божия был ему отрадой (ср. Кол. 4, 10). Таково свойство чистой ревности по истине! Она всегда предпочитает дело Божие связям и расчетам человеческим; смело говорит истину вопреки тому, кого любит; готова, если не может разуверить, удалиться от него, но никогда не изменяет главному закону любви; с радостью слышит об успехах того, от кого удалилась; находит в нем похвальным все то, что действительно заслуживает похвалы, и вновь охотно соединяется с ним, коль скоро исчезает причина разделения. Такая миролюбивая ревность есть плод зрелой мудрости и бескорыстного служения Иисусу Христу.

Пройдя Сирию и Киликию и уверившись в твердости тамошних христиан, Павел достиг Дервии и Листры. В последнем городе он нашел себе юного, но неумолимого сотрудника, который впоследствии сделался достойным того, чтобы о нем сказано было филиппийцам: *я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас* (Флп. 2, 20). То был Тимофей, иудей по матери, по отцу язычник. Еще до пришествия апостола он уже знал Христа и своим поведением (вероятно, и проповедью) снискал себе всеобщее одобрение не только в Листре, но и в Иконии. Павел, который сам обладал даром проникать в души и сердца, тотчас заметил редкие способности юного Тимофея и сделал его своим спутником. Поскольку же надлежало опасаться, что Тимофей, как необрезанный, будет соблазном для христиан из иудеев, которым известно было его происхождение от язычника, то апостол совершил над ним обряд обрезания. Павел, еще будучи в Иерусалиме, не согласился тогда обрезать Тита (см. Гал. 2, 3), потому что тот и по отцу, и по матери был язычник, а потому обрезание его было бы соблазнительным для других нарушением христианской свободы. Тимофей же, происходя от матери иудейки, мог быть обрезан без нарушения этой свободы, потому что в то время почти все верили, что обрезание нужно для иудея и в христианстве. Учитель язычников и здесь, как и в других случаях, смотрел на обрезание как на вещь безразличную и поступил сообразно своему мнению об употреблении таковых вещей – употреблять их так, чтобы от них получать как можно более пользы. «Павел, – говорит святитель Иоанн Златоуст в толковании на Деяния апостольские, – обреза́л Тимофея, чтобы упразднить обрезание, ибо обрезанный будет проповедовать учение апостола о том, что не нужно обрезание». Таковой поступок, по замечанию

того же отца Церкви, обнаруживает, что Павел был совершенно свободен от предрассудков, что он, при всей ревности по свободе христианской, не относился, однако же, с предубеждением к обрезанию, знал его цену и умел извлекать из него пользу.

В сопровождении Тимофея Павел посещал прежние города, извещая учеников об определении Иерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся в Христианство язычников от обрядового закона. Извещение это было тем нужнее, что из Палестины уже готовились выйти безрассудные ревнители сени законной, чтобы воспрепятствовать трудам и успехам апостола. Павел скоро, не задерживаясь надолго, проходил те места, в которых ранее проповедовал Евангелие, конечно, потому, что посеянные им семена жизни сами собой давали вожделенные плоды. Впрочем, и краткое посещение селений прежним учителем сопровождалось ежедневно видимым увеличением числа верующих и утверждением в вере слабых (ср. Деян. 16, 4–5). В это время была основана Павлом Галатская Церковь, которая сначала принесла своему основателю весьма много духовной радости, а потом еще более сердечной печали. Несмотря на видимую бедность Павла и на гонения, которым он всюду подвергался, галаты приняли его со всем уважением, приличествующим посланнику Божию, и слушали его как Ангела Божия, как Самого Иисуса Христа. Любовь к его учению и преданность ему вскоре возросли в их сердцах до того, что они, если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему (ср. Гал. 4, 13–15). Столь благословенное сеяние, без сомнения, принесло бы богатейшую жатву, если бы плевели иудейства, посеянные руками выходцев из Палестины, не проросли бы на этой удобренной благодатью ниве, как увидим впоследствии (см. Гал. 2, 4–5).

Из Галатии апостол хотел отправиться на проповедь слова Божия в Асию, но был удержан Духом Святым. Подобным образом провидение остановило его, когда он из Мисии намеревался перейти в Вифинию (см. Деян. 16, 6–7). Очевиднейшее доказательство того, как все великое дело распространения христианской религии зависело от невидимого управления Духа Божия! Один только этот Водитель, испытующий сердца и утробы, мог безошибочно видеть, где труды проповедников Евангелия не останутся без плода. Асия и Вифиния, конечно, еще не были способны к тому, чтобы для них воссиял свет славного благовествования о Христе.

Так вместо Вифинии Павел оказался в Троаде (см. Деян. 16, 8), городе, лежавшем недалеко от древней Трои, на восточном берегу Эгейского моря. Здесь в ночном видении предстал ему некий муж, моля его прийти к ним в Македонию для подания духовной помощи, из чего апостол заключил, что сам Промысл призывает его благовествовать там. Немедля проповедники отплыли в Самофракию, на другой день прибыли в Неаполь, один из приморских городов Македонии, и, не останавливаясь в нем, поспешили в Филиппы. Здешние иудеи имели за городом у реки молитвенный дом. Придя туда в субботний день, апостол вступил в разговор с женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую почву; особенно тронута была ими одна богатая и набожная женщина из Фиатира, торговавшая багрянницей, по имени Лидия. Крестившись со всеми своими домашними, она убедила проповедников избрать дом ее своим жилищем (см. Деян. 16, 12–15).

После этой утешительной встречи поджидала апостола новая и весьма неприятная. В городе том одна служанка была одержима духом прорицания, которая через предсказывание будущего доставляла большой доход своим господам. Принуждаемая духом злобы или собственной совестью, эта несчастная сопровождала Павла всякий раз, когда он шел на молитву, и громко кричала: «Эти люди – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения» (ср. Деян. 16, 17). Павел, который подобно великому своему Учителю, Иисусу Христу, не хотел, чтобы божественность Его учения получала свидетельство из таких уст, которые разверзались бы для пророчества по любостыжанию, именем Господа повелел нечистому духу выйти из нее. Прорицавшие уста служанки умолкли, вместе с этим господа ее поняли, что рушатся и их корыстолюбивые надежды на получение дохода. Нечистый дух, вышедший из первой, как бы перешел в последних. Они напали на Павла и его спутников и повлекли их на судилище.

Если не совесть, то благоприличие не позволяло открыть им истинную причину своего негодования на добродетельных и миролюбивых странников, и корыстолюбие, по обыкновению, прикрылось личиной любви к отечеству и религии. Говорили: «Эти люди, иудеи, возмущают наш город, проповедуя богослужение, которого нам, римлянам, принимать и исполнять не следует» (ср. Деян. 16, 20–21). Обвинение подействовало. Мятежный народ толпой бросился на оболганных проповедников Евангелия. Сами судьи, забыв свое достоинство, осыпали их ударами. Изъязвленные, они были ввержены в темницу, начальнику стражи которой было приказано усугубить за ними надзор. Для большей безопасности ноги узников были забиты в колоду.

Но для слова Божия нет уз (2 Тим. 2, 9). В полночь, когда земные судьи совершенно не думали уже об узниках, Павел воззвал к Судии Небесному, но не для того, чтобы молить Его об отпущении, а чтобы в духе веры и святой преданности излить перед Ним чувства хвалы и благодарности.

Оглушаемая ропотом и воплями отчаяния темница, может быть, в первый раз огласилась звуками чистой равноангельской молитвы – зрелище, умилительное для всякого, кто не закоснел в грехе, способное пробудить совесть самого упорного грешника! Узники слушали апостолов безмолвно, со вниманием. Слышал и Тот, перед Кем не утаится ни одна слеза невинная, ни один вздох правды. Случившееся землетрясение вдруг с такой силой поколебало основания темницы, что все двери ее растворились сами собой. Между прочим произошло то, чего обыкновенное землетрясение никогда произвести не может – с заключенных спали все узы. За умилительным явлением непоколебимой преданности Промыслу Божию последовало явление сердечного сокрушения и душевного прозрения.

Отверстые двери темницы не позволяли сомневаться в том, что узники воспользуются этим случаем для своего спасения. Тем более надлежало опасаться за Павла и его спутников, отданных под особый надзор. Поэтому начальник темничной стражи извлек меч и хотел, умертвив себя, вслед за мнимыми беглецами бежать – из этого мира. Он не знал Бога Павлова, не знал, что на апостолах были другие узы, которых не могло расторгнуть никакое потрясение не только земли, но и неба, что они были связаны Духом Святым (см. Деян. 20,22). *Не делай себе никакого зла*, – воскликнул Павел, – *ибо все мы здесь* (Деян. 16, 28). При этих словах гибельное смятение души – отчаяние, уступило место новому смятению чувств в душе римлянина. Он с трепетом вошел в темницу и, не видя более уз на заключенных, убедился, что никто из них не помышлял о бегстве. Можно ли было не повергнуться с благоговением перед такой торжествующей непорочностью? Римлянин пал к ногам Павла и Силы и молил разрешить собственные его узы, узы душевного ослепления, в которых держало его и до служения. Такова сила влияния добра на человеческое сердце! В то время как свод римских законов и угроза казней не могли исправить преступные сердца, одно молитвенное излияние сердечных чувств, сделанное узником, так сильно подействовало на находившихся в темнице преступников, что они явили пример повиновения законам, достойный времен Регула¹⁶! Но узник этот был – Павел! Проникнутый страхом Божиим, начальник темничных стражей не думал более о страхе человеческом. Проповедники взяты были к нему в дом, их раны омыты, а ему преподано крещение.

Когда таким образом с усердием проявлена была к Павлу и его сотрудникам сердечная признательность новых чад его по вере, сама злоба врагов должна была преклониться перед их кротостью и невинностью. Градоправители, пораженные ужасом необыкновенного землетрясения, которое представлялось им наказанием за оказанную несправедливость и опрометчивость, беспристрастнее рассмотрев дело и, наконец, узнав о случившемся в темнице, прислали к начальнику темничной стражи приказание отпустить апостолов.

¹⁶ Марк Этилий Регул (? – ок. 248 г. до Р.Х.) – римский полководец.

Тот с удовольствием поспешил его исполнить, но напрасно. Как, – возразил Павел, – *нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас* (Деян. 16, 37). В самом деле, наказать римского гражданина розгами и притом без суда (как был наказан Павел) значило оскорбить величие Рима и кесаря. Наказанный таким образом мог подвергнуть судей своих строжайшей ответственности. Но не этого хотел Павел. Он желал только одного – воспрепятствовать соблазну, который мог произойти, если бы апостолы тайно удалились из Филипп: враги его не преминули бы разгласить, что проповедники Евангелия спаслись постыдным бегством, воспользовавшись землетрясением, разрушившим темницу. Поэтому, когда градоначальники явились и, признав свою вину перед Павлом, смиренно молили его оставить город, он беспрекословно повиновался их желанию. Одно только могло еще удерживать проповедников в Филиппах – потребность утвердить в вере новообращенных, но чудо землетрясения, как справедливо замечает святитель Иоанн Златоуст, еще сильнее должно было располагать в пользу Евангелия филиппийцев по отшествии тех, для кого оно было произведено Промыслом, к тому же вместо проповедника с ними оставался обращенный начальник темничной стражи. Из того, что апостолы не решились, вопреки просьбам градоначальников, остаться в городе, хотя имели на то полное право, видно, как тщательно избегали они всех случаев послужить поводом к народным беспокойствам.

Через Амфиполь и Аполлонию Павел пришел в Фессалонику, главный город второй области в Македонии (см. Деян. 17, 1). По обыкновению, проповедь его первоначально обращена была к своим единоплеменникам. В продолжение трех суббот (дни обыкновенных собраний в синагогах) он говорил с ними из Писаний, доказывая по пророческим книгам, что Мессии надлежало пострадать и воскреснуть и что проповедуемый им Иисус есть истинный Мессия. Множество иудеев, прозелитов и в том числе знатных женщин сделались его учениками. Павел обращался с ними, как мать обходится с младенцем (см. 1 Фес. 2, 7), не скрывая, впрочем, от них и тех бедствий, каким они могут подвергнуться за искреннее исповедание Христа (см. 1 Фес. 3, 4). В предостережение и утешение братии он раскрыл перед ними учение о последних временах и последнем противнике Христианства – антихристе, которое, как мы увидим, послужило для некоторых из них, по причине суетности людей, поводом к недоразумениям (см. 2 Фес. 2, 2-12). Несмотря на то что проповедь не оставляла апостолу времени на другие дела, он не хотел получать пропитания от учеников своих и содержал себя собственными трудами, работая по ночам (см. 1 Фес. 2, 9), а частью милостыней, которую присылали ему филиппийцы (см. Флп. 4, 16). Фессалоникийцы чувствовали его апостольское бескорыстие и принимали слово его не как человеческое, но как слово Божие (ср. 1 Фес. 2, 13).

Не было недостатка и в упорных врагах истины. Подговорив некоторых негодных людей, они вызвали в народе возмущение. Неистовая толпа с криком устремила к дому Иасона, в котором остановился Павел со своими спутниками, и, не найдя их, повлекла Иасона на судилище. *Эти всесветные возмутители, – кричали они, – пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса* (Деян. 17, 6-7). Нельзя было клевете избрать обвинения более удачного. От него пострадал Божественный Основатель Христианства, от него преимущественно, как явствует из истории гонений на христиан, страдали и распространители вероучения. Градоначальники приведены были в великое смущение: надлежало ожидать самых печальных последствий. Но Иасон успокоил их, убедив, что нет ни малейшего повода к возмущению, и, может быть, дав обещание, что принятых им странников скоро не будет в городе.

В следующую ночь Павел и Сила действительно препровождены были в Верию – город, относящийся к третьей Македонской области. Здешние жители, как замечает святой Лука, были гораздо благомысленнее фессалоникийцев. Выслушав проповедь о Мессии, они поступили так, как надлежало поступить всякому здравомыслящему иудею: сличили услышанное с

тем, что находится в книгах Ветхого Завета – черты возвещаемого Мессии с чертами Обетованного (см. Деян. 17, 10–12). Следствием столь благоразумного испытания новой веры, по необходимости, было ее усердное принятие. Но фессалоникийские враги Павловы не дали продолжиться его духовному торжеству над сердцами благомыслящих вериан. Придя в Верию, они возмутили народ, и подвижники Евангелия снова должны были исполнить совет Спасителя: *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10, 23). Оставив Тимофея и Силу с повелением скорее последовать за ним, Павел удалился в Афины (см. Деян. 17, 14–15).

Появление его в Афинах – одно из замечательнейших зрелищ, представляемых Новым Заветом, и в особенности историей Деяний апостольских. Здесь великому учителю языков представился случай явить все величие своего духа, всю мудрость, приличествующую посланнику Божию. Доселе он имел дело или с суеверными почитателями обрезания и субботы, или с язычниками, слепо кланяющимися бездушным истуканам. Ныне надлежало возвестить слово крестное и мудрым века сего, водрузить крест и там, где доселе видны были только портики философов. Афины были наводнены философами и – идолами! Мудрость греков еще имела здесь свою столицу, но дух Сократа, который почитал философию устроительницей благоденствия человеческого, давно исчез. Последователи выпяренного Платона были жалкими мечтателями, ученики привлекательно мудрого Эпикура – низкими плотоугодниками; воспитанники суровой Стой¹⁷ – лицемерными самохвалами. Религия была для здешних философов частью гражданского законоположения, которое, несмотря на все свои нелепости, должно было оставаться неприкосновенным из уважения к народным предрассудкам. Они смеялись над богами внутри своих кабинетов, но с благоговением падали ниц перед ними на торжищах. Образованнейшая часть народа разделяла с философами внутреннее равнодушие к религии, менее просвещенная – погружена была в самое грубое суеверие. Впрочем, дух набожности, может быть, как следствие прежней здоровой философии, продолжал быть характерным для афинян: их город был наполнен храмами и жертвенниками, и некоторые были посвящены неведомым богам.

Среди этого-то народа, который из прежней мудрости своей сохранил только одно ее свойство – любознательность, и то в превратном виде, Павел должен был возвестить имя распятого Богочеловека. Он хотел отложить начало своей проповеди до прибытия Тимофея и Силы, чтобы в соединении с ними еще слышнее был голос истины. Но сердце его раздиралось от жалости при виде множества истуканов, которыми просвещенные афиняне гордились как некоей драгоценностью. И Павел начал проповедовать один, сначала в синагоге – иудеям, потом на площади – всем жителям без разбора. В числе его слушателей были стоики и эпикурейцы, которые остались недовольны услышанным, ибо он проповедовал об Иисусе Христе и Его Воскресении (см. Деян. 17, 16–18). Ни те ни другие не верили и Павлу. Одни видели в нем пустослова, который хочет убедить людей в том, чему нельзя верить, другие почитали его за провозвестника новых, неслыханных богов. Однако же проповедь Павла никого не оставила равнодушным. Желая знать больше о новом учении, его привели в Ареопаг и попросили повторить услышанное. Это стало поводом к произнесению им той речи, которая в полной мере показала, что Божественный Основатель Христианства всегда верно исполнял обещание Свое подавать благовестителям Его учения, в случае нужды, уста и премудрость. Для проповеди слова Божия Павел избрал такой тон, какой должен принимать каждый защитник Христианства, имеющий дело со строптивой философией. Он оставил на время все, что связано с историей христианской веры, начав с истин здравого смысла, почерпнутых из рассмотрения природы, человеческого общества и совести – тех высоких истин, которые составляют внутреннее основание Христианства. Как, благовествуя иудеям, он находил опору для проповеду-

¹⁷ Направление философии, получившее свое название от греческого названия галереи с колоннами в Афинах, где учил философ Зенон.

емого Христианства в самой иудейской религии, так и здесь он открыл на мертвом древе язычества место, куда можно было привить живоносные ростки новой религии.

«Афиняне! – воскликнул он, – по всему вижу я, что вы очень набожны, ибо я, обходя и обозревая ваши святыни, нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Этого-то Бога, Которого вы, не зная, почитаете, я проповедую вам» (ср. Деян. 17, 22–23). Слова эти должны были привлечь к себе величайшее внимание афинян. Многозначительная надпись: «неведомому Богу», вероятно, уже давно заставляла хотя бы некоторых из них погружаться в размышления. Даже если они и не были до сих пор внимательны к ней, то напоминание, сделанное Павлом, должно было непременно пробудить в душе их мысли, которые могли только заключаться в словах: Божество неведомое! Павел вызвался быть Его провозвестником. Можно ли было не обратить внимания на его слова? Впрочем, афиняне могли ожидать от него не более как повести о каком-нибудь иноземном, для них неслыханном, но обыкновенном, подобном их истуканам, божестве. Следовало изобразить в кратких чертах величие того Бога, Которого он проповедовал, чтобы, приведя их к забвению идолов, возвести их ум и сердце на высоту истинного Боговедения.

«Бог, – вещал Богодухновенный вития, – сотворивший мир и все, что в нем, будучи Господом неба и земли, не живет в рукотворенных храмах и не требует служения рук человеческих по какой-либо нужде, но Сам дает всему жизнь и дыхание и все» (ср. Деян. 17, 24–25).

Перед этой беспредельной идеей о Всемогущем Творце всяческих сами собой исчезали все неправильные понятия о божествах, заключаемых в капища, и истуканах.

Произведя, продолжал Павел, от одной крови всех человеков, Он расселил народы по всему лицу земли, назначив жительству каждого из них предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли и не найдут ли Его, хотя Он и недалек от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили «мы Его и род» (ср. Деян. 17, 26–28).

Из этих рассуждений о намерении Творца по устройению мира и человеческого общества как средств к распространению познания о Нем между разумными тварями апостол заключал об истинном почитании, которое причисляет к совершенному Существо. *Итак мы, будучи родом Божьим, – говорил он, – не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого* (Деян. 17, 29).

Озарив, таким образом, светом естественной религии безобразие идолов и бесславие их почитателей, Павел начинает приподнимать завесу, скрывающую величественное здание богооткровенной религии, им возвещаемой.

Бог, попустив быть временам неведения, ныне всем человекам проповедует покаяние, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа, о чем дал Он доказательство всем, воскресив Его из мертвых (ср. Деян. 17, 31).

Услышав о воскресении мертвых, многие из мнимых мудрецов не хотели более слушать. Так самая утешительная истина здравого смысла была нестерпима для гордых безумцев, которые, не обращая внимания на то, чтобы иметь Бога в разуме, осустились умствованиями своими, и преданы были похотям сердец их (ср. Рим. 1, 21). Павел умолк. Впрочем, не все слова его пали на камень и в терны; некоторые из слушавших сокрыли их в сердце своем и уверовали во Иисуса Христа, в том числе и знаменитый Дионисий Ареопагит (см. Деян. 17, 34).

Забываясь о умножении новых членов Церкви Христовой, Павел не оставлял попечения и о прежних чадах своих. Испытав тяжкое гонение от фессалоникийских иудеев, он не без основания думал, что юная Церковь Фессалоникийская находится под тяжким крестом. Поэтому Павел дважды собирался возвратиться в Фессалоники (см. 1 Фес. 2, 18), но, удерживаемый непредвиденными препятствиями, отправил туда Тимофея, служителя Божия, для укрепления в вере тамошних христиан (см. 1 Фес. 3, 1–2).

Павел, между тем, недолго оставался в Афинах. Склонность к новостям, в силу чего его слушали пытливые афиняне, должна была скоро наскучить им неизменяемыми истинами, которые возвещал проповедник Креста Христова, и он удалился в Коринф (см. Деян. 18, 1).

Здесь один иудеянин, по имени Акила, незадолго перед тем пришедший из Рима (вследствие Клавдиева указа об изгнании иудеев из столицы империи), принял его в свой дом. Поскольку Акила занимался тем же ремеслом, в котором искусен был и Павел, то последний разделял с ним его труды. Однако и главный долг, лежавший на нем, не оставался без исполнения. Каждую субботу синагога оглашалась именем Иисуса Христа. Безуспешность проповеди была некоторым образом вознаграждена утешительным известием, которое принесли с собой Тимофей и Сила, возвратившись из Фессалоники.

Тамошние христиане при всех гонениях со стороны иудеев и язычников оставались верными, но колебались умом, одолевались различными сомнениями касательно пришествия Иисуса Христа и весьма много скорбели об участи умерших. Мог ли Павел оставить без ободрения и утешения возлюбленных и верных чад своих? Он написал к ним Послание (первое по времени из Павловых посланий), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодарив их за твердость в вере, он увещевал их не скорбеть об умерших, подобно не имеющим упования, напоминая, что наступит непременно тот великий день, когда все мертвые восстанут из гробов для наслаждения жизнью вечной. Касательно же времени пришествия Христова апостол обращал внимание вопрошающих его на одно обстоятельство, столь благотворное по своему влиянию на нравственность, – его внезапность, умолял вести себя во всем неукоризненно, как то надлежит святым, быть миролюбивыми и удаляться лени.

Некоторые недоразумения, происшедшие затем в уме фессалоникийцев, побудили апостола отправить другое письмо к ним. Последние, частично не уразумев смысла апостольского учения о будущем пришествии Иисуса Христа, частично смущаемые некоторыми подложными письмами, написанными якобы Павлом (см. 2 Фес. 2, 2), утвердились в мысли, что Иисус Христос должен прийти вскоре. Некоторые из них, вероятно вследствие сего, оставили работу и занимались единственно праздными суждениями. Апостол во Втором своем Послании к Фессалоникийцам, опровергнув сомнения касательно пришествия Христа и показав, что явлению Спасителя должно предшествовать еще явление антихриста и отступление от веры, снова заповедует им, подражая его, Павлову, примеру, удаляться праздности, не вдаваться в бесполезные мечты и вести жизнь трудолюбивую. Чтобы предостеречь их от подложных посланий, он указал им на признак, говорящий о подлинности его писем, который состоял в том, что апостол имел обыкновение приписывать в конце Послания собственной рукой следующее приветствие: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами* (2 Фес. 3, 18).

Поскольку коринфские иудеи продолжали противиться и злословить, то Павел, сказав им: «Кровь ваша на главах ваших; я чист от нее, и отныне пойду к язычникам» (ср. Деян. 18, 6), перешел от Акилы в дом некоего язычника Пуста. Близость его нового жилища к синагоге (ибо дом Иустов был подле нее) показывала, что он в этом случае поступил сообразно своему мудрому правилу – мнимым пристрастием к язычникам возбуждать ревность в сродниках своих по плоти, для их спасения. Такая заботливость его о своих единоплеменниках принесла долгожданные плоды: вскоре крестился сам начальник синагоги Крисп со всем своим домом. Из язычников также обратилось немалое число, но еще гораздо большее готовилось совершить это, о чем Павел был извещен откровением. Кажется, что угрожающая ему опасность вызвала было в нем намерение оставить Коринф. Поэтому Господь, явившись апостолу, сказал: *не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе* (Деян. 18, 9-10). Вследствие этого он проповедовал коринфянам еще в течение восемнадцати месяцев. Сими продолжительными трудами так была утверждена и благоустроена Коринфская Церковь, что Павел впоследствии называл ее печатью своего апостольства (см. 1 Кор. 9, 2). Не менее деятельной была и злоба врагов Павловых. Улу-

чив удобное время, они напали на него и привели к проконсулу. Обвинение было уже обычное для Павла. Этот человек, говорили они, распространяет в народе почитание, несогласное с законом (ср. Деян. 18, 13). Обвиняемый хотел было говорить в свое оправдание, но проконсул, заметив, что дело идет об учении, именах и законе иудейском – предметах, совершенно чуждых римской политике, прогнал обвинителей от судилища.

Пробыв еще немалое время в Коринфе, Павел в сопровождении Акилы и Прискиллы отплыл из Кенхреи (коринфской пристани на берегу Эгейского моря, что к востоку) в Сирию и остановился в Ефесе (см. Деян. 18, 18–19). Тамошние иудеи, услышав его проповедь, просили Павла побыть у них долее, но он, дав обещание возвратиться к ним, поспешил в Иерусалим, чтобы провести там наступающий праздник (неизвестно какой). Новые спутники его, Акила и Прискилла, остались в Ефесе. В Иерусалиме, по-видимому, Павел был весьма недолго и возвратился в Антиохию, которая, став местом его посвящения на проповедь, была некоторым образом и местом его отдохновения. О деяниях его в Иерусалиме евангелист Лука ничего не говорит. Вероятно, впрочем, что он доставил туда милостыню, собранную в основанных им Церквах. Так закончилось второе апостольское путешествие Павла.

Третье апостольское путешествие

Спустя немного времени Павел предпринял из Антиохии свое третье апостольское путешествие (см. Деян. 18, 23). Пройдя Фригию и посетив Галатийскую Церковь, он, по данному ранее обещанию, прибыл в Ефес. Здесь нашел он некоторых учеников, но не встретил у них того, без чего в первенствующей Церкви нельзя было называться верующим, – видимых даров Святого Духа. На вопрос: сообщен ли им Святой Дух после крещения? – те отвечали: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой (ср. Деян. 19, 2). При дальнейшем розыске оказалось, что они крещены были только Иоанновым крещением. Апостол немедленно разъяснил им недостаточность этого крещения, показал, что Иоанн крестил в покаяние, призывая веровать в грядущего Мессию, а Тот давно уже пришел, это и есть Господь наш Иисус. Поэтому ученики Иоанна снова крестились во имя Иисуса Христа. Павел возложил на них руки, и они исполнились Святого Духа, стали говорить иными языками и пророчествовать.

После того учитель язычников занялся, по обыкновению, проповедью в синагоге. Иудеи спокойно слушали его в продолжение трех месяцев, но потом, ожесточившись, вступили с ним в неблагонамеренные споры, не устыдились даже злословить его и изыскиваемое им учение. Проповедник спокойно, со смирением мог переносить подобные оскорбления, но клевета приводила в соблазн новообращенных язычников, которые, вследствие прежнего своего отношения к иудейским учителям, еще продолжали смотреть на них как на образец. Павел увидел грозящую опасность и, отделив послушных учеников от упорных противников истины, оставил синагогу и избрал местом своей проповеди училище одного язычника, именем Тиранна, – или уже христианина, или расположенного к христианству. Здесь, будучи свободным от бесполезных прений с иудеями, он провел два года, непрерывно благовествуя. Столь долговременное сеяние, совершаемое руками Павла, который непрестанно со слезами *учил каждого* (Деян. 20, 31), должно было произрастить богатую жатву. Так и было. Поскольку в Ефес непрестанно стекалось множество народа, частью для торговли, частью для поклонения образу Артемиды, то вся Азия, как иудеи, так и эллины, услышала его проповедь об Иисусе Христе.

Сила истины учения, возвещаемого апостолом, подкреплялась силою чудес, которые в таком избытке совершались руками Павла, что, наконец, самые платки и полотенца, бывшие на теле его, начали употреблять для уврачевания болезней и прогнания нечистых духов. Это послужило поводом к самому странному происшествию, в котором, с одной стороны, обнаружилась вся гнусность корыстолюбия, с другой – достоинство и святость Павловых чудес.

В Ефесе жили семь сыновей какого-то иудейского первосвященника Скевы, которые, выдавая себя за повелителей нечистых духов, обманывали легковерный народ. Наслышавшись, как Павел именем Иисуса Христа совершал чудеса, они стали употреблять это имя при заклинаниях над бесноватыми, говоря: *заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует* (Деян. 19, 13). Показной успех такого бесстыдства, естественно, был бы во вред христианству. Промысл употребил в этом случае такого обличителя, какого только и стоили обличаемые – злого духа. *Иисуса*, – отвечал он на заклинания, – *знаю, и Павел мне известен; а вы кто?* (Деян. 19, 15). Вслед за этой укоризной последовали жестокие удары, которые наносил им бесноватый, и низкие корыстолюбцы вынуждены были спасать свою жизнь бегством. Случай этот, вскоре сделавшись известным во всем Ефесе, укрепил уважение к христианской религии. Все увидели, что дар чудотворения, украшавший ее проповедников, не есть какая-либо естественная неведомая сила, которая может быть подчинена человеческому произволу и обращена в предмет купли, но живая сила Божия, которая оказывает свое действие только там, где угодно Промыслу. Особенно обстоятельство это подействовало на некоторых людей, занимавшихся тайными знаниями и волшебством: они снесли в одно место все свои книги, служившие источ-

ником гибели для многих, и, несмотря на их высокую стоимость, предали огню (см. Деян. 19, 19).

Устроив таким образом Ефесскую Церковь, Павел стал помышлять о новых путешествиях, гораздо более обширных по сравнению с прежними, а именно: он намеревался идти в Коринф, потом в Иерусалим (см. 2 Кор. 1, 15–16), из Иерусалима думал предпринять путешествие в Рим, а оттуда пройти в Испанию (см. Деян. 19, 21; Рим. 15, 2428). С этой целью он послал предварительно в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста (см. Деян. 19, 22), по-видимому, для того, чтобы они собрали приношения различных Церквей, которые он должен был доставить бедным иерусалимским христианам.

В это время пришел к Павлу из Коринфа Аполлос (см. 1 Кор. 16, 12), трудившийся, подобно ему, над обращением язычников. С ним пришли и некоторые из братьев, через которых коринфяне писали апостолу, прося совета касательно супружеского и безбрачного состояния (см. 1 Кор. 7). От них узнал Павел о многих беспорядках, вкравшихся в Коринфскую Церковь, что было поводом к написанию Первого Послания к Коринфянам. Обличив в нем заблуждения коринфян, Павел обещался сам после праздника Пятидесятницы прийти в Коринф (см. 1 Кор. 16, 5–8). Послание было отправлено со Стефаном, Фортунатом и Ахаиком, ибо Аполлос, с которым Павлу хотелось передать его тамошним христианам, не решался так скоро возвратиться в Коринф из опасения, чтобы его присутствие снова не послужило бы для коринфян поводом к разногласиям относительно важности для себя того или иного учителя, от которых каждый из них получил крещение (см. 1 Кор. 1, 11–12).

В этом Послании апостол Павел упоминает об одном обстоятельстве своего пребывания в Ефесе, опущенном святым Лукой, которое весьма замечательно и по своему свойству, и по тем разногласиям, в кои толкователи Священного Писания впали при его изъяснении, а именно, о том, как он боролся со зверями в Ефесе (1 Кор. 15, 32). Спрашивается: в самом ли деле апостол в Ефесе был осужден, по принятому в те времена обычаю, на сражение со зверями? Никифор, писатель XIV века, так подробно описывает это сражение, как будто он сам был его очевидцем. Впрочем, его повествования и взгляд на исторические события давно уже потеряли доверие у тех, кто в истории ищет строгой достоверности. Все, что можно привести в оправдание Никифорова сказания о действительном сражении апостола Павла со зверями в Ефесе, состоит в том, что жизнь его в этом городе, как явствует из Послания к Коринфянам, на самом деле подвергалась крайней опасности (см. 2 Кор. 1, 9). Но под этой опасностью, сообразно обстоятельствам пребывания его в Ефесе, всего приличнее разуметь ту, которой подвергался он во время возмущения, произведенного в народе Димитрием-серебряником, что и увидим мы впоследствии. Если бы Павел сражался в Ефесе со зверями, то святой Лука не преминул бы хоть кратко упомянуть об этом в Деяниях, да и сам Павел не пропустил бы этого обстоятельства при исчислении коринфянам всех видов бедствий, которым он подвергался за имя Христово (см. 2 Кор. 11, 2432). При этом древние отцы Церкви, как то: святитель Иоанн Златоуст и блаженный Иероним Стридонский, которым история Павлова, без сомнения, была известнее, нежели Никифору, принимают Павлово выражение «сражался со зверями» за метафору. В самом деле, это метафора. Греки, на языке которых писал Павел, так же, как и мы, сравнивали свирепых людей со зверями. Священномученик Игнатий Богоносец в своем Послании к Смирнянам употребляет то же самое выражение, какое было употреблено и Павлом, разумея под ним свое обхождение с жестокими своими приставниками. Сам Павел употребляет подобное выражение в Послании к Тимофею, когда говорит о себе, что он был избавлен из львиных челюстей, то есть от гнева римского императора (см. 2 Тим. 4, 17).

В это же время, то есть в конце трехлетнего пребывания Павлова в Ефесе, весьма вероятно, были написаны им Послания к Титу и Галатам. Во-первых, это видно из того, что апостол повелевает Титу скорее прийти к нему в Никополь (см. Тит. 3, 12), и Тит действительно является его спутником вскоре по выходе Павла из Ефеса (см. 2 Кор. 7, 6–7, 13), а также и

из того, что заповедует Титу позаботиться об Аполлосе (см. Тит. 3, 13), который, как мы заметили, отказавшись возвратиться в Коринф, отправился на Крит. Во-вторых, это открывается из жалобы Павла на галатов за то, что они так скоро изменились в вере (см. Гал. 1, 6), ибо апостол, как мы видели, посещал уже ранее Галатийскую Церковь по пути своего следования в Ефес. Сущность Послания к Титу состоит в преподании ему правил пастырского благочиния, а к Галатам – в защите своего апостольского достоинства от клеветы иудействующих лжеучителей, которые старались унижить его перед галатами, и в защите христианской свободы от ига закона, которое первые хотели возложить на последних.

Когда таким образом Павел сражался везде за истину, по его выражению с оружием правды в правой и левой руке (2 Кор. 6, 7), сатана, которого он поразил в самое сердце основанием Церквей в знаменитых городах Азии, готовился напустить на него новую бурю. Ефес, как замечено уже было, славился храмом Артемиды, который по своему величию и несметным сокровищам считался в числе семи чудес света. Корыстолюбие художников, ободряемое слепым суеверием Артемидиных почитателей, надоумило их изготовлять искусственные подобию ее храма, которые покупались язычниками как некие святыни. Этой работой особенно славился и обогащался некий серебряник Димитрий. В его-то сердце и вошел сатана для исполнения своих злоумышлений на Павла. Собрав подобных себе ремесленников, Димитрий описал им всю опасность, которой угрожает их прибыткам распространение Христианства. «Друзья, – говорил он им, – вам известно, что от этого ремесла зависит все благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что этот Павел не только в Ефесе, но и почти во всей Азии переуверил немало число людей в том, что боги, делаемые руками человеческими, не суть боги. Что выйдет из этого? То, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и ниспровергнется величие той, которую вся Асия и вселенная почитает» (ср. Деян. 19, 25–27).

Выслушав это, толпа корыстолюбивых лицемеров, исполнившись фанатического восторга, начала кричать: «Велика Артемида Ефесская!» Возмущение тотчас распространилось по всему городу. Двое из спутников Павловых, македоняне Гай и Аристарх, были схвачены. Наступила минута решительная и вместе с тем опасная. Явиться перед разъяренной толпой возмутителей значило бы принести самого себя добровольно в жертву их лютости, искать же спасения в бегстве значило бы изменить истине, изменить своим спутникам, которые находились в величайшей опасности. Павел избрал первое, но верующие удержали его. Даже асийские начальники старались отвлечь его от этой опасности. Между тем одни из возмутителей кричали одно, другие другое, большая же часть собрания не знала, в чем обстоит дело. Поскольку Павла все почитали иудеем, то обвинение якобы в ниспровержении богов пало на иудеев (единственный случай, когда иудеи подверглись опасности за христиан, которые, по свидетельству истории, неоднократно терпели гонение за иудеев). Последние избрали некоего Александра, который должен был защитить их перед народом, сложив всю вину на Павла. Но Промысл разрушил их намерение. Узнав, что Александр иудей, язычники прогнали его со зрелища и снова в продолжение двух часов кричали: «Велика Артемида Ефесская!» (см. Деян. 19, 28–34).

Соблюсти порядок, уняв столь бурное волнение народа и освободив проповедников Христианства от опасности, выпало одному книжнику, вероятно, благоприсягавшему христианам.

«Граждане ефесские! – сказал сей искусный вития. – Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды? Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, не замеченных ни в святотатстве, ни в хулении богини вашей. Итак, если Димитрий и его товарищи имеют жалобу на кого-нибудь, на то есть судебные собрания, есть проконсулы... Мы находимся в опасности за происшедшее сегодня быть обвиненными в возмущении, так как нет законной причины,

которой мы могли бы оправдать такое стечение народа» (ср. Деян. 19, 35–40). Успокоенное этими словами собрание рассеялось.

Из слов книжника видно, что проповедники Евангелия, открывая язычникам ничтожность их истуканов, не хулили, однако же, их богов. В самом деле, пока ефесяне были уверены в божественности Артемиды, они без нарушения закона совести не могли спокойно слушать хулы на нее. Насмешки вообще ведут не к убеждению, а к досаде и ненависти. Когда признавалась истина Евангельского учения о Боге, то языческие божества падали сами собой. Такое поведение Павла служит прекрасным примером того, как должно поступать относительно других мнений и взглядов на религию. Наставляй, выводи из заблуждения, обличай, но доколе не переуверишь, не издевайся над тем, что другой почитает священным.

По усмирении мятежа Павел решился оставить Ефес. Созвав всех верующих и преподав им наставление, он пошел в Македонию. По пути апостол остановился в Троаде для благоговения о Христе (см. Деян. 20, 1–6). Здесь отверзлась для него дверь веры, но, не имея покоя духу своему (ср. 2 Кор. 2, 12–13), потому что не нашел там Тита, он поспешил в Македонию, где полагал встретиться с ним. В Македонии Павел действительно был утешен свиданием с этим ревностным сотрудником своего апостольства. Известия, принесенные Титом из Коринфа, еще более умножили радость апостола (см. 2 Кор. 7, 6–7, 13–16). Он узнал, что коринфяне приняли Послание его со всем уважением и немедленно исправили замеченные у них беспорядки и что они готовы участвовать вместе с другими в милостыне, собираемой для Иерусалимской Церкви. Узнал и о том, что неисполнение одного обещания прийти к ним некоторыми злонамеренными людьми выставляется как признак его непостоянства и что эти же люди стараются вообще унизить его апостольское достоинство перед коринфянами. Уста его при этом, как он сам говорит, отверзлись к коринфянам, сердце распространилось (ср. 2 Кор. 6, 11) от любви к ним и ревности о их спасении, и он написал Второе Послание, исполненное усердия и отеческой заботы о пасомых. В нем апостол приводит истинные причины, удержавшие его от путешествия в Коринф, благодарит за послушание, защищает свое апостольское достоинство и чистоту своего поведения, побуждает к деятельнейшему участию в сборе милостыни для иерусалимских христиан.

Из Македонии Павел перешел в Грецию (Элладу) и провел в ней три месяца, вероятно, большей частью находясь в Коринфе. Отсюда и в это время написано им достославное Послание к Римской Церкви. Павел давно желал видеть ее, утешаясь слухом о преуспевании христиан в вере (см. Рим. 1, 11–12), но обстоятельства до сих пор препятствовали ему исполнить это намерение. Между тем он слышал, что в Римской Церкви происходят нестроения среди обращенных в Христианство: язычники презирают иудеев, а иудеи язычников. Отшествие диаконов Церкви Кенхрейской Фивы в Рим представило ему случай написать тамошним христианам (см. Рим 16,1). Поскольку разногласия иудеев с язычниками были почти общим недугом, от которого страдали тогдашние Церкви, то учитель языков в Послании к Римской Церкви, как знаменитейшей между новоустроенными Церквами, пространно изложил свое учение по поводу взаимоотношений обрезанных и необрезанных христиан, а это привело его к разъяснению догматов о духовном бессилии и безответности перед Богом всего рода человеческого, о свойствах веры оправдывающей и о тех обязанностях, какие она налагает на христиан. Поэтому-то Послание к Римлянам всегда почиталось важнейшим из посланий Павловых и как бы сокращенным изложением его учения.

Собрав в Греции приношения всех Церквей, им основанных, Павел избрал было самый кратчайший путь в Иерусалим через Сирию. Но известие о злоумышлении иудеев (может быть, хотевших воспользоваться милостыней, которую он нес с собой) заставило его предпочесть другой путь, через Македонию (см. Деян. 20, 3). Посетив Филиппийскую Церковь, он достиг Троады, где провел семь дней. В последний день своего пребывания, когда христиане собрались, по обыкновению, для общественной молитвы, Павел предложил им поучение, длившееся

до полуночи. Столь благочестивое собрание, где, по выражению святителя Иоанна Златоуста, любовь проповедовала, любовь и слушала, возмущено было внезапно одним неприятным случаем. Некий юноша, именем Евтихий, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный (так опасно быть невнимательным к слову Божию!) упал с третьего этажа и был поднят уже мертвым. Но Павел, найдя в нем признаки жизни, успокоил братьев и продолжил проповедь, за которой следовала вечеря любви, потом опять слово веры, так что вся ночь проведена была в беседе. К утру отрока привели живого (см. Деян. 20, 6-12).

С рассветом дня Павел оставил Троаду. Его спутники поплыли в Асе, а сам он направился туда пешком, вероятно, для того, чтобы по пути следования преподать наставление верующим. В Ассе он сел на корабль и через несколько дней прибыл в Милит. Ефесская Церковь осталась в стороне, ибо он спешил в Иерусалим. Она не знала еще, что никогда больше не увидит его, но Павлу было открыто это, а потому из Милита он послал за ефесскими пресвитерами, чтобы изложить им свою последнюю волю (см. Деян. 20, 13-17). Прощальная речь его к этим пастырям есть излияние истинно отеческого сердца. Она невольно напоминает прощальную беседу Иисуса Христа со Своими учениками.

«Вы знаете, – говорил он, – как я жил с вами все время, с первого дня, в который пришел в Асию, работая Господу со всем смирением, со многими слезами, среди искушений, случавшихся со мной по злоумышлению иудеев, и что я не пропустил ничего полезного, о чем бы не сказал вам и чему бы не поучал вас всенародно и по домам. Я проповедовал иудеям и эллинам покаяние и обращение к Богу, и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот ныне, по влечению Духа, иду я в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по городам свидетельствует мне, что меня ожидают узы и бедствия. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы совершить с радостью поприще мое и служение, которое принял я от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что все вы, между которыми я ходил и проповедовал Царствие Божие, уже не увидите лица моего. И потому свидетельствую вам в этот день, что чист я от крови всех, ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию. Итак, берегите себя и все стадо, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и что из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь за собою учеников. Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучал каждого из вас. А ныне, братия, предаю вас Богу и Его благодатному слову, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал. Сами вы знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили эти мои руки. Во всем показал я вам, что так надобно, трудясь, поддерживать слабых и помнить слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: более блаженства в том, чтобы давать, нежели брать» (ср. Деян. 20, 18-35).

Окончив увещание, Павел преклонил колени свои и помолился вместе со всеми. При мысли, что его более не увидят, глубокая скорбь овладела сердцами присутствующих. Все молчали, и все плакали; наконец, поневоле расстались.

Корабль, на котором отплыл Павел, должен был пристать в Тире для выгрузки товаров. Найдя здесь верующих, путешественники пробыли у них семь дней. Предвидя бедствия, коими апостол должен был подвергнуться в Иерусалиме, тиряне молили его не ходить в город, но могли это сделать Павел, который шел туда по влечению Духа Божия? Отшествие его из Тира было отшествием отца семейства. Все верующие, не исключая малых детей, провожали его до самого берега. Здесь, став на колени, они испрашивали ему у Отца Небесного счастливого пути. Какая утешительная картина открылась для Павлова сердца! Как ничтожны были в сравнении с этим выражением непритворной любви все пышные и принужденные почести, которые оказывали земным исполинам!

Сойдя с корабля в Птолемаидской пристани, путешественники вскоре достигли Кесарии, где были приняты Филиппом благовестником, одним из семи диаконов, дочери которого, девицы, обладали духом пророчества. В это время пришел в Кесарию из Иудеи пророк, именем Агав, тот самый, который в Антиохии предсказал некогда голод. Найдя Павла, он взял его пояс и, связав им себе руки и ноги, сказал, что так будет связан в Иерусалиме и владетель этого пояса. При этих словах кесарийские христиане, подобно тирским, начали просить Павла отказаться от его намерения быть в Иерусалиме. Убеждения сопровождались слезами: так крепко они любили его! Павел любил их не менее, но чувства его всегда были подчинены долгу. Он знал, что узы, ожидающие его в Иерусалиме, по намерению Промысла, должны послужить к славе Евангелия – высшего блаженства для него не было на земле. «Что вы делаете? – сказал он плачущим ученикам своим. – Зачем плачете и расстраиваете сердце мое? Я готов не только быть узником, но и умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (ср. Деян. 21, 13). Видя безуспешность своих прошений, верующие, наконец, успокоились, сказав: «Да будет воля Господня!» Через несколько дней Павел прибыл в Иерусалим в сопровождении некоторых учеников кесарийских, кои хотели указать ему пристанище в доме одного христианина, по имени Мнасон (см. Деян. 21, 16).

Здесь завершается история апостольских путешествий Павла. По весьма вероятным расчетам, они продолжались двенадцать лет. Пространство, измеренное стопами апостола, начинается Аравией и оканчивается Иллирией (см. Гал. 1, 17; Рим.

15, 19). Главным местом его действия была Малая Азия и Греция, конечно, потому, что сюда стекалось множество народа со всех концов света, что могло служить к скорейшему распространению Христианства. В самом деле, оно столь успешно распространялось проповедью Павла, что в Послании к Римлянам можно уже было сказать: голос проповедников разнесся по всей земле, и слова их до пределов вселенной (см. Рим. 10, 18). Учитель языков имел ревностных сотрудников. Будучи его воспитанниками, они все действовали по его распоряжению, большей частью поливая то, что им уже было посеяно. Основав множество Церквей, Павел ни одной из них не дал письменно своего учения. Оно должно было сохраняться не в книгах, а в сердцах его учеников. Новообращенные слушали его как Самого Бога, а он все уважение, какое оказывалось его лицу, старался обратить в пользу Христианства, желая, чтобы ученики его, если можно, не знали вовсе своих земных наставников, а ведали лишь одного Небесного своего Учителя Иисуса Христа. *Кто Павел?* – писал он к коринфянам, – *кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали* (1 Кор. 3, 5). Действуя именем Бога, он от Него единственно ожидал помощи в трудах своих, Ему препоручил возвращение того, что им было сделано.

Узы в Иерусалиме

В Иерусалиме Павел был принят верующими со всеобщей радостью. Первым делом его было раздание милостыни, принесенной бедной братии. На другой день, посетив дом апостола Иакова, тогдашнего предстоятеля Иерусалимской Церкви, куда собрались и все пресвитеры, желавшие услышать от Павла об успехах Христианства, он рассказал им подробно обо всем, что сотворил Бог у язычников посредством его проповеди. Все внимали его слову с удовольствием и славилы Бога, призревшего благодатию Своею и на сырых язычников. Пресвитеры, со своей стороны, уведомили Павла о состоянии Иерусалимской Церкви. Многие тысячи иудеев, говорили они, признали Иисуса Христа Мессией, но продолжают держаться закона Моисеева. Все они наслышаны о тебе, что ты противного образа мыслей и учишь отступлению от Моисея, запрещая обрезание. Всего вероятнее, что эти ревнители закона обратят особое внимание на твое поведение в Иерусалиме. Итак, последуй нашему совету: у нас есть четыре человека, которые дали обет Богу; присоединись к ним и возьми на себя их затраты на жертвоприношения. Таким образом, узнают все, что слышанное ими о тебе неправда и что ты продолжаешь соблюдать закон. Впрочем, продолжали они, мы далеки от того, чтобы лишать христианской свободы обращенных язычников. По отношению к ним мы постоянно держимся прежних положений нашей Церкви, но что касается иудеев, то мы почитаем за нужное не соблазнять их неуважением к закону (ср. Деян. 21, 20–25).

Павел, который твердо знал, что и обрезание, и необрезание для христианина ничто, а важна вера, споспешествуемая любовью, и что главный долг христианской свободы – не соблазнять слабых совестью, быть с иудеем как иудей, с язычником как язычник, охотно последовал совету братьев. Уже наступил седьмой день, когда надлежало окончиться обету, в котором Павел участвовал жертвоприношением в храме. Апостол явился туда, но, как оказалось, для того только, чтобы самому сделаться жертвой непредвиденного возмущения. Казалось, что сам Промысл, избравший эту минуту для лишения его свободы, не хотел, чтобы учитель язычников, первейший защитник христианской свободы, явился в виде почитателя закона в том храме, который давно уже потерял истинное свое значение. Он тотчас был замечен некоторыми из азиатских иудеев, пришедшими в Иерусалим для поклонения. В памяти этих суеверных людей мгновенно возникли все те случаи, когда Павел казался им человеком, презирающим отечественный закон. И этот, в их глазах, враг Бога и Моисея осмелился войти в святилище с явным или тайным, как они думали, презрением его святыни! В пылу безрассудной ревности они полагали, что он вводил с собой в храм и язычников, в окружении которых его недавно видели. «Израильтяне, – воскликнули эти безрассудные люди, – помогите; вот человек, который повсюду всех учит против народа еврейского и закона и этого священного места, который осквернил храм, введя в него язычников» (ср. Деян. 21, 28). Вопль этот разнесся по всему городу. Со всех сторон стеклись толпы народа, и без того во множестве окружавшие храм. Многие помнили еще измену Павла иудейству на пути в Дамаск, слышали и о его проповеди среди язычников, которая также почиталась изменой. Мнимый враг религии Моисеевой был схвачен и извлечен из храма, который тотчас заперли, по-видимому, для того, чтобы он не воспользовался им как прибежищем (см. 3 Цар. 1, 50; 2, 28).

Но прибежищем Павла был Тот, Кто не в рукотворенных храмах живет. Гонимый обрезанными, он был спасен от смерти язычниками, как бы в благодарность за его апостольское служение им. Римская стража, особенно во время праздников, тщательно наблюдала за всем, что происходило в народе. Часть ее в тот день была и при храме, поэтому о происшедшем возмущении тотчас стало известно тысяченачальнику Клавдию Лисию. Появление его с вооруженными воинами вынудило Павловых врагов остановиться. Он был взят под стражу и скован цепями. Поскольку, обвиняя его, одни кричали одно, другие другое, то тысяченачальник

велел отвести его в крепость, чтобы все разузнать впоследствии. Мятежники преследовали его до самого входа в крепость, так что воинам пришлось далее нести его на руках, чтобы он не был растерзан толпой до суда. При входе в крепость Павел пожелал сказать нечто тысяченачальнику. Последний, услышав, что он говорит по-гречески, подумал было, что это и есть тот самый египтянин, который незадолго перед тем произвел возмущение в народе против римлян и был виновен во многих убийствах и грабежах, но понял свое заблуждение, когда узнал, что узник его происходит из Киликии и никогда не думал быть главою заговорщиков (см. Деян. 21, 31–39).

Обвиняемый просил позволения говорить к народу. Римлянин согласился, и Павел с намерением возбудить внимание к себе заговорил с ними на еврейском языке. Средство это подействовало, народ умолк. Павел кратко огласил историю своей жизни, напомнил, что он был упорным гонителем Христианства, но что был выведен из своего заблуждения чудесным явлением ему Иисуса Христа, ссылаясь на Божественное откровение, вследствие которого он сделался апостолом для язычников. Едва он произнес последнее слово, как сердца иудеев снова закипели в гневе – они не хотели более слушать того, кто благоприятствовал необрезанным, вопреки выгодам для потомков Авраамовых. Поднялся крик. Со всех сторон раздавались голоса к тысяченачальнику: *Истреби от земли такого! ибо ему не должно жить!* (Деян. 22, 22).

Столь неудачное развитие событий, вызвавшее новое ожесточение мятежного народа, спокойствие которого было первым предметом попечения римских правителей, вынудило тысяченачальника прибегнуть к строгим мерам. Он велел подвергнуть Павла пытке, желая выведать истинную причину всеобщего негодования. Павел никогда не отрекался от того, чтобы претерпеть самую смерть для славы Божией. Но мучения, которым он должен был теперь подвергнуться, не могли принести никакой пользы Евангелию, а поэтому он решил освободить себя от них, пользуясь правом римского гражданина. «Разве можно бичевать римских граждан, да еще и без суда?» – спросил он своих будущих мучителей. Произнести эти слова значило остановить суд. Услышав их, сотник в страхе поспешил с известием к тысяченачальнику. «Что ты хочешь делать?» – говорил он. – Это римский гражданин» (ср. Деян. 22, 25–26). Последний очень хорошо знал цену римского гражданства, заплатив за него великую сумму. Уверившись в истине Павловых слов, он велел отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другого средства разобрать дело, как только заставив обвинителей говорить в присутствии обвиняемого, и наоборот. Назначили общее собрание, на котором должны были присутствовать первосвященники и весь синедрион. Павел бестрепетно выступил, дабы защищать имя Иисуса перед людьми, от которых он некогда домогался полномочий гнать Его. Чувство собственной невиновности, желание перелить его в сердца своих соотечественников, все еще любезных для него, наполнили всю его душу. «Братия! – воскликнул он, – я со всею чистотою совести жил перед Богом даже до сего дня». Этот голос искренности мог тронуть всякого, но в собрании том не было сердец, способных внимать ему. Первосвященник Анания первый почел эти слова выражением дерзости и приказал бить Павла по устам. Столь явная несправедливость исторгла из кротких уст апостола строгий упрек: *Бог будет бить тебя, стена подбеленная (лицемер)! Ты сидишь, чтобы судить меня по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня!* (Деян. 23, 3). Предстоящие изумились: Анания был первосвященник, а Павел назвал его подбеленною стеною! «Как, – возразили некоторые, – ты злословишь первосвященника Божия?» «Я не знал, братия, – отвечал Павел, – что он первосвященник, ибо в Писании (Исх. 22, 28) сказано: начальствующего в народе твоём не злословь» (ср. Деян. 23, 1–5). Такой ответ отнюдь не был хитрой оговоркой, как представляют его себе некоторые. Прежний первосвященник, известный Павлу, или уже скончался, или давно перестал быть первосвященником. Корыстолюбие римских правителей производило часто смену преемников Аароновых, иногда в продолжение одного года проделывая это по два и более раз. Такие перемены

апостолу, удаленному от Иерусалима, могли быть вовсе не известны. Одежда первосвященника отличала его от прочих только в храме, а потому весьма возможно, что Павел не знал о первосвященстве Анании.

Но прилично ли вообще подсудимому христианину, апостолу, жестоко укорять судей? Возражение это казалось столь сильным даже некоторым отцам Церкви, что они признавали на этот раз в Павле неуместный порыв оскорбленного сердца. Напрасно! Должно думать, что Павел поступил в этом случае не как обыкновенный человек, но как посланник Божий, а известно ведь, что пророки имели право обличать всех в преступлениях (см. 3 Цар. 18, 18; 4 Цар. 3, 13; Ис. 1, 10–23; Иез. 21, 25). Опыт показал, что его укоризна действительно была произнесена в пророческом духе, ибо со временем, когда возмутители под предводительством Менахема¹⁸ овладели Иерусалимом, Анания, скрывавшийся в водопроводе, был пойман и умерщвлен вместе с братом своим Гизкией. Иисус Христос заповедал, чтобы последователи Его готовы были обратить левую щеку к тому, кто ударит их в правую (см. Мф. 5, 39), тем самым требуя от них только одного – уйти от мщения, а не такого молчания, каким питается дерзость нечестивых людей. В этом отношении Павел вернее кого бы то ни было исполнял волю Иисуса Христа, как то же сам и говорил о себе: *злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим* (1 Кор. 4, 12–13). Но в настоящем случае он поступил по примеру Иисуса Христа, Который также обличил несправедливость ударившего Его прежде Своего осуждения. Но если так, то зачем Павел оправдывает свой поступок? Для того чтобы устранить подозрение о якобы нарушении им закона, повелевающего не злословить первосвященника.

После укоризны, сделанной Анании Павлом, надлежало совершенно отложить надежду на успех, к которому могла привести обыкновенная защита своего дела. Раздраженное самлюбие первосвященника неспособно было ни видеть, ни слышать истины, прочие же судьи, без сомнения, были большей частью его угодники. Павел нашел другой способ обнаружить свою невиновность, по крайней мере, перед римским судьей, который должен был уже по закону принимать в нем деятельное участие, как в римском гражданине. Толпа его обвинителей состояла из фарисеев и саддукеев. И те и другие думали совершенно различно о важнейших предметах религии: первые допускали воскресение и бытие духов, последние отвергали оба эти догмата (см. Деян. 23, 8). В этом-то разногласии обвинителей обвиняемый и нашел для себя надежное убежище. *Братия!* – сказал он, – *я фарисей, сын фарисея, за чаяние воскресения мертвых меня судят* (Деян. 23, 6). Если бы иудеи способны были судить хладнокровно, то они в этом случае обратили бы внимание на прочие составляющие Павлово учение, чтобы видеть, точно ли он не более как фарисей. Но такая хладнокровность была несовместима с их опрометчивым характером. Секта фарисейская, не противореча самой себе, не могла не принять под свою защиту человека, которого осуждают за то, чему она верит. Более всего располагала фарисеев в пользу Павла их закоренелая ненависть к саддукеям. Его защита поэтому представляла им приятную возможность доказать свое превосходство. Произошел сильный спор между обеими сектами. Фарисеи в пылу энтузиазма заявили бы о невиновности Павла также и в том случае, если бы он учил чему-нибудь новому, предполагая сообразно началам своей секты, что он, может быть, удостоился на то Божественного откровения. Взаимное ожесточение спорящих сторон подвергло Павла новой опасности. Саддукеи, имея на своей стороне первосвященника, могли без суда растерзать его на части. Римский военачальник приметил эту опасность и велел воинам проводить его в крепость (см. Деян. 23, 9–10).

Что должно было происходить в это время в душе Павла? Вся нация, любезнейшая для него нация, в лице своих вождей почитала его своим врагом и искала его смерти у римского судьи. Он же, не видя никакого средства разуверить их в этом прискорбном для его сердца

¹⁸ Менахем (1 в.н. э.) – один из вождей сикариев («кинжальщиков»), представителей радикального крыла течения zelotim.

зablуждении, вынужден был, оставляя отеческие законы, священные для каждого патриота, прибегнуть к праву римского гражданина, предоставлявшего ему убежище, праву, ненавистному для его сограждан, которые уже в полной мере чувствовали тягость римского ига, не совсем приятному, без сомнения, и для Павла, который вменял в тщету и не такие приобретения, как римское гражданство. Сколько и других мыслей могло волновать душу апостола, особенно если предположить, что благодать Божия предоставила его в этом случае (как это бывает с людьми самыми высокими в святости) силам собственного немощного человеческого естества. Как бы то ни было, дух Павлов ослабел в это время и имел нужду в подкреплении, поэтому в следующую ночь явился ему Сам Иисус Христос и сказал: *Дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме* (Деян. 23, 11). Утешение истинно апостольское, или, паче, Божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповедовать Евангелие, и вот ему предвозвещается исполнение его любимого желания – благовествовать о Господе Иисусе Христе в столице мира! Большой отрады и не желал он в этой жизни.

В следующий день против Павла был учинен самый гнусный заговор. Более сорока человек, едва ли не подушенные Ананией, заклинали себя не вкушать пищи, пока не лишат его жизни. Обет этот был открыт ими Верховному иудейскому совету, который не только одобрил этот умысел, но взялся споспешествовать его исполнению, то есть взялся быть орудием злодеев! Таковы уж были в то время вожди народа, некогда возлюбленного Богом! Последние согласились потребовать у тысяченачальника на суд Павла, как бы для дальнейшего рассмотрения дела, на самом же деле для того, чтобы предоставить заговорщикам возможность напасть на него. Но дела тьмы редко не изменяют сами себе. Молодые заговорщики вели себя вызывающе, так что вскоре это обнаружилось и Павел заблаговременно был извещен об их злом замысле своим племянником (см. Деян. 12–16).

Получивший уверение явлением Иисуса Христа в том, что ему надлежит быть в Риме, он мог спокойно ожидать от Промысла разрушения заговора, но он знал, что Промыслу угодно, чтобы мы употребляли и естественные средства для своего спасения, знал, что ожидать в каждом случае чудодейственной помощи свыше – значит искушать Бога. Поэтому через того же юношу Павел немедленно известил об опасности тысяченачальника. Тот слишком хорошо знал мятежный нрав иудеев, чтобы не поверить этому донесению, к тому же воочию видя перед собой их безумную ненависть к Павлу. С другой стороны, без всякой нужды подвергнуть римского гражданина опасности было предосудительно для того, кто сам так дорожил своим званием. Всего благоразумнее казалось отправить узника к иудейскому прокуратору, находившемуся тогда в Кесарии, суду которого и без того подлежало по своей важности Павлово дело. Так и было сделано (см. Деян. 23, 18–22).

Тысяченачальник, призвав к себе двух сотников, велел им приготовить двести пеших воинов, семьдесят конных и двести стрелков-телохранителей, чтобы с третьего часа ночи идти в Кесарию, а также приготовить ослов, чтобы, посадив Павла, в безопасности препроводить его к правителю Феликсу. Под столь сильным прикрытием Павел на следующую ночь был отвезен в Антипатриду. Поскольку дальнейший путь, по причине отдаленности от Иерусалима, был менее опасен для узника, то телохранители и пешие воины возвратились отсюда в Иерусалим, предоставив его охрану одним конным воинам. По прибытии в Кесарию Павел немедленно был представлен Феликсу вместе с письмом от тысяченачальника, следующего содержания:

«Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу желает здравствовать. Этого человека, которого иудеи схватили и готовы были убить, я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в их синедрион и нашел, что его обвиняют в некоторых спорных мнениях, относящихся до их закона, но что нет за ним никакой вины, достойной смерти или оков. А так как до меня дошло, что иудеи

на него злоумышляли, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям, чтобы они говорили на него пред тобой. Прощай» (ср. Деян. 23, 26–30).

Прочитав это письмо, Феликс спросил Павла, из какой он области, и, узнав, что он киликийнин, сказал: *Я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители* (Деян. 23, 35). До того времени велено было Павлу находиться под стражей в Иродовой претории¹⁹.

Через пять дней обвинители явились, приведя с собою для большего успеха в деле судебного оратора, именем Тертулла. Наемный защитник лжи, величая Феликса миротворцем и благодетелем иудейской страны (который, по свидетельству Тацита²⁰, с царской властью соединял сердце раба и очернил память свою многими злодействами), обвинял Павла в возмущении народного благоденствия, в пренебрежении законом и осквернении иудейского храма. Иудеи единогласно засвидетельствовали истину его слов. *Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения* (а не для осквернения храма, как клеветал Тертулл). *И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают* (Деян. 24, 10–15).

Таким образом, Павел не скрывал сущности дела, своего образа мыслей и отношения Христианства к иудейству и не думал обманывать своих судей тем, что он продолжает якобы держаться иудейства в прежнем его виде.

Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения (Деян. 24, 16–17). Чего, конечно, никогда не сделал бы враг иудейской нации и религии.

При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом. Это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня (Деян. 24, 18–19). Требование совершенно справедливое, без исполнения которого нельзя было и судить Павла.

Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами (Деян. 24, 20–21). То есть если только его захотят осудить совершенно невинно.

Феликс, который уже из письма Лисия ясно увидел невинность Павла, тотчас приметил, что обвинители его действуют по одной злобе, но порядок судопроизводства требовал, чтобы клевета, возводимая на него, была рассмотрена законным порядком. Надлежало узнать, точно ли «назорейская ересь», в коей обвинялся Павел, была противна закону Моисееву, неприкосновенность которого римская власть брала под свою защиту, и точно ли он производил возмущение в народе. О последнем должен был дать свидетельство Лисий. Итак, Феликс в ожидании сего тысяченачальника отпустил первосвященников и старейшин, собственноручно говоря, ни с чем. Павел остался под стражей, которая по приказанию прокуратора ослаблена была до того, что он имел полную свободу видаться со своими знакомыми и получать от них все нужное для себя.

Желание любопытства ради услышать начальника (как называл Тертулл Павла) «новой ереси», которая стала уже обращать на себя всеобщее внимание, а более, вероятно, любопыт-

¹⁹ Дворец, построенный Иродом Великим, в котором жили прокураторы.

²⁰ Публий Корнелий Тацит (ок. 58 – ок. 117) – римский историк («Анналы», «История», очерк «Германия»).

ство Феликсовой жены Друзиллы, которая, будучи иудеянкой знатного происхождения, могла принимать живое участие в деле Павла, в которое вовлечен был весь синедрион, расположили прокуратора послушать его проповедь о христианской религии. Развращенный язычник спокойно и со вниманием слушал проповедника, когда тот говорил о жизни и чудесах Иисуса Христа. Повествование это пока еще уживалось в его памяти рядом с известными ему рассказами о полубогах, но когда Павел начал рассуждать о чистоте, воздержании, справедливости и о будущем суде, то Феликс пришел в страх, язвы совести его раскрылись, он не мог далее слушать и отпустил Павла, сказав: *Теперь пойдя, а когда найду время, позову тебя* (Деян. 24, 25). «О, преступное отлагательство! – восклицает по этому поводу блаженный Августин. – О слова, исполненные вражды на благодать Божию! Любовь к миру, рассеянность, непрестанные забавы никогда не позволят снова найти удобного времени, пренебреженная благодать удалится, и грешник пробудится от своего усыпления разве только в аду».

В самом деле, Феликс впоследствии уже не чувствовал благотворного страха и угрызений совести, хотя часто призывал к себе и слушал Павла. Невинность узника была совершенно очевидна для него. Он готов был возвратить ему свободу, ожидая только награды за свое правосудие. Узы и рубища Павловы не могли вселять надежду в корыстолюбивом сердце прокуратора. Но ему доводилось слышать от самого Павла о деньгах, принесенных им в Иерусалим, и он без сомнения полагал, что и назореи (христиане) не пожалеют сокровищ, чтобы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павел рассуждал о правосудии, воздержании, суде, но ни словом не обмолвился о том, чего хотелось услышать корыстолюбцу. По прошествии двух лет Феликс должен был уступить свое место Фесту Порцию. Желая угодить иудеям, он оставил Павла в узах, но и тут, несчастный, обманулся, ибо они после того, как он удалился от должности, тотчас явились в Рим с жалобами на его жестокости.

С новым прокуратором ожила и надежда Павловых врагов. Едва он явился в Иерусалим, как они предстали перед ним с жалобами. Сначала требовали смертного приговора, но получив ответ, что у римлян нет обыкновения осуждать человека без рассмотрения его вины, просили доставить Павла из Кесарии в Иерусалим, имея намерение умертвить его в пути. Фест обещал рассмотреть дело, но в Кесарии, куда приглашал явиться и обвинителей. Они явились и возвели на Павла самые тяжкие обвинения, которым не было, конечно же, доказательств. Обвиняемый решительно и спокойно отвечал, что он не совершал никакого преступления ни против народа иудейского, ни против храма, ни против кесаря. Фест, желая приобрести благосклонность иудеев, спросил Павла, не согласится ли он, чтобы его дело было рассмотрено в Иерусалиме, как того недавно требовали его враги. Согласиться на это значило предать себя в жертву их ярости и коварству. *Требую суда кесарева* (Деян. 25, 11), – отвечал Павел. Это значило, что он не хочет быть судим областными правителями и пользуется правом римского гражданина. Тогда Фест, поговорив по обыкновению с советниками своими, сказал: *ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься* (Деян. 25, 12).

Между тем как Фест ожидал случая отправить Павла наряду с другими узниками к кесарю, для поздравления его с должностью иудейского правителя прибыл в Кесарию Агриппа, царь халкидский. Вместе с ним прибыла и знаменитая своею красотой сестра его Вереника, которая после развода с Полемоном, царем киликийским, жила у Агриппы. Прибытие их послужило для Павла поводом еще раз торжественно засвидетельствовать перед лицом иудеев о том уповании, ради которого он был заключен в узы. Поскольку Агриппе, как иудею по происхождению, хорошо известна была иудейская религия и поскольку он имел право назначать первосвященников и заботиться о благоустройстве Иерусалимского храма, в осквернении которого обвиняли Павла, то Фест, желая воспользоваться его сведениями и советом, пересказал ему историю судопроизводства над Павлом. Рассказ этот вызвал у Агриппы желание выслушать самого Павла. Фест согласился и назначил собрание, в котором должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысяченачальники и все почетные кесарийские граждане. Когда

Павел был приведен в собрание, Фест сказал: «Царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! Вы видите человека, против которого и в Иерусалиме, и здесь иудеи во множестве приступали ко мне с криком, что ему не должно более жить. Но я нашел, что он ничего не сделал, достойного смерти, и так как он сам потребовал суда у кесаря, то я решил послать его к нему. Теперь, не имея ничего достоверного, что бы можно было написать о нем государю, я представляю его вам и особенно тебе, царь Агриппа, дабы по рассмотрении было мне что написать. Ибо мне кажется, неприлично послать узника и не указать, в чем его обвиняют» (ср. Деян. 25, 23–27). После этого Агриппа позволил Павлу говорить за себя, и тот, простерши вверх руку, в свою защиту сказал следующее:

«Царь Агриппа! Я почитаю себя счастливым, что перед тобой сегодня могу защищаться от всех обвинений, которые предъявляют мне иудеи, тем более что ты знаешь все обычаи и спорные мнения иудейские. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все иудеи. Знают также обо мне издавна, ежели захотят свидетельствовать, что я жил по учению фарисейскому, строжайшему в нашем вероисповедании. И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога отцам нашим, исполнение которого надеются увидеть все наши двенадцать колен, непрестанно служа Богу день и ночь. Эту-то надежду, царь Агриппа, ставят мне в вину иудеи. Что же, неужели вы почитаете невероятным, что Бог воскрешает мертвых? Правда, я и сам думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея, и я делал это в Иерусалиме» (см. Деян. 26, 1–10).

После этого, изобразив свои жестокости в Иерусалиме над христианами и описав явление ему Иисуса Христа во время путешествия в Дамаск, Павел продолжал: «Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному явлению, но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом по всей земле Иудейской и у язычников проповедовал, чтобы покались и обратились к Богу, и делали дела, достойные покаяния. За это иудеи схватили меня в храме и покушались убить. Получив же от Бога помощь, до сего дня я жив и свидетельствую малому и большому, не говоря ничего более, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос должен был пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет сему народу иудейскому и язычникам» (см. Деян. 26, 19–23).

Последние слова об Иисусе Христе, крестная смерть Которого сделалась источником благословения для всего рода человеческого, Фесту, надменному предрассудками язычества, показались столь странными и несбыточными, что он, прервав Павлову речь, вслух сказал: «Безумствуешь ты, Павел, большая ученость доводит тебя до сумасшествия». «Нет, достопочитенный Фест, – отвечал апостол, – я не сошел с ума, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, перед которым я и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь о том (о смерти и воскресении Иисуса Христа) сокрыто, ибо это не в углу происходило. Веришь ли, – продолжал он, обратившись к Агриппе, – царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь». Слова эти так сильно подействовали на царя, что он как бы невольно сказал: «Ты едва ли не убедил меня сделаться христианином». «Молил бы я Бога, – отвечал Павел, – чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все слушающие меня сегодня сделались такими, как я, кроме этих уз» (ср. Деян. 26, 24–29). На этом беседа прекратилась, все присутствовавшие встали и, отойдя от Павла, рассуждали о его деле. Агриппа решительно объявил Фесту, что, по его мнению, Павел совершенно невиновен и что его можно было бы освободить, если бы он уже не потребовал для себя кесарева суда. Поэтому решено было отправить его в Рим.

К чему, могут спросить здесь, послужило долговременное заключение, продолжавшееся два года, Павла в Иудее? Не лучше ли было бы, если бы он провел это время в проповедании Евангелия язычникам? Сколько тысяч душ, ослепленных идолопоклонством, выведено было бы им из тьмы в свет? Чтобы уразуметь в этом случае достойные поклонения пути Промысла

Божия, надлежит припомнить, какая же цель пребывания Павла в Иерусалиме была назначена ему Самим Иисусом Христом: он должен был торжественно свидетельствовать иудеям о Божественности Иисуса Христа, ими отверженного и гонимого (см. Деян. 23, 11). Это было последнее воззвание, которым Промысл вразумлял потомков Авраама, прежде нежели наступило время предать их конечному отвержению за убиение Богочеловека. В этом отношении нельзя было найти провозвестника покаяния лучше Павла, прежнего гонителя христиан, теперь ревностнейшего их защитника. Самые узы его, очевидно, также свидетельствовали о Божественности Иисуса Христа – они обратили на него внимание всего верховного совета иудейского и, следовательно, всего Иерусалима, всей Иудеи. В лице Павла некоторым образом вновь предстал на суд иудеев Сам Иисус Христос. Большинство иудеев, ослепленных предрассудками, снова не узнали, отвергли Его, но были, конечно, и такие, для которых пример обращенного в Христианство Савла послужил во спасение.

Плавание в Рим

Для препровождения Павла вместе с прочими узниками в Рим назначен был сотник Августова полка, именем Юлий, муж, как видно из его обращения с апостолом, кроткий и человеколюбивый (см. Деян. 27). Двое из Павловых учеников и друзей, Лука и Аристарх, находившиеся при нем во время его заключения в Иерусалиме и Кесарии, сопровождали его и в Рим. Многотрудное плавание их служит разительным доказательством той утешительной для нас истины, что верующим все споспешествует во благое и что Промысл блюдет праведников как зеницу ока. Не касаясь подробностей всего плавания, расскажем о нем так, как описал его сам евангелист Лука.

Корабль, на котором поместили узников, плыл не в Италию, а в приморские города Азии. Сотник воспользовался им по причине недостатка кораблей, плывущих в Рим, в надежде, что в каком-нибудь порту по пути следования найдется корабль, идущий в Италию. Время было осеннее. О месте, откуда началось плавание, не упоминается, но весьма вероятно, что это была Кесария. На другой день плавания пристали к Сидону. Сотник так расположен был к Павлу, что позволил ему без всякой стражи сходить к тамошним христианам, с готовностью принявших его. На пути из Сидона супротивные ветры занесли их на Кипр. Отсюда через Киликийское и Памфилийское моря, они прибыли в Миры Ликийские, где корабль их должен был остаться. Узников перевели на другой, плывший в Италию. Между тем наступил октябрь – время, с которого плавание по морю уже считалось опасным. Затрудняющие движение ветры неперестанно усиливались. Павел советовал сотнику провести зиму в порту, называемом Хорошие Пристани, предсказывая в противном случае грозящую их жизни опасность, но корабельщик и многие другие, находя этот порт неудобным для стоянки, хотели плыть далее, став на зимовку в одной из критских пристаней. Сотник, к несчастью, предпочел их мнению совету Павла. Вышли в море при благоприятном ветре, но вскоре поднялась буря, корабль захватило вихрем, и они неслись, сами не зная куда. Груз, а потом и прочие вещи были брошены в море для облегчения корабля, но опасность не уменьшалась. В течение четырнадцати дней они не видели ни солнца, ни звезд, не вкушали пищи, ожидая единственно смерти.

Один Павел не знал страха и уверял своих спутников, что их потеря будет состоять лишь в корабле, тогда как все люди спасутся. Говорил он это вследствие откровения, ибо Ангел, явившись ему ночью, возвестил, что Бог ради него избавит от смерти всех его спутников. Между тем мореплаватели, измерив глубину, заключили, что корабль их приближается к земле. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами, спустив лодку, приготовились бежать. Павел прозрел их умысел и дал знать о нем сотнику, который немедленно предотвратил их побег, велел оттолкнуть лодку от корабля. После происшедшего Павел снова ободрил своих спутников, уговаривая их подкрепиться пищею, уверяя именем Божиим, что ни у одного из них не пропадет и волоса с головы. Следуя его примеру, они действительно ободрились и вкусили пищу.

С наступлением дня они увидели землю, пока не зная еще какую. Вытащив якоря и подняв парус, мореплаватели поспешили войти в залив, но потеря корабля, предсказанная Павлом, была неизбежна. Попав на мель, корабль увяз носом в песке, между тем как корму его разбивали волны. Нельзя было более оставаться на нем. Воины, стремясь предупредить неизбежный, по их мнению, побег узников, хотели предать их смерти, но сотник, желая спасти Павла, удерживал их от этого варварства. Начали спасаться, одни вплавь, другие на досках. Предсказание Павла сбылось в точности – никто не погиб. «Такова, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – польза от сожития с праведником, хотя и узником: с ним всюду безопасно».

Земля, на которую буря выбросила спасшихся, была островом Мелит (Мальта), подвластным Риму. Его жители приняли потерпевших кораблекрушение весьма человеколюбиво. Чтоб

обсушить их, на берегу был разведен огонь. Когда Павел вместе с другими подкладывал в него хворост, то из сухих прутьев выползла ядовитая змея и обвилась вокруг его руки. Мелитийцы, увидя это, подумали, что гнев небесный преследует его за какое-то убийство, и ожидали Павловой смерти. Но он спокойно сбросил змею в огонь, не претерпев никакого вреда. Обстоятельство это привело островитян, как ранее ликаонцев, к мысли, что он не человек, а Бог. Павлу вскоре представился случай удостоверить их в том, что он и не Бог, и не простой человек: принятый в дом начальником острова, он исцелил своими молитвами его отца, страдавшего горячкой. Когда слух об этом чуде разнесся по острову, то к чудесному врачевателю со всех сторон стали приходить всякого рода больные, и все получили от него исцеление. Из благодарности за такое благодеяние островитяне снабжали Павла и его спутников всем нужным, оказывая им всяческие почести.

Через три месяца снова открылось мореплавание. Узники посажены были на другой корабль, который, перезимовав на Мелите, шел в Италию. По пути они делали остановки в Сиракузах, что в Сицилии, потом в Ригии, что в Калабрии, и, наконец, вышли к итальянским берегам близ Неаполя у Путеолской пристани. Здешние христиане удерживали их у себя целую неделю. Отдохнув, узники тронулись далее. Их ждал Рим. Вход Павла в Рим походил на торжественное вступление героя, возвращающегося с победой. Римские христиане вышли к нему навстречу еще на подходе к городу. Их усердие было для Павла новым залогом того, что Промысл Божий не оставит его без Своей защиты и здесь, в Риме: он ободрился духом и возблагодарил Господа. Это было в начале весны, около 61 года нашей эры, в седьмое лето царствования Нерона²¹.

²¹ Нерон (37–68) – римский император с 54 г., из династии Юлиев-Клавдиев.

Первые узы в Риме

Узники, по обыкновению, сданы были преторианскому военачальнику, которым являлся тогда Бурр, знаменитый наставник юного Нерона и друг Сенеки. Павлу, без сомнения, вследствие хорошего отзыва о нем Феста и Юлия, позволили жить в наемном доме, под так называемой благородной, или легкой, стражей. Для понимания особенностей такого заключения следует сказать, что у римлян стража вообще была троякого рода: одни узники содержались в темнице, насчитывающей три отделения; другие, менее виновные, – при судебных местах; третьи жили в наемных и даже собственных домах. Надзор за последними состоял в том, что при каждом из них находился воин, который был соединен с узником длинной веревочкой. У воина она привязывалась к левой, а у подсудимого – к правой руке. В таком виде они могли ходить повсюду. Стража, под которой находился Павел, была последнего рода.

На третий день по прибытии в Рим Павел призвал к себе знатнейших из иудеев, чтобы изъяснить им причину своих уз и те намерения, с которыми он желал явиться на суд кесаря. Без этого они не преминули бы почесть его за человека подозрительного, который ищет случая клеветать перед императором на свое отечество, как то часто случалось в те времена. *Мужи братья!* – сказал им Павел. – *Не сделав ничего против народа и отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки римлян. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; но так как иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо народ мой... ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами* (Деян. 28, 17–20). Иудеи, отвечая, что они не слышали о нем ничего худого, просили, однако же, открыть им свой образ мыслей о религии, ибо нам, говорили они, известно, что учение, тобою проповедуемое, всюду служит предметом споров. В назначенный день они собрались для этого в дом Павла, и тот с утра до самого вечера разъяснял им со всеми подробностями исповедуемую уже многими христианскую веру. Одни убеждались в сказанном, но другие не принимали услышанного, так что апостол невольно должен был повторить, напомнив им, упрек, сделанный некогда пророком Исаией еврейскому народу. *Хорошо,* – сказал он, – *Дух Святый сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих... Итак, да будет вам известно,* – продолжал Павел, – *что спасение Божие послано язычникам: они и услышат* (Деян. 28, 25–29). Слова эти некоторых из иудеев заставили пристальнее размышлять о Христианстве, но у других возбудили негодование.

Поскольку обвинители Павла не являлись (ожидая, вероятно, благоприятных обстоятельств и вымышляя наиболее правдоподобную клевету), то он целых два года провел в ожидании суда и, пользуясь свободой, возвещал имя Христово всем, кто приходил к нему (см. Деян. 28, 30–31). За это время им могло быть сделано очень много в пользу Евангелия, хотя мы и не имеем подробных сведений об успехах Павловой проповеди в Риме. Между тогдашними жителями Рима, несмотря на упадок нравов, еще были люди, расположенные к добру. В Послании к Филиппийцам Павел утвердительно говорит, что узы его послужили в пользу благовествования и сделались известны всей претории, то есть или всему дому кесареву, или, по крайней мере, всем преторианцам²² (см. Флп. 1, 12–14). Что известность эта не ограничивалась одним слухом о Христе, Которого проповедовал апостол, видно из того же Послания, где он приветствует филиппийцев от лица христиан, принадлежавших к кесареву дому (см. Флп. 4, 22).

²² Преторианцы – преторианские когорты, в Древнем Риме привилегированная часть войска.

Кто именно были эти христиане, неизвестно. Упоминают о некоем Торпете, который, по свидетельству «Римской минеи», впоследствии сделался мучеником; причисляют к ним Сабину Поппею²³, которая, по словам Иосифа Флавия, была ревностной покровительницей иудейского народа, однако в этом отношении большего доверия заслуживает Тацит, по сказанию коего у этой женщины «было все, кроме честной души». Гораздо вероятнее догадка тех, кто видит христианку, обращенную Павлом, в Помпонии Грецине, жене Плавта. Подозрения о ее принадлежности к «чужестранной ереси», ее долгая жизнь, проведенная в постоянной набожности, заставляют думать, что она входила в число первохристиан Рима. Весьма вероятно также, что известный философ Сенека, как повествует предание (древнее, хотя не совсем верное), был знаком апостолу Павлу. В пользу этого свидетельствует дружба Сенеки с Бурром, под главным надзором которого находился Павел, а также и то, что этот философ жил при дворе, которому Павел был хорошо известен. Но переписка философа с апостолом, как увидим далее, совсем не имеет исторической достоверности.

Между тем, когда слух об узах апостола в Иерусалиме дошел до Филиппийской Церкви, она отправила к нему одного из своих предстоятелей, Епафродита, с подаянием (см. Флп. 2, 25; 4,14–18). Усердие это было весьма приятно апостолу, не потому, говоря его словами, что нуждался, ибо он научился всегда быть довольным своим состоянием (ср. Флп. 4, 10–14), но потому, что усердие филиппийцев к вероучителю свидетельствовало об их усердии к самой религии. К прискорбию Павла, Епафродит, находясь у него, опасно заболел, но Господь не захотел к печали апостола прибавить новую печаль и больной выздоровел (см. Флп. 2, 26–27). В обратный путь с ним было отправлено Послание к Филиппийцам, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, самое богатое сердечными чувствованиями. Благодаря христиан за усердие к себе, Павел побуждает их быть твердыми в вере и благочестии, советуя в то же время остерегаться иудействующих лжеучителей, которые внушали соплеменникам искать оправдания не в вере в Иисуса Христа, а в делах закона Моисеева – в обрезании.

Приблизительно в это же время Павел обратил в Христианство Онисима, беглого раба, принадлежавшего Филимону, одному из почетнейших христиан и граждан колосских. Ища себе убежища в Риме, куда, по словам Тацита, стекалось со всех концов земли все нечистое, и, может быть, мучимый совестью, он пристал к апостолу в надежде примириться с его помощью со своим разгневанным господином. Наставления и увещания Павловы совершенно переменили его нрав – он сделался истинным христианином, которого апостол не усомнился впоследствии назвать своим сыном, даже своим сердцем (см. Флм. 1, 12). Насколько Онисим был прежде бесполезен для Филимона, настолько сделался теперь пригодным для Павла. Последнему хотелось даже оставить его при себе, но он не решился на это без согласия Онисимова господина, чтобы доброе дело... было не вынужденно, а добровольно (см. Флм. 1,14). Поэтому Онисим был отправлен к Филимону с письмом, в котором апостол, беря его вину на себя, просил принять его уже не как раба, а как возлюбленного брата. Без сомнения, Филимон исполнил желание столь высокого просителя. Есть предание, что Онисим сделался впоследствии преемником Тимофея в Ефесском епископстве.

С Онисимом же и Тихиком послано было письмо к Колоссянам. Поводом к нему, кроме общей попечительности Павла о благосостоянии всех христианских Церквей, было пришествие в Рим Епафраса, учителя (если не основателя) Колосской Церкви, который известил апостола о вере и благочестии своих учеников. Увещевая колоссян сохранять духовные дары, быть твердыми в вере и добродетели, Павел предостерегает их от некоторых лжеучителей, которые старались обольщать христиан ложной философией, суеверным почитанием ангелов, слепой привязанностью к обрядовому закону (см. Кол. 2, 8-23).

²³ Сабина Поппея – жена императора Нерона.

В продолжение первых же римских уз написано Павлом и Послание к Евреям. В нем утверждается Божественное достоинство Иисуса Христа и Его Вечное Священство по чину Мелхиседекову, показывается, что закон обрядов с пришествием Мессии должен потерять свою действенность и уступить место новому закону благодати. Споры об авторе этого Послания не относятся к предмету нашего повествования. Нельзя, впрочем, не заметить, что они давно были бы окончены, если бы критики обращали больше внимания на дух этого Послания, который является истинным духом Павлова богословия.

После двухлетнего ожидания Павел был позван на суд Нерона. По римскому обычаю, друзья и ученики апостола имели право быть свидетелями судопроизводства над ним, но тут все оставили его (ср. 2 Тим. 4,16), ибо страшно было им оказаться перед этим львом (как называет Нерона Павел)! Так непостоянна природа человеческая даже в самой чистой дружбе! Один лишь небесный Друг, Господь Иисус Христос, ради Которого Павел приносил себя в жертву, не оставлял его: Он посетил Своего апостола и укрепил его дух. Явились ли иерусалимские враги Павловы на этот суд или нет, в чем обвиняли они его и как он защищал себя от их клеветы, неизвестно. Упомянув об этом суде во Втором Послании к Тимофею, апостол непосредственно перед тем жалуется на одного кузнеца, Александра (см. 2 Тим. 4,14). Не был ли он в числе обвинителей Павловых? Но кто он и чем вредил апостолу, также неизвестно. Даже спорят о том, чем кончился суд над Павлом: смертью его или освобождением?

Полагали и ныне некоторые полагают, что первые узы Павловы в Риме были вместе с тем и последними. Но этому взгляду, при всей учености его защитников, недостает основательных доказательств. В подтверждение же истинности противоположного мнения, утверждающего, что первые узы Павловы окончились освобождением, свидетельствует следующее:

а) Всеобщее предание Церкви. Правда, это предание становится известным только со времен историка Евсевия, но тем не менее оно важно, ибо Евсевий заимствовал его из ныне утерянных сочинений Дионисия Коринфского, во время жизни которого участь Павла была еще у всех свежа в памяти. Встречающиеся у Евсевия выражения: «как носится слух», «как говорят», не указывают еще на то, чтобы он считал это предание недостоверным, так как ясно говорит, что предание это пересказано им для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что первые узы Павловы в Риме окончились его смертью. Историки, пересказывая предание, нередко употребляют выражения, которые можно понимать двояко, смотря по ходу повествования. Со времен Евсевия предание об освобождении Павла из римских уз становится общеупотребительным для всех писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались в этом случае лишь на одной значимости для себя Евсевия, как историка.

б) Многие места в посланиях Павловых, написанных им из Рима (см. Флп. 2, 19, 24; Флм. 1, 22; Евр. 13, 23). Автор везде проявляет твердую надежду на свое освобождение и обещает снова посетить учеников своих. Следует даже полагать, что Послание к Евреям написано Павлом по своему освобождению от уз, о чем он и говорит в заключение: *Знайτε, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас* (Евр. 13, 23).

в) Заключение Деяний апостольских. И жил, пишет святой Лука, Павел целых два года в нанятом им доме, и принимал всех приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и невозбранно уча о Господе Иисусе Христе со всем дерзновением (ср. Деян. 28, 30–31). Если бы Павел, когда были написаны апостольские Деяния, носил еще узы, то Лука не сказал бы: жил и принимал, равно как если бы Павла в это время не было уже в живых, он не преминул бы в конце своей книги упомянуть, хотя бы кратко, о его кончине, тем более что большая часть Деяний святых апостолов есть не что иное, как история Павловых путешествий. Весьма вероятно, что обвинители Павла (если только они имели бесстыдство явиться на суд кесаря) не могли доказать своей клеветы, между тем как в пользу обвиняемого ходатайствовали и одобрение Феста и Юлия, и собственная его беспорочная жизнь, и усердие римских христиан, особенно принадлежавших к дому кесаря. Нерон в это время, по замечанию Евсевия, еще не совсем

забыл прежнюю свою кротость и слушал иногда своих мудрых и добродетельных наставников, а потому мог быть справедливым в деле иудейского узника, оправдания которого требовала и честь римского имени.

Относительно же самого образа и времени освобождения Павлова нет никаких достоверных свидетельств. Существует предположение, что с Павла были сняты узы по случаю умерщвления Агриппины, матери Нерона, когда в Риме торжественно праздновали это злодеяние и когда в память спасения императора от мнимой опасности со стороны Агриппины многим узникам была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва ли согласующаяся с хронологией.

Четвертое путешествие и последние узы в Риме

Остальная часть Павловой жизни, по признанию историков, дает повод ко многим недоумениям и спорам. Причина сего – недостаток исторических источников, ибо повествование евангелиста Луки об апостольских деяниях Павла оканчивается вместе с историей его первого заключения. Из последующих писателей первых трех веков никто не обращал особенного внимания на Деяния святых апостолов. Сами собиратели христианских древностей, Папий и Егезипп, также не могли бы служить пособием в этом случае, ибо Евсевий, который пользовался их трудами (для нас давно потерянными), сообщает весьма немного об участии Павла. Потому нам остается лишь привлечь к рассмотрению только некоторые указания о последнем периоде Павловой жизни, кои находятся в его Посланиях и сочинениях некоторых писателей древней Церкви. В утешение тем, кто желал бы в точности видеть, как этот великий светильник Церкви оканчивал светозарное течение своих дней, может служить следующее прекрасное место из бесед святителя Иоанна Златоуста на Деяния святых апостолов. «Для чего ты, – вопрошает он, – желаешь знать последующие деяния Павловы? Они таковы же, как и предшествующие: узы, мучения, томительные подвиги, темницы, наветы, клевета, ежедневная смерть. Ты видел малую часть, таковыми же представляй и остальные. Когда ты смотришь на небо, то хотя и видишь меньшую его часть, но с нею сходны все прочие, так что сколько бы ты ни переменил мест, небо все то же. Точно так же рассуждай и о Павле».

Не будучи обвиненным в историческом неверии, нельзя сомневаться, что Павел по своем освобождении предпринимал четвертое апостольское путешествие, продолжавшееся до его последних уз. Такое сомнение было бы несовместимо и с Павловыми посланиями, писанными из Рима, в которых он дает многократные обещания снова посетить своих учеников, и со всеобщим Преданием Церкви. Даже вопрос: куда было предпринято четвертое путешествие, может быть разрешен, хотя и не вполне совершенно. Если мы не представляем себе всех мест, посещенных в это время апостолом, то с достоверностью знаем некоторые из них. Из Второго Послания к Тимофею, написанного во время последних уз, открывается, что автор его незадолго перед тем был в Коринфе, на Милите, в Иконии, Листрах и Антиохии и в трех последних городах весьма много претерпел гонений (см. 2 Тим. 3, 11; 4, 13, 20). Значит, последнее путешествие было предпринято Павлом на Восток, и именно к тем Церквам, которые почитали его своим учителем. На Востоке, он, без сомнения, исполнил свое намерение посетить Колоссы (см. Кол. 2, 5) и Филиппы (см. Флп. 1, 25); сопредельные с ними Церкви (исключая Ефесскую, пастве которой Павел во время прощания с ними предсказал, что они не увидят более его лица) также, конечно, имели утешение насладиться лицезрением своего основателя.

Есть мнение, что последнее путешествие Павлово простерлось до Палестины. Оно основывается на 13-й главе Послания к Евреям, где апостол изъявляет надежду увидеться с евреями, к которым он и писал (см. Евр. 13, 23). Но основание это слабое. По признанию едва ли не всех критиков, Послание сие было написано не к палестинским евреям, по крайней мере, не к ним одним, а ко всем христианам, евреям по происхождению. Возражение, что под именем евреев во времена апостолов разумелись палестинские евреи, а жившие вне Палестины назывались эллинами, мало что решает уже потому, что Послание это не было непосредственно написано рукой самого апостола. Впрочем, весьма сомнительно и то, чтобы евреи, жившие вне Палестины, никогда не назывались евреями, а всегда эллинами. Предпринять путешествие в Иудею значило для апостола без нужды подвергать себя неизбежным опасностям. К тому же в Палестине не было Церквей, основанных Павлом, ибо жребий его служения был проповедовать язычникам, а не обрезанным, для палестинских же иудеев назначены были Промыслом другие апостолы. Павел и прежде всегда являлся в Иерусалим не столько как апостол, а более как посетитель сего града.

Гораздо вероятнее мнение тех, кто полагает, что Павел после обозрения Восточных Церквей посетил Испанию. Выражение священномученика Климента, папы Римского: «доходивший до последних пределов Запада», заставляет думать именно так, ибо последним пределом Запада не могут быть, как толковали некоторые, ни Италия, ни Британия. Это, бесспорно, Испания, последний рубеж которой назывался концом земли. Павел еще в Послании к Римлянам изъявлял желание побывать в Испании (ср. Рим. 15, 24). Но время, как утверждали некоторые, протекшее от освобождения Павлова до последних уз, недостаточно было для того, чтобы с Востока предпринять путешествие в Испанию. Возражение это не очень весомое. За четыре года можно было совершить путешествие и на Восток, и на Запад, тем более что последнее путешествие Павлово по Востоку было предпринято не столько для новой проповеди, сколько для преподания последнего утешения верующим.

Между тем как великий учитель язычников обходил в последний раз прекрасными своими стопами Восток и Запад, в Риме возгорелось гонение на христиан. Нерон, зажегший в безумии эту столицу мира, чтобы увидеть в том подобие горящей Трои, во избежание ненависти к себе от римлян за учиненное им злодейство тем охотнее возложил всю вину за это на христиан, ибо суеверный народ уже давно был расположен почитать их врагами общественного благоденствия. Мщение за мнимые поджоги искало всюду себе жертв: одних христиан, одетых в звериные шкуры, предавали на растерзание псам, другие, с ног до головы облитые горючими веществами, должны были, постепенно сгорая, освещать собой в ночное время Нероновы сады. Для Римской Церкви потребна была вся вера и терпение, дабы не пасть под тяжестью креста. Мог ли Павел оставаться равнодушным слушателем известий о кровавой борьбе Христианства с язычеством? Мог ли он оставить без утешения возлюбленных своих чад в Риме? Напротив, он немедленно явился к ним, чтобы разделить с ними мученический венец, в получении которого он предуведомлен был, как свидетельствуют святые отцы, данным ему откровением. Та же причина, вероятно, привела в Рим и апостола Петра. Узы немедленно соединили этих первоверховных апостолов, жребий служения которых разделял их в продолжение целой жизни. Нерон в это время был уже чудовищем, а не человеком, поэтому апостол еще до вынесения окончательного приговора над собой писал Тимофею о скором отшествии своем из сего мира и просил его прийти к себе (см. 2 Тим. 4, 6–9). Судя по этой просьбе, следует предположить, что в узлах Павел пребывал и последние, по крайней мере, несколько месяцев своей земной жизни.

Поводом же, побудившим к осуждению Павла на смерть, для Нерона, по сказанию святителя Иоанна Златоуста, явилось следующее: апостол, несмотря на опасность, продолжал возвещать имя Христово и обратил в веру одну из наложниц тирана, им страстно любимую. Обращенная решительно отказалась разделять с Нероном бесчестное ложе. Матереубийца вскипел гневом и, узнав, что Павел виновен в этом, осудил его на казнь.

Предание, почти всеми принятое, говорит, что апостол Павел был замучен вместе с апостолом Петром. Но есть и другое суждение, согласно которому Павел пострадал спустя год после смерти Петра, впрочем, в тот же самый день, то есть 29 июня.

Лактанций пишет, что эти апостолы перед концом своей жизни пророчествовали о том, что Бог вскоре воздвигнет царя в Риме, который опустошит Иерусалим, разрушит иудейский храм и рассеет иудеев по всему миру. Орудием казни Павла, как римского гражданина, послужил меч. Усекновение главы его последовало около 67 года по Рождестве Христовом, когда апостол был уже в преклонных летах, на месте, называемом Салвианскими источниками, в правление Гелия и Поликлета, которым Нерон на время своего путешествия в Грецию поручил верховную власть. Останки апостола Павла были погребены верующими близ Рима. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что их страшились демоны и почитали Ангелы и что верующие со всех концов земли с благоговением стекались для поклонения Павловому гробу. Над этим

гробом Константин Великий, по совету святителя Сильвестра, папы Римского, воздвиг малую церковь, которая потом была расширена Валентинианом²⁴.

«Так скончал течение свое избранный сосуд Христов, учитель языков, всемирный проповедник, самовидец небесных высот и райских доброт, предмет внимания и удивления Ангелов и человеков, великий подвижник и страдалец, язвы Господа своего на теле своем понесший, святой верховный апостол Павел, и вторично уже и кроме тела, до третьего неба взятый!» (святитель Димитрий Ростовский, Четьи-Минеи, 29 июня).

²⁴ Флавий Валентиниан (321–375), – римский император с 364 г. Объявив соправителем брата Валента и сохранив главенствующее положение в империи, управлял западной частью Римской империи (с 367 г. вместе с Грацианом).

Обзор деятельности и значения апостола Павла

Из Второго Послания к Коринфянам заключают, что апостол Павел был весьма не замечателен по виду и мал ростом. Святитель Иоанн Златоуст в одной беседе называет его человеком в три локтя. Полагают, что сочинитель «Филопатриды» (Лукиан или кто другой) имел в виду Павла, когда выводил на зрелище Галилея – персонажа с орлиным носом, у коего на верхней части головы не было волос, по воздуху восходившего до третьего неба. Но никто не оставил нам такого подробного описания внешности Павла, как Никифор Каллист. «Павел, – говорит он, – был ростом мал, непрям и несколько согбен, лицо у него было чистое и являло признаки долгих лет, голова плешива, в глазах его усматривалось весьма много приятности, брови поднятые вверх и как бы разбегающиеся, нос продолговат с приятною неровностью, борода густая и довольно длинная, по местам с сединою, так же, как и голова». Портрет весьма выразительный, жаль вот только, что он написан спустя 13 веков по смерти апостола и неизвестно с какого подлинника!

Если и в самом деле апостол Павел был мал ростом, то на нем оправдалось мнение, что в малом теле нередко бывает истинно великая душа. Благодать, без сомнения, преобразовала и усовершенствовала в нем дары природы, но эти дары и сами по себе были весьма велики. Нет ни одного качества, потребного для великих умов и великих характеров, коего не усматривалось бы в Павле. Святитель Иоанн Златоуст равнял его по естественным дарованиям к любомудрию с Платоном – сравнение неопределенное, ибо и тот и другой действовали при совершенно различных обстоятельствах: один во свете Духа Божия, другой – при слабом светильнике разума, но то несомненно, что гений Павла, если бы Промысл судил ему явиться под небом Греции, не потерялся бы в толпе последователей Платоновых, и к списку греческих мудрецов прибавилось бы еще одно великое имя.

Характер Павла есть характер вселенского учителя, характер посланника Божия к роду человеческому. «Когда, – витийствует святитель Иоанн Златоуст, – ты скажешь апостол, то все разумеют Павла, точно так же, как при имени Креститель всякому приходит на мысль Иоанн». У Павла все служит на пользу Евангелия, к славе Божией: и довольство, и нищета, и похвала, и поругания, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Перед ним, как перед Богом, Коего он посланник, нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужеского пола, ни женского – все едино во Христе Иисусе. С язычником – он язычник, беседует о естественной религии, ссылается на их поэтов, прощает им годы их неведения об истинном Боге; с иудеем – иудей, рассуждает о знаменовании обрядового закона, совершает обеты, соблюдает различия, предписанное законом; со слабыми совестью – слаб, умеряет свободу христианскую, воздерживается от идоложертвенного, хотя совершенно уверен, что идол есть ничто. Но во всех случаях виден учитель истины, образец нравственной чистоты, сосуд благодати. «Не погрешит тот, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – кто назовет Павлову душу морем и небом: небом по чистоте, морем по глубине. В сем море нет драгоценных зерен, но есть вещи, драгоценнейшие всякой жемчужины. Кто пожелает углубиться в сие море, тот найдет в нем все сокровища, кои сокрыты в Царстве Небесном».

Ни один из апостолов не оставил нам столько писаний, как Павел. Его четырнадцать посланий всегда признавались Церковью за источник истинного христианского учения. По некоторым особым обстоятельствам Послание к Евреям приписывалось другим авторам, впрочем, без достаточных на то оснований. О принадлежности же прочих посланий никогда не было спора. Древние еретики, поражаемые истинами, в них содержащимися, старались искажать некоторые места, но эти повреждения были немедленно замечены, обличены и нимало не повредили подлинности Павловых посланий.

Дух этих посланий есть дух живой веры в Иисуса Христа, в отличие от мертвой деятельности подзаконной праведности. Здесь мы видим, как падший человек неспособен сам по себе и помыслить о чем-либо добром, тем более исполнить в точности все повеления закона Божия; как Бог Отец, по неизреченной любви Своей к преступному роду человеческому, определяет извлечь его из бездны зла, в которую увлекло его падение праотца; как Бог Сын в тайне Предвечного Совета приемлет на Себя великое дело искупления, в predetermined время является на земле в образе человека, смертью Своею упраздняет царство греха и смерти и потом, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколе все враги Его Царства будут положены в подножие ног Его; как Дух Святой Своим благодатным действием усваивает верующим заслуги Сына Божия, напишет новый закон жизни в сердцах их, изливает на них любовь Божию, ходатайствует о них пред Богом и соделывает их новой тварью, созданной во Христе на благие дела. Павел часто вводит читателей во мрак ветхозаветных прообразований, но эти прообразования теряют у него свою мрачность и являются светлыми и живыми образами, в которых всякий без труда находит для себя назидание и утешение. Как учитель веры, он большей частью учит, обличает и исправляет, но в некоторых случаях, к утешению верующих, повествует, как деэписатель, и предсказывает будущее, как пророк. Ему принадлежат предсказания об умножении в последние времена лжеучителей и обращении народа иудейского к Иисусу Христу перед Его Вторым Пришествием, о явлении антихриста, о безумной его гордости, ложных чудесах и ужасной казни. По выпренности созерцания Павел может столь же справедливо, как и Иоанн, именоваться орлом богословия. В первой главе Послания к Евреям господствует возвышенность мыслей, подобная той, которой удивляемся в первой главе Иоаннова Евангелия.

О внешнем образе изложения своих мыслей Павел сам им дает отзыв, когда говорит, что слово и проповедь его состояли не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2, 4). В другом месте он даже называет себя невеждой в словах (2 Кор. 11, 6). Без сомнения, он разумеет здесь то юродство проповеди, коим благоволил Бог спасти мир, непознавший Бога в Премудрости Божией, то немудрое Божие, которое премудрее всех человеков (см. 1 Кор. 1, 21, 25). Впрочем, хотя Павел не заботился о том, чтобы польстить слуху и вкусу тех, к кому он писал, но естественный дар красноречия, освященный Духом Божиим, никогда не оставлял его. Нет почти ни одного украшения мыслей и слов, для которых не находилось бы прекрасных образцов в Павловых посланиях. Из них одних можно извлечь все правила для церковного витийства. Лонгин²⁵, не будучи христианином, ставил Павла за красноречие в один ряд с лучшими греческими витиями.

Нелишне заметить, что Павловы послания писаны не им самим, а писцом, которому они были продиктованы (см. Рим. 16, 22). Павел только имел обыкновение подписывать собственноручно в конце Послания приветствие, что служило отличительным знаком, подтверждавшим истинную принадлежность писаний ему (см. 1 Кор. 16, 21; Кол. 4, 18). Причина этого, по сказанию святителя Иоанна Златоуста, состояла в том, что почерк его был весьма неисправен и нечеток.

Неблагоразумное усердие к памяти апостола, нечистое намерение прикрыть свои вымыслы его высоким именем, а также предосудительное желание восполнить собственными догадками некоторые пробелы в нашей осведомленности о его общественном служении были причиной того, что под именем апостола появились впоследствии некоторые ложные, приписываемые ему, сочинения, как то: Вознесение Павла, Апокалипсис, Деяния Павла и Феклы, переписка Павла с Сенекой, Послание к Лаодикийцам. Такое большое количество трудов, приписываемых апостолу Павлу, показывает, что его имя пользовалось огромным авторитетом.

²⁵ Лонгин – античный ритор и философ-неоплатоник III в.

Из одних названий, коими христианские писатели старались выразить величие и доблесть Павловой души, может составиться целое Слово в похвалу этому апостолу. Церковь присвоила ему вместе с Петром наименование первоверховного, но по апостольским трудам всегда признавала его первым из апостолов. Святитель Иоанн Златоуст, кажется, никогда не был так красноречив, как тогда, когда рассуждал о Павле. Он написал ему несколько похвальных Слов, с особым тщанием изъяснял его послания, называл его своим учителем, посвятил ему (если верить преданию) свои толкования на Священное Писание, весьма часто и в беседах, и в других сочинениях обращался к Павловым деяниям, подражал ему в образе мыслей и в самих выражениях. Вот слова, которыми он заключает свое толкование на Послание к Римлянам и которыми столь же прилично будет и нам заключить Павлово жизнеописание:

«Кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прилечь ко гробу его и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило на себе язвы Господа своего?... Да узрю прах тех уст, кои изрекли блаженные слова: *я желал бы сам быть отлучен от Христа за братьев моих* (Рим. 9, 3), – кои вещали пред царями и не стыдились... чрез кои Христос провещал великие и неизреченные тайны, большие, нежели возвестил Сам... Чего не совершали сии уста? Демонов изгоняли, от грехов избавляли, заграждали уста мучителям, связывали язык философов, вселенную обратили к Богу, варварам внушили любомудрие, все, что на земле, преобразовали, располагали по воле всем, что на небе, связывая и разрешая по данной им власти.

Желал бы видеть я прах и одного сердца, которое всякий может смело, не погрешая, назвать сердцем вселенной... Так пространно было сие сердце, что могло вмещать целые города, племена и народы. *Сердце наше расширено* (2 Кор. 6, 11), – говорит он... Сердце, которое жило новой, а не этой нашей жизнью: *уже не я живу*, – говорит он, – *но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Итак, сердце Павла было сердцем Христовым, скрижалями Духа Святого, книгой благодати...

Желал бы видеть я и прах рук, узами связанных, возложением преподававших Духа Святого, написавших сии строки: *видите, как много написал я вам своею рукою* (Гал. 6, 11), оных, говорю, рук, увидев которые, ехидна упала в огонь.

Желал бы видеть я и прах очей, претерпевших счастливую слепоту и снова прозревших для блага всего мира, удостоившихся видеть телесно Иисуса Христа, очей, которые, земное видя, не видели, а созерцали невидимое, которые сна не знали, в полночи были бодры, в которых не было никакой зависти.

Желал бы видеть я и прах ног, которые не утруждаясь проходили вселенную, которые были забиты в колоду, но освобождены землетрясением.

Но для чего исчислять все в подробности? Я желал бы видеть гроб, в котором положено оружие правды, оружие света, члены теперь живые, но мертвые тогда, когда он (Павел) жил, в которых всех жил Христос, которые распяты были миру, члены Христовы, во Христа облеченные, храм Духа, жилище святости...

Все сие представляя, будем стоять мужественно, ибо и Павел был человеком одной с нами природы, имея все то, что есть и у нас. Но так как он показал величайшую любовь к Иисусу Христу, то взшел превыше небес и находится теперь среди Ангелов. Таким образом, если и мы решимся восстать от духовной недеятельности и оживить в сердце нашем этот огонь любви, то и мы в состоянии будем подражать сему праведнику. Если бы это было для нас невозможно, то он не воскликнул бы, говоря: *подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16). Итак, не будем только лишь удивляться Павлу, но будем и подражать ему, дабы по отшествии из сей жизни нам удостоиться узреть его и разделить с ним неизреченную славу, которая да будет уделом всех нас, по благодати и милости Иисуса Христа, Коему со Отцем и Святым Духом слава, честь и держава ныне, всегда и во веки веков. Аминь».

Житие св. Антония Великого Свт. Афанасий Великий

Предисловие

В доброе соревнование с египетскими иноками вступили вы, пожелав или сравняться с ними, или даже превзойти их своими подвигами в добродетели. Ибо и у вас уже появляются монастыри, и водворяются иноки. Посему такое расположение ваше достойно похвалы и того, чтобы усовершил его Бог по молитвам вашим. Поскольку же и у меня требовали вы сведений о житии блаженного Антония, и, чтобы самим вам приобрести его ревность, пожелали вы знать, как начал он свою подвижническую жизнь, каким был до вступления в нее, какой имел конец жизни, и справедливо ли все о нем рассказываемое, то с великой готовностью принял я ваше требование, потому что и для меня много пользы в одном воспоминании об Антонии, да и вы, как уверен я, услышав о нем и подивившись ему, пожелаете устремиться к той же цели, какая и им была предположена. Ибо жизнь Антония – для иноков достойный образец подвижничества. Поэтому не почитайте невероятным то, что рассказывали вам об Антонии, а паче оставайтесь в той мысли, что пока лишь немного услышано вами, ибо и это малое, без сомнения, трудно было пересказать вам. Если ия, по просьбе вашей, опишу что в этом послании, то сообщу вам опять-таки только немного, что припомню об Антонии. И вы не переставайте спрашивать у всякого, кто плывет отсюда. Ибо из рассказов каждого о том, что кто знает, составится, может быть, и полное повествование об Антонии. Так и я, получив послание ваше, намеревался вызвать некоторых иноков, особливо же тех, которые чаще других бывали при нем, чтобы, получив более сведений, и вам сообщить что-либо более полное. Но поскольку время плавания приходило к концу и отправляющийся с письмами спешил, то потщился я написать Вашему Благоговению, что знаю об Антонии сам, многократно видя его, и какие сведения мог приобрести о нем, когда был его учеником и возливал воду на руки ему. Во всем же заботился я об истине, чтобы иной, услышав больше, чем надлежит, не впал в неверие или, узнав меньше, чем должно, не стал с неуважением думать об этом.

Житие

1. Антоний родом был египтянин. Поскольку родители его, люди благородные и довольно богатые, были христиане, то и он воспитан был по-христиански и в детстве рос у родителей, не зная ничего иного, кроме них и своего дома. Когда же стал отроком и преспевал уже возрастом, не захотел ни учиться грамоте, ни сближаться с другими отроками, но имел единственное желание, как человек нелукав, по написанному об Иакове, жить в доме своем (ср. Быт. 25, 27). Между тем ходил он с родителями в храм Господень и не ленился, когда был малым отроком, не сделался небрежным, когда стал уже возрастать, но покорен был родителям, и внимательно слушая читаемое в храме, соблюдал в себе извлекаемую из того пользу. Воспитываемый в умеренном достатке, он не беспокоил родителей требованием разнообразных и дорогих яств, не искал услаждения в снедах, но довольствовался тем, что было, и ничего больше не требовал.

2. По смерти родителей остался он с одной малолетней сестрой и, будучи восемнадцати или двадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти его родителей, когда он, идя по обычаю в храм Господень и собирая воедино мысли свои, на пути стал размышлять о том, как апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю, как упоминаемые в Деяниях верующие, продавая все свое, приносили и полагали к ногам апостольским для раздаяния нуждающимся, какое имели они упование и какие воздаяния уготованы им на небесах. С такими мыслями входит он в храм. В чтенном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Антоний, приняв это за напоминание свыше, как если бы для него именно было это чтение, выходит немедленно из храма и все, что имел во владении от предков (было же у него триста арур²⁶ весьма хорошей, плодоносной земли), дарит жителям своего города, чтобы ни в чем не беспокоили ни его, ни сестру, а все прочее движимое имущество продает и, собрав довольно денег, раздает их нищим, оставив немного для сестры.

3. Но как скоро, вошедши опять в храм, услышал, что Господь говорит в Евангелии: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34), ни на минуту не остается в храме, идет вон и остальное отдает людям неимущим; сестру определяет на воспитание в обитель, поручив известным ему и верным девственницам, сам же перед домом своим начинает наконец упражняться в подвижничестве, внимая себе и пребывая в терпении. В Египте немногочисленны еще были монастыри, и инок вовсе не знал великой пустыни, всякий же из намеревавшихся внимать себе подвизался, уединившись неподалеку от своего селения. Поэтому в одном ближнем селении был тогда старец, с молодых лет проводивший уединенную жизнь. Антоний, увидев его, поревновал ему в добром деле и сначала стал уединяться в местах, лежащих близ селения. И если слышал там о каком рачителе добродетели, шел, отыскивал его, как мудрая пчела, и не прежде возвращался в место свое, как увидевшись с ним. Когда же получал от него некоторое напутствие для шествования стезей добродетели, шел к себе. Так проводя там первоначально жизнь, Антоний наблюдал за своими помыслами, чтобы не возвращались к воспоминанию о родительском имуществе и о сродниках. Все желания устремлял, все тщание прилагал к трудам подвижническим. Работал собственными своими руками, слыша, *что если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3, 10), и часть издерживал на хлеб себе, иное же на нуждающихся. Молился он часто, зная, что должно наедине молиться непрестанно (1 Фес. 5, 17), и столь был внимателен к читаемому, что ни одно слово Писания не падало у него на землю, но все удерживал он в себе, почему, наконец, память заменила ему книги.

²⁶ Арура – египетская мера земли во сто локтей. Локоть – 38–46 см (длина локтевой кости человека); соответственно арура – 3,8–4,6 м.

4. Так вел себя Антоний и был любим всеми. Ревнителям же добродетели, к которым ходил он, искренне подчинялся и в каждом изучал, чем особенно преимуществовал тот в тщательности и в подвиге: в одном наблюдал его приветливость, в другом неутомимость в молитвах; в ином замечал его безгневие, в другом человеколюбие; в одном обращал внимание на его неусыпность, в другом на его любовь к учению; кому удивлялся за его терпение, а кому за посты и возлежания на голой земле; не оставлял без наблюдения и кротости одного и великодушия другого; во всех же обращал внимание на благочестивую веру во Христа и на любовь друг к другу. Так, с обильным приобретением возвращался на место собственного своего подвижничества, сам в себе сочетавая воедино то, что заимствовал у каждого, и стараясь в себе одном явить преимущества всех. А с равными ему по возрасту не входил в состязание, разве только чтобы не отставать от них в совершенстве. И делал это так, что никого не оскорблял, но и те, с кем состязался, радовались о нем. Поэтому все жители селения и все добротолубцы, с которыми был он знаком, видя такую жизнь его, называли его боголюбивым и любили его, одни – как сына, другие – как брата.

5. Но ненавистник добра завистливый диавол, видя такое расположение в юном Антонии, не потерпел этого, но как привык действовать, так намеревается поступить и с ним. Сперва покушается он отвлечь Антония от подвижнической жизни, приводя ему на мысль то воспоминание об имуществе, то заботливость о сестре, то родственные связи, то сребролюбие, славолюбие, услаждение разными яствами и другие удобства жизни, то, наконец, жестокость пути добродетели и ее многотрудность, затем представляет ему мысленно и немощь тела, и продолжительность времени, и вообще, возбуждает в уме его сильную бурю помыслов, желая отвлечь его от правого произволения. Когда же враг увидел немощь свою против Антониева намерения и, более того, увидел, что сам поборается твердостью Антония, низлагается великой его верой, повергается в прах непрестанными молитвами, тогда, в твердой надежде на те свои оружия, которые *в мускулах чрева его* (Иов 40, 11), и хвалясь ими (таковы бывают первые его козни против юных), наступает он и на юного Антония, смущая его ночью и столько тревожа днем, что взаимная борьба их сделалась приметной и для посторонних. Один влагал нечистые помыслы, другой отражал их своими молитвами; один приводил в раздражение члены, другой, по-видимому, как бы стыдясь сего, ограждал тело верой, молитвой и постами. Не ослабевал окаянный диавол, ночью принимал на себя женский образ, во всем подражал женщине, только бы обольстить Антония; Антоний же, помышляя о Христе и высоко ценя дарованное Им благородство и разумность души, угашал уголь сего обольщения. Враг снова представлял ему приятность удовольствий, а он, уподобляясь гневающемуся и оскорбленному, приводил себе на мысль огненное прещение и мучительного червя и, противопоставляя это искушению, оставался невредимым. Все же вместе служило к посрамлению врага. Возмечтавший быть подобным Богу осмеян был теперь юношей. Величающийся перед плотью и кровию низложен был человеком, носящим на себе плоть, потому что содействовал ему Господь, ради нас понесший на Себе плоть и даровавший телу победу над диаволом, почему каждый истинный подвижник говорит: *не я... а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15, 10).

6. Наконец, поелику змий этот не возмог низложить этим Антония, а, напротив того, увидел, что сам изгнан из сердца его, то, по написанному, *скрежещет на него зубами своими* (Пс. 36, 12) и как бы вне себя, каков он умом, таким является и по виду, именно же в образе черного отрока. И поелику низложен был этот коварный, то, как бы изъявляя покорность, не нападает уже помыслами, но говорит человеческим голосом: «Многих обольстил я и еще большее число низложил, но, в числе многих напав теперь на тебя и на труды твои, изнемог». Потом, когда Антоний спросил: «Кто же ты, обращавшийся ко мне с такою речью?» – тот, не таясь нимало, отвечал жалобным голосом: «Я – друг блуда, обязан уловлять юных в блуд, производить в них блудные разжжения и называюсь духом блуда. Многих, желавших жить целомудренно, обольстил я; великое число воздержных довел до падения своими разжжениями. За меня и Про-

рок укоряет падших, говоря: *дух блуда ввел их в заблуждение* (Ос. 4, 12), потому что я был виновником их преткновения. Многократно смущал я и тебя, но всякий раз был низложен тобой». Антоний же, возблагодарив Господа, небоязненно сказал врагу: «Поэтому и достоин ты великого презрения. Ибо черен ты умом и бессилен, как отрок. У меня нет уже и заботы о тебе. *Господь мне помощник, и я буду взирать на врагов моих* (Пс. 117, 7)». Черный отрок, услышав это, немедленно с ужасом бежал от слов сих, боясь уже и приближаться к Антонию.

7. Такова была первая борьба Антония с диаволом; лучше же сказать, что и это в Антонии было действием силы Спасителя, осудившего грех во плоти, *чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу* (Рим. 8, 34). Но и Антоний не пришел в нерадение и небрежение о себе от того, что демон уже побежден, и враг не перестал расставлять ему сети, как побежденный, но снова ходил как лев, ища удобного случая напасть на подвижника. Антоний же, зная из Писания, что много козней у врага (ср. Еф. 6, 11), неослабно упражнялся в подвигах, рассуждая, что если враг и не мог обольстить сердца его плотским удовольствием, то, без сомнения, покусится уловить иным способом, потому что демон грехолюбив. Посему-то Антоний более и более умерщвлял и порабощал тело, чтобы, победив в одном, не уступить над собой победы в другом. Поэтому приемлет он намерение приобучить себя к более суровому житию; и многие приходили в удивление, видя труд его, а он переносил его легко. Душевная его ревность с течением времени стала уже добрым навыком, и потому он оказывал великую тщательность даже в самом малом, что усваивал от других. Столь неутомим он был во бдении, что часто целую ночь проводил без сна и, повторяя это не раз, но многократно, возбуждал тем удивление. Пищу вкушал однажды в день по захождении солнца, иногда принимал ее и через два дня, а нередко и через четыре. Пищей же служили ему хлеб и соль, а питием одна вода. О мясе и вине не стоит и говорить, потому что и у других рачительных подвижников едва ли встретишь что-либо подобное. Во время сна Антоний довольствовался рогожей, а большей частью возлегал на голой земле. Никак не соглашался умащать себя елеем, говоря, что юным всего приличнее быть ревностными к подвигу и не искать того, что расслабляет тело, но приучать его к трудам, содержа в мыслях апостольское изречение: *когда я немог, тогда силен* (2 Кор. 12, 10). Душевные силы, повторял он, тогда бывают крепки, когда ослабевают телесные удовольствия. Чудна подлинно и эта его мысль. Не временем, как полагал он, измерять должно путь добродетели и подвижническую ради нее жизнь, но желанием и произволением. По крайней мере, сам он не забывал о прошедшем времени, но с каждым днем, как бы только полагая начало подвижничеству, прилагал больший труд о преспеянии, непрестанно повторяя сам себе изречение апостола Павла: *забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3, 13), и также припоминая слова пророка Илии, который говорит: *жив Господь Саваоф, пред Которым я стою! сегодня я покажусь ему* (3 Цар. 18, 15). Ибо, по замечанию Антония, пророк, говоря «сегодня», не прошедшее измеряет время, но, как бы непрестанно полагая еще только начало, старается каждый день представить себя таким, каким должен быть являющийся пред Бога, то есть чистым сердцем и готовым повиноваться не другому кому, но Божией воле. И Антоний повторял про себя, что в житии Илии, как в зеркале, подвижник должен всегда изучать собственную свою жизнь.

8. Так изнуряя себя, Антоний удалился в гробницы, бывшие далеко от селения, поручив одному знакомому, чтобы время от времени приносил ему хлеб; сам же, войдя в одну из гробниц и заключив за собой дверь, остался в ней один. Тогда враг, не стерпя сего, даже боясь, что Антоний в короткое время наполнит пустыню подвижничеством, является к нему однажды ночью со множеством демонов и наносит ему столько ударов, что от боли остается он безгласно лежащим на земле. Как сам Антоний уверял, весьма жестоки были его страдания, и удары, нанесенные людьми, не могли бы, по словам его, причинить такой боли. Но по Божию Промыслу (ибо Господь не оставляет без призрения уповающих на Него), на следующий день приходит тот знакомый, который приносил ему хлеб. Отворив дверь и увидев, что Антоний

лежит на земле, как мертвый, взял и перенес его в храм, бывший в селении, и положил там на земле. Многие из сродников и из жителей селения окружили Антония, как покойника. Около же полуночи приходит в себя Антоний и, пробудившись, видит, что все спят, бодрствует лишь один его знакомый. Подозвав его к себе знаками, Антоний просит, чтобы, никого не разбудив, взял и перенес его опять в гробницу.

9. Так Антоний был отнесен им и, когда, по обычаю, дверь была заперта, снова остался один в гробнице. Не в силах еще стоять на ногах от нанесенных ему ударов он молится лежа, по молитве же громко взывает: «Здесь я, Антоний, не бегая от ваших ударов. Если нанесете мне и еще большее число, ничто не отлучит меня от любви Христовой». Потом начинает петь: *если выстроится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3). Так думал и говорил подвижник. Ненавидящий же добро враг, дивясь, что Антоний осмелился прийти и после нанесенных ему ударов, сзывает псов своих и, разрываясь с досады, говорит: «Смотрите, ни духом блуда, ни побоями не умилили мы его; напротив того, отваживается он противиться нам. Нападем же на него иным образом». А диавол не затрудняется в способах изъять свою злобу. Так и на этот раз ночью демоны производят такой гром, что, по-видимому, все то место пришло в колебание, и, как бы разорив четыре стены Антониева жилища, вторгаются, преобразившись в зверей и пресмыкающихся. Все место мгновенно наполнилось призраками львов, медведей, леопардов, волков, змей, аспидов, скорпионов, волков. Каждый из этих призраков действует соответственно наружному своему виду. Лев, готовясь напасть, рыкает; вол готов, по-видимому, забодать; змея не перестает извиваться; волк напрягает силы броситься. И все эти привидения производят страшный шум, выказывают лютую ярость. Антоний, поражаемый и уязвляемый ими, чувствует ужасную телесную боль, но тем паче, бодрствуя душой, лежит без трепета и, хотя стонет от телесной боли, однако же, трезвясь умом и как бы с насмешкой, говорит: «Ежели есть у вас сколько-нибудь силы, то достаточно было прийти и одному из вас. Но поелику Господь отнял у вас силу, то пытаетесь устрашить множеством. Уже то служит признаком вашей немощи, что обращаетесь в бессловесных». И с дерзновением присовокупляет: «Если можете и имеете надо мной власть, то не медлите и нападайте. А если не можете, то для чего мятетесь напрасно? Нам печатью и стеной ограждения служит вера в Господа нашего». Так демоны после многих покушений скрежетали только зубами на Антония, потому что более себя самих, нежели его, подвергали осмеянию.

10. Господь же не забыл при сем Антониева подвига и пришел на помощь к подвижнику. Возведя взор, видит Антоний, что кровля над ним как бы раскрылась и нисходит к нему луч света. Демоны внезапно стали невидимы, телесная боль мгновенно прекратилась, жилище его оказалось ни в чем не поврежденным. И ощутив эту помощь, воздохнув свободнее, чувствуя облегчение от страданий, обращается он с молитвой к явившемуся видению, и говорит: «Где был Ты? Почему не явился вначале – прекратить мои мучения?» И был к нему голос: «Здесь пребывал Я, Антоний, но ждал, желая видеть твое ратоборство; и поскольку устоял ты и не был побежден, то всегда буду твоим помощником и сделаю именитым тебя всюду». Услышав это, Антоний восстает и начинает молиться, и настолько укрепляется, что чувствует в теле своем более сил, чем было их прежде. Было же ему тогда около тридцати пяти лет.

11. В следующий день, вышедши из гробницы и исполнившись еще большей ревности к богочестию, приходит он к упомянутому выше древнему старцу и просит его жить с ним в пустыне. Поскольку же старец отказался и по летам и по привычке к пустынной жизни, то Антоний немедленно уходит один на гору. Но враг, видя опять его ревностное намерение и желая воспрепятствовать этому, в мечтании представляет ему лежащее на пути большое серебряное блюдо. Антоний, уразумев хитрость ненавистника добра, останавливается и, глядя на блюдо, обличает кроющегося в призраке диавола, говоря: «Откуда быть блюду в пустыне? Не большая эта дорога, нет даже и следов проходившего здесь. Если бы блюдо упало, не могло бы оно утаиться, потому что велико, потерявший воротился бы и, поискав, непременно нашел бы его,

ибо место здесь пустынное. Дьявольская эта хитрость. Но не воспрепятствуешь этому твердому моему намерению, диавол: блюдо сие *да будет в погибель с тобою* (Деян. 8, 20)». И когда Антоний сказал это, оно исчезло, *как дым... как тает воск от огня* (Пс. 67, 2).

12. Потом идет он далее и видит уже не призрак, но настоящее золото, разбросанное на дороге. Вразом ли было оно положено, или иной высшей силой, которая и подвижнику давала случай испытать себя, и диаволу показывала, что он вовсе не заботится об имуществе, – этого не говорил и Антоний, и мы не знаем; известно же одно то, что видимое им было золото. Антоний хотя дивится его множеству, однако же, перескочив, как через огонь, проходит мимо, не обращаясь назад и до того ускоряет свое шествие, что место это потерялось и скрылось из вида. Так, более и более утверждаясь в исполнении своего намерения, стремился он на гору и, по другую сторону реки найдя пустое огражденное место, от давнего запустения наполнившееся пресмыкающимися, переселяется туда и начинает там обитать. Пресмыкающиеся, как будто гонимые кем, тотчас удаляются. Антоний же, заградив вход и запасши на шесть месяцев хлебов (так запасают фивяне, и хлеб у них нередко в продолжение целого года сохраняется невредимым), воду же имея внутри ограды, как бы укрывшись в некое недоступное место, пребывает там один, и сам не выходя, и не видя никого из приходящих. Так подвизаясь, провел он долгое время, лишь два раза в год принимая хлебы через ограду.

13. Приходящие к нему знакомые, поскольку он не позволял им входить внутрь ограды, нередко дни и ночи проводили вне ее; и слышат они, что в ограде как бы целые толпы мнутся, стучат, жалобно вопят и зывают: «Удались из наших мест, что тебе в этой пустыне? Не перенесешь наших козней». Стоящие вне подумали сначала, что с Антонием препираются какие-то люди, вошедшие к нему по лестницам; когда же, прикинув к скважине, не увидели никого, тогда, заключив, что это демоны, сами начали звать Антония, объятые страхом. И он скорее услышал слова последних, нежели обратил внимание на демонские вопли. Подойдя к двери, уговаривает пришедших удалиться и не бояться. «Демоны, – говорит он, – производят мечтания для устрашения боязливых. Посему запечатлейте себя крестным знамением и идите назад смело, демоны же пусть делают из себя посмешище». И пришедшие, оградившись знамением креста, удаляются, а Антоний остается и не терпит ни малейшего вреда от демонов, даже не утомляется в подвиге, потому что учашение бывших ему горних видений и немощь врагов доставляют ему великое облегчение в трудах и возбуждают усердие к еще большим трудам. Знакомые часто заходили к нему, боясь найти его уже мертвым, но заставляли поющим: *да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его! – Как исчезает дым, да исчезнут, как тает воск от огня, так да погибнут грешники от лица Божия* (Пс. 67, 2–3); и еще: *все народы окружили меня, но именем Господним я воспротивился им* (Пс. 117, 10).

14. Около двадцати лет провел так Антоний, подвизаясь в уединении, никуда не выходя и все это время никем не видимый. После же, поскольку многие домогались и желали подражать его подвижнической жизни, какие-то знакомые его пришли и силой разломали и отворили дверь. Исходит Антоний, как таинник и богоносец из некоего святилища, и приходящим к нему показывается в первый раз из своей ограды. И они, увидев Антония, исполняются удивления, что тело его сохранило прежний вид, не утучнело от недостатка движения, не иссохло от постов и борьбы с демонами. Антоний был таким же, каким знали его до отшельничества. В душе его та же была чистота нрава; не был он скорбью подавлен, не пришел в восхищение от удовольствия, не предавался ни смеху, ни грусти, не смутился, увидев толпу людей, не обрадовался, когда все стали его приветствовать, но пребыл равнодушным, потому что управлял им разум, и ничто не могло вывести его из обыкновенного естественного состояния. Господь исцелил через него многих страждущих телесными болезнями, иных освободил от бесов, даровал Антонию и благодать слова; утешил он многих скорбящих, примирил бывших в ссоре, внушая всем ничего в мире не предпочитать любви ко Христу и увещавая содержать в памяти

будущие блага и человеколюбие к нам Бога, *Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас* (Рим. 8, 32), убедил многих избрать иноческую жизнь, и, таким образом, в горах явились наконец монастыри; пустыня населилась иноками, оставившими свою собственность и вписавшимися в число жительствовавших на Небесах.

15. Когда для посещения братии необходимо было перейти водопроводный ров в Арсеное, полный крокодилов, Антоний лишь совершил молитву, после чего сам и все бывшие с ним вошли в ров и невредимыми перешли его. Возвратившись же в монастырь, упражняется он в прежних строгих трудах с юношеской бодростью и, часто беседуя, в монашествующих уже увеличивает ревность, в других же, и весьма многих, возбуждает любовь к подвижничеству. И вскоре, по силе удивительного слова его, возникают многочисленные монастыри, и во всех них Антоний, как отец, делается руководителем.

16. Однажды собрались к нему все монахи, чтобы услышать его слово. Антоний же вышел и на языке египтян <коптском> сказал им следующее: «К научению достаточно и Писаний, однако же нам прилично утешать друг друга верой и умащать речью. Поэтому и вы, как дети, говорите отцу, что знаете, и я, как старший вас возрастом, сообщу вам, что знаю и что изведаль опытом. Более всего да будет у всех общее попечение о том, чтобы, начав, не ослабевать в деле, в трудах не унывать, не говорить: «Давно мы подвижаемся». Лучше, как начинающие только, будем с каждым днем приумножать свое усердие, потому что целая жизнь человеческая весьма коротка в сравнении с будущим веком; почему и все время жизни нашей перед жизнью вечной ничто. И хотя каждая вещь в мире продается за должную цену, и человек обменивает равное на равное, но обетование Вечной Жизни покупается за малую цену. Ибо написано: *дни лет наших: семьдесят лет, а если в силах – восемьдесят лет, и то большая часть их – труд и болезнь* (Пс. 89, 10). Посему, если и все восемьдесят, даже и сто лет пребудем в подвиге, то царствовать будем не равное ста годам время, но, вместо ста лет, воцаримся на веки веков и, подвизавшись на земле, примем наследие не на земле, но, по обетованиям, имеем его на Небесах; притом же, сложив с себя тленное тело, воспримем тело нетленное».

17. «Поэтому, дети, не будем унывать, что давно подвижаемся, или возноситься, будто сделали мы что-либо великое. *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). И взирая на мир, не будем думать, что отрелись мы от чего-либо великого. Ибо и вся земля эта очень мала перед целым небом. Поэтому, если бы мы были господами над всей землей и отрелись от всей земли, то и это не было бы еще равноценно Небесному Царству. Как пренебрегают одной драхмой меди, чтобы приобрести сто драхм золота, так и тот, кто господин всей земли, когда отрекается от нее, то оставляет малость и приемлет стократно большее. Если же вся земля не равноценна Небесам, то оставляющий небольшие поля как бы ничего не оставляет. Если оставит он и дом или довольное количество золота, то не должен хвалиться или унывать. Притом должны мы рассудить, что если и не оставим сего ради добродетели, то оставим впоследствии, когда умрем, и оставим, как часто бывает, кому не хотели бы, как напоминал об этом Екклесиаст (ср. Еккл. 4, 8). Итак, почему же не оставить нам этого ради добро дел и, чтобы наследовать за то Царство? Поэтому никто из нас да не питает в себе желания приобретать. Ибо какая выгода приобрести то, чего не возьмем с собой? Не лучше ли приобрести нам то, что можем взять и с собой, как-то: благоразумие, справедливость, целомудрие, мужество, рассудительность, любовь, нищелюбие, веру во Христа, безгневие, страннолюбие? Эти приобретения уготовят нам пристанище в земле кротких прежде, нежели придем туда».

18. «Таковыми-то мыслями да убеждает себя каждый не лениться, наипаче же если рассудит, что он Господень раб и обязан работать Владыке. Как раб не осмелится сказать: поскольку работал я вчера, то не работаю сегодня; и вычисляя протекшее время, не перестанет он трудиться в последующие дни, напротив же того – каждый день, по написанному в Евангелии, оказывает одинаковое усердие, чтобы угодить господину своему и не быть в беде, так и мы

каждый день станем пребывать в подвиге, зная, что, если один день вознерадим, Господь не простит нас за упущенное время, но прогневается на нас за нерадение. Это мы слышим и у Иезекииля (ср. Иез. 18, 24–26). Так и Иуда за единую ночь погубил труд протекшего времени».

19. «Поэтому, чада, пребудем в подвиге и не предадимся унынию. Ибо в этом нам спешник Господь, как написано: всякому, избравшему благое, Бог поспешествует во благое (ср. Рим. 8, 28). А для того, чтобы не лениться, хорошо содержать в мысли апостольское изречение: *Я каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Ибо, если будем жить как ежедневно готовящиеся умереть, то не согрешим. Сказанное же апостолом имеет тот смысл, что мы каждый день, пробуждаясь от сна, должны думать, что не доживем до вечера, и также, засыпая, должны представлять, что не пробудимся от сна, потому что мера жизни нашей нам не известна и каждый день измеряется Промыслом. А при таком образе мыслей, так живя каждый день, не будем мы ни грешить, ни питать в себе какого-либо пожелания, ни гневаться на кого-нибудь, ни собирать себе сокровища на земле; но, как ежедневно ожидающие смерти, будем нестяжательны и всякому станем все прощать. Никак не дадим овладеть нами плотскому вожделению или другому нечистому удовольствию, будем же отвращаться сего как преходящего, пребывая в непрестанном страхе и имея всегда перед очами день Суда. Ибо сильный страх и опасение мучений уничтожают приятность удовольствия и восстанавливают клонящуюся к падению душу».

20. «Вступив на путь добродетели и начав шествие, тем более напряжем силы – простираться вперед; и никто да не обращается вспять, подобно жене Лотовой, особенно же внимая сказанному Господом: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). Обратиться вспять не иное что значит, как сожалеть и думать снова о мирском. Не приходите в страх, слыша о добродетели, не смущайтесь при ее имени. Она не далеко от нас, не вне нас образуется; дело ее в нас, и оно легко, если пожелаем только. Эллины, чтобы обучиться словесным наукам, предпринимают дальние путешествия, переплывают моря, а нам нет нужды ходить далеко ради Царствия Небесного или переплывать море ради добродетели. Господь еще прежде сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21). Поэтому добродетель имеет потребность в нашей только воле, потому что добродетель в нас и из нас образуется. Она образуется в душе, у которой разумные силы действуют согласно с ее естеством. А сего достигает душа, когда пребывает, какой сотворена; сотворена же она доброй и совершенно правой. Посему и Иисус Навин, заповедуя народу, сказал: *обратите сердце свое к Господу Богу Израилеву* (Нав. 24, 23); и Иоанн говорит: *правы творите стези ваши* (ср. Мф. 3, 3). Ибо душе быть правой значит разумной ее силе быть в такой согласии с естеством, в каком она создана. Когда уклоняется душа и делается несообразной с естеством, тогда называется это пороком души. Итак, это дело не трудно. Если пребываем, какими созданы, то мы добродетельны. Если же рассуждаем худо, то осуждаемся, как порочные. Если бы добродетель была чем-либо приобретаемым отвне, то, без сомнения, трудно было бы стать добродетельным. Если же она в нас, то будем охранять себя от нечистых помыслов и соблюдаем Господу душу, как приятный от Него залог, чтобы признал Он в ней творение Свое, когда душа точно такова, какой сотворил ее Бог».

21. «Будем же домогаться, чтобы не властвовала над нами раздражительность и не обладала нами похоть, ибо написано: *гнев человека не творит правды Божией. Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть* (Иак. 1, 20, 15). А при таком образе жизни будем постоянно трезвиться и, как написано, больше всего хранимого хранить сердце (ср. Притч. 4, 23). Ибо имеем у себя страшных и коварных врагов, лукавых демонов, с ними у нас брань, как сказал апостол: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6, 12). Великое их множество в окружающем нас воздухе, и они недалеко от нас. Великая же есть между ними разность, и о свойствах их, и о разностях продолжительно может быть

слово, но такое рассуждение пусть будет предоставлено другим, которые выше нас; теперь же настает крайняя нам нужда узнать только козни их против нас».

22. «Итак, во-первых, знаем, что демоны называются так не потому, что такими сотворены. Бог не сотворил ничего злого. Напротив того, и они созданы были добрыми, но, ниспав с высоты небесного разума и вращаясь уже около земли, как язычников обольщали мечтаниями, так и нам, христианам, завидуя, все приводят в движение, желая воспрепятствовать нашему восхождению на Небеса, чтобы нам не взойти туда, откуда ниспали они. Посему потребны нам усиленная молитва и подвиги, чтобы, прияв от Духа дарование различения духов (1 Кор. 12, 10), можно было человеку узнать о демонах, которые из них менее худы и которые хуже других, какой цели старается достигнуть каждый из них и как можно низложить и изгнать каждого. Ибо много у них ухищрений и злокозненных устремлений. Блаженному апостолу и последователям его известны были козни сии, и они говорят: *нам не безызвестны его умыслы* (2 Кор. 2, 11). А мы сколько опытом извели о сих кознях, столько обязаны предохранять от них друг друга. Приобретая отчасти опытное о них ведение, сообщая это вам, как детям».

23. «Итак, демоны всякому христианину, наипаче же монаху, как скоро увидят, что он трудолюбив и преуспевает, прежде всего предпринимают и покушаются положить на пути соблазны. Соблазны же их – лукавые помыслы. Но мы не должны устрашаться таковых внушений. Молитвой, постами и верой в Господа враги немедленно низлагаются. Впрочем, и по низложении они не успокаиваются, но вскоре снова наступают коварно и с хитростью. И когда не могут обольстить сердце явным и нечистым сластолюбием, тогда снова нападают иным образом и стараются уже устроить мечтательными привидениями, претворяясь в разные виды и принимая на себя подобия женщин, зверей, пресмыкающихся, великанов, множества воинов. Но и в таком случае не должно приходить в боязнь от этих привидений, потому что они суть ничто и скоро исчезают, особливо если кто оградит себя верой и крестным знамением. Впрочем, демоны дерзки и крайне бесстыдны. Если и в этом бывают они побеждены, то нападают иным еще способом: принимают на себя вид прорицателей, предсказывают, что будет через несколько времени; представляются или высокорослыми, достающими головой до кровли, или имеющими чрезмерную толстоту, чтобы тех, кого не могли обольстить помыслами, уловить такими призраками. Если же и в этом случае найдут, что душа ограждена сердечной верой и упованием, то приводят уже с собой князя своего».

24. Антоний сказывал, что «нередко видел он демонов такими, каким Господь изобразил диавола в откровении Иову, говоря: *глаза у него как ресницы зари; из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры; из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя* (Иов 41,9-11). Таким являясь, демонский князь устрашает, по сказанному выше, коварным своим велеречием, как еще обличил его Господь, сказав Иову: *Железо он считает за солому, медь – за гнилое дерево; он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою* (Иов 41,19, 23–24); и еще говоря через пророка: *Враг сказал: погонюсь, постигну* (Исх. 15, 9); и также через другого пророка: *рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю* (Ис. 10, 14). Так вообще стараются величаться демоны и дают подобные обещания, чтобы обольстить богочестивых. Но мы, верные, и в этом также случае не должны страшиться производимых врагом привидений и обращать внимание на слова его, потому что диавол лжет и вовсе не говорит ничего истинного. И действительно, его-то, изрекающего столько подобных дерзостей, Спаситель, как змия, извлек удою, его-то, как вычное животное, веревкой схватил за язык его, ему-то, как беглецу, вддел кольцо в ноздри его, и иглой проколол челюсть его, и яко птичку связал его Господь, чтобы мы наругались над ним (ср. Иов 40, 20–21, 24). Диавол и все с ним демоны низложены перед нами, чтоб, как на змей и на скорпионов, наступать на них нам, христианам (ср. Лк. 10,19). Доказательством же сему служит то, что живем мы ныне по

правилам, противным ему. И вот дающий обещание истребить море и объять вселенную не в силах ныне воспрепятствовать вашим подвигам и даже остановить меня, который говорю против него. Поэтому не будем обращать внимания, что ни говорил бы он, потому что лжет он. Не убоимся его привидений, потому что и они лживы. Видимый в них свет не есть свет действительный, вернее же сказать, что демоны носят в себе начаток и образ уготованного им огня. В чем будут они гореть, тем и покушаются устрашать людей. Внезапно являются, но немедленно также и исчезают, не причиняя вреда никому из верующих, нося же с собой подобие того огня, который примет их в себя. Посему и в этом отношении не должно их бояться, потому что все их пред начинания, по благодати Христовой, обращаются в ничто».

25. «Они коварны и готовы во все превращаться, принимать на себя всякие виды. Нередко, будучи сами невидимы, представляются они поющими псалмы, припоминают изречения из Писаний. Иногда, если занимаемся чтением, и они немедленно, подобно эху, повторяют то же, что мы читаем; а если спим, пробуждают нас на молитву и делают это так часто, что не дают почти нам и уснуть. Иногда, приняв на себя монашеский образ, представляются благоговейными собеседниками, чтобы обмануть подобием образа и обольщенных ими вовлечь уже, во что хотят. Но не надобно слушать их, пробуждают ли они на молитву, или советуют вовсе не принимать пищи, или представляются осуждающими и укоряющими нас за то самое, в чем прежде были с нами согласны. Ибо не из благоговения и не ради истины делают это, но чтобы неопытных ввергнуть в отчаяние. Подвижничество представляют они бесполезным, возбуждают в людях отвращение от монашеской жизни, как самой тяжелой и обременительной, и препятствуют вести этот, противный им, образ жизни».

26. «И посланный Господом пророк возвестил окаянство таковых, сказав: *Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей и делаешь его пьяным, чтобы видеть срамоту его!* (Авв. 2, 15). Такие предначинания и помышления совращают с пути, ведущего к добродетели. И Сам Господь даже говорившим правду демонам (ибо справедливо они говорили: *Ты Христос, Сын Божий* (Лк. 4, 41) повелевал молчать и воспрещал говорить, чтобы вместе с истиной не посеяли они собственной злобы своей, а также чтобы приобучились и мы никогда не слушать их, хотя бы они говорили и истину по видимости. Нам, имеющим у себя святыя Писания и свободу, дарованную Спасителем, неприлично учиться у диавола, который не соблюл своего чина и изменился в мыслях своих. Посему-то Господь запрещает ему произносить изречения Писания: *грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои и держишь завет Мой в устах своих?* (Пс. 49, 16). Демоны все делают, говорят, шумят, притворствуют, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят, а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные».

27. «Господь, как Бог, налагал молчание на демонов; так нам, научившись у святых, прилично поступать подобно им и подражать их мужеству. А они, смотря на сие, говорили: *доколе стоит грешник предо мною. – Я онемел, и смирился, и замолк, лишившись благ* (Пс. 38, 2–3); и еще: *Я же, как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих. – И был, как человек, не слышащий* (Пс. 37, 14). Так и мы не будем слушать демонов, как чуждых нам, не станем повиноваться им, хотя бы пробуждали нас на молитву, хотя бы говорили о посте; будем же более внимательны к предпринятому нами подвижничеству, чтобы не обольстили нас демоны, делающие все с хитростью. Но не должно нам и бояться демонов, хотя по видимости нападают на нас, даже угрожают нам смертью, потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать».

28. «Почему, хотя коснулся уже я сего мимоходом, однако же теперь не поленюсь сказать о том же пространнее. Такое напоминание послужит к вашей безопасности. По пришествии Господа враг пал и силы его изнемогли. Посему, хотя ничего не может он сделать, однако же, как мучитель, по падении своем не остается в покое, но угрожает, хотя только словом. Пусть

же каждый из вас рассудит и сие и тогда в состоянии будет презирать демонов. Если бы демоны обложены были такими же телами, какими обложены мы, то могли бы они сказать: людей укрывающихся мы не находим, а найденным причиняем вред. Тогда и мы могли бы укрыться и утаиться от них, заперев двери. Но они не таковы, могут входить и в запертые двери; и все демоны, а первый из них диавол, носятся по всему воздуху, притом они зложелательны, готовы вредить, и, как сказал Спаситель, отец злобы диавол *был человекоубийца от начала* (Ин. 8, 44). Между тем мы живы еще и даже ведем образ жизни, противный диаволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы. И место не препятствует им делать зло, и в нас видят они не друзей своих, которых стали бы щадить, и сами не такие любители добра, которые могли бы исправиться, но напротив того, они лукавы – о том единственно заботятся, чтобы любителям добродетели и богочестивым делать вред; однако же поскольку ничего не в силах сделать, то и не делают вреда, а только угрожают. Но если бы они были в силах, то не стали бы медлить, но тотчас сделали бы зло, имея готовое на то произволение, особенно же сделали бы зло нам. Но вот, сошедшись, теперь говорим мы против них, и знают они, что по мере нашего преспеяния сами изнемогают; поэтому если бы у них была власть, то не оставили бы в живых никого из христиан, потому что мерзость грешнику богочестие (ср. Сир. 1, 25). Поскольку же ничего не в состоянии они сделать, то они больше уязвляются тем, что не могут исполнить угроз своих. Притом, чтобы не бояться нам демонов, надобно рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпой, не производили бы мечтаний и не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более что всякий имеющий власть не привидениями поражает, не множеством устрашает, но немедленно пользуется своей властью, как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и страшая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных. Истинному Ангелу, посланному Господом на ассириян, не было нужды во множестве, в наружном призраке, в громе и треске; напротив того, в тишине оказал он власть свою и мгновенно истребил сто восемьдесят пять тысяч. Не имеющие же никакой силы демоны, каковы с нами препирающиеся, покушаются устрашить хотя мечтаниями».

29. «Если кто приведет себе на мысль бывшее с Иовом и скажет, почему же диавол пришел и сделал с ним все: и имущества лишил его, и детей его умертвил, и самого порастил гноем лютым (ср. Иов 1,15–22; 2,1–7), то да знает таковой, что не от силы диавола это зависело, но от того, что Бог предал ему Иова на искушение; диавол же, конечно, не в силах был ничего сделать, потому просил и, получив дозволение, сделал. А поэтому тем паче достоин презрения враг, который, хотя и желал, однако же не в силах был ничего сделать даже одному праведнику. Ибо если бы имел на это силу, то не стал бы просить. Поскольку же просил, и просил не однажды, но двукратно, то оказывается немощным и вовсе бессильным. И неудивительно, что не в силах был что-либо сделать с Иовом, когда не мог погубить и скота его, если бы не попустил ему Бог. Даже над свиньями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: *пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8, 31). Если же не имеют власти над свиньями, тем более не имеют над человеком, созданным по образу Божию.

30. «Посему должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их. Даже чем больше страхов производят они, тем сильнее будем подвизаться против них. Ибо сильное на них орудие – правая жизнь и вера в Бога. Боятся они подвижнического поста, бдения, молитв, кротости, безмолвия, несребролюбия, нетщеславия, смиренномудрия, нищелюбия, милостынь, безгневия, преимущественно же благочестивой веры во Христа. Посему-то и употребляют все меры, чтобы не было кому попираť их. Знают они, какую благодать против них дал верующим Спаситель, Который сказал: *се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10,19)».

31. «Поэтому, если выдают они себя за предсказателей, никто да не прилепляется к ним. Нередко сказывают они за несколько дней, что придут братия, и те действительно приходят. Делают же это демоны не по заботливости о внимающих им, но чтобы возбудить в них веру к себе и потом, подчинив уже их себе, погубить. Посему не должно слушать демонов, а надобно возражать на слова их, что не имеем в них нужды. Ибо что удивительного, если кто, имея тело тончайшее тела человеческого и увидев вступивших на путь, предваряет их в шествии и извещает о них? То же предсказывает и сидящий на коне, предварив идущего пешком. Посему и в этом не надобно удивляться демонам. Они не имеют предведения о том, чего еще нет. Единый Бог есть знающий вся прежде бытия их (ср. Дан. 13, 42). Демоны же, как воры, забежав наперед, что видят, о том и извещают. И теперь о том, что делается у нас, как сошлись мы и беседуем о них, дадут они знать многим, прежде нежели кто-либо из нас уйдет отсюда и расскажет о том. Но то же может сделать и какой-нибудь резво бегающий отрок, предварив ходящего медленно. И я именно сказываю. Если намеревается кто идти из Фиваиды или из другой какой страны, то прежде, нежели отправится он в путь, демоны не знают, пойдет ли, но как скоро видят идущего, забегают вперед и прежде, нежели он пришел, извещают о нем; и таким образом идущие через несколько дней действительно приходят. Нередко же случается отправившимся в путь возвратиться назад, и тогда демоны оказываются лжецами».

32. «Так, иногда велеречиво объявляют они о воде в реке Ниле: увидев, что много было дождей в странах эфиопских, и зная, что от них бывает наводнение в реке, прежде нежели вода придет в Египет, прибегают туда и предсказывают. Но то же сказали бы и люди, если бы могли так скоро переходить с места на место, как демоны. И как страж Давидов, взошедши на высоту, прежде, нежели бывший внизу, увидел текущего, и шедший вперед, прежде, нежели другие, сказал не о чем-либо еще несовершившемся, но о том, что уже было и о чем известие уже приближалось (ср. 2 Цар. 18, 24–29), так и демоны принимают на себя труд и дают знать другим, чтобы только обольстить их. Если же Промыслу угодно будет в это время с водами или с путешествующими сделать что-либо иное (потому что и это возможно), то демоны окажутся лжецами и послушавшие их будут обмануты».

33. «Так произошли языческие прорицалища, так издавна люди вводимы были в заблуждение демонами. Но обольщение это наконец прекратилось. Ибо пришел Господь и привел в бездействие демонов и коварство их. Они ничего не знают сами собой, но, как воры, что видят у других, то и разглашают, и более угадывают, нежели знают по предведению. Посему, если предсказывают и правду, никто да не дивится им в этом. Ибо и врачи, опытом дознавшие свойства болезней, как скоро видят ту же болезнь в других, нередко, угадывая по навыку, предсказывают. Также кормчие и земледельцы, смотря на состояние воздуха, по навыку предсказывают или непогоду, или благорастворение воздуха. И никто не скажет поэтому, что предсказывают они по Божию внушению, а не по опыту и навыку. Посему если и демоны иногда, угадывая, предсказывают так же, то никто да не дивится им в этом и не слушает их. И какая польза слушающим демонов заранее узнать от них будущее? Или какая важность в таком предведении, хотя бы узнали мы и правду? Это не составляет добродетели и, без сомнения, не служит доказательством добрых нравов. Никто из нас не осуждается за то, что не знал, и никто не ублажается за то, что приобрел сведение и узнал, но каждый подлежит суду в том, соблюл ли веру, искренне ли сохранил заповеди».

34. «Посему должно невысоко ценить такое предведение, подвизаться и трудиться не для того, чтобы предузнавать, но чтобы доброй жизнью угодить Богу. Надобно и молиться не о том, чтобы иметь предведение, и не этой награды просить за подвиги, но просить Господа, чтобы Он споспешествовал нам в победе над диаволом. Если же когда важно для нас иметь предведение, то чистым будем хранить ум. Ибо уверен я, что душа во всем чистая и верная своей природе, соделавшись прозорливой, может видеть больше и дальше, нежели демоны,

потому что от Господа дается ей откровение. Такова была душа Елисея, видевшая, что сделано было Гиезием (ср. 4 Цар. 5, 26), и узревшая охраняющие ее силы (ср. 4 Цар. 6, 16–17)».

35. «Посему когда демоны приходят к нам ночью, хотят возвестить будущее или говорят: «Мы – Ангелы», – не внимайте им, потому что лгут. Если будут они хвалить ваше подвижничество и ублажать вас, не слушайте их и нимало не сближайтесь с ними, лучше же себя и дом свой запечатлейте крестом и помолитесь. Тогда увидите, что они сделаются невидимыми, потому что боязливы и особенно страшатся знамения креста Господня. Ибо, крестом отъяв у них силу, посрамил их Спаситель. Если же будут упорствовать, издеваясь и принимая на себя разные виды, – не приходите в боязнь, не ужасайтесь, не внимайте им, как духам добрым. Ибо при Божией помощи возможно и нетрудно распознавать присутствие Ангелов добрых и злых. Видение святых бывает невозмутительно. Не будут они ни спорить, ни вопиять, никто не услышит гласа их (ср. Ис. 42, 2). Являются они безмолвно и кротко, отчего в душе немедленно рождаются радость, веселие и дерзновение, – потому что со святыми Господь, Который есть наша радость и Сила Бога Отца. Душевные помыслы бывают невозмутимыми и неволненными, и душа, озаряемая видением, созерцает явившихся. В ней возникает желание божественных и будущих благ, и, конечно, возжелает она быть в соединении со святыми и отойти с ними. Если же иные, как люди, приводятся в страх видением добрых Ангелов, то явившиеся в то же мгновение уничтожают этот страх своею любовью, как поступили Гавриил с Захариєю (ср. Лк. 1, 13) и Ангел, явившийся женам во гробе Господнем (ср. Мф. 28, 5), и еще Ангел, упоминаемый в Евангелии и сказавший пастухам: *не бойтесь* (Лк. 2, 10). Ощущается же страх не от душевной боязни, но от сознания присутствия высших сил. Таково видение святых».

36. «А нашествие и видение духов злых бывает возмутительно, с шумом, гласами и воплями, подобно буйному движению худо воспитанных молодых людей или разбойников. От сего в душе немедленно происходят боязнь, смятение, беспорядок помыслов, грусть, ненависть к подвижникам, уныние, печаль, воспоминание о сродниках, страх смертный, и наконец – худое пожелание, нерадение о добродетели, нравственное расстройство. Поэтому если, увидев явившегося, приходите в страх, но страх ваш немедленно уничтожен, и вместо него происходят в вас неизглаголанная радость, благодушие, дерзновение, воодушевление, невозмутимость помыслов и все прочее, сказанное выше, мужество, любовь к Богу, то не теряйте упования и молитесь. Ибо радость и благоустроенность души показывают святость явившегося. Так, Авраам, увидев Господа, возрадовался (ср. Ин. 8, 56), и Иоанн от гласа Богородицы Марии выиграл радостно (ср. Лк. 1, 44). А если чье явление сопровождают смятение, внешний шум и мирская пышность, угроза смертью и все, сказанное выше, то знайте, что это – нашествие злых ангелов».

37. «Да служит вам и то еще признаком: когда душа продолжает ощущать боязнь, – явившийся есть враг, потому что демоны не уничтожают боязни, как в Марии и Захарии – великий Архангел Гавриил, и в женах – явившийся во гробе Ангел. Напротив того, демоны, когда видят людей в боязни, тем паче умножают призраки, чтобы привести их в больший ужас, и наступая, уже ругаются, говоря: *пав, поклонись мне* (Мф. 4, 9). Так обольщали они язычников, и те лжеименно признавали их богами. Но нас не оставил Господь быть в обольщении от диавола, когда, запрещая ему производить такие призраки, сказал: *отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4, 10). Посему более и более да будет за сие презираем нами этот коварный. Что сказал ему Господь, то сказал ради нас, чтобы демоны, слыша и от нас подобное сему, обращались в бегство ради Господа, воспретившего им это».

38. «Но не должно хвалиться силой изгонять бесов и превозноситься даром исцелений; не должно дивиться тому только, кто изгоняет бесов, и уничтожать того, кто не изгоняет. Пусть каждый поучается подвижничеству другого: пусть или подражает и соревнует ему, или исправляет его. Творить знамения не от нас зависит, но – дело Спасителя. Он сказал ученикам: *не*

радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах (Лк. 10, 20). То, что имена написаны на Небе, свидетельствует о нашей добродетели и жизни, а изгонять бесов – благодать даровавшего Спасителя. Посему хвалившимся не добродетелью, но знамениями и говорившим: *Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?* – отвечивал Господь: *Я никогда не знал вас* (Мф. 7, 22–23; Лк. 13, 27). Ибо Господь не ведает путей нечестивых. Сверх же всего, как сказал я и выше, должно молиться о том, чтобы принять дарование различения духов, чтобы, по написанному, не всякому духу веровать (ср. 1Ин. 4, 1)».

39. «Намеревался было я смолчать и ничего не говорить от себя, удовольствовавшись одним сказанным, но чтобы не подумали вы, будто бы говорю это просто так, а, напротив того, уверились, что сказываю вам изведенную по опыту и сущую правду, хотя поступаю как несмысленный, однако же поскольку внемлющий сему Господь знает чистоту моей совести, знает, что делаю это не ради себя, но ради вашей любви и для вашего вразумления, то скажу, что еще дознал я о демонских начинаниях. Много раз ублажали меня демоны, а я заклинал их именем Господним. Много раз предсказывали они мне о разливе реки, а я спрашивал их: вам какое до сего дело? Иногда приходили с угрозами и окружали меня, как вооруженные воины. В иное время наполняли дом конями, зверями и пресмыкающимися, а я воспевал: *Одни – на колесницах, другие – на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем* (Пс. 19, 8), и по молитвам Господь обращал их в бегство. Иногда приходили во тьме, имея призрак света, и говорили: мы пришли озарить тебя, Антоний; но я, смежив глаза, молился, и тотчас угасал свет нечестивых. Через несколько месяцев пришли и будто воспевали псалмы и произносили места из Писаний. *Я же, как глухой, не слышал* (Пс. 37, 14). Иногда приводили в колебание монастырь, но я молился, пребывая неподвижен мыслью. После сего еще пришли и стали рукоплескать, свистеть, плясать, но я молился и лежа пел про себя псалмы. Вскоре начали они плакать и рыдать, как изнемогшие, а я прославлял Господа, сокрушившего и посрамившего их дерзость и безумие».

40. «Однажды явился с многочисленным сопровождением демон весьма высокий ростом и осмелился сказать: «Я – Божия сила; я – Промысл, чего хочешь, все дарую тебе». – Тогда дунул я на него, произнеся имя Христово, занес руку ударить его и, как показалось, ударил, – и при имени Христовом тотчас исчез великан этот со всеми его демонами. Однажды, когда я постился, пришел этот коварный в виде монаха, имея у себя призрак хлеба, и давал мне такой совет: ешь и отдохни после многих трудов; и ты – человек, можешь занемочь. Но я, уразумев козни его, восстал на молитву, и демон не стерпел сего, скрылся и, исшедши в дверь, исчез, как дым. Много раз в пустыне мечтательно показывал мне враг золото, чтобы только прикоснулся я к нему и взглянул на него, но я отражал врага пением псалмов, и он исчезал. Часто демоны наносили мне удары, но я говорил: ничто не отлучит меня от любви Христовой. И после сего начинали они наносить сильнейшие удары друг другу. Впрочем, не я удерживал и приводил их в бездействие, но Господь, Который сказал: *Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию* (Лк. 10, 18). А я, чада, помня изречение апостольское, *это... приложил я к себе* (1 Кор. 4, 6), да научитесь не унывать в подвижничестве и не страшиться привидений диавола и демонов его».

41. «Поелику же стал я столь несмыслен, что рассказываю о сем, то для собственной вашей безопасности и не боязненности примите от меня и следующее и поверьте мне, потому что не лгу. Однажды кто-то в монастыре постучался ко мне в дверь. И вышедши, увидел я какого-то явившегося огромного великана. Потом, когда спросил я: кто ты? – он отвечал: я – сатана. После сего на вопрос мой: для чего же ты здесь? – сказал он: почему напрасно порицают меня монахи и все прочие христиане? Почему ежечасно проклинают меня? – И на слова мои: а ты для чего смущаешь их? – ответил: не я смущаю их, они сами себя возмущают, а я стал немошен. Разве не читали они: *У врага совершенно истощилось оружие, и города Ты разру-*

шил (Пс. 9, 7)? Нет уже мне и места, не имею ни стрел, ни города. Везде христиане: пустыня и та наполняется монахами. Пусть же соблюдают сами себя и не проклинают меня напрасно. Тогда, подивившись благодати Господней, сказал я ему: всегда ты лжешь и никогда не говоришь правды, однако же теперь, и против воли, сказал ты это справедливо. Ибо Христос, придя, соделал тебя немощным и, низложив, лишил тебя всего. – Услышав имя Спасителя и не терпя палящей силы Его, диавол стал невидим».

42. «Итак, если сам диавол сознается в своем бессилии, то, конечно, должны мы презирать и его, и демонов его. У врага и у псов его много хитростей, но мы, узнав немощь их, можем презирать их. А раз так, не будем упадать духом, питать в душе боязни, не станем сами для себя выдумывать побуждений к страху, говоря: не пришел бы демон и не поколебал бы меня, не восхитил бы он меня и не низринул бы; или: не напал бы внезапно и не привел бы в смятение. Вовсе не будем давать в себе места таким мыслям и скорбеть, как погибающие. Паче же будем благодушествовать и радоваться всегда, как спасаемые; будем содержать в мысли, что с нами Господь, Который низложил и привел в бездействие демонов. Будем представлять и помышлять всегда, что поскольку с нами Господь, то ничего не сделают нам враги. Какими они нас находят, приходя к нам, такими и сами делаются в отношении к нам; и какие мысли в нас находят, такие и привидения представляют нам. Поэтому если найдут нас боязливými и смущенными, то немедленно нападают, как разбойники, нашедшие неохраняемое место, и что сами в себе думаем, то и производят в большем виде. Если видят нас страшливыми и боязливými, то еще больше увеличивают боязнь привидениями и угрозами, и наконец – бедная душа мучится тем. Но если найдут нас радующимися о Господе и помышляющими о будущих благах, содержащими в мыслях дела Господни и рассуждающими, что все в руке Господней, что демон не в силах побороть христианина и вообще ни над кем не имеет власти, то, видя душу, подкрепляемую такими мыслями, демоны со стыдом обращаются вспять. Так враг, видя Иова огражденным, удалился от него, но сделал пленником своим Иуду, найдя, что он лишен такой защиты. Посему если хотим презирать врага, то будем всегда помышлять о делах Господних. Душа постоянно да радуется в уповании; и увидим, что демонские игрища – то же, что дым, что демоны скорее сами побегут, нежели нас будут преследовать, потому что они, по сказанному прежде, крайне боязливы, ожидая уготованного им огня».

43. «А для не боязненности своей перед демонами делайте такое испытание. Когда бывает какое-либо привидение, не впадай в боязнь, но каково бы ни было это привидение, прежде всего смело спроси: кто ты и откуда? И если это будет явление святых, то они удостоверят тебя и страх твой претворят в радость. А если это диавольское привидение, оно тотчас утратит силу, как скоро мысль твоя тверда. Ибо признак невозмущаемого духа – при всяком случае спрашивать: кто ты и откуда? Так спросил сын Навин и узнал, кто был Явившийся (ср. Нав. 5,13). Так враг не утаился от вопросившего Даниила (ср. Дан. 10,11–21)».

44. Когда беседовал так Антоний, все тому радовались; в одних возрастала любовь к добродетели, в других искоренялось нерадение, в иных прекращалось сомнение; все же, дивясь данной от Господа Антонию благодати к различению духов, убеждались в том, что должно презирать демонские наветы. Монастыри в горах подобны были скиниям, наполненным божественными ликами псалмопевцев, любителей учения, постников, молитвенников, которых радовало упование будущих благ и которые занимались рукоделиями для подаяния милостыни, имели между собой взаимную любовь и согласие. Подлинно представлялась там как бы особая некая область богочестия и правды. Не было там ни притеснителя, ни притесненного, не было укоризн от сборщика податей, подвижников было много, но у всех одна мысль – подвизаться в добродетели. А потому кто видел эти монастыри и такое благочиние иноков, тот должен был снова воскликнуть и сказать: *как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! расстилаются они как долины, как сады при реке, как алойные деревья, насажденные Господом, как кедры при водах* (Чис. 24, 5–6).

45. А сам Антоний, по обычаю уединяясь особо в монастыре своем, усиливал подвиги и ежедневно воздыхал, помышляя о небесных обителях, вождевая их и обращая взор на кратковременность человеческой жизни. Когда хотелось вкушать пищу, ложился спать, приступал к исполнению других телесных потребностей; чувствовал он стыд, представляя себе разумность души. Нередко, со многими другими иноками приступая к трапезе и вспомнив о пище духовной, отказывался от еды и уходил от них далеко, почитая для себя за стыд, если увидят другие, что он ест. По необходимому же требованию тела вкушал пищу, но особую, а нередко и вместе с братией, сколь же стыдясь их, сколь и уповая предложить им слово на пользу. Он говорил: «Все попечение прилагать надобно более о душе, а не о теле, и телу уступать по необходимости малое время, все же остальное посвящать прежде душе и искать ее пользы, чтобы не увлеклась она телесными удовольствиями, но больше ей поработалось тело. Это-то и значит сказанное Спасителем: *не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться* (Мф. 6, 25). *Итак, не ищите, что вам есть, или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам* (Лк. 12, 29–31)».

46. Посем постигло Церковь бывшее в то время Максимианово гонение. И когда святые мученики ведены были в Александрию, последовал за ними и Антоний, оставив свой монастырь и говоря: «Пойдем и мы, чтобы или подвизаться, если будем призваны, или видеть подвижающихся». Было у него желание приять мученичество, но, не хотя предать сам себя, прислуживал он исповедникам в рудокопнях и в темницах. Много было у него попечения – позванных в судилище подвижников поощрять к ревности и принимать участие в тех, которые вступили в мученический подвиг, сопровождая их до самой кончины. Судия, видя бесстрашие Антония и бывших с ним и их попечительность, приказал, чтобы никто из иноков не показывался в судилище и чтобы вообще они в городе не оставались. Все прочие в этот день почли за лучшее скрываться. Антоний же позаботился о себе особым образом. Он вымыл свою верхнюю одежду и во всем чистом на следующий день предстал перед народом, поднявшись на высокое место, где даже игемон увидел его, проходя мимо со своими воинами. Когда все дивились ему, он хранил полное спокойствие, показывая тем христианскую нашу ревность. Ибо, как сказал уже я, он готов был стать мучеником. И сам он, казалось, печалился о том, что не сподобился мученичества; но Господь хранил его на пользу нам и другим, чтобы соделаться ему учителем многих в подвижнической жизни, какой научился он из Писаний. Ибо многие, взирая только на образ его жизни, потщились стать ревнителями его жития. Итак, снова стал он, по своему обычаю, прислуживать исповедникам, и как бы связанный вместе с ними, трудился в служении им.

47. А когда гонение уже прекратилось и принял мученичество блаженной памяти епископ Петр, то Антоний оставил Александрию и уединился снова в монастыре своем, где ежедневно был мучеником в совести своей и подвизался в подвигах веры. Труды его многочисленны и велики: непрестанно постился он; одежду нижнюю – волосяную и верхнюю – кожаную соблюдал до самой кончины; не мыл водой тела; никогда не обмывал себе ног, даже и просто не погружал их в воду, кроме крайней необходимости. Никто не видел обнаженного Антониева тела до того времени, как Антоний скончался и стали предавать его погребению.

48. Когда пребывал он в уединении, и сам не выходя, и к себе никого не принимая, то пришел и обеспокоил его один военачальник Мартиниан. У него была дочь, мучимая бесом. Долгое время продолжал он стучать в дверь и просить Антония, чтобы вышел и помолился Богу о дочери его. Антоний не соглашался отворить двери и, выглянув сверху, сказал: «Что вопиешь ко мне? И я такой же человек, как и ты. Если веруешь во Христа, Которому служу я, то пойди и, как веруешь, помолись Богу, и прошение твое будет исполнено». Мартиниан немедленно уверовал и, призвав имя Христово, удалился с дочерью, освобожденной уже от демона. Много и других знамений сотворил через Антония Господь, Который сказал: *просите, и дано будет*

вам (Лк. 11,9). Ибо многие страждущие от демонов, поскольку Антоний не отворял двери своей, посидев даже вне монастыря, по вере и по искренней молитве получили исцеление.

49. Когда же Антоний увидел, что многие беспокоят его и не дают пребывать ему в избранном им уединении, как желалось бы, то, опасаясь, чтобы или самому не превознестись тем, что творит через него Господь, или чтобы другой кто не подумал о нем выше того, что он есть, почел за благо и решился уйти в верхнюю Фиваиду, где не знали его. И взяв у братии хлеб, сел он на берегу реки, наблюдая, не пойдет ли какой-нибудь корабль, чтобы на нем отправиться. Когда же дожидался он корабля, был к нему свыше голос: «Куда и зачем идешь, Антоний?» Он не смутился, так как привык уже часто слышать такие воззвания, выслушав же это, сказал в ответ: «Поскольку народ не дает пребывать мне в покое, то хочу идти в верхнюю Фиваиду, и особенно потому, что требуют от меня того, что выше сил моих». Голос сказал ему: «Если уйдешь в Фиваиду и даже, как намереваешься, к пасущим стада волов, то еще большие и сугубые труды понесешь. Если же действительно хочешь пребывать на покое, то иди теперь во внутреннюю пустыню». На вопрос же Антония: «Кто укажет мне путь, потому что неизвестен мне он?» – голос немедленно указал ему сарацин, которым надлежало идти этим путем. Антоний, подойдя к ним, стал просить позволения идти с ними в пустыню. Сарацины, как бы по велению Промысла, охотно приняли его. Три дня и три ночи проведя с ними в пути, он пришел на одну весьма высокую гору. Из-под горы текла прозрачная, сладкая и довольно холодная вода, вокруг была равнина и несколько диких пальм.

50. Антоний, как бы по внушению свыше, возлюбил это место, оно было то самое, какое указывал ему голос, вещавший на берегу реки. Итак, взяв хлеба у спутников, стал он пребывать на горе сперва один, не имея при себе никого другого, и место это признавал уже как бы собственным своим домом. Сарацины же, увидев ревность его, с намерением стали проходить путем сим и с радостью приносили ему хлеба. Иногда и от пальм имел он малое некое и скудное утешение. Впоследствии же и братия, узнав его местопребывание, как дети, помня отца, заботились присылать ему потребное. Но Антоний, видя, что иные утомляются и утруждают себя, доставляя ему хлеб, придумал, как пощадить в этом монахов. Он упросил пришедших к нему принести заступ, топор и немного пшеницы. Когда это было сделано, то обойдя гору, он нашел небольшое подходящее поле, возделал его и, поскольку достаточно было воды для орошения, засеял. Так он стал ежегодно получать себе хлеб, радуясь, что никого не беспокоит и никому не в тягость. Но после сего, видя, что некоторые опять приходят к нему, стал разводить у себя и овощи, чтобы и приходящий к нему имел хотя малое утешение после трудов такого тяжелого пути. Вначале звери, обитавшие в пустыне, приходя пить воду, наносили нередко вред его посеву и земледелию. Он, с лаской поймав одного зверя, сказал через него всем: «Для чего делаете вред мне, который не делаю никакого вреда вам? Идите прочь и во имя Господа не приближайтесь сюда более». С сего времени звери, как бы боясь запрещения, не приближались уже к тому месту.

51. Так Антоний пребывал один на внутренней горе, проводя время в молитвах и в подвигах. Служившие ему братия упросили его, чтобы позволил им приходить через месяц и приносить маслин, овощей и елея, потому что он был уже стар. Сколько же, живя там, выдержал он браней, по написанному (ср. Еф. 6,12), не с плотью и кровью, но с сопротивными демонами, о том знаем от приходивших к нему. Ибо и там слышали шум, многие голоса и звук как бы оружий, а ночью видели, что гора наполнена зверями; замечали, что и сам Антоний как бы с какими-то видимыми ему врагами борется и отражает их молитвой. И Антоний приходивших к нему ободрял, а сам подвизался, преклоняя колена и молясь Господу. И подлинно достойно было удивления, что один, живя в такой пустыне, не боялся нападающих на него демонов и при таком множестве там четвероногих зверей и пресмыкающихся не страшился их свирепости, но по истине, как написано, надеялся на Господа, был как гора Сион (Пс. 124, 1), имел непоко-

лебимый и неволненный ум, так что демоны бегали от него, и звери полевые, по написанному, примирались ему (ср. Иов 5, 23).

52. Хотя диавол наблюдал за Антонием и, как воспевают Давид, скрежетал на него зубами своими (ср. Пс. 34, 16), Антоний, утешаемый Спасителем, пребывал невредимым от коварства и многообразных козней диавола. Так, в одну ночь, когда Антоний проводил время во бдении, враг посылает на него зверей. Едва ли не все гиены этой пустыни, вышедши из нор, окружают его. Антоний стоял посреди них, и каждая зияла на него и угрожала ему угрызением. Уразумев в этом хитрость врага, он сказал гиенам: «Если имеете власть надо мной, то я готов быть пожран вами. А если посланы вы демонами, то не медлите и удалитесь, потому что я – раб Христов». Едва Антоний сказал это, гиены бежали, как бы гонимые бичом слова.

53. Потом через несколько дней, когда занимался он работой (ибо любил быть в труде), кто-то, став у двери, потянул к себе то, что плел тогда Антоний, делал же он корзины и отдавал их приходящим за приносимое ему. Антоний встал и видит зверя, который до чресл походит на человека, а голени и ноги у него подобны ослиным. Антоний запечатлел только себя знамением креста и сказал: «Я – раб Христов, если послан ты на меня, то вот я перед тобой». Зверь с бывшими в нем демонами побежал так быстро, что от скорости пал и издох. Смерть этого зверя означала падение демонов, которые прилагали все старание, чтобы удалить Антония из пустыни, и не возмogli.

54. Однажды он отправился в путь вместе с пришедшими к нему монахами, которые упросили его посетить их и место их жительства. Верблюд нес для них хлеба и воду, потому что пустыня эта безводна, и воды, годной к питию, не было нигде, кроме одной той горы, на которой был монастырь Антониев, где и запаслись они водой. Когда же на пути вода у них истощилась, а зной был весьма сильный, то все были в опасности лишиться жизни. Обойдя окрестности и не найдя воды, не в силах уже были продолжать пути, легли на земле, и отчаявшись в жизни своей, пустили верблюда идти, куда хочет. Старец, видя, что все бедствуют, весьма опечалившись и воздохнув, отходит от них недалеко и, преклонив колена и воздев руки, начинает молиться; и Господь вскоре со дел ал, что потекла вода на том месте, где он стоял на молитве, и таким образом утолили все жажду и оживились, наполнили мехи водой, стали искать верблюда и нашли его. Случилось же так, что веревка обвилась около одного камня и удержала верблюда. Итак, привели его назад, и, напоив, возложили на него мехи, и продолжали путь безбедно. Когда же Антоний дошел до первых на пути монастырей, все приветствовали его, взирая на него как на отца, а он, как бы принесся напутствие с горы, угощал их словом и преподавал им, что было на пользу. Снова на горах были радость, соревнование о преспеянии и утешение взаимное друг друга верой. Радовался и сам Антоний, увидев ревность иноков, и сестру свою, состарившуюся в девстве и уже настоятельницу других девственников.

55. Через несколько дней опять ушел он на свою гору. И тогда стали уже приходить к нему многие; осмеливались даже приходить и иные страждущие. Всякому приходящему к нему иноку давал он постоянно такую заповедь: «Веруй в Господа и люби Его, храни себя от нечистых помыслов и плотских удовольствий и, как написано в Притчах, ниже прельщайся насыщением чрева (ср. Притч. 23, 3, 6), бегай тщеславия, молись непрестанно, пой псалмы перед сном и после сна, тверди заповеди, данные тебе в Писании, содержи в памяти деяния святых, чтобы памятующая заповеди душа твоя имела ревность святых образцом для себя». Особливо же советовал Антоний непрестанно размышлять об апостольском изречении: *солнце да не зайдет в гнев вашем* (Еф. 4, 26), и думать, что сказано это вообще относительно ко всякой заповеди, чтобы не заходило солнце не только в гневе, но и в другом грехе нашем. Ибо хорошо и необходимо, чтобы не осуждали нас ни солнце за дневной проступок, ни луна за ночной грех и даже за худое помышление. А чтобы соблюсти себя от этого, хорошо – выслушать и сохранять апостольское слово. Ибо сказано: *Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте* (2 Кор. 13, 5). Поэтому пусть каждый ежедневно дает себе отчет в дневных и

ночных своих поступках. И если согрешил, да не хвалится тем, но да пребывает в добре, и не предаётся нерадению, и ближнего не осуждает, и себя не почитает праведным, *пока*, как сказал блаженный апостол Павел, *не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5). Нередко и от нас самих бывает сокрыто, что делаем мы. Но хотя не ведаем этого мы, однако же Господь видит все. Посему, суд предоставив Господу, будем сострадательны друг к другу, станем друг друга тяготы носить (ср. Гал. 6, 2) и испытывать самих себя, и в чем мы недостаточны, постараемся то восполнять. А к ограждению себя от греха будем соблюдать еще следующее. Пусть каждый из нас замечает и записывает свои поступки и душевные движения как бы с намерением сообщать это друг другу; и будьте уверены, что, стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как, наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так, если будем записывать свои помыслы с намерением сообщать их друг другу, то легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности. Итак, записывание да заменит для нас очи наших сподвижников, чтобы, когда записываем, чувствовали такой же стыд, какой чувствуем, когда смотрят на нас, тогда и в мысли даже не станем держать что-либо худое. Если так будем образовать себя, то придем в состояние поработать тело свое, угождать Господу и попирать козни врага».

56. Такие наставления давал Антоний проходящим; к страждущим же был сострадательн и молился вместе с ними. И Господь часто внимал молитвам его о многих. Но когда и услышан был Господом, не хвалился; и когда не был услышан, не роптал. Но как сам всегда благодарил Господа, так и страждущим внушал быть терпеливыми и знать, что исцеление не от него и вовсе не от людей, но от одного только Бога, Который подает его, когда хочет и кому хочет. Посему и страждущие принимали наставления старца как врачевство, учась не малодушествовать, а паче, быть терпеливыми, исцеляемые же научались воздавать благодарение не Антонию, но единому Богу.

57. Некто по имени Фронтон, из царедворцев, страдая жестокой болезнью, кусал себе язык и готов был лишиться себя зрения. Придя на гору, просил он Антония помолиться о нем. Антоний, помолившись, сказал Фронту: «Иди и исцелеешь». Когда же больной упорствовал и не покидал монастырь несколько дней, Антоний настаивал на своем, говоря: «Не можешь ты исцелиться, пока здесь; иди и, достигнув Египта, увидишь совершившееся на тебе знамение». Фронтон поверил, ушел, и, как только увидел Египет, болезнь его миновала, и стал он здоров по слову Антония, как во время молитвы открыл ему Спаситель.

58. Одна девица из Трипольского Бусириса имела страшную и крайне гнусную болезнь. Слезы ее, мокрота и влага, текшая из ушей, как скоро падали на землю, тотчас превращались в червей; тело же ее было расслаблено, и глаза находились в неестественном состоянии. Родители ее, узнав, что монахи идут к Антонию, по вере в Господа, исцелившего кровоточивую, просили их взять с собой их дочь. Поскольку же монахи отказались, то родители с отроковицей остались близ горы у исповедника и монаха Пафнутия. Монахи пришли к Антонию и едва хотели известить его о девице, как он упредил их и рассказал, какая болезнь у отроковицы и как шла она с ними; когда начали они просить, чтобы позволил и родителям с девицей войти, Антоний сего не дозволил, но сказал: «Идите и, если девица не умерла, найдете ее исцеленной. Не мое это дело и не для чего приходить ей ко мне, бедному человеку; исцеление подается от Спасителя, Который на всяком месте творит милость Свою призывающим Его. Господь преклонился на молитву ее, а человеколюбие Его открыло и мне, что исцелит Он болезнь находящейся там отроковицы». Так совершилось чудо; монахи пошли, и родителей нашли радующимися, а отроковицу уже здоровой.

59. Шли два брата, и когда на пути не достало у них воды, один умер, а другой близок был к смерти и, не имея сил идти, лежал уже на земле и ждал, что умрет. Антоний, пребывавший

в горе, призывает двоих монахов, бывших тогда при нем, и понуждает их спешить, говоря: «Возьмите сосуды с водой и идите скорее на египетскую дорогу. Из двоих путников один уже умер, другой скоро умрет, если не поспешите. Это открыто мне ныне во время молитвы». Монахи идут, находят лежащего мертвеца, предают его погребению, а другого возвращают к жизни водой и приводят к старцу; расстояние же было одного дня пути. Если кто спросит, почему Антоний не сказал прежде, нежели другой скончался, то вопрос будет несправедлив. Определение смерти было не от Антония, но от Бога, Который одному определил умереть, а о другом дал откровение. В Антонии же чудно было только то, что, пребывая в горе, имел трезвенное сердце; и Господь показал ему, что происходило вдалеке.

60. Однажды, пребывая в горе и возведя взор, видит Антоний, что возносится некто по воздуху, к великой радости встречающих его. Потом, дивясь и ублажая таковой сонм, начинает он молиться, чтобы открыто ему было, что это значит. И вдруг приходит к нему глас: «Эта душа Амуна, нитрийского инока». Амун же до старости пребыл подвижником. А расстояние от Нитрии до горы, где жил Антоний, было тринадцати дней пути. Поэтому бывшие с Антонием, видя дивящегося старца, пожелали знать причину и услышали, что (недавно) скончался Амун, а он был известен им, потому что часто бывал там и притом много совершенно было им знамений, из которых одно таково. Однажды настояла Амуну нужда переправиться через реку, называемую Ликос, было же тогда полноводие. Амун стал просить бывшего с ним Феодора отойти дальше, чтобы не видеть им друг друга обнаженными, когда будут переплывать реку. Потом, когда Феодор удалился, Амун устыдился даже самого себя увидеть обнаженным, но пока боролся он со стыдом и беспокоился, внезапно перенесен был на другой берег. Феодор, также муж благоговейный, приблизившись и увидев, что Амун предварил его и нимало не омочился в воде, просит сказать, как он переплыл. Когда же увидел, что Амун не хочет сказать этого, обняв ноги его, стал уверять, что не пустит его, пока не узнает. Тогда Амун, в ответ на упорство Феодора и слова, сказанные им, попросив сперва никому не говорить об этом до смерти его, признался, что перенесен был и поставлен на другой берег, вовсе же не ходил по водам; ибо это совершенно невозможно людям, возможно же Единому Господу и тому, кому Он дозволит это, как дозволил великому апостолу Петру. Феодор рассказал это по смерти Амуна. Монахи, которым Антоний сказал о кончине Амуна, заметили день. И когда через тридцать дней пришли братия из Нитрии, то спросили их и узнали, что Амун почил в тот самый день и час, в который старец видел возносимую душу его. Те и другие много дивились чистоте души Антония и тому, как он совершившееся на расстоянии тринадцатидневного пути узнал в то же самое мгновение и видел возносимую душу.

61. Однажды комит Архелай, найдя Антония на внешней горе, попросил его только помолиться о Поликратии, чудной и христоносной девственнице в Лаодикии. Страдала же она от чрезвычайных подвигов жестокой болью в чреве и боку и вся изнемогла телесно. Антоний помолился, а комит заметил день, в который принесена была молитва, и, возвратясь в Лаодикию, нашел девственницу здоровой. Спросив же, когда и в какой день освободилась она от болезни, вынимает хартию, на которой записал время молитвы, и после ответа исцеленной показывает свою запись. Все удивились, узнав, что тогда Господь избавил ее от страданий, когда молился о ней и призывал на помощь Спасителю благость Антоний.

62. Часто и об идущих к нему за несколько дней, даже за месяц, предсказывал Антоний, по какой причине идут они. Ибо одни приходили единственно для того, чтобы видеть его, другие по причине болезни, а иные, потому что страдали от бесов. И трудность путешествия никто не почитал для себя бременем и не жалел о трудах, потому что каждый возвращался, чувствуя пользу. Когда же было Антонию подобное видение и рассказывал он об этом, – всегда просил, чтобы никто не удивлялся ему в том, дивился же бы больше Господу, Который нам, человекам, даровал возможность познавать Его по мере сил наших.

63. Как-то раз, когда Антоний пришел в монастыри, бывшие на внешней горе, его упростили взойти на корабль и помолиться с монахами. Он один почувствовал сильное и весьма отвратительное зловоние. Бывшие на корабле говорили, что есть тут рыба и соленое мясо, оттого и запах, но Антоний сказал, что это зловоние иного рода. Пока еще говорил он, возопил вдруг юноша, одержимый бесом, который, войдя на корабль прежде других, скрывался на нем. Бес, по сделанному ему запрещению именем Господа нашего Иисуса Христа, вышел, а человек этот стал здоров, и все поняли, что зловоние было от беса.

64. И иной некто из людей знатных пришел к Антонию, имея в себе беса; бес этот был весьма лют; одержимый им не знал, что приведен к Антонию, и пожирал извержения тела своего. Приведшие просили Антония помолиться о бесноватом. Антоний из сострадания к юноше молится и всю ночь проводит с ним во бдении. Перед рассветом юноша, внезапно устремившись на Антония, повергает его на землю, и когда пришедшие с ним вознегодовали на это, Антоний говорит им: «Не сердитесь на юношу, виноват не он, но живущий в нем бес. Поскольку наложено на него запрещение и велено ему идти в места безводные, то пришел он в ярость и поступил так со мной. Поэтому прославьте Господа. Ибо такое устремление на меня юноши было для вас знамением, что бес вышел». Когда говорил еще это Антоний, юноша уже стал здоров и, наконец, образумившись, узнал, где он, и приветствовал старца, принося благодарение Богу.

65. Весьма многие из монахов согласно и одинаково рассказывали, что совершено Антонием много и иного сему подобного. Но это еще не так чудно, как следующее, которое перед всем иным кажется наиболее чудным. Однажды, встав помолиться перед вкушением пищи около девятого часа, Антоний ощущает в себе, что он восхищен умом, а что всего удивительнее, видит сам себя, будто бы он вне себя и кто-то как бы возводит его по воздуху; в воздухе же стоят какие-то угрюмые и страшные лица, которые хотят преградить ему путь к восхождению. Поскольку же путеводители Антониевы сопротивлялись им, то требуют они отчета – не подлежит ли Антоний какой-либо ответственности перед ними, а поэтому хотят вести счет с самого его рождения. Но путеводители Антониевы воспрепятствовали тому, говоря: «Что было от рождения его, то изгладил Господь; ведите счет с того времени, как сделался он иноком и дал обет Богу». Тогда, поскольку обвинители не могли уличить его, свободен и невозбранен сделался ему путь. И вдруг видит он, что как бы возвращается и входит сам в себя, и снова делается прежним Антонием. Забыв о вкушении пищи, остаток дня и целую ночь проводит он в воздыханиях и молитве, пораженный видением того, со сколь многими врагами предстоит нам брань и с какими трудами должно человеку проходить по воздуху. И тогда пришло ему на память, что в этом именно смысле сказал апостол: *по воле князя, господствующего в воздухе* (Еф. 2, 2). Ибо враг имеет в воздухе власть вступать в борьбу с проходящими по оному, покушается преграждать им путь. Почему более всего и советовал апостол: *примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый* (Еф. 6, 13), *чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого* (Тит. 2, 8). А мы, слыша это, приведем себе на память апостола, который говорит: *в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает* (2 Кор. 12, 2). Но Павел восхищен был до третьего Неба и нисшел оттоле, услышав неизреченные глаголы, Антоний же видел себя проходящим по воздуху и боровшимся там, пока не оказался свободным.

66. Антоний имел еще и такой дар. Во время пребывания своего на горе в уединении, если иногда, предложив сам себе какой-либо вопрос, приходил в недоумение, то, по Божию промыслению, во время молитвы бывало ему о том откровение, и блаженный, по написанному, был научаем Богом (ср. Ис. 54, 13; Ин. 6, 45). Так, однажды вел он разговор с пришедшими к нему о состоянии души по смерти и о том, где будет ее местопребывание. В следующую ночь зовет его некто свыше, говоря: «Встань, Антоний, выйди и посмотри». Антоний выходит (ибо знал, кому должно повиноваться) и, возведя взор, видит, что стоит кто-то высокий, без-

образный и страшный, касаясь главой облаков, и что восходят еще некие, как бы окрыленные, и первый простирает к последним руки и одним преграждает путь, другие же перелетают через него и, миновав его, безбедно уже возносятся вверх. На последних великан этот скрежещет зубами, о тех же, которые падают вниз, радуется. Вдруг Антонию говорит голос: «Уразумей видимое». Тогда отверзся ум его и уразумел он, что это есть прехождение душ, что стоящий великан есть враг, завидующий верным, и он подпадших власти его удерживает и возбраняет им идти далее, но не может задержать непокорившихся ему, потому что они проходят выше его. Увидев это и такое видение приняв как бы за напоминание себе, Антоний стал прилагать большее старание, чтобы ежедневно преуспевать в прежних подвигах. Объявлял же он о таких видениях неохотно. Но поскольку бывшие с ним, когда видели, что он долее обыкновенного молится и выглядит удивленным, спрашивали его и докучали ему своими вопросами, то принужден бывал отвечать им, как отец, который ничего не может скрыть от детей; притом полагал он, что совесть его остается чиста, а им рассказ его послужит на пользу, когда узнают, что подвижничество имеет благие плоды и что видения нередко бывают утешением в трудах.

67. Антоний был терпеливого нрава и имел смиренномудрое сердце. При всей духовной высоте своей, чрезвычайно уважал церковное правило и всякому церковному служителю готов был отдавать перед собой предпочтение. Не стыдился преклонять голову перед епископами и пресвитерами. Если когда приходил к нему какой диакон ради пользы своей, он предлагал ему слово на пользу, но совершение молитв предоставлял диакону, не стыдясь учиться и сам. Нередко предлагал вопросы и желал слушать пребывающих с ним; сознавался, что и сам получает пользу, если кто скажет что-либо полезное. И лицо его имело великую и необычайную приятность. Принял же Антоний от Спасителя и сие дарование: если бывал он окружен множеством монахов и кому-нибудь, не знавшему его прежде, желательно было видеть его, то, миновав других, он прямо подходил к Антонию, как бы привлекаемый взором его. Среди других выделялся Антоний не ростом и взрачностью, но благонравием и чистотой души. Поскольку душа была безмятежна, то и внешние чувства оставались невозмущаемыми, а потому от душевной радости весело было и лицо, и по движениям телесным можно было ощущать и уразумевать спокойствие души, согласно с написанным: *Веселое сердце делает лице веселым, а при сердечной скорби дух унывает* (Притч. 15, 13). Так Иаков узнал, что Лаван замышляет худое, и сказал женам своим: *я вижу лице отца вашего, что оно ко мне не таково, как было вчера и третьего дня* (Быт. 31, 5). Так Самуил узнал Давида, потому что радостотворны были очи его и зубы белы, как молоко. Так узнавали и Антония, потому что при душевном спокойствии никогда не возмущался и при радостном состоянии духа никогда не бывал мрачен.

68. Весьма чуден был он по вере и благочестию. Никогда не имел общения с отщепенцами мелетианами²⁷, зная давнее их лукавство и отступничество, не беседовал дружески с манихеями или с другими еретиками, разве только для вразумления, чтобы обратились к благочестию. И сам так думал и другим внушал, что дружба и беседа с еретиками – вред и погибель душе. Гнушался также и арианской ересью и всякому давал заповедь не сближаться с арианами и не иметь их зловерия. Когда приходили к нему некоторые из ариан, то, испытав и изведав, что они иночествуют, прогонял с горы, говоря, что речи их хуже змеиного яда.

69. Однажды ариане распустили ложный слух, будто и Антоний одинаковых с ними мыслей. Тогда вознегодовал он и раздражился против них, затем, по просьбе епископов и всей братии, сошел с горы и, прибыв в Александрию, осудил ариан, сказав, что арианство есть последняя ересь и предтеча антихриста. Народ же он поучал, что «Сын Божий не тварь и не из несущих, но есть вечное Слово и Премудрость Отчей сущности. А посему нечестиво говорить

²⁷ Церковный раскол в Александрийской Церкви в IV в. произошел по причине конфликта между епископом г. Никополья Мелетием (?-326 г.) и епископом Александрийским Петром из-за рукоположений, производимых Мелетием во время гонений в чужих епархиях. Конфликт перерос в раскол после того, как мелетиане с возникновением арианского спора оказались на стороне Ария. На I Вселенском Соборе мелетианство было определено как ересь.

о Сыне: было, когда Его не было. Ибо Слово всегда соприсуще Отцу. Поэтому, не имейте никакого общения с нечестивейшими арианами. Ибо нет ничего общего у света с тьмой (ср. 2 Кор. 6, 14). Как вы, благочестиво верующие, именуетесь христианами, так они, именующие тварью Сущего от Отца Божия Сына и Отчее Слово, ничем не отличаются от язычников, служа твари больше сотворшего Бога. Верьте же, что даже и вся тварь негодует на них за то, что Творца и Господа вселенной сопричисляют к существам сотворенным».

70. Весь народ радовался, слыша, что такой муж анафематствует христорборную ересь. Все жители города сходились видеть Антония. Даже язычники и так называемые их жрецы приходили в храм Господень, говоря: «Желаем видеть человека Божия». Ибо так называли его все. И здесь Господь через него освободил многих от бесов и исцелил повредившихся в уме. Многие даже из язычников желали хотя бы прикоснуться к старцу, уверенные, что получают от сего пользу. И действительно, в эти немногие дни столько людей обратилось в Христианство, сколько в иные времена обращалось в продолжение года. Иные думали, что стечение народа беспокоит его и потому отгоняли от него всех приходящих, но не возмущаемый ничем Антоний сказал: «Число приходящих не больше числа демонов, с которыми ведем брань у себя на горе». Когда же Антоний покидал гору и мы сопровождали его, то как только дошли до городских врат, одна женщина воскликнула позади нас: «Остановись, человек Божий! Дочь мою жестоко мучит бес. Остановись, умоляю тебя, чтобы и мне, спеша за тобой, не потерпеть беды». Старец, услышав это и упрощенный нами, охотно остановился. Когда женщина приблизилась, дочь ее повергнута была на землю, но Антоний помолился и призвал имя Христово. Тотчас отроковица встала здоровой, потому что вышел из нее нечистый бес. Мать благословляла Бога, и все воздавали Ему благодарение. Сам же Антоний радовался, возвращаясь в гору, как в собственный свой дом.

71. Был же он весьма разумен и, что удивительно, не учась грамоте, отличался тонкостью и проницательностью ума. Однажды пришли к нему два языческих философа, думая, что могут искусить Антония. Был же он на внешней горе и, догадавшись по лицу шедших, какие это люди, вышел к ним и сказал через переводчика: «Почему столько беспокоитесь вы, философы, для человека несмысленного?» Когда же ответили они, что Антоний человек вовсе не несмысленный, а, напротив того, весьма умный, тогда продолжал он: «Если шли вы к человеку несмысленному, то напрасен труд ваш. А если почитаете меня разумным, то будьте такими же, каков я, потому что хорошему должно подражать. Если бы и я пришел к вам, то вам стал бы подражать. Если же вы ко мне пришли, то будьте такими же, каков я, а я – христианин». Философы удалились в удивлении. Они видели, что и демоны боятся Антония.

72. Когда как-то встретились с ним на внешней горе иные, подобные сим философам, и думали осмеять его в том, что не учится он грамоте, то Антоний спросил их: «Как скажете, что первоначальнее – ум или письмена? И что чему причинной: ум ли письменам или письмена уму?» Поскольку же ответили они: ум первоначальнее, и он изобретатель письмен, то Антоний сказал: «Поэтому в ком здравый ум, тому не нужны письмена». Этот ответ поразил и философов, и всех бывших при сем, и они ушли, дивясь, что в неученом нашли такую проницательность. Ибо Антоний, возросший и состарившийся на горе, не грубый имел нрав, а, напротив того, был приятен и обходителен. Слово его пропитано было Божественною солью, а потому никто не имел к нему ненависти, все же приходившие к нему более о нем радовались.

73. И действительно, когда после сего пришли к нему еще несколько язычников, почтившихся мудрецами, и потребовали у него слова о вере нашей во Христа, имели же намерение войти в рассуждение о проповеди Божественного Креста, чтобы посмеяться, то Антоний, помолчав немного и сперва пожалев об их невежестве, сказал им через переводчика, верно передававшего слова его: «Что лучше, исповедовать ли Крест или так называемым вашим богам приписывать блудодеяния и деторастление? Проповедуемое у нас есть доказательство мужества и знак презрения смерти, а чему учите вы, то заражено непотребством. Притом что

лучше: сказать ли, что Слово Божие не изменилось и, пребывая одним и тем же, к благодетельствованию человеков и для спасения их, восприяло на Себя человеческое тело, чтобы, приобщившись к бытию человеческому, соделать людей причастниками Божественного и духовного естества, или Божество уподоблять бессловесным и потому чествовать животных четвероногих, пресмыкающихся и человеческие изображения? А таковы чтилища ваших мудрецов! Как же осмеливаетесь вы насмехаться над нами, которые говорим, что Христос явился человеком, когда сами, сводя душу с неба, утверждаете, что она блуждает и с небесного свода ниспадает в тело? И пусть бы еще ниспадала только в тело человеческое, а не переходила и не переселялась в четвероногих и пресмыкающихся! Наша вера говорит о пришествии Христовом для спасения человеческого, а вы заблуждаетесь, потому что толкуете о душе нерожденной. Мы рассуждаем о всемогуществе и человеколюбии Промысла, потому что и сие не невозможно Богу, а вы, называя душу образом ума, приписываете ей падения и суесловите, что она превратна, а, наконец, по причине превратности души, допускаете, что и самый ум превратен. Ибо каков образ, таким необходимо быть и тому, чей он образ. Поскольку же так думаете об уме, то размыслите, не хулите ли через это и Того, Кто Отец уму».

74. «А если говорить о Кресте, то что признаете лучшим: претерпеть ли Крест по злоумышлению людей лукавых и не ужасаться какого бы то ни было рода смерти или слагать басни о странствиях Озириса и Изиды, о кознях Тифона, о бегстве Крона, о поглощении детей и об отцеубийствах? Ибо это – ваши мудрования. Почему же, посмеиваясь Кресту, не удивляетесь Воскресению? Ибо сказавшие одно написали и другое. Или почему, упоминая о Кресте, умалчиваете о воскрешенных мертвецах, о прозревших слепцах, об исцелении расслабленных, об очищенных прокаженных, о хождении по морю и других знамениях и чудесах, показывающих, что Христос не человек, но Бог? Мне кажется, что вы весьма несправедливы сами к себе и не читали с искренним расположением наших Писаний. Прочтите же и увидите: дела, совершенные Христом, доказывают, что Он Бог, пришедший для спасения человеков».

75. «Скажите же и вы нам свое учение. Что можете сказать о бессловесных, кроме того, что они неразумны и свирепы? Если же, как слышу, вознамеритесь утверждать, будто бы все это говорится у вас приточно, и похищение девы есть иносказание о земле, хромой Гефест – об огне, Гера – о воздухе, Аполлон – о солнце, Артемида – о луне, Посейдон – о море: и в этом случае чествуете вы не самого Бога, но вместо сотворшего все Бога служите твари. Ибо если сложили вы подобные басни по той причине, что тварь прекрасна, то должно было только удивляться тварям, а не боготворить их, чтобы чести, подобающей Создателю, не воздать созданиям. Иначе, следует вам честь, принадлежащую зодчему, воздавать сооруженному им дому или честь, принадлежащую военачальнику, воздавать воину. Что скажете на это, из чего могли бы мы узнать, точно ли Крест имеет в себе что-либо достойное осмеяния?»

76. Поскольку же они были в недоумении и обращались туда и сюда, то Антоний, улыбувшись, сказал еще через переводчика: «Хотя с первого взгляда видно это само собой, однако же, поскольку опираетесь вы более на доказательство их разума и, владея сим искусством, требуете, чтобы и наше богочестие было не без доказательств от разума, то скажите мне прежде всего: каким образом приобретается точное познание о вещах и преимущественно ведение о Боге – посредством ли доказательств от разума или посредством действенности веры? И что первоначальнее: действенная ли вера или разумное доказательство?» Когда же ответили они, что действенная вера первоначальнее и что она есть точное ведение, тогда сказал Антоний: «Хорошо говорите вы. Вера происходит от душевного расположения, а диалектика от искусства ее составителей. Поэтому в ком есть действенность веры, для того не необходимы, а, скорее, излишни доказательства от разума. Ибо что уразумевает мы верой, то вы пытаетесь утверждать из разума и часто бываете не в состоянии выразить то словом, что мы разумеем ясно, а посему действенность веры лучше и тверже ваших велемудрых умозаключений».

77. «Итак, у нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом. И истинно слово мое, ибо вот ныне мы, не учившись письменам, веруем в Бога, из творений познавая Его о всем Промышлении. И действенна вера наша, ибо вот ныне мы утверждаемся в вере во Христа, а вы на велемудрых словопрениях. И ваши идолы не чудодействуют более, а наша вера распространяется повсюду; и вы своими умозаключениями и своим велемудрием никого не совращаете из Христианства в язычество, а мы, уча вере во Христа, отвращаем людей от вашего суеверия, потому что все признают Христа Богом и Сыном Божиим. Вы своим красноречием не можете положить преград учению Христову, а мы именем Христа Распятого прогоняем всех демонов, которых страшитесь вы, как богов, и где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство».

78. «Скажите, где теперь ваши прорицалища? Где египетские волхвования? Где призраки чародеев? Когда все это прекратилось и утратило силу? Не с того ли времени, как явился Крест Христов? Поэтому он ли достоин посмеяния или более смешно то, что им попорно и обличено в немощи? И то еще удивительно, что ваша вера никогда не была гонима, но чествуется людьми в городах; исповедники же Христовы гонимы, и, однако же, наша вера более вашей цветет и распространяется. И ваша вера, хвалимая и прославляемая, гибнет, а вера христианская и учение Христово, вами осмеиваемые и часто гонимые царями, наполнили собой вселенную. Ибо когда просияло так боговедение? Или когда появились в такой силе целомудрие и добродетель девства? И когда люди в такой мере стали презирать смерть? Не со времени ли Креста Христова? Никто не усомнится в этом, видя мучеников, ради Христа презирающих смерть, видя дев церковных, ради Христа сохраняющих тела свои чистыми и неоскверненными?»

79. «И этих доводов достаточно в доказательство, что вера Христова есть единое истинное богочестие. Доныне еще нет веры у вас, ищущих доказательств от разума. А мы, как сказал учитель наш, *не в убедительных словах человеческой мудрости* (1 Кор. 2, 4) ищем доказательств, но ясно убеждаем верой, предваряющей построения разума. Вот и здесь находятся страждущие от демонов». – В числе пришедших к Антонию были и мучимые бесами, и Антоний, изведя их на середину, сказал: «Или вы своими умозаклучениями и каким угодно искусством и чародейством, призвав идолов ваших, изгоните из них бесов, или, если не можете, перестаньте препираться с нами и увидите силу Креста Христова». Сказав это, призвал он имя Христово, в другой и в третий раз запечатлел страждущих крестным знамением, и вдруг они избавились от страданий, стали здравы умом и возблагодарили наконец Господа. А так называемые философы дивились и подлинно изумлялись, видя и благоразумие Антония, и совершенное им чудо. Антоний же сказал им: «Что дивитесь сему? Не мы делаем это, творит же сие Христос через верующих в Него. Посему и вы уверуйте; тогда увидите, что у нас не искусство владеть словом, но вера, сильная действенной ко Христу любовью. Если бы и вы имели веру сию, то не стали бы искать доказательств от разума, но почли бы достаточной для себя веру во Христа». Так говорил Антоний. Они же с удивлением удалялись, лобзая Антония и сознаваясь, что приобрели от него пользу.

80. Слух об Антонии дошел и до царей. Константин Август и сыновья его Констанций и Констант Августы по слуху сему писали к нему, как к отцу, и желали получить от него ответ. Но для Антония немного значили и царские письма, не восхитился он этими посланиями, но пребыл таким же, каким был и прежде, нежели писали к нему цари. А когда принесли к нему эти послания, созвал он монахов и сказал: «Не дивитесь, если пишет к нам царь, потому что и он человек, но дивитесь больше тому, что Бог написал людям закон и глаголет к ним через собственного Сына Своего». Поэтому думал он не принять писем, говоря: «Не умею отвечать на подобные писания». Но монахи рассудили, что цари эти суть христиане и могут соблазниться, если письма будут отринуты; посему дозволил прочесть и отвечал на эти послания, восхваляя царей за то, что поклоняются Христу, и дал им спасительные советы не высоко ценить

настоящее, но памятовать паче о будущем Суде и ведать, что Христос есть Единый Истинный и Вечный Царь; просил также царей быть человеколюбивыми, заботиться о правде и о нищих. И они с радостью приняли ответ. Так был он возлюблен всеми, так все желали иметь его отцом.

81. Обретя такую известность и наставив подобными советами приходивших, снова возвратился он во внутреннюю гору и проводил время в обычных своих подвигах. Нередко, сидя или прохаживаясь с пришедшими к нему, бывал в ужасе, как пишется о Данииле (ср. Дан. 4, 16), а по прошествии некоторого времени опять продолжал беседу свою с бывшими при нем братьями. И они догадывались, что Антонию было какое-либо видение. Ибо нередко, пребывая в горе, видел он, что делалось в Египте, и пересказывал это епископу Серапиону, который был тогда при Антонии и примечал, что Антонию было видение. Однажды, сидя и занимаясь рукоделием, Антоний пришел как бы в восхищение и во время видения сильно вздыхал. Потом, через несколько времени обратясь к бывшим при нем, вздохнул и, трепеща всем телом, начал молиться, преклонив колена, и долго оставался в таком положении. Встав же, старец стал плакать. Поэтому бывшие при нем, приведенные в трепет и великий страх, изъявили желание узнать это видение и долго донимали его просьбами, пока не вынудили сказать. И сильно вздохнув, произнес он: «Лучше, чада, умереть, пока не исполнилось видение». Поскольку же они снова стали упрашивать, то, залившись слезами, сказал: «Гнев постигнет Церковь, будет она предана людям, которые подобны скотам бессловесным. Ибо видел я трапезу храма Господня и кругом нее отовсюду стоящих мсков²⁸, которые быют в нее ногами, как обыкновенно делают бесчинно прыгающие и лягающиеся скоты. Конечно же, заметили вы, – продолжал он, – как вздыхал я, ибо слышал голос, говорящий: «Осквернен будет жертвенник Мой». Такое видение было старцу. И через два года открылось у нас нынешнее нашествие ариан и расхищение церквей, когда ариане, с насилием похищая церковную утварь, носить ее заставляли язычников, когда язычники принуждаемы были оставлять свои работы и идти в собрания ариан, где те, в присутствии язычников, делали на святых трапезах, что хотели. Тогда-то все мы поняли, что ляганием мсков предуказано было Антонию то именно, что теперь, как скоты, неразумно делают ариане. После же того, как было Антонию это видение, утешал он бывших при нем, говоря: «Не унывайте, чада; как прогневался Господь, так и исцелит опять. И Церковь вскоре восприимет снова благолепие свое и обычную ей светозарность. Тогда увидите, что гонимые будут восставлены, нечестие снова удалится в норы свои, а благочестивая вера повсюду возвещается со всей свободой. Не оскверняйте только себя с арианами, потому что не апостольское это учение, но бесовское, ведет начало от отца их диавола и, лучше сказать, так же бесплодно, неразумно, лишено правого смысла, как и бессловесные мски».

82. Таковы-то Антониевы деяния, и не должно повергать нас в неверие то, что столько чудес произведено человеком. Ибо Спаситель дал обетование, говоря: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф. 17, 20); и еще: *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам... просите, и получите* (Ин. 16,23–24). Сам Господь говорит ученикам и всем верующим в Него: *больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8).

83. Антоний исцелял не повелительным словом, но молитвой и призыванием имени Христа, желая для всех соделать явственным, что творит это не он, но Господь через Антония являет Свое человеколюбие и исцеляет страждущих; Антонию же принадлежит только молитва и подвиги, ради которых, пребывая в горе, утешаем он был Божественными видениями. Он скорбел, что многие беспокоят и принуждают его оставлять гору. Обычно судьи просили его спуститься с горы, ссылаясь на невозможность самим им входить туда вместе с подсудимыми, а на самом деле желая только, чтобы пришел Антоний и можно было видеть его. Поэтому Анто-

²⁸ Мска – мул.

ний уклонялся от сего и отназывался ходить к ним. Но они настаивали и даже подсудимых посылали вперед в сопровождении воинов, чтобы хотя бы ради них сошел Антоний. Посему, вынуждаемый необходимостью и видя их жалобы, выходил он на внешнюю гору. И сей труд его бывал также не бесполезен, напротив же того, пришествие его многим служило на пользу и было благодетельно. И судьям давал он полезные советы предпочитать всему правду, бояться Бога и знать, что каким судом сами судят, таким и судимы будут (ср. Мф. 7, 2). Впрочем, больше всего любил он пребывание в горе.

84. Посему однажды, когда сильно побуждали его сойти с горы имеющие в нем нужду и долго просил о том один военачальник, Антоний пришел и, кратко побеседовав о том, что служит ко спасению, и о потребностях нуждающихся, спешил идти назад. Поскольку же упомянутый военачальник стал просить, чтобы помедлил, сказал он, что не может долее оставаться с ними, и убедил в этом военачальника таким остроумным сравнением: «Как рыбы, оставаясь долго на сухой земле, умирают, так и монахи, замедляя с вами и проводя время в вашем обществе, расслабевают. Поэтому как рыбе должно спешить в море, так нам в гору, чтобы, промедлив у вас, не забыть того, что внутри». Военачальник, выслушав от него это и многое другое, в удивлении сказал: «Подлинно он раб Божий. Ибо откуда у человека не книжного быть такому великому уму, если бы не был он возлюблен Богом?»

85. Один же военачальник, по имени Валакий, немилосердно гнал нас, христиан, из усердия к злоименным арианам. Он был до того жесток, что бил дев, обнажал и наказывал бичами монахов. Антоний посылает к нему и пишет письмо в таком смысле: «Вижу грядущий на тебя гнев Божий. Перестань гнать христиан, иначе гнев постигнет тебя. Ибо он готов уже поразить тебя». Валакий, рассмеявшись, бросил письмо на землю и оплевал его, принесшим же нанес оскорбление и велел сказать Антонию следующее: «Поскольку заботишься о монахах, то дойду и до тебя». Но не прошло пяти дней, как постиг его гнев Божий. Валакий с Несторием, епархом египетским, отправился на первый ночлег от Александрии, именуемый Хереус; оба ехали на конях, принадлежавших Валакию, и кони эти были смирнее всех, каких только держал он у себя. Не успели добраться до места, как начали кони по обычаю играть между собой, и самый смирный из них, на котором ехал Несторий, вдруг начал кусать Валакия и до того зубами изгрыз ногу его, что немедленно отнесли его в город, а на третий день он умер. Тогда все удивились, что так скоро исполнилось Антониево предсказание.

86. Так вразумлял Антоний людей жестокосердых, других же, приходивших к нему, приводил в такое умиление, что немедленно забывали они о делах судебных и начинали ублажать отрেকшихся от мирской жизни. За обиженных же Антоний предстательствовал с такой силой, что можно было подумать, будто бы терпит обиду сам он, а не другой кто. Притом в такой мере умел он говорить на пользу каждому, что многие из людей военных и имеющих большой достаток слагали с себя житейские тяготы и делались в конце концов монахами. Одним словом, как врач, дарован он был Богом Египту. Ибо кто, если приходил к нему печальным, возвращался от него не радующимся? Кто, если приходил к нему проливающим слезы об умерших, не оставлял тотчас своего плача? Кто, если приходил гневным, не переменял гнева на приязнь? Какой нищий, придя к нему в унынии, и послушав его, и посмотрев на него, не начинал презирать богатства и не утешался в нищете своей? Какой монах, предававшийся нерадению, как скоро приходил к нему, не делался гораздо более крепким? Какой юноша, придя на гору и увидев Антония, не отрекался тотчас от удовольствий и не начинал любить целомудрие? Кто приходил к нему, искушаемый бесом, и не обретал себе покоя? Кто приходил к нему, смущаемый помыслами, и не находил тишины уму?

87. Великим плодом Антониева подвижничества было и то, что Антоний, как говорил я и выше, имея дар различения духов, узнавал их движения, и не оставалось для него неизвестным, к чему было рвение и стремление какого-либо духа. Не только сам он не бывал поруган бесами, но и смущаемых помыслами, утешая, учил, как нужно низлагать наветы врагов, рассказывая

о немощи и коварстве их. Посему каждый отходил от него, укрепившись в силах, чтобы небоязненно противостоять умышлениям диавола и демонов его. Сколько дев, имевших уже у себя женихов, когда издали только увидели Антония, пребыли Христовыми девами! Приходили к нему и из чужих земель и, вместе со всеми получив пользу, возвращались, расставаясь как бы с отцом. И теперь, по его успении, все, оставшись как сироты после отца, утешаются одним воспоминанием о нем, храня в сердце наставления и увещания его.

88. А каков был конец жизни его, это достойно того, чтобы и мне самому вспомнить, и вам выслушать с любовью, потому что и в этом должно соревновать ему. Посещал он по обычаю монахов, живущих на внешней горе, и, предуведомленный Промыслом о кончине своей, сказал братии так: «Последнее это мое посещение вам; и удивительно будет, если увидимся еще в жизни сей. И мне время уже разрешиться, потому что близ ста пяти лет имею себя от роду». Братия, слыша это, плакали, обнимали и лобызали старца. А он, как бы из чужого города возвращаясь в свой, беседовал с ними весело и заповедал им трудиться неленостно и не унывать в подвиге, но жить, как бы ежедневно умирая, и, по сказанному выше, стараться охранять душу свою от нечистых помыслов, соревновать святым, не сближаться с отщепенцами мелетианами, зная лукавое и мерзкое их произволение, не иметь никакого общения с арианами, потому что их нечестие всякому явно. И если видите, что им покровительствуют судьи, не смущайтесь, потому что лжемудрие их прекратится, оно временно и непродолжительно. Посему храните себя чистыми от него, соблюдайте предание отцов, предпочтительно же всему благочестную веру в Господа нашего Иисуса Христа, какой научились вы из Писания и о какой часто напоминал я вам».

89. Когда же братия стали неотступно просить, чтобы у них остался и скончался, он не согласился на это, умолчав о многих причинах отказа, дав лишь понять, что важнее всех следующая. Египтяне имеют обычай, совершая чин погребения над телами скончавшихся уважаемых ими людей, и особенно святых мучеников, обвив их пеленами, не предавать земле, а возлагать на ложах и хранить у себя в домах, полагая, что этим воздают чествование отшедшим. Антоний многократно просил епископов запретить это мирянам, сам убеждал мирян и делал выговоры женщинам, говоря: «Незаконно это и вовсе не благочестно. Ибо тела Патриархов и Пророков доньше хранятся в гробницах, и самое тело Господне положено было во гроб, и приваленный камень скрывал оное, пока не воскресло в третий день». Говоря же это, показывал он, что незаконно поступает тот, кто тела скончавшихся, даже и святые, не предает по смерти земле. Ибо что досточестнее и святее Господня тела? Посему многие, выслушав это, стали потом тела умерших предавать земле и, научившись у Антония, благодарили за сие Господа.

90. Антоний же, зная этот обычай и опасаясь, чтобы не поступили так и с его телом, простившись с монахами, пребывавшими на внешней горе, поспешил отшествием и, придя во внутреннюю гору, где обыкновенно пребывал, через несколько месяцев впал в болезнь. Тогда, призвав бывших при нем (было же их двое: они жили с ним на внутренней горе, подвизаясь уже пятнадцать лет и прислуживая Антонию по причине старости его), сказал им: «Я, как написано, отхожду в путь отцов (ср. Нав. 23,14). Ибо вижу, что зовет меня Господь. А вы трезвитесь и не погубите многолетних наших подвигов, но как начали теперь, так и старайтесь соблюсти свое усердие. Знаете злокозненность демонов, знаете, как они жестоки, но немощны в силах. Поэтому не бойтесь их, но паче укрепляйтесь всегда о Христе и веруйте в Него; живите, как бы ежедневно умирая, будьте внимательны к себе самим, помните наставления, какие слышали от меня. Да не будет у вас никакого общения с отщепенцами и особенно с еретиками арианами. Ибо знаете, сколь и я избегал их за христорборную и иномысленную их ересь. Старайтесь же более всего пребывать всегда в единении между собой, а преимущественно с Господом и потом со святыми, да примут они и вас по смерти в вечные кровы, как друзей и знакомых. О сем помышляйте, сих держитесь мыслей, и если имеете попечение о мне и помните, как об отце, то не попустите, чтобы кто-либо взял тело мое в Египет и положил у себя в доме; во избежание

сего удалился я в гору и пришел сюда. Знаете, как всегда порицал я делающих это и убеждал оставить такой обычай. Предайте тело мое погребению и скройте под землей. Да соблюдено будет вами сие мое слово, чтобы никто не знал места погребения тела моего, кроме вас одних, потому что в воскресение мертвых прииму оное от Спасителя нетленным. Разделите одежды мои: епископу Афанасию отдайте одну милоть²⁹ и подостланную подо мной одежду – она им мне дана новая и у меня обветшала, а епископу Серапиону отдайте другую милоть, власяницу возьмите себе. Прощайте, чада, Антоний преселяется, и не будет его более с вами!»

91. Сказав это, когда облобызали его бывшие при нем, Антоний протянул ноги и, как бы видя пришедших к нему друзей и обрадованный прибытием их (ибо возлежал с веселым лицом), скончался и приложился к отцам. Братия же, как дал им заповедь, совершив чин погребения, обвив тело, предали его земле, и, кроме их двоих, донныне никто не знает, где оно погребено. Каждый из получивших хранит милоть блаженного Антония и изношенную им одежду как нечто великое. Ибо взирать на сие – значит как бы видеть самого Антония, а носить это на себе – значит как бы с радостью исполнять его наставления.

92. Таков был конец Антониевой жизни в теле, и таково начало его подвижничества. И хотя повествование сие малозначительно в сравнении с Антониевыми добродетелями, однако же и из сего заключайте, каков был Божий человек Антоний. С юных лет и до такого возраста соблюдавший равное усердие к подвижничеству, ни по старости не обольщавшийся дорогими снедами, ни по немощи тела своего не изменявший вида своей одежды или даже не обмывавший ног водой. Ни в чем, однако же, не потерпел он вреда. Глаза у него были здоровы и невредимы, и видел он хорошо. Не выпало у него ни одного зуба, а только ослабили они в деснах от преклонных лет старца. Здоровы были у него руки и ноги. Одним словом, казался бодрее и крепче всякого, пользующегося разнообразными снедами, омовениями и различными одеждами. А что всюду говорили о нем, все удивлялись ему, даже не видавшие любили его, это служит доказательством его добродетели и боголюбивой души. Ибо не сочинениями и внешней мудростью, не каким-то искусством, но единым богочестием стал известен Антоний. И никто не станет отрицать, что это был Божий дар. Ибо как иначе в Испанию, в Галлию, в Рим и в Африку дошел бы слух о человеке, который скрывался и жил в горе, если бы не Бог содействовал повсюду известными рабов Своих, что и Антонию обещал Он еще вначале? Хотя сами отшельники делают все тайно и желают быть сокрытыми, но Господь делает их видимыми для всех, подобно светильникам, чтобы, слыша о них, знали, как могут заповеди приводить к преспеянию, и возревновали идти путем добродетели.

93. Поэтому прочтите сие жизнеописание и другим братиям, пусть узнают, какова должна быть жизнь иноческая, и пусть убедятся, что Господь и Спаситель наш Иисус Христос прославляет прославляющих Его и служащих Ему до конца не только вводит в Небесное Царствие, но и здесь, сколько бы ни утаивались и ни старались пребывать в уединении, содействует повсюду известными и славными ради добродетели их и ради пользы других. Если же потребует нужда, прочтите это и язычникам; пусть и они таким образом познают, что не только Господь наш Иисус Христос есть Бог и Сын Божий, но и искренне служащие Ему и благочестно верующие в Него христиане тех самых бесов, которых язычники почитают богами, не только изобличают, что они не боги, но как обольстителей и растлителей человека попирают и прогоняют о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

²⁹ Милоть – верхняя одежда монахов в древних обителях.

Жизнь и наставления преподобной Синклитикии Александрийской, подвизавшейся в IV веке Свт. Афанасий Великий

*Как великий Антоний явился основателем пустынной отшельнической жизни, так святая Синклитикия была начальницею пустынного общежития для дев и жен*³⁰.

Блаженная Синклитикия родилась в Александрии. Семейство, к которому она принадлежала, вело свой род из Македонии, было уважаемо и богато. Услышав об особом благочестии александрийцев, предки преподобной оставили Македонию и переехали в Александрию, где нашли искреннюю веру и истинную любовь к Богу.

В родительском доме святая получала все, что только может именоваться превосходным и полезным в мире сем. Но блаженная тяготилась этим, потому что сердце ее уже пламенело желанием к горнему и любовью к Богу. Удручало ее и сугубое попечение о теле, так принятое в богатых домах и презираемое ею. Самым опасным врагом она считала свое прекрасное молодое тело и всячески утесняла его, смиряя постом, трудами и бдением.

В семье, кроме Синклитикии, было еще два сына и дочь. Младший брат блаженной умер в детстве, сестра ее была слепа, а старший брат, отказавшись от женитьбы, ушел в пустыню, потому единственной надеждой родителей на сохранение рода было замужество Синклитикии. Прекрасная лицом и знатная, она рано увидела женихов, домогавшихся ее руки. Родители Синклитикии немало тому радовались и всячески приготавливали ее замужество. Но благоразумную и мужемудрую деву нисколько не убеждали слова родителей, напротив, когда она слышала о плотском супружестве, то всем естеством своим отвращалась от него, возносясь мысленно к Божественному браку. Она пренебрегала земными женихами и интересовалась только Небесным Женихом, Христом, Которого возлюбила всеми силами души, о Нем Одном помышляя день и ночь. Поэтому ничто мирское – ни вышитые золотом одеяния, ни драгоценные камни, ни преисполненная страстью музыка, ни пиры, ни какое другое светское удовольствие – не могло прельстить ее душу; а слезы родителей и уговоры родственников не могли нисколько ее поколебать. Напротив, ее произволение было твердо, как камень, и ум нисколько не колебался в стремлении ко Христу. Она закрыла свои телесные чувства для внешних впечатлений и беседовала со своим

Божественным Женихом, произнося слова невесты из Песни Песней: *Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне* (Песн. 6, 3). Она затворяла свой слух от пустых разговоров, но если велись душеполезные беседы, она вся обращалась во внимание, чтобы уразуметь слышимое и принять то в свою душу.

Она настолько любила воздержание, что не считала никакую другую добродетель равной посту, который, как она полагала, является основой и хранителем всех добродетелей. Пищу она вкушала в строго установленное время и, если по какой-то причине приходилось отступать от правила, она томилась всей душой, бледнела и недомогала, то есть чувствовала совершенно противоположное тому, что испытывают невоздержники. Поскольку ее душа не услаждалась безвременным приемом пищи – тело и не укреплялось, но худело. Ведь те, кто ест со страстью, имеют тучные и полные тела, а те, кто ест без аппетита, имеют тела, исхудавшие и тощие. Верность этих слов подтверждают больные, которые, вкушая без аппетита, имеют тела истощенные и слабые. Блаженная Синклитикия с готовностью истощала свое тело, и ее душа была крепкой, по словам апостола: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обнов-*

³⁰ Преосв. Филарет (Гумилевский). Жития святых подвижниц Восточной Церкви. СПб, 1885. С. 8.

ляется (2 Кор. 4, 16). Свое воздержание и труды блаженная сохраняла втайне. Смерть родителей освободила ее от всех земных обязательств, и преподобная, раздав свое имение нищим, вместе со слепой сестрой направилась в место, называемое Херо, недалеко от Александрии, и поселилась в гробнице одного из своих родственников. Душа ее искала полного отречения от мира, и, следуя за этим желанием, Синклитикия совершила то, что даже внешне отделило ее от прежней жизни. Женщины того времени считали волосы главным украшением и достоинством их пола, а пострижение волос было знаком позора и крайнего бесчестия. Зная это, преподобная призвала пресвитера, и он, по просьбе ее, остриг ей волосы. Сей постриг знаменовал полное освобождение души от мирского. В то время преподобная говорила: «Велико то звание, какого я удостоилась, и мне нечем воздать Тому, Кто призвал меня. Люди тратят все свои богатства, чтобы стяжать временную славу мира сего, и тем более должна я, сподобившаяся сей великой милости быть монахиней, отдать Владыке моему Христу принадлежащие мне богатства и мое тело. Но что говорю я, отдать Христу моему мои богатства и тело, когда все это от начала принадлежит Ему? Ведь *Господня – земля и что наполняет ее* (Пс. 23, 1). Утаив в этих смиренных словах свои благодеяния, святая стала жить в безмолвии. И раньше, живя в родительском доме, она подвизалась подвигом добрым, но, став монахиней, еще более усугубила свои труды. Это было привычно ее душе, которую, еще живя в миру, она уготовала в жертву, постигнув, что те, кто вступают в Божественное таинство монашеской жизни без предварительного опыта в подвижничестве и без размышления, нисколько не преуспевают и не достигают возжеленной цели, поскольку не знают, чего требует монашеская жизнь и в чем состоит ее цель. Подобно тому как собирающиеся пуститься в плавание прежде заняты сбором всего необходимого в пути, преподобная подготовила себя подвижническими трудами и затем бесстрашно направила свой путь к Небесным Обителям. Заранее запасшись всем необходимым для строительства дома добродетели, она воздвигла прочное здание душевное. Видимые дома строятся из приготовленных заранее камней, извести, бревен и других материалов, душевный же дом строится из добродетелей. Преподобная не собирала вещественное, но, напротив, расточала его, раздавая свое имущество бедным, чем стяжала нестяжательность. Она расточила и страсти: гнев и памятозлобие, отбросила зависть и тщеславие и таким путем, по Евангельскому слову, воздвигла свой дом на камне. И потому этот дом ее стал непоколебимым. Но к чему многословие? Великим усердием и горячностью своей души блаженная Синклитикия в самом начале своей подвижнической жизни превзошла многих состарившихся в подвигах монахинь. Однако мы не можем рассказать о ее трудах и злостраданиях, поскольку она не позволяла кому-либо видеть их и не хотела иметь свидетелей и разгласителей своих подвигов. Она не столько заботилась о том, чтобы сотворить доброе дело, как о том, чтобы скрыть его от людей, и это не потому, что она презирала других, а потому, что благодать Божия подвигла ее не искать славы человеческой. Она всегда хранила в памяти слова Господа: *пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3), и поэтому совершала все свои подвиги втайне. С ранней юности до зрелого возраста преподобная Синклитикия избегала бесед не только с мужчинами, но и с женщинами, чтобы они не прославляли ее за чрезмерные подвиги и чтобы общение с сестрами и телесные нужды не помешали ей в доброделании и тишине. Таким образом она примечала бесовские приращения и не позволяла себе склоняться к телесным желаниям. Как садовник, что отрезает с дерева побеги, мешающие обильному плодоношению, так и преподобная отсекала от ума начатки страсти посредством поста и молитвы. И если какая-либо страсть укоренялась и возрастала, блаженная вырывала ее с корнем безжалостными к себе злостраданиями и трудами, усмиряющими тело, и мучила себя не только голодом, но и жаждой.

Когда преподобная Синклитикия подвергалась какой-либо брани, то прежде всего в молитве призывала на помощь Христа Господа, не полагаясь только на свои подвиги в борьбе с зверообразным диаволом, и по ее молению Господь сразу же ниспосылал Свою помощь, и враг убегал. Но часто враг боролся с ней продолжительное время и Господь попускал ему это,

чтобы возрос ее духовный опыт в добродетели. Держа в уме, что длительность брани подаст ей большие духовные дары, она еще мужественней сражалась с врагом. Преподобная не только изнуряла себя постом, но и не позволяла себе подумать о приятных кушаньях, питаясь хлебом из отрубей и часто вообще не употребляя воды, а спала она на земле. Итак, когда брань возрастала, она использовала эти орудия, облачалась в молитву, как в кольчугу, и, как в шлем, – в веру, соединенную с надеждой и любовью. Она старалась сотворить и милостыню – молитвой и произволением. Когда же враг был побежден этими средствами и брань прекращалась, преподобная давала себе отдых от чрезмерных подвигов. Она так поступала, чтобы члены ее тела не ослабли окончательно, что было бы поражением. Ведь когда разбиты доспехи воина, как он может надеяться победить в сражении?! Итак, неразумно поступают те, кто необдуманно налагает на себя чрезмерный пост, и по мере того, как они чувствуют облегчение в брани, у них растет гордость. Блаженная Синклитикия так не поступала, ведь она делала все с рассуждением: она боролась с врагом молитвой и подвижничеством, а когда брань проходила, она вновь заботилась о своем теле. Так, захваченные жестокой бурей, моряки даже не думают о еде, но прилагают все свое умение, чтобы спастись от гибели; но когда шторм проходит, они отдыхают, заботясь и о своих телах. Но и тогда они не остаются совершенно беззаботными и не предаются лени и неге, а готовят снасти на случай следующего шторма. Ведь если и прошла буря, но море не убыло, и хоть волны улеглись, но ветер, поднимающий их, всегда дует. Подобное сему происходит в духовном мире: хотя злой дух похоти изгнан подвижником, но диавол, возбуждающий похотения, всегда рядом. Поэтому необходимо постоянно молиться, опасаясь изменчивости моря и лютости диавола. И преподобная, хорошо зная бури этой жизни и предвидя нападки духов злобы, с осторожностью правила судно своей души кормилом благочестия и привела его в целостности в гавань спасения, держась веры в Бога, как самого надежного якоря.

Жизнь преподобной поистине была апостольской, основанной на вере и нестяжательности и сияющей любовью и смирением. Она делом исполнила слова псалмопевца, поправ аспида и василиска и всю силу вражью (ср. Пс. 90, 13). И она, несомненно, услышала от Господа обещанное: *Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25, 21). И хотя эти слова относятся к небесным благам, но они могут быть восприняты и в следующем смысле: «Поскольку ты, Синклитикия, явилась победительницей в этой вещественной брани с плотью и миром, ты победишь и в невидимой брани с бесами посредством Моей помощи и заступления, чтобы начала и силы тьмы узнали о величии твоей веры, поскольку, победив сопротивные силы демонов, ты приблизишься к благим Силам Ангелов». Так жила святая в одиночестве, подвизаясь в добродетелях. Шло время, ее добродетели расцвели, и благоухание ее дивных подвигов достигло многих, ведь, согласно словам Господа: *Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным* (Лк. 8, 17), – Бог имеет обыкновение ведомыми Ему путями прославлять любящих Его ради исправления слышащих. Тогда, по вразумлению Божию, стали приходить к Синклитикии монахини ради пользы душевной и, получая большую пользу, приходили все чаще. Однажды они спросили ее, как им получить спасение. Преподобная тяжело вздохнула и, пролив много слез, хранила молчание. Но сестры принуждали ее рассказать о величии Божиим, будучи поражены и одной ее внешностью. Поскольку блаженную вынуждали сестры, то она сказала следующие слова из Писания: *Не будь грабителем бедного, потому что он беден* (Притч. 22, 22). Но сестры просили еще усерднее, говоря ей: «Господь сказал: *даром получили, даром давайте* (Мф. 10, 8). Не боишься ли ты быть осужденной с рабом, скрывшим талант?»

Преподобная ответила: «Почему вы, сестры, решили, что я, грешница, могу сделать или сказать что-либо достойное? Мы все имеем Господа нашим общим Учителем и все слушаем Священное Писание».

Сестры сказали: «Мы тоже знаем, что Господь – наш Учитель, и слушаем Писание, но ты своим бденным поучением в Писании усовершилась в добродетели. А нужно, чтобы сестры,

преуспевшие в добре, советовали младшим, ведь и Господь наш заповедал это». Блаженная, чувствуя к ним сострадание и зная, что то, что она скажет, не введет ее в гордость, но поможет сестрам, начала говорить им следующее: «Дети мои, все мы знаем, как спастись, но по нашему нерадению теряем спасение, ведь мы прежде всего должны соблюдать заповеданное Господом: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 37, 39). В этих двух заповедях содержится весь закон, и в них упокоевается полнота благодати. Несколько слов, но их сила велика и неизмерима, поскольку все душеполезные блага зиждутся на них. И в том же уверяет нас апостол Павел, когда говорит, что *любовь есть исполнение закона* (Рим. 13, 10). Поэтому какие бы премудрые слова ни говорили люди по благодати Духа Святого, все они начинаются любовью и кончаются ею. Но мне следует добавить и то, что проистекает из любви: то, чтобы каждый из нас стремился к большему». Сестры были удивлены этими словами и спросили, что они значат, на что святая ответила:

«Разве не знаете вы притчи о сеятеле, сказанной Господом, как одно семя принесло урожай в сто крат, другое в шестьдесят крат, иное в тридцать крат (см. Мф. 13, 3–9)? Сто крат – это наш монашеский чин, шестьдесят крат – это живущие в воздержании и не женатые, а тридцать крат – это женатые, но живущие в целомудрии. От тридцати хорошо подняться к шестидесяти и от шестидесяти к ста, поскольку полезно восходить от меньшего к большему. Но спускаться от большего к меньшему опасно, поскольку тот, кто однажды склонился к худшему, не остановится на малом, но ниспадет в бездну погибели. Так те, кто обещался сохранить девство, но слабы в намерении, говорят сами себе (или, точнее сказать, не сами, а вместе с диаволом): «Если мы женимся и будем жить целомудренно, то сподобимся того, чтобы быть причисленными к чину тридцати крат, ведь и Ветхий Завет не отвергает деторождения, но даже поощряет его». Те, кто так мыслит, должны знать, что это от диавола, поскольку нисходящие от высшего к низшему одержимы диаволом. Как воин, который оставляет свое место в первых рядах и переходит в последние, не прощается за это, но наказывается, так наказывается и тот, кто нисходит от высшего чина девственников к низшему. Поэтому нам надо от низшего восходить к высшему, о чем нас учит и апостол: *заднее забывая, простираться вперед* (ср. Флп. 3, 13). Потому мы, принадлежащие к чину сто крат, должны всегда помнить о нашем звании и стремиться к высшему, никогда не полагая пределов достижения, ведь Господь говорит: *когда исполните все побеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17, 10). Итак, мы, избравшие девство, должны соблюдать особую бдительность. Вот женщины, живущие в миру, внешне стараются вести себя сдержанно, хотя вместе с предусмотрительностью в них есть и глупость, и невежество, из-за которых они блудодействуют мысленно всеми своими чувствами, подчас и не замечая этого: они и взирают бесчинно, и смеются неподобающим образом, и слушают скверные речи. Но мы, монашествующие, должны отвергнуть все неуместное даже в мыслях и преуспевать в добродетелях, и хранить свои глаза от лишних взглядов, ведь Священное Писание говорит: *Глаза твои пусть прямо смотрят* (Притч. 4, 25). Мы должны удерживать язык от постыдных бесед, поскольку не подобает нашему языку, песнопояющему и славословящему Бога, произносить бесстыдные слова. И нам нужно не только не говорить такого, но и не слушать других говорящих. Но невозможно исполнить это, если часто выходить из келии, поскольку демоны и страсти входят в нас через чувства, даже если мы этого не хотим. И как возможно, чтобы дом с открытыми окнами и дверями не наполнился дымом, проникающим снаружи, и не загрязнился?! Поэтому необходимо, чтобы мы не ходили в города и на торжища. Ведь если мы считаем неприличным смотреть на обнаженные тела наших братьев и родителей, то насколько более вредно и неуместно для души видеть на улице и на торжищах нескромно одетых людей и слышать их бесстыдные и непристойные беседы. От видения и слышания таких вещей в нашу душу входят постыдные, скверняющие образы. Но даже и находясь в келии, не должны мы быть беззаботными, но всегда бодрствовать, ведь Господь говорит: *бодрствуйте* (Мф. 24, 42), поскольку

чем больше мы стремимся к трезвенности и целомудрию, тем более скверные помыслы нас борют, ведь Екклезиаст говорит: *кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1,18). Чем больше борец преуспевает в борьбе, тем сильнее подыскиваются противники. Подумайте, как далеки вы от настоящего целомудрия, и вы не будете не радеть о брани с врагом. Ведь если вы и преодолели телесное блудодействие и не творите блуда телом, то сатана склоняет вас к тому, чтобы соблюсти посредством чувств. И если, затворившись в келии и удалившись от слышания и видения неподобных вещей, вы победите тот блуд, какой совершается через услаждение чувств, то опять сатана будет склонять вас к блудодействию посредством воображения, возбуждая скверные образы и во время бодрствования, и во сне. А поэтому мы не должны принимать таких образов, ведь Екклезиаст пишет: *Если гнев начальника – то есть сатаны – вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего* (Еккл. 10, 4). Не принимайте этого диавольского действия, поскольку одно сочетание с такими фантазиями у девственников равносильно блудодействию у мирян, ведь *сильные сильно будут истязаны*, как говорит Писание (Прем. 6, 6). Поэтому брань, какую мы ведем с бесом блуда о деяния, велика и страшна, ведь оно есть величайшее зло, какое использует враг для гибели души. Иов изобразил это таинственно, сказав о диаволе: *его сила в чреслах его* (Иов 40, 11).

Многочисленными и разными способами диавол стремится вовлечь любящих Господа в блудодействие. Часто лукавый обращает во зло даже сестринскую любовь во Христе: тех девственниц, которые отказались от замужества и от всякой мысли о мире, он борет и вводит в блуд под личиной сестринской любви к мужчинам. Подобно тому и монахов, избежавших всех бесстыдных и непотребных его сетей в явном искушении, он прельщает, обманом вводя в благочестивые беседы с женщинами, и в результате ввергает в блуд. Такова хитрость диавольская – облачаться в чужие одежды, использовать Божественные и духовные понятия и благочестивые предметы, чтобы через них сеять тайно свое семя. По наружности это семя выглядит как пшеничное зерно, но по сути – готовая ловушка. Я думаю, что как раз об этом Господь сказал: *демоны приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Мф. 7,15).

Что же нам делать, чтобы избежать этих козней диавольских? Мы должны стать *мудры, как змии, и просты, как голуби* (Мф. 10, 16), то есть мы должны употребить благоразумие против тех ловушек, какие нам готовит диавол. Христос заповедал нам быть мудрыми, как змии, чтобы мы могли различить все козни диавольские. Простота голубя указывает на чистоту наших дел, поскольку каждое доброе дело отсечет зло и не смешается с ним. Но как избежать нам того, чего мы не знаем? Для этого нам надо быть предельно внимательными ко злу вражескому и охранять себя от его лукавых козней, ведь апостол Петр говорит: *диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Поэтому необходимо нам бодрствовать и остерегаться на всякое время, ведь он наблюдает за нами и ведет с нами брань как через внешние вещи, так, в большей степени, внутренними мыслями, и приходит к нам невидимо как ночью, так и днем. Что же нам необходимо в этой брани? Очевидно, нам нужны настоящий подвиг и чистая молитва. Эти два средства являются общими и всеохватывающими лекарствами, которые мы должны использовать против каждой пагубной мысли. Но нам нужно употреблять и другие, особые приемы в плотской брани. Так, когда какой-нибудь бесстыдный помысл приходит, мы должны противопоставить ему другой, сильный до жестокости, и когда враг рисует в нашем воображении прекрасное лицо, мы должны побороть его определенным образом: мы должны мысленно выдавить глаза у этого лица, содрать кожу со щек и отрезать губы, тогда лицо станет голым черепом, отвратительным и страшным. Рассмотрим то, что в нас вызывало ранее похоть, таким образом, и мы сможем сохраниться от злостного вражия хохота, уяснив, что мы питали похоть не к чему иному, как к смрадному месиву крови и мокроты. Подобными мыслями мы должны изгнать из нашего ума постыдный образ греха. Более того, мы должны представить тело того, кем прельстились, полностью, вообразить его исполненным гнили и зловония, короче, мы должны увидеть его трупом, и так мы изгоним из наших сер-

дец страстное чувство. Но самое могущественное оружие, какое мы можем применить в плотской брани, это утеснение желудка, поскольку, умертвив его, мы усмирим и те страсти, которые действуют под ним». Такими мудрыми и душеполезными советами наставляла блаженная Синклитикия сестер, и они обрадовались ее божественным и духовным словам. Затем одна из них спросила, является ли нестяжательность совершенным добром. Преподобная ответила:

«Это действительно добро для тех, кто крепок и мужествен, поскольку те, кто нестяжатель, страдают телесно, но восприимлют духовное утешение. Подобно тому как новое прочное платье становится чистым и белым, если его бьют и колотят, так и мужественная душа более укрепляется и становится непоколебимой, когда она сокрушается произвольной нищетой. Но душа слабовольная и нестойкая становится еще слабее и нерешительнее, поскольку, когда ей случается претерпеть нищету, она приходит в худшее состояние от того «промывания», какое составляет нестяжательность; как и старое платье, которое, не вынося стирки, рвется на части. Отбеливатель и для крепкого, и для изношенного платья один и тот же, но конечный результат различен, поскольку крепкое очищается и обновляется, а изношенное рвется на части. Итак, можно сказать, что нестяжательность – это драгоценное сокровище для мужественной души, поскольку она становится уздечкой, сдерживающей грехи. Но тот, кто хочет воспользоваться ею, должен прежде испытать себя в пощении, долужении и других телесных злостраданиях. А затем только пусть приступит к нестяжательности. Тот, кто не делает этого, но сразу раздает свои деньги, не испытав себя прежде, как правило, потом раскаивается в том, что раздал деньги, ведь деньги – это основа легкой жизни. А потому прежде отрекись от сластолюбия, и приятных блюд, и от всех других утешений телесных, и через это ты сможешь легко преодолеть алчность и жадность. Связь между ними такая же, как между орудиями труда и ремеслом, ведь, не имея орудий, невозможно ремесленничать; так и отказавшись от первого, легко пренебречь вторым. Потому Господь в разговоре с богатым юношей не тотчас предложил ему отвергнуться от денег, но прежде спросил, исполнил ли тот заповеди Ветхого Завета, подобно тому как учитель спрашивает ученика, выучил ли он начатки чтения и письма, знает ли он, как читать по слогам, и знаком ли он с произношением слов и имен, и затем только велит ему читать совершенно. Когда же богатый юноша сказал, что он исполнил заповеди закона, Господь сказал: *пойди, продай имение твое и раздай нищим... и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21). Мне кажется, что если бы юноша сказал, что он не исполнил того, о чем спросил Христос, то Господь и не предложил бы ему нестяжательности. Ведь как может с ходу хорошо читать тот, кто не знает, как произносить слоги?! Поэтому нестяжательность хороша для тех, кто уже подвижался в перенесении трудностей и стяжал привычку и навык к добру, поскольку они отреклись от излишних вещей и возложили все упование на Бога, поя слова псалма: *очи всех на Тя уповают, и Ты даешь им пищу благовременно* (Пс. 144, 15). Те, кто нестяжатель, получают большую пользу и от следующего: поскольку их ум не привязан к земным вещам, они заняты только небесным, и, заботясь об этом, они явно исполняют слово Давида: *был для Тебя подобен скоту... Но я всегда с Тобою* (Пс. 72, 22–23). И как домашние животные полностью довольствуются подаваемой им пищей и не ищут другой, так и нестяжатели работают только ради хлеба насущного и пренебрегают деньгами как ненужными. Нестяжатели твердо уповают на слова Господни не заботиться о завтрашнем дне, как птицы небесные, что *ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26). Они верят этим словам, ведь их сказал Сам Господь, и смело произносят: *Я веровал, посею и говорил* (Пс. 115, 1). Дьявол побеждается нестяжателями быстрее, поскольку он не может столь сильно вредить им. Большинство искушений и бедствий, случающихся с людьми, происходит с ними от недостатка и поиска материального. Но какое бедствие может случиться с тем, у кого ничего нет? Никакого, конечно. Что может сделать враг? Спалить их поля? У них нет ни одного. Уничтожить их скот? Повредить другие их вещи? Но они все это оставили. Поэтому нестяжательность является великим препятствием для дьявола и драгоценным сокровищем для души. И как нестяжа-

тельность есть великая и удивительная добродетель, так, наоборот, сребролюбие есть великое зло и грех и корень всех зол, как говорит апостол Павел (см. 1 Тим. 6, 10). Ведь сребролюбие рождает клятвопреступление, воровство, хищение, скупость, зависть, убийство, братоненавидение, войны, идолопоклонство и все, отсюда вытекающее: лицемерие, лень и осмеяние. Корыстолюбивые не только наказываются Богом, но и губят сами себя, поскольку их желание денег неутолимо и их беспокойства и хлопоты бесконечны. Их болезнь неизлечима: неимущий хочет малого, но, получив это малое, он хочет большего и, имея сто монет, хочет тысячи; стяжав тысячу, он хочет бесчисленное множество, так что сребролюбцы, не находя конца своим стремлениям, мучаются невозможностью получить столько, сколько они хотят, и всегда плачут о своей кажущейся нищете. Сребролюбию же всегда пособствует зависть, которая уничтожает первым того, кто ее имеет. Нам, монашествующим, принесло бы большую пользу, если бы мы, желая обрести драгоценную жемчужину – Царство Небесное, – переносили бы такие же невыносимые труды, как те, кто ищет мирских богатств: они терпят кораблекрушения, сталкиваются с пиратами, встречаются с разбойниками на суше, переносят бури и ураганы. И когда они что-нибудь приобретут, то называют себя бедными, чтобы другие им не завидовали. Но мы, монашествующие, не претерпеваем ни одной из этих опасностей ради стяжания истины и небесных сокровищ. И когда мы приобретем какую-нибудь незначительную добродетель, то тотчас возвеличиваем себя и рисуемся перед людьми добродетельными.

Часто мы разглашаем славу не только о тех добродетелях, какие имеем, но и о тех, каких не стяжали, и тотчас враг крадет у нас и то малое, что мы имели. Мирские же корыстолюбцы когда много получают, то желают еще большего и ни во что вменяют то, что уже имеют, простирая свое стремление к еще не приобретенному и прилагая все усилия, чтобы никто не знал, сколько они уже имеют. Но мы, монашествующие, делаем все наоборот: мы не владем ничем хорошим, но ленимся приобретать что-либо, и бедны в добродетели, хотя и говорим, что богаты. Поэтому хорошо бы было преуспевающему в доброделании не позволять кому-нибудь узнать об этом, иначе он понесет большой ущерб, поскольку и то, что он думает, что имеет, отнимется у него (ср. Мф. 13, 12). Итак, мы, насколько это возможно, должны скрывать свои добродетели. Те, кто хочет показать другим свои добродетели, пусть показывают свои недостатки и страсти, ведь если они прячут недостатки, чтобы не быть осмеянными, тем паче должны они прятать добродетели. Но те, кто истинно добродетелен, делают все наоборот: они выставляют перед людьми и свои малейшие недостатки вместе с теми проступками, каких они и не совершали, чтобы избежать славы людской, и одновременно с этим они скрывают, как только могут, свои добродетели. Ведь подобно тому как найденное сокровище крадется и теряется, так исчезает добродетель, когда она становится известной другим. И как воск плавится от огня, так душа плавится от похвал и теряет свою крепость. И опять: как тепло умягчает воск, а холод делает его тверже, так похвалы расслабляют душу, а упреки и оскорбления укрепляют ее и подводят к большей добродетели. Господь говорит: радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня (ср. Мф. 5, 11–12), и Давид восклицает: *В скорби Ты давал мне простор* (Пс. 4, 1), и: *Ибо Ты знаешь поношение мое и стыд мой, и посрамления меня* (Пс. 68, 20). И можно найти множество подобных высказываний в Священном Писании.

Есть скорбь полезная и вредная. Полезная скорбь происходит от сожаления о собственных грехах и о неведении ближнего, от боязни потерять хорошее расположение, какое кто имеет, от томления при мысли о стяжании вожделенных добродетелей. Но есть и вредная скорбь, наветуемая сатаной, которая беспричинна и глупа и называется некоторыми унынием. Поэтому необходимо гнать прочь этого беса скорби молитвой и псалмопением. Мы, монашествующие, имея множество забот и скорбей, не должны думать, что живущие в миру не испытывают скорбей, ведь пророк Исаия говорит: *Вся голова в язвах, и все сердце исчахло* (Ие. 1, 5). Этими словами Дух Святой указывает на монашескую и мирскую жизнь. Боль головы

означает жизнь монашескую, ведь как голова является правящим членом человеческого тела, так и монашеский путь жизни выше мирского. И Писание говорит о боли, чтобы указать, что всякая добродетель приобретается через труд и понуждение себя. Печаль сердца обозначает беспокойную и скорбную жизнь мирян, поскольку злоба и огорчения сопутствуют их жизни: если они желают чужих богатств, то томятся, если они бедны, то мучаются, если богаты, то сходят с ума и не спят в заботе о своих стяжаниях. А потому не будем обманываться, думая, что миряне живут без забот и трудов, ведь по сравнению с нами, монашествующими, их труды куда больше. Особенно же женщины много страдают, рожая в болях и с опасностью для жизни, воспитывая детей со многими трудностями, переживая, когда дети болеют, и перенося другие прискорбности, не имеющие конца. И дети часто рождаются больными, или увечными, или злобными и много досаждают своим родителям. Итак, зная это, не будем поддаваться вражескому обману, думая, что замужние женщины живут легкой и беззаботной жизнью, ведь они или терпят родовые муки, или же, если они бесчадны, терпят поношение и презрение».

«Я говорю вам про вражьи уловки, хотя то, что я говорю, следует знать только монашествующим. Как один сорт пищи не подходит для всех животных, так и эти слова не для всех полезны, по слову Господа: *не вливают вина молодого в мехи ветхие* (Мф. 9, 17). Одним образом следует говорить тем, кто достиг ведения Божественного, и иным образом – тем, кто подвизается стяжать добродетели, и по-другому – тем, кто в мире. И среди животных одни обитают в воздухе, другие – в воде, иные – на земле, так и люди – некоторые, подобно птицам, возводят очи к горнему, другие находятся в среднем чине, а наконец, есть и такие, кто погружен во грехи, как рыба в воду. Мы же, монашествующие, должны приобрести орлиные крылья, достичь высот, попереть льва и змия (ср. Пс. 90, 13) и возобладать над тем, кто некогда обладал нами. Мы достигнем этого, если вознесем ко Христу Спасителю всем умом и помышлением. Но мы должны знать, что чем выше мы возносимся, тем сильнее враг пытается уловить нас в свои сети. И это не удивительно: если демоны воздвигают завистников, воров, убийц, таким образом, завидуя людям даже из-за никчемных земных богатств, что удивляться, если завидуют они нам, хотящим стяжать сокровища небесные? А потому нам необходимо вооружиться со всей тщательностью против демонов.

Они нападают на нас как через внешние впечатления, так и через мысли. Даже корабли – иной тонет из-за волн, бушующих за бортом, а иной – из-за трещин, появляющихся внутри; так и мы грешим иногда внешним – поступками, а иногда внутренним – помыслами. Поэтому мы должны зорко следить за бранью бесовской, входящей извне, искоренять внутреннюю нечистоту помыслов и всегда быть внимательными, поскольку помыслы постоянно борют нас. Во время бури, когда моряки зовут на помощь, они получают подмогу с других кораблей и спасаются; но они часто гибнут, даже когда море спокойно, из-за внутренних трещин, по беззаботности и невниманию не замеченных вовремя. По этой причине нам следует быть более внимательными к внутренним мыслям, поскольку враг, желая разрушить храмину души, или разрушает ее основание, или разбирает крышу и спускается вниз, или влезает через окна и связывает хозяина, а затем командует в доме. Основания душевной храмины – это добрые дела, крыша – это вера, а окна – это чувства. И нападками на все это враг ведет с нами брань. А потому тот, кто хочет спастись, должен быть многоочитым, как бы иметь множество глаз, ведь в сей временной жизни мы не можем оставаться беззаботными. И Писание говорит: *кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12).

Мы плывем по изменчивому морю: море это – наша душевная жизнь, и в некоторых частях его скрываются подводные камни, в других – морские звери, а местами оно тихо и спокойно. Явно, что мы, монашествующие, плывем по тихим и спокойным местам в жизни сей, а миряне – по опасным. Мы плывем днем под светом мысленного Солнца Правды – Христа, а миряне – ночью, ведомые неведением. Но, несмотря на все это, часто случается, что плывущие в темноте и по опасным местам бодрствуют и молят Бога спасти судно души; а мы, монаше-

ствующие, плывем в тишине и, тем не менее, тонем, по нашей нерадивости выпуская из рук кормило правды. Итак, тот, кто стоит, пусть бережется, чтобы не упасть; упавший занят только тем, чтобы подняться, а стоящий должен блюстись от падений, поскольку их очень много. Те, кто упал, хотя и лежат ничком, но не так сильно ушиблись. Но пусть тот, кто стоит, не осуждает упавшего, более того, пусть боится за себя, чтобы не упасть и не разбиться совершенно и не ниспасть в глубины пропасти, ведь тогда его голос поглотят глубины и он не обретет помощи. Потому Давид говорит: *да не поглотит меня пучина, да не закроет надо мною колодезь своего отверстия* (Пс. 68, 16). И тот, кто пал прежде, – не совершенно погиб; ты же заботься, чтобы не пасть в пропасть и не стать пищей зверей. Тот, кто пал, не запечатал дверей своего дома, то есть не внимал себе; ты же, стоящий, не дремли, но пой непрестанно слова псалма: *просвети очи мои, да не усну смертию. Да не скажет враг мой: «я преодолел его»* (Пс. 12, 4–5). Всегда бодрствуй, ведь мысленный лев рычит рядом с тобой. Эти слова полезны тем, кто стоит, чтобы не превозносились. Ведь тот, кто пал, когда обратится и восплачет, спасется; но стоящий да внемлет себе тщательно, ведь у него двойной страх – чтобы он не вернулся к своим прежним страстям, предавшись малодушию во время брани вражеской, и чтобы он не прельстился и не впал в гордость от преуспеяния в добродетелях. Враг наш, диавол, или извне привлекает к себе, если видит человека ленивого и нерадивого, или, когда видит тщательного человека и преуспевающего в подвиге, входит в его душу гордостью и коварно и страстно совершенно ее губит.

Гордость – это его последнее оружие, и оно больше всякого другого зла; из-за гордости пал с небес диавол, и ею он силится низвергнуть тех, кто особо преуспевает в добродетели. Подобно тому, как опытные воины, использовав все свои стрелы, если видят, что враг все еще в силе, прибегают к самому мощному оружию – мечу, так и диавол, использовав все начальные средства, прибегает к последнему орудию – к гордости. Эти его начальные орудия и ловушки суть чревобесие, сладострастие, блуд, ведь эти страсти особенно часто возникают в молодости. За ними следуют сребролюбие, скупость и подобные им. Когда же душа победит эти страсти, возгосподствует над чревом и над всеми подчревными похотями, когда она пренебрежет деньгами, тогда завистник, лишившись всех других средств, тайно вложит в душу неподобную гордость, чтобы вознести ее над другими братьями.

Воистину тяжел и губелен этот яд гордости, который диавол дает испить душе, и многих добродетельных людей он отравил им и тотчас погубил. Он тайно влагает в душу ложные и смертоносные помыслы, и она воображает, что понимает то, чего не знают другие, что она превосходит их в посте и имеет больше добродетелей. Более того, сатана вводит душу в забвение своих грехов и превозносит над другими братьями. Окрадывая ее от памятования своих ошибок, он не дает ей произнести смиренные слова Давида: Тебе Единому согрешил, помилуй мя (ср. Пс. 50, 6, 1), и через это исцелиться. Он также не дает ей сказать: *исповедуюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим* (Пс. 9, 1); но сам диавол, некогда сказавший: *взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему* (Ис. 14, 14), вызывает в гордом мысли о власти, об учительстве, о даре исцелений. И тот, кого прельщает этим сатана, гибнет, поскольку он получает почти неисцельную рану. А поэтому тот, у кого возникают такие гордостные помыслы, должен постоянно повторять божественные слова Давида: *Я же – червь, а не человек* (Пс. 21, 7), и Авраама: *я, прах и пепел* (Быт. 18, 27), и Исаии: *вся праведность наша – как запачканная одежда* (Ис. 64, 6).

Если гордостные помыслы борют монахиню, живущую в уединении, то ей следует пойти в общежительный монастырь и понуждать себя вкушать пищу даже дважды в день. Если над ней возобладала гордость оттого, что она усердно подвизалась, то необходимо, чтобы ее жестоко бранили монахини ее возраста за то, что она не сделала ничего хорошего. Ей нужно исполнять любое послушание и слушать жития великих подвижников. Более того, ее сверстницам надо на несколько дней увеличить свои подвижнические труды, чтобы гордячка, увидев их добро-

детели, смирилась, считая себя ниже их. Причина такой гордости состоит в непослушании, а потому эта болезнь может быть вылечена послушанием, ведь пророк Самуил говорит: *Послушание лучше жертвы* (1 Цар. 15, 22). А потому игуменья должна вовремя исторгнуть тщеславие из недугующей души.

Но если монахиня беспечна, небрежна и ленива, не преуспевающая в доброделании, то игуменья нужно хвалить ее. Если такая монахиня сделает какое-нибудь незначительное добро, игуменья надо восхищаться им и возвеличивать его, а ее большие ошибки называть малыми и незначительными. Дьявол, желая все ниспровергнуть, пытается укрыть грехи добродетельных подвижниц, чтобы ввести их в гордость, а грехи новоначальных он выставляет напоказ, приводя их в отчаяние. И одной монахине он говорит, что ей нет прощения за ее блуд, другой – что ей не спастись из-за корыстолюбия, так что игуменья должна утешать тех, кого таким путем искушает сатана, и говорить им, что Раав была блудницей, но спаслась верой, Павел был гонителем, но стал сосудом избранным, Матфей был мытарем, а стал евангелистом, и разбойник воровал и убивал, но первым отверз врата райские, а потому и ты, сестра, помни о них и не отчаивайся в своем спасении. Те же души, которые побеждаются гордостью, нужно исправлять и лечить следующим образом: им нужно сказать прямо – что превозносишься, несчастная душа, тем, что не ешь мяса? – Другие и рыбы не видят. Что не пьешь вина? – Другие и масло не вкушают. Что ты гордишься тем, что постишься до вечера? – Другие по два и по три дня держат пост. Что ты высокоумствуешь о себе, что не моешься? – Многие и ради телесной немощи не моются. Но ты дивишься себе, что спишь на твердой кровати, покрытой власяницей? – Другие спят на голой земле; если же и ты спишь на земле, в этом нет ничего значительного, ведь некоторые подкладывают камни, чтобы не спать с услаждением, а есть и такие, кто подвешивает себя на веревке на всю ночь. Если же и ты делаешь все это и совершаешь величайшие подвиги, не высокоумствуй о себе, ведь демоны делали и делают и большее, чем ты: они вовсе не спят, не едят и никогда не пьют, не женятся и пребывают в пустынях. – Так что если ты и живешь в пещере, не думай, что делаешь нечто великое. Подобными мыслями можно исцелять противоположные страсти – отчаяние и гордость. Как огонь, если сильно дуть, развеивается и исчезает, и напротив, если вовсе не дуть, то гаснет, так и добродетель, если основывается на чрезмерном подвижничестве, то уничтожается гордостью, а если мы небрежем о ней и нерадим о стяжании ее и содействии нам Духа Святого, то она тускнеет и исчезает. Острый и наточенный нож легко притупляется о камень, так и чрезмерное подвижничество быстро уничтожается гордостью. А потому человеку необходимо охранять свою душу со всех сторон, и когда она сжигается огнем гордости из-за чрезмерного подвижничества, он должен ввести ее в тенистые места, то есть смирить перед благодатью Божией, а иной раз необходимо отсечь в душе лишнее, превосходящее установленные границы, чтобы укрепился корень и произросли плодоносные ветви. Тот же, кого борет отчаяние, должен нудить себя стремиться к горнему и уповать на неизреченную милость нашего человеколюбивого Бога, поскольку его душа слишком подавлена грехами. Опытные земледельцы, когда видят маленькое и слабое растение, часто поливают его и много заботятся о нем, чтобы оно выросло; если же растение крепкое дает лишний росток, то отрезают его, поскольку он скоро увянет. И врачи при одних болезнях советуют обильно питаться и гулять, а при других запрещают и есть, и двигаться; так же должны поступать и врачи душ.

Явно, что гордость превыше всех зол, а смирение является величайшей добродетелью, а потому трудно его стяжать, и если человек не отвернется от всякой славы, то не сможет получить сокровища смиренномудрия. Оно так велико, что дьявол, хотя может копировать все другие добродетели, о смиренномудрии и понятия не имеет. Потому и апостол Петр, зная, насколько надежно и прочно смиренномудрие, заповедует нам облечься в него (ср. 1 Пет. 5, 5) и хочет, чтобы все те, кто творит добрые дела, носили его как одеяние. Ведь если ты постишься, если подаешь милостыню, если учишь, если хранишь девство и целомудрие, если ты мудр,

то всегда должен иметь смиренномудрие, чтобы оно защищало тебя, как мощные доспехи, и охраняло все твои другие добродетели.

Не слышал ли ты песнопения святых трех отроков, которое они пели в пещи Вавилонской? Они там не вспоминали о других добродетельных и не называли ни разумных, ни девственников, ни нестяжательных, но только смиренных сердцем причислили к тем, кто прославляет Господа (ср. Дан. 3, 87). И как невозможно построить корабль без гвоздей, так же нельзя спастись без смиренномудрия. Потому и Господь, желая указать, сколь хорошо и душеполезно смирение, облекся в него Сам, став человеком, и сказал: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Подумай, Кто сказал это, и сам стань Его совершенным учеником и подражателем Его смиренномудрия, и да будет оно для тебя началом и концом всех благ. Под смиренномудрием мы подразумеваем смиренное мудрование души, а не только смиренную внешность; ведь если смиренна душа, то и тело станет смиренным. Говоришь, что исполнил все заповеди? Господь то ведаёт, но Он заповедует тебе вновь положить начало в служении Ему, говоря: *когда исполните все побеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие* (Лк. 17, 10). Смиренномудрие не достигается без поношений, упреков и ран. Когда слышишь, что тебя называют безумным и сумасшедшим, нищим, больным и недостойным, неприбыльным в трудах, неразумным в словах, бесчестным по внешнему виду и немощным телом, в этом заключается сила смиренномудрия, ведь то же слышал и испытал и Господь наш – Его и самарянином называли, и бесноватым, Он принял образ раба, был заушен и претерпел раны. Так что и нам следует подражать тому деятельному смиренномудрию Господа. Есть некоторые, которые лицемерно надевают маску смирения, чтобы их прославляли люди, но такие познаются по плодам дел своих, поскольку, если случится, что их немного унижат, они не выносят этого и тотчас изрыгают свой яд, как змея».

Сестры внимали блаженной в великой радости, желая еще и еще поучаться ее душеполезными словами. И преподобная продолжила свою речь: «Большой подвиг и труд испытывают вначале те, кто восходит к Богу в монашеском образе, но затем они испытывают неизреченную радость. Подобно тому, как те, кто хочет зажечь огонь, вначале окуриваются дымом и плачут, но затем достигают задуманного, так должны трудиться и плакать и мы, монахини, чтобы возжечь в себе Божественный огонь, ведь Господь говорит: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Лк. 12, 49). Некоторые же по своему малодушию, испытав дым, не возжгли огня, поскольку не имели терпения, и особенно потому, что слаба была их любовь ко Господу. Об этом и апостол говорит: *если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий* (ср. 1 Кор. 13, 3, 1). Любовь – это большое добро, а гнев – это большое зло, которое помрачает душу и делает ее звериной и безумной. Господь, заботясь о нашем спасении, не оставил ни одной части нашей души без защиты; так, если враг борет нас блудом, Господь нас вооружает целомудрием, если борет гордостью, то недалеко смиренномудрие, если восстает ненависть, любовь находится рядом, и хотя враг использует против нас много разных браней, Господь нас оградил большим числом орудий как для нашего спасения, так и для победы над врагом. И опять я говорю, что гнев есть величайшее зло, *гнев человека не творит правды Божией*, как говорит апостол Иаков (Иак. 1, 20). И нам необходимо возобладать над ним, поскольку и он потребен, но в определенное время, ведь нам полезно гневаться на бесов и не полезно гневаться на людей, и хотя бы они нас обижали, нам нужно привести их к покаянию, когда угаснет гнев. Однако гнев есть меньшее зло, чем памятозлобие, а памятозлобие тяжелее всех остальных грехов, ведь гнев помрачает душу только на непродолжительное время, как дым, и затем исчезает, а памятозлобие вонзается в душу и делает ее хуже зверя. Посмотри: и пес, лающий на человека, оставляет свою ярость, когда тот даст ему пищи, и другие звери укрощаются со временем; но тот, в ком господствует памятозлобие, ни уговорами, ни продолжительностью времени не может исцелить эту страсть. Потому памятозлюбивые люди грешнее и беззаконнее других, ведь они не слушаются Христа Спасителя, повелевшего: *пойди*

прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой (Мф. 5, 24); и апостол говорит: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4,26). Итак, хорошо вовсе не гневаться. Если же прогневался, то божественный Павел заповедует не оставаться в этой страсти и дня, чтобы не впасть в памятозлобие.

Ты же, монахиня, зачем ждешь, пока пройдет твоя жизнь, чтобы примириться с прогневавшей тебя? Или не знаешь ты слов Господа: *довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6, 34)? Почему ты ненавидишь ту, которая тебя опечалила? Не она причинила тебе скорбь, но диавол. А потому возненавидь ту страсть, которой страдает сестра, но не саму страждущую. *Что хвалишься злобою, сильный?* – говорит тебе, памятозлюбивой, Давид, – *беззаконие во весь день, – неправду выдумывал язык твой* (Пс. 51, 3–4), то есть на протяжении всей твоей жизни ты делаешь беззаконие, поскольку нарушаешь заповедь Божию, данную через апостола Павла, чтобы солнце не зашло во гневе твоём, и не прекращаешь хулить и злословить сестру свою. А потому праведно ты будешь наказана Богом, как говорит Давид Духом Святым: *За то Бог истребит тебя до конца, исторгнет тебя...* (Пс. 51, 7). Он исторгнет тебя, и переселит от селения твоего, и лишит тебя земли живых. Слышишь? Таково воздаяние злопамятным. Итак, нам необходимо беречься от злопамятства, поскольку за ним следуют другие пороки: зависть, скорбь, оклеветание, зло которых смертоносно, даже если они кажутся незначительными. Ведь часто блуд, убийство, корыстолюбие – эти большие страсти – излечиваются спасительным лекарством покаяния. Но гордость, памятозлобие и злословие, кажущиеся малыми, убивают душу, вонзаясь, как шипы, в самые уязвимые части души. И убивают они душу не тем, что причиняют большие раны, а тем, что люди, по нерадению пренебрегающие злословием и другими подобными страстями, как ничего не значащими малыми погрешностями, не заботятся о том, чтобы от них избавиться, и мало-помалу ими снедаются. Воистину тяжел грех злословия, но для некоторых он является пищей и отдыхом. А ты не внимай пустым речам, как то заповедует Господь, и не слушай о чужих грехах, но береги душу свою от этого, ведь если ты внемлешь мерзкой нечистоте слов, то осквернишь душу свою и возненавидишь без всякой причины тех, кто с тобой общается. Когда твой слух осквернится осуждением злословов, ты не сможешь здраво рассуждать, но всех людей будешь считать скверными; так глаз, когда долго видит один и тот же цвет и привыкает к нему, потом уже не различает других цветов, но все видимое представляет в одном цвете. Поэтому надо беречь язык свой и слух, чтобы не осудить другого и не слушать страстно злословие, произносимое другими, ведь Давид говорит: *Тайно клеветничаю на ближнего своего – сего я изгонял* (Пс. 100, 5), и в другом месте: *Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих* (Пс. 16, 4). Речь идет не только о тех делах, какие сотворил человек, но и о тех, каких он не творил. Мы не только не должны верить тому, что говорят против других, но и не осуждать говорящих, и да будем делать и говорить так, как нам заповедует Священное Писание: *Я же, как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих* (Пс. 37, 14).

Мы не должны радоваться несчастьям других, даже если они и великие грешники, ведь некоторые, видя кого-нибудь наказываемым или ввергнутым в темницу, неразумно повторяют народную поговорку: «Что посеешь, то и пожнешь». Ты ли, монахиня, рассчитываешь наслаждаться всю свою жизнь? И как же согласовать это со словами Священного Писания, что *всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому* (Еккл. 9, 2)? В этой жизни мы все идем одним путем, и хотя живем по-разному, но и мы не избегаем несчастий. И как после этого радоваться несчастьям других? Нельзя ненавидеть своих врагов. Ведь Сам Господь нам заповедует: любите не только любящих вас, как делают мытари и грешники, но любите и врагов ваших (ср. Мф. 5, 44–46). Для того чтобы любить доброе, не требуется ни труда, ни усилия, поскольку оно естественно привлекает людей к люблению себя. Но чтобы уничтожить плохое, нужны и Божественное учение и многий труд, ведь Царство Небесное наследуют не ленивые и беззаботные, но прилагающие усилие. И как нам не должно ненавидеть своих врагов, так же мы

не должны избегать и унижать беспечных и ленивых. И хотя некоторые приводят пророческие слова: *С милостивым Ты поступаешь милостиво., а с лукавым – по лукавству его* (2 Цар. 22, 26–27) – и говорят: потому мы избегаем грешников, чтобы и нам не развратиться от них и не стать самим грешными, но они делают противоположное тому, что заповедует Дух Святой через пророка. Он не говорит, чтобы ты развратился от грешных, но чтобы ты исправил их развращенность, поскольку выражение «развратишься» означает, что ты обратишь развращенного к своим убеждениям, через общение приведешь его от зла к добру. Три вида расположения есть в людях: одни совершенно погрязли во зле, вторые – в среднем состоянии и склоняются и к добру и к злу, третьи вознеслись к великой добродетели и не только сами подвизаются в добре, но ищут любого случая, чтобы привести к добру и тех, кто совершенно погряз во зле.

Итак, если пребывающие во зле будут общаться с худшими себя, то и зло в них возрастет; средние стремятся избежать злых, поскольку боятся и сами сделаться злыми от общения с ними; третьи же, имея прочно утвердившееся в добре расположение, общаются со злыми с целью спасти их. И, хотя их презирают и высмеивают те, кто видит их общающимися со злыми и нерадивыми, они принимают эти поношения человеческие как похвалу и бесстрашно совершают дело Божие – спасение братий. О них и Господь говорит: радуйтесь и веселитесь, когда будут всячески несправедливо злословить вас люди (ср. Мф. 5, 11–12), и то, что они делают, есть дело Владыки Христа, ведь и Господь наш ел с мытарями и грешниками. Их расположение более братолюбиво, чем самолюбиво, поскольку они любят братьев своих более, чем самих себя. Как те, кто, видя горящими дома соседей, оставляет свои собственные дома и бежит, чтобы спасти соседские от огня, так и они, видя братьев своих грешащими, пренебрегают собой, терпят поношения от других и все переносят, чтобы спасти своих братьев. Средние же, когда видят брата, сжигаемого огнем греха, бегут, поскольку боятся, чтобы и их не пожег греховный пламень. А первые, как плохие соседи, когда видят своих братьев в огне, сильнее раздувают его, принося, как дрова, свое собственное зло, чтобы совершенно погубить их, и вместо того, чтобы залить водой греховный пламень, подбрасывают дрова, то есть дают им грешить еще больше. Но третьи, добрые люди, своему личному благу предпочитают спасение братий, что является свидетельством их истинной любви. И как пороки связаны один с другим (так, сребролюбию последуют зависть, обман, клятвопреступление, ярость, памятозлобие), так и добродетели, такие, как кротость, долготерпение, незлобие и нестяжательность, связаны с любовью, а потому нельзя стяжать любви, если не приобретешь прежде нестяжательности; ведь Бог заповедует нам любить всех людей, а не одного, и следовательно, нам нужно не презирать всех нуждающихся, но помогать им. А если мы даем не всем, но только некоторым, то теряем любовь, поскольку не всех любим. Но дать всем вдоволь невозможно для человека, ведь это дело Божие. Если же кто и говорит, что неимущий должен трудиться, чтобы стяжать чего-нибудь и из этого давать милостыню, то да знает такой, что это заповедано мирянам, а не монахам, поскольку благотворительность заповедана Богом не столько ради нищих, сколько ради стяжания любви теми, кто их милует, ведь Бог обеспечивает и богатого, и бедного. Но, может, ты на это скажешь, что благотворительность вовсе не нужна? Да не будет того! Но благотворительность становится началом любви для тех, кто и не знал, как ее стяжать. И как обрезание для необрезанных было образом обрезания сердца, так и благотворительность становится учителем любви. Для тех же, кому благодать Божией дарована любовь, благотворительность излишня. Я говорю это не для того, чтобы осудить благотворительность, но чтобы указать на чистоту нестяжательности, так чтобы меньшее добро – благотворительность – не стало препятствием к большему добру – нестяжательности, которая и есть любовь. Ты, монахиня, в короткий срок и с небольшим трудом достигла большого блага, поскольку все твое имущество сразу отдала нищим, подвизайся же достичь и большего – любви. Тебе надо произносить те свободные слова: *вот, мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19, 27), ты удостоилась подражать дерзновенным словам апостолов Петра и Иоанна, говоря: *серебра и золота нет у меня*

(Деян. 3,6). Два апостола сказали это, но вера у них была одинаковая. Но и благотворительность мирян не должна быть случайной, ведь Давид говорит: *елей же грешного да не помажет головы моей* (Пс. 140, 5), так что милующий должен иметь расположение, как у Авраама, и делать добро праведным путем. Вспомним: когда праведный Авраам принимал странников, то вместе с яствами он предложил к трапезе и свое расположение, и стоял и служил трапезующим сам, желая разделить и со своими рабами награду за гостеприимство. И воистину те, кто так принимает странников, получают награду за свое милосердие, хотя и принадлежат ко второму сонму; ведь Господь, сотворив вселенную, в ней создал два образа существования: тем, кто живет целомудренно, Он даровал брак ради деторождения; тем же, кто живет в чистоте, Он заповедал девство, чтобы они стали равноангельными. И женатым Он дал законы, и наказания – беззаконникам, а девственникам Он говорит: *Мне отмщение, Я воздам* (Рим. 12, 19). Женатым говорит: возделывай землю (ср. Быт. 3, 23), а монахам: *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 34). Тем Он дал закон, нам же, монахиням и монахам, явил Свои заповеди через благодать. Крест для нас есть орудие победы, поскольку наше звание и наш обет есть не что иное, как отречение от жизни и размышление о смерти. И как мертвые не могут ничего сделать своим телом, так и мы не должны ничего делать телом, ведь то, что мы должны были сделать телом, мы сделали, когда были неразумными детьми. Потому и апостол говорит: для меня мир распялся, и я для мира (ср. Гал. 6, 14). Мы живем только душой, и ей мы должны показывать добродетели, ей миловать, поскольку блаженны те, которые дают милостыню душой. Ведь Господь говорит, что тот, кто разжегся похотью на чужую красоту, не творя греха, грешит тайно в душе; подобно этому и тот, кто милует и жалеет нищего в душе, дает милостыню, поскольку его расположение исполняет действие, даже если и нет денег. Мы удостоились большей чести, чем миряне, ведь как мирские господа имеют разную прислугу, и одних посылают возделывать землю, других, лучших, удерживают дома, чтобы они им служили, так и Господь всех женатых направил в мир, а тех, кто лучше и имеет доброе расположение, оставил при Себе, чтобы Ему служили. Они чужды всему земному, поскольку удостоились есть с Господского стола, они не заботятся об одежде, поскольку облеклись во Христа, но над этими двумя сонмами властвует один Хозяин, Господь. Как из пшеницы получают и солома, и листья, и семена, так от Бога – и миряне, и монахи, и вместе они необходимы, ведь листья служат сохранению семян, а семена необходимы для посадки и будущего урожая. И как невозможно, чтобы были одновременно зрелы и листья и плоды, так же не сможем и мы принести какого-нибудь плода небесного, если печемся о мирском. И как если не опадут листья и не высохнет стебель, то колос не будет пригоден к жатве, так и мы, если не отбросим земные помыслы, как листья, если не иссушим тела наши, как стебли, и если не вознесемся мыслями к Богу, то не принесем семени, которое есть слово спасения.

Опасное дело учить прежде, чем пройдешь путем деятельной добродетели. Как тот, у кого обветшалый дом, если примет в него странников, только повредит им, когда дом рухнет, так и тот, кто не укрепил прочно своего душевного дома, не изучив на деле добродетели, погубит с собой и того, кого учит. Ведь такие люди словами руководят других ко спасению, но своими злодеяниями уводят от него, поскольку одно словесное учение подобно картине, написанной неустойчивыми красками, которые в короткое время бывают смыты дождевыми потоками и осыпаются от порывов ветра. Лишь учение, совмещенное с делом, не сможет изгладиться, поскольку опытное слово твердо печатлется в душе и сообщает слушателям постоянное и неизгладимое подобие Христа и Его добродетели. Так что и нам необходимо лечить душу не только внешне, но украсить ее со всех сторон, и особенно позаботиться об очищении ее внутренних глубин.

Постригли мы волосы на головах своих? Отвергнем же с ними и червей, кроющихся в головах, ведь они, оставаясь без волос, будут нас грызть еще больше: волосы головы, которые мы обрезаем, означают мирскую жизнь с ее почестями, деньгами, нарядными одеждами,

баниями, вкусными кушаньями – все это мы внешне отвергли. Но да отбросим и душегубительных червей: осуждение, сребролюбие, ложь, божбы и другие страсти, находящиеся в душе; они, пока были скрыты под волосами – под покровом мирских вещей, – были не видны, теперь же, обнажившись от мирской материи, они стали явны. Как в чистом доме, как только появится где-нибудь мышь или мелкая букашка – видно всем, так каждой монахине или монаху видны и самые мельчайшие прегрешения. У мирян же обитают, как в грязных сараях, большие и ядовитые змеи, и они не видны, поскольку покрыты множеством материи. Итак, мы должны очистить храмины наших душ и внимательно следить, чтобы не вползла ни одна душевредная букашка – страсть – в скрытые части души, а потому да будем оказывать наши сердца Божественным фимиамом молитвы, зная, что как едкие запахи прогоняют ядовитых зверей, так и молитва с постом выгоняет злые помыслы. Потому мы, монахини, должны следить за помыслами, к нам приходящими. Так делал тот благочестивый монах, который, сидя в своей келии, следил за помыслами и наблюдал, какой помысел пришел раньше, какой после, и на сколько каждый из них задержался в душе. Так же он следил и на следующий день, какие помыслы входят прежде, а какие потом, и через такое наблюдение он узнал определенно и благодать Божию, и собственное свое терпение, и силу и победу врага. Так да будем делать и мы, ведь если продавцы тленных вещей мира сего каждый день подсчитывают свой доход, и когда выручат больше, то радуются, когда же терпят убыток, то сетуют, тем более должны бодрствовать мы, покупающие истинное сокровище, и стремиться стяжать большие блага. Если же враг и немного у нас украдет, мы должны сетовать и осуждать себя, но не отчаиваться, ведь это падение произошло невольно, по причине искушения. У тебя девяносто девять овец? Верни и одну заблудшую, не бойся из-за той одной, которую потеряла, и не скрывайся от Владыки Господа, и не удаляйся от Него, чтобы кровопийца сатана не пленил все стадо трудов твоих и не уничтожил его через твое отчаяние. Итак, не оставляй чина своего из-за одной потерянной овцы, ведь Владыка наш благ; вспомни, как говорит Давид: *Когда он падет, не разобьется, ибо Господь подкрепляет руку его* (Пс. 36, 24).

Все, что мы сделали и приобрели в этом мире, мы должны считать малым в сравнении с вечным богатством будущей жизни, ведь мы в жизни сей находимся как бы в иной материнской утробе. Когда мы были в чреве матери, то не имели здешней жизни, не ели твердой пищи и не могли сделать того, что делаем теперь, тогда мы не видели ни солнца, ни какого-либо другого света. И как тогда, во утробе матери, мы были лишены многих благ мира сего, так и теперь, когда мы находимся в мире сем, мы лишены многих благ Царствия Небесного. Познав мирские вещи, будем стремиться насладиться небесными благами, видевав здесь этот чувственный свет, возжелаем узреть мысленное Солнце Правды, да будет нам горний Иерусалим отечеством и матерью, и да зовем Бога Отцом нашим; да будем жить здесь благоразумно и целомудренно, чтобы улучшить жизнь вечную. Как младенцы, находившиеся во чреве матери, когда становятся совершенными и рождаются, то от меньшей пищи и жизни, какую имели, возводятся к большей пище и к лучшей жизни, так же и праведные отходят от этой мирской жизни и восходят на небеса к лучшей жизни, как написано, *восходя от силы в силу* (Пс. 83, 8). Грешники же переходят от мрака мира сего в тьму адскую, как дети, умершие во чреве матери, ведь грешники уже здесь, на земле, мертвы от множества грехов, а когда умирают, то нисходят в мрачные темницы тартара. Мы трижды рождаемся в настоящей жизни: один раз – когда исходим из чрева матери, и от земли возвращаемся в землю; два других рождения нас возводят от земли к небу, и первое из них бывает по благодати Божией в святом крещении и называется пакирождением и возрождением, а третье – это то, которое бывает с нами через покаяние и подвиги добродетели; в нем мы теперь и находимся.

Мы, приблизившиеся к истинному Жениху Христу, должны украсить себя еще лучше. И если мирские невесты, которым предстоит иметь смертного мужа, стараются умыться и намаститься ароматами, используют разные украшения, чтобы понравиться своим мужьям, то

насколько более должны украситься мы, уневестившиеся Небесному Жениху, и измыться от греховной грязи посредством подвигов, и облечься в духовные одежды. Те украшают свои тела земными цветами, мы же да просветим души наши добродетелями и да возложим на главы наши венец, свитый из веры, надежды и любви; вместо драгоценных камней да украсим шею смиренномудрием, как дорогим ожерельем, и вместо пояса опояшемся целомудрием, и да носим нестяжательность, как светлые одежды, на трапезе же да предложим нетленную пищу, состоящую из молитв и псалмов. Но как заповедует апостол, да не двигаем только языком, но да разумеем и умом то, что произносим, ведь очень часто, когда молятся уста, сердце и ум помышляют о другом. Мы, пришедшие на Божественный брак, должны быть внимательными, чтобы нам не оказаться без светильников, то есть без добродетелей. Ведь нас возненавидит Жених наш Христос и вовсе не примет нас, если мы не сделаем того, что Ему пообещали. Какие же мы дали обещания? Чтобы заботиться менее о теле и более о душе и ее напоить. Невозможно вынуть сразу две полные кадки воды из колодца с колесом, поскольку колесо, вращаясь, опускает в колодец пустую кадку и поднимает полную, так невозможно одновременно заботиться о душе и о теле. Когда мы все попечение обращаем к душе и она, исполненная добродетелей, стремится ввысь, тело становится легким из-за подвигов и не отягчает душу земными попечениями. И об этом свидетельствует апостол, говоря: *если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). Если же ты находишься в общежительном монастыре, то не меняй места, иначе понесешь большой вред: как птица, оставляющая свои яйца, делает их холодными и неплодными, так и монахиня или монах, переходящие с места на место, становятся хладными и мертвыми по вере. Да не прельстит тебя изобилие богатств и разнообразие блюд в иных местах, как имеющие какое-нибудь значение. Те ценят кулинарное искусство, кто сам готовит приятные и вкусные кушанья. Ты же побеждай изобилие яств постом и простыми блюдами, ведь Соломон говорит: *Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко* (Притч. 27, 7). Не пресыщайся хлебом, и тогда не пожелаешь вина.

Три суть главные и первые виды зла, от которых происходит все остальное зло: похотение, удовольствие и скорбь, и они связаны друг с другом, и за одним следует другое. И победить наслаждение можно, но победить похотение нельзя, поскольку наслаждение совершается посредством тела, а похотение начинается в душе. Скорбь же происходит от обоих, и если ты не позволишь похотению действовать в тебе, то исторгнешь из себя и наслаждение и скорбь. Но если ты позволяешь похотению действовать, то оно приведет и наслаждение, а наслаждение – скорбь, и будут в тебе пребывать и одно, и другое, и третье, не позволяя твоей душе вернуться к бдительности.

Не всем полезно все, но каждый да руководится своим разумом. Одним полезно находиться в общежитии, другим же пребывать в одиночестве: как растения, одни лучше растут во влажных местах, а другие – в сухих, и как люди – одни чувствуют себя хорошо в горах, а другие – в низинах, так и каждый монах или монахиня да пребывают там, где полезней. Ведь многие, и находясь в городах, являли пустынножительство, проводили добродетельную жизнь и спаслись, а многие, находясь в горах, делали дела мирян и погибли. Поэтому возможно и среди многих сохранять в мыслях одиночество, и опять – тот, кто один, может в мыслях быть со многими.

Много сетей у диавола, и если он не сможет повредить бедностью, то посылает богатство, чтобы им прельстить и повредить человеку; и если не сможет повредить поношениями и укоризнами, то посылает похвалы и славу. И если он побежден здоровьем человека, то причиняет ему болезнь, ведь когда он не может повредить душе радостотворным, то старается повредить ей скорбным и болезненным. Он причиняет человеку тяжелые болезни, по попущению Божию, чтобы ввести его в малодушие и, таким образом, затмить его любовь к Богу. А потому ты, возлюбленный, когда сгорает тело твое от жара и ты чувствуешь невыносимую жажду, если ты

грешен и страдешь так, – вспомни вечные муки, и огонь негасимый, и мучения нестерпимые и не малодушествуй из-за временных страданий, но более радуйся тому, что тебя посетил Бог, и возблагодари Его, произнося хвалебные слова Давида: *научая наказал меня Господь, смерти же не предал меня* (Пс. 117, 18). Ведь болезнью ты очистишься от скверны греховной, как и железо очищается от ржавчины огнем. Если же ты праведен и болееешь, то знай, что ты этим преуспеешь от меньшего к большому добру, и если ты золото, то станешь только светлее от огня скорбей. Если тебе дан ангел сатанин в плоть, то ты сподобился быть подобным апостолу Павлу и должен радоваться. Если тебя мучает жар или дрожь, то тебя ждет утешение и упокоевание, как говорит Божественное Писание: *прошли мы чрез огонь и воду, и вывел нас в покой* (Пс. 65, 12). Ты улучил первое? Ожидай и второго. Если же ты и беден, и работаешь, и страдешь, то говори слова пророка: *я нищ и убог* (Пс. 39, 18), и через это ты станешь совершенным. Ведь псалмопевец говорит: *в скорби Ты давал мне простор* (Пс. 4, 2). Да подвигаемся больше таким образом, ведь мы видим врага, борющегося нас. Не будем печалиться, что по немощи тела не можем пребывать в молитве или гласно читать псалмы, поскольку и стояние, и пост, и лежание на земле, и любое другое ожесточение тела предпринимаются из-за скверных похотений и наслаждений: если болезнь их убила, то труд поста и другие подвиги излишни. Но что говорить – излишни? Губительные страсти исчезают от болезни, как от сильнейшего лекарства, и немощь является величайшим подвигом, и необходимо ее терпеть и славить, и благодарить Бога. Если мы лишились глаз, не будем унывать, ведь мы избавились от органов ненасытного похотения видимых вещей и видим духовными очами славу Господню. Если мы стали глухими, да благодарим Бога, ведь мы освободились от слышания тщеты. Если и парализованы наши руки по болезни, то наши внутренние руки души уготованы к борьбе с врагом; если болезнь возобладавала всем нашим телом, тем не менее, здоровье душевное возрастает все более.

Если мы находимся в общежитии, то да предпочтем послушание подвижничеству. Ведь подвиг часто производит гордость, а послушание – смирение. Чрезмерное подвижничество – от врага, поскольку слушающие учение диавола подвизаются сверх сил. И как нам отличить Божественный и царский подвиг от бесовского? Явно, что мы узнаем это по мерности. Во все время твоей жизни да будет у тебя одно правило поста. Не постись по четыре-пять дней, чтобы затем позволять себе множество яств, поскольку безмерность губительна. Не употребляй зараз все свои орудия, чтобы затем, во время брани, не оказаться нагим и не быть побежденным врагом. Наши собственные орудия – это наши тела, а душа есть воин. Итак, заботься об обоих по мере надобности; и когда ты юн и здоров, постись, ведь придет старость и немощь, а потому собирай себе впрок, сколько можешь, чтобы не нуждаться во время изнеможения твоего. Постись благоразумно и точно, чтобы тайно не пробрался враг в это делание и не похитил плоды его из-за твоей неразумности. Об этом, как я думаю, и говорит Господь: *будьте опытными менялами*³¹, – то есть точно знайте царскую монету; бывают и фальшивые монеты, и хотя материал их тот же, но они отличаются надписью и печатью. Золото, о котором я говорю, – это пост, воздержание, милостыня, но и эллины использовали эти добродетели, и еретики, ставя на это золото свою собственную печать; так что нам нужно быть внимательными и избегать того, что поддельно, чтобы не ошибиться по неопытности и не получить вред. Итак, нужно использовать только те монеты, на которых отпечатан Крест Христов вместе с Божественными добродетелями – правой верой и благопристойными делами.

Необходимо нам, монахиням, со всяким рассуждением управлять душами своими, и если мы находимся в общежительном монастыре, то да не ищем своей воли и не следуем собственному разуму, но подчинимся нашей духовной матери – игумении. Мы предали себя изгнанию, поскольку вышли из предела вещей мира сего, и да не ищем их опять. Там, в мире, мы были

³¹ Эти слова, не находящиеся в Евангелии, приводятся многими древними авторами, в частности Климентом Александрийским и Оригеном.

славимы, здесь да будем терпеть поношение; там имели множество яств, здесь да будет у нас недостаток и в хлебе; там, в мире, те, кто провинился, помещаются в темницы, и мы здесь да заключим сами себя добровольно ради грехов наших в темницу, чтобы избежать будущих мучений. Если постишься, то не разрешай поста под предлогом немощи, ведь и те, кто не постится, впадают в те же немощи. Начала творить добро? Не оставляй его из-за препятствий вражьих, но терпи, чтобы изгнать диавола своим терпением. Ведь и те, кто начинает путешествие, когда дует попутный ветер, расправляют паруса и плывут, а когда поворачивает противный ветер, они не тотчас опускают паруса, но или терпят, или борются с бурей и продолжают путь. Так и мы, когда приключится буря, да поднимем Крест, как паруса, и да продолжим безбоязненно путешествие».

Таковы были поучения, а вернее сказать, и дела блаженной Синклитикии. И многие другие дела и слова узнали мы от нее на пользу слышавшим и видевшим, которые так многочисленны, что все их и не перескажешь. Ненавистник добра диавол, не вынося такого обилия добра, был снедаем желанием затмить светлость ее подвигов. И наконец, по Божественному попущению, он восстал на сию мужественнейшую девственницу с такой силой, что не просто стал уязвлять ее тело, но, уязвляя, причинял ей сильную внутреннюю боль, которую не могли облегчить человеческие средства. И сперва он повредил ее легкие – нужнейший орган жизни. Немного спустя он излил свою злобу на преподобную через такие гибельные болезни, что они могли в короткое время вызвать смерть, но проклятый кровопийца злобствовал, продлевая болезни и увеличивая язвы. Он понемногу извел ее легкие, так что она выплевывала их наружу с кровью. Она страдала и от сильного жара, который иссушил все ее тело. Ей было восемьдесят лет, когда она перенесла страдания Иова, но за более короткий срок, и ей тяжелей было их переносить. Праведный Иов пробыл в язвах тридцать пять лет³², а преподобная страдала три с половиной года. И если Иова диавол начал мучить внешними ранами, то преподобную – изнутри, так что я думаю, что не столько страдали даже мужественные Христовы мученики, сколько приснопамятная Синклитикия, ведь диавол борол их извне, и хотя их мучили мечами и огнем, но это, может быть, было проще перенести, чем страдания преподобной. Враг мучил ее изнутри, через ее собственное тело, постепенно, понемногу он увеличивал температуру в ее внутренностях, сжигая ее на медленном огне, терзая ее непрерывно днем и ночью. Святая же переносила великодушно эти страдания, не колеблясь и не унывая, но борясь борющегося ее врага и душеполезными учениями врачую тех, кто был им уязвлен, так что она избавляла их души как бы из пасти льва. И многие сохранились неуязвленными, поскольку она указала им на ловушки врага и сделала их свободными от греха.

Блаженная говорила, что никогда не должны быть в нерадении те души, которые посвящены Богу, ведь когда они пребывают в уединении, враг скрежещет зубами, и, побежденный ими, сгущает, и немного отступает, но следит за ними, и, если они когда-нибудь вознерадят о чем-либо, он приходит и прельщает их как раз через то, о чем они и не беспокоились. И как невозможно, чтобы не было малых проблесков добра в злых людях, так и добрые имеют некоторые изъяны, и всегда в злых есть добрая часть, а в добрых – злая, и часто бывает так, что исполненный всякой скверной страстью человек при этом милосерден, а пребывающий в посте, целомудрии и подвижничестве находится и в осуждении, и в сребролюбии. Поэтому нельзя никому нерадеть и пренебрегать малым, как не могущим ему повредить, ведь и малая капля при постоянстве стачивает камень. Великие блага приходят к людям через Божественную благодать, а явные мелкие страсти мы научены бороться своими силами. Тот, кто сопротивляется большому злу благодатью Божией, но небрежет о малом, получит большой вред; ведь Господь наш, как истинный наш Отец, когда мы, Его духовные дети, начинаем ходить, дает нам Свою руку, чтобы нам не упасть, и, избавляя нас от великих искушений, оставляет нас в

³² Хотя святой Кирилл Александрийский и Олимпиодор высчитали из Священного Писания, что Иов страдал семь лет.

малых, чтобы и мы показали свое свободное произволение и ходили собственными ногами. Ведь тот, кто побеждается малым, как может уберечь себя от великого?

Ненавистник добра, видя, что опять преподобная ополчилась на него, был недоволен и уязвил органы речи святой, чтобы воспрепятствовать ей говорить на пользу сестрам и оставить их без слышания слова Божия. Но этим он доставил им большую пользу, поскольку, видя язвы преподобной, они укреплялись в добродетели, и телесные язвы преподобной исцеляли уязвленные души. Сатана же уязвил ее следующим образом: у святой заболел зуб, из-за него сразу загнила десна, зуб выпал, и гниение охватило всю челюсть, так что в сорок дней прогнила кость и через два месяца образовалась дыра и почернело все вокруг, а от всего тела стало исходить сильное зловоние, так что сестры, служившие преподобной, страдали от него более, чем она сама, и большую часть времени скрывались от нее, не перенося этого смрада. Когда же по необходимости им надо было подойти к преподобной, они зажигали множество ладана и так приближались, а послужив ей, тотчас уходили. Преподобная же Синклитикия явно видела борющегося ее врага, а потому не позволяла оказывать себе какую-либо человеческую врачебную помощь, чтобы и в этом показать свое мужество. Сестры просили разрешения помазать больные места елеем, но она не хотела, поскольку считала, что из-за этого может лишиться той славной борьбы, какую вела с врагом. Сестры послали за врачом, чтобы он убедил ее принять некоторые лекарства, но святая не соглашалась, говоря: «Зачем вы препятствуете мне в этой доброй борьбе, какую я веду с врагом? Почему вы смотрите на явное и не видите сокровенного? Что вы изучаете случившееся и не видите того, кто сделал это?» Врач ей сказал: «Мы не ищем твоего уврачевания или утешения, но только того, чтобы похоронить, как установлено, тот член, который отделился от остального твоего тела и прогнил, став мертвым, для того, чтобы не страдали от зловония те сестры, которые тебе служат. Ведь то, что делают мертвым, то и делаю я сейчас: я подливаю в вино алоэ, и смирну, и мирсину и наношу их на прогнивший член». Слыша это, преподобная последовала его совету и согласилась, поскольку служившие ей сестры были опечалены.

И кто не затрепещет, видя ее невыносимые язвы? Кто не получит духовной пользы, представляя терпение преподобной? И кто не укрепитя, разумея поражение, причиненное ею диаволу? Ведь он, мерзкий, уязвил святую в ту часть тела, откуда источался спасительный и сладчайший источник слов, и его чрезмерное зло превозмогло всю человеческую помощь; как кровожадное животное, набросился он на попавшуюся добычу. Но, желая ее поглотить, он сам был уловлен, как на крюк, немощью тела. Видя в преподобной слабую женщину, он пренебрег ею, как немощным сосудом, и не угадал в ней мужеского разума и твердости ее мысли. Три месяца провела преподобная в этой борьбе, укрепляемая Божественной силой, поскольку здесь любые естественные силы иссякли бы, ведь она ни есть не могла из-за сильного нагноения и зловония, ни спать – из-за невыносимой боли. И когда приблизился конец ее борьбы и победные венцы, она увидела Божественное видение: Ангелов, святых девственниц, которые убеждали ее вознестись на небеса, она видела и озарения Божественного света, и место райское, и это она рассказала сестрам, завещая им мужественно терпеть временные скорби и не малодушествовать. Она также сказала им, что через три дня разлучится с телом, и не только предсказала день, но и час своего отшествия.

И когда пришло время, блаженная Синклитикия отошла ко Господу, получив в награду за подвиги Царство Небесное, во славу и хваление Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и Святым Духом подобает слава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Жизнь блаженного Авраамия и племянницы его Марии Прп. Ефрем Сирин

Хочу вам, братия мои, рассказать прекрасную и совершенную жизнь чудного мужа, которую и начал и совершил он со славой. Но боюсь представить это чудное и ясное свидетельство, изображающее боголюбивую его добродетель. Ибо вот житие мужа прекрасно и совершенно; а я немощен и неучен. Изображение добродетели светло и чудно, а краски мрачны и страшны. Впрочем, хотя немощен я и неучен, однако ж буду говорить; хотя не постигаю вполне совершенства, однако ж, и не имея достаточных сил описать все, поведаю, что могу, о жизни второго Авраама, того самого, который был в наши времена, и на земле проводил житие ангельское и небесное, приобрел терпение подобное адаманту и сподобился пренебесной благодати, потому что в юности своей очистил себя, чтоб стать храмом Святого Духа, и уготовал из себя сосуд святой, чтоб вселился в нем призвавший его Бог.

Итак сей блаженный имел родителей весьма богатых. Они любили его не в меру для естества человеческого и с детства обручили, в ожидании возвести в чины. Но не так восхотел сам он; с юного же возраста проводил время в церквах, в сладость слушал Божественные Писания и усердно изучал их. Родители принуждали его вступить в брак; но не того хотелось ему. Однако же после многократных их требований согласился он на сие из великого к ним уважения. Но когда в седьмой день совершался брак и он с невестой сидел на брачном ложе, внезапно, подобно некоему свету, воссияла в сердце его благодать. Оставил он ложе и вышел из дому; свет благодати служил для него вождем; ему-то последуя, оставил он город, и в расстоянии двух миль нашедши пустую келию, вошел в нее и поселился в ней с великой радостью, и в веселии сердца своего прославлял Бога. Ужас объял родителей его и родных их после этого. Всюду ходили они и искали блаженного. По прошествии же семнадцати дней нашли его в келии молящимся Богу и, увидев его, удивились. Но блаженный сказал им: «Чему дивитесь? Прославьте лучше Бога, человеколюбца, избавившего меня из тины беззаконий моих, и помолитесь о мне, чтоб до конца носить мне иго, которое Господь сподобил меня недостойного принять на себя, и чтоб, пожив благоугодно Господу, исполнить на себе волю Его». И они сказали ему в ответ: «Аминь». А он умолял их не часто беспокоить его. И заградив дверь, заключился в келии, оставив одно небольшое окно, в которое принимал пищу.

Ум его озарился благодатью, и преуспевал он в совершеннейшем житии своем, приобрел великое воздержание, неусыпность и слезы, смиренномудрие и любовь. Молва о нем разнеслась повсюду, и все, слыша, приходили к нему видеть его и вместе получить от него пользу; потому что дано ему было слово премудрости и разумения. И этот слух и эта молва о нем была как бы светозарным светилом для родителей его. Скончались же родители его через десять лет по отречении его от мира, оставив ему имение и много золота. Но он упросил одного искреннего друга своего раздать это бедным и сиротам, чтоб самому не иметь препятствия к упражнению в молитвах; и сделав это, жил беспечально. Ибо о том было попечение у блаженного, чтоб ум его не связан был ничем дольным; и потому ничего не имел он у себя на земле, кроме одного хитона и власяницы, которые носил. Да еще была у него чашка, из которой вкушал пищу. Но при всем этом приобрел он крайнее смиренномудрие и равную ко всем любовь: богатого не предпочитал бедному, начальника – подчиненному, но всех равно уважал, не смотрел на лице человека, никому никогда не делал смелых выговоров, но слово его, при любви и кротости, растворено было солью. Ибо приходил ли кто когда в сытость от сладости слова его, слыша превосходный ответ его? Или мог ли кто когда достаточно насмотреться на почтенное и ангелоподобное лицо его? Но во все время своего подвижничества, со всяким усердием подвизавшись более пятидесяти лет, не изменял он правила; по безмерному усердию и по любви, какую

имел ко Христу, все сие время казалось ему как бы немногими днями, и вся подвижническая жизнь не удовлетворяла его.

В окрестностях города находилось весьма большое селение, в котором все жители, от малого до большого, были язычники. Никто не мог обратить их. И хотя тамошним епископом поставляемы были многие пресвитеры и диаконы, однако ж ни один не был в состоянии отвратить их от идольского безумия, но все удалялись без успеха, не имея сил переносить тесноту воздвигаемого на них гонения. Не раз и не дважды приходило к ним множество монахов, но и они не более успели в их обращении. В один же день епископ сидел с своим причтом и, вспомнив о блаженном, сказал бывшим при нем: «Не знаю подобного совершенного мужа, который бы в мое время для всякого благого дела столько же, как господин Авраамий, украшен был всеми добродетелями, какие любит Бог». Клирики сказали ему в ответ: «Действительно, Христов он раб и совершенный подвижник». Епископ же продолжал говорить им: «Намереваюсь рукоположить его в языческое селение; потому что терпением своим и любовью в состоянии он будет обратить жителей к Богу». И восстав немедленно, вместе с причтом приходит к Аврамию. Когда взошли и приветствовали его, епископ начал говорить ему о селении и просить его, чтоб шел туда. Авраамий, выслушав это, весьма опечалился и говорит епископу: «Позволь мне, отец, оплакивать беззакония свои; потому что не совершен и немощен я для такого дела». Епископ опять стал говорить ему: «Силен ты благодатью Христовой. Не поленись исполнить сие послушание». Блаженный говорил в ответ: «Умоляю твое преподобие, помилуй несовершенство мое и позволь мне оплакивать бедствия свои». Епископ говорит ему: «Вот, все ты оставил, возненавидел мир и все, что в мире, распял себя самого; однако же, все это совершив, не имеешь послушания». Услышав же это, Авраамий заплакал и сказал: «Кто я, мертвый пес, и что такое жизнь моя, что так подумал ты о мне?» Но епископ говорил ему: «Вот, сидя здесь, спасаешь ты себя одного; а там по благодати Божией многих можешь спасти и обратить к Богу. Посему разочти сам в себе, которая награда больше, та или эта, себя ли одного спасти или вместе с собой спасти и многих других?» Блаженный же продолжая плакать, сказал: «Воля Господня да будет! Но ради послушания иду». И выведя его из келии, епископ взял с собой в город и, рукоположив его, отослал с радостью в сопровождении причта. Блаженный же дорогой молился Богу, говоря: «Видишь немощь мою, Человеколюбивый и Благий, и пошли благодать Твою и помощь мне, чтоб прославлялось имя Твое святое».

Придя в селение, увидел он, что жители одержимы безумием и до лосужения, и воздохнув заплакал. Возведши же очи свои на небо, сказал: «Ты, единый милосердый, единый человеколюбивый, не презри дела рук Твоих!» И с поспешностью послал в город к искреннему другу своему, чтоб выслал ему остатки имения. Получив же это, в несколько дней построил церковь и принес в ней молитву Богу, со многими слезами взывая и говоря: «Господи, собери рассеянных людей Твоих, и введи их в сей храм Твой, и просвети очи ума их к познанию Тебя единого истинного Бога». И совершив молитву, вышел из церкви, и, вступив в языческий храм, ниспроверг мерзости, и жертвенники их разорил. Жители, увидев это, как дикие звери бросились на него и бичами выгнали его из селения. Но он воротился и пришел на свое место и, войдя в церковь, с плачем и сетованием молил о них Бога, чтоб спаслись. Когда же наступило утро, жители, придя, нашли его молящегося и ужаснулись от изумления. Каждый день приходили они в церковь не молиться, но смотреть на красоту здания и на украшения в оном. Блаженный начал умолять их, чтоб познали истинного Бога; а они били его палками, как бездушный камень и, подумав, что уже умер, оставили почти полумертвого и удалились. В полночь пришел он в себя и, крепко воздохнув, заплакал и сказал: «Почему, Владыка, презрел Ты смирение мое? Почему отвращаешь от меня лице Свое? Почему отвергаешь душу мою и оставляешь без внимания дела рук Своих? Ныне, человеколюбивый Владыка, воззри на рабов Твоих и дай им познать Тебя, потому что нет Бога, кроме Тебя». По молитве он встал, пошел в селение, взошел в церковь, стал и начал петь. По наступлении дня жители снова пришли,

увидели его, поражены были ужасом и, предавшись неистовству, эти жестокие, бесчеловечные, не имеющие никакой жалости люди стали немилосердно мучить его и, наложив опять на него веревку, извлекли из селения, как и в предшествовавший день.

Но все это терпя, как адамант, до трех лет пребывал Авраамий в этих великих скорбях и нуждах, был бит, оскорбляем, влачим, притесняем, переносил голод и жажду. И при всем, что ни было с ним, не возненавидел он жителей, не имел на них негодования, но исполнялся к ним большей и большей любовью, и своею скромностью утишал гнев их, пылавший подобно горящему костру.

Когда ругались они над ним, он, умоляя, увещевая, лаская, упрашивал старцев как отцев, молодых как братьев, детей как чад.

В один день все жители селения, от малого до большого, собравшись вместе, с удивлением начали говорить друг другу: «Видите терпение этого человека и несказанную привязанность его к нам; среди такого множества скорбей и бедствий, какие причиняли мы ему, не ушел он отсюда, никому из нас не сказал худого слова, не возненавидел нас, но с великой радостью переносил все это. Если бы не был с ним живой Бог, как говорит он, если бы не было и царства, и рая, и суда, и воздаяния, то не стал бы он просто терпеть от нас все это. Да и как один он сокрушил всех богов, они же не могли сделать ему никакого зла? Подлинно Божий он слуга и все им сказанное Божественно и истинно. Пойдем же, уверуем в проповедуемого им Бога». И сказав это, все единодушно устремились к нему в церковь, взывая и говоря: «Слава пренебесному Богу, пославшему раба Своего, чтоб, освободив от заблуждения, спасти нас!»

Блаженный, увидев их, возрадовался великой радостью, и лицо его процвело, как прекрасный цветок. Отверз он уста свои и говорил им: «Благословенны вы, отцы, братия и чада, пришедшие во имя Господне! Приступите, и единогласно воздадим славу Богу, Который просветил очи сердца вашего к познанию Его. Примите на себя печать жизни, чтоб очиститься вам от идольской нечистоты, и всей душой уверуйте, что есть

Бог, Творец неба и земли, и всего, что существует на них, Бог безначальный, непостижимый, неисповедимый, неместимый, неизменяемый, нескончаемый, светоподатель, человеколюбец, великий и чудный, страшный и могущественный, милостивый и благий. Уверуйте и в Сына Его Единородного, Который есть сила и премудрость Отчая, сияние славы Отчей, и Которым все сотворено. Уверуйте и в Святого Его Духа, единосущного и соцарственного Ему в беспредельные и нескончаемые веки, все животворящего. И уверовав, улучите вечную жизнь». Все сказали ему в ответ: «Да, отец наш и путеводитель жизни нашей, так и да будет, как говоришь и учишь нас, так и веруем, так и славим». И блаженный, приступив, всех их, от малого до большого, числом до тысячи душ, крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа. Каждый же день неопустительно читал им Божественные Писания, уча их и говоря им о Царстве Небесном, о вере и оправдании, о воскресении мертвых и о Страшном суде. Как добрая и хорошо возделанная земля, приняв в себя семя, приносит прекрасный плод, частью во сто, частью в шестьдесят, а частью в тридцать крат, так и они с великой готовностью принимали слово его, с приятностью слушая учение; и как Ангел Божий был он перед ними. И как связями держится прочное и прекрасное здание, так любовью и горячностью привязана была к нему всякая душа, и ум их просвещался утешением веры и учения его.

Целый год, по уверовании их, пробыл с ними блаженный, непрестанно день и ночь уча их слову Божию. Потом же, увидев усердие их к Богу и твердость в вере, а также и к себе любовь, попечительность, честь и славу и убоявшись, чтоб не нарушить для них своего подвижнического правила и чтоб ум его не стал некоторым образом связан попечением о земном, ночью встал и начал молиться Богу, говоря: «Единый безгрешный, единый святой, во святых почивающий, единый человеколюбивый и милосердый Владыка, из тьмы призвавший сих людей Твоих, и утвердивший их в чудном Твоем свете ведения, разрешивший их от уз сопротивника, обративший от заблуждения и давший им веру в Тебя, до конца, Владыка, сохрани их, засту-

пись, Господи, за сие стадо Твое, которое приобрел Ты человеколюбием Своим, и осени их всемогущей Твоей благодатью, и всегда просвещай сердца их, чтоб, совершив угодное Тебе, сподобились они вечной жизни. Но помоги и мне немощному и не вмени в осуждение мне дела сего, потому что Тебя вожду и к Тебе стремлюсь!» И совершив молитву, пошел, трижды запечатлел селение крестным знаменем, и тайно удалился в другое место.

По наступлении утра жители по обычаю своему пришли и стали искать его и, не нашедши, пришли в ужас; потому что как заблудшие овцы ходили и искали своего пастыря, со страхом и плачем призывая имя его. Когда же, искав всюду, не нашли его, тогда сильно опечалились и не медля пошли к епископу и донесли ему о случившемся. Он, выслушав и ощутив великую скорбь, послал прилежно искать блаженного, особливо по причине слез и в утешение паствы его. Но, как драгоценный камень, везде его искали и нигде не нашли; и по безуспешном возвращении посланных, епископ, со всем причтом прибыв в селение, утешил жителей словом жизни, и из них самих поставил пресвитеров, и диаконов, и чтецов; потому что все были утверждены в вере и в любви Христовой.

А блаженный, услышав о прибытии и о поставлении причта, весьма обрадовался и, прославив Бога, сказал: «Чем Тебе, благий мой Владыка, воздам за все Тобой мне возданное? Поклонюсь Тебе и прославляю спасительное Твое домостроительство!» И таким образом помолившись и радуясь, приходит он в прежнюю свою келию.

Сделал же он малую келию вне прежней и сам затворился во внутренней келии, с великой радостью и весельем сердца своего заградив дверь. Жители селения, услышав о сем и прибыв к блаженному Аврамию, возрадовались великой радостью, что нашли его, истинного путевода жизни, и стали ходить к нему, как к отцу, поучаемые и просвещаемые, кроме слова, и житием его, и весьма великой для себя милостью признавали видеть его и слышать от него слова спасения.

Какое чудо, возлюбленные! Сей блаженный, вполне достойный похвалы и славы, среди стольких скорбей, какие терпел он в селении, не изменил своего подвижнического правила, не уклонился от него ни вправо, ни влево. Слава и велелепие Господу Богу нашему, Который дал ему такое терпение!

Посему исконный ненавистник добра и человеконенавидец сатана, видя, что и столькими скорбями, какие воздвигал на него в селении, не мог прогнать его, или ввергнуть в нерадение, или отвратить ум его от намерения, а напротив того, блаженный, как золото в горниле, несравненно более просиявал и прославлялся, и, терпением, великой любовью к Богу и усердием преуспевая, соделывался спасительным образцом для большего и большего числа людей. Это видя, ненавистник добра сильно рассвирепел на блаженного Аврамя и со множеством мечтаний приходит к нему, чтоб устроить его и ввести в обман.

В полночь, когда Аврамя стоял и пел псалмы, внезапно облистал его свет яснее солнечного, и голос как бы многих говорит ему: «Блажен ты, господин Аврамя, подлинно блажен, потому что никто не оказался равным тебе по всем заслугам твоим, и никто, подобно тебе, не исполнил всей воли моей, посему блажен ты». Но блаженный тотчас уразумел лесь лукавого и, возвысив голос свой, сказал: «Тьма твоя с тобой да идет в погибель, потому что исполнен ты лести и обмана, а я человек грешный, но имея благодать Бога моего и упование на Него и помощь Его, не боюсь тебя, не пугают меня многие мечты твои. Для меня твердая стена – имя Господа моего и Спасителя Иисуса Христа, Которого возлюбил я. И Его-то именем запрещаю тебе, нечистый и преокаянный пес». И едва сказал это, в ту же минуту враг, как дым, стал невидим. А блаженный с великим усердием, без всякого смущения, как будто не выдав никаких мечтаний, стал благословлять Бога.

Опять через несколько дней, когда блаженный молился ночью, сатана, держа топор, начал ломать келью его и, по-видимому прорубив ее, вскричал сильным голосом, говоря: «Спешите, друзья мои, спешите; войдем скорее и задушим его». Блаженный же сказал ему: *Все народы*

окружили меня, но именем Господним я воспротивился им (Пс. 117, 10). И враг тотчас стал невидим, а келия была невредима.

И еще через несколько дней, поя псалмы в полночь, видит, что рогожка его, на которой стоя пел, горит весьма сильным пламенем, и, затоптав пламень, сказал: «На аспида и василиска наступлю и попру льва и змия (см. Пс. 90, 13) и всю силу вражью именем Господа нашего Иисуса Христа, помогающего мне». Сатана же, предавшись бегству, вскричал и сказал: «Одолею тебя, злонравный, и отыщу способы наказать тебя за пренебрежение твое».

В один же день, когда блаженный по обычаю вкушал пищу, враг взошел в его келию в образе юноши и приближался к нему с намерением опрокинуть его чашку, но он догадался и удержал ее, а сам продолжал вкушать пищу, не заботясь о коварстве его. Юноша, отскочив, стал перед блаженным, и, поставив светильник с горящей на нем свечей, громогласно начал петь псалом, и говорить: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118, 1). Так произнес он большую часть псалма, но блаженный не отвечал ему, пока не употребил всей своей пищи. По вкушении же запечатлел себя крестным знаменем и сказал юноше: «Если знаешь ты, нечистый и преокаянный, бесчувственный и боязливый пес, что блаженны они, то для чего же тревожишь их?»

Но и действительно блаженны все любящие Бога от всего сердца своего». Дьявол же сказал ему в ответ: «Чтоб преодолеть их, препятствую им во всяком добром деле». Но блаженный продолжал: «Не удастся тебе, проклятый, воспрепятствовать какому-либо из боящихся Бога; одолеваєшь же ты подобных себе, по собственному изволению отступивших от Бога. Их побеждаешь и вводишь в заблуждение, потому что нет в них Бога. От любящих же Бога исчезаешь ты, как дым от ветра; одна слезная молитва их так же гонит тебя прочь, как прах размывается вихрем. Жив Бог мой благословенный вовеки – сия похвала моя! – не боюсь тебя, хотя прстоишь весь свой век, и не позабочусь о тебе, нечистый пес, но так же точно пренебрегаю тобой, как пренебрег бы иной раздавленным щенком». Когда же блаженный сказал это, враг тотчас стал невидим.

И опять, по прошествии многих дней, когда оканчивал блаженный псалмопение, приходит враг со множеством привидений. Они, по-видимому, накидывают веревки на келию и, повлекши ее, кричат друг другу, говоря: «Бросьте его в бездну». Но блаженный, окинув их взором, сказал: *Окружили меня, как пчелы сот, и разгорелись, как огонь в терниях, но именем Господним я воспротивился им* (Пс. 117, 12). И сатана, вскричав, сказал: «Увы, увy мне! Не знаю, что с тобой делать? Ибо вот во всем одолел ты меня, пренебрег всей моей силой и потоптал меня. Но и в таком случае не отстану от тебя, пока не одолею и не смирю тебя». Блаженный же сказал ему: «Анафема тебе и всей силе твоей, нечистый! Слава и поклонение нашему Владыке, единому святому Богу, Который соделал то, что мы, любящие Его, попираем тебя! Итак знай, жалкий и немощный, что не боимся мы ни тебя, ни мечтаний твоих».

Долгое время различными искушениями, мечтаниями и неистовыми нападениями стараясь побороть блаженного, дьявол не мог привести в робость ум его, но тем паче возбуждал его к усердию и к любви Божией. Поскольку, всей душой своей возлюбив Бога, Авракий старался жить по воле Его и сподобился благодати Его, то дьявол не в силах был повредить блаженному. С терпением ударял блаженный в двери, чтоб отверзлось ему сокровище Божией благодати. И как скоро отверзлось оно, вошедши, выбрал он три драгоценных камня: веру, надежду, любовь, и ими украсил прочие добродетели, и, сплетя многоценный венец, принес оный Царю царствующих, Христу. Ибо кто подобно Авракию возлюбил Бога всем сердцем и ближнего, как себя самого? Кто был столько же сострадателен и сердоболен? О каком монахе, услышав о добром его житии, не молился он, чтоб сохранен был от сети дьявольской, и течение свое совершил неукоризненно? Или, о каком услышав грешнике или нечестивце, не начал он тотчас со слезами умолять о нем Бога, чтоб спасся он? Во все же продолжение своего подвига не изменял он подвижнического правила; и в то же время не проходило у него дня без

слез. Не позволял он устам своим смеха и даже улыбки, не умащал тела своего елеем, не мыл водой лица своего или ног. Так подвизался он, ежедневно умирая произволением. И подлинно необычайное чудо! При дивном своем воздержании, при великой неусыпности, при обильном излиянии слез, возлежаниях на голой земле и смирении тела никогда не ослабевал он в деятельности, не приходил в изнеможение, не ленился, не унывал, а напротив того, ум его, питаемый силой благодати, подобно алчущему и жаждущему человеку, не мог насытиться сладостью подвига. Вид у него был как цветущая роза, и в теле его не было приметно, что перенесено им столько подвигов, но сложение его оставалось соразмерным силе его, потому что благодать Божия укрепляла блаженного, почему и во время успения его лице его было светло и давало нам знать, что душа его в сопровождении ангельском. Но и еще чудная благодать Божия явилась на нем: в пятьдесят лет его подвига одна власяница, в которую облекся он, постоянно служила ему, да еще и другие сподобились носить ее обветшавшую после него.

Но необычайное дело, совершенное им в старости своей, намерен я рассказать вашему единому сердцу, возлюбленные! Для людей смысленных и духовных оно подлинно необычайно, исполнено пользы и умиления. Дело же сие таково.

Блаженный имел у себя единственного брата, по смерти которого осталась сирота девица. Знакомые ее, взяв ее, привели к дяде ее, когда было ей семь лет от роду. А он велел ей жить во внешней келии, ибо сам затворился во внутренней келии. Между ними было окно, в которое учил ее Псалтири и прочим Писаниям. С ним проводила она время во бдении и псалмопении; и как он соблюдал воздержание, так соблюдала и она. Усердно же преуспевая в подвижничестве, старалась совершить все добродетели. Ибо блаженный многократно умолял о ней Бога, чтоб к Нему устремлен был ум ее и не связывался попечением о земном. Потому что отец ее оставил ей большое имение, а он велел немедленно раздать оное нищим. И сама она ежедневно умоляла дядю своего, говоря: «Прошу, отец, святость твою и умоляю преподобие твое помолиться о мне, чтоб избавиться мне от непристойных и лукавых помыслов, и от всех козней врага, и от разных сетей диавольских». И так усердно подвизалась она, соблюдая подвижническое свое правило, а блаженный радовался, видя прекрасное ее житие, и усердие, и кротость, и любовь к Богу. Провела же она с ним в подвиге двадцать лет, как прекрасная агница и нескверная голубица.

Но по окончании двадцатого года хитрый на обманы змий, видя, как окриляется она добродетелями монашеской жизни и вся занята небесным, истаявал сожигаемый самым сильным огнем и строил козни, чтоб уловить ее в сеть, и хотя через это ввергнуть блаженного в печаль и заботу, и беспокойством о ней отвлечь ум его от Бога. И как палимый завистью к прародителям, этот мудрый по злобе зверь сыскал змия в орудие обольщения, чтоб водворенных в блаженстве соделать обитателями многотрудной и терния произрастающей земли, так и теперь усмотрел и нашел сосуд, уготованный в погибель.

Был некто носивший на себе имя монаха, он весьма тщательно хаживал к блаженному под видом беседы с ним. Увидев же в окно блаженную деву и омрачившись умом, несчастный пожелал беседовать с ней. И долгое время, около года, подстерегал ее, пока не нашел случая и не лишил ее блаженного пребывания в этом подлинно истинном раю. Ибо обольщенная уже змием отворила она дверь келии и вышла, по обольщению лукавого змия, утратив величие боголюбезного и чистого девства.

И как у прародителей, вкусивших плода, отверзлись очи и узнали они, что были наги, так и она по совершении греха ужаснулась умом, пришла в отчаяние, растерзала волосяной свой хитон, била себя по лицу и хотела задушить себя. Ибо с плачем говорила сама себе: «Умерла я теперь, погубила дни свои, погубила плод своего подвига и воздержания, погубила слезный труд, прогневала Бога; сама себя убила, преподобного дядю своего ввергнула в самую горькую печаль и стала посмешищем диаволу. К чему же еще после этого жить мне несчастной? Увы, что я сделала? Увы, чему подверглась? Увы, откуда ниспала? Как омрачился ум мой? Как

далась я в обман лукавому? Как пала, не понимаю; как поползнула, не могу постигнуть; как осквернилась, не знаю. Какое облако покрыло у меня сердце, и не увидела я, что делаю? Где укрыться мне? Куда уйти? В какую бездну свергнуть себя? Где наставления преподобного дяди моего? Где уроки друга его, Ефрема, когда говорил мне: будь внимательна к себе и соблюдай душу свою нескверной нетленному и бессмертному Жениху, потому что Жених твой свят и ревнив? Не смею более взирать на небо, потому что умерла я для Бога и для людей; не могу более обращать взор на это окно. Ибо как я, грешница, заговорю опять с этим святым мужем? А если и заговорю, то не выйдет ли из окна огонь и не пожжет ли меня? Гораздо лучше мне уйти туда, где никто не знает меня, потому что нет уже мне надежды на спасение».

Встав, немедленно ушла она в другой город и, переменяв одежду свою, остановилась в гостинице. Когда же приключилось это с ней, преподобный в сонном видении видит великого, страшного видом и сильно шипящего змия, который, вышедши из места своего, дополз до его келии, и нашедши голубку, пожрал ее и потом возвратился опять в место свое. Пробудившись же от сна, блаженный весьма опечалился и стал плакать, говоря: «Ужели сатана воздвигает гонение на Святую Церковь и многих отвратит от веры? Ужели в Церкви Божией произойдет раскол и ересь?» И помолившись Богу, сказал: «Человеколюбивый Предведец, Ты один знаешь, что значит великое сие видение». Через два дня опять видит, что змий этот выходит из места своего, входит к нему в келию, кладет голову свою к ногам блаженного и расседается, а голубка та оказалась живой, не имеющей на себе скверны. И вдруг, пробудившись от сна, раз и два позвал он Марию, говоря: «Встань; что заленилась ныне уже два дня отверзть уста свои на славословие Богу?» Поскольку же не дала она ответа, и второй уже день не слышал он, чтоб пела псалмы по обычаю, то понял тогда, что видение, которое было ему, касалось Марии, и воздохнув, громко заплакал и сказал: «Увы! Злой волк похитил агницу мою, и чадо мое попало в плен». Возвысив же голос свой, сказал еще: «Спаситель мира, Христе, возврати агницу Твою Марию в ограду жизни, чтоб старость моя не сошла с печалью во ад. Не презри моления моего, Господи, но пошли благодать Твою вскоре, чтоб исторгла ее из пасти змия».

Два дня, в которые было ему видение, означали два года, которые племянница его провела вне. И он ночь и день не переставал умолять о ней Бога. Через два года дошел до него слух, где она и как живет, и, призвав одного знакомого, послал туда в точности осведомиться о ней, заметить место и как проводит жизнь. Посланный пошел, узнал все в подробности, видел ее лично и, возвратившись, известил о сем блаженного, описав ему все, и место и поведение.

Блаженный, уверившись, что это точно она, велел принести себе воинскую одежду и привести коня. И отворив дверь келии, вышел, надев на себя воинскую одежду и на голову высокий клобук, закрывавший ему лицо, взял также с собой одну монету и, сев на коня, отправился в путь. Как подосланный высмотреть город или страну, чтоб утаиться от жителей, носит на себе одеяние живущих там, так и блаженный Авраамий путешествовал в чужом одеянии, чтоб преодолеть врага. И подлинно достоин удивления этот чудный второй Авраам! Ибо как тот, выйдя на брань с царями и поразив их, возвратил племянника своего Лота, так и сей второй Авраам, выйдя на брань с диаволом и победив его, возвратил свою племянницу.

Итак, прибыв на место, входит в гостиницу, останавливается в ней и смотрит туда и сюда, чтоб увидеть Марию. Потом, когда прошло довольно времени, а он еще не видал ее, с улыбкой говорит содержателю гостиницы: «Слышал я, друг, что есть у тебя прекрасная девица, с удовольствием бы посмотрел на нее». Содержатель, видя седину его и преклонные годы, осудил его, потом сказал в ответ: «Есть, и весьма красива». Мария же была необыкновенно прекрасна. Блаженный спросил его: «Как имя ей?» Тот отвечает ему: «Мария». Тогда со светлым лицом говорит ему: «Позови ее, чтоб сегодня повеселиться мне с ней, потому что по слухам весьма полюбил я ее». Позванная Мария пришла к нему, и как скоро Авраамий увидел ее в этом наряде и в образе блудницы, едва все тело его и весь состав его не обратились в слезы, но любомудрием

и воздержанием скрепил он себя в сердце своем, как недоступной твердыне, чтобы Мария не догадалась и не убежала прочь.

Когда же сидели они и пили, блаженный начал разговаривать с ней как человек, пламенеющий к ней неугасимым огнем любви. Так мужественно подвизался сей блаженный против диавола, и взяв пленницу, возвратил ее в брачный Христов чертог! Когда же блаженный разговаривал с ней, она, встав и обняв, целовала шею его. Лобызая же его, обоняла от кожи его ангельское житие его, и тотчас вспомнила о своем подвижничестве, и воздохнув сказала: «Горе мне одной!» Содержатель гостиницы с удивлением сказал ей: «Два года живешь уже здесь, госпожа Мария, и никогда не слыхал я твоего вздоха или подобного слова. Что же теперь с тобой сделалось?» Она отвечала: «О, если бы умереть мне за три года! Тогда была бы я блаженна». И тотчас блаженный, чтоб не подать о себе подозрения, строго говорит ей: «При мне теперь стала вспоминать грехи свои!» Однако ж не сказала она в сердце своем: вид его представляется мне точно как вид дяди моего. Единый человеколюбивый и премудрый Бог так устроил сие, чтоб не узнала она его и, убоявшись, не убежала прочь. Авраамий же, вынув тотчас монету, отдает ее содержателю гостиницы и говорит ему: «Изготовь нам прекрасный ужин; мы повеселимся сегодня с этой девицей, потому что издалека шел я для нее». Вот мудрость в подлинном смысле по Богу! Вот духовное разумение! Какая хитрая уловка против диавола! Какое пожертвование за душу! Какая мудрость, губящая змия, просвещающая душу! Кто в продолжение пятидесятилетнего подвига не вкушал хлеба, тот ест мясо, чтоб спасти душу, уловленную диаволом. Сонм святых Ангелов на небе удивился этому равнодушию, лучше же сказать, великодушию блаженного, удивился тому, с какой готовностью и неразборчивостью ел и пил он, повторяя в себе сказанное в Евангелии: днесь надобно радоваться и веселиться, что дочь моя сия была мертва и ожила, пропадала и нашлась (ср. Лк. 15, 32). О, мудрость премудрых и разумение разумных! О достойное удивления и чудное, превышающее собой всякую строгую разборчивость, равнодушие, которым спас душу, исхитив ее из ядоносных зубов змия! Когда насладились они ужином, девица сказала: «Встанем, господин, и пойдем спать». Он отвечал: «Пойдем». И вошли они в опочивальню.

Блаженный видит высокопостланное ложе, и с готовностью входит и садится на нем. Не знаю, как наречь или как проименовать тебя, совершенный Христов человек! Назвать ли тебя воздержным или равнодушным? Мудрым или безумным? Разборчивым или неразборчивым? В пятидесятилетнее время своего подвижничества спав на одной рогоже, с какой готовностью воссел ты на постель? Все это сделал ты во славу Христову и в похвалу драгоценного пред Богом жития твоего. Так он пошел один, ел мясо, пил вино, остановился в гостинице, чтоб спасти погибшую душу. А мы малодушные приходим в неблагоприятную разборчивость, когда нужно только сказать ближнему полезное слово.

И так сидел он на ложе, Мария же говорила ему: «Дай, господин, сниму с тебя обувь». Но блаженный сказал ей: «Запри дверь, и тогда приходи, и возьми это». Она усиливалась сперва разуть его, а он не позволял сего. Тогда заперла она дверь и пришла к нему, и говорит ей блаженный: «Подойди ко мне ближе, госпожа моя Мария». И когда подошла она ближе, Авраамий удержал ее, чтоб не могла убежать от него; снял клобук с головы своей и, заливаясь слезами, стал говорить ей: «Не узнаешь ли меня, чадо мое Мария? Не я ли отец твой Авраамий? Не узнаешь ли меня, чадо мое? Не я ли воспитал тебя? Что с тобой сделалось, чадо мое? Где ангельский образ, какой имела ты на себе, чадо мое? Где слезы? Где бдение, соединенное с болезнованием души и сокрушенного сердца? Где возлежание на голой земле и частое колелопреклонение? Как с высоты небесной ниспала ты в бездну погибели? Почему не объявила ты мне, что буря адская окружала тебя? Вместе с Ефремом возопил бы и я к Могущему спасти от смерти. Для чего, совершенно отчаявшись, предала ты себя диаволу? Для чего оставила и ввела меня в нестерпимую печаль? Кто из людей, чадо мое, безгрешен, кроме единого Бога?» Она же, приведенная в ужас, оцепенела, не могла поднять вверх лица своего, и изумленная,

подобно камню, оставалась в руках его, преодолеваемая стыдом и страхом. А блаженный продолжал со слезами говорить ей: «Не отвечаешь ты мне, чадо мое Мария? Не для тебя ли с болезнью пришел я сюда, чадо мое? На мне грех твой, чадо. Я буду отвечать за тебя Богу в день судный. Я принесу покаяние за этот грех твой». Так до полночи умолял и уговаривал ее. Она же, осмелившись несколько, проговорила ему так: «От стыда не могу обратиться к тебе лица своего. Как призову пречистое имя Христа моего? Осквернена я нечистотой». Блаженный говорит ей: «На мне грех твой, чадо мое; у меня с рук потребует Бог за этот грех твой; выслушай только меня; пойдем, воротимся в место свое. Ибо вот и возлюбленный наш Ефрем плачет о тебе и умоляет за тебя Бога. Умоляю тебя, чадо; помилуй старость мою, сжался над сединами моими. Прошу тебя, чадо мое возлюбленное; встань, следуй за мной». И она сказала ему: «Если примет Бог покаяние мое, то иду, но к тебе припадаю и твое преподобие умоляю, твои святые следы лобызаю, потому что так умилился ты надо мной и пришел сюда извлечь меня из сети диавольской». И положив голову свою у ног его, проплакала она всю ночь, говоря: «Чем воздам тебе, государь, за все это?» Когда же настало утро, говорит ей блаженный: «Встань, чадо мое, уйдем отсюда». Она говорила ему в ответ: «У меня есть здесь немного золота и платья; что прикажешь об этом?» Блаженный говорил ей: «Оставь это здесь; ибо все это – часть лукавого». И встав, немедленно вышли. Ее посадил он на коня, а сам радуясь шел впереди ее. И как пастух, когда отыщет погибшую овцу, берет ее на плечи свои (см. Лк. 15, 4–6), так и блаженный шел с радостным сердцем. И когда пришли на место, ее затворил во внутренней келии, а сам пребывал во внешней. Она же в рубище, со смирением и многими слезами, во бдении и воздержании, неуклонно и усердно достигла цели покаяния небаянно припадая к Богу и моля Его.

Таково в подлинном смысле истинное покаяние, действительное врачевание и обновление души. С таким подвигом и всякому должно исповедываться Богу. Ибо у кого было такое каменное и жестокое сердце, чтоб, услышав глас плача ее, не пришел в сокрушение и не прославил Бога? В сравнении с ее покаянием наше покаяние – одна тень и призрак. С таким терпением и тщанием и борением сердца непрестанно приступала она к Богу, прося знамения в удостоверение, принято ли ее покаяние. Почему благий и человеколюбивый Бог дал ей дарование исцелений в несомненный знак, что покаяние ее благоприятно Богу.

Блаженный же прожил еще десять лет, видел ее искреннее покаяние и отличное усердие, прославил и возвеличил за это Бога. И, таким образом, почил в старости доброй сей истинно преподобный муж и Божий раб. Скончался он семидесяти лет, а подвизался пятьдесят лет с великим усердием. И ведя чудную борьбу, обогатился смирением и любовью, не смотрел, как делают обыкновенно многие, на лицо человеческое, и как одного не предпочитал, так другого не унижал. И в такое продолжительное время подвижничества вовсе никогда не предавался лени, не изменял правила совершеннейшей жизни, но в таком был расположении духа, как бы умирал ежедневно.

Так вел себя блаженный Авраамий, таково было его богоугоднейшее житие, и таковы подвиги терпения. Как серна из сетей, вышел он из тленного сего чертога. Никак не позволял твердому и адамантовому своему рассудку выходить из себя и обращаться вспять. Среди искушений, какие воздвигнуты были на него врагом в селении, не имело к нему доступа беззащитное уныние, и среди беспрестанной брани никогда не приходил он в робость от бесовских мечтаний. И этот подвиг касательно блаженной Марии совершил так, что духовной мудростью и несказанным благоразумием своей, по людскому мнению, простоты, в существе же дела, благоискусной тонкости, поправ змия, исхитил из зубов его вожденную свою голубицу и представил ее истинному Жениху Иисусу Христу. Таковы подвиги и труды блаженного Авраамия. И здесь описали мы их в утешение и удовлетворение желанию тех, которые помышляют улучшить вечную жизнь к похвале и славе Бога, подающего всем нам полезное; а прочие его добродетели опишем при других случаях.

Во время же кончины его собрались весь почти город и окрестные селения, и каждый из приходивших, со тщанием приближаясь к его честному и святому телу, от одежд его брал себе что-нибудь на благословение, и если к одержимому какой бы то ни было болезнью приближал взятое им, тотчас сообщал тем исцеление.

Блаженная же Мария жила еще пять лет, подвизаясь сверх меры, и со слезами день и ночь не переставала умолять Бога, так что проходящие тем местом днем и ночью, слыша вопль ее, неоднократно останавливались с состраданием, сами начинали плакать и, приводя себе на память собственные грехи свои, умоляли и прославляли Бога. А в час кончины лицо ее смотревшим на нее казалось осияваемым благодатью, как будто мы видели тогда благоволительное и славное присутствие святых Ангелов, и прославляли Бога, по неизреченному человеколюбию спасающего надеющихся на Него о Христе Иисусе Господе нашем.

Увы мне, возлюбленные мои! Святые сии имели прекрасную кончину, дерзновенно отторглись от земного и связали себя любовью к Богу, а я не готовый и не имею усердия в произволении. И вот застигла меня нескончаемая зима, а я наг и ничем не запасся, дивлюсь сам на себя, почему ежедневно грешу и ежедневно каюсь; в один час созидаю, а в другой разоряю; с вечера говорю: «Завтра покаюсь», а с наступлением утра приходит на меня лень и провожу день в рассеянии. Опять в полдень говорю: «В следующую ночь буду трезвиться и со слезами умолять Бога, чтоб милостив был ко грехам моим». А пришла ночь, погружаюсь в сон. Со мной вместе получившие сребреники подвизаются день и ночь, и со славой домогаются начальства над десятью городами, а я по недеятельности своей скрыл сребреники в землю. Господь же мой скоро придет; и вот трепещет сердце мое, целые дни оплакиваю лень свою, ничего не имея в оправдание свое перед Ним.

Ущедри меня, единый Безгрешный; спаси меня, единый Человеколюбивый, ибо не знаю иного и не веровал в иного, кроме Тебя, благословенного Отца, и едиnorodного Твоего Сына, для нас воплотившегося, и Святого Твоего Духа, все животворящего. И ныне помяни меня, Владыка, и изведи из темницы беззаконий моих. Ибо от Тебя, Владыка, зависит то и другое, и когда войти нам в этот век, и когда переселиться из него. Помяни меня безответного и спаси меня грешного. Благодать твоя, которая в веке сем была моей защитой, моим прибежищем, моей похвалой и славой, сама да покроет меня крылами своими в оный страшный и трепетный день, ибо знаешь Ты, испытующий сердца и утробы, что уклонился я от многих стезей стропотных и от многих соблазнов (стропотными же называю стези еретических мудрований и принужденное толкование), уклонился же не сам по себе, но по благодати Твоей, потому что Ты просвещал ум мой. Молю Тебя, Святой Владыка, спаси душу мою в Царстве Твоем и сподоби меня благословлять Тебя со всеми благоугодившими Тебе, потому что Тебе подобает слава, поклонение, величие – Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа. Прп. Иоанн Дамаскин

Душеполезная повесть о жизни Варлаама и Иоасафа, принесенная из страны внутренней Эфиопии, называемой Индией, во святой град (т. е. Иерусалим) Иоанном Дамаскиным – мужем честным и добродетельным, иноком монастыря св. Саввы³³

Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии, – говорит святой апостол (Рим. 8,14). Быть удостоенным Духа Святого, сделаться сыном Божиим есть высочайшая из целей каждого человека. Стяжавший Святого Духа познает все, как говорит Священное Писание. Такого чрезвычайного блаженства и высочайшего из стремлений удостоились достигнуть святые от мира сего через подвижничество в добродетелях. Одни мученической борьбой, которую они вели с грехом до последней капли крови, достигли совершенства; другие, ведя аскетическую жизнь, вступили на этот трудный путь и добровольно сделались мучениками. Подвиги и успехи как тех, которые страданием достигли блаженства, так и тех, которые своими трудами старались в своих действиях быть подобными Ангелам, Божественные апостолы и блаженные отцы велели христианскому обществу записывать как образец добродетели для следующих поколений, заповедав делать это для спасения нашего человеческого рода. Ибо путь к добродетели труден и тернист, в особенности для тех, которые, не очистив еще своей души перед Богом, будучи обуреваемы страстями, считают себя совершенными. Мы нуждаемся во многом, поощряющем к добродетели: частью в напоминаниях, частью в жизнеописаниях людей, заслуживающих в этом отношении доверия. Чтение таких жизнеописаний помогает нам переносить испытания и заставляет нас не пренебрегать приготовлением себя ко встрече с терниями этого пути. Так, если бы кто-нибудь стал уговаривать и поощрять даже склонных вступить на эту полную трудностей дорогу, то он достиг бы одним своим увещанием меньше, чем если бы при этом он представил примеры многих, прошедших уже этот путь и в конце концов доблестно преодолевших его трудности. Этим способом он скорее убедил бы каждого и самому испытывать его. Вследствие чего и я, придерживаясь сего правила, считаю, что следует поступать не так, как раб, который, взяв от господина талант, зарыл его в землю и таким образом скрыл без употребления данное для оборота, но ни в каком случае не умолчу о душеполезном сообщении, которое мне передали богобоязненные люди о жителях внутренней Эфиопии, известных под именем индусов, узнав это из верных источников.

Страна индусов, о которой идет речь, обширная и многолюдная, окружена океаном и морями, удобными для кораблей в части, обращенной к Египту, на материк же граничит с Персидским государством.

В ней издревле господствовал мрак идолопоклонства; она была страной в высшей степени варварской; ее беззакония выходили из ряда других. Когда же Единородный Сын Божии, сущий в недре Отчем, не перенося порабощения грехом существ одного с Ним образа, явился нам, чуждый греха и, не покидая престола Отца Своего, воплотился ради нас от Девы, чтобы мы стали причастны неба и отступили от прародительского греха, а освободившись от него, обрели бы прежнее усыновление; когда Он, совершив свое дело воплощения, принял крестное страдание и смерть и соединил так необыкновенно земное с небесным, потом восстал из мертвых, со славой вознесь на небо и сел одесную величия Отца на небесах, тогда Он послал видевшим Его и принявшим Его учение, как обещал, в утешители Духа Святого в виде огненных языков и затем отправил их ко всем народам просветить светом Евангелия погруженных

³³ Из книги «Точное изложение православной веры».

во мраке невежества и крестить их во имя Отца и Сына, и Святого Духа. И когда одни из них получили в удел восточные, другие – западные страны; одни пошли на юг, другие – на север; тогда св. Фома, один из двенадцати учеников Христа, был послан в страну индусов, чтобы возвестить им спасительное учение. При содействии Всевышнего, подтверждавшего его слова знамениями, мрак идолопоклонства был рассеян, и жители той страны, оставив жертвоприношения идолам и тому подобную мерзость, приняли непреложную веру. Просвещенные святым апостолом, они через крещение обрели Христа. Число верующих постоянно увеличивалось в стране, жители ее преуспевали в истинной вере, строя повсеместно церкви. Когда же и в Египте стали возникать монастыри, начали собираться общества монахов, то слава о их жизни в подражании Ангелам распространилась за пределы обитаемой ими земли, достигла страны индусов и вызвала здесь подобное соревнование. Многие из них, оставив все, поселились в пустынях и, будучи в тленном теле, применились к образу жизни бесплотных. Когда, таким образом, дело Христианства находилось в хорошем положении и, как говорят, многие возносились на небо на золотых крыльях, то в той же стране отличался один царь, по имени Авенир. Богатый и могущественный своими победами над противниками, страшный на войнах, славившийся великим ростом и красотой лица и гордившийся этими мирскими тленными преимуществами, он вместе с тем обладал крайне скудными душевными силами, был подвержен многим порокам, увлекаясь языческими суевериями. Живя в неге, роскоши и наслаждениях жизненными удовольствиями, не зная никаких препятствий для исполнения своих желаний и капризов, Авенир встретил одну только преграду своему веселию, погружавшую его душу в заботы: он был бездетен. Мечтой его было назваться отцом детей, что и для многих составляет предмет первых желаний. Таков был царь, таковы были его помышления.

Славный же род христианский и монашеские общины, ни во что не ставя угрозы царя, продолжали свое служение Христу, успевая более, чем это можно выразить словами. Они искали только того, что могло содействовать их угождению Богу, так что многие из принявших монашеский чин одинаково презирали все земные наслаждения, и одна только была для них важность: религия и жажда умереть за Христа для достижения вечного блаженства. Христиане проповедовали спасительное имя Божие без всякого страха или малодушия. Сам Христос говорил их устами. Они ясно представляли всем непрочность и кратковременность настоящего, прочность и вечность будущей жизни. Многие, отведав всю сладость этого учения, стали выходить из мрака обмана и присоединяться к свету истины, так что даже некоторые из знатных людей и сенаторов отдалялись от жизненной суеты и становились монахами. Царь же Авенир, о котором мы говорим, услышав это, ужасно рассердился и в избытке гнева тотчас издал постановление о том, чтобы принуждать всех христиан отречься от своей веры. Он придумывал для них разного рода пытки, применял их на деле, угрожал новыми видами казней, посылал своим вельможам и правителям областей предписания наказывать набожных христиан и, будучи ожесточен, приказал несправедливо казнить всех избранных монахов. Таким образом, он, не объявляя войны христианам, непримиримо повел ее против них. Тогда многие из верующих колебались: некоторые, не будучи в состоянии вынести мук, покорялись его незаконному приказанию.

Одни из представителей монашеских общин приняли мученическую кончину и достигли вечного блаженства. Другие же скрывались в пустыни и горах, не от страха перед угрозами пыток, но по внушению Божию.

Удивительный святой подвиг знатного человека

В то время, когда верующие отовсюду изгонялись из земли индусов, защитники же язычества усиливались; самый воздух постоянно осквернялся запахом крови и тука постоянно сожигаемых жертвенных животных, один царский сатрап³⁴, отличавшийся от других благородством души, величием и благочестием, вообще, бывший совершеннее других и по благородству души, и по красоте тела, услышав об этом нечестивом приказании, отказался от суетной, стяжанной на земле славы и роскоши и присоединился к монашествующим. Удалившись в пустынные места, он постами, бдением и изучением Священного Писания освободил свою душу от страстей, освятив ее отсутствием их.

Тогда царь, любя и очень уважая его, услышав это, весьма огорчился потерей друга и воспламенился еще большей ненавистью к монашеству. Он послал во все стороны разыскивать его, велел, как передают, ни одного камня не оставить на месте. После продолжительного времени отправленные на розыски, узнав, что он живет в пустыни, нашли его, схватили и представили перед троном царя. Увидев его в бедном и грубом рубище, его, одетого когда-то в богатые одежды, отказавшегося от былой роскоши и удобств, бедствующим, измученным суровой жизнью в подвижничестве и носящим явные признаки этой пустынной жизни, Авенир в одно время исполнился и печали, и гнева. Тонем, звучащим тем и другим, сказал ему: «О, безумец! О, сумасшедший! Чего ради променял ты почести на позор и блестящую славу на этот жалкий вид? Архисатрап, представитель моего государства и моей славы, ты сделал себя посмешищем для детей; ты предал совершенному забвению не только нашу дружбу и близость наших отношений, но пошел и против природы: не сжалился над детьми, не придал никакого значения богатству и общеизвестности, сделав предпочтение такому бесславию. Какая цель, какая тебе польза от того, что ты почтил так называемого Иисуса выше всех богов и людей и это жалкое скитание предпочел неге и наслаждению приятнейшей жизнью?»

Выслушав это, Божий человек ответил Авениру приятным, спокойным, ровным голосом: «Царь, если ты хочешь потребовать с меня отчет, то удали врагов из своего судилища, тогда я дам тебе ответ на все, о чем ты ни пожелаешь узнать, в их же присутствии я не стану говорить с тобой ничего, и ты казни меня без ответа, накажи меня, делай, что тебе угодно, ибо *для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6,14)».

Тогда царь спросил: «Каких это врагов ты велишь мне удалить?»

«Гнев и страсти, – говорит блаженный. – Сначала они были даны нам Создателем в полезные деятели нашей природы. Это назначение они сохраняют и теперь у живущих не плотской, но духовной жизнью. Для вас же, которые всецело живете плотью без всякой духовной жизни, они сделались врагами. Ибо если в вас действует страсть, то вы ищете удовольствий, если же они прекращаются, то влекут за собой гнев. Оставь на сегодня это. Пусть рассудок и справедливость выступят вперед, когда ты будешь судить мои речи. Поэтому если ты оставишь гнев и страсти и на место их выступят рассудок и справедливость, то я откровенно скажу тебе все».

Авенир сказал: «Я уступаю твоей просьбе, удаляю гнев и страсти и выдвину вперед рассудок и справедливость. Говори же вперед безбоязненно со мной, откуда у тебя это заблуждение – предпочитать пустые надежды очевидному, осязательному?» На это пустынный ответил: «Царь, если ты желаешь знать начало всего того, что заставило меня пренебречь временным и всецело предаться надеждам на вечное, то выслушай меня: в давнопрошедшие дни, будучи еще совершенно молодым, я услышал одно прекрасное, спасительное изречение, значение которого засело в самую глубину моего существа, как будто какое-нибудь Божественное семя; память о нем сохранилась навсегда неотлучно в моем сердце, так что это семя пустило в нем ростки и

³⁴ Начальник области или губернатор.

корень, и ты видишь, какие плоды принесло во мне. Значение этого изречения было приблизительно следующее: безумные имеют обыкновение пренебрегать действительным, смотреть на него как на недействительное, а недействительное любить и домогаться как действительного. Не отведавший сладости действительного не может иметь верного понятия о недействительном. Если же он не знает его, то как ему презирать его? Действительным называется вечное, неизменное, недействительным – здешняя земная жизнь, роскошь и ложное счастье, к которым, увы, и твое, царь, сердце приковано. Значение изречения непрестанно беспокоило мою душу и побудило моего руководителя – ум – к избранию лучшего. Однако заблуждение, имевшее, тем не менее, власть надо мной, вело борьбу с силой моего рассудка и делало для меня жизнь в окружавшей меня обстановке настоящей пыткой. Оно держало меня как бы своим пленником, подобно железным оковам в тюрьме. Когда доброжелательность к нам Бога Спасителя нашего соблаговолила избавить меня от этого тяжелого пленения, дала силу моему уму победить силу заблуждения и открыла мне глаза, дабы я мог отличать добро от зла, тогда я понял, что все окружающее нас – суета, томление духа, как выразился премудрый Соломон в одной из своих книг (ср. Еккл. 1, 14), понял преимущество духовной жизни. С моего сердца спало покрывало моего неведения и рассеялся мрак души моей, в который погружали ее телесные страсти. Я познал то, для чего я родился, познал, что исполнением заповедей Божиих мне должно сделаться достойным перед Создателем. И вот с тех пор, оставив все, я последовал Его воле и благодарю Бога, что через ходатайство Господа нашего Иисуса Христа Он избавил меня от этой тины, от этого ужасного, гибельного мрака, господствующего в сем мире, и указал мне краткий, легкий путь, которым я могу повести образ жизни Ангелов. Отыскав поспешно этот путь, я избрал себе дорогу тесную и трудную, оставив совершенно суету здешней жизни, ее общество и временное богатство; и никто не заставит меня назвать что-либо прекрасным в сравнении с тем, что действительно прекрасно, от которого ты, царь, отторгнут и далек. Поэтому и мы далеки от тебя, вследствие того, что ты и себя ввергаешь в очевидное и явное беззаконие, и нас заставляешь подвергаться подобной опасности. Пока мы испытывались только в борьбе с мирским, мы никогда ни в чем не отступали от своих обязанностей, и ты сам подтвердишь, что нас нельзя было обвинить ни в легкомыслии, ни в небрежном исполнении своих обязанностей. Когда же ты настоял на том, чтобы лишить нас венца всего прекрасного и этим нанести Богу столь ужасное оскорбление; когда ты напоминаешь о почестях, честолюбии, то я могу вполне справедливо сказать, что ты не имеешь понятия о прекрасном, ставя на одну ступень благочестие в отношении Бога с людской любовью к славе, проходящей с быстротой весенних вод и цветов. Как мы можем поддерживать ее, а не напротив, отрицать и дружбу, и любовь, и почтение со стороны детей, и другое (если только есть что-нибудь выше этого), видя, как ты оскорбляешь имя Божие, дающее тебе и жизнь, и дыхание; как ты оскорбляешь Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи всемогущ, вечен, как и Отец, утвердил словом небо и землю, сотворил человека, удостоил его бессмертия и поставил царем земных существ, устроив ему жилищем прекраснейший рай. Когда же человек, обманутый завистью диавола и, увы, увлеченный удовольствием, лишился всего этого и, прежде достойный зависти, он, вследствие своих бедствий, стал достойным сострадания и слез, тогда наш Творец, наш Создатель сжалился над ним – Своим творением. Не переставая быть Богом, чем был всегда, Он сделался Человеком, приняв все человеческое, кроме греха, и Своим добровольным страданием и крестной смертью сокрушил диавола, позавидовавшего нашему роду человеческому. Спасши нас от тяжкого пленения, Он возвратил нам, по Своему милосердию, прежнюю свободу. Лишившись ее через свое непослушание, мы получили ее опять благодаря Его любви к людям и даже были удостоены Им еще большей чести. Ты же, отвергнув пострадавшего так ради нас Господа, удостоившего нас таких благ, издеваясь над Его Крестом, предавшись всецело гибельным страстям и позорно провозглашая богами постыдных идолов, не только удалил себя от небесных благ, но, удаляя от них всех, повинующихся твоим приказанием, ты и

их души подвергнул опасности. Так знай, что я не послушаюсь тебя и не возьму с тебя пример в такой неблагодарности к Богу, если ты даже отдашь меня на съедение диким зверям или велишь убить или сжечь, что в твоей власти. Я не боюсь смерти и не дорожу земными благами, призирая их суетность и немощь. Что полезного, прочного и постоянного во всем земном? Да и не только одно это: сколько оно доставляет несчастья, горя, сколько бесконечных забот!

Со всякой земной радостью и наслаждениями соединена печаль и сокрушение; земное богатство – нищета; земная высота – крайнее унижение. Но кто пересчитает все его зло? На это наш богослов указал немногими словами: *весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19). *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его; а исполняющий волю Божию, пребывает во век* (1 Ин. 2, 15–17). Отыскивая это добро, я оставил все и присоединился к имеющим то же желание и почитающим Того же Бога, между которыми нет ни спора, ни зависти, ни горя, ни забот, но все идут одним путем. Цель их – занять места, уготованные Отцом для любящих Его. В них я приобрел родителей, братьев, родственников, друзей; своих же прежних друзей и братьев я избегал; поселился в пустынь, ожидая Бога, Который бы спас меня от малодушия и бурных страстей».

Когда Божий человек все это высказал, царь дрожал от гнева и хотел было тотчас же жестоко оскорбить святого, но не решился и отложил выполнение своего намерения, боясь его известности и знатности. Взвесив все это, он сказал: «Несчастный! Обсудив свою погибель, гонимый к ней, по-видимому, самой судьбой, ты наострил свой ум и язык сообразно с этим и наговорил здесь такого неясного вздора, свойственного безумному, что если бы я в начале твоей речи не обещал тебе не гневаться, то предал бы теперь твое тело огню. Но так как ты обезопасил себя, предупредив меня, то я теперь сношу твою дерзость ради моей прежней дружбы с тобой. Теперь же уходи с моих глаз и впредь мне не попадайся, если не хочешь своей гибели».

Тогда Божий человек оставил царя и удалился в пустыню. Печалась о том, что не пострадал за веру, и мучаясь каждый день этим сознанием, он вел борьбу с властью, господствующей над мраком мира сего, с духом зла, как выражается апостол Павел.

После свидания со своим бывшим другом царь стал еще более ненавидеть монашеские общества и воздвигать на них гонения, стал еще более оказывать почести ревнителям языческой веры и служителям идолов.

Рождение св. Иоасафа

Когда царь находился в таком неведении и заблуждении, у него рождается дитя столь прекрасное, как будто это было дитя блеска и великолепия, окружающего его. Ибо говорили, что никогда еще в этой земле не появлялось столь прекрасного дитяти. Исполнившись большой радости по случаю рождения сына, Авенир назвал его Иоасафом и бессмысленно отправился в идольские храмы, чтобы принести жертвы богам, еще более бессмысленным, чем он сам, и воздать им благодарственные гимны, не ведая, Кто истинный виновник всех его благ, Которому следовало бы принести духовную жертву. Царь, приписывая причину рождения сына безжизненным и бесчувственным существам, разослал во все стороны указы собрать множество народа на празднование рождения дитяти. И можно было видеть множество людей, стекающихся на этот праздник, побуждаемых и страхом перед царем, и благоговением перед ним. Каждый приносил с собой в изобилии все, нужное для жертвоприношения. Более же всего подстрекал их к этому стечению царь, задавая в них чувство удовольствия, так как он велел для этого празднества заколоть самых больших и лучших быков. Совершив, таким образом, всенародно праздник, он всех одарил подарками: сенаторов, вельмож, свое войско и даже незнатных и незаслуженных. На это-то самое празднество, по случаю рождения царского сына, пришли к царю мужи, числом до пятидесяти, изучившие халдейскую астрологию. Приблизившись к ним, царь спрашивал каждого из них, какова будет судьба новорожденного его сына. Они после продолжительного обдумывания сказали, что он будет жить в большом богатстве и могуществе и превзойдет всех предшествовавших ему царей. Но один из астрологов, самый лучший, сказал: «Судя по тому, что нужно заключить из течения звезд, успех твоего новорожденного сына будет не в твоём царстве, но в другом, лучшем и бесспорно превосходящем. По моему мнению, он примет преследуемую тобой христианскую веру, и я думаю, что не ошибаюсь в своём предположении и ожидании».

Астролог говорил это так же, как говорил некогда Валаам³⁵: не астрология говорила истину, но Бог через противников объявлял правду. Царь, выслушав это известие, очень опечалился; его радостное настроение исчезло под гнетом горя. Он поместил своего новорожденного сына в прекрасный дворец, нарочно выстроенный в городе. Когда сын вышел из детских лет, царь не велел допускать к нему никого, назначил для него воспитателями и служителями молодых и самых красивых людей, наказав им скрывать от него все бедствия жизни: смерть, старость, болезнь, бедность и все другое, что могло бы нарушить его радостное настроение; напротив, раскрыть перед ним всякие удовольствия и наслаждения, чтобы его ум, увлекаясь этим, не мог бы рассуждать о будущем, чтобы он ни слова не слышал о жизни или учении и делах Христа, и последнее наказывал скрывать больше всего, принимая во внимание предсказание астролога. Если случится, что кто-нибудь из прислужников заболеет, то он приказал, чтобы его тотчас же удаляли оттуда, а вместо него ставили другого, здорового и хороших качеств, чтобы царевич не видел ничего, выходящего из ряда обыкновенного.

Так рассуждал царь, так он и сделал; смотря, он не видел, слыша, не понимал. Узнав, что некоторые из монашествующих, и след которых, по его мнению, простыл, остались в живых, он исполнился гнева, послал глашатаев по всему городу и по всей стране кричать, чтобы по прошествии трех дней не было ни одного монаха в его стране. Если же по прошествии означенного времени будет кто-нибудь из них найден, то будет сожжен или убит. Монахи, говорил он, убеждают народ обратиться к распятому Богу.

В это время случилось нечто такое, что огорчило и еще более раздражило царя против монахов. Один знатный вельможа безукоризненной жизни, занимавший видное место в госу-

³⁵ Ср. Чис. 22–24.

дарстве, исповедовавший истинную веру и заботившийся о спасении своей души, скрывал это из страха перед царем. Некоторые из близких к царю людей, завидуя почестям, оказываемым этому вельможе царем, думали о том, как бы оклеветать его перед ним. Однажды когда царь вышел на охоту со своими царедворцами, то в числе их был и этот добродетельный муж. Гуляя наедине (я думаю, что это случилось по Божественному устройению), он нашел в чаще человека, лежащего на земле, у которого нога была сильно повреждена диким зверем. Увидев проходящего вельможу, он просил его не пройти мимо, но сжалиться над его немощью и отвести в свой дом, прибавляя, что он не будет для него совершенно бесполезен и непригоден. Благочестивый вельможа сказал ему: «Я возьму тебя и окажу тебе помощь, насколько это в моих силах. Но что это за польза, которую, как ты говоришь, принесешь мне?» – «Я, – говорит раненый, – исправитель слов, именно: если как-нибудь в разговоре будет что-либо испорчено неосторожными словами, то я забочусь о том, чтобы зло не пошло дальше».

Благочестивый муж не придавал никакого значения этим словам, однако велел отвести его в свой дом и окружить нужным попечением. Завистники же, о которых сказано раньше, не скрывая более своего нерасположения к означенному вельможе, оклеветали его перед царем, говоря, что он, забыв царское к себе расположение, не только оставил служение своим богам и принял Христианство, но и злоумышляет против всего царства, подстрекая чернь и располагая к себе всех. «И если ты, – говорили они, – желаешь убедиться в истинности наших слов, то призови его к себе и, испытывая его, скажи ему, что ты хочешь, оставив отцовскую веру и царское достоинство, сделаться христианином и облачиться в монашескую одежду, которую ты прежде преследовал как зло».

Оговаривая благочестивого мужа перед царем, они знали его уязвимое место; враги знали, что если он услышит такие слова от царя, то посоветует ему не оставлять такого прекрасного решения, и они, таким образом, окажутся справедливыми. Царь, зная привязанность к себе этого мужа, считал их слова невероятными и ложными, но рассудил, что во всяком случае не следует оставлять это дело неисследованным. Призвав к себе вельможу, он говорит ему наедине, испытывая его:

«Ты знаешь, друг, сколько зла я причинил так называемым монахам и христианам. Теперь я раскаялся в этом и, презрев все земное, хочу жить их надеждами, ибо я слышал, что они говорили о каком-то бессмертном царстве, которое будет в другой жизни, а земной жизни смерть положит конец. Я думаю, что не иначе достигну чего-нибудь, как только принявши Христианство и расставшись со славой своего царствования и прочими жизненными удовольствиями и наслаждениями и присоединившись к монахам и аскетам, которых я несправедливо изгонял, где бы они ни были. Что ты скажешь на это? Какой совет дал ты мне? Говори только искренно, так как я знаю, что ты самый правдивый и рассудительный человек».

На это благочестивый муж, умилившись сердцем и обливаясь слезами, не подозревая скрытой хитрости царя, сказал:

«Царь, живи до скончания века, ибо ты возымел прекрасное, спасительное намерение, хотя и трудно достигнуть Царствия Небесного, однако надо добиваться этого всеми силами. Ищущий его найдет. Наслаждение жизненными благами хотя, по-видимому, улаждает и увеселяет, но прекрасно отказаться от него, ибо в нем самом нет наслаждения, и кому оно доставляет удовольствие, того семикратно, в свою очередь, огорчает.

И блага земной жизни, и огорчения ее бледнее тени, и след их подобен следу плавающего корабля или следу птицы, летающей по воздуху, а надежда на будущее, которую проповедуют христиане, прочна и непоколебима; печаль она доставляет в этом мире, а радость в будущем. Наши земные удовольствия здесь недолговременны, а в жизни будущей будут только причиной наказания, которое никогда не прекратится. Жизнь доставляет временные удовольствия, но вечное горе. Поэтому да будет приведено в исполнение царское намерение, ибо прекрасно, весьма прекрасно променять тленное на вечное».

Выслушав это, царь очень разгневался, однако он скрыл свой гнев и не сказал пока ничего благочестивому мужу. Но этот, будучи умным и сообразительным, заметил, что его слова огорчили царя и что он с хитростью испытывал его. Возвратившись домой, вельможа беспокоился и печалился, не зная, каким образом войти в прежнее расположение царя и избежать близкой опасности.

Проведши целую ночь без сна, он вдруг вспомнил о человеке с поврежденной ногой и, велев привести его к себе, сказал: «Я помню, что ты назвал себя исправителем слов». Этот же говорит: «Если ты нуждаешься, то я на деле покажу свое искусство».

Тогда вельможа выставил перед ним прежнее к себе расположение и близость царя, происшедший недавно разговор, который царь завел с ним с хитростью, и то, как он советовал царю лучшее, и что за это царь рассердился на него, и что он заметил по изменившемуся лицу скрытый в нем гнев.

На это спрошенный, подумав, сказал: «Да будет тебе известно, славнейший, что царь имеет о тебе дурное мнение, что ты-де хочешь овладеть его царством, и действительно он вел с тобой разговор с целью испытания. Так вот, ты обрежь свои волосы, сними эти блестящие одежды и, одевшись в шерстяное рубище, с рассветом отправляйся к царю. Когда же он спросит тебя, что значит эта одежда, ты ответь: «Я явился переговорить с тобой по поводу того, о чем мы вчера беседовали. Вот, я готов последовать за тобой туда, куда ты ни захочешь. Хотя эта роскошь и приятна, но для меня без тебя она не будет иметь никакого значения. Тот же путь, который ты избрал, хотя и труден и тернист, но с тобой он будет для меня и легок, и желателен. Как ты сделал меня своим участником здесь, в наслаждение земными благами, так ты будешь его во мне иметь и в предстоящих трудностях, дабы я с тобой участвовал и в наслаждении будущей жизнью».

Благочестивый вельможа, признав его слова дельными, сделал все так, как он ему сказал. Царь, увидев его и выслушав, возрадовался в душе. Радуюсь такой его привязанности к себе и признав все наговоренное на него ложным, он стал оказывать ему еще больше почести и еще более приблизил к себе; монахов же возненавидел сильнее прежнего, говоря, что это они учат людей воздерживаться от удовольствий мира сего и бредить пустыми надеждами.

Мученическая кончина святых отцов

Однажды, выйдя опять на охоту, царь видит в пустыне двух монахов. Он велел схватить их и привести к своей колеснице. Грозно взглянув на них, он заговорил, пылая от гнева: «Разве вы не слышали, бродяги и обманщики, как глашатаи ясно кричали, чтобы никого из вас, сумасшедших, через три дня не было ни в городе, ни в стране, находящейся под моей властью, в противном же случае виновный будет сожжен».

Монахи ответили: «Мы и уходим из твоих городов и областей, как ты приказал. Но так как нам предстоит к нашим братьям длинная дорога, то мы, нуждаясь в продовольствии, заготовляли его, чтобы иметь запасы в пути и не стать жертвой голода».

На это царь сказал им: «Побоявшийся угрозы смерти не станет заниматься заготовлением пищи».

«Это хорошо сказано тобой, царь, – отвечали они, – ибо убоявшиеся смерти заботятся о том, как бы им избежать ее. Но как назвать таковых, как не остановившимися перед напором течения и испугавшимися его? Кто совсем не надеется найти что-нибудь там, в вечности, тот печется о земном и потому боится смерти. Мы же, издавна возненавидев мир и все мирское, идя по трудному и узкому пути ради Христа, не боимся смерти, не дорожим земным, но стремимся только к будущей жизни. А так как смерть, которой ты угрожаешь, будет переходом в лучшую вечную жизнь, то она для нас скорее желательна, чем страшна».

Царь, желая поймать их на слове, сказал: «Как так? Ведь вы только что сказали, что уходите, как я и велел, из моего государства. А если вы не боитесь смерти, то чем объяснить ваше бегство? Вы солгали это из-за пустого хвастовства».

«Мы, – отвечали монахи, – убегаем не потому, что устрашились угрожаемой смерти, но из сострадания к тебе, чтобы не сделаться виновниками лишнего преступления с твоей стороны. Посему-то мы и предпочли уйти. Когда твои угрозы дошли до нас, то мы вовсе их не боялись». Тогда разгневанный царь велел сжечь их. И скончались слуги Христа через сожжение на костре, заслужив мученические венцы. После этого вышло постановление: если где-нибудь будет найден монах, то чтобы он убивался без всякого следствия. Вследствие такого постановления в этой стране не осталось ни одного из монашествующих, кроме скрывавшихся в горах, в земных расщелинах и пещерах. Таково было положение христиан в этой стране.

Стремление царевича Иоасафа к познанию истинного Бога

Между тем царевич Иоасаф, о котором я упомянул выше, живя в неприступном, выстроенном для него дворце, достиг юношеского возраста, получил основательно образование – эфипское, персидское и греческое. Он был не менее даровит, чем прекрасен; был весьма рассудителен и отличался всеми другими хорошими качествами. Иоасаф предлагал учащим его такие вопросы о природе, что они удивлялись проницательности и сообразительности ребенка. Царь поражался красотой его лица и качествами его души. Он дал приказание жившим с ним скрывать от него все печали и бедствия жизни, а также и то, что смерть полагает конец всем земным наслаждениям. Авенир льстил себя тщетными надеждами, полагая, что он своими приказаниями достигнет желаемого. Но каким образом смерть может быть скрыта от природы человеческой? Не скрылась она и от царского сына. Задумываясь над всем, что возбуждало его мысль, он размышлял относительно себя, по какой причине отец осудил его на такую неприступную затворническую жизнь, запрещая всякому желающему доступ к нему, он понимал, что это происходит по приказанию отца, но, тем не менее, не решался спросить его об этом, считая невозможным, чтобы отец его замышлял что-нибудь ему бесполезное. С другой стороны, он рассуждал так: если это происходит с ведома отца, то, если он и спросит его, тот не скажет правды. Поэтому он решил узнать об этом от других. У него был один воспитатель, которого он любил больше всех и с которым был в самых близких отношениях. Призвав его к себе и почтив подарками, он начал расспрашивать его, что за причина того, что отец держит его взаперти между четырех стен. «Если ты, – заключил он, – ясно объяснишь мне это, то ты будешь первым моим советником и я заключу с тобой завет первой дружбы».

Воспитатель этот, будучи разумным и увидя совершенный, сообразительный ум царского сына, не пожелал навлечь на себя опасности утаиванием истины, а потому рассказал ему постепенно все: и гонения царя на христиан, а в особенности на аскетов, и как они были изгнаны из этой страны, и что астролог предсказал после его рождения. «А чтобы ты, – заключил он, – услышав их учение, не предпочел их веры нашей, царь и постарался окружить тебя немногими, избранными им самим лицами, приказав нам скрывать от тебя все бедствия жизни».

Услышав это, юноша ничего более не хотел слушать. Спасительное слово коснулось глубины его сердца, и милость Утешителя пыталась открыть ему глаза, указывая на истинного Бога. Так как отец часто навещал его (он чрезвычайно любил сына), то в один день сын говорит отцу: «Я хотел спросить тебя, мой господин, о том, что причиной того, что постоянное горе и непрестанная забота снедают мою душу?»

Царь, опечаленный его словами, сказал ему: «Скажи мне, дорогое мое дитя, какое у тебя горе, и я постараюсь сейчас же превратить его в радость».

– Что это за образ жизни, – отвечал царевич, – веду я взаперти между четырех стен? Ты сделал меня недоступным и невидимым для всех.

– Я не хочу, дитя, чтобы ты видел что-нибудь неприятное для твоего сердца, что могло бы испортить твое счастливое настроение. Я желаю, чтобы ты жил постоянно в роскоши, во всякой радости и услаждении сердца.

– Будь уверен, мой господин, – отвечает царевич, – что таким образом я живу не в радости и веселии сердца, но в мучении и печали, так что даже пища и питье неприятны для меня и горьки. Я хочу видеть все, что за стенами моего дворца. Поэтому, если ты хочешь, чтобы я жил беспечно, позволь мне отправиться, куда я хочу, и услаждаться созерцанием еще не виденного мной.

Царь, услышав это, весьма огорчился. Размышляя, что если откажет сыну в просьбе, то будет виновником еще большей его скорби, он сказал: «Я, дитя, исполню твое желание. Сейчас же велю приготовить лучших коней и снарядить приличную царю свиту». Исполнив это,

он позволил царевичу отправиться, куда он захочет, поручив его спутникам избегать всяких встреч и всячески развлекать его: на дороге устраивать хоры песенников и разнообразные зрелища, чтобы ум царевича, занявшись этим, отвлекался бы от всего другого.

Находясь однажды в пути, царский сын заметил, по недосмотру слуг, двух мужей, из которых один был изувечен, другой слеп. Увидев их, царевич, неприятно этим пораженный, сказал своим спутникам: «Что это за люди? Что у них за неприятный вид?»

Они же, не находя возможным скрыть попавшееся на пути, сказали: «Это страдания, происходящие от немощности человеческого тела, свойственны человеку».

– И всем людям приходится подвергаться этому? – спросил царевич.

Ему отвечали:

– Не всем, но тем, у коих здоровое тело делается болезненным.

– А если не всем, – продолжает расспрашивать юноша, – то известно ли, кого постигнут такие ужасы, или этого нельзя определить и предвидеть?

– Кто из людей может знать свое будущее, – ответили они, – и кто может безошибочно судить о нем? Это выше человеческой природы и есть удел только одних бессмертных богов.

Тогда царевич перестал расспрашивать; увиденное и слышанное им так расстроило его, что он совершенно изменился в лице.

Немного дней спустя Иоасаф на дороге опять встречается удрученного временем старика, с совершенно сморщенным лицом, с ослабевшими коленями, согбенного, совершенно седого, беззубого, едва говорящего. Ужас охватил царевича. Велев привести его ближе, он начал расспрашивать о причине его необычайной наружности. Спутники же ему сказали:

– Он живет уже много лет; сила его постепенно уменьшалась, члены ослабевали, и ты видишь, до какого недуга дошел он теперь.

– А каков конец всему этому?

– Не что иное, как смерть завершит все это, – отвечали вопрошаемые.

– И всем людям предстоит то же самое или и это только некоторым?

– Без сомнения, если только преждевременная смерть не избавит кого от подобных недугов, то невозможно с течением лет не дойти до такого положения.

– В какие лета бывает это? И неизбежна ли смерть, нет ли средств миновать ее и не дойти до такого недуга? – спросил царский сын.

– Достигнув возраста 80-100 лет, умирают, а иначе невозможно. Ибо смерть есть необходимость, с самого начала присущая роду человеческому, и избежать ее нельзя.

После всего виданного и слышанного умный и благоразумный юноша зарыдал от всего сердца и сказал:

– Не сладка эта жизнь, полна всякой скорби и печали, если все это так. И как тот может быть беззаботным, кто совсем не знает, когда ему следует ожидать смерти, которая приходит не только неизбежно, но и неожиданно.

Они продолжали путь дальше, и царевич непрестанно думал о виденном и слышанном, постоянно вспоминая о смерти. С тех пор его видели всегда печальным и унылым. Он говорил самому себе: «Когда же смерть похитит меня и кто будет вспоминать меня после смерти, тогда как время все предаст забвению? По смерти я бесследно уничтожусь или есть какая-нибудь другая жизнь, другой мир?»

Обдумывая беспрестанно это и тому подобное, он начал бледнеть и чахнуть. Когда же ему случалось быть на виду у отца, он притворялся веселым и беспечальным, не желая, чтобы отец знал его размышления.

Он горел нестерпимым желанием встретить кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить стремлениям его души и сказать хорошее слово о том, что его так интересовало. Поэтому он опять начал расспрашивать упомянутого воспитателя, не знает ли он кого-нибудь, кто бы мог удовлетворить его желаниям и успокоить ум его, ужасно блуждающий в размышлениях и не

могущий отбросить мысли о смерти. Спрошенный, вспомнив об их предыдущем разговоре, сказал: «Я тебе уже и раньше говорил, как твой отец постоянно рассуждающих о том, что ты желаешь узнать, аскетов – одних велел казнить, других же неумолимо преследовал, так что теперь я не знаю никого из них, живущих в окрестности».

Царский сын, исполнившись гнева и очень огорчившись в душе, был подобен мужу, потерявшему большое сокровище и направившему все свои помышления на его разыскание. С тех пор он жил в постоянной скорби и в заботах; все мирские наслаждения и увеселения были в его глазах какой-то мерзостью, срамотой. Когда царевич находился в таком положении, стремясь обрести благо для своей души, его увидело Всевидящее Око, и Бог не оставил его без внимания. Желаящий всем спасения и познания истины, по присущему Ему человеколюбию, и следующим образом показал ему путь, по которому следовало идти.

Повествование о св. Варлааме и свиданиях его с царевичем Иоасафом. Начало его святого учения

В это время жил один монах, безукоризненной жизни, отличавшийся красноречием и прошедший весь путь монашеской жизни. Из каких мест и из какого рода он происходил, я не могу сказать этого. Он жил в одной пустыне, находящейся в стране Сенаарской, и был удостоен священства. Имя этого старца было Варлаам. Узнав по Божественному откровению о состоянии души Иоасафа, он оставил пустыню и отправился в обитаемые места. Переменив свою одежду на мирскую, он сел на корабль и отправился в страну индусов. Выдав себя за купца, он прибыл в город, где находился дворец царского сына. В этом городе он провел несколько дней, присматриваясь к обстановке царевича и разведывая о его приближенных. Узнав, что упомянутый выше воспитатель ближе всех к царскому сыну, он сказал ему наедине: «Я хочу объявить тебе, мой господин, что я купец и пришел из дальних стран. У меня есть один драгоценный камень, подобного которому еще никогда не находили. Я до сих пор никому еще не показывал его, тебе же я говорю о нем потому, что вижу в тебе мужа умного и смысленного, который может ввести меня к царскому сыну, чтобы я мог преподнести ему свой камень. Камень этот несравненно выше всего прекрасного: он может слепых одарить светом мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос и больных исцелить. Неразумных он делает мудрыми; злых духов изгоняет и все прекрасное и приятное щедро дает заслужившим этого».

Воспитатель отвечает ему: «Я вижу, что у тебя крепкий и зрелый ум, но твои слова мне кажутся чрезмерно хвастливыми. Я не могу пересчитать тебе всех драгоценных камней, которые мне приходилось видеть, но я не видел и не слышал о камнях, имеющих такие силы, какие ты приписываешь своему. Но все-таки покажи мне его, и если сказанное тобой справедливо, то сейчас же отнесу его царевичу и ты получишь от него очень много подарков и почестей. Но прежде чем я не удостоверюсь в истинности твоих слов, я не могу возвестить господину и царю моему такие невероятности о не известном мне предмете».

Тогда св. Варлаам сказал ему на это: «Ты говоришь правду, что ты никогда не видел и не слышал о таких силах и действиях, ибо дело идет не об обыкновенном предмете, но об удивительном и великом. Но послушай меня, и ты убедишься воочию в том, что ты старался увидеть. Этот драгоценный камень кроме упомянутой силы и действия имеет еще одно свойство: его не может видеть не имеющий хорошего, здорового зрения и чистого, непорочного тела. Если кто, будучи несовершенен в этих двух отношениях, захотел бы посмотреть на этот драгоценный камень, то он непременно лишился бы того зрения и ума, которые имеет. Я же, будучи несколько сведущ во врачебном искусстве, вижу, что твои глаза нездоровы. Поэтому боюсь, чтобы ты не лишился и того зрения, которое у тебя есть. Что же касается царского сына, то я слышал, что зрение его уже утвердилось и здорово, почему я и не побоялся бы показать ему это сокровище. Я надеюсь, что ты не оставишь слов моих без внимания и не захочешь лишить твоего господина такой вещи».

На это воспитатель отвечает ему: «Если это так, то не показывай мне камня. Моя жизнь запятнана многими проступками; кроме того, и глаза мои, как сказал ты, нездоровы. Тем не менее я верю твоим словам и не замедлю доложить об этом царевичу».

Придя к Иоасафу, воспитатель подробно рассказал ему все. Царевич, выслушав его, почувствовал в своем сердце радостное и приятное чувство и, как бы вдохновенный в душе Богом, велел поскорее ввести этого святого мужа.

Когда Варлаам вошел к царскому сыну и отдал ему подобающее приветствие, тот пригласил святого мужа сесть. По уходе воспитателя, Иоасаф говорит старцу: «Покажи мне этот драгоценный камень, о котором, как говорил мой воспитатель, ты рассказываешь что-то необыкновенное и удивительное». Варлаам так начал с ним разговор: «Несправедливо было бы, царь,

чтобы я рассказывал неверное и лишнее относительно предмета, превосходящего своей славой даже твою славу. Все, доложенное тебе обо мне, верно, истинно и несомненно. Но если я сначала не буду убежден в твоей рассудительности, то не могу открыть тебе тайну, ибо Господь говорит: *вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать* (Мф. 13, 4–9).

Если и твое сердце окажется плодородной землей, то я постараюсь насадить в тебе Божественное семя и открыть великую тайну. Если же твое сердце представляет каменистую или тернистую землю или путь, всеми попираемый, то лучше совсем не насаждать на нем спасительного семени и не бросать его на расхищение птицам и зверям. Но я надеюсь на лучшее, надеюсь, что ты достоин принять спасение, поэтому ты увидишь и этот неоценимый камень и благодаря его блеску можешь также сделаться светлым и принести стократные плоды. Ради тебя я предпринял это дело и совершил длинный путь, чтобы показать тебе то, чего ты не видел и научить тому, чего ты никогда не слышал».

Иоасаф отвечал на это: «Я, почтенный старец, горю неудержимым, страстным желанием слышать какие-нибудь новые хорошие слова, и в моем сердце пылает огонь, который жжет меня, – так мне хочется разрешить свои сомнения. До сих пор я не встречался ни с одним человеком, который бы мог преподать мне спасительное слово. И надеюсь, что это слово не имело бы той участи, какую постигло упавшее на каменистую и тернистую почву и расхищенное птицами. Я с толком принял бы его и умел бы сохранить его. Если ты можешь мне тут в чем-нибудь помочь, то не скрывай от меня, но поведай. Как только я услышал, что ты пришел из дальней земли, то радостное чувство и надежда появились в моей душе, – надежда, что я буду иметь возможность узнать от тебя то, что хотел. Поэтому-то я велел привести тебя ко мне и ласково принял, как кого-нибудь близкого или сверстника, надеясь, что я не ошибусь в ожиданиях».

Тогда Варлаам сказал: «Ты поступил в этом случае прекрасно и достойно твоего царского величия, что не поддался окружающему ничтожеству, но сокровенно надеялся. Был некогда один великий и славный царь. Когда он однажды разъезжал на золотой колеснице с подобающей царской чести свитой, то встретил двух мужей, одетых в грязные и разодранные рубища, с бледными, изнуренными лицами. Царь знал их тучными, но они постом изнурили свое тело. Увидя их, он, сойдя с колесницы, пал перед ними на землю, приветствуя их. Сопровождавшие его вельможи же и знатные люди были недовольны этим, полагая, что он поступает не по царскому достоинству, но, не осмеливаясь порицать его, они просили его брата сказать царю, чтобы он не унижал царской короны. Когда тот сказал об этом своему брату и порицал неуместное его унижение, царь дал ему ответ, которого его брат не понял.

У этого царя был такой обычай, что когда он издавал относительно кого-нибудь смертный приговор, то посылал глашатаев к дверям осужденного с трубой, нарочно для этой цели предназначенной, звуком которой все извещались, что такой-то приговорен к смертной казни. Когда наступил вечер, царь послал трубить в означенную трубу у дверей своего брата. Последний, услышав звуки смертоносной трубы, отчаялся в своем спасении и целую ночь писал завещание касательно своего имущества. На рассвете же, одевшись в черные траурные одежды, он отправляется с женой и детьми, плача и рыдая, к дверям дворца. Введя его во дворец и видя в такой горе, царь сказал: «О, безумный! Если ты так испугался глашатая, посланного твоим единоутробным и равным по сану братом, относительно которого ты уверен, что ни в чем не провинился перед ним, то как ты можешь укорять меня в том, что я смиренно приветствовал глашатаев моего Бога, возвещающих мне смерть и страшное предстание перед Господом, перед

Которым я чувствую себя много и тяжело согрешившим. Так вот, поэтому я уличу и подстрекавших тебя укорять меня, уличу в том, что скорее они безумствовали, чем я».

Дав, таким образом, своему брату полезный урок, царь отпустил его домой. Между тем он приказал сделать четыре деревянных ящика. Позолотив два из них со всех сторон и наполнив их смрадными костями мертвецов, запер их золотыми крючками. А остальные, вымазав смолой и асфальтом, наполнил драгоценными камнями, жемчугом и различными благовонными веществами. Перевязав их волосяными веревками, он призвал вельмож, осуждавших его за встречу с упомянутыми мужами, и положил перед ними четыре ящика с тем, чтобы они оценили достоинство каждого. Вельможи определили, что позолоченные два ящика очень ценны, потому что в них, наверное, царские короны и царские пояса, а вымазанные асфальтом и смолой, говорили они, малой и жалкой ценности. Тогда царь сказал им: «Я знал, что вы скажете это. Вы своими наружными глазами обращаете внимание и цените только внешность, но не так следует делать: следует внутренними глазами смотреть на внутреннюю ценность или бесценность».

И приказал открыть позолоченные ящики. Страшный смрад понесся оттуда, и самый неприятный вид представился их глазам. «Это подобие людей, одетых в дорогие и блестящие одежды, гордых своей славой и могуществом, внутри же смрадных, подобно трупу, по причине своих дурных дел», – сказал царь. После этого он велел открыть ящики, вымазанные смолой и асфальтом.

Тогда прекрасный вид представился всем присутствующим, и кругом распространилось благовоние. Царь обратился к ним и сказал: «Знаете ли, кому подобны эти ящики? Бедным, одетым в убогие одежды. Видя их внешность, вы сочли унизительным для меня преклониться перед ними, а я, познав сердечными очами благородство и красоту душ их, почел для себя за честь прикоснуться к ним и счел их выше царского венца и царской пурпуровой одежды». Пристыдив их таким образом, он научил их не судить по внешнему виду о достоинстве человека, но обращать внимание на духовную его сторону. Подобно этому благочестивому и мудрому царю и ты поступил, приняв меня в надежде узнать от меня что-нибудь хорошее. Я полагаю, что ты не обманешься в ней».

Иоасаф сказал ему на это: «Все это сказано тобой хорошо и уместно, но одно я хотел бы знать: кто твой Господь, о Котором ты сказал в рассказе о сеятеле?»

– Если ты хочешь узнать о моем Господе, – отвечал Варлаам, – то мой Господь – Иисус Христос, Единородный Сын Божий, всеблаженный и всемогущий, Царь царствующих и Господь господствующих. Он один бессмертен и во свете живет неприступном, прославляемый со Отцом и Святым Духом. Так как я не из тех, которые признают многих ложных богов и поклоняются бездушным немым идолам, но верую во Единого Бога, прославляемого в трех ипостасях: в Отце, Сыне и Святом Духе, Единого Существа и единой славы, царствующих в едином, нераздельном царстве. Этот триипостасный Бог есть Дух вечный, нерукотворенный, неизменяемый, невидимый, непостижимый, всеблагий, всеправедный, сотворивший все из ничего: и видимое и невидимое. Вначале Он создал бесчисленное множество невидимых бестелесных духов небесных – слуг величия Божия. Потом Он сотворил видимый мир – небо, землю и воды. Этот мир Он украсил светом; небо – солнцем, луной и звездами; землю – различными животными и растениями; воды же наполнил рыбами. Все это Он сотворил словом: *Он рек, и они явились, повелел, и – создались* (Пс. 148, 5).

Затем Он создает человека Своими руками, взяв земной прах, из которого создал тело, и вдунул в него душу, одаренную разумом. По Писанию, она сотворена по образу и по подобию Божию: по образу – вследствие свободной воли, а по подобию – вследствие добродетелей. Дав первому человеку свободную волю и бессмертие, Он назначил его царем на земле. Из ребра его Он создал ему в помощники жену. И, насадив рай в Эдеме, на востоке, полный радости и веселия, поместил туда человека, которого сотворил, позволив ему пользоваться

всеми находящимися там насаждениями. От одного только древа Он запретил ему вкушать плоды, называемого деревом познания добра и зла, сказав: *в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2, 17). Один из Ангелов, первый из них, не получивший от Творца даже и тени зла, но созданный добрым, по собственному желанию обратился от добра ко злу. Он безумно возгордился и вздумал противиться Господу Богу, за что и был изгнан из числа Ангелов, лишен своего достоинства и вместо блаженной славы и Ангельского имени, назван был диаволом и сатаной. Бог отверг его, как недостойного вечной славы. Вместе с ним Он отдалил и отвергнул многих подчиненных ему ангелов, которые последовали примеру своего начальника и употребили во зло свою свободную волю вместо того, чтобы употребить ее на добро. Они названы были злыми духами, как обманщики и соблазнитель. Отрекшись совершенно от всякого добра, диавол стал злым и выказал зависть к человеку. Видя себя лишенным такой почести, он начал замышлять о том, чтобы лишить и человека блаженной жизни. С этой коварной целью он вошел в змия, а через него обратился к жене и убедил ее отвесть запрещенного плода, уверяя ее, что, вкушивши этого плода, человек делается равным Богу. Через нее змий обманул также и Адама (так назывался первый человек). Вкусив запрещенного плода, первый человек был лишен райского блаженства. Вместо блаженной вечной жизни он получил в удел эту, полную бедствий и скорбей, жизнь и, в конце концов, был осужден на смерть. С тех пор диавол возымел власть над человеком и, с умножением рода человеческого, гордясь своей победой, он всячески подстрекал людей ко злу. Бог, желая прекратить умножение грехов, послал на землю потоп, истребивши всех живущих существ, кроме одного только праведника в этом роде, которого Бог оставил в живых, спасши его с женой и детьми в ковчеге, после чего Он поставил его одного над всей землей. Когда же люди начали размножаться, то они снова забыли Бога и впали в нечестие. Развращенные и порабощенные различными грехами, они приняли различные заблуждения: одни думали, что все само собой происходит и живет, и учили, что нет никакого Высшего Существа; другие впали в фанатизм; некоторые признавали богов, имеющих собственные страсти и нечестия, помогающих злым делам. Сделав их изображения в виде деревянных бесчувственных идолов, они выставляли их в храмах, поклонялись и служили им – вещам, которые сами сделали. Одни поклонялись солнцу, луне и звездам, которых Бог назначил для служения этому земному миру, – безжизненным и бесчувственным, дающим свет по Промыслу Божию, но не по собственному побуждению и желанию. Другие поклонялись огню, воде и другим естественным стихиям. И существа, одаренные душой и разумом, не стыдились обожать их. Иные поклонялись животным и пресмыкающимся гадам, считая себя хуже их; некоторые же признавали богами ничтожных людей – мужчин и женщин. Сами эти люди рассказывали о том, что их боги были прелюбодеями, убийцами, злыми, завистниками, грабителями, отце- и братоубийцами, ворами, отравителями, хромыми, калеками и бешеными, что они умирали, бывали поражаемы громом, бывали порабощаемы людьми, убиваемы, оплакиваемы и что они творили разные постыдные дела.

Люди с самых своих богов брали примеры нечестия, вследствие чего они без всякого стыда оскверняли себя всякими незаконными делами. Страшный мрак господствовал тогда среди нашего человеческого рода. Не было тогда почитателей истинного Бога, никто не пытался Его даже и найти. Среди этого поколения нашелся один только Авраам, у которого были здравы душевные чувства. Созерцая внимательно творения мира, он дошел до познания их истинного Творца. Созерцая небо, землю, море, солнце, луну и прочее, он удивлялся их целесообразности и эту целесообразность вселенной приписывал не самообразованию мира, не земным стихиям, не бездушным и безжизненным идолам, но всемогуществу и мудрости истинного Бога, Который и есть Творец всего. Бог Сам являлся ему, не в Своем истинном образе (ибо видеть Бога никто не может), но в каких-нибудь жизненных видимых образах, что возможно Его могуществу. Вложив в его душу более совершенное познание о Себе, Он прославил имя его и сделал Своим служителем. Внушая по очереди благочестие всем потом-

кам Авраама, Бог научил их истинному познанию, произвел от них многочисленное племя, которое назвал Своим избранным народом. Когда этот народ был поработен египтянами при одном тиране – фараоне, Бог посредством ужасных, изумительных чудес и знамений вывел избранный народ из Египта через Моисея и Аарона, мужей святых и удостоенных дара пророчества. Через них Он достойно наказал египтян за их жестокость и провел израильтян (так называется этот народ от имени внука Авраама) по дну Чермного моря, рассекши воды так, что справа и слева образовалось по стене. Когда же фараон с египтянами погнался за ними по их следам, то возвратившаяся на свое место вода всех преследовавших истребила. Потом, проводя Свой народ через пустыню в продолжение 40 лет с великими знаменами и чудесами, питая их небесною пищей, Бог дал им закон, написанный на двух каменных скрижалях, которые Он вручил Моисею на горе Синай. Этот закон, запрещающей идолов и все дурные дела, учащий веровать и поклоняться единому истинному Богу и творить добрые дела, послужил образцом, основой всех последующих законов. Совершая постоянно среди израильтян чудеса, Бог привел их в прекрасную страну, которую Он некогда обещал Аврааму дать его потомкам. Долго можно было бы рассказывать о всех тех делах, великих и изумительных, славных и редких, которые Господь творил среди них. Цель всех этих чудес была та, чтобы отвлечь род человеческий от всякого беззакония и нечестия и возвратить ему его первоначальное предопределение. Но и до сих пор сила греха имеет над ними власть, и смерть царствует над людьми по проискам диавола, осуждая всех на ниспослание в ад.

Когда мы дошли до такого жалкого положения, Создатель не отвернулся от нас. Он не допустил до окончательной гибели творение рук Своих. По желанию Бога Отца, Единородный Сын Божий, рожденный от Отца, единосущный Отцу и Святому Духу, истинный Бог, вечный и всемогущий, как и Отец, нисходит к Своим рабам и, будучи совершенным Богом, делается совершенным Человеком, воплотившись от Духа Святого и Пресвятой Девы Марии. К Пречистой Деве послан был один из Архангелов возвестить о непостижимом зачатии и рождении, непостижимом потому, что Сын Божий без отца зачался в Пресвятой Деве от Духа Святого. Прияв от Пресвятой Девы Тело, одушевленное разумной душой, Христос явился нам, соединя в Себе два естества – Божеское и человеческое, причем сохранил непорочной родившую Его Пречистую Деву. И, приняв на Себя все человеческое, кроме греха, Он принял и наши немощи, наши недуги. Так как смерть вошла в мир через грех, то нужно было, чтобы наш Искупитель был безгрешен и неподвержен смерти за грехи. Прожив среди людей 30 лет, Он принял в реке Иордан крещение от Иоанна, мужа святого и стоявшего выше всех пророков. Во время крещения Господа Иисуса Христа раздался с неба голос Бога Отца: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое Благоволение* (Мф. 3,17). И Дух Святый сошел на Него в виде голубя. Христос начал творить великие и изумительные чудеса: мертвых Он воскрешал, слепым даровал зрение, духов изгонял, немых и глухих исцелял, прокаженных очищал и всюду восстанавливал природу нашу в первоначальном виде, делом указывая нам истинный путь добродетели, устраняя нас от гибели и направляя к вечной жизни. Затем Он избрал Себе 12 учеников, которых назвал апостолами и поручил им возвестить всем о небесной жизни, объявить которую Он пришел на землю. Своими делами Господь сделал нас, жалких земных обитателей, причастными Неба. Но первосвященники и старейшины иудейские (Он жил в их стране) невзлюбили Его, завидуя Его удивительным и Божественным действиям, знаменам и чудесам, которые они видели. Забыв все сделанное Христом добро, они, предательски овладев Им через одного из Его учеников, представили Его на суд язычников. Обвинив во многом, они добились осуждения Его на крестную смерть. Господь добровольно решил нести все это, ибо пришел пострадать за нас, желая освободить человека от страданий. Все эти страдания Господь переносил человеческой плотью, причем Его Божество не страдало, ибо Он состоял из двух естеств: Божеского и человеческого; человеческое естество Он принял ради нас, и им Он страдал, Божеством же не страдал и не умирал. Тело безгрешного Иисуса Христа было

распято; но Он не подлежал смерти, *потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его* (Ис. 53, 9). Ибо через прегрешение, как я упомянул, смерть вошла в мир, как говорит апостол Петр, но Он ради нас умер плотию, чтобы избавить нас от власти смерти. Сошедши во ад и сокрушив его, Иисус Христос освободил оттуда искони веков заключенные там души. Положенный во гроб, Он воскрес на третий день. Победив смерть, даровал нам победу над ней. Сделав Свою плоть нетленной, Спаситель явился Своим ученикам, даровав им мир, а через них – всему роду человеческому. По прошествии 40 дней Он вознесся на небо и воссел одесную Отца. Он снова придет на землю судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его. После Своего славного вознесения на небо Господь ниспослал на Своих учеников Духа Святого в виде огненных языков, после чего они начали говорить на чужих языках. Получив дары Святого Духа, апостолы рассеялись по всем народам, проповедуя истинную веру, крестя во имя Отца и Сына и Святого Духа, наставляя исполнять все заповеди Спасителя. Просвещались Духом находившиеся в заблуждении язычники; благодаря проповеди у них было уничтожено суеверие и почитание идолов. Дьявол, не перенося поражения, и доселе ведет с нами борьбу, внушая глупым и неразумным сохранять идолопоклонство, но его сила оказалась слабой и его меч окончательно упал перед силой Христа.

Так вот, я вкратце дал тебе понятие о моем Господе Боге и Спасителе, подробнее же ты узнаешь, если всей душой примешь Его учение и сделаешься Его рабом».

Когда царский сын выслушал эти слова, то свет подобно молнии озарил его душу. В избытке радости, пораженный, он поднялся с трона и сказал Варлааму: «Это тот бесценный камень, как я догадываюсь, почтеннейший из людей, который ты, естественно, держишь в тайне, не показывая его всякому желающему; тот камень, благодаря которому поддерживается бодрость душевных сил, потому что, как только я услышал твои слова, благодатный свет проник в мое сердце, и спало с души моей то тяжелое покрывало, которое уже долгое время тяготило мою душу. Поэтому если мое предположение справедливо, то скажи мне это. Если же ты знаешь что-нибудь лучше сказанного, то не откажи поведать мне и то».

Варлаам ответил ему на это: «Да, мой господин и царь, это та великая тайна, скрываемая от мира сего и вместе с тем с самого сотворения человека открываемая роду человеческому. Ее открывали в древности многие пророки и проповедники, просвещаемые Святым Духом, многообразно и гласом велиим проповедовавшие ее. И все они, предвидя будущее спасение, желали быть его свидетелями, но не дожили до этого. Теперешнее же поколение удостоилось принять его. *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* (Мк. 16,16)».

Тогда Иоасаф сказал: «Всему, сказанному тобой, я безусловно верю и признаю Бога, Которого ты проповедуешь. Одно только ты мне непременно разъясни и непреложно научи: что мне следует делать и что такое то крещение, которое должен, как ты говоришь, принять верующий?»

На это ему Варлаам ответил: «Благодатный дар крещения есть как бы корень или твердое основание святой и безупречной христианской веры, спасающей человека от прирожденной способности грешить и от зла, происшедшего от людских пороков. Так Спаситель велел возрождаться водой и Духом Святым и этим водворяться в первоначальном достоинстве. Крестимся мы, по словам Господа, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Тогда живут в душе крестившегося дары Духа Святого, просвещающие ее, делающие богоподобной и возобновляющие ее по образу и подобию Божию. Освободив душу от зла, свойственного ей вследствие прежних дурных дел, мы заключаем с Богом завет другой новой жизни и получаем основание для этой, более чистой жизни. Благодаря чему делаемся сонаследниками возродившихся для бессмертия и достигнувших вечного спасения. А без крещения никто не может надеяться, хотя бы он был благочестивейшим из благочестивых. Ибо воплотившийся для нашего спасения Сын Божий сказал: *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти*

в царствие Божие (Ин. 3, 5). Итак, прежде всего, уверовав в душе, с искренним желанием приступи сейчас же к крещению и ни в каком случае не откладывай этого, ибо откладывать опасно, вследствие неизвестности времени нашей смерти».

Тогда Иоасаф сказал: «О какой это надежде говорил ты, которая без крещения не может исполниться? Что это за Царство, которое ты называл Небесным? Откуда ты слышал слова воплотившегося Бога? Что это за неизвестность времени смерти, мысль о которой давит мое сердце и причиняет мне горе и скорби, уничтожающие мою плоть, и даже сдает крепость костей моих? И если мы умрем, то уничтожимся ли совершенно или по прекращении этой жизни есть другая какая-нибудь жизнь? Я желал бы знать все это».

На все эти вопросы Варлаам отвечал следующим образом: «Та благая надежда, о которой я сказал, есть надежда на Царствие Небесное. Царствие же это совершенно невыразимо на человеческом языке. Священное Писание говорит: *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Когда же мы будем достойны, оставив эту грубую плоть, достигнуть небесного блаженства, тогда Сам Господь, давший возможность исполниться нашей надежде, покажет нам, какова слава всех этих благ, непостижимая для ума, и каковы тот невыразимый свет и непрестанная жизнь с Ангелами. Если мы будем удостоены жизни с Богом, насколько это достижимо для человеческой природы, то будем все знать от Него, чего мы теперь не знаем.

Все это я почерпнул из боговдохновенных книг Священного Писания, учащих этому, и выше всего ставлю Царствие Небесное, где я буду близок к созерцанию Святой Животворящей Троицы, буду очищен и озарен непреступным светом, и узрю блеск Ее невыразимой славы. Нет ничего удивительного, что нельзя выразить словом ту славу, тот свет и то благо, так как они не были бы великими и необыкновенными, если бы были доступны нашему уму и выразимы словом, доступны для нас, жителей земли, облеченных в это грубое тленное тело. Думай об этом так, прими все это с верой, что оно не включает в себе ничего вымышленного, и старайся через добрые дела достигнуть этого бессмертного Царства. Если ты достигнешь его, тогда познаешь все совершенно. Что же касается того, что ты спросил, как мы слышали слова воплотившегося Бога, то мы познали все о Божественной Его деятельности через Св. Евангелие. Так называется та часть Священного Писания, которая благовествует нам о бессмертии, о вечной жизни, об оставлении грехов и Царствии Небесном. Ее написали свидетели и служители Слова Божия, о которых я сказал выше, говоря, что Христос, Спаситель наш, избрал Себе учеников и апостолов. Они передали нам письменно, после славного вознесения Господа на небо, о Его земной жизни, Его учении и чудесах, насколько это возможно было передать письменно. Ибо избранный святой евангелист так сказал в заключение своего повествования: *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг* (Ин. 21, 25).

В Св. Евангелии заключается повествование о воплощении, учении, чудесах и делах Христовых, написанное Духом Святым. Повествуется о славном страдании, которому Господь подвергнул Себя ради нас, о смерти, святом вокресении на третий день после смерти и о вознесении на небо, кроме того, о Его будущем страшном пришествии во славе. Ибо Сын Божий вторично придет во всей Своей славе, со всеми небесными легионами, судить род человеческий и воздать каждому по делам его. Бог сотворил человека из земли, как я сказал тебе раньше, вдунул в него дыхание жизни, которое называется душой. Душа есть существо духовное и разумное. Так как мы осуждены на смерть, то мы все умираем. И никто из людей не может избежать этого. Смерть души отлична от смерти тела. Тело, созданное из земли, снова обращается в землю отдельно от души и, разлагаясь, уничтожается. Душа же, будучи бессмертна, отправляется туда, куда велит Господь, смотря по тому, какое место она сама себе уготовала в сожитии с телом. Что кто посеет здесь, то он пожнет там.

Потом, через много лет, придет Христос, Бог наш, в страшной и невыразимой славе Своей, судить мир, усташась Которого Небесные Силы придут в ужас, и все легионы Ангелов в трепете предстанут перед Ним. Тогда по гласу Архангела и по трубе воскреснут все мертвые и предстанут перед грозным троном. Воскресение есть соединение опять души с телом. Тело же, уничтожившееся и рассыпавшееся, восстанет невредимым; и пусть тебе то не кажется невероятным. Нет ничего не возможного в том, чтобы тело, созданное с самого начала из земли и превратившееся опять в землю, из которой было сделано, по повелению Создателя, снова стало невредимым. Достаточным доказательством возможности этого будет для тебя то, если ты представишь себе, сколько всего Бог сотворил из ничего (потому что Бог сотворил человека из земли, которой прежде не было). Каким же образом земля стала человеком? Каким образом появилась земля, несуществовавшая прежде? Какую подпору имеет она? Каким образом на ней появились бесчисленные роды неодушевленных предметов, растения и другие произведения? Откуда такое разнообразие тварей? Сотворившему все из ничего и теперь еще творящему вполне возможно восстановить из земли умершие и разложившиеся тела, чтобы каждый получил по делам своим.

Здесьняя земная жизнь – жизнь деяний, будущая же – жизнь воздаяний за деяния. В этом воскресении и воздаянии и заключается справедливость Божия. Ибо многие праведники, потерпев здесь много невзгод, подверглись насильственной смерти. Другие же безбожники и беззаконники провели земную жизнь в неге и благоденствии. Но Бог, будучи благ и справедлив, назначил час воскресения, в который каждая душа, соединившись со своим телом, получит должное.

Грешник, наслаждавшийся здесь благополучием, там будет наказан за свои прегрешения; праведник же, получив здесь возмездие за свои проступки, там сделается сонаследником вечных благ, *ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5; 28, 29). И воссядет тогда на троне наш Создатель, и откроются книги, в которых записаны все наши дела, слова, желания и самые сокровенные мысли.

Тогда ничто не сможет отклонить правильного суда: ни искусный защитник, ни убедительность речей, ни ложное оправдание, ни богатство, ни знатность, ни подарки. Но неподкупный, праведный Судия справедливо будет судить каждого за его дела, слова и помышления. И тогда отправятся творившие добро в жизнь вечную, в невыразимый свет, веселясь вместе с Ангелами, наслаждаясь неслыханными и невиданными благами, созерцая Святую Троицу. Сотворившие же зло, все нечестивцы и грешники пойдут на вечное мучение. Наказаниями будут: огненная печь, страшный мрак, постоянно глодающий червь, скрежет зубов и другие бесчисленные казни. Самое же тяжелое наказание – отчуждение от Бога, отторжение от лица Его, лишение лицеизрения Его славы, выставление на вид каждого дела и беспредельный позор.

Ибо после этого Страшного Суда все останется непреложным и неизменным: и бесконечная блаженная жизнь праведников, и бедственная мучительная – грешников. После не будет ни другого высшего судьи, ни другого суда. Не будет также отсрочки для раскаяния грешников. Тогда виновным не будет уже никакого пути миновать вечного заслуженного наказания. Если это так, то как нам следует вести себя, чтобы избежать угрожаемого наказания и стать одесную Сына Божия? Ибо там становятся праведники. Грешникам же предстоит занять злополучное место – ошую Сына Божия. После этого Господь вводит праведных, благословенных Отцом в вечное Царство. Грешников же Он с гневом и проклятием, отбросив от кроткого лица Своего, отправляет в самое тяжелое, вечное наказание».

Тогда Иоасаф говорит Варлааму: «Ты, человек, говоришь что-то великое, удивительное, приводящее в страх и трепет, если только все это так, если за смертью и превращением в прах и пепел следует восстановление и воскресение, награды и наказания за прошлую жизнь. Но какое доказательство всего этого? И каким образом вы так безусловно и твердо поверили неви-

данному еще доселе? Ибо о сделанном и подтвержденном фактами вы могли услышать из свидетельства очевидцев, хотя бы сами не видели. Но как вы можете так уверенно проповедовать столь великое и чрезвычайное будущее?»

Учение о будущем страшном пришествии Христа

На это Варлаам ему отвечает: «Из дел, которые уже совершены, я приобрел уверенность и в будущих делах. Ибо те, кто возвестили это, не погрешили ни в чем против истины, но подкрепляли слова свои разными знамениями и чудесами, они же изъясняли и будущие дела. Как о настоящем они не учили ничему нелепому или вымышленному, но все осветили ярче солнца, чтобы они ни говорили или делали, так и о будущем они учили истинно. Кроме того, Сам Господь Иисус Христос подтвердил это делом и словом. Он говорит: *ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5, 28, 29). И далее: *Истинно, истинно говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут* (Ин. 5, 25). В другом месте Он снова говорит: *А о воскресении мертвых не читали ли вы реченного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22, 31–32). И еще: *Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!* (Мф. 13, 40–43).

Этими и многими другими словами Господь свидетельствовал о воскресении тел. Он и делом подтвердил Свои слова, воскресив многих из мертвых. Так, к концу своей земной деятельности Он вызвал из гроба и оживил умершего уже четыре дня Лазаря, друга Своего, начавшего разлагаться и смердеть. Кроме того, Сам Господь был первым примером совершенного воскресения. Он воскрес на третий день после Своей смерти, восстав первым из мертвых. Хотя воскресли и другие мертвые, но они снова умерли и предупредили будущее истинное воскресение. Христос же был единственным представителем истинного воскресения, первый воскреснув бессмертным. Так возвестили и очевидцы, и первые служители Слова Божия. Блаженный Павел, призвание которого было не от людей, но с Неба, говорит: *Напоминаю вам, братие, Евангелие, которое я благовествовал вам... Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию... Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес... тщетна и вера ваша... вы еще во грехах ваших. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо как смерть через человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (1 Кор. 15, 1, 3–4, 12–14, 17, 19–22).

И немного далее: *Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?* (1 Кор. 15, 53–55). Тогда сила смерти совершенно уничтожится, исчезнет, и впредь у людей будет бессмертие и вечное нетление. Будет, несомненно, будет воскресение мертвых, и мы этому непреложно верим. Знаем также, что будут наказания и награды за земную жизнь в день страшного пришествия Христа, в который *воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают. Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда* (2 Пет. 3, 12–13).

Относительно же того, что предстоит награда или наказание за здешние дела и что будет принято во внимание не только доброе или дурное дело, но и предстоит возмездие и за слово, и за помыслы, Господь говорит: *И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной*

воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей (Мф. 10, 42). И в другом месте: *Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приходите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25, 31–36). Этим Он высказал, что делая благодеяния бедным, мы делаем Ему благодеяние. *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32). Всеми приведенными и многими другими словами Спаситель высказал, как прочны и верны награды за добрые дела. Но вместе с тем Господь предвозвестил через Свои чудеса и притчи, которые были сказаны очень мудро Источником мудрости, что за дурные дела предстоит наказание.

Например, Он сказал это в притче о богатом и бедном: *Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилисердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь* (Лк. 16, 19–25).

В другом месте, изображая Царствие Небесное, Он говорил: *Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего* (Мф. 22, 2). Говоря так о будущей радости и свете, Христос говорил людям ничтожным, погруженным в земные заботы, поэтому Он в Своих притчах приспособлялся к предметам, близким и понятным для них. Конечно, в Царствии Небесном нет ни браков, ни пиршеств, но Господь снисходил к их грубой невежественности и, желая выяснить будущую жизнь, воспользовался этими названиями: *И послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званным: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, законото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими*.

Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов (Мф. 22, 3–13).

Позванные, но не послушавшиеся – это не уверовавшие во Христа и или оставшиеся в идолопоклонстве или в другой какой-нибудь вере. Не имевший же брачной одежды – это хотя уверовавший, но запятнавший свою духовную одежду порочными делами; он был справедливо изгнан из брачного пира.

Сказал Христос и другую притчу, подобную этой, где Он показал десять дев, которые, *взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со све-*

тильниковыми своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы, и говорят: Господи! Господи! отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас (Мф. 25,1-12).

Из всего этого ясно видно, что возмездие будет не только за богопротивные дела, но и за слова, и помышления. Спаситель сказал: *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда* (Мф. 12, 36). И в другом месте: *У вас же и волосы на голове все сочтены* (Мф. 10, 30). Этими словами Он высказал, что и самые сокровенные наши мысли и желания откроются.

Согласно с этим говорит и блаженный Павел: *Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет* (Евр. 4, 12–13). То же самое за много лет до Него возвестили пророки, просвещаемые Святым Духом: *Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. Ибо, как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь, так будет и семя ваше и имя ваше. Тогда из месяца в месяц и из субботы в субботу будет приходить всякая плоть пред лице Мое на поклонение, говорит Господь. И будут выходить и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти* (Ис. 66, 18; 22–24). В другом месте сей пророк говорит о дне Страшного Суда: *и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист – со смоковницы* (Ис. 34, 4). *Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим... и положу конец высокоумию гордых, и уничтожу надменность притеснителей* (Ис. 13, 9-11). И еще: *Горе тем, которые влекут на себя беззаконие вервями суетности, и грех – как бы ремнями колесничными... Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким! Горе тем, которые храбры пить вино и сильны приготавливать крепкий напиток, которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!* (Ис. 5, 18, 20, 22–23). *Горе тем, которые поставляют несправедливые законы и пишут жестокие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот. И что вы будете делать в день посещения, когда придет гибель издалека? К кому прибегнете за помощью? И где оставите богатство ваше?* (Ис. 10, 1–3). *За то, как огонь съедает солому, и пламя истребляет сено, так истлеет корень их, и цвет их разнесется, как прах; потому что они отвергли закон Господа Саваофа и презрели слово Святаго Израилева* (Ис. 5, 24).

Согласно с этим говорит и другой пророк: *Близок великий день Господа, близок, и очень поспешает: уже слышен голос дня Господня; горько возопиет тогда и самый храбрый! День гнева – день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен. И Я стесню людей, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили против Господа, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их – как помет. Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в день гнева Господа, и огнем ревности Его пожрана будет вся эта земля, ибо истребление, и притом внезапное, совершит Он над всеми жителями земли*

(Соф. 1, 14–18). Царь и пророк Давид восклицает: *Бог явно придет, Бог наш, и не будет безмолвен: огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря. – Он призовет небо свыше и землю разсудить народ Свой* (Пс. 49, 3–4). И далее: *Возстань, Боже, суди землю* (Пс. 81, 8). *Посему помысл человека прославит Тебя* (Пс. 75, 11). *Ибо Ты воздашь каждому по делам его* (Пс. 61, 13).

Много и другого подобного говорил псалмопевец Давид и все пророки, через которых вещал Дух Святой о будущем Суде и воздаянии по делам. Их слова и Спаситель подтвердил непреложно, научив нас верить в воскресение мертвых и в воздаяние за земную жизнь, и в будущую бессмертную, вечную жизнь».

Иоасаф, выслушав сказанное, был весь в слезах. Тогда он говорит старцу: «Ты объяснил мне ясно все, и я понял твои страшные и удивительные слова. Если это нам предстоит, то что нужно делать, чтобы избежать наказаний, уготованных грешникам, и быть удостоенным радости праведников?»

Варлаам отвечал ему: «В Писании сказано, что, когда однажды апостол Петр поучал народ, то многие сокрушились в сердце своем, как и ты сегодня. Когда же они спросили Его, что нам делать, то Петр сказал: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш* (Деян. 2, 38–39). Он и на тебя излил богатство Своего милосердия и призвал тебя, далеко отстоящего от Него в мыслях и поклоняющегося чужим... не богам, но злым духам, деревянным, безжизненным и бесчувственным идолам. Посему прежде всего обратись к Призвавшему тебя, от Которого ты получил познание видимого и невидимого. Если же ты и после призвания не захочешь или замедлишь обратиться к Богу, то ты будешь осужден праведным судом Божиим. И тогда за то, что ты Его не захотел, Он тебя не захочет, ибо так говорил тот же самый апостол Петр одному из учеников своих.

Но я надеюсь, что ты внял призыванию, возьмешь на себя крест и последуешь за призвавшим тебя Господом Богом, Который призывает тебя от смерти к жизни и от мрака в свет. Ибо незнание Господа есть истинный мрак и смерть души, и порабощение идолам, наперекор природе, есть верх всякой глупости. Кому мне уподобить их? Как выразит безумие таких людей? Я тебе приведу подтверждение их безумия, высказанное мне одним премудрым мужем. Он говорил, что идолопоклонники подобны птицелову, поймавшему соловья. Когда он поднял руку, чтобы заколоть и съесть его, то соловей вдруг, обращаясь к нему, заговорил человеческим голосом: «Какая тебе, человеце, польза от моего заклания? Ты мной даже не сможешь наполнить своего желудка. Но если ты выпустишь меня из сетей, то я дам тебе три заповеди, исполняя которые ты всю свою жизнь будешь извлекать пользу». Птицелов, пораженный его словом, сказал соловью, что если он услышит от него что-нибудь новое, то тотчас же освободит его из плена. Тогда соловей сказал: «Не предпринимай никогда ничего недостижимого, не раскаивайся в делах совершенных, не верь никогда сомнительным делам и словам. Исполняя эти три заповеди, ты будешь благоденствовать». Птицелов, которому понравилась простота и истина этих слов, выпустил его из сетей. Тогда соловей, желая испытать, усвоил ли птицелов сущность данных ему советов и может ли он поэтому извлекать из них выгоду, говорит ему, летая в воздухе: «Увы, человеце! Какое сокровище ты сегодня выпустил из рук! Внутри меня есть жемчуг, превосходящий по своей величине яйцо страуса». Птицелов, услышав это, очень огорчился, раскаиваясь, что выпустил такого соловья из своих рук; пытаясь поймать его, он сказал: «Пойдем со мной в дом мой, я радушно приму тебя и с почетом отпущу». Тогда соловей сказал ему: «Я теперь узнал, что ты ужасно глуп, потому что, выслушав и охотно приняв во внимание сказанное мной, ты не мог извлечь из этого пользы. Я сказал тебе, чтобы ты не раскаивался в прошедшем, а ты вот совершенно опечалился, что выпустил меня из своих рук и, таким образом, раскаялся в прошедшем. Потом, я заповедовал тебе не браться за недости-

жимое, а ты вот стараешься опять поймать меня, хотя не можешь последовать за мной. Кроме того, я говорил тебе не верить сомнительным словам, а ты поверил, что во мне находится драгоценный камень, превышающий размером мой рост, и ты даже не постарался понять, что я весь по своей величине меньше страусова яйца. Как бы я мог вместить в себе такой большой драгоценный камень?» Подобным образом безумствуют и верующие в идолов, ибо они сделали их своими руками и поклоняются тому, что сделали сами, говоря: «Это наши творцы». Как они могут считать своими творцами то, что само есть творение их же рук? Эти люди оберегают своих идолов, чтобы те не были похищены ворами, а между тем называют их же хранителями своего спасения. До какого безумия нужно дойти, чтобы не понимать, что те, которые не в состоянии помогать и охранять себя, тем более не в состоянии охранять других. *И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревоушителям, – тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? спрашивают ли мертвых о живых?* (Ис. 8, 19). В Священном Писании сказано: *Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них* (Пс. 134, 18). *Высыпают золото из кошелька и весят серебро на весах, и нанимают серебрянника, чтобы он сделал из него бога; кланяются ему и повергаются перед ним; поднимают его на плечи, несут его и ставят его на свое место; он стоит, с места своего не двигается; кричат к нему, – он не отвечает, не спасает от беды* (Ис. 46, 6–7). *Тогда обратятся вспять и великим стыдом покроются надеющиеся на идолов, говорящие истуканам: вы наши боги* (Ис. 42, 17). *Приносили жертвы бесам, а не Богу богам, которых они не знали, новым, которые пришли от соседей... они род развращенный; дети, в которых нет верности* (Втор. 32, 17, 30).

Из этого коварного и неверного рода призывает тебя Господь, говоря тебе: *Идите, идите, выходите оттуда; не касайтесь нечистого; выходите из среды его, очистите себя, носящие сосуды Господни!* (Ис. 52, 11); *спасайтесь от рода сего развращенного* (Деян. 2, 40). *Встаньте и уходите, ибо страна сия не есть место покоя* (Мих. 2, 10). Многочисленность ваших богов бывает причиной беспорядков, даже мятежей, и совершенно неправдоподобна. У нас совсем не так: у нас нет многих богов и властителей, *но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им* (1 Кор. 8, 6), Который есть также невидимый Истинный Бог, родившийся от Отца прежде сотворения всякой твари и прежде всех веков. *Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит.* (Кол. 1, 16–17). И един Святой Дух Животворящий властитель всего, Бог Истинный, Дух благий, Дух утешения, Дух усыновления.

Таким образом, у нас один Бог, троичный в Лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. У Них одна природа, одно царство, одно могущество, одна слава, одно бытие, различаемое только свойствами каждой Ипостаси: Отец никогда ни от Кого не родился; Единородный Сын предвечно рождается от Отца; Дух Святой предвечно исходит от Отца. От света рождается свет Сына и исходит свет Духа, которым и мы освещаемся. В трех ипостасях мы прославляем единое Божество: единого, Истинного Бога, познаваемого в Нераздельной, Единосущной Троице. Из Него все, Им все и для Него все.

По Его милости я узнал о твоём существовании и был послан к тебе, чтобы научить тебя тому, чему я сам был научен. Поэтому если ты уверуешь и крестишься, то будешь спасен, если же не уверуешь, – будешь осужден. Все, что видишь ты теперь, все то величие, которым ты окружен, как то: богатство, слава, роскошь – скоро пройдет; ты оставишь их против своей воли. Тело твое будет заключено в тесный гроб, останется совсем одно без друзей и других близких лиц. Тление уничтожит его красоту и распространит кругом зловоние, вместо теперешнего услаждающего его благовония. Душа же твоя будет брошена в ад, где она пробудет до всеобщего воскресения, после которого, соединившись снова с телом, будет прогнана от лица Божия и осуждена в огненную геенну, горящую вечным, но никогда не сжигающим огнем. Вот

что будет тогда с тобой и многое еще худшее, если ты останешься в своем неверии. Если же ты с готовностью слушаешься Призывающего тебя ко спасению, с радостью осенишься Его светом, невозвратно последуешь за Ним, отрехшись от всего мирского и суетного, и привяжешься к Нему одному, то послушай только, какого блаженства достигнешь ты: *Когда ляжешь спать, – не будешь бояться; и когда уснешь, – сон твой приятен будет. Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придет* (Притч. 3, 24–25). Ты будешь идти уверенно, как лев; будешь жить во всякой радости и услаждении сердца; и радость вечная будет над головою твоею; найдешь радость и веселие; печаль и вздохи удаляются (ср. Ис. 51, 11). *Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит, возопишь, и Он скажет: вот Я* (Ис. 58, 8–9). *Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну: припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться* (Ис. 43, 25–26). *Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Ис. 1, 18)».

Тогда Иоасаф говорит Варлааму: «Все сказанное так прекрасно и достойно удивления, что я уверовал и всей душой возненавидел идолов; и до твоего прихода я недоверчиво относился к ним, теперь же я окончательно убедился в их несостоятельности, узнав от тебя всю нелепость идолопоклонства и безумие их почитателей. Потому я желаю сделаться служителем Истинного Бога, если только Он не оттолкнет меня, недостойного, за прегрешения, но простит мне все, будучи человеколюбивым и милостивым, как ты учишь. Я готов принять крещение и соблюсти все, что ты предпишешь. Но скажи мне, что следует делать после крещения: достаточно ли одной веры для спасения или нужно еще что-нибудь?»

На это Варлаам ему отвечал: «Выслушай, что надо делать после крещения. Следует воздерживаться не только от всякого греха, от всяких порывов страсти, но требуется подвизаться в добродетелях, имея основой своих действий правую веру, так как *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20), равно как и дела без веры, по учению апостола: *поступайте по духу, и вы не будете исполнять возжеланий плоти, ибо плоть желает противоположного духу, а дух – противоположного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом. Дела плоти известны; они суть: прелюбодение, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны] ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера* (Гал. 5, 16–22).

После крещения нужны освещение души и тела, смирение сердца, сокрушение о грехах, человеколюбие, милостыня бедным, бодрствование и постоянное раскаяние во всех совершенных грехах. Присоединение одного с другим, восхождение от одного к другому – это, подобно ступеням лестницы, приводит душу в Царствие Небесное. Таким образом, вот что нам предписано исполнять и как жить после крещения, противоположного этому следует избегать. Если же мы, познав истину, будем все-таки творить прежние суетные, греховные дела и подобно псам набросимся на собственное рвотное, то на нас сбудется сказанное Господом: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незапятнанным, выметанным и убраным* (Мф. 12, 43–44), но пустым и не наполнившим еще себя богатством добрых дел. *Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом* (Мф. 12, 45).

Крещение, смывая водой грязь грехов, уничтожает всякий их след, и на будущее время оно для нас есть несокрушимая стена и славное оружие против врагов. Сила его не уничтожится даже последующими новыми прегрешениями, для очищения которых не требуется нового погружения в купель, ибо мы исповедуем единое крещение. Потому следует всеми

силами остерегаться, чтобы снова не осквернить себя прегрешениями, но соблюдать заповеди Господа, сказавшего: *Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28,19–20). В своих заповедях блаженства Христос назвал блаженными нищих духом (ср. Мф. 5, 3). Их же признал и достойными Царствия Небесного. Затем Он предписывает для вечного блаженства скорбеть в земной жизни, чтобы быть утешенным в будущей; быть кроткими, алчущими и жаждущими правды, чистыми сердцем, воздерживающимися от всякого осквернения плоти и духа; быть миротворцами по отношению к ближним и к своей душе; подчинить зло добру и подвергнуть правому суду постоянную войну между ними; терпеть за правду всякое поношение и делать все это во имя Его, чтобы быть удостоенными вечной радости при разделе будущих славных даров. Он дал такое общее правило поведения для сей земной жизни: *Так да светит свет ваши пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5,16).

Закон Моисея, данный израильтянам, гласит так: *Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего* (Исх. 20, 13–16). Христос же говорит: *Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: рака, подлежит синагоге; а кто скажет: безумный, подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 22–24).

И немного дальше: *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Таким образом, Он даже страстное желание назвал прелюбодеянием. Так как закон преследует клятвенарушение, то Христос запретил совсем клятву, повелев подтверждать свои слова только через «да» и «нет». *Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 38–45); и: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф. 7,1–2).

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? (Мф. 6, 19–21, 25–26). Этим сказано, что давший нам душу и тело даст нам и пищу, и одежду, если Он и птиц небесных питает, и одевает в такую красу полевые травы. *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6, 33–34).

Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф. 7, 12–14). *Не всякий, говорящий Мне: Господи!*

Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7, 21). *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Всеми этому и тому подобному Господь и велел апостолам учить верующих, и мы должны соблюдать сказанное для достижения совершенства и венцов бессмертия, которые Господь наш, праведный Судья, даст в день Своего второго пришествия всем праведникам».

Тогда Иоасаф говорит старцу: «Если при таком строгом требовании безукоризненного поведения со мной случится, что я нарушу одну или две из заповедей, то тогда я уже совсем не достигну своей цели и всякая надежда будет тщетна?»

Варлаам ему отвечал: «Нет, не так должно судить об этом, ибо Слово Божие, вочеловечившись для спасения рода человеческого, зная немощность и жалкость нашей природы, и в этом случае не оставил нашу болезнь неизлечимой, но, как всемудрый Врач, дал лекарством от этой болезни раскаяние. Принимая во внимание шаткость и ошибочность нашего образа мыслей, раскаяние Он сделал средством для получения оставления прегрешений. После того как мы познали истину, получили освящение через воду и Духа Святого, без всякого труда очистились от грязи прегрешений, то, если после этого нам придется снова впасть в грех, не будет более другого духовного возрождения через крещение, то есть через погружение в купель с нисхождением на крещаемого дара Духа Святого (ибо этот дар дается нам только однажды). Но тогда оставление и очищение от грехов совершается по милосердию Божию, посредством искреннего раскаяния, через горячие слезы и неутомимый труд. По милости

Господа, продолжительное сокрушение и потоки слез есть как бы крещение, которое спасло от гибели уже многих согрешивших, так как нет греха, который мог бы победить человеколюбие Бога, если только мы его омоем слезами и раскаянием. Но человек должен спешить покаянием, чтобы преждевременная смерть не заставила нас покинуть этот мир запятнанными грехами. Ибо в аде уже нет места для раскаяния и сокрушения о грехах, но ими можно загладить свои прегрешения при жизни. Невозможно исчислить всех случаев сострадания Божия и измерить всю глубину милосердия Его, но можно сосчитать грехи людские и судить о степени их тяжести. Эти измеримые и исчислимые прегрешения не могут победить неизмеримого сострадания и милосердия Божия, выразившихся уже во многих случаях. Поэтому нам велено не отчаиваться в своих грехах, но уповать на благодать Божию и раскаиваться в проступках, отпущение которых подлежит человеколюбию Христа, Который за наши грехи проливал Свою Кровь. Из многих мест Священного Писания мы узнаем о силе раскаяния, в особенности же из притчей и учения Господа нашего Иисуса Христа: *С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4,17). Особенно сильно свидетельствует Он о раскаянии в притче о заблудшем сыне, говоря: *Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и зако-*

лите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться (Лк. 15, 1124). Так Он нас учил о кающихся грешниках.

В другом месте Он опять говорит о добром пастыре, имевшем 100 овец, который, потеряв одну овцу, оставил 99 и отправился искать пропавшую. Нашедши же, он взял ее на плечи и отнес к остальным. Созвав же своих друзей и соседей, он устроил в знак радости о своей находке пир. Спаситель говорит так: *Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лук. 15, 7). Даже Петр, камень веры, согрешил во время самого спасительного страдания Христа, отрекшись на короткое время от своего Учителя (как вообще жалка и немощна человеческая природа). Но сейчас же вспомнив о словах Господа и выйдя из двора, где находился Спаситель, горько заплакал, и своими горячими слезами снова одержал победу над злом, загладив свое поражение. И враг добра, восторжествовав мгновенно, с воплями и позором далеко бежал от него, ибо Петр был опытен в борьбе со злом. Хотя он и пал, но не был отвержен и не отчаялся, но, оправившись от поражения, принес горячие слезы и искреннее сокрушение, и он снова стал в сонм апостолов и камнем веры. Таким образом, будучи всеобщим учителем, Петр сделался также образцом раскаяния. Когда после Своего Божественного воскресения Христос трижды спросил: *Симон Ионин! любил ли ты Меня*, – то апостол отвечал: *Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя!* (Ин. 21,15). Из всех этих и других бесчисленных примеров мы узнаем о силе слез и раскаяния. Но это средство загладить грех возможно только тогда, когда кающийся, смывая слезами свой грех, чувствует отвращение, ненависть и презрение к нему, как об этом говорит пророк Давид: *Утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою* (Пс. 6, 7). Раскаяние и слезы могут искупить наш грех, благодаря страданиям Христа, по бесконечному милосердию Бога, сказавшего: *Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Ис. 1, 18). Вот как нужно думать об этом; и мы так веруем. Кроме того, после познания истины, возрождения и усыновления следует участвовать в Святых Таинствах, чтобы, по возможности, обезопасить себя от падения, – ибо истинному борцу подобает падать, – так как многие, упав, уже не могли встать: одни, дав доступ в сердце свое страстям, навсегда подчинились им и не могли уже прибегнуть к раскаянию; другие же, вследствие преждевременной смерти, не успели смыть с себя грязь греха, а потому и были осуждены. Посему опасайся впасть в какую бы то ни было страсть. Если же это падение будет неизбежно, то следует тотчас же встать и снова вступить в славную борьбу. И сколько бы раз это падение в жизни ни случилось, нужно сейчас же стараться очнуться и подняться. *Обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам* (Мал. 3, 7)».

Тогда Иоасаф ему говорит: «А как можно сохранить себя чистым, незапятнанным грехом после крещения? Хотя, как ты говоришь, для согрешивших есть спасение через раскаяние, но оно все-таки соединено опять с горем, бедствиями и слезами, и мне кажется, что большинство не может успешно воспользоваться этим средством. Мне бы хотелось обрести путь, идя которым я мог бы не сходить с него и сохранить ненарушимо все заповеди Божии; чтобы, по оставлении мне моих прежних прегрешений, я уже ничем бы не прогневал всеблаготворного Господа Бога нашего».

На это ему Варлаам отвечал: «Твое слово благо, царь и господин мой! Я и сам весьма бы этого желал, но только трудно и даже совершенно невозможно кому бы то ни было не обжечься, соприкасаясь с огнем. Поэтому обремененному делами и занятому житейскими заботами и тревожностями, живущему в богатстве и роскоши весьма трудно неуклонно идти путем исполнения заповедей Божиих. *Никакой слуга, – говорит Господь, – не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне* (Лк. 16,13). Подобно пишет и возлюбленный ученик Его, великий Богослов Иоанн в своем послании: *Не любите мира,*

ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек (1 Ин. 2, 1517). Поняв смысл этих слов апостола, услышав, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14, 22), наши Божественные отцы старались после святого крещения сохранить чистым и безупречным дарованное им одеяние бессмертия. Многие из них присоединили к нему еще другое крещение, именно через кровь и страдания. Это тоже есть крещение, притом самое достойное и доблестное. Крещенный таким крещением уже не осквернится нечистотой греха. Сам Господь, приняв за нас страдания, назвал их истинным крещением. Отсюда и Его подражатели и последователи – сначала очевидцы, ученики и апостолы – приняли такое крещение, потом целые христианские общества подвергали себя Божественным страданиям; выдавая себя языческим царям и начальникам, они были осуждаемы на разные наказания и истязания: на растерзание дикими зверями, на сожжение и убиение. Они в течение всего своего жизненного пути открыто исповедовали свою веру, сохранили ее непреложной, за что и были удостоены награды, назначенной праведникам, сожития с Ангелами и наследия, обещанного Христом. Доблесть их была так велика, что молва о них распространилась по всей земле, и блеск их подвигов воссиял за пределами вселенной. И не только их слава и дела, но кровь и кости их исполнены святости. Ибо силой их изгоняются бесы, и прикасающиеся к ним с верой получают исцеление от всех неизлечимых болезней. Даже их одежды и все, бывшее близким к их славным телам, имеет силу для всякой твари. Но долго было бы рассказывать о всех их подвигах в отдельности.

Когда же те жестокие, зверские тираны ужасно погибли, гонения прекратились и во вселенной воцарились благочестивые цари, то многие последователи Христа подражали в рвении истинно христианскому поведению мучеников и, воодушевившись их стремлениями, более всего думали о том, чтобы предстать перед Господом чистыми телом и душой. Они отдалили от себя воздействие всяких страстей и все то, что могло бы запятнать их чистые души и тела. А так как они уразумели, что могут достигнуть этого только через исполнение заповедей Христа, и вместе с тем поняли, что выполнение заповедей и упражнение в добродетелях трудны в среде мирских страстей и похотей, то стали заботиться о другом роде жизни и по Божественному гласу, оставив родителей, детей, друзей, родных, богатство и роскошь, возненавидев все мирское, подобно каким-нибудь беглецам, удалились в пустыню.

Проводя здесь жизнь в лишениях, в скорбях, живя в горах, пещерах и земных расщелинах, отказавшись от всех земных наслаждений и удобств, подвижники стесняли себя даже в пище, стремясь только к тому, чтобы вдали от людских страстей вырвать с корнем всякие суетные желания и, изгладив их совершенно из своей памяти, насадить в своей душе на их место любовь и стремление ко всему Божественному и небесному. Кроме того, они, стараясь истязаниями умертвить свою плоть, желали добровольно сделаться мучениками, чтобы обрести славу умерших мученической кончиной; стремились воспринять мучения подобно Христу, насколько это, конечно, доступно человеческой природе, и вследствие этого сделаться соучастниками в пользовании благами будущего вечного Царствия.

Поставив себе такую цель, блаженные вели тихую, ничем не нарушающую душевного спокойствия жизнь. Некоторые из них, живя под открытым небом, терпели зной, дожди, свирепую стужу, бури и ветры; другие жили в шатрах, ими же сколоченных, в пещерах или же в земных расщелинах. Подвизаясь таким образом в добродетели, они совершенно отказались от всякого плотского покоя и других телесных услаждений; в пищу употребляли сырые овощи, разные растения, древесные плоды или же сухой, совершенно черствый хлеб. Их воздержание простиралось не только на качество пищи, но со свойственным им усердием и на количество, именно: они самого необходимого и простого употребляли в пищу только настолько, чтобы поддержать жизнь.

Одни из них даже в течение целой недели оставались без пищи и только в воскресный день позволяли себе прикасаться к ней; другие принимали ее два раза в неделю, иные же через день или только по вечерам отведывали немного пищи.

Проводя постоянно время в молитвах и бдениях, подвижники почти применились к образу жизни Ангелов: они совершенно забыли о существовании золота, серебра, купли и продажи между людьми; зависть и недоброжелательство, следующие обыкновенно за земными делами, были чужды им. Тот из них, кто менее успешно подвизался в добродетелях, не имел даже никакого помысла о зависти к подвизавшемуся успешно, который не выказывал никакого презрения, высокомерия, хвастовства в отношении своего ближнего, менее счастливого в подвижничестве, ибо такой подвижник приписывал все свои удачи в подвигах не собственным силам, а могуществу Божию. Они следовали в этом случае по велению Божию: *Так и вы, когда исполните все побелевшее вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17,10).

Некоторые же из них упрекали сами себя, что они не выполнили еще приказанного им Господом, но что им остается еще выполнить гораздо больше, чем они уже сделали. Эти подвижники презирали самих себя за немощь тела и бедность человеческой природы. Таким образом, у них один был смиреннее другого. В их душах не было места для тщеславия и человекоугодничества. Поэтому те, которые, бежав в пустыню от людского общества, живут там, подвизаясь не для людей, но для Бога, надеются получить от Него же награды за свои подвиги, понимая, что за труды из-за тщеславия нет награды, потому что таковые совершаются для похвалы со стороны людей, а не для угождения Богу. Посему подвижники второго рода вдвойне заблуждаются: убивая свою плоть, они не получают мзды.

Домогающиеся же достигнуть славы на небесах презрели все земное, свойственное человеческой природе. Такие люди подвизаются: некоторые в совершенном одиночестве, вдали от человеческого общества, посветив себя всецело Богу; другие же, живя вдали, лишь по воскресным дням приходят в общество людей для участия в Святах Таинствах, именно: в принесение чистой и Бескровной Жертвы и принятия Святого Тела и Крови Христа, что Он установил для отпущения верующим грехов, просвещения и освящения тела и души. Проводя здесь время в душеспасительных разговорах, в даровании друг другу нравственных советов, в изъяснении народу тех скрытых и тайных действий, которые употребляет враг для соращения верующих с пути истины, они, со своей стороны, наставляли в способах ведения борьбы с врагом, чтобы кто-нибудь, по незнанию этих способов, не попался в плен. После всего этого они возвращались на места своих подвигов, ощущая в своем сердце чувство, сладость которого подобна меду, готова себе своими трудами плод, достойный занять место даже в небесной трапезе.

Некоторые подвижники ведут совместную жизнь. Собравшись в известном количестве в одно место, они ставят во главе своего общества наиболее отличающегося душевными качествами, убив в себе мечом повиновения всякое собственное желание. Сделавшись, таким образом, добровольно рабами, они живут уже не для себя, но для Того, Кому они подчинились по воле Христа. Еще лучше сказать, они живут не сами по себе, но живет в них Христос, Которому они подчинились, отказавшись от всего остального. Это есть истинное удаление от мира и добровольное отречение от плотской жизни, вследствие стремления к высшему. Такие ведут образ жизни, подобный образу жизни Божественных Ангелов, прославляя единодушно в псалмах и гимнах Господа Бога и вместе заслуживая награды за послушание. На них исполняется слово Господне, гласящее: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Этими словами Он не ограничил числа собирающихся во имя Его, но словами «два или три» Он выразил только неограниченность числа их. Ибо мало ли, много ли собираются во имя Его с пламенным желанием служить Ему, мы непреложно веруем, что Христос находится там среди Своих. Живя такими обществами, обитатели земли старались применить к жизни небожителей. Время они проводили в посте, молитвах и бдении, в проливании слез, неутеш-

ном горе, в мыслях о смерти, в смирении и кротости, в молчании, лишениях, чистоте и смиренномудрии, в душевном спокойствии и совершенной любви к Господу и своему ближнему. Вследствие такой жизни, они к концу ее делались совершенно небесными Ангелами. За то Бог наградил их еще здесь, на земле, дав им силу творить разные знамения и чудеса, благодаря чему слава о них распространилась по всей вселенной. Если я тебе расскажу о жизни одного из них, основателя монашеской деятельности, имя которого было Антоний, то ты из рассказа об одном этом древе совершенно познаешь сладость плодов однородных с ним дерев. Узнаешь, что он поставил за основание монашеской деятельности, какой образ жизни предписал им и какими милостями он награжден от Спасителя. После него и другие многие совершали подобные подвиги и достигли небесных наград и венцов. Блаженны, трижды блаженны возлюбившие Бога и презревшие ради любви к Нему все остальное. Они скорбели и рыдали днем и ночью, чтобы достигнуть вечного утешения; они здесь добровольно унижали себя, чтобы там возвыситься; здесь истощали свою плоть голодом, жаждой и бдениями, дабы там жить в райской роскоши и радости. Они сделались местом пребывания Святого Духа вследствие чистоты своего сердца, как об этом свидетельствует Священное Писание: *И поставлю жилище Мое среди вас... и буду ходить среди вас* (Лев. 26,11–12). Они распинали себя для мира, чтобы быть удостоенными места одесную Распятого; опоясали истиной бедра свои и имели всегда готовыми светильники, ожидая пришествия бессмертного Жениха. Смотря на все глазами разума, они всегда имели перед собой тот страшный час смерти; видели перед собой будущие блага и вместе с тем постоянно думали о будущем вечном наказании; они старались исцahnуть, чтобы достигнуть вечной славы. Страсть была им так же чужда, как Ангелам, и теперь они ликуют с ними, жизни которых подражали. Блаженны они и преблаженны за то, что, смотря на все взором ума, видели всю суету и пустоту здешней жизни, непрочность и ненормальность человеческого благополучия на земле, отказавшись от которого предпочли вечные блага и достигли непрерываемого смертью блаженства.

Этим удивительным святым мужам и мы, недостойные и ничтожные, стараемся подражать, но не можем достигнуть высоты их образа жизни, подобного жительству небожителей. Но, тем не менее, мы стараемся подражать им, насколько нам это позволяет наша жалкая и немощная природа, применились к внешности их образа жизни, хотя в делах спотыкаемся.

Следуя словам этих блаженных отцов, и мы презираем тленные и временные блага земной жизни, в которых нет ничего ровного, твердого, постоянного, но *все – суета и томление духа* (Еккл. 1, 14). Все здешнее земное призрачнее снов, тени, дуновения ветерка. Малую и недолговременную доставляет оно радость, которую нельзя и назвать радостью, но обманом и заблуждением во зле мира. Нам предписано не любить его, но всем сердцем ненавидеть, и эта ненависть совершенно основательна. Ибо что мир дает своим любимцам, то снова гневно отымает. Лишенными всякого блага, покрытыми позором, с тяжким бременем отсылает он потом их на вечную скорбь. Кого он возвышает, того же спешит тотчас унижить на радость врагам.

Таковы милости и дары мира сего. Он враг любящих его и злоумышляет против творящих волю его. Низвергая всех положившихся на его прочность, он находит себе последователей только среди глупцов, льстя им различными ложными обещаниями, дабы их увлечь. Если же они, тем не менее, окажутся благомыслящими, то он сам оказывается лживым и глупым, так как не может выполнить того, что задумал.

Услаждая сегодня гортань людей изысканными блюдами, мир завтра отдает тех же людей на съедение врагам. Сегодня он делает человека царем, завтра же предает его унижительному рабству; сегодня он его осыпает бесчисленными благополучиями, завтра делает его нищим и рабом рабов; сегодня возлагает венец славы на голову человека, завтра он низвергает его лицом на землю; сегодня украшает шею человека почетными знаками, завтра он его заключает в железные оковы. Все он делает для всех желанным ненадолго и немного спустя – ненавистным и противным; сегодня он заставляет человека радоваться, завтра же – рыдать и сокрушаться.

Выслушай, какой конец предлежит всему этому: возлюбивших его мир делает жертвами огненной геенны. Так оно бывает всегда, такие от этого бывают результаты, и так случается со всяким, возлюбившим похоти его: никто от него пусть не ждет милосердия или сострадания. Всех мир желает обмануть, опутать своими сетями и старается только о том, чтобы никто не избежал этих сетей.

По моему мнению, люди, поработанные таким суровым и дурным тираном, безумно отступившие от человеколюбивого и всеблагого Господа, всецело погрязшие в земных заботах и не думающие совершенно о будущем, но только о плотских наслаждениях, душу же свою осуждающие на голодную смерть, подобны мужу, убежавшему от бешеного верблюда. Муж этот, испугавшись ужасного рева своего взбешенного верблюда, бежал, чтобы не сделаться его жертвой, и в беге упал в глубокую яму. Но в падении он, простерши руки, ухватился за какое-то растение. Вместе с тем он ощупал какую-то подпору для ног, на которую и поспешил опереться, считая себя впредь в безопасности. Но, осмотревшись, человек увидел, что две мыши, черная и белая, не переставая грызут корень того растения, за которое он ухватился, и уже близки к тому, чтобы совсем перегрызть его. Взглянув же на дно ямы, видит ужасного огнедышащего дракона, свирепо смотрящего на него с разинутой пастью, готовящегося проглотить его; присмотревшись же к той подпоре, на которой он утвердил ноги, видит, что это была стена, с которой торчали головы четырех аспидов; подняв же свои глаза кверху, он увидел немного меду, капающего с ветви этого растения.

Тогда человек, забыв об окружающих его опасностях: о бешеном верблюде, стоящем над ямой и желающем его растерзать, о драконе, об аспидах и мышах, догрызающих корень, вполне предался услаждению себя сладостью этого ничтожного количества меду. Это сравнение относится к увлекающимся сей земной жизнью: верблюд – это смерть, преследующая постоянно род Адамов и стремящаяся похитить его; яма же – мир, полный различных зол и коварных козней; растение же, корень которого непрестанно точится мышами, есть жизнь человеческая, непрестанно сокращаемая сменяющимися днем и ночью (черная и белая мыши); четыре же аспиды выведены тут для подобия тела человеческого, зависящего от четырех непрочных и непостоянных элементов, которые находятся если в беспорядке и смятении, то сокрушается и прочность человеческого тела; тот же ужасный, огнедышащий дракон показывает собой ад, стремящийся принять в свое лоно всех, кои предпочли временные земные наслаждения будущим вечным благам; наконец, под каплей меда изображается сладость земных удовольствий, которой вводятся в заблуждение любители мира, вследствие чего они не заботятся о своем спасении». Иоасаф, на которого эта притча произвела сильное впечатление, воскликнул: «Сколько истины и смысла в этой притче! Говори таких притч побольше, чтобы вполне понял нашу жизнь и мог бы судить верой, кому что предстоит в будущем».

Тогда старец сказал ему: «С другой стороны, возлюбившие эту земную жизнь и упивающиеся ее кратковременными сладостями, которые они предпочли будущим вечным благам, подобны человеку, имевшему трех друзей. Двух из них он весьма любил, уважал и готов был за них подвергнуться смерти и каким угодно опасностям. К третьему же относился с величайшим пренебрежением, не оказывал ему никакого почтения, ни подобающей любви, но выказывал в отношении к нему очень мало, чтобы не сказать никакой, дружбы. Но вот в один день к этому человеку приходят какие-то грозные воины и требуют, чтобы он немедленно явился к царю, отвечать за долг в 10 000 талантов. Находясь в стесненных обстоятельствах, этот человек мысленно искал помощи, чтобы исполнить столь ужасное для него требование царя. Он бежит к своему первому другу, которого считал самым искренним, и говорит ему: «Ты знаешь, друг, я всегда готов был душу свою положить за тебя. Теперь же мне нужна помощь, так как крайняя нужда постигла меня сегодня. Скажи же, чем можешь помочь мне и насколько оправдается моя надежда на тебя?» Этот же ему отвечает: «Я тебе не друг и даже не знаю, что ты за человек. У меня есть другие друзья, с которыми я буду сегодня веселиться, которые и будут всегда моими

друзьями. Тебе же я дам два рубища на дорогу, которая тебе предстоит, и больше от меня не жди ничего». Услышав это и обманувшись так горько в надежде, которую он возлагал на своего друга, он отправился к другому и говорит: «Ты помнишь, друг, как я всегда почитал и любил тебя. Теперь я нуждаюсь в человеке, который бы мне помог в ужасной постигшей меня беде. Скажи мне, чем ты можешь мне помочь, чтобы я мог выйти из нее?»

Он же ему отвечал: «Я не могу оказать тебе сегодня никакой помощи, потому что со мной случилось несчастье, причинившее мне много забот, так что у меня теперь свое горе. Я, если хочешь, могу тебя немного проводить, но помочь не могу ничем и, возвратившись домой, предамся собственным заботам». Таким образом, выйдя от него с пустыми руками и не получив помощи, он отправляется к третьему другу, о котором никогда не заботился и с которым не делился своими радостями, и говорит ему с пристыженным и потупленным взором: «Я не смею обращаться к тебе, так как знаю, что ты не видел с моей стороны в отношении к тебе никакого доброго дела, ни даже простого расположения. Но так как меня теперь постигло ужасное горе и ни одна из надежд на моих прежних друзей не оправдалась, то я и решился прийти к тебе просить оказать мне, если можешь, хотя какую-нибудь помощь. Прошу тебя: не откажи мне, не напоминай мне теперь о моей прошлой несправедливости». Но друг говорит ему с веселым и ласковым лицом: «Нет, я считаю тебя истинным другом и, помня о том незначительном благодеянии, которое ты мне когда-то оказал, я отдам тебе сегодня с процентами. Не бойся и не робей: я буду твоим предстателем, буду просить за тебя царя, чтобы он не отдавал тебя в руки врагов твоих; так ты ободрись и не печалься». Тогда этот человек, растроганный, сказал ему со слезами: «О, я безумец! О чем мне прежде плакать? Презирать ли мне себя за свое глупое пристрастие к неблагодарным друзьям, забывшим оказанное мной им добро, или же сокрушаться о той безумной несправедливости, которую я выказал в отношении тебя, истинного, искреннего друга?!»

Иоасаф, слушавший с недоумением эту притчу, просил разъяснения ее. Тогда Варлаам говорит ему: «Под первым другом здесь следует разуметь любостыжательность и богатство. Из-за них человек подвергается бесчисленным опасностям и терпит много горя. Когда же приходит час смерти, то все его богатство ничего полезного ему дать не может, кроме рубища, в котором можно быть похороненным. Под вторым другом следует разуметь жену, родственников и друзей. Привязанный к ним и душой, человек ничего не жалеет для них и бывает с ними неотлучно. В час же смерти он ничего от них не получает, кроме провожания к могиле, после чего они сейчас же возвращаются к своим делам и заботам; так же скоро перестают вспоминать о нем и забывают даже о месте могилы когда-то любимого человека. Под третьим же другом, бывшем в пренебрежении, считающимся недостойным, с которым не только не искали сближения, но которого, напротив, избегали, который был как бы отверженным, надо понимать совокупность всего хорошего, как то: веру, надежду, любовь, сострадание, человеколюбие и всякие другие добродетели – вообще, все, что может нам быть полезным в час смерти, быть нашим ходатаем перед Господом, освободить нас от наших врагов, от власти тех немилостивых сборщиков податей, которые на том свете безжалостно берут следуемое и стараются только об одном, чтобы иметь нас в своей власти. Тот есть наш истинный друг, который помнит даже о малейшем благодеянии, оказанном ему с нашей стороны, и с процентами возвращает данное».

Выслушав этот рассказ, Иоасаф сказал: «Да наградит тебя Господь Бог твой, премудрый муж, за то, что ты своими мудрыми словами просветил духовной радостью мою душу. Выставь мне еще в какой-нибудь притче пустоту и ничтожество благ мира сего, где было бы выяснено средство мирно и безопасно провести эту жизнь».

Тогда Варлаам отвечал ему: «Выслушай притчу на разрешение и этого вопроса. Знал я один большой город, граждане которого имели обыкновение брать себе в цари какого-нибудь иноземца, совершенно незнакомого с их законами и обычаями, которому они предоставляли неограниченную власть в продолжение одного года. По истечении же этого срока они вдруг

неожиданно нападали на него, когда он беззаботно жил в роскоши, предаваясь всяким наслаждениям, считая свою власть упроченной до конца жизни; снимали с него царские одежды и торжественно водили без одежды по городу, после чего изгоняли на какой-нибудь отдаленный остров, где он томился без пищи и одежды, терпел голод и стужу. Как неожиданно доставались ему роскошь и жизнь в веселии, так же неожиданно они обращались в горе и лишения.

Но как-то раз гражданам того города попался умный и смысленный царь, который не чрезмерно увлекался выпавшим на его долю счастьем и не подражал беззаботности своих предшественников, но постоянно думал о том, чтобы навсегда укрепить свое благополучие. Будучи пытливым, он узнал однажды от одного из своих советников об обычае своих подданных – изгонять царей, и что потому следует обезопасить себя на последующее время. Выведав, на какой остров ему придется уже вскоре отправиться и, таким образом, оставить власть и свои сокровища, которыми он до сих пор свободно пользовался, он отобрал от них большое количество золота, серебра и драгоценных камней, вручил их своим самым преданным слугам и велел отвезти на тот самый остров, куда ему предстояло отправиться. Когда прошел годичный срок, граждане, собравшись, поступили с ним, как и с его предшественниками. Но его предшественники терпели в изгнании голод и стужу. Этот же, приготовив большие сокровища, продолжал жить в роскоши и веселии, таким образом, благодаря уму, упрочив свое дальнейшее благополучие.

Под городом ты разумей здесь эту пустую обманчивую мирскую жизнь; под гражданами – власть дьявола, царствующего над мраком мира сего, прельщающего нас его наслаждениями и удовольствиями; по его же внушению люди смотрят на тленное и кратковременное как на вечное и нетленное. И вот нас, родящихся в таком обмане и заблуждении, не заботящихся о будущих вечных и прочных благах, потому и не готовящихся к тому, чтобы быть достойными обладания ими, внезапно постигает гибель через смерть. Тогда-то позорные, злые обитатели мрака, под господством которых многие люди провели всю свою жизнь, отведут этих людей *в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма* (Иов 10, 22).

Под добрым же советником, сказавшим тому мудрому царю всю правду и направившим его на спасительный для него путь, разумей мое ничтожество, меня, который пришел указать тебе истинный, благий путь, приводящий к вечным, нетленным благам. Ты его найдешь, если оставишь все мирское, вводящее в обман, что и я злополучно любил; любил и я все эти мирские удовольствия и наслаждения. Но, взглянув на них умственными духовными очами, проследив весь ход человеческой жизни, заметив, как одно в ней приходит, другое проходит, ничто не имеет ни твердости, ни постоянства: богатые не пребывают вечно в богатстве, сильные – во власти, мудрецы – в мудрости, изнеженные роскошной жизнью – в роскоши, считающие себя в безопасности висят на волоске, что вообще ни одно из земных благ непрочно и невечно, но все они подобны потокам тающего снега, низвергающимся в неизмеримую глубину моря (так переменчиво и временно земное счастье!), я понял, что все это пустота и суета и что от всего этого нет никакой пользы. Как до меня ни одно из земных благ не было прочно и постоянно: ни богатство, ни слава, ни власть, ни почесть, но все проходило и предавалось забвению, так оно будет и после меня. Никому не дано в удел наслаждаться на земле вечно.

Таким образом, я понял, как мучает этот мир людей, какие они претерпевают в нем превратности. Одни в нем из крайнего богатства приходят в крайнюю бедность, и обратно: из крайней бедности в богатство и славу; одни оставляют эту жизнь, другие приходят; многие умные и достойные уважения люди терпят унижение и позор, ничтожные же и порочные входят в почет и славу, даже делаются обладателями царской короны.

Страх людей сей мирской жизни, чем-нибудь уstraшенных, подобен страху голубя, преследуемого орлом или ястребом. В ужасе перелетает этот голубь с места на место, прячется на каком-нибудь дереве или в кусте, или в отверстиях скал, но нигде не находит себе верного и

безопасного убежища и, наконец, изнурившись, приходит в отчаяние. Сему подобен и мирской страх. Терпя в мире много различных бедствий, люди не имеют против них никакого средства или безопасного, надежного убежища; не знают даже, какой конец предстоит этому, куда приведет их вся эта суета мирская, которой они, злополучные, совершенно подчинились. Избрав сами себе в удел такую жизнь – непригодность вместо пригодности, такие люди, несмотря на свои часто тяжелые труды в жизни, в конце концов не получают от них никакой пользы. Таким образом, мир поступает со своими приверженцами не так, как друг или даже хороший знакомый, но как недруг, как заклятый враг.

Взвесив все это в своей душе, я возненавидел жизнь, проходящую в бессмысленной суете; жизнь, которую и я когда-то проводил. Когда же в мою душу проникла искра света, позволившая мне видеть пустоту мирской жизни, я начал понемногу сознавать, в чем заключается истинное счастье; понял, что основание всякого блага есть страх Божий и исполнение воли Божией. Это есть начало всякой мудрости и вместе с тем совершеннейшая мудрость. Имеющий страх Божий и исполняющий Божию волю, ведет безобидную и беспечальную жизнь. Опирающиеся на такую жизнь находятся в безопасности, ибо они опираются на Самого Господа. Вступив мысленно на путь исполнения заповедей Божиих, я уразумел, что на этом пути нет ничего, вводящего в соблазн или заблуждение; нет ничего неравномерного, нет ни утесов, ни ям, ни терний, ни шипов; что он гладок, ровен, услаждает глаза идущих им, самой приятной надеждой украшает стопы их. Я понял, что это есть путь, идя которым люди исполняют предписанное Евангелием; понял также, что он самый короткий и безопасный для достижения истинного блаженства.

Естественно, что я избрал его и начал строить в своей душе вместо прежнего разрушенного и павшего здания новое, непоколебимое. Когда я, таким образом, изменил свой прежний образ мыслей и дал им новое безопасное направление, я услышал слова одного мудрого учителя, говорившего следующее: «Выйдите отсюда все желающие спастись; оставьте эту суетность и пустоту мирскую! Выйдите, не оглядываясь, но запасшись всем необходимым для пути, ибо вам предстоит большая дорога, для которой надо запастись всем, что нужно для достижения нетленного Царства. Ибо в вечности есть два отделения, имеющие много мест. Одно отделение Господь уготовал любящим и исполняющим заповеди Его, оно исполнено всяких благ. Удостоенные этого отделения живут вечно, наслаждаясь бессмертием; они чужды горя, печали и плача. Второе же отделение, исполненное мрака, горя и печали, уготовано диаволу и ангелам его. В него будут низвергнуты все, заслужившие того своими дурными делами, променявшие вечное, нетленное на временное и этим сами себя сделавшие жертвой вечного огня».

Сознавая истину слышанных слов, я решил употребить все усилия сделаться достойным первого отделения, не знающего ни печали, ни воздыхания, напротив, исполненного таких благ, знанием которых я обладаю теперь только отчасти, так как я духовно еще несовершенно-летен и могу видеть эти блага как бы сквозь тусклое стекло, гадательно. Впоследствии, когда настанет совершенное, тогда познаю лицом к лицу. *Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти* (Рим. 7, 25; 8, 2). Этот же закон открыл мне глаза, дал мне возможность ясно видеть, что помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир. Как я окончательно познал суету здешней жизни и совершенно возненавидел ее, так я и тебе советую сделать: чуждаться всего мирского и скоропроходящего. Оставь теперь все это; думай о том, чтобы в том нетленном жилище наслаждаться вечными, истинными и неисчерпаемыми благами, но приготовляйся удостоиться этого, немедля старайся скопить те сокровища, чтобы явиться туда не нищим, но богачом с неистощимым богатством».

Тогда Иоасаф вопрошает старца: «Как я могу отправить туда сокровища и богатства, как наслаждения ими могут сделаться непрестанными и неисчерпаемыми? Как мне выказать ненависть ко всему временному, мирскому и прилепиться к вечному? Объясни мне это».

Варлаам же ему отвечает: «Отправление этих сокровищ в вечное Царствие производится руками нищих. Ибо премудрый пророк Даниил говорит вавилонскому царю: *искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот, чем может продлиться мир твой* (Дан. 4, 24). Сам Спаситель сказал: *приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители* (Лк. 16, 9). И во многих местах Св. Евангелия мы читаем, что Господь предписывает милосердие к бедным. Руками бедных ты вернее всего отправишь сокровища на небеса. Милостыней ты расположишь к себе Господа, и Он за это воздаст тебе несравненно большим, ибо в воздаянии даров Он всегда побеждает любящих Его.

Таким образом, ты, раздав богатство этого мира (в порабощение которого ты уже довольно бедствовал), будешь достаточно снабжен для пути, ведущего к истинному благу, купив ценой преходящего и временного, незыблемое и вечное. Потом, с Божией помощью, ты сам познаешь всю непрочность и непостоянство настоящего, а потому, распростившись со всем мирским, будешь жить будущим. Мир же сей ты возненавидишь, возненавидишь также тленную свою плоть. Возьмешь крест свой и последуешь за Христом, и этим самым выйдешь из мрака, господствующего этим миром. По окончании сей кратковременной жизни, просветишься Его неприступным светом, озаришься блеском Его славы и будешь наследником вечной, истинной жизни».

Выслушав это, Иоасаф спросил: «Учение пренебречь земными благами и вступить на многотрудный путь имеет началом своим учение апостолов, или же составлено недавно вами и есть произведение вашего ума, который нашел это средство лучшим для достижения истинного блаженства?»

На это старец отвечал ему: «Я тебе не предписываю никаких законов, составленных недавно, но привожу заповеди, издревле данные нам, ибо Господь следующим образом отвечал одному богатому юноше, спросившему Его: «Что мне делать, чтобы наследовать вечную жизнь?» – и хваставшему, что он исполняет все, предписанное законом: *Одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест. Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение* (Мк. 10, 21–22). Иисус, видя, что он опечалился, сказал: *как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Лк. 18, 24, 25). Все святые, зная эту заповедь, всячески старались освободиться от обузы богатства. Они освобождались от нее, раздавая его бедным, приобретая этим самым вечное богатство.

Они же брали крест свой и следовали за Христом; одни достигали этого мученической кончиной, как я тебе ранее это сказал, другие аскетическим подвижничеством. И этим истинно мудрым поведением не оставляли в себе ничего, что напоминало бы о их прежней плотской жизни. Поэтому запомни эту заповедь Христа, Царя и Бога нашего, отвлекающую нас от всего тленного и обращающую к вечному».

Тогда Иоасаф спросил: «Если это столь древняя и необходимая заповедь, то почему же теперь немногие поступают согласно с ней?»

Старец же ему говорит: «Многие желали и желают вести жизнь согласно с заветами Христа, но не все решаются начать ее. Ибо немногие, как говорит Господь, идут трудной и узкой тропой, но большинство предпочитает широкую и легкую. Это люди, совершенно порабощенные любостыжательностью и сладострастностью, неразрывно связанные с ними. Они подобны людям, продавшим себя другому господину. Душа их, отвергнув собственное спасение, отдавшись во власть неразумных страстей, безумно устремляется на все. Пророк, сожалея об этих душах, покрытых густым слоем невежества, говорит: *Сыны человеческие! доколе вы будете упорны? Зачем любите суету и ищете лжи?* (Пс. 4, 3).

Подобно этому пророку один из наших премудрых учителей, присовокупляя и от себя, замечает: «Сыны мужей! За что вы любите суету и ищете ложь? Считаете чем-то великим здешнюю жизнь, роскошь, ничтожную славу и ложное счастье? Имеющие все это имеют не более, чем надеющиеся иметь. Земное счастье подобно праху, раздуваемому и разносиму ураганом, дыму или же сну. Этих благ не безнадежно лишены необладающие ими, но вместе с тем они ненадежны для обладающих ими».

Так говорили по повелению Божию пророки, апостолы и другие святые, словом и делом направляя нас на путь добродетели. Хотя немногие избирали этот путь, большинство же предпочитало легкий и для всех открытый путь, приводящий к гибели. Но не следует думать, что от этого уменьшилось достоинство Божественной мудрой деятельности благочестивых. Подобно тому как солнце, щедро посылая нам свет своими лучами, предоставляет пользоваться этим светом всем, так и истинная мудрость освещает своих последователей. Если же некоторые, закрыв глаза, не хотят видеть света, то вовсе не следует хулить солнце и другим также пренебрегать его светом; равным образом, слава света Божия вовсе не посрамится из-за глупости этих людей. Такие люди, лишив себя света, подобно слепым, должны ощупью искать стены; причем они впадают во встречающиеся им ямы и, натываясь на шипы, прокалывают себе глаза. Равным образом, как солнце своим блеском светит для всех, с открытым лицом смотрящим на его свет, так и свет Христа щедро светит всем нам, и каждый может пользоваться Его светом, сколько желает. Но свет правды, не лишая возможности кого-либо из желающих пользоваться им, не принуждает избирающих добровольно мрак. Каждый поступает по собственной свободной воле, по собственному свободному выбору, пока он живет в этом мире».

Когда Иоасаф попросил старца выяснить ему истинное значение слов «свободная воля и свободный выбор», Варлаам начал так: «Свободная воля есть желание разумной души, беспрепятственно направляемое на все: и на добро, и на зло, ибо таким свойством одарил Создатель душу человека. Таким образом, свобода воли есть разумное, независимое движение или направление нашей души. Выбор же – это наша окончательная воля, последовавшая за обсуждением желаемого. Обсуждение есть врожденное нам стремление останавливать свои мысли на всем, что подлежит нашим действиям. Всякий сначала обсуждает, следует ли ему совершить известное дело или нет, после чего уже делает то, что, по его мнению, лучшее, и это называется решением или выбором. Если человек и впоследствии будет одобрять свое решение, то такое решение называется решением или выбором по склонности; если же не будет одобрять, то – решением или выбором условным. Но обсуждение всегда предшествует выбору: никто не выберет чего-нибудь, не обсудив прежде. Все, на чем остановится наш выбор, мы стараемся употребить для дела, применить к своим действиям. Ибо мы все обсуждаем для того, чтобы знать, как нам поступать, как действовать. Всякое обсуждение есть причина наших поступков.

Поэтому не только наши дела, но и наши мысли, избирающие действия, могут быть причиной награды или наказания, так как начало всякого хорошего или дурного дела есть выбор, зарождающийся в мыслях. Так что, каковы наши мнения, таковы и действия. Следовательно, от нас самих зависит быть добродетельными или порочными. Мы – господа всех наших желаний, всех душевных побуждений, а потому и всех наших решений и действий. Желание есть источник всякого действия, а желания у различных людей бывают различны, а потому и действия различны. Поэтому сообразно с тем, кто насколько желает, настолько он и получит в удел Божественный свет, так и будет подвизаться в Божественной мудрости. Еще раз: как различны желания, источники наших действий, так и различны самые действия. Подобно тому как воды, смотря по источникам, текут или в земных ущельях, или на поверхности земли, причем одни врезаются в землю меньше, другие больше, одни соленые на вкус, другие сладкие, одни текут в изобилии, другие же падают понемногу, каплями, так должно думать и об источниках наших действий – наших желаниях. Сообразно с последними наши действия бывают быстрыми или вялыми, горячими или спокойными; одни клонятся к добру, другие же, напротив, отклоняются

от него. Словом, сообразно с качествами наших желаний бывают различны качества и направления наших действий».

Иоасаф опять вопрошает старца: «Есть еще другие, думающие и говорящие об этом, как ты, или же ты один так учишь и предписываешь ненавидеть эту временную мирскую жизнь?»

Варлаам же ему говорит: «В этой вашей злополучной стране я не знаю никакого проповедника. Вследствие тирании твоего отца они все казнены, так как он дал повеление, чтобы в его земле совсем не слышно было их проповеди об истинном богопознании. Но во всех других странах учение это проповедуется. Разница между ними только та, что у одних об этом проповедуется в первоначальной чистоте, у других же извращенно. Ибо враг рода человеческого всячески старается отклонить наши души от прямого пути и при проповедовании Христова учения различным народам старается придать ему каждый раз другой смысл. Но истинное учение только одно – учение, переданное нам апостолами и Божественными отцами; учение, просветившее ярче солнца католическую Церковь во всей вселенной».

Тогда Иоасаф спросил его: «А мой отец никогда не слышал ни о чем подобном?» Варлаам ответил: «Определенного и ясного он ничего не слышал. Когда ему начинают говорить об этом, то он делается глух и слеп, добровольно чуждаясь добра и всегда склоняясь ко злу». Иоасаф говорит: «Но я бы желал, чтобы и он был посвящен в это учение».

«Невозможное у людей вполне возможно у Бога, – отвечал старец. – Да, было бы истинно доблестным подвигом с твоей стороны, если бы ты спас своего отца и сделался столь славно родителем своего родителя. Я слышал об одном царе, прекрасно управлявшем своим государством, кротко и справедливо относившемся к своему народу. Но у которого был один недостаток, именно: при отсутствии света истинного богопознания заблуждение в поклонение идолам. У него был советник со многими прекрасными качествами души, а также отличавшийся истинным благочестием и мудростью. Этот советник, печалась и негодуя на нечестие царя и желая вывести его из заблуждения, медлил исполнением своего желания, боясь повредить как себе, так и своим товарищам и этим устранить ту пользу, которую он мог приносить. Но он, тем не менее, выжидал благоприятного случая, чтобы направить царя к познанию истинного блага. В одну ночь царь говорит ему: «Пойдем, пройдемся по городу, не узнаем ли мы там чего-нибудь, достойного внимания, касающегося наших обязанностей».

Когда они шли по городу, то увидели луч света, исходящий из какого-то отверстия. Присмотревшись, они заметили подземную пещеру, где сидел один муж среди крайней бедности, покрытый убогим рубищем. Возле него стояла его жена, которая налиwała ему вино в чашу. Когда чаша была полна и муж взял ее в руки, она начала громко петь, увеселяя мужа. Царь со своими спутниками, видя это, дивился, что люди могут среди такой бедности, в таком убогом жилище и одежде так веселиться.

И сказал царь своему советнику: «Что за чудо, друг, что мне и тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была так мила, как она, непонятно для меня, мила, приятна этим людям в таких ужасных и тяжелых обстоятельствах и обстановке».

Воспользовавшись удобным случаем, советник говорит ему: «А какова, государь, по твоему мнению, их жизнь?» – «Из всех, какие мне пришлось видеть, самая непривлекательная, отвратительная и безобразная», – отвечает царь. Советник же говорит ему: «Так знай же, государь, что наша жизнь, жизнь, которую мы с тобой ведем, несравненно хуже и тяжелее жизни людей, посвященных в тайну вечной Славы и благ, непостижимых умом человеческим. Эти наши блистающие золотом дома и великолепные одежды кажутся безобразнее грязи и помета видевшим несказанные красоты нерукотворенных жилищ на Небесах, Божественных одежд и нетленных венцов, которые Господь уготовил любящим Его. Подобно тому как нам кажется безумным веселие этих людей, так и мы, считая окружающую нас роскошь и ложную славу истинным благом, кажемся безумцами и достойными слез и сожаления в глазах отведавших сладость тех вечных небесных благ».

Услышав эти слова, царь, казалось, сначала онемел, потом спросил: «Кто же это такие, живущие лучшей жизнью, нежели мы?» – «Все те, – отвечает советник, – которые предпочли вечное временному». Когда царь снова спросил, что он понимает под «вечным», вельможа отвечал: «Жизнь, непресекаемую смертью, богатство, неподозревающее бедности; вечную радость и веселие, непрерываемые горем и неудовольствием; наконец, вечный мир, которому чужда всякая вражда и зависть. Удостоенные обладать всем этим беззаботно и беспечально будут жить, наслаждаясь всеми удовольствиями и радостями Царствия Божия и соцарствуя со Христом во веки веков». – «Кто же достоин обладать таким блаженством?» – заметил царь. – «Все те, – отвечал советник, – которые идут путем, приводящим в Царствие Божие, а путь этот открыт для всех желающих». – «Как же найти его?» – спросил царь. «Этот путь заключается в познании Бога Отца, Единородного Сына Его, Иисуса Христа, и Духа Святого».

Царь же, имея истинно царский ум, говорит ему: «Что мешало тебе до сего времени сказать мне об этом? Мне кажется, что если сказанное тобой истинно, то не следовало скрывать или откладывать его открытия. Если же это сомнительно, то, думается, пройдет много времени, прежде чем можно убедиться в несомненности этого». – «Я не по небрежности или нерадению медлил высказать тебе эту истину, неподлежащую никакому сомнению, – отвечал советник, – но потому, что считал себя недостойным предстать перед тобой, пользующимся такой славой, в качестве просветителя, я боялся показаться тебе докучливым. Если же ты теперь прикажешь впредь повторять тебе об этом, то я готов исполнять твое приказание». – «Да, – сказал царь, – но напоминай мне об этом не только каждый день, но даже каждый час, ибо к сему нельзя относиться небрежно, но с рвением и всеусердием».

«И мы слышали, – сказал Варлаам, – что этот царь впоследствии жил в истинной вере и благочестии, что он с спокойной душой окончил свою жизнь, а потому, можно думать, достиг вечного блаженства. Если и с твоим отцом кто-нибудь при удобном случае поговорит подобным образом, то и он поймет и осознает, как порочна была до сих пор его жизнь, и, может, пожелает переменить ее на лучшую в истинной вере. Теперь же он духовно слеп, так как отстранил от себя истинный свет и блуждает во мраке нечестия».

Тогда Иоасаф ему сказал: «Да поступит Господь с моим отцом, как Ему угодно, ибо у Него, как ты говоришь, возможно все то, что невозможно у людей. Я же благодаря твоим чудным словам осознал суету сей земной жизни, а потому намерен расстаться со всем, в чем я до сих пор проводил свою жизнь, и прожить остальное время с тобой, чтобы через эти временные и преходящие наслаждения не лишиться вечного и непрестанного блаженства».

На это ему старец сказал: «Если ты так сделаешь, то будешь подобен одному юноше, который, как я слышал, происходил от богатых и знатных родителей. Отец сосватал ему очень красивую дочь одного тоже очень богатого и знатного человека. Когда же он объявил это своему сыну, присовокупляя и то, как он вообще намерен устроить его жизнь, то благородный юноша отвергнул его планы, как нечто постыдное и безнравственное, и бежал от своих родителей. Во время странствия он приходит в дом одного бедного старика, чтобы просить позволения отдохнуть после долгого пути среди знойного дня. У порога дома сидела единственная дочь хозяина, занимаясь ручной работой, причем она прославляла и искренно благодарила Бога. Услышав ее славословия, юноша говорит ей:

«Я тебя не понимаю, женщина, в такой бедности и нужде ты благодаришь и славшишь Бога за какие-то великие дары».

Она же ему отвечала: «Разве ты не знаешь, что подобно тому, как незначительная доза лекарства часто избавляет человека от тяжелых болезней, так и благодарение Бога за небольшое бывает причиной дарования многого. Я, будучи дочерью бедного старика, благодарю и прославляю Господа и за это малое, зная, что Он, дав это, может дать и больше. Но я не надеюсь на земные дары, но на будущее, ибо от земных даров, как бы многочисленны и велики они ни были, человек не получает никакой пользы, чтобы не сказать, что терпит вред, так как

они часто бывают причиной наказания. А с другой стороны, получивших земные дары в очень малых размерах вовсе не следует считать обиженными, потому что они не получили бы от них ничего, что привело бы их к той цели, которая должна быть общей человеческой целью. Что же касается необходимого и главного, то в этом отношении я получила от Бога бесчисленные и великие дары: я удостоилась быть сотворенной по образу и подобию Божию и познания Его; не в пример животным я получила от Него способность слова; получила жизнь; по богатству благодати Его имею возможность участвовать в Его Таинствах, и для меня, если я пожелаю, открыты врата рая. За столь многие и великие дары, которые получают одинаково и богатые, и бедные, я не в состоянии воздать достойной признательности Богу. Если же я не буду воздавать Ему и малой посильной благодарности, то какое может быть для меня оправдание».

Юноша с удивлением слушал рассудительные речи девушки. Когда же она кончила говорить, то он призвал ее отца и сказал ему: «Выдай за меня твою дочь, так как я полюбил ее за ее умные речи и благочестие». Старец же ему говорит: «Ты, сын богатых родителей, не можешь взять себе в жены дочь бедняка». Но юноша ему возразил: «Нет, я желаю иметь ее женой, если только ты не откажешь. Для меня была сосватана дочь богатых и знатных родителей, но я не пожелал ее, спасся от нее бегством и теперь предпочитаю соединиться с твоею дочерью, которую я полюбил за ее ум и благочестие». — «Но я не могу, — отвечал старец, — выдать ее за тебя, отпустить ее с тобой в дом отца твоего, расстаться со своей единственной дочерью». Юноша же говорит ему: «В таком случае я останусь с вами, поведу ваш образ жизни». И он снял с себя блестящие одежды и оделся в одежды старика, которые он у него выпросил. Испытывая юношу в продолжение долгого времени и всесторонне оценив его душевные качества, узнав, что он не из сумасбродства просит у него дочь, но что это было его серьезным желанием; что он из-за благочестия решился, отказавшись от богатства и славы, жить в бедности, старик берет однажды юношу за руку, ведет в свою кладовую и показывает ему такое богатство, столько денег, сколько юноша во всю свою жизнь не видел. И говорит ему: «Все это, сын мой, я даю тебе за то, что ты полюбил мою дочь. Ты будешь наследником всего моего состояния». Наследовав эти богатства, юноша сделался первым богачом во всей той стране».

Когда Варлаам умолк, Иоасаф говорит ему: «Ты совершенно верно изобразил в своем рассказе мои душевные чувства, так как я полагаю, что ты на мой счет это говорил. Но чем ты пожелаешь увериться в твердости моих намерений?»

«Я уже убедился и познал силу твоего разума, твердость мыслей и прямоту твоей души, — сказал Варлаам. — Но я желаю, чтобы ты окончательно просветился душой. Поэтому преклоняю колени мои перед Богом нашим, прославляемым в Троице, Творцом всего видимого и невидимого, вечным, безначальным и бесконечным, всемогущим, всеблагим и всемилостивым, молю Его, чтобы Он просветил очи сердца твоего и дал тебе дух мудрости и откровения в познании Его; чтобы ты познал, что значит надежда на Него, какова слава наследовавших Царствие Божие и как дивно Его могущество, проявляемое в Нас, верующих. Молю Его о том, чтобы ты не был более чужд Ему, но чтобы, подвизаясь со святыми, был близок к Нему, имея в своих действиях основание, положенное апостолами и пророками, краеугольный камень которого Сам Господь наш Иисус Христос».

Услышав это, Иоасаф, опечаленный, сказал: «И я желал бы знать все об этом. Потому прошу тебя, скажи мне о богатстве славы Божией и о Его чрезвычайном могуществе».

Учение о непостижимой мудрости всемогущего Бога, о Его славе, могуществе и величии

Снова вдохновенно повел свою речь Варлаам: «Молю Бога, чтобы Он Сам научил тому, о чем ты желаешь узнать; чтобы Он вложил в твою душу это познание, потому что совершенно невозможно человеку выразить славу и могущество Божие, хотя бы для этого соединились все языки людские. Евангелист и великий богослов говорит: *Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил* (Ин. 1,18). Так что никто из смертных не может постигнуть славы и величия Невидимого и Непостижимого, кроме тех, кому Он Сам пожелает открыть, как открыл это апостолам и пророкам. Мы же узнаем или из их повествований, или из самой природы вещей, насколько, конечно, нам вообще доступно постигать это. Священное Писание говорит: *Небеса проповедуют славу Божию и о творении рук Его возвещает тверды Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Пс. 18, 2; Рим. 1, 20).

Подобно тому как кто-нибудь, увидев великолепный дом или какое другое сооружение, представляющее прекрасную гармонию, стал бы удивляться строителю и творцу их, так и я, созданный и получивший жизнь из ничего, хотя и не могу видеть своего Творца, но из замечательного целесообразного и мудрого устройства своего существа заключаю о Его мудрости. Конечно, я не могу понять ее совершенно, но только в пределах человеческой способности. Я сознаю, что не сам по себе произошел, но что Верховное Существо по Своей воле сотворило меня, как вообще человека, выше всех прочих тварей, хотя по размеру и силе физической меньше некоторых из них. Затем, когда я оставляю эту жизнь и по Его воле переменяю ее на другую, вечную, бесконечную, то ни в чем не могу пойти наперекор сил Его Божественного предопределения; не в состоянии ничего ни прибавить к своему существу, ни отнять: одряхлевшего я не могу возобновить, растлевающего – восстановить. Никто из людей не в силах сделать ничего подобного: ни царь, ни мудрец, ни сильный и никто другой, обладающий человеческими свойствами, потому что никто не имел другого рождения, но для всех бывает только одно начало и один конец этой жизни. Таким образом, я для познания величия Создателя руководствовался свойствами своего собственного существа.

Наш ум и наше чувство без слов, внутренним побуждением, говорят нам предоставить себя Промыслу нерукотворенного, неизменного и непреложного Бога, Который будет руководить нами, хранить и заботиться о нас. Как столь противоположные элементы могли бы соединиться для образования одного мира и оставаться неразрывно друг с другом, если бы всемогущая сила Божия не примиряла их сосуществования? Чем бы поддерживалось существование того, что вызвано Им к бытию, если бы оно не поддерживалось Им? Если судно, лишенное кормчего, не выдерживает напора моря, но легко потопляется; если ничтожный дом не может стоять без пекущегося о нем человека, то каким образом вселенная, столь грандиозное, прекрасное, удивительное творение, могла бы существовать без замечательного, великого, удивительного управления и мудрого Промысла? Сколько времени существуют небеса и не помрачились! Сила земли не иссякла, хотя она столько времени дает постоянно так много произведение; ключи не перестали бить оттуда, откуда получили начало; моря, принимающие в свои недра столько рек, не увеличились в размерах; движения солнца и луны не прекратились и не переменили своих направлений; порядок смены дня и ночи остался прежний. Из всего этого мы можем заключить о несказанном могуществе и величии Божиим, о которых свидетельствуют также пророки и апостолы. Но никто не может вполне ни постигнуть, ни выразить Его славы. Потому апостол, через которого говорил Сам Христос, поняв, что доступно и что недоступно человеческому разумению, говорит: *Мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13,

9-10). Далее, изумляясь непостижимому богатству мудрости Божией, восклицает: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11, 33).

Если же апостол, достигнувший третьего неба и слышавший там неизреченные слова, говорил так, то кто из подобных мне может измерить бездну таких тайн, совершенно познать их, а потому говорить о них что-нибудь уверенно, если только Глава мудрости, Руководитель немудрых не вложит в кого-нибудь это познание, следовательно, и эту уверенность. Ибо в Божией власти и мы, и разумения наши, и слова наши. От Бога же мы имеем истинное познание об устройстве вселенной; познание первых, средних и последних времен, перемены нравов, обычаев и внешних обстоятельств. Всему Он дал определенный размер и вес, великое могущество Которого проявляется всюду. Кто может противиться Его державной руке?! Человек, решившийся сделать это, подобен самой незначительной тяжести, положенной на одну чашку весов, когда на другую положены тяжести всего мира; или же такой человек подобен капле росы на земле. Бог милостив ко всем: Он прощает людям их прегрешения, если они раскаиваются в них; никем Он не гнушается и никого из обращающихся к Нему не отвергает, ибо Он единый, благий и любящий Господь. Да будет хвалимо, прославляемо и почитаемо святое имя славы Его во веки веков. Аминь».

Выслушав, Иоасаф ему заметил: «О, премудрый муж, мне кажется, что если бы ты размышлял даже долгое время о том, как бы получше разъяснить предложенные тебе мной вопросы, то и тогда бы ты исполнил это не лучше, чем теперь. Ты мне так ясно доказал, что Бог есть Творец и Властитель всего мира, и в неопровержимых словах показал мне непостижимую человеческим умом славу величия Божия; выяснил, что никто не может ее постигнуть, кроме получивших особое о том откровение. Я удивляюсь твоей великой премудрости, блаженный муж! Но скажи мне, однако, сколько тебе лет? Где ты живешь? Какие мудрецы еще живут с тобой? Я всем сердцем, всею душой полюбил тебя за твое мудрое учение и не желаю в течение всей своей остальной жизни расстаться с тобой». Старец же ему отвечает: «Мне около сорока пяти лет. Живу я в Сенаарской пустыне, сподвижники же мои – люди, посвятившие свою жизнь и труды на то, чтобы явиться достойными наследовать Царствие Христово на небесах».

Иоасаф же ему возразил: «Как это может быть? Ты на вид кажешься лет семидесяти, а говоришь, что тебе сорок пять лет? Мне кажется, что в этом случае твои слова неистинны».

«Если ты, – отвечал Варлаам, – спрашиваешь, сколько мне лет от рождения, то ты верно определил, что мне около семидесяти лет. Но я вовсе не включаю в годы своей жизни то время, которое я прожил в мирской суете. Ибо, когда я жил плотью, поработенный грехами, то духовно был мертв, так что я никоим образом не могу годы смерти включить в годы жизни. С тех же пор, как *для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6,14), сбросив с себя прежнего человека, растлеваемого страстями, *уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня* (Гал. 2, 20). Годы, прожитые мной в такой жизни, я и называю годами спасения, прожито же их мной около сорока пяти. Потому-то я и определил тебе свой возраст этим числом и, как видишь, вполне согласно с разумом и сообразно с целью своей жизни. Отныне и ты веди такой счет на том основании, что чуждые всего доброго, живущие во грехе, тратящие свою жизнь на позорные, страстные удовольствия – подлинны мертвецы, не способные к истинной жизнедеятельности. Один мудрец совершенно справедливо назвал грех вечной смертью. Апостол говорит: *Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их – смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная. Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 20–23)».

Услышав это, Иоасаф говорит: «Так как ты не включил времени, прожитого тобой в угодение плоти, в годы своей жизни, то и смерть, которой умирают все, по-твоему, не следует считать смертью?» «Без сомнения, – отвечал старец. – В этом случае я рассуждаю по предыдущему и ничуть не боюсь сей временной смерти, и даже не называю ее смертью, если она постигнет меня на пути исполнения заповеди Господа, а считаю это скорее переходом от смерти в лучшую, совершеннейшую жизнь, сокровенную во Христе. Святые, желавшие достигнуть вечной жизни, весьма тяготились настоящей земной, почему апостол говорит: *Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и вздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, вздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью* (2 Кор. 5, 1–5). И в другом месте: *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7, 24). И опять: *Имею желание разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23). Пророк восклицает: *когда приду и явлюсь лицу Божию!* (Пс. 41, 3). В том же, что я ничуть не боюсь телесной смерти, ты можешь убедиться из того, что я, не обращая внимания на угрозы твоего отца, бесстрашно явился к тебе, чтобы возвестить спасительное слово, хотя твердо знал, что если он узнает об этом, то предаст меня, если сможет, бесчисленным пыткам и казням. Но ставя выше всего Слово Божие, я не боюсь сей временной смерти и даже не считаю ее достойной такого названия, следуя заповеди Господней, гласящей: *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28)».

«Таковы ваши успехи в истинной мудрости, – сказал Иоасаф, – они, конечно, выше человеческой природы и недоступны обыкновенным земным обитателям, которые весьма дорожат настоящей жизнью. Блаженны вы за свой мужественный образ мыслей! Но чем вы питаетесь в пустыне – ты и твои сподвижники? Какова там ваша одежда?»

Варлаам же отвечает: «Пищей нам служат плоды и трава, растущие в пустыне, которые она производит по воле Божией, питаемая земной росой. Никто из-за них не вступает с нами в борьбу, и ни для кого они не служат предметом зависти. Но в изобилии растет наша пища, для которой мы не пахали, и кушанья, которых мы не приготовляли. Если же кто-нибудь из ближних наших, верующих братьев, принесет нам когда-нибудь другой снеди, то мы принимаем ее как дар Промысла Божия, больше для того, чтобы с верой приносящие получили благословение Божие. Одеждами же нам служат рубища или шкуры, совершенно ветхие, изнуряющие нашу немощную плоть, употребляемые нами безразлично летом и зимой. Как только мы оделись в такую одежду, то снять ее мы не смеем, пока она совершенно не растлеет от ветхости. Бедствуя в таких одеждах от холода и зноя, мы готовим себе в будущем одежды бессмертия».

«Откуда же у тебя в таком случае одежда, в которой ты теперь?» – спросил его Иоасаф.

«Платье это, – отвечал старец, – я взял по необходимости у одного верующего, когда готовился идти к тебе, так как в своей одежде я не мог бы пройти сюда. Подобно тому как некто, желая освободить из плена своего родственника, переменял свою одежду на неприятельскую и, уподобившись таким образом им по внешности, проник в страну чужого народа и хитростью вывел оттуда своего родича. Так и я, узнав через Откровение о состоянии твоей души, облачился в эту одежду и пришел вложить в твое сердце семя Божественного учения и избавить тебя от власти духа зла. И вот я по воле Божией, насколько от меня зависело, преподал тебе познание об истинном Боге, возвестил повествования пророков и апостолов, ясно и верно выставил тебе суету земной жизни, все зло, которым наполнен сей мир, жестоко обманывающий своих почитателей и всюду расставляющий людям сети. Затем, когда мне нужно будет отправиться туда, откуда я пришел, тогда я сброшу с себя чужую одежду и останусь опять в своей».

Услышав это, Иоасаф просил старца показать ему его собственное платье. Внимая его просьбе, Варлаам скинул чужую одежду, которая была на нем сверх его обычного одеяния, и тогда ужасный вид представился взорам Иоасафа. На теле его не было никакого признака мяса; кости с покрывающей их кожей, почернелой от солнечного зноя, были подобны тонкому тростнику, обтянутому кожей; грубое, ветхое рубище покрывало его тело от бедер до колен. Такая же ветошь покрывала плечи. Иоасаф, измученный последствиями сурового и трудного образа жизни, а также пораженный его нечеловеческой твердостью, громко зарыдал и сказал старцу: «Так как ты пришел освободить меня от жестокого плена диавола, то доверши свое благодеяние – выведи из темницы душу мою, возьми меня с собой; уйдем вместе отсюда, чтобы я, освободившись совершенно от обмана мира, закрепил свое освобождение спасительным крещением и вместе с тобой преуспевал в Божественной мудрости и великом подвиге».

На это Варлаам говорит: «Один богатый человек воспитывал молодую газель. Когда эта газель подросла, то, влекомая природными свойствами характера, затосковала по пустыне. Выйдя однажды из своего двора, она видит стадо пасущихся газелей и, примкнув к ним, бродила с ними по полям и равнинам, возвращаясь к вечеру домой. С рассветом же она, по небрежности служащих, опять выходила и примыкала к своему стаду. Когда же другие бежали дальше, то и она следовала за ними. Но однажды слуги, заметив ее исчезновение, сели на лошадей и погнались за ней. Догнав стадо, они свою газель возвратили домой и впредь держали ее взаперти, других же газелей частью убили, частью ранили. Я боюсь, чтобы того же самого не было и с нами, если ты присоединишься к нам. Последствием сего может быть то, что и мы с тобой навсегда должны будем расстаться, и товарищам своим я причиню много зла. Но вот что Господь повелевает делать тебе: чтобы ты пока, приняв святое крещение, оставался на месте, поступая по всем правилам благочестия, исполняя заповеди Христа. Когда же Податель всех благ даст тебе удобный случай, тогда ты придешь к нам, и всю остальную жизни мы будем жить вместе. Я возлагаю надежду свою на Господа в том, что в будущей жизни мы будем жить неразлучно».

Тогда Иоасаф заплакал и говорит старцу: «Если так угодно Господу, да будет воля Его. Заклучи же свое благое дело святым крещением надо мной, потом прими от меня деньги для своего пропитания и своих товарищей, а также платья и иди с миром на место своего подвижничества. Не переставай молиться за меня, чтобы надежда не оставляла меня и я мог как можно скорее прийти к тебе и при глубоком спокойствии наслаждаться твоим душеполезным обществом».

На это ему Варлаам возразил: «Для совершения над тобою святого крещения нет никакого препятствия. Старайся впредь быть постоянно готовым предстать на Страшный Суд, и тогда, с Божией помощью, ты усовершенствуешься. Что же касается того, что ты хочешь одарить моих товарищей, то непонятно, каким образом ты, бедняк, можешь одарить богатых: богатые всегда одаряют бедных, а не бедные – богатых.

Самый бедный из моих товарищей несравненно богаче тебя, но я, надеясь на милосердие Божие, думаю, что и ты со временем будешь богат, но тогда ты не будешь щедр».

«Разъясни мне подробнее свои слова, – сказал Иоасаф, – каким образом самый бедный из твоих товарищей богаче меня, тогда как ты незадолго перед тем сказал, что вы живете в крайней бедности? Почему ты называешь меня теперь бедным? Когда же я разбогатею, то не буду щедрым, а теперь, при бедности, я щедр?»

На это Варлаам ему отвечал: «Я тебе не говорил, что мои товарищи терпят бедность: они владеют неисчерпаемым богатством, ибо постоянно увеличивать свои деньги, не употребляя их для дела, но постоянно стремиться иметь больше и больше – есть крайняя бедность. Те же, которые, стремясь к вечному, пренебрегли всем временным, земным, считая это пометом, чтобы только наслаждаться благами Христа, те, которые отложили всякую заботу о пище и одежде, надеясь на Господа, которые радуются бедности так же, как другие радуются богатству

и деньгам, которые, наконец, накопили в изобилии богатство добродетели и живут утешением и надеждой на будущие вечные блага, – богаче всего земного царства в совокупности.

С Божией помощью и ты сам будешь обладателем такого духовного богатства. Это сокровище ты будешь стараться сохранить невредимым, будешь совершенно справедливо стремиться постоянно его увеличивать, а потому не захочешь, конечно, его расточать.

Такое богатство – истинное богатство. Материальное же довольство скорее вредит своим обладателям, чем приносит им пользу. Я совершенно справедливо назвал такое богатство крайней бедностью. Домогающиеся небесных благ совершенно отреклись от него и бежали, как от змеи. Так что, если я принесу им от тебя убитого и попранного ногами врага и сделаюсь виновником новой борьбы со страстями, то окажусь для них плохим послом, скорее буду недоброжелателем, старающимся ввести их в заблуждение. Но этого я никогда не сделаю. То же самое и относительно одежд: как я могу одеть сбросивших с себя платье гибели и непослушания и облачившихся во Христа, как одежду спасения и радости, – как могу их одеть снова в кожаные хитоны, а сверх них в плащ позора? Да, кроме того, я знаю, что мои товарищи совсем не нуждаются в этих одеждах, так как все их тщание сосредоточено на пустынных подвигах. Ты раздай бедным те деньги и те платья, о которых говорил; этим ты приобретешь себе неотъемлемые сокровища; молитвы бедных призовут Бога тебе в помощники. Таким образом, ты пользуешься богатством как средством для творения добрых дел.

Потом, препоясав чресла ваши истинною и облекишись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие (Еф. 6, 14–17). И, вооружившись так прекрасно, смело выйди против врагов благочестия. Если ты будешь успешно бороться с ними, сокрушишь их главу, диавола, то будешь украшен победоносным венком одесную живоначального Господа».

Наставив царского сына в истине такими учениями и спасительными словами, склонив его к Божественному крещению, заповедав ему молитвы и пост, старец в течение нескольких дней постоянно навещал юношу, уча его подробно догмам Православной веры, излагая ему учение Св. Евангелия, Апостольских Посланий, а также объясняя изречения пророков. Ибо он был сведущ в Священном Писании как Ветхого, так и Нового Завета и знал содержание их наизусть. Просвещаемый, кроме того, Святым Духом, он преподавал царевичу истинное богопознание.

Учение о догматах веры

В тот день, когда Иоасаф должен был креститься, Варлаам, поучая его, говорил: «Вот ты спешишь осенить себя знамением Христа, просветиться светом лица Господня, сделаться сыном Божиим и храмом Святого Животворящего Духа. Веруй же отныне в Отца и Сына, и Святого

Духа, Троицу Святую Живоначальную, в три Ипостаси, но Единое Божество – Божество в трех Ипостасях; каждая Ипостась имеет Свои отличительные свойства, но соединяются в Единую Троицу, вследствие единого их существа. Итак, ты веруй во Единого Господа Бога Отца, не рожденного ни от кого, и Единого Господа Бога Сына, рожденного от Отца, Света от Света, Бога, истинного от Бога истинного, рожденного прежде всех век. От всеблаготворного Отца родился всеблагий Сын: от нерожденного Света воссиял Свет вечный, от Истинной Жизни произошел Животворящий Источник, от могущества Отца произошло могущество Сына, Он был всегда с Богом, будучи Сам Богом безначальным и вечным. Через Него все произошло: видимое и невидимое. Затем веруй во Единого Духа Святого, от Отца исходящего, Бога совершенного, животворящего, вечного, непреложного. Итак, поклоняйся Отцу и Сыну, и Святому Духу, в трех Ипостасях с тремя личными свойствами, но в Едином Божестве. Общее всем Им есть Божество, одно существо, одна слава, одно могущество. Общее между Сыном и Духом Святым то, что Они от Отца: Один рождается, Другой исходит. Отличительное же свойство Отца то, что Он не исходит и не рождается ни от кого. Так веруй сему, но не старайся постигнуть, как произошло рождение Сына и исхождение Духа Святого, ибо это непостижимо для людей. Но прими всем сердцем, что Отец и Сын, и Дух Святой всегда и во всем суть едино и разнятся только упомянутыми свойствами каждой Ипостаси.

Прими также и то, что Единородный Сын и Слово Божие, будучи Богом, ради спасения нашего сошел на землю, по благоволению Отца и по действию Духа Святого, что Он воплотился во чреве Святой Девы Марии без мужа от Святого Духа. Родившись от Нее пречисто и пренепорочно, Он, сделавшись совершенным Человеком, был совершенным Богом, состоя из двух естеств: Божества и человечества. Каждое из этих двух естеств в одном лице имело в должной мере свою особую волю, особый разум, чувства и действия. Это ты также прими, не сомневаясь и не стараясь познать самого способа, которым Сын Божий безгрешно родился от Девы без мужа, а также того, как произошло соединение двух естеств в одном Лице. Мы были научены с верой принять сие. Это учение дано было нам свыше, через Священное Писание. Но как происходило заключающееся в этом учении, этого мы не знаем и сказать не можем.

Верую, что Сын Божий, вочеловечившийся по богатству милосердия Своего, восприимчив и все свойства природы человека, а потому и свойство подлинно страдать. Человечеством Он и голодал, и жаждал, и имел потребности во сне, изнурялся, трудился и прочее. За наши грехи Он подвергнулся смерти, ибо Он был распят и погребен, умерши на короткое время. Но Он страдал и умер человечеством; Божеством же Он не страдал и не умирал, но был неприкосновенным, так как всякое страдание доступно только природе, способной воспринимать и чувствовать его. Затем мы знаем также, что Он нетленным восстал из мертвых, вознесся на небо и придет снова со славой судить живых и мертвых и Своим праведным судом воздаст каждому по делам. В Священном Писании сказано: *Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвых тела* (Ис. 26, 19). И тогда исполнявшие заповеди Христа и пребывавшие в истинной вере наследуют вечную жизнь. Запятнавшие же себя грехами и уклонившиеся от истинной веры отправятся на вечное наказание.

Но ты не верь в самостоятельное существование зла, в его господство; не считай его безначальным, всегда бывшим, возникшим само собой или происшедшим от Бога. Такое мнение было бы нелепостью. Зло есть наше творение и творение диавола, могшее появиться у

нас вследствие данной нам свободной воли, дарования нам свободного выбора добра или зла. Кроме того, исповедуй только одно крещение – крещение водой и Духом Святым во оставление грехов. Принимай также участие в приношении бескровных жертв Господу, веруя, что ты принимаешь истинное Тело и истинную Кровь Христа. Это Таинство Христос установил совершать для оставления прегрешений. В ту ночь, когда Он был предан, Он заключил Новый Завет с учениками Своими и апостолами, а через них и со всеми верующими; взяв хлеб, преломив и благословив его, Он сказал им: «Примите, ядите; сие есть Тело Мое, которое за вас предается во оставление грехов». А также, взяв Чашу, Он подал им, сказав: «Пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, которая за вас проливается во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание» (ср. Мф. 26, 26; Лк. 22, 17). Само Слово Божие, живущее и действующее, делая все по Своему могуществу, принесенные хлеб и вино пресуществляет через нисхождение Святого Духа в Свое Тело и Кровь для освящения и просветления добровольно принимающих их.

Поклоняйся и целуй с верой честное изображение Воплотившегося за нас Слова Божия с той мыслью, что ты видишь перед собой Самого изображенного. Ибо честь, воздаваемая иконе, относится к тому, кто на ней изображен; как сказал один из наших богословов (св. Василий Великий). Так что мы в уме переносимся к живому, подлинному, истинному образу Того, Кто изображен на иконе. Мы не обожаем этих икон, но целуем их, как изображения воплотившегося за нас Бога, Который из любви к нам временно уничижил Себя. На том же основании мы лобзаем и поклоняемся изображениям Пречистой Его Матери и всех святых. Подобным образом, с верой целуй и поклоняйся изображению Святого и Животворящего Креста ради Распятого на нем, распятого для спасения рода человеческого и давшего нам крест помощником для победы над диаволом, при виде которого диавол ужасается и дрожит, не перенося его силы. Следуя этому учению, прими святое крещение, сохраняя веру неизменной и чистой до последнего дыхания. Всякое же учение и мнение, противоречащее этой истинной вере, ты считай противным Богу, а потому отвергай его, ибо апостол говорит: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1, 8). Знай, что нет другого Евангелия, другой истинной веры, кроме возвещенной нам апостолами и утвержденной на различных соборах Божественными отцами и принятой католической Церковью».

Святое крещение Иоасафа, последние наставления, прощание и удаление св. Варлаама в пустыню

Сказав все это и передав царевичу Символ веры, изложенный на Никейском Соборе, Варлаам крестил его во имя Отца и Сына, и Святого Духа, погрузив в водоем с водой, находящийся в царском саду. Тогда низошли на крещенного дары Святого Духа. Возвратившись же в спальню Иоасафа и совершив бескровное священное жертвоприношение, старец преподавал ему Святых Таин Христовых, возрадовался он духом, прославляя Христа, Бога нашего.

После этого Варлаам сказал: «Да будет хвален Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, утвердивший тебя в надежде на жизнь в бессмертном, вечном, святом наследии через Духа Святого. Сегодня тебе отпущены все сотворенные тобой прегрешения, ты стал рабом Божиим, получил задаток вечной жизни, оставив тьму, ты облекся в свет, имея славное право именоваться чадом Божиим. Евангелист Иоанн говорит: *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12). *Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа* (Гал. 4, 7). Поэтому старайся предстать перед Господом чистым и безупречным, творя добрые дела для основания веры, как я тебе и раньше сказал. Для сего отбрось от себя всякое зло и возненавидь дела, которые ты творил, будучи прежним человеком, под влиянием неведения и страстей. Старайся подобно новорожденному питаться молоком разума, истины и добродетелей, чтобы, питаясь этой пищей, ты возвеселился, преуспевал в познании заповедей Сына Божии, стал совершенным мужем; не был бы волнуем и носим вихрем страстей, противопоставляя злу, вовлекшему тебя в заблуждение, свой ум, прикрепленный и направленный к добру, чтобы ты был достоин имени христианина, которое ты носишь, чего ты достигнешь, исполняя заповеди Господа, оттолкнув и удалив от себя пустоту прежнего образа жизни.

Ты видишь, как язычники мнутся под влиянием суеты своего ума, будучи отдалены от славы Божией и подчинены своим страстям и неразумным побуждениям. Ты же как предстал перед истинным живым Богом, так и живи – как сын света. *Потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине* (Еф. 5, 9). И не порочь нового человека, каким ты стал отныне, своими качествами прежнего человека, но обновляй себя упражнением в справедливости, благочестии и истине, потому что это доступно каждому желающему. Ибо *тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1, 12). Так что мы не можем более сказать, что не в силах быть добродетельными, так как путь, ведущий к достижению этого, легок и доступен, и затрудняется только страстями и похотями плоти. Но это прямой и желательный путь, вследствие надежды на будущие блага, не для бессмысленно идущих, но для верно понимающих, что угодно Богу, вполне вооруженных для устранения встретившихся на этом пути затруднений и для бодрствующих, пребывающих ради этой цели в молитве, терпении и надежде. Ты же тем, что услышал от меня и чему научен мной, получил прочный фундамент, на котором строй свое здание, возвеличиваясь, преуспевая, совершая славный поход. Имей веру и добрую совесть, приобретаемую благими делами. Старайся быть добрым, справедливым, благочестивым, верующим, любящим, терпеливым, кротким, чтобы достигнуть вечной жизни. Всякое же желание наслаждения и требования страстей не только не проявляй делами, но даже в мыслях старайся не иметь их, чтобы твоя душа предстала перед Богом совершенно чистой, так как не только наши дела, но и наши сокровенные помыслы, будучи записываемы, бывают причиной или славы, или наказания.

Мы знаем, что в чистых сердцах обитает Христос с Отцом и Святым Духом. Узнали также, что подобно тому, как дым разгоняет пчел, так дары Святого Духа выгоняют из нас всякие дурные пожелания. Заботься о том, чтобы стереть с своей души всякий след страстного помышления и насадить в ней лучший образ мыслей, делая себя, таким образом, хра-

мом Духа Святого, так как из помыслов вытекают действия. Всякое дело имеет своим началом ничтожную мысль и желание, которые, постепенно развиваясь, разрешаются большим делом. Поэтому ни в каком случае не допускай, чтобы какая-нибудь дурная склонность возымела над тобой власть. Но выбрось скорее дурной зародыш из своего сердца, а то он разрастется, пустит глубокий корень, и тогда потребуются много времени и усилия, чтобы вырвать его. От того, что мы не обращаем внимания на малые ошибки и прегрешения, не замечаем худые желания, непристойные слова, дурные общества и не заботимся о их исправлении, происходит то, что мы делаем большие ошибки и грешные склонности властвуют над нашей душой.

Подобно тому как пренебревшие гниением незначительных ран тела часто причиняют себе смерть, так и нерадеющий о малых душевных недостатках и погрешностях возводит их постепенно на степень больших пороков, свыкнувшись с которыми душа и ими пренебрегает. Тогда она подобна свинье, погрузившейся в грязь и наслаждающейся этим положением. Душа, погрязнувшая в дурных склонностях, не замечает их злокачественности, но скорее находит в них негу и наслаждение, любя зло, как благо. И если она когда-нибудь потом, спохватившись, придет в себя, то только с большим усилием и трудом освобождается она от тех дурных склонностей, которым поработила себя. Всеми силами остерегайся дурных мыслей или желаний и всяких страстных склонностей. Но старайся приучить свою душу к добру, чтобы все твои действия истекали, так сказать, из привычки к добродетели. И если ты хоть немного преуспеешь в этом, то потом с Божией помощью неутомимо будешь подвизаться на этом пути. Привычка к добродетели, сроднившись с душой и приобретши помощником Бога, становится надежной, несокрушимой.

Мужество, разум, благоразумие и справедливость только тогда тверды, когда они воистину свойства души, если проникли в глубину ее. Ибо если качества, не будучи врожденными нам, но приходящие извне, войдя в привычку, становятся несокрушимыми, то тем паче добродетель, для которой мы призваны к жизни Создателем и поддерживаемая Им в человеке, войдя при нашем усердии в привычку, прочно укореняется в душе нашей. Один подвижник сказал мне, что эта привычка с течением времени делается так сильна, что потом действие, согласное с добродетелью, становится потребностью, человек уже не в силах сойти с этого пути, лицемерие Божие становится главной целью жизни такого человека, что я испытал потом и на себе. Пророк говорит: *Как лань охотно стремится к источникам вод, так душа моя стремится к Тебе, Боже! Возжаждала душа моя явиться к Богу крепкому, живому* (Пс. 41, 2–3).

И из всего этого можно заключить, что обладание добродетелью зависит от нас и что мы как бы господа ее, потому что в нашей воле или ее избрать предметом своих действий, или предпочесть ей грех. Порабощенные злом неразрывно связаны с ним, как я сказал раньше. Ты же, по милосердию Божию, освобожденный на будущее время от его власти, удостоенный быть носителем имени

Христа по милости Святого Духа, обратись всецело к Господу и не открывай более дверей страстям. Но, украсив свою душу благоуханием и блеском добродетелей, сделай ее храмом Пресвятой Троицы, посвятив для созерцания Ее все свои духовные силы. Если проводящий время и разговаривающий с земным царем считается всеми счастливейшим человеком, то каким блаженством будет наслаждаться удостоенный разговора и духовного сожития с Богом!

Представляй Его всюду перед собой и обращай к Нему. Ты спросишь, как тебе обращаться к Богу? – Через молитву и прошение. Молящийся Ему искренно с чистым сердцем, освободив свой ум от всего греховного и низкого, со страхом и трепетом возносящий Ему свои прошения – такой воистину разговаривает с Ним лицом к лицу, так как всемилостивый Господь Бог наш присутствует всюду, внимая искренно молящимся Ему, о чем свидетельствует пророк: *Очи Господа обращены к праведным и уши Его – к молитве их* (Пс. 33, 16). Поэтому святые отцы называют молитву общением человека с Богом, делом Ангелов и преддверием к будущему веселию. Ибо, если Царствие Небесное, близость и созерцание Святой Троицы ста-

вятся выше всего, а это достигается через молитву, то вполне естественно, что ее называют преддверием и как бы прообразом будущего блаженства. Но не всякая молитва носит такое название, а только достойная этого, имеющая своим наставником Бога, молитва, чуждая всего земного и обращенная непосредственно к Господу. Усвой себе такую молитву и старайся преуспевать в ней, потому что через нее ты можешь возвыситься от земли на небо.

Но без приготовления подвизаться в такой молитве ты не можешь. Должен сначала очистить душу свою от всяких страстей и дурных мыслей, сделать ее подобной ярко вычищенному зеркалу, освободить ее от всякого злопамятства и вражды, что более всего препятствует нашим молитвам быть угодными Богу; подкрепить свою молитву прощением от всего сердца прегрешений против тебя обидчиков твоих, милосердием и милостынями бедным – и тогда уже с горячими слезами вознеси ее к Богу. Молясь так, ты сможешь сказать подобно Давиду, который, будучи царем, боримый бесчисленными мыслями, очистив свою душу от всяких страстей, восклицал к Богу: *Неправду возненавидел я и возгнушался, а закон Твой возлюбил. – Седмикратно днем я хвалил Тебя за праведные суды Твои. – Мир велик у любящих закон Твой, и нет им преткновения. – Ожидал я спасения Твоего, Господи, и заповеди Твои возлюбил. – Хранила душа моя откровения Твои и сильно возлюбила их. – Сохранил я заповеди Твои и откровения Твои, ибо все пути мои пред Тобою, Господи. – Да приблизится моление мое к Тебе, Господи, по слову Твоему, вразуми меня* (Пс. 118, 163–169). Пророк Исаия говорит: *Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: вот Я!* (Ис. 58, 9).

Если ты усвоишь себе такую молитву, то будешь блажен. Потому что разогревший свое сердце, как выразился один святой, и напрягший душу, переселившийся мысленно на небо и назвавший, таким образом, Господа своим, раскаиваясь о своих прегрешениях, прося прощения, умоляя с горячими слезами Господа быть милостивым к нему, при этом самом оставляет всякую заботу о земной жизни, становится выше человеческих мыслей и чувств и может назваться собеседником Божиим. А что может быть выше, блаженнее этого? Тебе же Господь дал возможность достигнуть такого блаженства: я тебе указал путь исполнения заповедей Божиих и ничего не упустил, возвещая волю Божию. Теперь я уже окончил дело своей миссии. Впредь ты, опоясавши чресла мыслей своих, сообразуясь призвавшим тебя Святым, и сам старайся свято поступать во всех жизненных случаях: *святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш* (Лев. 19, 2). Подобным образом пишет апостол Петр: *И если вы называете Отцем Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего, зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца* (1 Пет. 1, 17–19).

Запечатлей все это в своем сердце и помни о том, чтобы иметь всегда перед глазами: страх Божий и Страшный Суд; свет и славу праведников, которые они наследуют в том мире, и позор грешников в густом мраке; всю немощь и суету земной жизни и вечность будущей. *Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дует на него дуновение Господа: так и народ – трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно* (Ис. 40, 6–8). Имей всегда это в мыслях. И да будет мир Божий с тобой, который просветит тебя, вразумит и направит на путь спасения, отгонит от ума твоего всякое дурное помышление и прикрепит душу твою к знамени Креста, чтобы никакой дурной соблазн не пристал к тебе. Подвизайся в усовершенствовании всякой добродетели для наследования вечного и непреложного Царства и озарения светом блаженной и животворящей Троицы, прославляемой в Отце и Сыне, и Святом Духе.

Дав царскому сыну такие нравственные наставления, благочестивый старец возвратился в свое временное место жительства. Между тем воспитатели и слуги юноши очень удивлялись его частым посещениям. И вот, главный из них, по имени Зардан, которого царь назначил к сыну, зная его как очень верного и преданного человека, говорит царевичу: «Ты не ведаешь,

мой господин, как я верен и как благоговею перед твоим отцом. Зная это, твой отец и назначил меня слугой к тебе. Теперь я, видя частые посещения этого неизвестного старика, опасаюсь, что он христианин, к которому так нерасположен твой отец, и боюсь, как бы через него я не был казнен. Так что ты или извести своего отца об этих посещениях, или прекрати их. Если же ни то, ни другое, то удали меня и потребуй у своего отца другого на мое место». Услышав это, Иоасаф говорит Зардану: «Прежде всего, Зардан, ты во время следующего посещения старика скройся за занавесью и послушай его беседы со мной, после чего я тебе скажу, как поступить».

Когда Варлаам должен был опять прийти, царевич, скрыв Зардана, говорит старцу, пришедшему вслед затем: «Сведи мне, учитель, все твое божественное учение в одно, чтобы оно прочнее утвердилось в сердце моем».

Тогда Варлаам начал говорить много о Боге, о благочестии в отношении к Нему; говорил, что Его одного следует любить всем сердцем, всей душой, всеми помышлениями, благоговейно и добровольно исполнять Его заповеди; говорил, что Он один есть Творец всего видимого и невидимого; затем повторил о сотворении первого человека, о заповеди, данной ему, о нарушении ее Адамом и об осуждении его Создателем за это нарушение. Перечислил те блага, которых лишили себя нарушившие заповедь. Напомнил о тех скорбях и бедствиях, которые постигли наш род после греха первого человека, и о том, что Создатель, будучи человеколюбив, послал на землю учителей и пророков, возвестивших о воплощении Единородного Его Сына. Затем привел на память о самом пришествии Сына, о Его воплощении, о Его благодеяниях, о чудесах, о крестных страданиях, перенесенных Им из-за нас, неблагодарных, о добровольной Его смерти, о нашем восстановлении в прежнем состоянии, о Царствии Небесном, принимающем в лоно свое праведников; а также о муках, предстоящих грешникам: о вечном огне, о непрестанном мраке, о черве, постоянно голодающем, и о другого рода наказаниях, уготованных для рабов греха. Заклучив свою речь нравственным поучением, предписав очищение жизни, презрение к ее суете, изобразив, насколько жалки возлюбившие эту суету, он закончил свои назидания молитвой. Потом, заповедав неотлучное пребывание в православной вере, безупречную жизнь и деятельность, он после вторичной молитвы удалился опять в свое временное место жительства.

По уходе Варлаама, Иоасаф, призвав Вардана, спросил его: «Ты слышал, что мне наговорил этот болтун, пытаюсь своими пустословиями обмануть меня, отвлечь от этой радостной жизни в веселии и наслаждении и обратить к чужому Богу?» Зардан же ему отвечал: «Для чего ты, мой господин, испытываешь меня, своего слугу? Я знаю, что слова этого мужа проникли в глубину твоего сердца. Если бы это было не так, то ты бы не беседовал с ним постоянно с таким удовольствием. Мы тоже слышали это учение, но с тех пор, как твой отец воздвиг непримиримое гонение на христиан, они удалились отсюда, и уже не слышно их проповедей. Но если тебе нравится это учение и ты чувствуешь себя способным исполнить его строгие и трудные требования, то желаю тебе счастья и успеха в выполнении своих желаний. Но что делать мне, который не смеет даже шевельнуть глазом из страха перед царем; мне, которому предстоит душевная скорбь и страдания? Ибо что я скажу в свое оправдание твоему отцу о том, как я небрежно отнесся к его приказаниям, не воспрепятствовав посещениям этого старика?»

Тогда Иоасаф ему говорит: «Я думал, что ничем не смогу так вознаградить тебя за твою преданность и верность, как тем, что сделаю тебе известным истинную цель и Виновника человеческой жизни, выведя тебя, таким образом, из мрака в свет. И я надеялся, что ты после только что слышанного не удержишь захочешь последовать Христову учению, но, как вижу, обманулся в своих ожиданиях. Если же ты известишь о всем этом моего отца, то тем самым причинишь ему только горе и заботы. Поэтому если ты предан отцу, то никоим образом не рассказывай ему ничего до удобного случая». Говоря так, царевич был подобен человеку, сеющему на воде, ибо мудрость недоступна глупой душе.

Когда Варлаам на другой день пришел к Иоасафу и объявил о своем намерении возвратиться в свои места, то он весьма опечалился и слезы выступили у него на глазах, ибо разлука со старцем была для него чрезвычайно тяжела. Поговорив с царевичем довольно долго и удивившись, что он неуклонно пребывает в добродетели, старец с радостным чувством простился с ним, предсказывая, что скоро они соединятся неразлучно. Иоасаф не решился более удерживать Варлаама, боясь, чтобы Зардан не донес о нем царю и тем не навлек на него наказания. Прощаясь, он говорит старцу: «Если тебе угодно, мой духовный отец, славный учитель и виновник всего хорошего, что у меня есть, оставить меня еще возвращаться в суе этого мира, то я не смею удерживать тебя более. Иди с миром и поминай в своих достойных молитвах ко Господу мое бедствие, молись о том, чтобы я мог жить с тобой и всегда видеть благородное твое лицо. Прошу тебя исполнить еще одну мою просьбу: так как ты не пожелал ничего принять от меня для своих сподвижников, то прими для себя хотя немного денег на одежду и пищу».

На это блаженный отвечал: «Если я не принял от тебя ничего для своих товарищей, которые не нуждаются ни в чем мирском, добровольно отрекшись от него, то как я могу принять для себя то, что я отказался принять для них. Ибо если бы приобретение денег было делом полезным, то я старался бы скорее доставить их товарищам, чем себе, но так как я знаю, что приобретение их губительно, то не хочу подвергать опасности ни их, ни себя».

Когда царевич, таким образом, не успел в своем желании, то он обращается к старцу с другой мольбой, уговаривая его не пренебречь окончательно его просьбами и тем оставить в совершенном унынии: умоляет его дать ему свое ветхое платье для воспоминания о нем, своем учителе, и о его подвигах, а также для безопасности от всякого сатанинского воздействия, вместо же оставленного платья взять другое. «При виде этого платья, – заключил он, – ты будешь вспоминать обо мне, о моем бедственном положении».

На это ему старец возражает: «Мне нельзя взять от тебя новое платье, а взамен его дать старое и порванное, чтобы я не был осужден за то, что за свой ничтожный труд здесь взял мзду, но чтоб не огорчать тебя, я готов взять от тебя старое платье, ничем не отличающееся от моего».

Отыскав грубое, ветхое рубище и дав его старцу, его же платье оставив себе, Иоасаф радовался и дорожил им несравненно более, чем всякой царской пурпуровой одеждой.

Св. Варлаам, намереваясь вскоре уйти, окончательно развил и изложил христианское учение Иоасафу, говоря ему: «Возлюбленный брат и дорогое дитя! Ты знаешь за Какого Царя ты вступил в борьбу и с Кем заключил союз. Теперь ты должен твердо соблюдать этот завет и ревностно вести борьбу, которую обещал, путем исповедания нашему всеобщему Господу, при свидетельстве всего небесного воинства; исполняя этот договор, ты достигнешь вечного блаженства. Не предпочитай Богу и уготованным Им благам ничего временного, земного. Ибо из того, что считается ужасным и страшным на земле, что может быть ужаснее и страшнее вечного огня геенны, который никогда не сжигает, а потому и никогда не перестает карать. С другой стороны, какое земное счастье может доставлять такую радость и веселие, какие доставляет Бог любящим Его, благодать Которого невыразима. Потому и дары, уготованные Им для любящих Его, дары, которых не видело око, не слышало ухо и не приходили на сердце человеку, несравненно превосходят все видимые и непостижимые блага. Соблюдая заключенный тобой завет, ты сделаешься наследником всех этих благ, будучи охраняем могучей рукой Самого Господа Бога».

Тогда царевич, заливаясь слезами, скорбя и сокрушаясь близостью разлуки с возлюбленным духовным отцом и славным учителем, вопрошает старца: «А кто, отец мой, заменит мне тебя? Кто будет моим пастырем и руководителем в душевном спасении? Чем я утешусь в тоске по тебе? Меня, негодного раба, ты обратил к Богу и дал мне возможность сделаться сыном Божиим; овцу, пропавшую и годную только на съедение диким зверям, ты отыскал и присоединил к незаблудшим Божиим овцам; указал мне кратчайший путь истины, вывел меня из

мрака, из смертной тени и сдвинул ноги мои со скользкой, ложной и кривой дороги; сделал меня наследником великих благ, для выражения которых бессильно слово. Да даст тебе Господь за меня великие дары! Да сжалится Он над моей немощью воздать тебе достойную благодарность, Он, Который один только побеждает воздаяниями даров любящих Его».

Варлаам, прервав его хвалебную речь, поднялся и простерши руки к небесам, начал читать молитву:

«О Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, просветивший погруженное прежде во мрак, сотворивший из ничего все видимое и невидимое, обративший на путь истины сего раба Своего и недопустивший, чтобы все продолжали свой путь прежнего безумия! Хвалим и благодарим Тебя, Твое могущество и мудрость; хвалим и благодарим Господа нашего Иисуса Христа, через Которого Ты сотворил мир, поднял нас, павших, и прегрешившим отпустил грехи их, заблудившихся вывел на истинный путь, поработенных освободил, умерших оживил драгоценной Кровью Сына Своего, Господа нашего. Взываю я к Тебе, к Единородному Сыну Твоему и к Всесвятому Духу: воззри на сию одаренную разумом овцу Свою, Которая через меня, недостойного, обратилась к Тебе, освяти душу ее милостью и могуществом Своими. Воззри на сию виноградную лозу, посаженную Духом Святым, и дай ей приносить плоды праведности. Поддай ему силу, утверждая в нем завет Твой, огради его от всяких происков и обмана дьявола мудростью Своего благого Духа! Научи его исполнять волю Твою и не оставь без помощи Твоей. Удостой его и меня, недостойного раба Твоего, сделаться наследниками вечных Твоих благ. Ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь».

Окончив молитву, старец обнял юношу, уже дитя Небесного Отца. Испросив для него мир и вечное спасение, он оставил дворец и возвратился в места своего пустынножительства, радуясь и прославляя Бога, направившего юношу на путь добра. Иоасаф же, по уходе старца, принялся усердно молиться. Обливаясь горячими слезами, он говорил: «О, Господи Боже мой, не оставь меня беспомощным, поспеши мне на помощь, я бедный сирота, Ты же помощник всех сирот! Воззри на меня и сжался надо мной, так как Ты для всех желаешь спасения и познания истины. Спаси меня и дай силу мне, недостойному, идти путем исполнения святых Твоих заповедей, ибо я немощен, жалок и не способен творить добро. Ты же, могущий спасти меня, подающий жизнь и силу всему видимому и невидимому, не допусти, чтобы я был в поработлении страстей и похотей плоти, но научи меня исполнять волю Твою и сохрани для вечной и блаженной жизни. Отче и Сыне, и Душе Святой, Единосущное и нераздельное Божество! К Тебе я взываю и Тебя прославляю. Ибо Тебя восхваляет всякая тварь и прославляют бестелесные, духовные силы во веки веков. Аминь».

С того времени Иоасаф тщательно берег себя, стараясь сохранить чистоту своего тела и души. Он жил во всяком воздержании; целые ночи проводил в прошениях и молитвах, потому что днем как окружающие постоянно мешали ему делать это, так и сам царь, который навещал его и, со своей стороны, звал к себе. Ночью же он вознаграждал себя за все те лишения, которые он терпел днем: до рассвета проводя время в молитвах и слезах, призывая к себе Господа. Таким образом, на нем исполнялись слова пророка: *Ночью поднимайте руки ваши к святыням и благословляйте Господа* (Пс. 133, 2). Между тем Зардан, замечая его образ жизни, скорбел и терзался заботами, не зная, что ему делать. Наконец, удрученный горем, он удалился в свой дом, сказавшись больным. Когда царь узнал об этом, то на его место назначил другого верного себе слугу. Заботясь же о здоровье Зардана, посылает к нему лучшего врача и вообще выказывает в отношении его чрезвычайную внимательность и попечение. Посланный к Зардану врач, очень преданный царю, внимательно осмотрев своего больного и хорошо ознакомившись с его состоянием, сказал Авениру: «Я не мог найти в этом человеке никаких признаков болезни, поэтому могу предположить, что уныние есть причина его слабости». Услышав это, Авенир начал думать, что его сын не расположен к Зардану, который вследствие этого огорченный уда-

лился из его дворца. Но, желая узнать истину, он известил Зардана, что посетит его на другой день, чтобы узнать причину постигшего его недуга.

Тогда Зардан сам с рассветом поспешил к царю. Придя к нему, он поклонился ему до земли. Царь же ему говорит: «Для чего ты пересилил себя и явился ко мне? Я сам хотел навещать тебя и этим выказать всем мое к тебе расположение». Зардан же ему отвечает: «Мой недуг, царь, не подобен обыкновенным людским недугам: от забот и скорби моего сердца и души занемогло и тело мое». Когда же Авенир спросил, что за причина такого душевного недуга, то он отвечал ему: «Я нахожусь в большой опасности и заслуживаю строгого наказания; заслуживаю быть подвергнутым многим казням за то, что я нерадиво исполнял твое приказание и теперь виновник большого для тебя горя». Тогда царь снова спросил его: «Какое же это ты причинил мне горе и почему тебе предстоит опасность?» Зардан отвечал: «Я был небрежен в исполнении обязанностей относительно господина моего, твоего сына: какой-то дурной человек, злой обманщик, пришел к нему и сообщил ему христианское учение». После этого он последовательно передал царю все, сказанное Варлаамом царевичу, с какой радостью он принял его слова и как он теперь всецело стал христианином. Наконец, он объявил, что имя этого старика Варлаам. Авенир и раньше слышал о Варлааме, о его строгом подвижничестве. Когда же он услышал сообщенное ему Зарданом, то пришел в страшное смятение и отчаяние, исполнился гнева и призвал Арахию, который занимал у него первую должность, был его первым советником во всех тайных совещаниях и, кроме того, сведущим в астрологии.

Когда он явился к царю, последний в тревоге и волнении рассказывает ему о случившемся. Арахия, видя его смятение и отчаяние, говорит ему: «Не тревожься и не печалься, царь! Мы еще не потеряли надежды образумить его, и я наверное знаю, что он очень скоро отречется от заблуждения этого учения и покорится твоей воле».

Ободрив такими словами царя, Арахия начал обдумывать с ним, как лучше всего достигнуть цели. «Прежде всего, царь, – говорит он, – поспешим завладеть этим Варлаамом. Если нам удастся это, то я уверен, что мы не обманемся в надежде. Убежденный или словами, или разного рода пытками, он будет утверждать поневоле, что говорил ложь и этим убедит моего господина, а твоего сына возвратиться к отцовской вере. Если же этот способ не удастся, то я знаю другого старика-пустынника по имени Нахора, который до того похож во всем на Варлаама, что невозможно узнать, что это не он. Этот Нахор – мой бывший наставник в науках и вполне нашего образа мыслей. Я отправлюсь к нему ночью и расскажу ему все дело подробно. Потом пустим слух, что Варлаам пойман и представим Нахора за него. Нахор, со своей стороны, выдаст себя за Варлаама и приверженца Христианства и будет состязаться со сторонниками нашей веры. Затем, после долгого словесного состязания, он будет совершенно побежден. Царевич же, видя поражение мнимого Варлаама и нашу победу, естественно перейдет на сторону победителей. При этом нам много поможет его боязнь лишиться наследства царского престола и желание сделать угодное тебе. К тому же и мнимый Варлаам должен будет обратиться и сказать, что признает свою прежнюю веру заблуждением».

Розыски св. Варлаама и мученическая кончина других божественных отцов

Царь очень обрадовался такому плану, питая пустые надежды. Узнав, что Варлаам недавно отправился в обратный путь, он поспешил принять меры, чтобы овладеть им. Поручив страже охранять все проходы и выходы, он сам на лошади стерег один путь, который особенно подозревал, желая во что бы то ни стало овладеть Варлаамом. Прокараулив здесь напрасно целых шесть дней, огорченный неудачей, он удалился в одно из городских предместий и остановился в находившемся там царском дворце. Арахию же с несколькими всадниками отправил на поиски за Варлаамом, велел им отправиться в самую Сенаарскую пустыню. Прибыв туда, Арахия стал расспрашивать всех окрестных жителей о Варлааме. Но так как все они отвечали, что не видели такого мужа, то он отправился в глубь пустыни отыскивать последователей правой веры.

Объехав почти всю пустыню, перешарив все самые крутые горы и овраги, Арахия со своим отрядом, взойдя на вершину одной горы, увидел у ее подошвы общество пустынников. Тотчас же по приказанию своего вождя все во весь дух бегут с горы, стараясь перегнать один другого. Достигнув подошвы, они, подобно стае собак или каких-нибудь диких зверей, набрасываются на пустынников и схватывают их. Отшельники эти, на лицах которых были видны следы трудов в пустыне, самым наружным видом внушали уважение. Но посланные Арахиею не замечают этого. Схватив, они влекут их к своему начальнику. В течение всего этого времени пустынники не выразили никаких признаков страха или печали. Шедший впереди их старший нес мешок, наполненный останками прежде умерших святых отцов.

Увидев их, но не видя между ними Варлаама (он знал его наружность), Арахия очень опечалился и говорит им: «Где тот обманщик, который совратил царского сына?» Тогда несший мешок отвечал ему: «Такового среди нас нет, да и не будет его. По милости Христа он бежит от нас и живет среди вас». «Так ты знаешь его?» – спросил Арахия. «Да, конечно, – отвечал пустыжник, – я знаю о существовании обманщика, которого зовут диаволом и который живет среди вас, которому вы служите и повинуетесь». – «Я тебя спрашиваю о Варлааме, а именно спросил тебя, где он находится». – «Для чего же ты говоришь о каком-то, совратившем царского сына! – отвечал монах. – Ибо если ты ищешь Варлаама, то тебе следовало бы спросить: где находится спасший царского сына от обмана и направивший его на путь истины? Это наш брат и сподвижник, но мы уже давно не видели его». – «Так укажи нам место его пребывания», – сказал Арахия. «Если бы Варлаам желал вас видеть, то он сам бы вышел к вам навстречу. Мы же не можем указать тебе места его пребывания». – «Так если вы мне сейчас не доставите Варлаама, то я вас предам неслыханным казням», – закричал разгневанный Арахия, зверски посмотрев на него. «Что же ты заметил у нас такого, что бы могло нас так привязать к этой временной земной жизни, чтобы мы испугались смерти, которую ты угрожаешь? – отвечал подвижник. – Я тебя скорее буду благодарить за то, что ты дал нам возможность умереть за добродетель, что вывел нас из этой жизни. Мы немало боялись предстоящего ее конца именно ввиду его неизвестности, не зная, каким он нас постигнет. Мы боялись, чтобы шаткость наших убеждений и диавольские наветы не заставили нас переменить образ мыслей и нарушить завет с Богом. Итак, не имея никакой надежды узнать от нас то, чего вы желаете, исполни немедля свое намерение. Ибо мы не укажем вам ни места пребывания нашего брата, хотя и знаем его, не выдадим других неизвестных вам монастырей, считая позором избегать смерти, но скорее умрем мучениками за добродетель, не колеблясь за имя Божие пролить свою кровь».

Грешник, не перенося прямооты этих праведных речей, особенно же благородства их ума, велел их бить и пытать. Однако твердость и терпение подвижников оказались замечательными

даже этому тирану. Когда ни качество, ни обилие пыток не могли поколебать аскетов и никто из них не захотел выдать места пребывания Варлаама, тогда Арахия велел их вести к царю и на пути бить и оскорблять, а также заставил нести мешок с останками. Через несколько дней они приходят на место пребывания царя. Рассказав царю о поведении пустынных, Арахия затем приводит их к нему. Увидев монахов, Авенир, кипя гневом, был подобен бешеному. Заметив, что они жестоко иссечены, он снова велит их немилосердно бичевать. Наконец, уняв немного свою ярость, он велит прекратить бичевание. Потом спросил их: «Для чего вы храните и носите с собой эти кости умерших? Если вы хотите, то я и ваши кости положу вместе с этими, чтобы вы были мне благодарны за то, что через меня вы достигли желаемого».

Тогда глава этого божественного общества, не обратив внимания на угрозы царя, говорит ему, как будто с ним ничего не случилось, свободно и с светлым лицом, свидетельствующим о его внутренней душевной радости: «Эти святые, чистые кости мы носим с собой, царь, для того, чтобы очищать ими свои желания. Приводя себе на память упражнения в богоугодной деятельности тех мужей, которым принадлежат эти кости, мы чувствуем в себе такое же рвение к добродетели, видя, как в зеркале, то отдохновение и ту негу, в которых они теперь живут. Стремясь к такому же блаженству, мы взаимно поощряем друг друга идти по их стопам. Кроме того, эти останки напоминают нам о смерти, что весьма важно, так как это напоминание воодушевляет нас к перенесению аскетических трудов, и, наконец, прикосновение к ним освящает нас».

Царь опять спросил: «Если, как вы говорите, напоминание смерти полезно, то почему же кости, находящиеся в ваших телах, которые в скором времени разложатся, не могут напоминать вам о смерти так же, как эти уже разложившихся тел?»

На это монах ему отвечал: «После того как я тебе сказал пять причин, по которым мы носим с собой эти останки, ты, возражая на одну из них, думаешь, что насмеяешься над нами. Будь уверен, что кости людей уже умерших сильнее заставляют вспоминать о смерти, чем кости живых людей. Но если ты того мнения, что кости, сокрытые в плоти людей живущих, могут напоминать о смерти, то отчего же ты, вспоминая о скорой своей кончине, не заботаешься о том, чтобы быть готовым к ней, но всецело предал себя разного рода беззакониям, насильственно и безжалостно уничтожая служителей истинного Бога, людей благочестия, не причинивших тебе никакого зла, не отнявших и не замышляющих отнять у тебя ничего из благ земной жизни».

На это царь возразил: «Я вас наказываю и преследую, как людей опасных, вводящих других в заблуждение, за то, что вы советуете воздерживаться от жизненных наслаждений и удовольствий, приписывая суровую жизнь в грязи и лишениях, а также учите отречься от почитания наших богов, а вместо них почитать Иисуса. Поэтому-то я, не желая, чтобы люди, следуя вашему ложному учению, превратили всю землю в пустыню и, отступив от отцовских богов, обратились к чужому Богу, справедливо осудил вас на смертные казни и другие наказания».

Услышав это, монах говорит царю: «Если тебе так хочется, чтобы все наслаждались жизненными благами, то почему же ты не даешь возможности жить другим в богатстве и роскоши, а большинство терпит крайнюю бедность, ты же стараешься только о том, чтобы получше откормить свою плоть и этим приготовить обильную пищу для червей. Для того-то ты и Бога истинного не признаешь, но провозглашаешь несуществующих богов, виновников всякого беззакония, чтобы, ссылаясь на их пример, ты мог творить всякие беззакония, ибо что делают боги ваши, то как не делать того же и поклоняющимся им людям?»

Таким образом, ты находишься в великом заблуждении, царь! Ты боишься, чтобы мы не уговорили некоторых из твоего народа выйти из-под твоей власти и отдаться под покровительство Всемогущей руки. Этим самым ты только желаешь иметь в своей власти побольше людей, которые бы доставляли тебе средства для удовлетворения твоего честолюбия, а чтобы сами они поэтому терпели всякие бедствия, представляя тебе все свои выгоды. Подобно тому как кто-нибудь, выучивши для охоты собак или птиц, до травли всячески ласкает их, когда же

они поймают что-нибудь из того, за чем охотились, то он насильно вырывает добычу у них изо рта, – так и ты, желая побольше податников, приносящих тебе плоды земные и морские, говоришь, что заботишься о спасении людей, на самом же деле только губишь их, а прежде всего самого себя. Но очнись, наконец, от этого земного сна, раскрой свои закрытые глаза и узри озаряющую всех славу Бога нашего, приди же в себя. *Образумьтесь же, безумные в народе, и глупые, наконец поймите!* (Пс. 93, 8). Пойми, что нет другого Бога, кроме нашего Бога, что без Него нет спасения».

Тогда царь грозно говорит ему: «Перестань болтать вздор и тотчас скажи мне, где Варлаам, или ты испробуешь таких наказаний, каких никогда не пробовал».

Но великий и благородный подвижник, служитель небесной мудрости, не обращая внимания на угрозы царя и оставаясь совершенно спокойным, сказал: «Нам, царь, предписано делать не то, что ты прикажешь, но что приказывает Господь Бог наш, Который учит нас воздерживаться от всяких удовольствий и страстей, мужественно переносить всякий труд и терпеть всякое зло за благочестие. Так что если ты нас заставишь пострадать за добродетель, то этим самым окажешь нам благодеяние. Итак, делай, что хочешь. Мы же не совершим ничего, непристойного христианину, и не подчинимся греху. Ты не считаешь и малым грехом выдать нашего сподвижника и соратника в твои руки, но в нас есть столько мужества, чтобы из страха к твоим пыткам не отречься от нашей мудрости и не сделать чего-нибудь, противного закону Божию. Если ты думаешь, что знаешь средство, которым можно бы было заставить нас исполнить твое приказание, то употреби его. Ибо наша жизнь – Христос, умереть же за имя Его – первое счастье».

Побагровев от гнева, царь велел отрезать подвижникам языки, вырвать глаза и отрубить руки и ноги. Когда было отдано это жестокое приказание, то стоявшая вокруг стража начала безжалостно и бесчеловечно производить эти увечья, отрезывая языки, вырывая глаза железными щипцами и ломая суставы рук и ног приспособленными к тому инструментами. Блаженные же, славные и благородные отцы мужественно выдерживали эти муки, относясь к ним как к приготовлению к пиру, взаимно поддерживая друг друга и бесстрашно идя навстречу смерти за имя Христа. В таких многообразных мучениях отдали свои мужественные души Господу Богу более 70 подвижников. Несомненно, что сила благочестивого рассудка побеждает чувство всяких страданий, как выразился один муж, рассказывая о страданиях старого священнослужителя, семи юношей и одномыслящей с ними матери, пострадавших за отцовский закон. Скончавшиеся теперь божественные отцы ничем не уступили им в твердости и величии души и, несомненно, стали наследниками и гражданами небесного Иерусалима.

Увещения и хитрые способы Авенира отклонить от Христианства сына и мудрые беседы Иоасафа с отцом

После блаженной кончины пустынников царь велел своему первому советнику Арахии испробовать другой план, так как первый не осуществился: приказывает призвать к себе Нахора, о котором тот говорил. Арахия, придя поздно ночью к пещере Нахора (он жил в пустыне и занимался предсказыванием), сообщает ему весь свой план, а с рассветом возвращается к царю. Потребовав у него всадников, он объявил им, что они поедут на розыски Варлаама. При въезде в пустыню всадники увидели какого-то человека, выходящего из обрыва.

Арахия приказал им погнаться за ним, и они, поспешив исполнить приказание, схватывают и приводят его к нему. Когда Арахия спросил, кто он такой, какой веры и как его имя, то он объявил себя христианином и назвался Варлаамом, как это было ему приказано. Тогда Арахия, исполнившись радости, забрав его с собой, поспешно возвращается к царю. Объявив о случившемся, он представляет ему пойманного. Царь, желая чтобы окружающее слышали его слова, спрашивает: «Ты, Варлаам, слугитель злого духа?» – «Я слугитель Бога, а не злых духов, – возразил пойманный. – Поэтому ты не должен злословить меня, но выразить мне благодарность за то, что я наставил твоего сына в благочестии, вывел его из обмана и обратил к истинному Богу, воспитав в нем все качества добродетели». На это царь, притворившись рассерженным, сказал: «Тебя бы, собственно, следовало без всяких разговоров и оправданий казнить, но я, будучи вообще человеколюбивым, сношу твою дерзость. Если ты до известного срока окажешься неисправимым, то погибнешь ужасно, но если исправишься, то получишь прощение». После этого он передал его Арахии, велев строго стеречь его.

На другой день всюду шли слухи, что Варлаам пойман, так что они дошли и до царского сына. Услыхав об этом, царевич весьма опечалился, и слезы полились у него потоком, которого он не в силах был удержать. Громко рыдая, просил он Бога помочь старцу, и всемилостивый Господь внял его рыданию и молитвам. Он всегда оказывает помощь в дни несчастья верующим в Него и боящимся Его. В ночном видении Он открывает юноше всю истину, влагает в него силу, подкрепляя его к благочестивой борьбе. Проснувшись, Иоасаф почувствовал в своем сердце, незадолго перед тем полном горя и скорби, радость, мужество и благодатный свет. Между тем царь, поступив так, как было сказано, весьма радовался и благодарил Арахию, считая предложенное им средство весьма удачным. Но зло обманулось в самом себе, как выразился божественный Давид. Справедливость побеждает беззаконие, совершенно сокрушает его, уничтожает всякий след, как это мы увидим дальше.

Два дня спустя царь является во дворец сына. Когда последний вышел к нему навстречу, то он не приветствовал его обычной лаской, но казался недовольным и сердитым и, войдя в царскую спальню, угрюмо сел. Потом, призвав к себе сына, он сказал:

«Что это за слухи дошли до моих ушей, сын мой, причинившие мне столько печали? Я думаю, что ни один человек так не обрадовался рождению своего дитяти, как я твоему рождению, и думаю также, что ни одно дитя не причинило отцу столько горя, сколько ты причинил мне теперь. Ты затемнил свет, бывший пред моими глазами, и сокрушил силу моих мускулов. То, чего я опасался на счет тебя, сбылось на самом деле. Ты, на радость моих врагов, на мое посмеяние, своим неразумным умом и сердцем послушался слов обманщиков и предпочел волю глупых моих врагов моей воле, оставив почитание наших богов и обратившись к чужому Богу.

Где слышно, чтобы дитя так поступило со своим родителем? Тот, которого я надеялся воспитать невредимым, которого я надеялся иметь подпорой на старости лет и сделать достойным своим преемником, не постыдился направить на меня оружие неприятелей! Чему тебе следовало более подчиняться: моим ли наставлениям, или глупой болтовне старика, предпри-

сывающего горькую и трудную жизнь вместо сладкой радости, вместо жизни в роскоши – суровый, тернистый путь, который предписывает Сын Марии? Ты даже не убоялся гнева великих богов, чтобы они не поразили тебя громовым ударом или земная расщелина не проглотила тебя; оттолкнул и презрел богов, которые оказали нашему роду столько благодеяний, украсили царской короной, подчинили столько многолюдных государств; богов, благодаря которым, по моим молитвам и прошениям, ты сверх ожидания родился, и вдруг прилепился к Распятому, обманутый пустыми надеждами Его слуг, рассказывающих о каком-то другом мире, болтающих о воскресении мертвых и многом другом, вводящем безумцев в обман. Но ты, дорогой сын мой, послушайся теперь меня, своего отца, принеси жертву милостивым богам, забыв навсегда этот вздор. Мы же умиловостим их гекатомбами³⁶ и возлияниями, чтобы они простили тебе твою ошибку, ибо они имеют силу и власть оказывать благодеяния и наказывать. Подтверждением моих слов являемся мы же сами, которые, получив от богов власть, воздаем поклоняющимся им почести, а нежелающих принести им жертву наказываем».

И долго еще царь говорил, убеждая сына, осмеивая и порицая все наше, превознося и восхваляя идолов. Тогда святой юноша, видя, что уже нечего таить и скрывать, но что, напротив, для его дела нужен как бы подсвечник или подставка, чтобы оно было всем явно и очевидно, сказал свободно и смело:

«Что мной сделано, мой господин, от того я не отрекусь. Я бежал от мрака и вышел на свет, вышел из заблуждения и примкнул к истине; расстался с злыми духами и привязался ко Христу, Сыну и Слову Бога Отца, по слову Которого все появилось из ничего, Который создал и человека из земли, вдунув в него дыхание жизни и дав ему в жилище роскошный рай. Но и после того, как человек согрешил, нарушив данную ему заповедь, чем стал причастным смерти, Бог постоянно делал все для возвращения человеку его первоначального почетного предназначения. Для того Творец всего и Создатель нашего человеческого рода нас ради сделался Человеком. Сошедши на землю и воплотившись от Святой Девы, Он вступил

в жизнь с людьми. И из-за нас, неразумных рабов, Господь принял крестную смерть, чтобы освободить нас от власти греха и уничтожить наше осуждение, чтобы нам снова были открыты врата рая, который Он предназначил для нас, и снова воссадить нас на трон славы. Он даровал бессмертное Царство любящим Его, полное благ, которых невозможно выразить словом, ибо Он один только всемогущ, Царь царствующих и Господь господствующих, сила Которого непобедима и власть несравненна ни с какой властью; Который прославляется с Отцом и Духом Святым. Во имя Их я крестился и Их одних признаю.

Я прославляю и поклоняюсь одному Богу в Трех Лицах, Троице Единосущной и нераздельной, не сотворенной, бессмертной, вечной, вездесущей, бестелесной, неизменяемой, непреложной, свободной от страстей и страданий, Источнику всякого блага, справедливости, Творцу всего видимого и невидимого, содержащему и охраняющему все в Своей власти. Ничего из существующего не произошло без Него и не может существовать без Его Промысла, так как Он Един податель жизни. Оставить столь благого, мудрого и могущественного Бога и обратиться к нечистым духам, виновникам всех страданий, или совершить служение деревянным, немым и глухим идолам, которые и теперь не имеют жизни и никогда не будут ее иметь, – каким это было бы безумием, сумасшествием с моей стороны! Кто когда-нибудь хоть слово услышал от них? Кому из молящихся им они что-нибудь отвечали? Кто видел их ходящими или имеющими хотя малейший признак жизни?

Ни те из них, которые поставлены, никогда не садились, ни посаженные не вставали. О их бессилии, безжизненности, а также о том, что они суть дело обманывающих нас злых духов, я узнал от святого мужа. Тогда, презрев и вместе с тем совершенно возненавидев их, я

³⁶ Гекатомба – жертва из ста животных.

обратился к живому, истинному Богу, Которому и буду служить до последнего дыхания, чтобы это дыхание мое перешло в Его руки.

Когда такие невыразимые блага скопились у меня, я радовался своему освобождению от рабства и плена злых духов и своему просвещению светом лица Господня. Но моя душа мучилась и терзалась только тем, что мой господин и отец лишен такого счастья.

Но, боясь твоего упорства, я держал при себе свое горе, не желая расстроить тебя. Я непрестанно молил Бога, чтобы Он обратил тебя к Себе, прекратил бы твое исключение из пользования общим благом, в котором, впрочем, ты сам виноват, убегая от благочестия и сделавшись последователем всякого нечестия. Но так как ты, отец, сам узнал о моем образе мыслей, то выслушай вполне мое убеждение. Я не нарушу своего завета с Христом, искупившим Своей драгоценной кровью наше рабство, и если бы мне пришлось 10 тысяч раз умереть за Него, то я был бы готов. Зная теперь мое мнение, не бери на себя труд отговорить меня от этого славного исповедания. Будь уверен, что твой труд станет столь же бесплоден и напрасен, как попытка достать рукой до неба или иссушить все воды морские. Поэтому ты, зная мое решение, или сделайся сам последователем Христа, благодаря чему ты удостоишься быть наследником непостижимых благ, и мы будем соединены и природой, и верой, или же я отрекусь от тебя, как отца, и всецело посвящу себя служению истинному Богу».

Царь, выслушав все это, пришел в страшное волнение; безграничный гнев овладел им; он скрежетал зубами, подобно бешеному, и из уст его посыпались яростные слова: «Кто виной таких моих несчастий? Не я ли сам, будучи так расположен к тебе и делая для тебя то, чего ни один отец никогда не делал. Этим только объясняются своеволие и развращенность твоего ума, так ужасно обрушившиеся на мою голову. Недаром звездочеты при твоём рождении предсказали, что из тебя не выйдет ничего хорошего, что ты будешь дурным человеком, беспутным и непослушным своим родителям сыном. Но знай, что если ты теперь не исполнишь моей воли и отречешься от меня, то я, с своей стороны, будучи твоим противником, поступлю с тобой так, как никто никогда не поступал со своим врагом».

Тогда ему снова говорит сын: «Что ты так разгневался, царь? Неужели тебя печалит то, что я удостоен таких благ? Где видано, чтобы какой-нибудь родитель был недоволен счастьем сына? Как не назвать такого отца недоброжелателем? Поэтому и я не буду называть тебя впредь отцом, но отрекусь от тебя, подобно тому, как всякий бежит от змеи, если буду видеть, что ты завидуешь моему спасению и насильно вталкиваешь меня в гибель. Если же ты захочешь употребить против меня насилие или тиранство, как ты это сказал, то будь уверен, что этим ты ничего не выиграешь, кроме названия мучителя или убийцы вместо отца; так как тебе легче было бы найти в воздухе следы полета птицы или самому полететь в воздух, чем сокрушить мою веру в Христа и мое славное исповедание ее. Но образумься, отец, и, сбросив мрак с глаз твоего ума, постарайся увидеть всеозаряющий свет Бога. Для чего ты всецело предался страстям и похотям своей плоти? Знай, что *всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа: так и народ – трава. Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно* (Ис. 40, 6–8).

Что тебя так неразрывно привязывает к этой увядающей и преходящей, подобно весенним цветам, славе, к этой неразумной роскоши, к этим страстям желудка, удовлетворение которых на время приятно безумцам, но возмездие за все это потом горче полыни, когда души таких людей после сей суетной жизни будут заключены на вечную скорбь во мрак, в несжигающий и неугасающий огонь, когда червь непрестанно и неутомимо будет точить их. Избави меня Бог от всего этого! Будучи заключен туда, ты будешь раскаиваться в своих теперешних помыслах и действиях, будешь жаждать возвращения этих дней и станешь вспоминать мои слова, но не будет тебе тогда никакой пользы от раскаяния. В аду уже нет места для обращения и покаяния. Ибо земная жизнь предназначена на дела, а будущая – на воздаяние по делам. Если бы даже земные наслаждения не протекали, но были бы вечны, то и тогда не следовало бы предпочесть

им дары Христа и блага, непостижимые нашим умом. Ибо насколько солнечный свет ярче и светлее мрака поздней ночи, настолько дары, обещанные любящим Бога, славнее и обильнее даров земного царства и славы. Вообще следовало бы великое предпочесть ничтожному. А так как все земное счастье, кроме того, временно и преходяще и проходит подобно сну, тени или мечтам, так что можно скорее положиться на дуновение ветерка или на следы плавающего корабля, чем на благодеяние людей, то какая глупость или, скорее, безумие предпочесть кратковременные, ничтожные земные наслаждения наслаждениям вечным, щедрым и обильным.

Неужели ты не можешь понять всего сказанного, отец? Не оставишь преходящего и не присоединишься к непреложному? Не предпочтешь вечной жизни – вечному изгнанию, света – мраку, духа – плоти? Не станешь бежать от ужасного князя тьмы, то есть от злого диавола, и не обратишься к всемилосердному Господу? Не отступишь от служения многочисленным ложным богам и не будешь служить Единому живому истинному Богу? Хотя ты и прегрешил перед Ним своим богохульством и истребил своими ужасными казнями много Его слуг, но будь уверен, что если ты обратишься к Нему, то Он, Благий, примет тебя и забудет все твои прегрешения, ибо не хочет *смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33,11). Сошедшему с несказанных высот ради нас, блуждавших во грехе, принявшему крестные страдания и смерть и искупившему Своей драгоценной кровью нас, погранных грехом, Ему слава и хваление во веки веков. Аминь».

Царь был разъярен и вместе с тем поражен сознательными и настойчивыми словами своего сына. Так как этот последний не переставал хулить его богов и издеваться над жизнью его и всех язычников, а блистательные речи царевича не поколебали убеждение царя, вследствие царствовавшего в его душе непроницаемого мрака, то он, не будучи в состоянии поступить жестоко с сыном вследствие врожденной природной любви, совершенно отчаявшись подействовать на него угрозами, боясь вместе с тем, чтобы сын своей откровенной речью не продолжал хулить и издеваться над его богами, встал и, удаляясь, гневно сказал: «Лучше бы тебе совсем не родиться на свет, чем родиться для такого богохульства и для уклонения от отцовской любви и послушания. Но ты не думай, что ты окончательно осмелел непобедимых богов, ибо ненадолго восторжествуют мои враги и их обман, так как если ты все-таки не послушаешься меня и не станешь благомыслящим по отношению к богам, то я подвергну тебя сначала различным пыткам, а потом предам тебя лютой казни, потому что тогда я буду видеть в тебе не сына, но врага и вероотступника».

Когда царственный отец после этой угрозы ушел, сын, войдя в свою спальню и подняв глаза к верховному Судье, воскликнул из глубины сердца: «Господи Боже мой! Ты один можешь дать мне сладкую надежду, твердое обещание и надежное убежище! Не оставь меня и не отступи от меня, но, согласно с Твоим обещанием, будь со мной, недостойным и ничтожным, взгляни на меня Своим милостивым и благосклонным взором. Ибо я знаю Тебя как Творца и Промыслителя всякой твари. Укрепи меня в этом сознании до моего последнего дыхания! Воззри на меня и сжался надо мной! Сохрани меня невредимым от всякого происка сатаны! Воззри на меня, Царь! Ибо моя душа иссякла от тоски по Тебе и стремится к Тебе, источнику бессмертия, подобно путнику, жаждущему воды в безводной пустыне. Не предай зверям души моей, исповедующей Тебя, не забудь окончательно души нищего, просящего Тебя. Но подай силу мне, грешнику, во все мое житие переносить все за имя Твое, за исповедание Тебя и всецело посвятить себя служению Тебе, ибо при Твоем могуществе Ты и немощных можешь сделать многосильными, Ты один – непобедимый союзник и всемилостивый Бог, Которого прославляет всякая тварь во веки веков. Аминь». Помолившись так, он почувствовал божественное утешение в своем сердце и, исполнившись мужества, целую ночь провел в молитве.

Царь сообщил другу своему Арахии о содержании своей беседы с сыном, о его резкой откровенности, когда Иоасаф выразил всю твердость своего убеждения. Арахия дал совет относиться к царевичу как можно дружелюбнее и подобострастнее, в надежде привлечь его

лестью. Поэтому на следующий день царь опять отправляется к сыну и, сев, призывает его к себе; обняв, он целовал его и нежно ласкал. Потом сказал ему:

«Милое, дорогое мое дитя! Уважь седину отца своего: вняв моей просьбе, пойдя, принеси жертву нашим богам. Этим ты снова сделаешь их благосклонными к себе. Они за это продлят твои дни, возвеличат славу, обезопасят твое царствование, и от них ты получишь разные блага. Через это ты во всю жизнь будешь пользоваться моей любовью, любовью своего отца, будешь всеми уважаем и хвалим. Ибо весьма похвально повиноваться приказанию отца; повиновение отцу есть одна из высших добродетелей и особенно нужна для приобретения расположения богов. Как ты думаешь, дитя? Уклонился ли я добровольно от благого пути или по незнанию добра обрек я себя на гибель? Если ты думаешь, что я добровольно предпочел пользе – зло и жизни – смерть, то я полагаю, дитя, что ты судишь неправильно. Разве ты не видишь, каким бедствиям я подвергаюсь в походах против врагов и в других случаях, касающихся защиты общественного блага? Разве ты не видел, как я не щажу себя тогда: голодаю, жажду, иду пешком, сплю на земле? Не видишь, как я презираю богатство, а употребляю находящиеся в моих кладовых сокровища на постройку и различные украшения храмов великих богов, как я щедро раздаю сокровища воинам? Презирая так наслаждения и будучи так тверд в бедствиях, я, если бы знал, что вера галилеян лучше той веры, которую я исповедую, то как бы усердно я принялся за исполнение предписаний этой веры; я бы всем пренебрег для своего спасения.

Если же ты осуждаешь мое неведение, то ты оправдаешь меня, приняв во внимание, сколько бессонных ночей я провел, разрешая какой-нибудь представившийся мне вопрос, не позволяя себе отдыха до тех пор, пока у меня не составлялось ясного и соответствующего разрешения его. Так что, если я не пренебрегаю даже малейшим из всего, служащего для удовлетворения потребностей сей временной жизни, но все считаю полезным, то это только потому, что желаю употребить это на общую пользу. И я думаю, что во всей подсолнечной не найдется другого человека, который бы, подобно мне, был всеми признан способным всегда различить позорное от доброго. Если же это так, то как бы могло случиться, чтобы я то, перед чем следует поклоняться и обожать, счел презренным, вместо того чтобы устремить на него всю свою душу, все силы, весь свой ум, все свое рвение для обретения истинно достойного. Я старался найти это, употребляя для того целые дни и ночи; созывал с этой целью на совещание много мудрых и знающих людей.

Побеседовав со многими из так называемых христиан, я после тщательного исследования и сравнения, опираясь, кроме того, на свидетельства мудрых и рассудительных мужей, нашел, что истинный жизненный путь заключается в исповедании и исполнении предписаний той веры, которую мы и сегодня еще исповедуем: в служение великим богам, в проведении жизни, полной удовольствий, в наслаждении данными нам от богов дарами. Такую жизнь представители и проповедники галилейской веры неразумно отвергли. Эту жизнь в сладком свете и наслаждениях всем тем, что боги даровали нам для удовольствия, отвергли в надежде на какую-то другую, неизвестную жизнь, не зная сами, что они говорят и что обещают. Так что ты, сын мой, приняв во внимание наше строгое и непреложное исследование, благодаря которому найдено истинное благо, повинуйся отцу своему. Вот я доказал, что ни добровольно, ни по незнанию не отступил я от истинного пути, но что воистину познал и принял его. Поэтому я желаю, чтобы и ты не заблуждался неразумно, но чтобы следовал за мной. Постыдись отца своего, или ты не знаешь, как прекрасно повиноваться и угождать отцу во всем, и как, наоборот, дурно огорчать его и ни во что не ставить его приказаний. Кто делал это, тот погиб ужасно; поэтому ты, дитя, не причисляй себя к таковым. Но, угождая мне, ты достигнешь всех благ и сделаешься преемником моего царствования и славы».

Выслушав все это, возвышенный и истинно благородный юноша, познав тут коварные замыслы диавола и западню, которую тот приготовил, замышляя совратить богоподобную его душу и этим помешать ему в достижении предстоящей награды, привел отца на его слова заве-

щение, данное Господом: *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее... Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 34–35, 37, 33). Приняв это во внимание и исполнившись страха Божия, – продолжал Иоасаф, – я старался выполнить следующее изречение Соломона: *время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру* (Еккл. 3, 8) – и, молясь Богу, я говорил: *Помилуй меня, Боже, помилуй меня; ибо на Тебя уповала душа моя и на тень крыльев Твоих буду надеяться, пока не пройдет беззаконие. – Воззову к Богу вышнему, Богу, благодетельствовавшему мне* (Пс. 56, 1–3)».

Потом он говорит царю: «Заботиться об отце, повиноваться его приказанием и относиться к нему с любовью учит Господь наш, сделав эту любовь чувством, врожденным нам самой природой. Но если любовь к родителям приносит опасность самой душе и превосходит любовь к Создателю, то нам заповедуется совершенно заглушить в себе такую любовь. Подобно этому нам совсем не предписывается повиноваться отклоняющим нас от веры в Бога, но ненавидеть таких людей и отворачиваться от них, будь это отец или мать, царь или господин самой нашей жизни. Поэтому я не в состоянии подвергнуть себя Божьему наказанию ради отца. Так что ты не утруждай ни меня, ни себя, но если хочешь иметь во мне сына, то последуй моему примеру, и мы будем вместе служить истинному Богу, так как теперь ты обожаешь идолов, дело рук человеческих, предметы бездушные и бесчувственные, которые ничего не могут доставить обожающим их, кроме наказания и гибели.

Если же ты не желаешь последовать моему примеру, то поступай со мной как тебе угодно, ибо я раб Христа и не отступлю от любви и исповедания Его ни перед наказаниями, ни перед лестью, как я тебе это сказал вчера, так как прежде всего я думаю о том, что ношу имя служителя Господня, а потому слово мое крепко и непреложно. Что же касается того, что ты сказал, что не поступаешь дурно, сознавая и сам желая этого, и что не заблуждаешься по незнанию в отношении понятия добра, но что ты после долгого и тщательного исследования узнал, что истинное благо заключается в поклонении идолам и жизни в чувственных удовольствиях, – на это я ничего не могу сказать: уклоняешься ли ты добровольно от него или по незнанию. Одно только я знаю твердо и хочу, чтобы и ты знал: что все твои действия истекают из мрака глубокого невежества, что они есть блуждание ощупью впотьмах, и в них не проглядывает ни малейшей искры света, что твой путь не прямой и ровный, но путь кривой, полный утесов и бездонных пропастей. Итак, живя во мраке, а не в свете, принимая смерть за жизнь, ты думаешь, что твои действия и помыслы хороши и правильны. Но это не истинно, совсем не истинно. Ибо то, чему ты поклоняешься, не боги, но позорные плоды наветов злых духов, заключающие в себе всю гнусность их действий. И та жизнь, которую ты называешь сладкой и приятной, полной наслаждений и удовольствий, на деле совсем не такова, но, по истинному учению, есть жизнь гнусная и безобразная. На время она услаждает и как бы сглаживает свои шероховатости, но затем делает воздаяния еще более гневными и горькими, как учит наш Учитель, еще более заостряет меч, делая его обоюдоострым. Впрочем, как мне выразить тебе все ее зло? Чтобы его сосчитать, надо больше времени, чем на то, чтобы перебрать по одной все песчинки дна морского.

Зло – это крючок дьявола, облеченный в вид приманки в гнусные удовольствия, которыми он привлекает обманываемых им людей в ад. Блага же, обещанные нам Господом нашим, которые ты назвал надеждой на неизвестную жизнь, истинны, непреложны, бесконечны, нетленны. Нет слова, которое могло бы выразить полноту того богатства, славы, невыразимой радости и вечного блаженства. Как ты видишь, мы все умираем. *Какой человек проживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49). Но мы опять воскреснем, когда придет Господь наш Иисус Христос, Сын Бога живого, в невыразимой славе и могуществе. Единый Царь царствующих и Гос-

подъ господствующих, перед Которым преклонится всякая тварь небесная, земная и подземная. Тогда произойдет такой переворот, что самые небесные духи придут в ужас; тогда многое множество Ангелов и Архангелов со страхом и трепетом предстанут перед Ним.

По повелению Божию, один из Архангелов затрубит в трубу, и небо тотчас отверзется подобно книге, земля же исторгнет все тела прежде умерших людей, начиная с времен Адама до того дня. Все эти умершие во мгновение ока предстанут живыми перед троном бессмертного Господа; каждый даст отчет в земных делах своих. Тогда праведники, уверовавшие в Отца и Сына, и Святого Духа, проводящие свою земную жизнь в добрых делах, просят, подобно солнцу. Как мне выразить ту славу, которую они обретут тогда?! Хотя я сопоставляю блеск ее с светом солнца и блеском молнии, но это потому, что мы не можем представить себе ничего блестящее. Но на самом деле никакой блеск не может сравниться с величием той славы: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Праведники будут тогда жить в Небесном Царствии, в неприступном свете, в несказанной и бесконечной радости. Тогда они обретут истинное благо и будут жить в истинном блаженстве.

Отвергнувшие же истинного Бога, не уверовавшие в Творца и Создателя, а служившие злым духам, почитавшие безжизненных идолов, всецело предававшиеся пустым удовольствиям этой жизни, подобно свиньям, осквернившиеся грязью страстей и сделавшие свою душу источником всякого зла – будут лишены всех этих даров, прогнаны от лицецерия Божия, будут опозорены, пристыжены и подвергнутся оскорблению со стороны всякой твари. Им напомним о всех их делах, словах и помыслах. Потом, после ужасного позора и унижения, они осудятся на ввержение в огненную геенну, огонь которой не сжигает, но вместе с тем никогда и не угасает. И будут они ввергнуты в крайнюю тьму, где у них будет плач и скрежет зубов, и червь постоянно станет точить их. Такова участь грешников. И будет эта участь их продолжаться нескончаемо и непрестанно за то, что они отвергли обещанные блага и предпочли временное, грешное, мирское удовольствие.

Какие богатства и даже души могут считаться слишком достойными, чтобы быть пожертвованными на достижение такой несказанной радости, для наслаждения той невыразимой славы, для озарения ангельским светом и сладкого, блаженного лицецерия Господа; во избежание тех ужасных, бесконечных наказаний, страшного позора и унижения? Кто же настолько малодушен, настолько безумен, чтобы не был готов подвергнуться бесчисленным временным смертям для достижения вечного спасения и бессмертия, наследования блаженной жизни и озарения светом Святой Животворящей Троицы».

Царь, выслушав эти речи, удивлялся твердости и неподатливости сына, который не уступал ни перед лестью, ни перед убедительностью слов, ни перед угрозами наказаний; удивлялся он также правдоподобности содержания его речи и неуклонности ответов. Он начал было прозревать правдивости его слов, но дурные склонности, его закоснелость в страстях и похотях возымели свое действие и подобно узде отвлекли его от света истины. Освободившись от впечатления, произведенного на него словами сына, Авенир опять имел в виду только свою прежнюю цель и, намереваясь применить на деле план, составленный заранее им и Арахиею, он сказал: «Тебе бы следовало, дитя, подчиниться всем моим требованиям. Но так как ты непослушен и упрям, непременно хочешь доказать правдивость и преимущество своего мнения, то оставим оба свою настойчивость и уступим действительному превосходству каждого убеждения. Так как обманувший тебя Варлаам находится теперь у меня в плену, в железных оковах, то я созову большое собрание из наших и галилеян, для чего велю глашатаям всюду объявлять, чтобы никто из христиан не боялся, но чтобы все бесстрашно шли, и в этом собрании мы будем совместно обсуждать свои мнения. Если вы, в лице вашего Варлаама, будете победителями, то вы достигнете того, чего домогаетесь; если же наше мнение победит, то вы должны быть готовы исполнить мои приказания».

Умный юноша, поняв благодаря бывшему у него ночному видению уловку царя, сказал: «Пусть будет по желанию господина моего, пусть будет так, как ты велишь, ибо Сам благий Господь Бог наш не даст нам сойти с прямого пути. На Него полагается душа моя, и Он поми- лует меня».

Тогда царь повелел собраться всем идолопоклонникам и христианам. Всюду было разо- слано письменно это приказание, и по всем городам глашатаи провозглашали о том, чтобы никто из христиан ничего не боялся, но чтобы все бесстрашно шли в одно место на общее собрание для свободного обсуждения, которое будет производиться во главе с Варлаамом. Равным образом, он велит собраться ревнителям и представителям языческой веры, мудре- цам из Халдеи и Индии, созывая всех, находящихся под его властью. Кроме того, он избирает несколько птицегадателей, чародеев и чревовещателей, надеясь, что они превзойдут христиан.

На это собрание сошлось большое количество людей, исповедующих нечестивую веру царя. Из христиан же только один, по имени Варахия, пришел на помощь назвавшему себя Варлаамом. Ибо одни из правоверных были убиты городскими начальниками, другие скры- вались в горах и пещерах из страха перед угрожавшими опасностями; иные же, убоявшись угрозы царя, не решались явно исповедовать правую веру и тайно были последователями Хри- ста, совершая служение ночью. Один только Варахия, будучи благороден душой, явился на состязание за правду.

Царь, сев на высоком троне, велел сыну сесть возле себя. Но он из почтения перед отцом не захотел сделать этого и сел близ него на земле.

Явились и защитники языческой веры, о исповедниках которой апостол выразился, что *они суетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя муд- рыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся* (Рим. 1, 2123). Они сошлись для того, чтобы говорить против царевича и его сторонников. И на них сбылась притча о газели, которая выступила в бой со львом. Ибо царевич и его последователи уповали на Всевышнего и на Его помощь; противники же их положились на тленность мира сего, на властителя мрака, которому они жалко подчинились.

Приводят также Нахора, выдавшего себя за Варлаама. Этим явной становится цель царя и его советников, с которой они придумали это собрание. Но Промысл Всевышнего не дал осу- ществиться этой цели. Когда все были на месте, царь говорит, обращаясь к ораторам и фило- софам, блуждающим в бессмысленной вере: «Вам предстоит состязание и состязание величай- шее из всех состязаний. Одно из двух постигнет вас сегодня: или вы в лице Варлаама победите нас, уличив в том, что мы заблуждаемся, и тогда вам всем собранием от нас будут оказаны величайшие почести, и вы украситесь победоносными венками, или же, будучи побеждены, вы подвергнетесь позорной и ужасной казни. Имение ваше будет отдано народу, дабы уничтожить с земли все, даже напоминающее о вас; тела ваши я отдам на съедение зверям, а детей обращу в вечное рабство». Когда царь сказал это, ему отвечал его сын: «Твой суд сегодня справедлив, царь! Да подкрепит Господь тебя в этом добром направлении. То же самое и я скажу своему учителю». И, обратившись к Нахору, которого все принимали за Варлаама, он сказал: «Ты помнишь, Варлаам, в какой славе, почести и роскоши ты меня нашел. Своей длинной речью ты убедил меня оставить отцовские законы, обычаи и сделаться служителем твоего Бога; обе- щанием каких-то вечных и несказанных благ ты склонил меня последовать твоему учению и огорчить моего господина и отца. Теперь решится твоя участь: если ты выйдешь победителем из этой борьбы, докажешь истину своего учения, которое ты мне преподавал, и уличишь заблуж- дение наших противников, то ты будешь почтен, как никто из смертных, и прославишься как проповедник истины. Тогда я навсегда останусь последователем твоего учения и слугой Хри- ста до последнего дыхания. Если же ты будешь побежден или хитростью, или истиной и, таким образом, сделаешься виновником моего позора, то я отомщу за оскорбление своей гордости

своими же руками: вырву твое сердце и язык и дам их с остальным телом на съедение псам, чтобы твой пример был для всех наукой не совращать царских сыновей».

Выслушав эти слова, Нахор очень опечалился, видя, что ему самому придется упасть в ту яму, которую он выкопал, и что собственный же меч вонзается в его сердце. Сообразив, как ему поступить, он решил, что во избежание нависшей опасности лучше стать на сторону царевича, чтобы на его стороне была победа. Промысл Божий, который нередко мудро действует через наших противников, был, главным образом, причиной такого его решения. Когда представители идолопоклонников вступили в словесное состязание с Нахором, то он, подобно некоему Валааму, который во времена царя Валаха предпочел воззвать к Богу Израилеву, начав славословить Его, так и Нахор стал вдруг противоречить бессмысленным мудрецам.

В присутствии царя, сидевшего на троне, царевича, сидевшего, как мы сказали, и близ него множества языческих ораторов, наостривших свои языки, как меч, для сокрушения истины, массы сошедшего из чужих стран народа, чтобы увидеть, какая сторона победит, – один из ораторов, самый выдающийся из них, говорит Нахору: «Ты Варлаам, бесстыдно и дерзко отнесшийся к нашим богам и вовлекший в такой обман дорогого царского сына, научив его служить Распятому?» Нахор ему возразил: «Я Варлаам, презирающий ваших богов, как ты сказал, но не вовлекший в обман царского сына, а, наоборот, выведший его из обмана и обративший к истинному Богу». – «Если и достойные удивления люди, – продолжал оратор, – познавшие всю глубину мудрости, называют наших богов великими и бессмертными; если все земные славные цари поклоняются и благоговеют перед ними, то как у тебя поворачивается язык против них, как ты осмеливаешься на такую дерзость? Какое у тебя доказательство, что боги не они, а Распятый, с Которым галилеяне обошлись как с обманщиком, самозванцем, мятежником и, осудив Его на позорную казнь, распяли на Крест. После этого ты проповедуешь, что Он Бог! Как тебе не стыдно, бесстыдный?!»

Публичная речь Нахора, говорившего по внушению Святого Духа, в которой выставляется заблуждение идолопоклонников и возвещается христианская истинная вера

Выслушав эти слова, Нахор не удостоил оратора никаким ответом. Сделав народу рукой знак молчать, он стал, подобно ослице Валаамовой, говорить то, чего не предполагал сказать. Он начал так:

«Я, царь, по Промыслу Божию вступил в этот мир. Увидев небо, землю, море, солнце, луну и прочие, я удивился красоте мира и потом ясно понял, что этот мир и все, что в нем, силой другого приводится в движение, и уразумел, что Тот, Кто движет все это, есть Бог, Который во всем присутствует и от всего скрыт. А известно, что то, что движет, сильнее движимого. Доискиваться о Нем, Который о всем промышляет, невозможно, ибо Его существо бесконечно, неисследимо и недостижимо для всех тварей. Далее о Боге следует знать только, что Он безначальный, вечный, бессмертный; что Он выше того, что мы чувствуем и претерпеваем: выше страха, гнева, забвения, незнания и прочего. Через Него все существует. Он не нуждается ни в жертвоприношениях, ни в возлияниях и ни в чем другом, видимом нами, но все живущие нуждаются в Нем. Таковы существенные свойства Божии.

Перейдем теперь к человеческому роду и посмотрим, кто из них держится изложенной истины о Боге и кто заблуждается относительно нее. Нам известно, царь, что есть три рода людей в этом мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь многобожники делятся на три разряда: на халдеев, греков и египтян. Эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих и служащих многим богам. Посмотрим теперь, какие из них живут в истине и какие нет.

Халдеи, не зная истинного Бога, заблуждаются в отношении стихий, обожают их, служа, таким образом, твари вместо Творца их. Сделав некоторые образы стихий, называли их изображениями неба, земли, моря, солнца, луны и других светил и стихий; поставили их в храмах и поклоняются им, усердно охраняя, чтобы их боги не были похищены ворами. Они не понимают, что все охраняющее сильнее всего охраняемого и что создающий выше создаваемого.

Итак, если их боги бессильны охранять самих себя, то как они могут дать спасение людям? Следовательно, халдейцы жестоко ошиблись, обоживая мертвые и бесполезные изображения. И я прихожу в изумление, царь, как их так называемые философы совершенно не понимали, что самые стихии тленны и подчинены закону необходимости. Как же они могут быть богами? Если же стихии не боги, то как же изображения, сделанные для почитания их, считаются богами? Перейдем теперь к стихиям, царь, и докажем, что они не боги, но что они тленны и изменяемы, созданные из ничего по повелению истинного Бога, бессмертного, непреложного и невидимого, Который видит, устраивает и изменяет все, как хочет.

Что же мне сказать о стихиях? Считающие небо богом заблуждаются: мы видим, что небо изменяется, подчиняется закону природы и состоит из многих частей; поэтому оно есть часть мира, а мир сотворен. Все же сотворенное имеет начало и конец. Небо по закону необходимости движется с находящимися на нем светилами. Звезды, двигаясь в известном порядке, на известном расстоянии друг от друга с места на место, одни восходят, другие заходят, смотря по времени года; меняют лето и зиму, как это устроил Бог. Они никогда не преступают назначенных им границ, но постоянно следуют одному и тому же неизбежному закону, господствующему в небесном мире. Отсюда явствует, что небо не бог, но Его творение. Считающие же землю божеством также ошибаются, ибо мы видим, что она находится в распоряжении и господстве у людей: ее копают, орошают, делают негодной. Если она перегорает, то делается мерт-

вой. Например, из черепицы ничего не произрастает. Если она будет слишком потрясена, то и сама погибнет и все ее произведения; она попирается ногами людей и животных, оскверняется кровью избиваемых, уничтожается и изменяется, служит складочным местом мертвых тел. Все это свидетельствует, что земля не божество, но сотворена Богом для пользования ею людьми.

Заблуждаются и почитающие воду богом. Она тоже дана для пользования людей; находится в их распоряжении, оскверняется, уничтожается и видоизменяется; ее кипятят и изменяют цвет красками; она мерзнет от холода; ее употребляют для мытья всего нечистого. Посему и вода не может быть богом, но есть создание Божие и часть мира. Не правы также и те, которые признавали богом огонь, так как и он создан для удовлетворения нуждам людей и многообразным образом им подчиняется – переносится с места на место, употребляется для жарения и варения разного рода мяса, равным образом и для сожжения мертвых тел; его различными способами гасят и прекращают. Итак, огонь нельзя считать богом, но Его творением. И опять те, которые думают о дуновении ветра, что это бог, тоже заблуждаются, ибо ясно, что ветер зависим и существует для нужд людей: например, для направления плавающих судов, для сбора хлеба и прочих нужд человеческих. Он усиливается и прекращается по повелению Божию. Поэтому и ветер не бог, а творение Божие.

Ошибаются принимающие и солнце за бога. Мы видим, что и оно подчиняется общему закону природы, движется, вращается и совершает свой путь, заходит и восходит, – все это для того, чтобы всюду освещать и давать тепло растениям, предназначенным для удовлетворения нужд людей. Оно принадлежит к числу прочих светил; гораздо меньше неба, при затмениях не дает света и вообще не имеет никакой собственной силы. Так что и солнце не божество, но творение Божие. Не менее заблуждаются также считающие луну божеством. Мы видим, что и она подчиняется общему закону, для нужд людей восходит и заходит; она меньше солнца, увеличивается и уменьшается, и при затмениях не дает света. Поэтому и луна не есть божество, но творение Божие. Заблуждаются также считающие человека богом. Мы видим, что и он подчиняется законам необходимости; питается и старается против воли; то радуется, то печалится; нуждается в пище, питье и одежде. Мы видим, что он сердится, льстит, подчиняется страстям, раскаивается, беспокоится, терпит потери и многообразно погибает от стихий, животных; вообще и он подлежит смерти, и есть творение Божие. Итак, сильно заблуждаются халдеи в своей вере, мыслях и чувствах, ибо они поклоняются тленным стихиям, безжизненным идолам, бессмысленно обожая их.

Перейдем теперь к грекам и посмотрим, какое мнение об истинном Боге имеют они. Греки, считающие себя мудрыми, оказались глупее халдеев, утверждая, что есть много богов: и мужские, и женские, которые вместе с тем виновники различных бурных страстей и беззаконий. Царь, учение греков смешно, глупо и нечестиво, так как они провозглашают несуществующих богов по своим собственным дурным страстям и наклонностям, ибо они хотят иметь в богах союзников во зле, желая безнаказанно прелюбодействовать, грабить, убивать и вообще творить всякое зло. Ведь если боги их делают это, то почему и им не делать того же?! Из такого ложного взгляда на Божество у людей возникали постоянные войны, убийства и тяжелый плен. Если мы рассмотрим каждого бога в отдельности, то ты, царь, увидишь всю глубину их заблуждения. Первым богом у них считается бог Кронос, которому они приносят в жертву своих детей; у него было много сыновей от его супруги Реи, но в бешенстве он съедал собственных детей. Говорят, что Зевс положил конец его власти. Отрубив у него необходимый член тела, он бросил и его в море, и из образовавшейся пены вынырнула Афродита. Самого же отца своего Зевс, связав, низвергнул в тартар. Видишь ли ты все их заблуждение? Какое распутство приписывают они своим богам! Возможно ли, чтобы бог мог быть связан и лишен власти?! О, какое безумие! Какое разумное существо может сказать это?

Вторым богом у них считается Зевс, который воцарился над всеми их богами. Они же говорят о нем, что он принимает различные образы, чтобы совершать прелюбодеяние со смерт-

ными женщинами. Так, говорят, что он в образе быка был у Европы, в виде золота у Данаи, в виде лебедя был у Леды, в виде сатира – у Антиопы, в виде молний – у Семелы. От них у него было потом много детей: Зет, Дионис, Геркулес, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор, Елена, Полидевк, Минос, Радмонт, Сарпедон и девять дочерей, называемых музами. Потом говорят, что он похитил пастуха Ганимеда и сделал его своим виночерпием. Так вот, царь, люди начали подражать во всем своим богам в подобном разврате и в других дурных делах, ссылаясь на их примеры. Как же прелюбодей и отцеубийца может быть богом! Затем греки веруют в какого-то хромого бога, который ради снискания пропитания занимается кузнечным ремеслом. Таким образом, они приписывают своему богу свойства, совсем не присущие Божеству, ибо Бог не может быть ни хромым, ни нуждаться в людях.

Веруют в бога Гермеса, подверженного страстям, честолюбивого, вора, кривого, мага, толкователя снов. Невозможно, чтобы Бог был таким. Почитают Эскулапа – врача, приготовляющего лекарства ради пропитания, ибо он жил в нужде, под конец его поразил Зевс громовым ударом из-за лакедемонянина Тиндарея, отчего он и умер. Если Эскулап, будучи богом, пораженный молнией, не мог помочь себе, то как он может помогать людям.

Веруют в Ареса, воителя, который обольстил Афродиту, за что он был заключен в оковы мальчиком Эротом и Гефестом. Каким образом бог может быть воителем, прелюбодеем, заключенным в оковы? Веруют еще в Диониса, устраивающего ночные празднества, покровителя пьянства, увлекающего чужих жен, безумного, бежавшего в пустыню и убитого титанами. Если Дионис не мог спасти себя от убийства, безумствовал, пьянствовал и обращался в бегство, то как он мог быть богом?

Затем они считают богом Геркулеса, который в опьянении, в припадке ярости убил своих детей, а умер сожженный огнем. Как бог может быть пьяницей и быть сожженным? Еще чтут бога Аполлона, которого изображают с луком, колчаном на плечах или с лирой в руке. Он за плату предсказывает людям. Но опять-таки: бог не может ни в чем нуждаться и быть лирным певцом. Веруют они в сестру Аполлона, Артемиду, богиню охоты, представляемую с луком и колчаном, которая бродит одна по горам, охотясь за оленями и кабанами. Далее они передают об Афродите, что она была прелюбодейкой, совершала прелюбодеяния то с Аресом, то с Адонисом. Она же ищет потом своего любовника и оплакивает его смерть. Затем спускается в ад и искупает Адонида у Персефоны. Не правда ли, царь, это более чем глупости, считать божеством существо с такими качествами, прелюбодействующее, плачущее и печальющееся?

Почитают своим богом охотящегося Адонида, умершего от удара кабана и не бывшего в состоянии помочь себе. Как же он может помогать людям – прелюбодей, охотник, подвергнувшийся насильственной смерти. Все эти свойства и многие подобные им, еще более дурные и позорные, греки приписывали своим богам. Но о них даже грех и говорить, лучше совсем не вспоминать их. Подражая безобразию своих богов, люди творили всякое беззаконие и бесчестие, оскверняя своими делами землю и воздух.

Египтяне же в этом отношении были еще глупее и бессмысленнее более всех народов. Ибо они не только представляли себе богов, подобных халдейским и греческим, но обожали и неразумных животных, земных и морских, а также различные растения. Первоначально они почитали Изиду, у которой был муж Озирис, убитый потом своим братом Тифоном.

Изида со своим сыном Ором бежит в Сирию, ища Озириса, при чем она сильно сокрушается и горюет, пока не вырос Ор и не убил Тифона. Таким образом, Изида не могла спасти своего мужа, Озирис не мог спастись сам от Тифона, Тифон, братоубийца, не мог противостоять Ору. Такими бессильными и несчастными выставляют они своих богов. Египтяне в этом отношении ниже всех народов; они обожают неразумных и бессловесных животных: одни из них считали богами овец, другие – козлов, третьи – быков, четвертые – свиней; иные – ястребов, соколов или орлов; иные – крокодилов или обезьян; те – собак, волков, драконов, аспидов; некоторые же – лук, чеснок, шиповник и другие растения. И не могли они, жалкие, понять обо

всех этих богов, что они ничто, хотя ежедневно видели, что другие люди убивали, ели, жгли их богов, видели, что их боги гнили, но все-таки они не могли понять, что они не боги.

Итак, очевидно, что страшно заблуждались египтяне, халдеи, греки, веруя в таких богов, делая их изображения, обожая безжизненных и немых идолов. И я удивляюсь, как это они, видя, что идолы их вырубались, выпиливались из дерева или сплавлялись из металла, а потому и портились, старели от времени, все-таки считали их богами. Если их боги ничего не могли сделать для собственного охранения и спасения, то как они могли иметь промысл о людях. Поэты же и философы греков, халдеев и египтян, желая своими произведениями прославить своих богов, еще более раскрывали всю их несостоятельность и позор. Отсюда, царь, очевидно, что такое понятие о богах есть глубокое заблуждение. Я не понимаю, как мудрые и разумные из греков не поняли, что они осуждаются собственными же законами. Ибо если их законы справедливы, то их боги совершенно несправедливы, творя такие беззакония, как междоусобия, прелюбодеяния, отравление, воровство и прочее. Если же боги прекрасно поступали, то законы совершенно не правы, будучи направлены против богов. Но законы греков хороши и справедливы, так как хвалят добро и наказывают зло. Дела же богов беззаконны, а потому и боги их беззаконны. Кроме того, они выставляют своих богов бессмертными, а потому и верующие в таких богов суть нечестивцы. Если все эти рассказы об их богах есть вымыслы, то такие боги существуют только на словах; если же эти истории правдивы, то они не боги, если творят такие дела и терпят так; если эти рассказы – иносказания, опять-таки такие боги только пустые слова. Итак, доказано, царь, ясно, что многобожие есть дело заблуждения и влечет за собой гибель. Ибо богов не должны считать видимыми и невидящими, но должно поклоняться невидимому, но всевидящему Богу, Творцу всего и всех.

Теперь, царь, перейдем к иудеям и рассмотрим их образ мыслей относительно Бога. Иудеи, потомки Авраама, Исаака и Иакова, переселились в Египет. Оттуда их вывел Бог Своей всемогущей рукой через Моисея, их законодателя, Своими многочисленными чудесами и знамениями показав Свое могущество. Но они, невежественные и неблагодарные, часто служили языческим идолам, а посылаемых к ним проповедников-пророков убивали. Когда же Сын Божий соблаговолил сойти на землю, то они предали Его Пилату, римскому префекту, и осудили на крестную смерть, не устыдившись сделать это, несмотря на Его благодеяния, бесчисленные чудеса, которые Он совершил над ними. Иудеи погибли через свое беззаконие, как и язычники. Хотя они и теперь поклоняются только Единому Всемогущему Богу, но отвергают Христа, Сына Божия, поэтому так же беззаконны, как и язычники, хотя и думают, что близки к истине, от которой сами отдалили себя. Такова вера иудеев!

Христиане же происходят от Господа Иисуса Христа. Это Сын Божий, сошедший на землю с неба для спасения людей. Он воплотился от Духа Святого и Девы Марии без мужа и явился во плоти людям видимым, чтобы вывести их из многобожия.

Свою удивительную деятельность Он завершил через крестную смерть, которой подвергнул Себя добровольно. Через три дня Он воскрес и вознесся на небеса. О деятельности Его ты, царь, можешь узнать, если пожелаешь, из той части Св. Писания, которая называется Евангелием. Христос имел 12 учеников, которые после Его вознесения на небеса отправились во все страны вселенной, уча о Божественности Его. Один из них обошел и нашу страну, возвещая учение истины. Те, которые до сих пор исполняют правила этого учения, называются христианами.

Христиане преимущественно перед другими людьми обрели путь истины. Они исповедуют Бога, Творца и Создателя всего, в Отце и Сыне, и Святом Духе. Иного Бога они не признают и не поклоняются. Христиане имеют написанными в сердце своем заповеди Самого Господа Иисуса Христа, исполняют их, ожидая воскресения мертвых и жизни будущего века. Они не прелюбодействуют, не поклоняются идолам, не свидетельствуют ложного, не желают чужого; почитают отца своего и мать свою и любят ближнего своего. Обидевших их они про-

щают и делают своими друзьями; платят добром за зло. Они кротки и милосердны, избегают незаконного общества и воздерживаются от всего нечестивого; вдов не презирают и сирот не обижают. Имущий щедро дает неимущему. Если видят странника, то вводят его под кровлю свою и радуются ему, как родному брату, ибо они считаются братьями не по плоти, а по душе. Они готовы положить души свои за Христа, ибо твердо исполняют Его заповеди. Они живут праведно и свято, как им повелел это Господь Бог, молясь и благодаря Его за всякую пищу, питье и другие дары.

Тот путь есть путь истины, который приводит в вечное Царствие, обещанное Христом в будущей жизни. А чтобы ты был убежден, царь, что я говорю правду, что не от себя говорю, – открой христианское Священное Писание и ты увидишь, что я говорю истину.

Твой сын был научен прекрасному и праведному – служить Богу живому для спасения в будущей жизни. Велико и достойно удивления все, что говорят и делают христиане. Ибо они говорят не людские слова, а Божии. Язычники же блуждают на своем жизненном пути, потому что тот путь, которым они идут, находится во мраке, отчего они и шатаются беспрестанно, как пьяные. Таково мое слово к тебе, царь, слово, исходящее из души и ума моего под влиянием силы истины! Пусть твои безумные мудрецы перестанут злословить Господа, ибо для вас будет великая польза обратиться к истинному Богу, Творцу всего, и просветиться Его непреложными словами, дабы избежать осуждения и наказания и сделаться наследниками вечной жизни».

Когда Нахор высказал все это, царь изменился в лице от гнева; ораторы же и представители языческой веры стояли, не издавая никакого звука, не будучи в состоянии противоречить. Царевич же возрадовался духом и со светлым лицом прославлял Господа, так благополучно выведшего из затруднительного положения уповавших на Него, Который даже заблуждавшегося врагу истины дал силу и возможность говорить и свидетельствовать истину. Царь хотя и был ужасно разгневан на Нахора, но не мог сделать ему ничего дурного, так как он при всех перед его речью дал ему позволение говорить бесстрашно за христиан. Тогда он сам начал противоречить ему, потом велел то же самое делать ораторам. Но Нахор разбивал все их положения и заключения, уличая в обмане и заблуждениях. Так как прения затянулись почти до вечера, то царь велел разойтись собранию до следующего дня. Но царевич сказал отцу: «Как справедливо ты начал свой суд, господин мой, так и закончи его, и пусть будет одно из двух: или пусть мой учитель останется со мной на эту ночь, чтобы мы вместе могли обсудить все то, о чем завтра нужно будет говорить с нашими противниками, ты же возьми своих защитников для обсуждения того, что вы хотите сказать; или же оставь со мной своих защитников на эту ночь, моего же возьми к себе. Если же и мой, и твои будут при тебе, то мой все время будет находиться в печали и страхе, а твои в радости и спокойствии, что, по-моему, не будет справедливым судом, но произволом власти, нарушением договора».

Царь, побежденный справедливостью этих слов, взял защитников своей веры с собой, Нахора же отпустил с сыном, надеясь еще, что он исполнит порученное ему.

После этого Иоасаф, имея при себе Нахора, возвращается в свой дворец, испытывая чувство, подобное чувству какого-нибудь победителя на Олимпийских играх. Оставшись с ним наедине, он сказал ему: «Не думай, что мне неизвестно, кто ты. Знаю очень хорошо, что ты не божественный Варлаам, а звездочет Нахор. И я удивляюсь, как вы решились на такое прикидывание: обманывать среди бела дня. Неужели вы считаете меня настолько близоруким, чтобы я принял волка за овцу. Верно то слово, что тщетны помыслы глупца, и ваше желание и намерение совершенно бессмысленны. Дело же, которое ты совершил, исполнено здравого смысла. Поэтому радуйся и ликуй, Нахор! Великая тебе благодарность за то, что ты сегодня был сторонником правды и не осквернил уст своих нечестивыми словами, что ты не стал коварно прикидываться, но очистил себя от всего нечистого, уличив неправоту веры и ложных богов и доказав истину христианского учения. Я же постарался увести тебя с собой по двум причинам: чтобы царь не наказал тебя наедине за то, что ты не говорил угодное ему и чтобы на

деле выразить тебе свою благодарность. В чем же будет заключаться эта благодарность? В том, чтобы вывести тебя с того дурного и скользкого пути, по которому ты шел до сих пор, и направить на тот прямой и спасительный путь, от которого ты отклонился не по незнанию, но сознавая зло избираемого тобой, обреки себя на путь, полный пропастей и крутизн. Одумайся, Нахор! Обратись ко Христу, чтобы наслаждаться будущей, сокровенной жизнью; пренебреги всем этим временным и тленным, ты не будешь жить вечно, ибо ты смертен и скоро отправишься туда, куда отправились все твои предшественники. И горе тебе, если ты придешь туда, отягощенный множеством прегрешений, ибо там Суд справедлив и праведно воздаяние по делам, которого ты тогда не избежишь, между тем как теперь дело еще так поправимо!»

Нахор, умиленный в душе сими словами, воскликнул: «Хорошо ты сказал, царь! Знаю и я о существовании истинного Бога, от Которого все произошло. Знаю и о будущем Суде: узнал я это из многих Писаний. Но дурное общество, постоянно хулящее Его, ослепило мои глаза, и густой мрак царствовал в моем уме и сердце. Теперь же благодаря твоим словам покрывало спало с моих глаз, и теперь я надеюсь просветиться светом лица Господня; буду просить Его, чтобы Он сжалился надо мной, внял бы раскаянию Своего раба и отступника, хотя мне кажется, что трудно получить отпущение прегрешений, равных по тяжести и по количеству всему песку дна морского, творимых мной до такого возраста и сознательно, и по невежеству».

Когда Иоасаф услышал это, то поднялся и с теплым участием подошел к говорящему. Он начал ободрять упавший дух Нахора и подкреплять в вере во Христа. «Выбрось всякое сомнение из души, – говорил он, – ибо Священное Писание уверяет, что Бог может даже из этих камней создать себе детей, подобных Аврааму. Это значит, как толковал отец Варлаам, что спасение возможно и для самых закоснелых грешников, что и они могут сделаться служителями Христа, Который по богатству Своей благодати и милосердия к людям открыл небесные врата всем кающимся и каждому дал возможность спастись через покаяние. Спасение наше никогда не поздно, как говорит Св. Евангелие в притче о виноградаре, который всем работникам, пришедшим к нему в первый, третий, шестой, девятый и одиннадцатый час дал одинаковую плату. Так что, хотя ты и состарился в грехах, но если ты теперь обратишься ко Господу с искренней верой, надеждой и любовью, то будешь удостоен тех же даров, каких удостоятся подвизавшиеся в благочестии с юных лет».

Божественный юноша говорил закоснелому во зле Нахору еще много и другого о раскаянии, ободрял его тем, что Христос милостив и всегда готов принять кающегося, и, исцелив большую душу своими словами, как лекарством, он даровал ей очищение и выздоровление.

Тогда Нахор быстро сказал ему: «Ты, благороднейший юноша, посвящен в эти удивительные таинства более душой, чем телом, и до конца своей жизни пребывай в исповедании их, и пусть никакое время и никакой случай не уничтожат его в твоём сердце; я же удалюсь отсюда и буду искать спасения, чтобы раскаянием умиловить Бога, Которого я разгневал. Если ты позволишь, то я более не явлюсь на глаза к царю».

Царевич чрезвычайно обрадовался словам Нахораи, обняв его, расцеловал, потом, помолвившись усердно Богу, он отпустил его из дворца.

Выйдя от Иоасафа, Нахор с быстротой лани бежит в пустыню к пещере одного монаха, облеченного в священный сан, который там скрывался вследствие преследования христиан. Придя к нему, Нахор припадает к его стопам, оmyвает их слезами, подобно грешнице, пришедшей ко Христу, и умоляет дать ему святое крещение. Священнослужитель, исполнившись духовной радости, следуя обычаю, тотчас же наставляет его в вере, а через несколько дней совершает над ним крещение во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Нахор остался с ним, раскаяваясь в своих прегрешениях и прославляя Бога, не желающего ничьей гибели, но милостиво принимающего всех обращающихся к Нему и кающихся.

Узнав поутру об исчезновении Нахора, царь, отчаявшись в надежде, которую он имел на него и видя, что его мудрецы и ораторы совершенно побеждены, не знал, что ему делать. Осы-

пав их укорами и предав позору, а некоторых и сильному телесному наказанию, он прогнал их от себя. Сам же начал прозревать бессилие своих ложных богов и, хотя не желал окончательно просветиться светом Христа (ибо мрак неверия, господствовавший в его душе, задерживал проблески просвещения в его сердце), однако с тех пор он уже не воздавал почестей мертвым богам, не делал в честь их празднеств, не совершал им возлияний, но колебался в выборе: с одной стороны, он сомневался в своих богах, с другой – его пугала строгость Евангельского учения о христианской деятельности, так как сила дурных привычек и склонность к плотским удовольствиям имели над ним еще слишком большую власть. Он был всецело предан страстям, был их рабом, он, как говорит пророк Исаия, пьянствовал без вина и дурные склонности, подобно узде, правили им.

Когда царь боролся, таким образом, с двумя противоположными стремлениями, его благородный сын, с действительно царской душой, жил в своем дворце непоколебимым в истинной вере, выказывая чистоту и красоту души в своих действиях. Его ничуть не интересовали зрелища, конские состязания, охота и другие забавы молодости, увлекающие души глупцов, но он всецело посвятил себя выполнению заповедей Христа, к Которому он стремился с неудержимым пылом.

Одно только еще хотел Иоасаф иметь в этой жизни: свидание со своим учителем Варлаамом. Он запечатлел его слова в своем сердце, старался подражать его жизни и страстно желал с ним видеться. Царственный юноша был подобен дереву, окропленному при своем насаждении благодатной божественной водой, потом непрестанно поливаемому и благодаря этому принесшему господину своему богатые плоды. Он многие души исторг из власти диавола и спас их, обратив ко Христу. Многие приходили к нему наслаждаться его спасительным словом и уходили, приняв истину и освободившись от заблуждения. Некоторые после этого оставляли шумную мирскую жизнь и вступали на путь аскетического подвижничества. Сам же Иоасаф проводил время в молитве, постах и часто обращался к Господу с следующими словами: «Господи, Царю мой! Воздай достойную награду Варлааму, рабу Твоему, который освободил меня от неведения, направил на путь истины и указал мне Тебя, Бога живого и истинного. Не лиши меня возможности снова видеть его, этого воплощенного Ангела, которого мир сей не достоин, и даруй мне провести с ним остаток наших дней, чтобы и мне идти по стопам его и тем угодить Тебе, Господу Богу моему».

Борьба Иоасафа с волшебником Февдою и его сатанинскими кознями и вразумительное дивное видение

В это время в том городе наступали публичные торжественные празднества в честь ложных богов. Царь тоже должен был присутствовать на этом торжестве и почтить его богатой жертвой. Но жрецы, видя, что он небрежно и холодно относится к их обрядам, боялись, что он не будет присутствовать в храме на этом празднестве, и поэтому они будут лишены обычного царского подарка. Спohватившись, они направляются к пещере, в которой жил один волшебник, ревностный язычник, по имени Февда. Сам царь отличал его почестями, называл другом и учителем, говоря, что его государство имеет во всем успех благодаря предсказаниям Февды. Вот потому-то жрецы отправляются к нему и призывают его на помощь, выставляя ему явное пренебрежение царя к богам, выказываемое им с недавнего времени. Рассказывают также о деяниях царевича и о публичной речи Нахора против них. «И если ты, – говорят они, – сам не придешь к нам на помощь, то у нас не останется никакой надежды, и тогда рухнет всякое почитание наших богов. Ты остался единственным утешением в нашем несчастье, и мы возлагаем на тебя все свои надежды».

И вот Февда выступает из своего жилища со всем своим сатанинским войском и вооружается против правды. Призвав на помощь разных злых духов, которых он всегда ревностно призывал для каждого подобного дурного дела, он является к царю.

Когда Авениру было возвещено о его приходе и он сам вошел с посохом в руке, опоясанный овечьей шкурой, Авенир встал с трона и, приветствуя его, пошел к нему навстречу. Велев принести кресло, он посадил его возле себя.

Февда говорит: «Живи, царь, во веки веков, охраняемый милостью великих богов. Я слышал, что ты вел великое состязание с галилеянами и одержал блестящую победу. Поэтому я пришел, чтобы вместе с тобой совершить вдвойне торжественное празднество и вместе принести в жертву великим богам цветущих юношей и девиц, сто быков и других животных, чтобы иметь в наших богах и на следующее время непобедимых союзников, устрашающих всю нашу жизнь».

На это царь ему возразил: «Мы не победили, старец, но совершенно побеждены; вероятно, боги, бывшие до сих пор за нас, внезапно отступили, и поэтому противники наши не нашли никакого сопротивления, а если и нашли, то слабое и бессмысленное, вследствие чего мы совершенно побеждены. Скажи мне, есть ли у тебя сила и возможность оказать помощь нашей униженной вере и снова возвысить ее?»

Февда отвечает: «Ты, царь, не бойся пустословий и противодействий галилеян. Что они могут говорить против разумных людей? Мне кажется, что в состязании в словах нам победить их еще легче, чем ветру развеять листья. Они даже не осмелятся стать предо мной лицом к лицу, не говоря уже о том, чтобы заговорить и вступить в прения. А чтобы предстоящее состязание имело результат совершенно согласный с нашим желанием, то почти, как всегда, наш праздник: этим ты приобретешь расположение богов, которое будет для тебя всесильным оружием».

Наставляя его целый день в беззаконии и напоив ближнего своего грязным питьем, как говорит пророк Исаия, Февда при помощи содействующих ему злых духов успел совершенно заглушить в царе проглядывавшие было в нем спасительные мысли и побудить его ревностно придерживаться своих обычных помыслов и действий. Вследствие этого всюду были разосланы царские грамоты, повелевающие всем прийти на предстоящий нечестивый праздник. И вот, со всех сторон стекались толпы народа, приводящие с собой быков, овец и других различных животных. Когда наступил день мерзкого торжества, царь, сопровождаемый чародеем Февдой, отправляется в храм, чтобы принести в жертву богам сто быков и много других животных. И

совершали они свои нечестивые празднества при крике жертвенных животных, раздававшемся по всему городу, при смраде сжигаемых жертв, которым был пропитан и самый воздух.

Когда эти празднества окончились и злые духи возрадовались победе Февды, а жрецы поблагодарили его, царь, возвратившись с ним во дворец, сказал ему: «Сообразно с твоим повелением, я приложил все старание, чтобы сделать это празднество сколь возможно пышным и обильным жертвами. Теперь уже пора, чтобы отступивший от наших богов мой сын был освобожден от власти заблуждений христиан и снова обратился к нашим милостивым богам. Я уже со своей стороны испробовал все средства, но ни одно из них не оказалось годным, чтобы отвлечь его от зла. Если я старался достигнуть цели кротостью и ласками, то он не обращал на меня никакого внимания. Если же хотел взять строгостью и угрозами, то он становился сумасшедшим. Поэтому я вполне предоставляю устранение моего несчастья твоей мудрости. Если ты достигнешь этого и я увижу своего сына служащим вместе со мной истинным богам и наслаждающимся удовольствиями земной жизни, то я воздвигну тебе золотой столб, воздам тебе божеские почести и во всю твою жизнь велю всем воздавать тебе их».

Февда, выслушав весьма благосклонно такое решение царя, отвечал ему: «Если ты хочешь положить конец упорству твоего сына, то я нашел средство, против которого он не устоит, но смягчится его неподатливый нрав, смягчится подобно воску, удержанному на самом сильном огне».

Услышав столь смелые и самоуверенные слова, царь исполнился радостной надежды, и лицо его просветлело. «Какое же это средство?» – спросил он. «Удали всех служителей, находящихся при твоём сыне, – отвечал Февда, – а на их место назначь красивейших женщин, обольстительно убранных, чтобы они ему прислуживали и одна из них постоянно была с ним. Я, со своей стороны, пошлю туда одного из подвластных мне духов, который будет раздувать разгоревшееся пламя. Если этот способ окажется негодным, царь, то пусть я буду достоин, вместо величайших почестей, мучительнейших наказаний, ибо ничто так не увлекает и не прельщает помыслы мужчин, как вид прекрасных женщин. Поэтому советую тебе внять моему голосу.

Один царь не имел наследника мужеского пола и очень печалился, считая это для себя величайшим несчастьем. Но вот неожиданно у него родился сын, и царь исполнился несказанной радостью. Но опытные врачи сказали ему, что если новорожденный до десятилетнего возраста увидит блеск солнца или огня, то он совершенно лишится зрения – это показывает состояние его глаз. Тогда царь велел высечь для своего сына каменное жилище, состоящее из темных пещер, и поместил его туда с дядьками и служителями, строго приказав устранять от него всякий свет до десятилетнего возраста. По истечении означенного срока, он выводит своего сына из его заключения. Но так как он до того времени еще ничего не видел, то царь велел показывать ему нарочно для этого расставленных в разных местах мужчин и женщин, потом также золото, серебро, драгоценные камни, колесницы с запряженными в них лошадьми в раззолоченной упряжи, покрытыми пурпуровыми коврами и с сидящими на них всадниками-оруженосцами, стада быков и овец. Словом, царевичу показывали всевозможные вещи и животных. Сопровождавшие царевича царские слуги говорили ему потом по его желанию названия всего им виденного. Когда же он спросил о женщинах, то царский телохранитель в шутку сказал ему, что они называются бесами, сбивающими людей с прямого пути. Когда же вслед затем царевич был приведен обратно к царю, то отец спросил его, что из виденного им наиболее ему понравилось. Царевич ему живо ответил: «Более всего понравились мне те бесы, которые сбивают людей с прямого пути, ибо моя душа загорелась только при виде них из всего веденного мной». И удивился царь этим словам своего сына. Смотри, царь, что значит любовь к женщинам. И ты только таким способом заставишь своего сына повиноваться тебе».

Царю очень понравился указанный способ. И вот, по его приказанию к нему приводят избранных, цветущих красавиц. Украсив их соответствующими нарядами, он назначает их во дворец сына вместо прежних служителей, которых велел удалить. Женщины всеми средствами

старались приохотить Иоасафа к своему обществу, обнимали, ласкали, стараясь развеселить его. Никакого другого общества он не имел и никого другого не видел, согласно с распоряжением царя. Февда после этого возвратился в свою пещеру и взялся опять за свои волшебные, как он их называл, книги, призывая против воина Христова злого духа, не зная сам, как он был жалок и достоин смеха со всем своим дьявольским войском. Созвав на помощь других злых духов, призванный Февдой бес отправляется в спальню благородного юноши, которого находит спящим. Он разгорячил в нем разные сладострастные чувства, от чего царевич проснулся. Тогда взорам его представляются прекрасные на вид, но безобразные душой девицы, которые стараются раздуть еще более загоревшееся внутри его пламя.

Но непорочный юноша почувствовал злой умысел и, видя наступающую борьбу с нечистыми чувствами, пришел в смятение и стал искать освобождения от угрожающего зла, желая предстать пред Христом с душой чистой, а не оскверненной грязью страстей, желая сохранить незапятнанным то святое одеяние, в которое он был облечен даром Святого Крещения. И ему тотчас пришла мысль о величии невыразимой славы Христа в небесном мире, вечном блаженстве праведных душ и вместе с тем о притче об изгнанных из брачного пира за то, что явились не в брачной одежде, и вверженных в огненную геенну и крайний мрак. Вспомнив все это, он прослезился и ударил себя в грудь, как бы изгоняя из себя всякие дурные мысли и чувства. Потом встал, протянул руки к небу и, горячо плача и рыдая, призывал на помощь Бога, говоря: «Всемогущий Господи Боже, Всемиловитый, надежда всех отчаивающихся и помощь всех беспомощных, вспомни в этот час обо мне, негодном рабе Твоем, воззри на меня милостивым Своим оком, спаси душу мою от дьявольского меча и вырви меня из зуб собаки! Не дай мне подпасть под власть врагов моих, чтобы не возрадовались ненавидящие меня! Не дай мне погибнуть в беззаконии и осквернить тело свое, которое я Тебе обещал сохранить чистым. Ибо Тебя только желает душа моя, и Тебе я поклоняюсь, Отцу и Сыну, и Святому Духу ныне и присно, и во веки веков».

Когда он произнес «аминь», то почувствовал, что божественное утешение пришло к нему с неба. Все чувства исчезли, и он до рассвета провел время в молитве. Познав через это происки дьявола, начал еще более стеснять свою плоть, заставляя себя терпеть голод, жажду и другие лишения. Целые ночи он проводил в стоянии, напоминая постоянно себе о завете, заключенном с Богом; о блаженстве праведных в будущем мире и огненной геенне, угрожающей нечестивым. Он неутомимо работал над самим собой, чтобы враг не нашел его душу невыдержанной и податливой, а потому не вселил в нее легко дурных чувств и не смутил его чистых мыслей.

Злой дух, потерпев, таким образом, неудачу и отчаявшись завладеть благородным юношей, придумал другую, еще более коварную хитрость. Будучи всегда злым, он никогда не переставал изобретать всякое зло и вредить людям. Поэтому он с несравненно большим усердием старается привести в исполнение порученное ему Февдой. Для этого он входит в одну из упомянутых красавиц, именно, в самую прекрасную из них по наружности, дочь одного царя, которая была привезена из своей родины как величайший подарок царю Авениру, а он, вследствие ее красоты, избрал ее в числе других для отправления во дворец сына. Лукавый дух, войдя в нее, внушает ей помыслы и желания, которые всецело овладевают ее рассудком, ибо он всегда очень находчив на зло. Потом бес сумел также вселить любовь к ней в царевича, который обратил на нее внимание как вследствие ее ума и красоты, так и вследствие ее царского происхождения, лишения ею своей родины, а вместе с тем и подобающего почета и славы. Кроме того, у него зародилось желание отклонить ее от идолопоклонства и сделать христианкой. Все это были коварные происки дьявола. Между тем блаженный Иоасаф, не замечая в себе никакой страстной любви, никакого нечистого чувства в отношении этой девицы, объяснял свое влечение к ней простою симпатией и состраданием к ее бедственной участи и душевной гибели, никак не предполагая, что это есть происки злого духа. Он начал искать общества девушки и,

внушая ей учение об истинном Боге, говорил: «Обратись, женщина, к живому, вечному Богу, а не заблуждайся в служении идолам; веруй в Господа, Творца всего, и ты будешь счастлива, наследуешь вечное блаженство». И много еще подобного говорил он ей. Бес же обольститель, внушал ей расставить обманчивые сети и толкнуть невинную душу в яму страстей, подобно тому, как он это сделал с первым человеком, лишив его через Еву рая, вечного блаженства, отторгнув от Бога и сделав причастным смерти.

Когда девица услышала слова царевича, исполненные мудрости, то она не поняла их, но отвечала языком и устами нечистого духа: «Если ты, господин, заботаешься о моем спасении и желаешь обратить меня к своему Богу и тем спасти мою жалкую душу, то ты исполни одно только мое желание, и я тотчас же, оставив своих отцовских богов, обращусь к твоему Богу и буду служить Ему до последнего дыхания, а ты, надеюсь, получишь от Бога мзду за мое спасение и обращение к Нему». Когда же он спросил, в чем заключается ее желание, она сказала: «Я очарована твоим видом, взором и речами, а потому соединись со мной браком, и тогда я с радостью исполню твои приказания».

На это юноша сказал: «Напрасно, женщина, ты обратилась ко мне со столь неподходящей просьбой; хотя я очень забочусь о твоём спасении и о том, чтобы отвлечь тебя от губительной пропасти, но осквернить свое тело через плотское соединение для меня тяжело и совершенно невозможно».

Но у девицы уже на все были готовы возражения. Поэтому она говорит ему: «Для чего ты, господин мой, будучи мудрым, говоришь мне такие вещи? Почему ты считаешь для себя осквернением подобное соединение? Я тоже несколько сведуща в христианских книгах и слышала от христиан, виденных мной в моем отечестве, что многие из вас соединяются брачными узами. То же самое гласит одна из ваших книг: брак да будет честен и ложе непорочно (ср. Евр. 13, 4). И в другом месте: лучше вступать в брак, чем разжигаться (ср. 1 Кор. 7, 9). И еще: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Разве не все древние патриархи, пророки и праведники вступали в брак? И тот Петр, которого вы называете верховным апостолом, разве не имел жены? По чьему это внушению ты называешь брак осквернением? Мне кажется, что ты далек от понимания истинного учения вашей веры!»

«Все, что ты говоришь, совершенно справедливо, – отвечал Иоасаф, – но раз кто дал обет Христу не вступать в брак, тот не может нарушить этого обета. Я же при принятии Святого Крещения, при оставлении мне прегрешений моей юности, дал обет предстать чистым пред Христом. Как же я могу его нарушить?

«Пусть будет по-твоему, – отвечала девица, – исполни хоть эту незначительную мою просьбу, ты хочешь спасти мою душу, проведи со мной только эту ночь, дай мне насладиться твоей красотой и, со своей стороны, насладись моей красотой, и я тебе даю слово с рассветом сделаться христианкой и всеми силами избегать служения моим богам; за это мое обращение в Христианство тебе не только будет прощено исполнение моего желания, но и будет воздана мзда Богом за мое спасение, ибо на небеса больше радости будет об одном кающемся грешнике, чем и о девятисто девяти праведниках (ср. Лк. 15, 7).

Если на небе радуются обращению грешника, то разве не будет великая награда виновнику этого обращения? Разве апостолы, проповедники вашей веры, не преступали какой-нибудь заповеди ради выполнения другой, большей заповеди? Разве не говорится, что апостол Павел обрезал Тимофея ради другого великого дела? Неужели это обрезание кажется тебе преступлением для христианина? И много еще подобных примеров ты найдешь в ваших Писаниях. Итак, если ты воистину хочешь спасти мою душу, то исполни эту незначительную просьбу. Сначала я желала соединиться с тобой законным браком, но так как это тебе не по душе, то я и не настаиваю более на этом, стараясь делать все приятное тебе. Не побрезгуй мной окончательно, послушайся меня первый и последний раз: этим меня ты освободишь от моего

зablуждения, сам же во всю последующую жизнь будешь исполнять все, предписываемое догматами вашей веры».

Так говорила девушка по наставлению злого духа угодное ему, ибо этот творец и учитель зла был сведущ в Священном Писании. Говоря и ласкаясь, опутывая Иоасафа своими сетями и завлекая в расставленные козни, она начала уже колебать твердость его души, развязывать крепкие узлы его воли. Сеятель же зла и враг праведников, видя его колебание, исполнился величайшей радости и тотчас призывает пришедших с ним злых духов, крича им: «Смотрите, как эта девица успешно делает то, что не могли сделать даже мы. Нападем на него именно теперь, ибо не найдем другого, более удобного случая, чтобы исполнить волю пославшего нас». Как только лукавый сказал это своим псам, они тотчас же бросаются на воина Христова, приводят в смятение все его душевные чувства, влагают в него сильную любовь к девице, зажигают в нем страстный огонь. Иоасаф, испытывая этот страшный огонь, видя свое порабощение грешным чувством и вместе с тем помышляя, что все это будет лишь средством для спасения девицы, для обращения ее к Богу, и прелюбодеяние его с ней, происшедшее для спасения ее души, не будет считаться грехом, тем не менее чувствовал, что здесь кроется крючок, обложенный приманкой врага. В борьбе этих противоположных чувств, беспомощности и нерешительности, как поступить, прибегает он к молитве и, возведя полные слез очи к небесам, восклицает к Могущему спасти всех, положившихся на Него:

«На Тебя, Господи, возложил я свою надежду, что не буду посрамлен навеки, что не посмеются надо мной враги мои, враги раба Твоего. Окажи мне помощь в этот час и устрой все по Своей воле, дабы было прославлено имя Твое во мне, рабе Твоем. Ибо Тебе подобает слава во веки веков. Аминь».

Помолившись так со слезами, он, после многих коленопреклонений, опустил на пол в изнеможении.

Впав в забытие, он видит себя в обществе каких-то необыкновенных существ в местах, которых он никогда не видел, именно, в какой-то большой равнине, украшенной прекрасными, душистыми цветами, различными деревьями, отягощенными не известными ему чудесными плодами, прекрасными и очень соблазнительными на вид. Листья деревьев весело шумели под веянием тихого ветерка, распространяя приятный аромат. Тут же стояли троны из чистого золота, украшенные драгоценными камнями, от которых исходил чудный блеск, и ложе, покрытое покровом, краса которого невыразима словом. Текущие светлые воды услаждали взор. По этой чудной, прекрасной равнине те необыкновенные существа вели его по направлению к великолепному городу с блистающими золотыми стенами, которые оканчивались неприступными зубцами из такого камня, какого никогда никто не видел. О, как выразить всю красоту, весь блеск этого города?! Свет солнечных лучей ярко освещал улицы города, по которым бодро шли войска, сами представляющие из себя свет, поющие песни, неслыханные ухом смертного.

И услышал Иоасаф голос, говоривший, что сие есть место отдохновения праведных, радость тех, которые сумели угодить Господу. Потом те же самые люди, которые ввели его сюда, хотели вести его назад. Он же, исполнившись царствовавшего здесь блаженного и радостного чувства, говорил им: «Умоляю вас, не лишайте меня этого несказанного блаженства, но дозвоьте и мне быть с вами в этом великом городе». Они же ему отвечали: «Тебе теперь нельзя остаться здесь; сюда ты можешь прийти только тогда, тогда будешь усердно трудиться, чтобы быть достойным здешней жизни». Пройдя вышеописанную равнину, привели его в места, полные мрака и всего неприятного, которые составляли прямую противоположность только что виденному блеску: ни одной искорки не проникало сюда; все было жалко и беспорядочно; в одном месте стояла карающая огненная печь, в другом полз карающий червь; мучители духи стояли у печи и бросали безжалостно некоторых в огонь. И слышался голос, говорящий: «Вот место, уготованное грешникам; вот наказания, продолжающиеся вечно, назначенные для тех, которые осквернили себя постыдными делами». Затем приведшие его вывели его отсюда.

Придя в себя, царевич весь дрожал от страха, слезы рекой текли из его глаз. Тут он вспомнил о прекрасной соблазнительнице девице. Но, припоминая о виденном во сне, еще больше возлюбил хорошее и возненавидел все дурное.

Между тем царю было возвешено об обмороке сына. Придя к нему, царь начал расспрашивать, что случилось. Иоасаф рассказывает виденное им во сне, потом говорит: «Зачем ты приготовил сеть ногам моим? Зачем ты заставил поникнуть душу мою? Если б Господь не был моим помощником, то душа моя вселилась бы в страну мучения. Но как благ Господь к чистым сердцем! Он избавил меня от такого бедствия. Я в смущении находился среди диких зверей, но Бог, Спаситель мой, с высоты небес милостиво воззрел на меня и показал мне, каких благ лишаются прогневающие Его и какие наказания они себе готовят. Так как ты, отец, со своей стороны затыкаешь уши, чтобы не слышать меня, когда я говорю тебе об истинном благе, то не мешай, по крайней мере, мне идти этим прямым путем. А я желаю и стремлюсь здесь, на земле, достигнуть только одного: удалиться от всего суетного и жить там, где живет Варлаам, достойный служитель Христа, чтобы провести с ним остальную жизнь! Если же ты хочешь силой задержать меня и поставить на своем, то ты скоро увидишь меня мертвым от тоски и горя, и тогда ты уже не будешь мне отцом и я тебе сыном».

Снова отчаяние овладело царем; опять повторял он, что лучше бы не родиться такому сыну, и снова в страшном волнении возвратился в свой дворец. Злые же духи, посланные Февдой против благочестивого юноши, возвратились к нему объявить о своем поражении; хотя они и не сказали ему прямо об этом, но их приниженный вид яснее слов свидетельствовал о их уничтожении. Тогда Февда говорит им: «Жалкие вы и ничтожные создания, которые не могли одолеть даже одного мальчишку». Бесы же, караемые могуществом Божиим, поневоле должны были рассказать ему обо всем случившемся. «Мы не можем, – говорили они, – даже глаз поднять перед могуществом Христа, перед Его символом страданий, который называют Крестом. Ибо как только кто-нибудь начнет изображать это знамение, то мы, властители мрака, спешим бежать еще прежде, чем оно будет окончено. При самом нападении на этого юношу мы сейчас же должны были отступить, так как он призвал на помощь Христа, вооружился знамением Креста, чем гневно разогнал нас, а себе приобрел прочную помощь. Мы необдуманно избрали то средство, которое употребил наш глава против первого человека; мы слишком мало ожидали от юноши. Христос же, призванный им на помощь, обжег нас сверху пламенем Своего гнева и обратил в бегство. Теперь мы решили никогда более не приближаться к сему юноше». И злые духи подробно объяснили Февде все случившееся.

Находясь снова в недоумении, что ему делать, царь опять призывает Февду и говорит ему: «Мы исполнили, премудрый муж, все согласно тому, как ты нас учил, но это ни к чему не повело. Если ты можешь еще что-нибудь посоветовать, то мы и это испробуем. Может быть, найдем, наконец избавление от этого зла!» Тогда Февда потребовал свидания с царевичем. Следуя совету, царь поутру, взяв с собой Февду, отправляется к сыну. Прийдя к нему, он снова осыпал его укорами и бранью за непослушание и за непреклонность его убеждения. Когда же Иоасаф начал по обыкновению утверждать, что ничто не может побудить его оставить любовь ко Христу, то Февда перебил его, говоря: «Что, Иоасаф, побудило тебя презреть наших богов, перестать совершать им служение, а вследствие этого разгневать отца и сделаться предметом народной ненависти? Разве не от них ты получил жизнь? Разве не они дали тебя твоему отцу, вняв его молитвам и сжалившись над его бездетностью?» Много еще пустословил состарившийся во зле язычник, стараясь разными глупыми умозаключениями унижить учение Евангелия и возвысить идолов.

Беседа мудрого Иоасафа с Февдою, его обличение и победа над идолами

Подождав немного, сын Царствия Небесного, гражданин виденного им города, построенного не людьми, но Господом, говорит Февде: «Выслушай же ты меня, глубина невежества, непроходимого мрака и заблуждения, выслушай, пустой, злополучный и жалкий старик, грехи которого тяжелее градов всего Пятиградия, сожженного небесным божественным огнем! Что ты хочешь издеваться над спасительным учением, благодаря которому просветился мир, заблудшие обрели истинный путь, погибшие и поработанные были вызваны из своего ужасного положения. Скажи мне, Февда, что лучше: служить ли и поклоняться Всемогущему Богу Отцу, Единородному Сыну Его и Духу Святому, Богу несотворенному, бессмертному, Началу и Источнику всяких благ, могущество Которого бесподобно, слава непостижима, Которого окружают бесчисленные миллионы легионов Ангелов небесных, славы Которого полны все небо и земля, Который из ничего сотворил все, над всеми и всем властвует и по Промыслу Которого все живет и охраняется? Этому ли Богу лучше поклоняться и служить или злым духам, немым идолам, хваление и прославление которых – разврат, совращение чад, совокупность всего беззаконного, как сказано в нашем учении о идолослужении и суеверии?

И вы не стыдитесь, жалкие люди, подобно халдеям поклоняться безжизненным деревянным обрубкам, творению рук человеческих, уничтожаемому огнем?! Обточив камень или дерево, вы провозглашаете эти предметы богами! Затем, взяв красивейшего сельского быка или другое какое-нибудь благовидное животное, вы приносите их в жертву своему мертвому обрубку. О, вы безумные! Ведь в данном случае жертва достойнее вашего божества, так как первое есть существо живое, творение Божие, второе же есть безжизненная деревяшка, творение человека. Насколько неразумное животное смысленнее тебя, существа, одаренного разумом! Ибо животное узнает кормящего его человека, ты же не познал Бога, Который тебя сотворил из ничего, Который подает тебе жизнь и охраняет тебя. Ты признаешь богом вещь, которая незадолго перед тем была ударяема железом или расплавляема огнем. Позолотив или посеребрив эту вещь, ты ставишь ее на возвышенном месте, затем падаешь перед ней ниц, поклоняясь, таким образом, не Богу, но творению собственных рук, безжизненным, бездушным деревяшкам. Идолов ваших даже нельзя назвать мертвыми, потому что таковыми называют существа, имевших жизнь, но лишившихся ее. Ваши же идолы никогда не имели жизни.

Что могло так возвысить в ваших глазах идолов? Неужели же тот огонь, молот или топор, при помощи которых они сделаны? Трудно даже подыскать достойное название делающим такую глупость, такое безумие! Ведь вы знаете, что каменные и глиняные ваши боги крошатся и рассыпаются, деревянные гниют, железные ржавеют, золотые и серебряные плавятся. Ваши боги даже продаются: одни дороже, другие дешевле. Но ценность их не одинакова не потому, чтобы одни из них были могущественнее, другие слабее, но исключительно зависит от ценности того материала, из которого они сделаны. Как же возможно продавать или покупать богов? Как боги могут быть так безжизненны, неподвижны?! Или ты не видишь, что они, будучи поставлены, никогда не садятся, посаженные же никогда не встают. Стыдись, безумец! Находясь так далеко от истины, погрязая в обмане, ты бы хоть молча, про себя восхвалял и прославлял эти обрубки, творение твоих рук, которым ты дал наименование богов.

Одумайся, жалкий человек! Пойми, что ты старше сделанного тобой бога. Какое безумие думать, что, будучи человеком, ты можешь творить богов! Как людям могла прийти такая нелепая, дерзкая мысль! Пойми же, что ты делаешь не Бога, но только подобие изображения человека или животного, потому что внутри у них ничего не напоминает человека или животного, ибо они не имеют ни языка, ни гортани, ни мозга, ни вообще каких-либо внутренностей. Так что боги ваши не похожи ни на человеческое тело, ни на тела животных, а суть предметы

совершенно бесполезные и ничего не выражающие. И этим-то предметам ты поклоняешься и служишь! Если бы не существовало кузнечного, столярного и каменотесного ремесла, то не было бы и твоих богов. Если бы сторожа не смотрели за твоими богами, то ты бы лишился их. В многолюдном городе безумных, где одному и тому же богу поклоняются многие, там такого бога стережет меньше сторожей. Притом если ваш бог сделан из золота или серебра, то за ним усердно смотрят. Если же он сделан из камня, глины или другого дешевого материала, то он, по-вашему, сам себя охраняет. Так что выходит, что глиняный бог существеннее золотого.

Итак, разве вы не достойны быть осмеяны, как безумные и слепые? Но следует скорее пожалеть вас, чем смяться над вами. Вашими действиями руководит не благочестие, а глупость и порок. Одни из вас, любя войну, сделав деревянное изображение воина, назвали его Аресом; другие под влиянием позорной страсти к женской красоте воспроизвели образ Афродиты, обожая, следовательно, в ее лице страсть; иные же из любви к вину сделали идола, которого назвали Дионисом. Равно и остальные из вас, имея влечение ко всему дурному, поставили идолов этих страстей, так что они свои пороки назвали богами. Потому-то перед жертвенниками ваших богов происходят различные сладострастные пляски, раздаются звуки таких же песней, там же зарождаются всякие нечистые чувства и желания. Кто может выразить надлежащим образом всю гнусность всего этого? Да никто и не станет осквернять своих уст рассказами о подобном. Нам все это известно, но мы молчим. Так вот каковы предметы твоего обожания, Февда. Ты уговариваешь меня также поклоняться, почитать, обожать их. Такое твое желание выражает всю глубину безумия и зла, господствующих в твоей душе. Но пусть его исполняют все, подобные тебе, и ты сам. Я же буду служить и поклоняться своему Богу и всецело посвящу себя Ему, Творцу и Промыслителю всего, через Господа нашего Иисуса Христа, Радость и Надежду нашу, через Которого мы возымели доступ к Отцу светов во Святом Духе, кровью Которого были искуплены прегрешения наши. Так как, если бы Он во плоти и образе человека не пострадал за нас, рабов Своих, то мы не были бы удостоены усыновления. Плоть Его была распята на Кресте, затем положена во гроб, где пробыла три дня. Вместе с тем Он сошел в ад и освободил оттуда души, погрязшие грехом, томившиеся во власти ужасного владыки. Что же такого Он всем этим сделал, что ты над Ним насмехаешься? Не видишь ли ты, скольким бесполезным и негодным местам солнце посылает свои благотворные лучи? Разве за это следует над ним смеяться? Разве оно своими лучами не иссушает и не испаряет все негодное и гнилое, не рассеивает тьму, оставаясь само при этом невредимым и недоступным для уничтожаемого им мрака и грязи? Или возьмем огонь. Принимая в себя железо черным, он делает его ярким, блестящим, мягким. Но разве сам он при этом принимает какие-нибудь свойства или прежние качества железа?

Если эти созданные тленные стихии ничуть не оскверняются через сообщество предметов низших, то как ты, неразумный, можешь издеваться, если я говорю, что Сын и Слово Божие, отнюдь не оставив славы Отца Своего, но будучи Сам Богом, для спасения рода человеческого принял человеческую плоть, желая сделать людей причастными Божественной мудрости и, выведя души наши из ада, удостоить их славы небесной, чтобы принятием плоти изгнать из земли владыку господствующего в ней зла и тем освободить наш род человеческий от его тирании. Христос, вращаясь среди страстей, остался чужд их. Он соединяет в Себе два естества: человеческим естеством Он распинается на Кресте, Божеским же – затмевает солнце, потрясает землю и воскрешает из гробов тела многих умерших; человеческим естеством Он умирает, Божеским же – воскрешает умершее и сокрушает ад. Поэтому пророк восклицает: *Ад преисподний пришел в движение ради Тебя, чтобы встретить Тебя при входе Твоем* (Ис. 14, 9). Думая встретить только человека и встретив Бога, он внезапно опустел и был сокрушен. Господь воскресает и возносится на небо, которого Он не оставлял как Бог. Всем этим Он возвысил наш униженный, ничтожный, погруженный во мрак невежества род, воссадил его на престол бессмертной и блистающей славы.

Что же опять-таки Сын и Слово Божие всем этим сделал такого, что ты не стыдишься хулить Его? Что же, по-твоему, лучше: исповедывать ли и почитать такого Бога, благого и человеколюбивого, предписывающего мир, праведность, воздержание, чистоту тела и души, милосердие, веру, Который Сам есть Благо, Любовь и Истина, или же твоих богов, олицетворение дурных страстей, дурных дел, позорных уже самими своими именами? Горе же вам, безумнейшие из безумных, сыны гибели, наследники мрака! Блажен же я и все христиане, исповедующие и служащие благому и человеколюбивому Богу! Хотя они и потерпят немного в сем мире, но будут наслаждаться бессмертным, плодом мзды в Царстве божественного и бесконечного блаженства».

Тогда Февда ему говорит: «Но ты не станешь отрицать, что многие великие мудрые наставники, достойные удивления вследствие своей мудрости и добродетели, предпочитали нашу веру, а все цари и вообще сильные мира сего приняли ее как прекрасную и непоколебимую. Веру же галилеян приняло немного ничтожных, невежественных рыбаков и землепашцев и проповедовали ее такие же необразованные люди, которых было не более двенадцати. Как же можно предпочесть веру немногих, ничтожных и необразованных людей вере многих, великих, знатных и мудрых людей? Какое же все-таки доказательство того, что первые правы, вторые же неправы?»

На это царевич ему отвечал: «Ты, Февда, право, подобен ослу, который, внимая звукам слов, не понимает их смысла, или же аспиду, который затыкает уши, чтобы не слышать звуков очаровательной песни. Хорошо выразился пророк о тебе и подобных: *Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?* (Иер. 13, 23). Слепой ты безумец! Как сила истины не приводит тебя в чувство? Евангельское учение возвещается немногими и незнающими людьми и свидетельствует о силе нашей благодатной веры и о бессилии губительной вашей, так как, несмотря на то что ваша вера имеет мудрых защитников и могущественных исповедников, она, тем не менее, бессильна и темна.

Учение же нашей веры, не имея никакой поддержки со стороны людей, воссияло ярче солнца и властвует над всем миром. Если бы она была изложена ораторами и философами, исповедовалась бы царями и другими сильными мира сего, то ты бы сказал, что все в ней есть плод человеческих сил. Но так как Св. Евангелие, изложенное бедными и незначительными рыбаками, как ты сам говоришь, тем не менее, господствует в мире и, несмотря на все преследования: *Во всю землю вышло вещание их и в концы вселенной слова их* (Пс. 18, 5), – то чем ты назовешь его, как не могущественной силой, утверждающей спасение людей. Какое еще лучше доказательство нужно тебе, безумец, в том, что последователи вашей веры ошибаются, последователи же нашей – правы?

Ибо если бы все ваше учение не было пустословием и ложью, то оно, имея такую поддержку в людях, не уменьшалось и не ослабевало бы так в своих последователях. *Видел я нечестивца, превозносящегося и высящегося, как кедры Ливанские: – И прошел я мимо, и вот его нет: и искал его, и не нашлось место его* (Пс. 36, 35–36). Эти слова пророка относятся к вам, сторонникам идолопоклонства, так как скоро настанет время, когда не будет уже ни одного из вас. Вы исчезнете с лица земли, как исчезает дым в воздухе; истаете, как тает воск от близости огня. А о Евангельском учении Господь говорит: *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф. 24, 35). Псалмопевец восклицает: *В начале Ты, Господи, землю основал и дела рук Твоих – Небеса. – Они погибнут, Ты же пребудешь, и все, как одежда, обветшают, и как одежду соведешь их, и изменятся. – А Ты – тот же и лета Твои не кончатся* (Пс. 101, 26, 28).

И божественные вестники пришествия Христова, мудрые рыбаки, исторгшие всех из глубины лжи, о которых ты с таким презрением отзываешься, – ты, ничтожный раб греха, – воссияли в мире, подобно солнцу, даруя слепым зрение, глухим – слух, хромым – способность свободно ходить, мертвым – жизнь. Самые их тени исцеляли всякие страдания. Злых духов,

которых вы боитесь, как богов, они не только изгоняли из людей, но и вообще из вселенной силой знамения Креста, на который они указывали как на всемогущее средство, отвергнув всякую ворожбу. Таким образом, апостолы, исцеляя могуществом Христа всякий людской недуг, восстанавливая разрушенное, естественно служат предметом удивления для всех благомыслящих, как вестники истины. Что же ты теперь можешь сказать о твоих мудрецах и ораторах, которых Господь, при всей их мудрости, уличил в глупости? Что скажешь о приверженцах диавола? Что достойного внимания сделали и оставили они для людей? О них что можно сказать, кроме их недалёковидности, глупости и некоего искусства скрывать под внешним блеском речи всю грязь своей постыдной веры?

Первоначальные виновники появления идолов не заблуждались, подобно нынешним идолопоклонникам, но люди дошли постепенно до такой степени заблуждения. Говорят, что Серух первый начал ставить различные изображения, которые потом дали повод развиться идолопоклонству. Именно, он имел обыкновение ставить в честь людей, отличавшихся храбростью или другими какими-нибудь хорошими качествами и делами, заслуживающими внимания, их статуи или памятные столбы. Такой же характер носили эти памятники при его современниках. Но последующие поколения, не поняв их истинного назначения, забыв, что они поставлены только как память о людях, сделавших что-нибудь похвальное, стали смотреть на эти статуи как на изображения своих богов, совершая перед ними жертвоприношения и возлияния, обоживая, таким образом, таких же смертных, какими они были и сами.

Впоследствии взгляд на это еще более извратился: совершая перед деревянными статуями жертвоприношения, люди думали, что в этих статуях обитают духи, которые присваивают себе воздаваемую людьми честь и приносимые ими жертвы. Такой взгляд внушили им лукавые духи, начало и источник всякого зла. Так как они всячески стараются привлечь людей, не имеющих должной веры и знания истинного Бога, к почитанию себя богами по двум причинам: во-первых, по свойственному им тщеславию льстит это наименование и соединенное с ним почитание; во-вторых, они домогаются этим, чтобы те, которых они обманули, были ввергнуты в вечный огонь, уготованный для них, почему и научили людей всякому беззаконию и всему позорному.

Когда люди были на высшей степени зла, каждый ставя и провозглашая в своем невежестве богом статую своей страсти, то жалки были они тогда в грязи своего заблуждения, не замечая всей нелепости такого обоживания, пока пришедший на землю по богатству Своего милосердия Господь не освободил нас, верующих в Него, от этого гнусного обмана и губительного неведения и не научил истинному богопознанию. Ибо вне Его нет спасения, и нет другого Бога ни на небесах, ни на земле, кроме Единого Бога, Творца всего и всех, Который все творит силой Своего всемогущего Слова: *Словом Господа небеса утверждены и Духом уст Его вся сила их* (Пс. 32, 6). *Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть* (Ин. 1, 3)».

Выслушав учение царевича, Февда стоял, как громом пораженный, не будучи в состоянии вымолвить ни одного слова, потому что слышанное им было исполнено Божественной мудрости. Наконец, после долгого времени овладев собой и став перед царем среди собрания, он воскликнул громким голосом: «Воистину, царь, Дух Божий обитает в твоём сыне. Мы совершенно побеждены и не только не можем ничего сказать в защиту своей веры, но даже движением глаз возражать на слышанные нами слова. Воистину, велик Бог христианский; велика и их вера, велики Таинства их».

Спасительное слово коснулось помраченного сердца Февды, им овладело раскаяние в прежних действиях. Сознав все заблуждение, руководящее идолопоклонниками, он просветился светом истинного благочестия. Обратившись затем к Иоасафу, спросил: «Скажи мне, просветленный душой юноша, примет ли меня Христос, если я, оставив свои прежние дела, обращусь к Нему?»

«Конечно, – отвечает проповедник истины. – Он примет тебя, как принимает всех, обращающихся к Нему: Господь не просто принимает обратившегося грешника, но как Отец, принимающий сына, возвратившегося после долгого незаконного отсутствия, целует и обнимает его. Сняв с него позор прегрешений, Он облакает его тотчас в одежду спасения и блестящей славы, празднуя возвращение пропавшей овцы. Сам Господь сказал:

Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии (Лк. 15, 7). И еще говорит: Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9, 13). Затем через пророка возвещает: Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев? Если этот беззаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, – то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив (Иез. 33; 11,15–16).

Другой пророк восклицает: *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отпречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят (Ис. 1, 16–20).*

При таких обещаниях со стороны Бога ты, человеке, не долго думая и не медля, обратись ко Христу, человеколюбивому Богу нашему, и просветись духом, и не помрачится лицо твое. Ибо вместе с погружением в воде купели при Святом Крещении будут погребены навеки весь твой позор прежнего человека и вся тяжесть тяготевших над тобой грехов. Тогда ты начнешь новую жизнь свободным от всякого пятна и грязи прегрешений, и от тебя самого будет зависеть впредь сохранить непорочной ту чистоту, дарованную по милосердию Бога нашего».

Наставленный так блаженным Иоасафом Февда тотчас отправляется в свою пещеру и, взяв свои бесовские книги, предает их огню, как начало всякого зла и источник всевозможного нечестия. Затем он находит того священного мужа, к которому приходил Нахор. Посыпав главу пеплом, громко рыдая и заливаясь слезами, он говорит ему о состоянии своей души, рассказывая вместе с тем о своих прежних нечистых делах. Священнослужитель же этот, умея прекрасно направлять души на путь спасения и исторгать их из власти лукавого, обещает ему оставление прежних грехов от милостивого Судьи. Затем, наставив его и приготовив постом в течение многих дней, он очищает его Божественным крещением. С тех пор он оставил свой прежний, нечестивый образ жизни и настолько же возненавидел нечистые страсти и колдовство, насколько до того времени был склонен к ним. В течение всех своих остальных дней жизни он умилиствовал Бога слезами и сокрушением.

Между тем Авенир после такого исхода дела был совершенно в беспомощном состоянии, и душа его была, по-видимому, погружена в глубокую заботу и тревогу. Созвав снова важнейших своих советников, он спрашивал их, как ему поступить с сыном. Когда одни советовали ему одно, другие – другое, упомянутый Арахия, самый знатный и сильный из них, говорит ему: «Как нам нужно было, царь, поступить с твоим сыном, так мы и поступили, но не могли склонить его следовать учению нашей веры и служить нашим богам. И, как я вижу, все наши попытки здесь будут бесполезны. Должно быть, сама природа и судьба сделали его таким неумолимым, непоколебимым и неустрашимым. Если ты захочешь его пытаться или казнить, то ты будешь врагом самому себе, своей природе и тогда уже не будешь иметь права называть себя его отцом, а он с готовностью пойдет на казнь за имя Христа. Остается одно только средство – отделить ему часть твоего государства и правление этой частью поручить ему. Если тогда заботы, житейские нужды и потребности увлекут его и он снова вступит в круг нашей жизни,

то цель наша достигнута. Ибо окрепшие качества нашей души можно гораздо скорее устранить убеждением или даже уступкой, чем насилием. Если же он при всем этом все-таки не оставит христианской веры, то уже то самое обстоятельство, что твой сын не наказан, будет тебе некоторым утешением».

Так говорил Арахия, и все присутствовавшие согласились с его мнением. Не прочь был поступить так и царь. Поэтому, призвав сына, он ему говорит: «Это уже последнее слово мое к тебе, сын мой! Если ты и в этом случае не послушаешься меня и хотя теперь не угодишь мне, то я не стану тебя более щадить».

Когда же царевич спросил, что именно он хочет сказать ему, царь ему отвечал: «Потрудившись над тобой столько времени, вижу, что тебя нельзя ни заставить, ни убедить повиноваться моим словам. Теперь я решил отделить тебе часть государства, которой будешь править ты, и впредь можешь безнаказанно избрать себе какой угодно путь».

Святая душа юноши тотчас уразумела настоящую цель этого предложения. Но, тем не менее, он решил принять его, чтобы с развязанными руками вступить на желанный путь. Ввиду чего возразил отцу: «Я бы желал отыскать того божественного мужа, который указал мне путь спасения и, простившись со всем здешним, провести с ним остальную жизнь. Но так как ты, отец, не позволяешь мне в данном случае поступить по своему усмотрению, то я повинуюсь тебе. Ибо прекрасно повиноваться родителям в тех случаях, когда это повиновение не влечет за собой гибели и отчуждения от истинного Бога».

Услышав это, царь исполняется великой радости. Он делит все свое государство на две части; торжественно назначает сына царем второй из них; надевает на него корону и все другие царские украшения и с блестящей свитой и телохранителями отправляет его в назначенную для него половину. Разным сатрапам, военачальникам, вельможам, правителям и всем желающим позволяет отправиться со своим сыном. Большой, многолюдный город назначает он главным местопребыванием своего сына и царя, окружая его подобающим величием.

Блаженный Иоасаф, приняв царскую власть и прибывши в главный город, водружает на каждой городской башне крест, знамение Божественного страдания. Идолские же храмы и жертвенники он разрушает до основания, не желая оставить ничего, напоминающего о нечестии. Посреди города воздвигает большой и прекрасный храм Господу Иисусу Христу, в который велит народу приходить большими толпами и воздавать почитание Богу через преклонение перед святым Крестом. Сам же он, стоя посредине храма, усердно молился. Всех, находящихся под его властью, всячески старался отвлечь от суеверного почитания идолов и обратить ко Христу, обличая обман идолопоклонства и возвещая учение Евангелия. Говорил о сошествии Слова Божия, о сотворенных Им чудесах, о спасительном для нас Его крестном страдании, воскресении и вознесении на небо; говорил также о страшном дне Его будущего второго пришествия, об уготованных благах для праведных и наказаниях для грешников. Все это он проповедовал дельно и кротко, стараясь достигнуть своего желания не столько силой предоставленной ему царской власти, сколько своим смирением и кротостью. Это-то смиренномудрие и удивительные дела и привлекали к нему сердца всех и явились могущественным помощником власти. Так что, по прошествии небольшого времени, все подчиненное ему народонаселение, городское и сельское, было просвещено светом Божественных словес и отреклось от нечестия языческого, от многобожия, оставило жертвоприношения и возлияния идолам, приняло истинную, непреложную веру, обратилось ко Христу и было удостоено наследования Царствия Небесного.

Тогда все священнослужители, монашествующие и епископы, скрывавшиеся в пещерах, горах из страха перед его отцом, выйдя из своих убежищ с радостью поспешили к нему. Иоасаф, выйдя им навстречу, принял их, перенесших столько невзгод за Христа, радостно и почетно, ввел в свой дворец, где омывал их ноги, запыленные волосы и вообще всячески прислуживал им. После этого он устраивает у себя Церковь и назначает архиереем своего государ-

ства одного епископа, мужа святого, много потерпевшего за веру Христову и лишенного своей епархии, сведущего в церковных делах и ревностного христианина. Архиерей этот велит тотчас приготовить купели и крестить всех обратившихся ко Христу. И крестятся сначала вельможи и правители, затем воинство, а потом и остальной народ. Крещенные получали не только духовное исцеление, но и оставление всех телесных болезней и увечий и при выходе из святой купели наслаждались здоровьем, как духовным, так и телесным.

Поэтому к царю Иоасафу стекалось отовсюду множество народа, желавшего просветиться учением благочестия. Все обожаемые ими прежде идола закапывались в землю, богатства же, посвященные им, были употреблены на построение священных храмов Богу. На это царь Иоасаф отдал все деньги, дорогие одежды и всякого рода сокровища, принадлежавшие языческим храмам, употребив, таким образом, на полезное дело множество до тех пор бесполезных вещей.

Между тем нечистые духи, находившиеся в языческих храмах и у жертвенников той страны, подверглись сильному гонению и громко вопили о постигшем их бедствии, а все царство Иоасафа освободилось от их господства и просветилось светом непреложной христианской веры. Конечно, много значимо то, что сам царь подавал всем хороший пример и во многих зажигал желание к подобному же образу мыслей и действий. Таково уже свойство власти: она всегда имеет подражание среди подчиненных, возбуждая среди них расположение или нерасположение к тому, чему, по их мнению, сочувствует или не сочувствует. Царь же Иоасаф был всецело предан заповедям Христа, был олицетворенная любовь к Нему. Будучи кормчим многих душ, он прежде всего заботился о том, чтобы направить их к пристани Бога, сознавая, что обязанность царя, в первую очередь, состоит в том, чтобы научить народ богобоязненности, богопочитанию и праведной жизни, что он и делал, приучая как самого себя властвовать над страстями, так и своих подчиненных, правя, как опытный кормчий, твердой рукой держа руль благочестия. Он понимал, что самое высокое назначение истинного царства есть победа и властвование над страстями и склонностями к удовольствиям и увеселениям и стремился выполнить это назначение. Иоасаф не придавал никакого значения своему царскому происхождению и окружавшему его блеску, понимая, что все люди одинаково имеют своими родоначальниками таких же существ, сотворенных из глины, и что эта глина совершенно одинакового качества и у бедных, и у богатых. Его мысли были олицетворением смиренномудрия; он считал себя здесь только временным поселенцем, думая постоянно о будущем блаженстве и считая полной и прочной собственностью только то, что будет ему дано после сей временной жизни.

Когда он успешно окончил дело обращения, освободив всех своих подданных от искони веков господствовавшего над ними обмана, и сделал их служителями Христа, искупившего нас от ужасного рабства драгоценной Кровью Своей, тогда обращает все свое внимание на другой вид христианских обязанностей – на творение добрых дел: он видит непрочность земного богатства, его подобие течению речных вод, а поэтому и спешит освободиться от него. Внимая словам Господа: *Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6, 20), – стал он все свое имущество раздавать бедным и неимущим, не жалея ничего. Он руководился тою мыслью, что, получив большую власть должен сильно подражать Дарователю этой власти, а это подражание, по его мнению, должно особенно проявляться в милосердии. За даруемое им золото и драгоценные камни он собирал себе другое богатство, которое здесь радуется надеждой на будущее блаженство, там же дает возможность действительно наслаждаться тем, что было здесь предметом наших желаний. При нем были выпущены из темницы заключенные в оковы, угнетаемые ростовщиками; он был отцом всех сирот, бедных и неимущих, отцом любящим и благим; подаяния были щедры, истинно царские. За них он надеялся получить мзду в день воздаяния по делам.

Обращение царя Авенира в Христианство и просвещение всей страны

Слава об Иоасафе распространилась скоро по всей вселенной; отовсюду к нему стекалось ежедневно множество народа, как бы побуждаемого запахом благовонного сока мирры, и все оставляли здесь свою духовную и телесную бедность. Не страх, не сила власти влекли сюда всех, но истинная сердечная любовь к нему, насажденная в сердцах народа Богом и его личными прекрасными делами. Мало-помалу большая часть подданных его отца примкнула к нему, выходя из мрака идолопоклонства, просвещаясь истинным Евангельским учением. Дом Иоасафа все возрастал и креп, дом же Авенира все ослабевал и уменьшался, как это было по писанию книги Царств с Давидом и Саулом. Видя все это, царь Авенир пришел, наконец, в сознание: понял бессилие и заблуждение в своих ложных богах. Снова созвав первых лиц своего совета, он высказывает им свои мысли. Когда все согласились с ним (вняв непрестанным молитвам Своего раба Иоасафа, Спаситель просветил их благим Своим светом), царь решил сообщить о том же своему сыну письмом следующего содержания: «Дражайший сын мой! Множество мыслей овладело мной и смущают мою душу. Видя, как все ежедневно отпадают от нашей веры, как она, подобно дыму, исчезает, твоя же вера воссиявает ярче солнца, я пришел в сознание, что все, сказанное мне тобой, истинно, понял, что темное облако прегрешений и нечестия, окружавшее нас, не позволяло нам видеть света истины и познать истинного Творца всех и всего. Когда же ты предлагал нам этот лучезарный свет, то мы, закрыв глаза, не хотели принять его. Увы, мы жалкие! Истребили мы также немало христиан, которые, подкрепляемые Всемогущей силой, до последнего дыхания не соглашались низойти до нашего нечестия. Теперь же, когда немного рассеялся окружавший нас мрак лжи, мы просветились хотя малой искрой истины и раскаиваемся в совершенном нами зле. Но и эту малую искру света пытается затмить другого рода мрак, мрак ужасного отчаяния вследствие массы сотворенных мной зол, вследствие той мысли, что я слишком грешен для Христа, а потому и не буду принят Им, как Его враг и отступник. Что ты на все это скажешь, мое дорогое дитя? Возвести мне скорее об этом, научи меня, своего отца, что мне следует делать, направь меня на путь познания должного и истинно полезного!»

Получив и прочитав вышеписанное, Иоасаф исполнился великой радости и вместе с тем удивления. Придя в свою горницу, он пал ниц перед изображением Спасителя, обливал землю слезами, прославляя и благодаря Господа, говоря: *«Превознесу Тебя, Боже мой, Царю мой, и буду благословлять имя Твое во век и в век века... Велик Господь и весьма славен и величию Его нет предела* (Пс. 144, 1–3). Кто может совершенно выразить могущество Твое и воздать достойную хвалу Тебе, превратившему камень в море воды, сухость – в источник вод. Воззри же, Господи! Это черствое и тверже камня сердце по Твоей воле смягчилось, как воск! Ибо Тебе возможно и из камней творить чад Авраамовых. Благодарю Тебя, человеколюбивый Господи, милостивый Боже, что Ты так долготерпелив к нашим грехам и доселе оставляешь нас безнаказанными. Мы давно уже заслужили быть отверженными от лица Твоего и понести наказание в этой жизни, подобно незаконным жителям Пятиградия, уничтоженным божественным огнем. Но Твое бесподобное долготерпение помиловало нас. Благодарю и прославляю Тебя я, ничтожный и недостойный раб Твой, хотя я и не в силах воздать достойной хвалы и благодарения благодати Твоей. Умоляю неизмеримое Твое милосердие, Господи наш Иисусе Христе, Сыне и Слове невидимого Отца, сотворивший все единым Своим словом и сохраняющий все единой Своей волей, простри Свою невидимую и всемогущую руку и освободи окончательно раба Своего, отца моего, от ужасного плена во власти диавола и выкажи ему видимым знамением, что Ты Бог живой и истинный, Единый, вечный и бессмертный Царь! Воззри на мое сердечное сокрушение всемилостивым и благосклонным оком и, согласно с Твоим истин-

ным обещанием, будь со мной, познавшим и исповедующим Тебя как Творца и Промыслителя всякой твари. Утверди во мне источник животворящей воды Твоей, дай мне слово при раскрытии уст моих и утверди ум мой на Тебе, краеугольном камне, чтобы я, негодный раб Твой, мог возвестить родителю своему тайну Твоей власти и Твоей силой вывести его совершенно из неведения и власти злых духов, обратив к Тебе, Господу Богу моему, не желающему гибели даже грешника, но принимающему обращение и раскаяние, ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь».

Помолившись так и получив некоторую уверенность в том, что достигнет желаемого, укрепившись мужеством свыше, он в сопровождении телохранителей отправляется к своему отцу. Когда Авениру было объявлено о прибытии сына, он тотчас выходит к нему навстречу, обнимает, целует его и устраивает в радость свидания всенародный праздник. Что же происходит вслед за тем? Кто может сказать, что говорил сын отцу, когда они остались наедине? Что мог сказать он, как не внушаемое ему Духом Святым, Которым рыбаки покорили весь мир и, не зная даже грамоты, сделались мудрейшими из мудрых. Его-то дарами говорил Иоасаф царю, просвещая его светом истинного знания. Как мы видели, он и прежде старался вывести отца из области неведения. Но раньше ему недоставало частью слов, частью подтверждающих слова дел, частью достаточного внимания со стороны отца. Когда же Господь сжалился над немощью раба Своего Иоасафа и, вняв его молитвам, открыл запертые доселе врата сердца отца его, тогда тот легко понял смысл всего, что говорил ему сын, и сбылись слова пророка: *Желание боящихся Его исполнит, и молитву их услышит, и спасет их* (Пс. 144, 19).

Таким образом, Иоасаф, милостью Христа, одержал полную победу над злыми духами, доселе господствовавшими над душой его отца; освободил его совершенно от их влияния, преподал ему ясно и понятно спасительное слово и обратил к живому небесному Богу. Сначала он ему говорил о тех великих чудесах, о которых тот не знал и не слышал ушами сердца и души; долго просвещал его в познании истинного Бога; выяснял, в чем состоит христианское благочестие; проповедовал, что нет иного Бога ни на небе, ни на земле, ни под землей, кроме Бога Единого, познаваемого в Отце и Сыне, и Святом Духе; объяснил ему много тайн для истинного богопознания; говорил о мире видимом и невидимом, как Творец из ничего сотворил все и в том числе, по образу и подобию Своему, человека, которому даровал свободную волю, дал ему пользоваться благами рая, повелев только не вкушать плодов того дерева, которое называется деревом познания добра и зла. Говорил также о том, как Бог за нарушение этой заповеди изгнал человека из рая, вследствие чего люди были лишены сообщества с Богом. Весь род человеческий впал в заблуждение и обман и стал причастным смерти по проискам диавола, который, со времени грехопадения людей, возымел над ними власть, заставил их совершенно забыть о Господе Боге и служить себе через гнусное идолопоклонство.

Затем Иоасаф рассказал отцу о том, как, сжалившись над нами, Господь Иисус Христос, с благоволения Отца и при содействии Святого Духа, изволил спасти нас, воплотившись от Духа Святого и Девы Марии. Сошедши на землю и обращаясь среди страстей, не заражаясь ими, Он, Сын Божий, приняв крестное страдание и смерть, затем воскрес на третий день из мертвых, чем искупил грехи наши и восстановил прежде предопределенные людям славу и почести, удостоив жизни там, откуда Он временно сошел. Говорил также о втором пришествии Спасителя и Страшном Суде; о Царствии Небесном, ожидающем праведников, и несказанных его благах, а также о муках, предстоящих нечестивцам; о неугасаемом огне и внешней тьме; о черве, точащем их бесконечно, и прочих наказаниях, заслуженных рабами греха. Передав все это в немногих, но сильных и ясных словах, по благодати говорившего через него Святого Духа, Иоасаф потом стал говорить отцу о неизмеримой глубине человеколюбия Бога, Который всегда готов принять кающегося и обращающегося; о том, что нет греха, побеждающего милосердие Божие, если только мы постараемся загладить его раскаянием. Подтвердив свои слова примерами и свидетельством Священного Писания, блаженный юноша закончил свою речь.

Пораженный мудростью Божественного учения, царь начал громким голосом горячо исповедовать Христа Спасителя. Освободившись совершенно от идолопочитания, Авенир стал публично чтить знамение Креста, во всеуслышанье объявляя Господа нашего Иисуса Христа истинным Богом. Поведав о своем собственном прошлом нечестии и осудив прежнее жестокое и кровавое преследование христиан, стал он всем своим существом на стороне благочестия. Таким образом, сбылось на деле сказанное апостолом Павлом: «Где был избыток нечестия, там в обилии появится благочестие» (ср. Рим. 5, 20).

Когда же потом св. Иоасаф начал говорить о Боге и благочестии в отношении к Нему собравшимся полководцам, сатрапам и всему народу, огненными речами проповедуя все истинно благое и пристойное, тогда сошедший на слушающих Святой Дух заставил всех прославлять Бога, и вся толпа единогласно возглашала: «Нет другого Бога, кроме Господа нашего Иисуса Христа, прославляемого с Отцом и Святым Духом».

Исполнившись великого божественного рвения, царь Авенир сокрушает всех идолов, находившихся в его дворце и храмах; сделанных же из золота и серебра он велит перечеканить в монеты и раздать бедным, употребив таким образом с пользой доселе бесполезное. Разрушив до основания все языческие храмы и жертвенники, Авенир и Иоасаф усердно воздвигали на их место священные храмы Богу не только в том городе, но и во всей стране. Бесы же, обитавшие в языческих храмах и жертвенниках, с позором были изгоняемы и вопили о постигшем их бедствии, не будучи в состоянии противостоять всемогущей силе Божией. Большинство соседних народов также принимало благочестивую святую веру. Тогда упомянутый божественный епископ, наставив царя Авенира в догматах православной веры, крестил его во имя Отца и Сына, и Святого Духа, и Иоасаф был его восприемником от священной купели. Получив от отца телесное рождение, сын делается главным виновником духовного его возрождения. Царь же Авенир, возродившись водой и Духом Святым, исполнился невыразимой радости. Вслед за ним весь город и все его царство удостоились Святого Крещения. И сделались сынами света бывшие сыны мрака. Воздействия злого духа были изгнаны далеко за пределы той страны. Все были с тех пор там здоровы и телом, и душой. Свыше же были посланы чудеса и знамения, утвердившие еще более в вере новообращенных. Всюду в той стране строились храмы Божии: епископы, скрывавшиеся из страха гонения, выходили из своих убежищ и получали епархии, и много священнослужителей и монашествующих выходило пасти стадо Христово.

Кончина царя Авенира, оставление царства св. Иоасафом и удаление в пустыню

Между тем царь Авенир, раскаиваясь в прежнем образе жизни, передал всю свою царскую власть сыну, а сам же он, удалившись от дел, жил в одиночестве, в присутствии только вездесущего Бога; посыпав голову пеплом, сокрушался о совершенных им прегрешениях и с тяжелыми вздохами и горячими слезами испрашивал себе прощения за совершенные грехи. Он дошел до такого сокрушения и смирения, что даже не решался произнести своими устами имя Божие и только по увещанию сына решался делать это. Изменившись настолько к лучшему, он вступил на истинный путь добродетели и так преуспел на нем, что степень его благочестия превзошла меру его прежних согрешений. Проведя четыре года такой жизни в раскаянии и слезах, он впал в болезнь, от которой и скончался. Когда приближалась последняя минута, Авенир начал бояться и тревожиться, вспоминая о совершенных им дурных делах. Но Иоасаф утешал его, говоря: *Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня? уповай на Бога! Страх и трепет нашел на меня, и покрыла меня тьма* (Пс. 41, 6; Пс. 54, 6). *Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды... Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Ис. 1, 16–18). Не бойся, отец, и не сомневайся! Прегрешения обращающихся к Богу не побеждают Его беспредельной благодати. Ибо первые измеримы и исчислимы, вторая же неизмерима и случаи неисчислимы, а конечное не может превзойти бесконечное». Утешая такими словами отца, он утвердил его в надежде. Умирая, Авенир, простерши руки, благословил сына и благодарил его, прославляя тот день, в который он родился, называя его чадом милым, дорогим, чадом не своим, но чадом Отца Небесного.

«Как мне воздать тебе должную хвалу, должную признательность? Как мне поблагодарить за тебя достойным образом Бога? Я был погибшим и нашелся благодаря тебе; был врагом и отступником от Бога, а теперь умиротворен. Что я могу дать тебе за все это? Бог да воздаст тебе достойную мзду». Так он говорил и ласкал своего сына. Потом, произнеся слова молитвы: «Человеколюбивый Боже, Тебе отдаю душу мою», – испустил дух, скончавшись, таким образом, в раскаянии.

Иоасаф, пролив искренние слезы по отцу, устроил почетное погребение его останкам, похоронив их на кладбище благочестивых, но он облек его не в царские одежды, а в одежду кающегося. Став у его гробницы, подняв руки к небу и проливая горячие слезы, он воскликнул: «Благодарю

Тебя, Царю славы, Единый, всемогущий и бессмертный; благодарю Тебя, что Ты внял моей молитве и не презрел моих слез, но вывел Своего раба, отца моего, с пути беззакония и обратил к Себе, Спасителю всех. Освободив его от обмана и нечестия языческого, Ты удостоил его познать Тебя, истинного и человеколюбивого Бога. Теперь же, Господи Боже мой, имеющий неисследимую глубину благодати, посели его в месте покоя, в месте праведников, где сияет свет лица Твоего. Забудь о его прежних неправдах, разорви запись его греховных заблуждений, а также примири с ним тех святых, которых он казнил огнем и мечом; устрой так, чтобы они не гневались на него. Ибо Тебе все возможно, Господу всех, кроме только одного – иметь милосердие к грешникам, необратившимся к Тебе. Во всем же прочем милосердие Твое распространяется на всех, призывающих Тебя, Господи Иисусе Христе! Ибо Тебе подобает слава во веки веков. Аминь».

Так молился он в продолжение целых семи дней, не отходя от гробницы, не принимая ни пищи, ни питья, не думая о сне, но проводя все время в слезах и сокрушении. На восьмой же день возвратился во дворец, раздал все богатство и все деньги бедным, так что в той

стране уже не было более ни одного нуждающегося. Совершив это в несколько дней и истощив свои сокровищницы (желая, чтобы громада богатства не мешала ему пройти через узкие врата, ведущие в Царствие Небесное), он на сороковой день после смерти отца, совершая память ему, созывает всех сановников, воинство и прочих граждан и, заняв по обычаю место председателяствующего, говорит во всеуслышание:

«Как вы видите, царь Авенир, мой отец, умер, как умирает и всякий бедняк. И ничто: ни богатство, ни царская слава, ни я, любящий сын, никто другой из его друзей или родственников, не могло помочь ему и изъять из власти неизбежной судьбы. Он предстанет перед Всевышним Судьей, чтобы дать отчет о прожитой им земной жизни, не имея никого и ничего помощником или защитником, кроме совершенных им дел. Такова же участь всех нас, смертных, и избежать ее или изменить что-нибудь в ней невозможно. Выслушайте же меня теперь, друзья и братья, народ Господень, наследники святой жизни, которых Христос искупил драгоценной Кровью Своей и освободил от заблуждения и рабства врагу рода человеческого! Вы знаете мой образ жизни среди вас, знаете, что с тех пор, как я познал Христа и был удостоен сделаться служителем Его, я возненавидел все, возлюбив Его Единого, и для здешней жизни желал только одного: оставив мирскую суету и пустоту, жить в обществе Христа и служить Ему в безмятежном спокойствии. Но мне мешало исполнить это противодействие моего отца и заповедь, предписывающая почитать родителей. Но по милости Бога, при Его помощи, я не потратил напрасно этих дней, обратив и отца своего ко Христу, и вас всех научив познанию истинного Бога, Господа всех. Конечно, я сделал это не своими силами, но Его помощью, которая была со мной и освободила как меня от суеверия, от служения злым духам и идолам, так и вас, народ мой, избавила от их тяжелого пленения. Теперь уже настало время исполнить обещанное Богу, исполнить тот обет, который я дал Ему. Изберите себе кого хотите в цари и руководители, так как вы уже достаточно подготовлены к исполнению воли Господа и все Его заповеди известны вам. Преуспевайте в исполнении их, не уклоняясь ни направо, ни налево, и да будет мир Божий со всеми вами!»

Услышав это, народ пришел в ужасное смятение: все кричали и громко рыдали, оплакивая предстоящее свое сиротство. Потом к плачу присоединились взаимные клятвы – не выпускать его и силой помешать его удалению. Тогда Иоасаф дает рукой знак всем молчать. Он велит им перестать волноваться, прекратить плач и отправиться домой. Со слезами на глазах исполняют они это приказание. Между тем сам он призывает главного своего советника, мужа замечательного своим благочестием и святостью жизни, по имени Варахия (о котором было уже упомянуто, когда рассказывалось о том, как Нахор, выдав себя за Варлаама, состязался с философами, и Варахия явился один только к нему на помощь, желая с Божественным рвением состязаться с противниками веры). Оставшись с ним наедине, царь Иоасаф ласково и горячо просил его принять царство и со страхом Божиим править народом, когда он сам вступит на желанный путь. Но Варахия стал решительно отказываться, говоря: «Твой суд, царь, не праведен и не согласуется с заповедью. Наученный любить ближнего своего, как самого себя, как можешь ты желать, сбросив с себя тяжесть, возложить ее на меня. Если царствование – дело благое, то ты должен сам удерживать это благо; если же оно служит только соблазном для души, то зачем предлагать его мне, зачем обманывать меня?»

Когда царь услышал эти слова и понял, что они тверды, то прекратил беседу с ним. Поздней ночью он составляет к народу письмо, исполненное мудрости и свидетельствующее о великом благочестии писавшего. В нем он предписывает народу, как он должен относиться к Богу, как жить, чтобы угодить Ему, как славословить, как благодарить Его; затем завещает народу не избирать себе в цари никого другого, кроме Варахии. Оставив это письмо в своей спальне, он тайно от всех, никем не замеченный, вышел из дворца. Но не могло долго скрываться его отсутствие. С рассветом слух о исчезновении Иоасафа распространился по всему городу и произвел в народе большое смятение. Все ревностно отправляются на поиски, замышляя раз-

ными способами помешать его уходу. Их старания не остались бесплодными. Заняв все дороги, окружив все горы и неприступные пропасти, они находят его в одном овраге, простершим руки к небу и совершающим молитву шестого часа. Заливаясь слезами, они умоляют его возвратиться, укоряя за уход.

Иоасаф же им отвечал: «Напрасно вы трудитесь: не надейтесь больше иметь меня своим царем». Уступая только их горячим и неотступным просьбам, он вернулся во дворец, но вскоре снова, собрав всех, объявляет им свое решение, подтверждая даже клятвой свои слова, что не останется с ними более ни одного дня. «Я, – говорит он, – исполнил свою обязанность в отношении к вам, не пропустил и не скрыл от вас ничего полезного, но все возвестил и всему научил вас, проповедуя всем веру в Господа нашего Иисуса Христа и указывая на путь спасения через раскаяние. Теперь же я вступлю на путь, которого давно желал. Никто из вас не увидит более лица моего. Я, подобно апостолу, говорю вам, что чист от крови всех вас. Ибо я ничего не скрыл, научая вас исполнять волю Божию».

Услышав это и видя всю твердость его слов, народ зарыдал, оплакивая свое сиротство, не будучи в состоянии уговорить его. Тогда блаженный Иоасаф, указав народу на Варахию, сказал: «Его, братья, я выбираю для вас царем». И против его воли надевает на него царские одежды, корону и царский перстень. Став лицом к востоку, он начал молиться за царя Варахию, чтобы он сохранил чистой и непреложной веру Божию и неуклонно шел путем, указанным заповедями Христа; затем молился о его преемнике и о всем народе; просил у Господа помощи и спасения для них и исполнения всего, что они попросят, если только это будет для них полезно. После молитвы он говорит Варахии:

«Я, брат мой, поручаю тебе то, что поручал некогда апостол: *Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею* (Деян. 20, 28). Как раньше меня ты познал Бога и с чистым сердцем служил Ему, так и теперь выкажи больше рвения, чтобы угодить Ему. Так как ты удостоился от Бога большей власти, то с тебя будет и больше взыскано. Поэтому воздай твоему Благодетелю должную признательность, соблюдая Его святые заповеди и уклоняясь от всякого пути, ведущего к гибели. Подобно тому как на корабле, если ошибется матрос, то он может принести плавающим самый незначительный вред, если же сам кормчий, то это может привести к гибели всего корабля. Так, если согрешит подчиненный, то этим самым он вредит не столько общему благу, сколько самому себе; если же согрешит царь, то это отзовется на всем государстве. Следовательно, имея на себе такую ответственность, ты употреби всю свою волю, чтобы утвердиться во благе; возненавидь всякое удовольствие, влекущее к прегрешению. Апостол говорит: *Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14). Имея в уме своем круг человеческих действий и обязанностей, сопоставляя их различным образом в зависимости от обстоятельств, при их быстрой перемене сохраняя всегда неизменным свой благочестивый ум. Ибо изменяться самому с переменой обстоятельств свидетельствует о непрочности и ненадежности мыслей; ты же пребывай твердо и неотлучно во благе, не возгордись этой временною славой, но с чистыми мыслями считай себя ничего не стоящим, жалким существом, думая о кратковременности этой жизни и быстроте ее течения. Помня это, не впадай в пропасть надменности, но бойся Бога, истинного Небесного Царя, и тогда ты достигнешь вечного блаженства. *Блаженны все, боящиеся Господа, ходящие путями Его* (Пс. 127, 1), и: *Блажен муж, боящийся Господа, заповеди Его он сильно возлюбит* (Пс. III, 1).

Прежде всего, ты должен заботиться о соблюдении следующих заповедей: *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7), и: *Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд* (Лк. 6, 36). Соблюдение этих заповедей особенно требуется от облеченных в высшую власть, потому что получивший таковую при пользовании ей, естественно, должен по возможности подражать Дарователю ее. Это подражание Богу будет заключаться во мнении, что ничто

не стоит выше милосердия. Ты должен оказывать всякого рода благодеяния нуждающимся, но они должны быть оказываемы единственно с целью сделать доброе дело, исполнить заповедь Божию. Благодеяния же, вынужденные или оказанные с честолюбивым намерением, не есть добродетель в полном смысле слова, предписываемая нам заповедью. Поэтому ты твори благодеяния первого рода и для них будь доступен всякому, держа открытыми свои уши для всех неимущих, чтобы и ты мог надеяться, что со временем Господь и для тебя будет держать открытым Свой слух. Ибо как мы слушаем, так и нас будут слушать и как мы будем смотреть, так и на нас посмотрит Божественное и Всевидящее Око Господа. Мы должны подобным достигать подобного.

Теперь выслушай другую заповедь: *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6,14).

Посему не злопамятствуй в отношении к согрешившим перед тобой, но, прося для себя оставления грехов, прощай их и провинившимся перед тобой. Ибо за отпущение дается отпущение, и, прощая рабам, подобным нам, мы получаем оставление гнева Господня. И обратно: если мы не прощаем людям прегрешений их, то и нам не будут прощены грехи наши. Ты знаешь, что потерпел раб, который был должен 10 тысяч талантов, за то, что не простил другому рабу долга перед собой. Поэтому мы должны остерегаться, чтобы также не потерпеть подобного. Для сего будем прощать должникам нашим, выбросим из сердца всякий гнев, чтобы и нам были оставлены многочисленные долги наши. Итак, прежде всего и во всем ты думай о благочестивом слове веры, которому ты был научен, и да не вырастут плевелы в сердце твоём, но сохрани чистым и невредимым Божественное семя, насажденное в нем, чтобы ты мог представить Господу богатый плод, когда Он придет потребовать у каждого отчет о его земных делах и воздать каждому по трудам его; когда праведные воссияют светлее солнца, грешники же будут осуждены на крайний мрак и вечный позор. *И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными* (Деян. 20, 32)».

Сказав это, он опустился на колени и снова со слезами помолился. Потом, прощаясь, он расцеловал Варахию, которого сделал царем, и всех других вельмож. Здесь происходит истинно достойное слез: все окружили его и чего только не говорили, выражая всю скорбь разлуки с ним. Глядя на них, можно было подумать, будто только в его обществе заключалась вся их жизнь; будто, расставшись с ним, они расстанутся с жизнью, со своей душой. Какой тут был избыток горя и слез! Они его обнимали, целовали, громко сетовали о постигшем их горе и несчастий; называли его своим господином, отцом, спасителем, благодетелем, уверяя, что благодаря ему они познали истинного Бога, освободились от заблуждения, перестали жить во зле. «Что будет с нами без тебя, – заключили они, – какое только зло не постигнет нас?» Говоря так, они били себя в грудь, оплакивая свое горе. Иоасаф, прервав их громкое сетование словами утешения, обещал, что мысленно, духом своим он всегда будет с ними, хотя телом общения между ними более быть не может. После этого он на глазах всех оставляет дворец. Тогда все последовали за ним, желая помешать его уходу, и сопровождали на такое расстояние за город, что город исчез из их глаз. С трудом ему удалось уговорить их просьбами и укорами возвратиться домой. Возвращаясь, они постоянно оборачивались назад, смотря ему вслед, а некоторые из его особенно горячих приверженцев издали следовали за ним и далее. Только наступившая ночь разлучила их. Между тем св. Иоасаф с чувством человека, возвращающегося после долгого изгнания в свою родину, радостно удалялся из своего царства. Снаружи на нем было его обычное платье, под ним – шерстяное рубище, подаренное ему Варлаамом. Встретив в эту ночь на своем пути хижину одного бедняка, он сбрасывает с себя верхнее платье и отдает ему его, употребив, таким образом, последнее свое имущество на милостыню. Найдя благодаря собственным молитвам и молитвам благодетельствованных им бедных в Боге могу-

щественного помощника, приобретши Его милость и помощь как одежду спасения и веселия, он вступил в труды пустынножизни, не принимая ни пищи, ни питья и не употребляя никакой одежды, кроме упомянутого рубища. Он был проникнут необыкновенной Божественной любовью к бессмертному Царю Иисусу. Для Него он оставил и забыл все остальное. Сила его любви к Господу была подобна огню. Эта пламенная любовь ко Христу так иссушила душу и сердце его, что к нему вполне могли быть применены слова пророка: *Как лань охотно стремится к источникам вод, так душа моя стремится к Тебе, Боже! Возжаждала душа моя явиться к Богу крепкому, живому* (Пс. 41, 2–3), – а также слова: *Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей* (Пс. 41, 9); – и: *покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно* (Пс. 2, 14). Такой невыразимой любовью ко Христу были воодушевлены апостолы и мученики, которые презрели все видимое в сей временной жизни, подвергнувшись бесчисленным родам казней и пыток, возлюбив нетленную красоту и думая о Божией любви к нам. Имея подобный огонь в своем сердце, прекрасный и благородный телом, но еще более благородный своей истинно царской душой юноша питает ненависть ко всему земному, презирает всякие чувственные удовольствия; отказывается от всего – богатства, славы и почестей, оказываемых людьми, а также от царской короны и скипетра, считая все это ничтожнее паутины; посвящает себя многотрудной аскетической жизни, восклицая: *Прильнула душа моя к Тебе, а десница Твоя восприяла меня* (Пс. 62, 9). Удалившись безвозвратно в глубину пустыни, вдали от мирских сует и смут, он испытывает чувство, будто тяжкое бремя или тяжелые оковы спали с него. Тогда он возрадовался духом. Протягивая руки вперед, Иоасаф восклицал и обращался ко Христу, как к находящемуся с ним и слушающему его речи: «Да не увидит более мое око мирских благ, Господи! – говорил он. – Да не отвлекутся отсюда мои мысли мирской суетой. Но исполни мои глаза, Господи, духовных слез, направи в должную сторону стопы мои, укажи мне место подвигов раба Твоего Варлаама, виновника моего спасения, дабы я научился у него христианской твердости, чтобы по незнанию своему не поддавался злым уловкам врага нашего. Даруй мне, Господи, обрести путь, ведущий к Тебе, ибо иссякла душа моя в тоске и жажде по Тебе, источнике спасения моего».

Такие мысли и чувства постоянно волновали его душу. Имея общение с Богом посредством молитвы и возвышенного созерцания, он напряженно продолжал свой путь, спеша найти то место, в котором подвизался Варлаам. Питался же он в течение этого времени растениями, которые находил в пустыне, не имея на себе ничего, как сказано было раньше, кроме собственного тела и покрывавшего его рубища.

Умеренную пищу, таким образом, он находил себе, хотя и не всегда; воды же лишен был вовсе, ибо та пустыня была особенно суха и безводна. Когда около полудня солнце пекло особенно сильно, Иоасаф, мучимый жаждой, все-таки продолжал идти далее по безводной пустыне, и тогда его мучения были особенно сильны, но страстное желание побеждало даже природу: та жажда, которую он чувствовал к Богу, подобно росе действовала на естественную жажду. Между тем человеконенавистник диавол, не будучи в состоянии смотреть равнодушно на такую преданность и горячую любовь к Богу, всячески искушал юношу, возбуждая в нем, например, воспоминание о царской славе, об окружавших его телохранителях, родственниках, друзьях и сверстниках, о привязанности к нему всех и тому подобные приятные воспоминания. Затем диавол старался ставить всевозможные препоны его добродетели и всячески увеличить трудности и тяжести пустынножизни. Он старался сделать особенно чувствительными для него слабость его тела, непривычку к бедствиям, долготу времени, лишение какого бы то ни было слова утешения и неизвестность последствия и конца такого труда. Лукавый возбуждал целые рои подобных мыслей в голове божественного юноши, стараясь смутить его, как это он делал, как говорят, и с великим подвижником Антонием. Когда же злой дух почувствовал себя немощным перед его силой воли (Сам Христос воодушевлял Своего войну, а потому,

побуждаемый любовью к Нему, подкрепляемый надеждой и окрыляемый верой, Иоасаф бесследно отгонял от себя всякие козни диавола), то с позором удалился после первой же атаки, как это говорят. Потерпя неудачу, он прибегает к другого рода способу (у него приготовлено много средств для совершения зла) – является блуждающему в пустыне юноше в виде разных призраков, пытаясь испугать его: то представлялся ему черным и, вытащив меч, нападал на него, угрожая его убить, если он не вернется назад, то принимал виды различных зверей, причем скрежетал зубами и ужасно ревел, глядя на него; являлся также и в виде дракона, аспиды или василиска. Но мужественный подвижник бесстрашно шел вперед, имея убежищем Самого Всевышнего. Смеясь над врагом, он говорил ему: «Ты не скрылся от меня, злой обманщик, стараясь внушить мне разные нечестивые чувства и мысли, ты с самого начала придумываешь всякого рода зло для рода человеческого и, будучи всегда злым, не перестаешь вредить. Но какой у тебя подходящий вид! Само то обстоятельство, что ты уподобляешься виду зверей и пресмыкающихся, свидетельствует о коварности, зверстве, зловредности твоего образа мыслей. Но зачем ты берешься за недостижимое, жалкий? С тех пор как я узнал, что это есть замыслы и страшилища твоего злого ума, я нисколько не забочусь о тебе, ибо *Господь мне помощник, и я буду взирать на врагов моих* (Пс. 117, 7); и на аспиды и василиска наступлю; попираю буду льва и дракона, подкрепляемый Христом (ср. Пс. 90, 13); и *да постыдятся и смятутся все враги мои, да обратятся вспять и постыдятся весьма скоро* (Пс. 6, 11). Говоря так, он осенял себя знамением Креста – непобедимым оружием против всяких происков диавола. Тотчас же все звери и гады исчезали с быстротой исчезновения дыма, с быстротой таяния воска от близости огня. Отогнавший же их силой Христовой шел дальше, восхваляя и благодаря Господа. Но в этой пустыне было много подлинных диких зверей и разного рода змей, с которыми он встречался, так что путь затруднялся нового рода препятствиями и опасностями. Но святой юноша своими духовными силами побеждал одинаково и то, и другое. При множестве таких разнообразных бедствий, спустя довольно долгое время, достиг он пустыни Сенаарской, в которой подвизался Варлаам. Здесь он нашел воду и утолил жажду.

Свидание и жизнь Иоасафа с преподобным Варлаамом

Целых два года скитался Иоасаф по пустыне, разыскивая Варлаама и не находя его; за все это время он выказывал замечательную твердость в вере в Бога и мужество души. Проводя все время на воздухе под открытым небом, он много терпел от холода и зноя, ища, как какое-нибудь драгоценнейшее сокровище, достойного старца. В течение своего пути ему пришлось выдержать множество искушений и напастей от диавола; затем приходилось терпеть от недостатка тех растений, которые он употреблял в пищу, ибо та сухая пустыня производила скудно даже их. Но железная воля души, сгоравшей от любви к Господу, переносила все эти бедствия легче, чем другие переносят удовольствия. Святая душа Иоасафа не ошиблась, надеясь на помощь свыше. Благодаря своим необыкновенным трудам и обильным слезам он сподоблялся получать от Христа утешения во сне и наяву.

По прошествии двух лет Иоасаф все еще продолжал всюду ходить, разыскивая старца. Пропливая слезы рекой, он молил Бога помочь ему в этом: «Укажи мне, Господи, – восклицал он, – укажи мне местопребывание виновника моего познания Тебя! Не лиши меня этого блаженства за многочисленность моих прегрешений, но удостой увидеть его и вместе с ним вести подвижническую борьбу». Наконец, по милости Божией, он находит пещеру по тропе, образованной ходящими туда монахами, и видит в ней одного пустытника. Приветствовав его дружелюбно, он расспрашивает его, как найти ему Варлаама, причем рассказывает о всем, с ним случившемся, и о состоянии своей души. Узнав от него желаемое, Иоасаф с возможной быстротой отправляется по указанному направлению, подобно опытному охотнику, идущему по следам преследуемой дичи. Замечая приметы пути, сказанные ему тем старцем, он радостно шел вперед, воодушевляемый надеждой, с чувством отрока, надеющегося после долгой разлуки увидеть отца. Но любовь подвижника имела Божественное начало, а потому была гораздо сильнее и горячее чувства такого отрока. Дойдя до пещеры, он остановился у ее двери и, постучав в нее, произнес: «Благослови, отче, благослови!»

Услышав эти слова, Варлаам вышел из пещеры и по откровению свыше узнал, кто был пришедший, так как по внешнему виду он не мог узнать его, настолько Иоасаф переменялся во внешности с тех пор, как он видел его цветущим молодостью. Теперь он был совсем черный от солнечного зноя, зарос волосами, со впалыми щеками и глазами, воспаленными от постоянных слез веками, и вообще, вся его внешность носила признаки чрезвычайных бедствий и лишений. Узнал и Иоасаф своего духовного отца преимущественно по сохранившемуся выражению глаз. Старец, обратившись к востоку, вознес благодарственную молитву Богу, по окончании которой они произнесли «аминь» и бросились в объятия, крепко сжимая друг друга, как бы желая этими объятиями вознаградить себя за долговременную разлуку, удовлетворить испытанное продолжительным временем чувство любви. Наконец, насытившись несколько взаимным общением, они сели и начали говорить. Первый заговорил Варлаам:

– Прекрасный путь ты себе избрал, возлюбленный сын мой, дитя Божие, наследник Царствия Небесного, через Господа нашего Иисуса Христа, Которого ты возлюбил праведно больше всего временного, тленного, продав подобно опытному и мудрому купцу все, чтобы купить ту бесценную жемчужину. Узнав, что нетленное сокровище заключается на поле заповедей Божиих, ты все отдал, ничего не пощадил из всего скоропреходящего, чтобы купить себе означенное поле. Даст тебе Господь вечное благо вместо временного, нетленное – вместо тленного и стареющегося. Скажи же мне, излюбленный, как ты пришел сюда? Познал твой отец истинного Бога или доселе находится в прежнем заблуждении, в плену у злых духов?

Иоасаф рассказал ему подробно по порядку все происшедшее по уходе Варлаама до их вторичного свидания, и как Господь направил всех на благий истинный путь. Старец же слушал его с радостью и удивлением, когда же он умолк, воскликнул, радостно рыдая: «Слава Тебе,

Боже наш. Ты всегда помогаешь любящим Тебя и находишься среди них! Слава Тебе, Христе, Царю всех, Всеблагий Боже, что Ты не презрел семени, насажденного мной в сердце раба Твоего Иоасафа, но дал принести стократные плоды, достойные Тебя, Возделывателя и Господина наших душ. Слава Тебе, Утешителю, Душе Святой, что Ты удостоил сего раба Своего получить те дары, которые Ты даровал святым апостолам и через него освободил множество людей от грубого нечестия и заблуждения, просветив истинным Богопознанием». Тогда они оба прославили Бога. При дальнейшей их беседе, просвещаемой благодатью Божиею, настал вечер, и они, встав, закончили день обычными молитвами. Только после этого они вспомнили о пище, и Варлаам приносит роскошные кушанья, исполненные чудной приправы, но менее всего пригодные для чувственного услаждения плоти. То были: сырые овощи, выращенные самим старцем, немного пальмовых плодов, растущих в той же пустыне, и дикие растения. Поблагодарив Господа, они вкусили предложенное и запили водой из текущего вблизи источника, после чего снова поблагодарили Бога, насыщающего всякую тварь.

Затем, вставши и прочитавши вечерние молитвы, опять принялись за духовную, спасительную беседу, исполненную Божественной мудрости, в которой провели всю ночь, пока наступившее утро не заставило их вспомнить о молитве. Иоасаф прожил с Варлаамом довольно долгое время, ведя образ жизни, превышающий человеческие силы. И дивное дело, с каким послушанием и смирением относился он к своему духовному отцу и наставнику, всячески упражняясь в добродетели и борьбе со злыми духами!

Вследствие этого он совершенно умертвил в себе всякие страсти и похоти и подчинил плоть духу, как раба господину. Забыв о всяких удобствах и отдохновении, он властвовал над сном, как над дурным рабом. Словом, он так успел на пути подвижничества, что ему дивился сам Варлаам, проводивший много лет в такой жизни и уступавший ему теперь в твердости. Бывший царь употреблял пищи по стольку, чтобы только поддержать жизнь, и то ради того, чтобы не умертвить себя насильно, а через то не быть лишенным награды за свои доблестные подвиги. Таким образом, он пересилил самую свою природу, приучив ее к постоянному бодрствованию, подобно бестелесному и бесплотному. Все время проводил в молитве и духовном созерцании, так что со времени его жизни в пустыне не было ни одного мгновения, которое бы он не употребил на духовную деятельность. Это и есть свойство истинного монашества – не быть ленивыми в духовном делании. Это небесное светило с самого начала и до конца оставалось неугасаемым и неутомимым в своем святом, горячем рвении, возвышая постоянно свою душу и сердце новым потоком любви и усердия, пока не достигло исполнения своей надежды – желанного блаженства.

Варлаам и Иоасаф, живя постоянно во взаимном общении, ревностном состязании в подвижничестве, во многих трудах для приобретения истинного благочестия, жили в невозмутимом спокойствии душевных чувств и мыслей. Однажды старец призывает своего духовного сына, которого он возродил через Св. Евангелие, и завязывает с ним беседу: «Давно бы следовало тебе, Иоасаф, жить в этой пустыне. По моей молитве, Христос обещал мне, что я увижу тебя перед моей кончиной. Итак, я вижу оторванным тебя от мира и всего мирского, привязавшимся ко Христу неразрывными узами твоей души и навывшим в исполнении воли Его. Теперь же, когда время моей смерти стоит перед дверями, то когда осуществится воспитанное во мне с детства стремление умереть и быть со Христом, ты предай мое тело земле, отдай прах праху. Сам же оставайся на этом месте, преуспевая в духовной деятельности и вспоминая о моем ничтожестве. Я боюсь, чтобы черная толпа злых духов не стала на пути моем за мои многочисленные заблуждения. Ты же, дитя, не уменьшай рвения в многотрудном своем подвижничестве, не устрашись продолжительности времени, не поддавайся козням диавола, но безбоязненно насмехайся над его бессилием, подкрепляемый могуществом Христа. При мысли же о трудностях или о продолжительности времени, ты ожидай разрешения от них каждый день, относясь к своему подвигу так, как будто он начался и должен кончиться в данный день.

Святой апостол говорит: *Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 13–14). *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 16–18). Имея такие мысли, возлюбленное дитя, мужайся и крепись! Усердствуй, как старается хороший воин, чтобы угодить военачальнику. Хотя диавол будет внушать тебе всякие мысли о нерадении и насмехаться над твоим рвением, ты не бойся его происков, имея в мыслях повеление Божие: *Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33). Благодарю Господа, что Он изъясил и удалил тебя от мира и поместил как бы на виду у Себя. Сам, призвавший тебя святым призванием, находится постоянно вблизи тебя. Святой апостол говорит: *Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Флп. 4, 6).

Сам Господь сказал: *не отступлю от тебя и не оставлю тебя* (Нав. 1, 5). Имея в мыслях слово Божие, радуйся, помня о Господе нашем. *Вспоминал я Бога и веселился* (Пс. 76, 4). Когда же противник захочет употребить другой способ, внушая тебе гордые помышления за все, совершенное тобой, указывая на славу царства, которую оставил, и прочее мирское, то ты выставляя против него, как щит, следующие спасительные слова: *Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17,

10). Да и кто из нас может отдать весь тот долг, который мы должны уплатить Господу! За нас Он, будучи богат, стал нищим, дабы мы могли обогатиться благодаря этой Его бедности; будучи чужд всяких страданий, Он пострадал, чтобы нас освободить от страданий. Какое счастье терпеть рабу подобное тому, что терпел господин! Мы же, кроме того, несем гораздо меньше Его. Помни следующее: *Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2 Кор. 10, 5). И мир Божий, непостижимый нашим умом, будет охранять сердце и помышления твои во Христе Иисусе».

Когда Варлаам умолк, слезы ручьем полились из глаз Иоасафа; текли они, как из многоводного источника, орошая его самого и землю, на которой он сидел. Горюя о предстоящей разлуке, он совершенно искренно желал сопутствовать Варлааму в этом удалении из сей жизни и более не пользоваться ей без него. «Отчего ты, отец, – сказал он, – думаешь только о себе, а не думаешь о своем ближнем? Неужели ты исполняешь заповедь о совершенной любви, гласящую: *Люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19, 18), – если, погружая меня в скорбь и сокрушение, сам отправляешься на отдохновение для того только, чтобы раньше пользоваться наградами за подвижничество; чтобы видеть многообразные нападения врагов, оставив меня на единоборство с ними? Какая цель этого, как не та, чтобы бросить меня на произвол их злодеяний, следствием коих будет моя душевная вечная смерть, как это бывает с неопытными, трусливыми единоборцами. Поэтому умоляю тебя, попроси Господа, чтобы Он и меня взял с тобой из сей жизни. Умоляю тебя именем той надежды, которую ты имеешь на награду за свои труды, попроси за меня Бога, чтобы я после твоего удаления из настоящей жизни ни одного дня не пользовался ей и не блуждал в море этой пустыни.

Так возражал со слезами Иоасаф, старец же кротко, снисходительно прервал его, говоря: «Мы не можем, дитя, противиться решению Божию. Я много молился о том, чтобы мы не были разлучены друг от друга, и был наставлен Его благодатью, что для тебя теперь не полезно сложить с себя бремя плоти, а нужно продолжать подвизаться, пока ты не стяжешь себе более блестящего венца, ибо ты еще недостаточно подвизался для уготовленной тебе мзды, и тебе еще

следует немного потрудиться, чтобы совершенно быть готовым к наслаждению Божией радостью. Мне около ста лет; из них 75 лет я провел в этой пустыне. Хотя время твоего подвижничества и не продолжится столько, но все-таки оно должно хоть сколько-нибудь приблизиться к этому числу, так велит Господь, чтобы ты в этом отношении был равен другим подвижникам, понесшим тяжесть здешней жизни, здешнего зноя. Потому прими охотно решенное Богом, ибо кто из людей может уничтожить то, что Он решил? Крепни, охраняемый Его милостью, будь всегда настороже против вражеских помыслов и храни чистоту своего ума, как бесценное сокровище. Готовь себя со дня на день на более высокую деятельность и созерцание, чтобы на тебе исполнилось обещанное Спасителем последователям Его: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

Так говорил старец и говорил еще много другого, достойного его святой, благодатной души, утешая огорченного Иоасафа. Затем он его посылает к некоторым братьям, жившим на большом расстоянии от них, чтобы он принес нужное для совершения Божественной Литургии. Снарядившись в путь, Иоасаф поспешно исполняет повеление: он боялся, чтобы в его отсутствие Варлаам не отдал должного природе – не отдал бы души Господу, боялся не потерпеть бы наказания, если не будет слышать его слов, исходных воззваний, молитв и славословий. Когда он мужественно совершил этот путь и принес требуемое, св. Варлаам приносит Бескровную Жертву Богу и, приняв сам Пречистых Таин Тела и Крови Христовых, преподает и Иоасафу в духовной радости. По вкушении своей обычной пищи, он начал снова питать душу Иоасафа душеполезными речами, говоря ему:

«Нас более не будет соединять в этой жизни очаг и трапеза, ибо я уже вступаю на конечный путь моих отцов. Ты должен доказать свою любовь ко мне исполнением заповедей Божиих и твердостью пребывания на этом месте до самого конца дней своих, подвизаясь, как ты был научен, и помня всю свою жизнь о моей бедной душе. Радуйся же и ликуй во Христе, что променял временное земное на вечное небесное, что приближается награда за дела твои. Мздовоздатель же уже здесь и придет посмотреть на виноградник, который ты возделал, чтобы воздать тебе богатую мзду за твои труды: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11–12), – царствовать вечно в нетленном Царстве, озаряемые неприступным светом, удостаиваемые созерцания Блаженной и Живоначальной Троицы.

Подобным образом Варлаам беседовал с Иоасафом до вечера и в продолжение целой ночи, причем Иоасаф, не перенося мысли о разлуке, заливался неудержимыми слезами. Когда же начало светать, св. Варлаам прекратил беседу и, простерши руки и возведши очи к небесам, воздавая благодарность Богу, воскликнул: «Господи Боже мой, Вездесущий и все Исполняющий! Благодарю Тебя, что Ты воззрел на мое ничтожество и дал мне окончить здесь дни мои в православном исповедании Тебя и на пути исполнения заповедей Твоих. Теперь же, Всеблагий и Всемилосердый Господи, прими меня в истинную Твою Обитель и не помяни моих прегрешений, вольных и невольных. Сохрани также сего верного раба Твоего, перед которым я, негодный раб Твой, предстал по Твоему желанию. Соблюди его от всякой мирской суеты, от злых умыслов врага нашего, содейлай его выше всяких лукавых козней, которые он открывает под видом добра для всех желающих спасения. Уничтожь, Всемогущий, всю силу обманщика – диавола – пред лицом раба Твоего Иоасафа. Даруй ему власть попереть ногами главу гибельного сего убийцы, врага душ наших. Ниспошли с высоты небес на него Духа Твоего Святого и укрепи против невидимых вражеских сил, дабы он удостоился принять от Тебя венец победы и в нем было прославлено имя Твое – имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Ибо Тебе подобает слава и хваление во веки веков. Аминь».

Успение преподобного Варлаама

После молитвы, отечески обняв и поцеловав Иоасафа, осенив себя крестным знамением, Варлаам исполнился великой радости, как будто бы увидел возвратившихся каких-нибудь своих друзей, и отошел в вечное блаженство. Так скончался он, исполненный и многих лет, удостоенный даров Святого Духа. Св. Иоасаф, несказанно погоревав над своим духовным отцом, со страхом Божиим, омыв его тело слезами и обернув в то шерстяное рубище, которое дал ему во дворце, в течение целого дня и ночи читал положенные для этого случая псалмы, орошая вместе с тем слезами драгоценное тело блаженного. Когда же наступил день, достойный сын, вырыв вблизи пещеры могилу, осторожно перенес и положил туда священные останки Варлаама. После чего с воспламененной душой начал усердно молиться Богу:

«Услышь, Господи, голос мой, которым я взывал, помилуй меня и услышь меня. – Тебе сказало сердце мое: Господа възвищу. Тебя искало лице мое, лица Твоего, Господи, възвищу. – Не отвори лица Твоего от меня и не уклонишь во гнев от раба Твоего, будь мне помощником, не отринь меня и не оставь меня, Боже, Спаситель! – Ибо отец мой и мать моя оставили меня; а Господь принял меня. – Руководи меня, Господи, в пути Твоем и наставь меня на стезю прямую ради врагов моих. К Тебе привержен я от рождения, от чрева матери моей Ты – Бог мой. – Не отступай от меня, ибо скорбь близка, а помощника у меня нет (Пс. 26, 7-11; Пс. 21, 11-12). На океан милосердия Твоего возложил я надежду свою. Управи душу мою, направляющий мудрым Промыслом Своим всякую тварь. Укажи мне путь, которым я должен идти, и спаси меня молитвами и мольбами раба Твоего Варлаама. Ибо Ты Бог мой, и Тебя я прославляю Отца и Сына и Святого Духа во веки веков. Аминь».

Помолившись, рыдая, сел он возле могилы и сидя заснул. И видит, что снова приходят те страшные мужи, которых он видел некогда, уводят его на ту большую, чудесную равнину и вводят в тот же славный, блестящий город. Когда они входили в ворота, то им навстречу шли другие мужи, сияющие светом, держа в руках венцы несказанной красоты, венцы, каких глаза смертных никогда не видали. Когда Иоасаф спросил, чьи столь блестящие венцы славы, они отвечали: «Один из них предназначен тебе за многие спасенные тобой души, он уготован и украшен за ту подвижническую жизнь, которую ты теперь ведешь, и получишь этот венец, если выдержишь ее до конца. Другой венец тоже предназначен тебе, но ты должен будешь его отдать своему отцу, который благодаря тебе оставил тот дурной путь, по которому он шел, и с искренним раскаянием обратился к Господу».

Тогда Иоасаф, по-видимому, недовольный слышанным, говорит: «Как же может быть, чтобы я, потрудившись столько, получил те же дары, какие мой отец получает за одно только раскаяние!» Как только он это сказал, ему тотчас показалось, что он видит Варлаама, который укоризненно говорит ему: «Вот, Иоасаф, сбылось сказанное мной тебе когда-то: что когда ты будешь богат, то не будешь щедр, и ты еще тогда недоумевал, слушая меня. А теперь как ты недоволен, когда услышал, что твой отец получит равные с тобой почести, а не возрадовался духом, что услышаны многие твои молитвы о нем». Тогда Иоасаф сказал ему: «Прости, отче, прости! Но скажи мне, где ты сам обитаешь?»

Варлаам же ему отвечает: «В этом большом, прекрасном городе мне предстоит жить на самой главной улице, озаряемой неизреченным светом». Иоасаф начал его просить быть столь благосклонным, повести его в самое жилище. Но Варлаам ему говорит: «Еще не время тебе, облеченному в это телесное бремя, идти в наши жилища. Но если ты будешь тверд и мужествен, как я тебе заповедал, то немного спустя будешь здесь и удостоишься получить такую же обитель; получишь в удел такую же радость и славу и станешь жить со мной вечно». Пробудившись, Иоасаф был еще в душе полон виденного света и несказанной радости. Тогда он восторженно воспел Господу благодарственный гимн.

После смерти Варлаама Иоасаф до конца жизни вел истинно ангельский образ жизни, проводя еще более строгую аскетическую жизнь, чем при старце. На двадцать пятом году от роду он оставил свое земное царство, чтобы вступить на путь монашеского подвига. Тридцать пять лет провел в пустыне, ведя жизнь, подобно бестелесным, превышающую обыкновенную способность природы человеческой. Сначала Иоасаф исторг многие души из власти душегубца – дьявола, и потому в этом отношении его можно назвать равноапостольным; затем он стал добровольно мучеником: открыто исповедовал Христа перед царями и тиранами и вместе был горячим проповедником Его величия. С другой стороны, он преодолел в пустыне много злых духов и, сокрушив их могуществом Христа, обрел высшие дары и милости. Его душевные очи не были помрачены ничем земным, настоящему он предпочитал будущее. Христос был для него всем: он стремился Христа видеть всегда перед собой, как бы живущего на земле, видимого, красоту Которого постоянно зрел перед собой, как бы в зеркале, подобно пророку, говорящему: *Всегда я видел Господа пред собою, ибо Он одесную меня, дабы не поколебаться мне* (Пс. 15, 8), и: *Прильнула душа моя к Тебе, а десница Твоя восприяла меня* (Пс. 62, 9). Душа его воистину прилепилась к Богу, соединившись с Ним неразрывными узами. Он не охладел в своей удивительной деятельности, не изменил правилам своего поведения, сохранив с самого начала до конца одинаковое рвение и усердие – с юных лет до позднего возраста. Он скорее с каждым днем все более и более преуспевал, возвышался в добродетели, удостаиваемый постоянно более чистого, истинного познания.

Успение преподобного Иоасафа

Заслужив вполне своим подвижничеством носимое им звание, распяв мир для себя и себя для мира, он мирно переселяется к всегда желанному возлюбленному Господу, является пред лице Его, украшается уготованным для него венцом славы и удостоивается лицезреть Христа, быть с Ним и услаждаться всегда красотой Его. Отдав в руки Господа душу свою, он перешел в страну живых, где раздаются звуки празднующих, где жилище радующихся и веселящихся. В час его смерти подвизавшийся недалеко от него святой пустынный, тот самый, который указал ему раньше путь к Варлааму, по откровению божественному, является ему в самый момент его смерти. Почтив тело его священными песнями, пролил над ним слезы и, совершив над телом установленные христианские обряды, он положил своего товарища по любви и стремлению в гробницу отца его Варлаама, чтобы и тела тех почивали вместе, душам которых предстояло соединиться навеки. Между тем отшельник, похоронивший тело Иоасафа, склоненный твердым настоянием одного подвижника, имевшего видение, отправляется в страну индусов к царю Варахии и сообщает ему подробно о Варлааме и блаженном Иоасафе. Варахия немедленно отправляется в пустыню сам с отрядом войска, предстает перед пещерой подвижников и осматривает их могилу. Пролив над ней искренние, горячие слезы, он вскрывает ее и видит Варлаама и Иоасафа с несколько не поврежденными членами и неизменившимися лицами, – все у них осталось целым и невредимым: и платье, и все части тела. Поэтому Варахия велит положить эти священные, издающие приятное благовоние тела в почетные гробницы и перенести в свое отечество. Когда народ узнал о случившемся, то в бесчисленном множестве стекался из всех городов и окрестностей, чтобы посмотреть и поклониться мощам блаженных. Пропев над ними в честь их составленные священные песнопения, окруживши зажженными лампадами, их поместили в церкви, воздвигнутой Иоасафом. Много чудес и исцелений совершил Господь через Своих святых рабов как при этом перенесении, так и в последующие времена. Весь народ и царь видели эти чудеса, силу сих мощей. Многие соседние народы, погруженные во мрак неведения и неверия, уверовали, видя происходившие тут знамения. Все же видевшие и слышавшие об ангелоподобной жизни Иоасафа, о его пламенной любви к Богу дивились ему, прославляя единогласно Бога, помогающего всегда любящим Его и награждающего их величайшими дарами.

Здесь конец того, что я слышал от передавших мне правдиво достойных мужей. Да удостоитесь и вы, читатели и слушатели, участи угодивших Богу своими молитвами и прошениями блаженных Иоасафа и Варлаама, о которых был сей рассказ, блаженных во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает слава, хваление и величание с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Да почтим святых псалмами и гимнами, и песнями духовными, и сокрушением сердечным, и милосердием к нуждающимся – чем более всего почитается и Бог. Станем воздвигать им памятники и изображения, которые видимы, и сами да сделаемся одушевленными памятниками их и изображениями через подражание их добродетелям.

Взирающе на скончание жителства всех этих, да станем подражать вере (ер. Евр. 13, 7), любви, надежде, ревности, жизни, твердому перенесению страданий, терпению даже до крови, чтобы и мы вместе с ними получили венцы славы.

Однажды ночью. Повесть о святом Григории, епископе Акрагантском³⁷ Епископ Варнава (Беляев)

Часть первая

І. Паломник

*Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь
(Ис. 62, 1).*

В половине VI века, когда еще Церковь была едина и не делилась на католическую и православную, в Карфагене в храм св. мученика Иулиана некоторое время ходил один молодой человек.

Храмы у первых христиан пользовались исключительным почетом и вниманием. Они были местом обычной молитвы и прибежищем во всякой скорби. Они поэтому не стояли закрытыми – каждый, почувствовавши потребность излить душу свою перед Богом в тишине и нерассеянии, ибо не у всех дома для этого такие уголки есть, легко мог найти под сводами их место для своего исповедания Богу.

Молодой человек в один из своих частых приходов в храм сидел и занимался здесь чтением священных книг. Кругом было тихо, ничто не рассеивало. Он был один. Но вот вошли три человека в монашеском одеянии. Вид их был благолепен. Они стали молиться.

По окончании молитвы один из них сел, а двое других встали рядом. Молодой человек, обратившись к инокам, поклонился. Тот из них, который сидел, посмотревши на незнакомого юношу, сказал:

– Что здесь делаешь, раб Божий Григорий, благую часть избравший, которая, по слову Господню (ср. Лк. 10, 48), не отыметсЯ от тебя?

Юноша, услышав, что его назвал по имени неизвестный человек, ужаснулся и пал старцу в ноги.

– Прости меня, отче, и помолись за меня, грешного и унывающего.

– О, если бы я имел твои грехи, чадо! – ответил тот. – Знай, – продолжал он, – что милосердный Бог открыл нам все о тебе. Итак, радуйся, что Он послал нас взять тебя и довести в святые места, которые ты желаешь видеть и куда мы также идем.

Слезы выступили на очах Григория.

– Благословен Бог, строящий все на пользу нашу, – сказал он в чувстве умиления.

Вставши, все вышли из храма и пошли в молчании.

Григорий действительно имел горячее желание пойти во святыи град Иерусалим поклониться святым местам.

Палестина – Святая Земля, освященная жизнью, страданиями и смертью нашего Господа, с самых первых веков Христианства сделалась центром паломничества. Сколько святых мужей и жен в древности отправлялось ко Святому Гробу, прежде чем выйти в пустыню на путь подвижничества или на служение миру! Таковы св. Василий Великий, Григорий Нисский, Варсанофий Великий, Павла, Мелания, Евстолия и многие другие. Сколько после них ходило

³⁷ Из книги «Дар ученичества».

туда же простых людей всех стран, всех национальностей, всех вер! Даже наши деревенские старушки превосходно знают дорогу в Палестину и Иерусалим...³⁸

И Сам Бог в Ветхом еще Завете начертал картину этих паломничеств через пророка Захарию: *И пойдут жители одного города к жителям другого и скажут: пойдём молиться лицу Господа и взываем Господа Саваофа; и каждый скажет: пойду и я. И будут приходить многие племена и сильные народы, чтобы взыскать Господа Саваофа в Иерусалиме и помолиться лицу Господа* (Зах. 8, 21–22).

На эти слова Бога откликнулось сердце многих христиан. Откликнулось оно и у Григория. Сильное желание не давало ему покоя. И так как он был благочестив и видел в этом дело Божие, а не удовлетворение своей любознательности и тщеславия, то принял за прилежную молитву. Он молился, чтобы Бог исполнил его желание и исполнил бы добре так, как угодно Его святой воле.

Господь желание боящихся Его исполняет (ср. Пс, 144, 19). Он все видит и везде присутствует. Григорий жил в городе Акраганте, что в Сицилии. Он находился при доме своего учителя, архидиакона тамошней церкви, в которой был клириком. Ему было 22 года, когда у него сердце загорелось этим желанием идти в Иерусалим.

Стояло знойное лето южного сицилийского побережья. Близкое соседство Сахары давало себя сильно чувствовать в Акраганте и совершенно видоизменяло местный климат сравнительно с мягким и умеренным северной стороны острова. В городе все глубоко спали после трудов томительного и раскаленного дня. Была ночь на 1 июля.

Григорий спал близ ложа своего наставника; вдруг кто-то его позвал:

– Григорий!

Григорий вскочил с постели, подошел к архидиакону и спросил:

– Зачем меня звал, господин?

– Я тебя не звал, чадо, – ответил тот. Юноша вернулся на свое место, опять лег и заснул.

И снова, во второй раз, неизвестный голос позвал его:

– Григорий!

Он опять вскочил, встал перед архидиаконом и сказал ему:

– Вот я, господин, ты зачем меня звал?

– Да не звал я тебя, чадо...

Архидиакон пришел в трепет. Он понял, что к Григорию обращается некий Божественный голос. И сказал ему:

– Если тебя, чадо, еще раз позовет тот же голос, то ответь ему: «Что, Господи? Что велишь Твоему рабу?»

Григорий пошел и снова лег на свою постель.

Голос не замедлил в третий раз окликнуть его:

– Григорий!

Это был голос Ангела Господня. Григорий ответил так, как был научен. Тогда ему Ангел сказал:

– Услышана молитва твоя. Итак, иди на морской берег и найдешь тех, которые возьмут тебя к святым местам.

Григорий был истинным послушником и помнил, что сказал Господь просившему у Него позволения проститься (прежде чем идти за Ним) со своими домашними (ср. Лк. 9, 61–62). Поэтому он тотчас встал и, никому ничего не сказав о себе, вышел из дома. В деле Божиим нельзя мешкать, в истинном послушании между приказанием и исполнением нет времени.

³⁸ Некоторые из них ни разу в жизни не бывали в своем губерньском городе и тем более никогда не слышали о Парижах и Ниццах, но зато десятки раз видели Царьград и бывали в Святой Земле. В 1914 г. одну из таких паломниц я сам встретил на пароходе из Палестины. Неутомимая, живая 78-летняя старица, духовная дочь о. Иоанна Кронштадтского, она совершила со мной свою 13-ю ежегодную поездку! (Прим, авт.)

Было еще очень рано, когда Григорий направился к съезду с горы, на которой стоял город. До берега надо было пройти версты три-четыре.

Как климат, так и природа в Акраганте – африканские. Под ногами юноши был каменистый грунт, кругом – чахлая растительность в виде кактусов и различных мясистых, колючих растений. Григорий быстро шел по знакомой дороге на шум морского прибоя. Но вот и море. В гавани он нашел готовый к отплытию корабль.

– Куда идете? – спросил он.

– В Карфаген.

Сердце Григория учащенно забилося. Хотя видно было, что Бог ему помогает и Ангела Своего послал предупредить его обо всем, но от человека требуются собственные усилия. Притом воля Божия не стесняет ничьей свободы. Поэтому нужно еще было умолить корабельщиков, чтобы они согласились взять с собой непредвиденного пассажира и тем замедлить отправку. Дело обошлось благополучно. Его приняли на корабль, и последний вышел из гавани.

Постепенно исчезали очертания берега и родного города. Лишь огромный снежный конус огнедышащей Этны на горизонте слегка еще дымился. Но вскоре и он опустился в воду. Волны несли Григория в неведомую даль, где таилось его будущее. Какое оно? Вернется ли он после путешествия в дом отчий и к своему наставнику архидиакону, и скоро ли? Или он встретит других учителей, лучших, и останется, где Богу угодно? Во всяком случае, Григорий в своем плавании видел только исполнение своего желания ехать в Иерусалим. Правда, везут его не в Иерусалим, а в Карфаген, но что до того? Он верил Богу. Но он не подозревал, что Промысл Божий воспользовался его личным желанием, чтобы оно послужило началом целого ряда событий, от которых в будущем имело устроиться спасение многих.

После благополучного трехдневного плаванья корабль бросил якорь у карфагенской пристани. Григорий пошел в город, столь прославленный когда-то подвигами, деятельностью и учением святителя Киприана. Около трех месяцев он прожил при доме местного архидиакона, пока у него не произошло уже описанной нами удивительной встречи с неизвестными монахами, из которых одному впоследствии пришлось еще раз, хотя и косвенно, оказать Григорию существенную помощь в жизни.

II. Путь к земному Иерусалиму приводит иногда на путь к Небесному

*Созрелось сердце мое во мне и в размышлении моем возгорелся огонь
(Пс. 38, 4).*

Григорий и его спутники, выйдя из церкви, пошли, как сказано было, в святом молчании, – каждый упражняя свой ум, в меру своего духовного возраста, молитвой, поучением в Священном Писании или в покаянных размышлениях³⁹.

Теперь Григорий уже и телесными очами видел, что они идут в Иерусалим. Итак, желание его исполнилось: он на пути к возжеленной цели. Там, впереди, места, где Господь совершил наше спасение. Земля, политая потом и кровью Его Крестных подвигов. Там сонмы подвижников день и ночь славят и благодарят Христа за дарованную милость и вечное избавление. Горы,

³⁹ «...До скита нам было 40 поприщ (т. е. ок. 43 км), – рассказывает автор. – В продолжение пути мы дважды ели и трижды пили воду. А он (один египетский подвижник по имени Эроп) совсем ничего не ел и, идя пешком, прочитал наизусть 15 псалмов, потом великий псалом (т. е. 118-й), потом Послание к Евреям, потом Исаию и часть Иеремии-пророка, затем евангелиста Луку и Притчи. И при этом он шел так, что мы не могли поспевать за ним...» (Лавсаик. СПб., 1873. С. 139). (Прим, авт.)

долины, пещеры, дебри, города усеяны их кельями и монастырями! Тысячи монашествующих, как цветы на роскошном лугу, насаждают там всякую добродетель...⁴⁰

Все это предстояло увидеть Григорию. Увидеть и еще более загореться сердцем от невиданной дотоле духовной красоты. *И мир Божий, который превышает всякого ума* (Флп. 4,7), заставлял Григория забывать все окружающее и томиться еще неизведанными духовными желаниями.

Начальствующий из иноков, тот святолепный старец, который первый обратился с речью к Григорию в церкви, теперь снова спросил его, желая испытать, насколько твердо его желание идти за Христом и нельзя ли искусить его привязанностью к миру:

– Чадо Григорий, не скучаешь ли по родителям?

Последний отвечал:

– Господь наш сказал: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37). Однако помолись Богу, отче, чтобы Он и родителям моим подал благое утешение, и меня, грешного, сохранил от вражеского уловления.

Таковы были вера, рассуждение и смирение Григория. Он твердо хранил заповеди Божии. Сказал Господь, что любовь к Нему нужно предпочитать любви к родителям, следовательно, нечего больше и рассуждать. Иначе и не может быть. Это – так, сама истина. Но иное дело заповедь, хотя бы слова Самого Христа, и иное – наше желание, наша немощь, при кознях бесовских. Приходится преодолевать природу, кровное чувство. Оно в малодушных, миро- и плотолюбивых говорит сильнее Евангелия. Борет и крепких. Его боялся и Григорий, коего самое имя значит «бодрствующий», внимательно следящий за всеми своими помыслами и пожеланиями. Потому и смиренно он просил себе молитв. Ибо враг хитер и опытен...

Так понемногу путники приближались ко Святому Граду. Прошло уже немало времени, с тех пор как мы видели их выходящими из Карфагена. Стоял январь. Они только что высадились в Триполисе Финикийском, шли теперь по

Святой Земле. Недалеко было уже и до края путешествия. Но подошло время Великого поста, и в эти святые дни благочестивые паломники не захотели дальше идти. Им встретился на пути монастырь, и они решили провести дни святой Четыредесятницы до Страстной недели в нем уединенно.

Если и в обычное время в древних монастырях их насельники и насельницы подвизались ревностно, то во дни Великого поста воздержание их, понятно, достигало высшей меры. Сохранилось множество рассказов от того времени об этих подвигах напряженного трезвения, усиленных молитв и крайнего умерщвления плоти. Любой монастырь тогда представлял образец добродетели. Но тот, в который попали Григорий и его спутники, произвел на него особое, исключительное впечатление. А он, конечно, видал и у себя на родине хорошие примеры подвижничества и сам проходил заповеди Божии так, что получил похвалу от такого прозорливца и духоносца, каким был его старший спутник. Последний, как известно, даже приравнял себя по грехам Григорию, хотя бы то было сказано и по смирению.

В этом монастыре Григорий увидел образцы великого пощения и бодрости духа иноков. Многие из них по целой неделе не вкушали пищи и пребывали без сна. Здесь он увидел людей, живущих подобно Ангелам и, как на небе, непрестанно славящих Бога. Видел, как одни реками изливали от очей своих слезы и день и ночь стояли на молитве, а другие совершали еще большие труды и неизреченные подвиги.

И ужасался рачитель Христова пути, и бил себя в грудь, и восклицал:

⁴⁰ Описание Палестины с указанной стороны находится в бессмертном творении Иоанна Мосха и Патриарха Софрония «Луг Духовный» (изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1896 г.). Дата его составления как раз падает на время жизни св. Григория, т. е. на конец V в. и начало VI в. (Прим., авт.)

– Горе мне!.. Что я такое?.. Что мне остается делать, лежащему в унынии и лени?.. Как явлюсь я лицу Божию?.. Как в день Суда присоединюсь к святым мужам?..

Но рассуждение и благодарные внушения не давали Григорию приходить в отчаяние. И он снова начинал убеждать свою душу ко спасению и подражанию святым, направляя мысли в сторону, противоположную вражеским внушениям, и обнадеживал себя милосердием Божиим:

– Если *близок Господь к сокрушенным сердцем*, как говорит Давид (Пс. 33, 19), и *смиренных духом спасет*, то может и меня спасти, как пришедших в одиннадцатый час (ср. Мф. 20, 9) и ничего достойного не сделавших...

Длительные душевные переживания Григория и внутренняя скорбь его о том, что он не таков, как эти подвижники, посреди которых Бог удостоил его находиться, горячее желание им подражать и окончательно порвать все связи с миром, приобщившись к их сонму, не могли не отразиться на лице его. Спутники же, видя печаль (по Боге), разлитую по челу Григория, истолковали ее по-своему: они подумали, что юноша тужит по своей стране и родителям.

– Не жалей, чадо, что сюда с нами зашел. Надеемся на Бога, что опять будешь в своей стране и родителей живых увидишь.

– Нет чужой стороны у Бога, но все – Его, и везде Он призывает всевидящим Своим оком. Поэтому не о том я тужу, что сюда зашел, и о родителях своих нисколько не тоскую, – скорее радуюсь, что, отца и мать оставив, нашел Бога, пекущегося обо мне, – а другая печаль на сердце у меня. Прошу же вас, святые отцы, помолитесь Господу о моем смирении...

Иноки, услышавши такой ответ из уст Григория, умолкли...

* * *

– Радуйся о Господе, авва Марк. Откуда привел к нам этого богоугодного юношу, Григория?

– Не мы его, Владыко, привели, но хотящий всем спастись Господь и твои святые молитвы.

– Господин Серапион и ты, отец Леонтий, хорошо, что пришли. Благодарю Бога, что дал вам силу дойти сюда и вести этого отрока, духом пламенеющего, Господу служащего, надеждой утешающегося и в молитве постоянного (ср. Рим. 12, 11–12), как открыл нам о нем Господь.

Такой разговор произошел у Иерусалимского патриарха Макария, когда перед ним впервые предстали Григорий и его таинственные спутники. Они на праздник Светлого Христова Воскресения пришли в Иерусалим, обошли и поклонились всем его святыням и теперь явились к святейшему отцу благословиться у него. Григорию вновь пришлось удивляться прозорливости святых мужей, как они (теперь вот и патриарх) называют по имени людей, которых в первый раз видят. И обрадовался вместе с тем – наконец-то он узнал имя старца! «Ибо, ходивши с ним такое продолжительное время, он не знал ни его имени, ни других братьев, ни тем более осмелился кого из них спросить, откуда они и как их зовут. Так блаженный Григорий был молчалив и нелюбопытен», – говорит о нем его жизнеописатель⁴¹.

Выше мы видели, что это была не природная молчаливость, не простая себялюбивая замкнутость, которой ни до кого нет дела, а старательно воспитываемая в себе древними иноками и подвижниками добродетель. Не так-то легко она достается и не наобум, как пришлось, делается.

После приема патриарх отправился в церковь служить Божественную литургию, и все были причастниками Святых Таин.

⁴¹ Св. Димитрий Ростовский. Четьи-Минеи. 23 ноября.

На другой день авва Марк с двумя братьями, взяв благословение у патриарха, пошли посетить живущую вокруг Сиона братию.

Григорий не знал, куда они пошли, но сильно горевал, что остался без них.

Патриарх, утешая его, сказал:

– Не уйдут эти отцы в свою страну, не вернувшись наперед к нам.

Тогда Григорий, поклонившись патриарху, осмелился спросить:

– А откуда эти великие мужи?

– Из Рима.

Краткий ответ святейшего отца показал, что даже горячая любовь Григория к старцам на этот раз не должна была знать что-либо больше.

Когда отцы вернулись на Сион, авва Марк взял Григория за руку и повергнул его к ногам патриарха.

– Отче святой, – обратился он к последнему, – и этот от стада Христова⁴², в будущем ему вручено будет правление Церкви и он, как веслом, духовным учением управит ее добре... Ты же, отче, позаботься о нем, да сохранит он доброту⁴³ души своей светлой и юношескими помыслами не оскверненной.

– Бог избрал его Себе от чрева матери, – ответил Святейший, – и оградил его страхом Своим. Он же и до конца сохранит его.

Григорий лежал у ног патриарха и, слыша о себе дивные и страшные пророчества, содрогался от плача.

Святейший, восставив юношу и видя его всего в слезах, сказал:

– Если тебе угодно, сын мой, оставайся с нами, и Господь наш Иисус Христос устроит тебе все полезное, а если хочешь идти с братиею, то ступай с миром.

– Нет, святейший отче, я не хочу уходить отсюда. Но молю, пусть Бог сподобит меня в этой жизни опять свидеться с этими святыми отцами.

Как ни крепко Григорий привязался душой к дивным старцам, однако влечение к святому месту превозмогло. И как было не остаться в Иерусалиме, когда сам пророк Давид радовался и в любви к нему восклицал о нем: Прекрасная возвышенность, радость всей земли Гора Сион! ...Пойдите вокруг Сиона и обойдите его. Пересчитайте башни его... Рассмотрите дома его, чтобы пересказать грядущему роду... *Если я забуду тебя, Иерусалим, да будет забыта десница моя! Приглаголю язык мой к гортани моей, если я не буду помнить Тебя, если не поставлю Иерусалима, как верх веселия моего...* (ср. Пс. 47, 3,13–14; 136, 5–6).

Черноризцы же, испрося у патриарха на путь благословения и святых молитв, вышли из Святого Града...

⁴² Авва Марк поставил логическое ударение на «стадо Христово». В этом глубокий смысл. Разные стада бывают, и есть стадо Христово (Ин. 10, 14), стадо избранников Божиих (Мф. 22, 14), и оно – немногочисленно (Лк. 12, 32). Мало называть себя Христовым, как это делают разные еретики, сектанты и т. п., надо быть православным и иметь в себе благодать Христову и еще нечто большее (св. Варсанофий Великий. Руководство к духовной жизни, п. 417), и тогда только можно будет сказать, что такой-то принадлежит к «стаду Христову». (Прим, авт.)

⁴³ Первоначальное значение этого слова эстетическое, а не этическое, т. е. доброта – не «доброта», а – «красота», нечто прекрасное. Сюда подойдут также значения: изящество, великолепие, внутреннее совершенство, слава и т. д. (ср. Пс. 44, 3, 12; 46, 5; 77, 61). Следовательно, «доброта души» не единичное нравственное качество мягкосердечия и не соединение многих добрых дел (добродетелей) воедино, как попало, лишь бы их было много, а художественный синтез их, прекрасная целокупность, такое состояние души, при котором оно сохраняет в себе черты своего первоначального образа и первоначальной красоты (Быт. 1, 31). (Прим, авт.)

III. Кто он?

*Иосиф – отрасль плодоносного дерева... Ветви его простираются
над стеною
(Быт. 49, 22).*

Но пора уже сказать о том, кто же был Григорий, и поведать об отечестве и родителях его, о детстве и воспитании.

Выше было сказано, что он жил в Акраганте. Но родиной его было, собственно, село Претория, недалеко от града. Здесь он родился.

Родители Григория были люди православные и добродетельные. Отца звали Харитон, мать – Феодотией. В особенности они отличались милосердием – добродетелью, не часто наблюдаемой у богатых, а они были люди очень состоятельные. Большое богатство давало им возможность развивать эту добродетель в желаемой степени, и потому благодеяний всем они делали много.

Акрагант же был местом крещения, воцерковления и обучения Григория. Так как в жизни его он имел большое значение, то скажем о нем подробнее.

Здесь-то начал Григорий свою церковную жизнь.

От святого крещения его принял блаженный епископ Патамион. Обычно у первых христиан восприемниками были младшие лица из клира: «Мужчину пусть воспринимает диакон, а женщину – диаконисса», – говорят *Апостольские Постановления*⁴⁴, но здесь кумом Григория явился сам предстоятель Акрагантской Церкви. Было ли это сделано им ради благочестия и уважительности родителей младенца или в предвидении его будущих заслуг перед местной Церковью? Все равно благословение епископа и восприятие им под свое духовное попечительство Григория знаменательно.

На восьмом году отроча отдался учиться к некоему искусному учителю по имени Дамиан. Два года он пробыл в его школе, научившись за это время чтению всяких книг, письму и церковному пению. Когда же ему пошел двенадцатый год, блаженный Патамион, следивший за его успехами и благонравием, зачислил его в клир. Вместе с этим он вручил Григория архидиакону Донату, чтобы последний наставлял его в добродетельной жизни и в духовных подвигах.

Семя учения падало на добрую почву. Отрок схватывал все преподаваемое с живостью и ревностью. Несмотря на свои отроческие годы, Григорий уже приобрел навык и любовь к молитве и постоянно, день и ночь, проводил время за книгами, услаждаясь чтением Священного Писания и житий святых.

Добродетели и подвиги их распаляли его воображение и сердце и вызвали неутолимое желание следовать их стопам.

И Бог, видя его доброе намерение, сделал по сердцу его (ср. Пс. 19, 5).

IV. Тайна приоткрывается

*Тогда ожил дух Иакова, отца их, и сказал Израиль: довольно [сего для меня], еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру
(Быт. 45, 27–28).*

Авва Марк со своими братьями, Серапионом и Леонтием, которых мы оставили выходящими из Святого Града Иерусалима, снова предались тягостям тогдашнего паломнического

⁴⁴ Постановления Апостольские, III, 16. Казань, 1864. С. 117. (Прим, авт.)

пути. Это был тогда, можно сказать, крестный путь. Еще не так давно дорога от Иерусалима до Яффы и в иных местах Палестины и всего Востока кишела разбойниками, а в то время путешествующие не имели никакой земной защиты и прибежища, и им оставалось только всецело полагаться на волю Божию. Впрочем, это и теперь для христианина существенная охрана. Трудность и опасность пути увеличивали часто естественные препятствия и явления природы. Море со своими бурями, пустыня со своими ветрами и песками, зверями и неприступными скалами и горами – все делало путешествие ко святым местам тягостным и великим подвигом. Зато и доставляло большие венцы. Тогда это не была интересная, легкая и приятная прогулка, тогда люди на одну чашу весов клали свое желание поклониться святыням и любовь к Богу, а на другую – свою жизнь. Следовательно, шли со страхом Божиим, постоянной молитвой и через это сами делались подвижниками и святыми.

О трудностях путешествия один из блаженных богомольцев тех отдаленных времен, оставивший нам свой бессмертный дневник, на последних его страницах говорит следующее:

«...Семь раз во время путешествия мы подвергались серьезной опасности, и в восьмой раз, как написано, *противела душе моей жизнь моя* (Иов 10,1). Но Бог хранил нас.

Однажды мы шли по пустыне непрерывно пять дней и ночей и совершенно изнемогли от жажды и усталости.

В другой раз мы попали в горную долину с источниками соленой воды. Палящий зной солнца превращает воду в соль, подобно тому как зимой иней обращается в лед. По всему пути из земли высовывались острые колья соли, и дорога была так затруднительна, что не только мы, босые, но и обутые терпели уколы и царапины. Едва-едва мы выбрались из этого места.

В третий раз в пустыне мы пришли в лощину или, лучше сказать, в болото с застоявшейся водой. Дно его было усеяно камнями и вонючей тиной. Мы переходили по пояс в воде. Чуть-чуть болото не затянуло нас. Мы воскликнули словами псалма, взмолившись Богу: *Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей. – Я погряз в глубокой тине и не на чем стать* (Пс. 68, 2–3).

В одном месте застоялась оставшаяся от разлития Нила вода. Три дня мы шли в этой воде и едва смогли выбраться...

Однажды, идя по берегу моря, мы подверглись нападению от разбойников. Они гнались за нами на расстоянии десять тысяч шагов, догнать не могли, но измучили нас до полусмерти...

Переплывали озеро Мареотис. Забушевал ветер, и мы были выброшены на берег. Поднялась ужасная буря. Это было в день Богоявления»⁴⁵.

И много еще других напастей переживали в своих странствованиях древние паломники.

Поэтому недаром сказал патриарх авве Марку и его братии, что он благодарит Бога, давшего им силу дойти до Иерусалима.

Но теперь они были сравнительно уже недалеко от своего дома.

Между прочим, случилось им идти мимо города Акраганта. Они зашли в него. Явились, понятно, к местному епископу, блаженному Патамиону. Так как подходил великий праздник их родного города, то есть день святых первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня ст. ст.), то они, чтобы не встретить его в пути, остались в епископии. Может быть, зайти в Акрагант их побуждала еще и другая причина – желание побывать на месте служения Григория, там, где было ему Божественное откровение.

После праздника авва Марк, Серапион и Леонтий собрались в дальнейший путь. По обычаю, они пошли сперва к епископу получить благословение.

⁴⁵ Жизнь пустынных отцов пресв. Руфина. Пер. свящ. М. Хитрово. Троице-Сергиева Лавра, 1898. С. 114–115. (Прим, авт.)

* * *

До сих пор нам некогда еще было рассказать о том, что же произошло после неожиданного исчезновения Григория из дома архидиакона. Как встречено было его отсутствие в родном городе и какие события произошли здесь по случаю этого загадочного для всех исчезновения?

Произошло же следующее.

Архидиакон никому ничего не сказал о ночном голосе, бывшем к Григорию. Но и он, засыпая, слышал, как Ангел сказал юноше: «Григорий! Услышана молитва твоя; итак, иди на берег моря и найдешь тех, которые тебя возьмут...»

Он спросонья не понял, что это значит, и тотчас заснул. Наутро, вставши и не найдя Григория на своем месте, он припомнил, что говорил голос, и догадался об отъезде Григория, но из боязни никому не сказал об этом. Однако скрыть совершенно исчезновение своего воспитанника из его дома, понятно, он не мог и заявил епископу.

Патамион, и так любивший Григория, а будучи его крестным отцом, любивший вдвое, объявил о случившемся на всю округу. Донесли о несчастье отцу и матери юноши. Стали искать. Искали везде, по всему острову. Искали в городах и селах, в горах и пещерах, и в пустынях. И, конечно, безрезультатно. Наконец решили, что Григория или убил кто-нибудь и закопал в землю, или украл и продал в плен в чужую дальнюю сторону. Впрочем, и это говорили предположительно.

Харитон и Феодотия убивались безутешно. Когда долгие повсеместные поиски не увенчались успехом, они пришли к заключению, что сына на свете в живых уже нет. С этим надо было волей-неволей смириться. Как благочестивые люди, они стали творить о нем церковное поминовение.

* * *

Прошел уже целый год, как пропал Григорий. Наступала годовщина его памяти, то есть 1 июля. Харитон и Феодотия собрались идти в Акрагант.

Пришли они к епископу Патамиону как раз в тот момент, когда у него сидел Марк и его братья. Оба родителя не могли удержаться от слез. Феодотия же по сыну предалась такому плачу, что ее никто не мог утешить.

– Из-за чего, отче, эти люди так плачут? – спросил авва Марк епископа.

Епископ, вздохнув из глубины души и сам прослезившись, сказал:

– Эти люди имели единственного сына, которого я принял от святой купели. Когда ему исполнилось восемь лет, отрока привели ко мне, и я велел учить его по книгам. И такое ему Бог дал дарование, что в два года он в совершенстве научился читать, петь и писать. На двенадцатом же году родители моими грешными руками отдали его Богу, и я посвятил его в клирики. Вручил же его одновременно своему архидиакону, чтобы он наставил его на путь Господних заповедей. И такие успехи отрок показал в Священном Писании, что нельзя теперь такового найти во всей Сицилии...

И далее епископ рассказал о том, как поразила всех весть о внезапном исчезновении Григория, как его долго и тщетно искали и как наконец решили, что, может быть, его даже не существует на свете.

– Не знаем, где он, – закончил Патамион. – Ныне же жалеем его до смерти. А родители его начали творить память в тот день, в который он пропал.

Во время разговора авва Марк смотрел на Харитона. Лицо его вдруг стало ему невероятно знакомо: те же черты, что и у Григория. Несомненно, это он, отец Григория. Авва узнал

его. Действительно, блаженный Григорий был удивительно похож во всем на своего родителя («вылитый отец», как говорят у нас).

– Зачем так плачете без меры о сыне вашем, – обратился старец к родителям, – скорее, нужно вам радоваться и благодарить Бога, все строящего на пользу.

Потом, обратившись к епископу, сказал:

– Прикажи прийти сюда твоему архидиакону.

Патамион велел тотчас позвать его. Донат пришел.

– Расскажи, человек, куда скрылся отрок? Зачем не открываешь своему господину, епископу, величия Божия, касающегося этого отрока?

Слова Марка заставили архидиакона ужаснуться. Он стал кланяться старцу и просить прощения. Потом стал подробно рассказывать всем присутствующим о том, что было передано уже нами выше и что на этот раз мы опустим.

– ...Я же о слышанном голосе не осмелился кому-нибудь сообщить, – заключил Донат свой рассказ, – потому что боялся, как бы не сказали, что я лгу, и, не поверивши моим словам, не стали бы говорить, что я убил отрока или продал его в чужую землю...

Повествование архидиакона утешило скорбящих епископа и родителей Григория и разогнало печаль. Все прославили Бога.

Блаженный Марк, со своей стороны, добавил нечто новое к рассказу Доната, приоткрыл завесу над событиями, предшествовавшими отъезду Григория из Акраганта, и закончил все сообщением о настоящей судьбе последнего, как он был представлен Иерусалимскому патриарху и остался в Палестине.

– Вот, – сказал старец, – как в Первой книге Царств мы читаем про Самуила, так в наши дни случилось с Григорием. Ибо, как отрока Самуила, спящего в храме, воззвал Ангел Господень: «Самуил, Самуил», – и это было три раза (1 Цар. 3, 4), так и блаженный отрок Григорий сподобился быть позванным подобным же образом... Поистине он будет равен пророку Самуилу.

Послушайте же и меня, что расскажу вам о вашем отроке.

Будучи в Риме, пошел я с этими вот моими братьями в собор святых апостолов Петра и Павла помолиться. Когда наступила ночь, мы остались у одного монаха. И в эту ночь явились мне в видении два пресветлых мужа, подобных по виду святым апостолам, и сказали мне: «Встань скорей с обоими своими иноками, садитесь на корабль и плывите в город Карфаген. Там найдете заезжего⁴⁶ юношу по имени Григорий, сицилийца, прибывшего из Акрагантийского прихода. Так возьмите его и отведите во святой град Иерусалим к патриарху Макарию. Мы сообщили и патриарху об этом отроке и повелели принять его, ибо на нем почивает дух наш, как Илиин на Елисее».

Сказавши это, они стали невидимы.

Вскочивши с постели, я тотчас же с этими моими братьями пошел на пристань и, Божиим смотрением найдя корабль, сел на него. Вскоре мы достигли Карфагена. Сойдя с корабля, вошли мы в церковь святого мученика Иулиана и нашли там Григория. Он в это время сидел в храме и читал книги. Итак, мы взяли его с собой в Иерусалим и вручили патриарху.

Слушая этот рассказ, все крайне удивлялись и прославляли Бога. Харитон же и Феодотия пали на землю как мертвые.

– Воздадите славу Богу, открывшему вам о вашем сыне, что он в живых и добродетельно живет, – сказал блаженный Марк, поднимая их.

⁴⁶ Буквально «странный» – странника, странствующего, отсюда можно: незнакомого, заезжего... Кому какое значение нравится. (Прим, авт.)

Столь радостные известия не дали много печалиться. Епископ Патамион, Харитон с женой и все присутствующие воздали снова благодарение Богу, благодарили и авву Марка за такое сообщение о Григории. И больше уже не скорбели.

Теперь, может быть, одно еще желание было у родителей Григория – повидать его. Но и того, что они узнали, было с них довольно. Не оставил Бог в одном, можно было надеяться, что не оставит и в другом.

V. «Сам – сто»

Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать (Мф. 13, 23).

Григорий, после ухода старцев оставшись во Святой Земле, жил первое время при патриархе Макарии. Последний посвятил его в сан диакона.

Но шумная жизнь в патриаршем дворце, постоянные толпы паломников, многочисленные просители, деловое движение церковно-административного центра, блестящие и торжественные процессии и патриаршие богослужения храма Воскресения, конечно, вскоре заставили Григория желать и искать для своего еще неокрепшего и жаждущего уединения и подвигов духа более сродную и подходящую обстановку.

Было уже упомянуто, как авва Марк и его спутники ходили посещать братию окрестных монастырей. В то время на вершине святой горы Елеонской и по всей ее цепи, замыкающей горизонт со стороны Мертвого моря, теснились обители, церкви и часовни, основанные обеими Меланиями, Вассою, Татианою, Ксениею, Евдокией, Юстинианом и Анастасиею.

Были и мужские подвижнические монастыри. Таковым, например, была как раз основанная около этого времени преподобным Авраамием «Византийская киновия». Она была благоустроена во всех отношениях и славилась подвижниками высокой духовной жизни. О жизни двоих из них – преподобных Василии и Иоанне – упоминается в «Луге Духовном»⁴⁷.

Были кругом и иные монастыри.

Григорий, проживши некоторое время при патриархе, стал его просить, чтобы он отпустил его посетить отцов Елеонской горы. Молодой подвижник хотел начать обозрение образцов монашеской жизни сперва с близлежащих монастырей, не вдаваясь пока в трудности и тяжести безлюдных, отдаленных и диких пустынь. Блаженный Макарий благословил.

Год провел Григорий среди подвижников, переходя от одного к другому и получая от каждого свою пользу⁴⁸. Наконец ему захотелось пойти во внутреннюю пустыню, посмотреть, как живут боголюбцы одни, наедине с Богом под чистым небом, посредиzybучих песков, куда путь – по звездам. Он открыл свой помысл святым отцам⁴⁹ и просил помолиться. Они благословили и напутствовали Григория молитвами.

– Ступай, чадо, с миром, – сказали они, – вера и любовь, которую имеешь ко Христу, спасут тебя.

⁴⁷ Гл. 40, 187.

⁴⁸ Общий для всех закон – не переменять духовного отца. Он вызван, кажется, душевной неустойчивостью и непостоянством новоначальных: некоторые из них любят переходить от одного старца к другому и выискивать у них дары прозорливости, рассказы о видениях, проявления мягкосердечия. Но некоторых Промысл Божий ставит в особые условия, и они, по любимому выражению древних, как пчела летают с цветка на цветок, выбирая у каждого себе полезное и не получая от этих перемен никакого вреда. Григорий, получивший первоначальную закваску дома, теперь смотрением Божиим обходит отцов подвижников для большего углубления своих духовных познаний. (Прим, авт.)

⁴⁹ Плод послушания и признак духовного устройства: помысл добрый, но Григорий его поверяет через исповедание духовным отцам, прося у них при этом еще молитв. Сразу виден будущий подвижник. (Прим, авт.)

Григорий спустился с Елеонской горы и направился в пустыню. Вскоре он был один посреди ее гробовой тишины...

В то время как одни ревнители подвижничества трудились о Господе, достигая духовного совершенства и спасения в лаврах и киновиях, где находили все необходимое для удовлетворения потребностей и телесных, и особенно духовных, под руководством мужей, уже совершенных в подвижнической жизни, – другие ревнители подвигов самоотвержения ради Царствия Небесного спасались в пустынях. Этим подвигом был несравненно труднее. Не было никакого утешения, в болезни некому подать воды и дать пищи, да и при здоровье также надо было их еще искать, а зной и холод томили тело – это с одной стороны, а с другой – отсутствие богослужения (церкви) и знакомых лиц (главное, старца, которому бы можно было исповедать мучительные помыслы), а также дневные страхования от зверей и разбойников, ночные – от бесов – все это томило душу.

Пустыней у палестинских подвижников назывались, во-первых, собственно пустыня, то есть место ровное, безлюдное, лишенное растительности и воды, с песчаной почвой; во-вторых, дикое и недоступное место в горах, наполненное ущельями и пропастями, со множеством пещер; и, в-третьих, вообще всякое место, даже в окрестностях селений и городов, прославившееся жизнью того или другого великого подвижника. Название свое получали пустыни или от местностей, на которых или близ которых находились, как, например, пустыня Рува, Иорданская, Кармилльская, или по имени славного отшельника, например пустыня аввы Евсторгия⁵⁰.

В пустынях подвижники проводили жизнь в одиночестве, в строгом уединении и безмолвии, отрешившись от всего земного. Многие не общались и не виделись с людьми нередко всю жизнь. В сонме их встречаются и жены-отшельницы. Это были сокровенные рабы Божии, неведомые миру, – их знал только единый Господь. Некоторые из них, спасавшиеся в пещерах, так и отходили в другой мир, не знаемые никем. Неизвестны остались и имена многих пустынных; по Божию смотрению их открывали как бы случайно другие подвижники и поведали о них миру. Во время цветущего состояния подвижничества в Святой Земле пустынных и отшельников было, как видно из церковно-исторических сочинений, бесчисленное множество. Некоторые из них были великие подвижники, дивные по духовным совершенствам и благодатным дарам. Они сделали известными и прославили самые незначительные и неведомые дотоле места. Приспомятны поэтому в летописях христианской Церкви и самые эти места, как места необыкновенных подвигов великих пустынножителей.

Известнейшие в Святой Земле иноческие пустыни были: Иерусалимская, Елеонской горы, Иорданская, Рува, Каламонская, у Мертвого моря и Кармилльская.

* * *

Григорий сперва водворился в одной из ближайших к Иерусалиму пустынь. Спустя три дня, по Божию смотрению, он натолкнулся на некоего черноризца. Был полдень, по восточному счету – шестой час дня, раскаленный воздух заставлял все живое искать тени, солнце жгло немилосердно, и камни пустыни от сильного зноя не позволяли ступать по ним, а монах стоял на молитве...

Уразумев духом, что юноша ищет спасения, пустынный подозвал его к себе и спросил:

– Куда идешь, чадо?

– Куда Христос поведет, в эту пустыню.

– Поди со мной, чадо, – предложил неизвестный.

И разговор, как и нужно было ожидать от отшельника, на этом оборвался.

⁵⁰ «Луг Духовный», гл. 1.

Шли они 20 дней. Наконец пришли в некое место, откуда черноризец указал Григорию на стоящую далеко вдали келью с двумя финиковыми пальмами перед ней и сказал:

– В этой келье пребывает великий отец. Итак, если хочешь, чадо, спастись, то иди к нему, а мне нужно идти в иную страну.

И, поклонившись друг другу, разошлись...

Григорий направился к хижине старца. Наконец-то Бог довел его до совершенного руководителя духовной жизни! Вот где он познакомится с опытом деятельного подвижничества и тайнами созерцания, пройдет мудрую школу рассудительного подвижничества, противостоя грубым и тонким козням врага под покровом духоносного могущественного наставника!.. Григорий шел по зыбучим пескам пустыни, тишину которой, казалось, ничто здесь не должно было нарушить.

Но, чу!.. От далекой кельи великого старца ясно донеслось пение. И пел не один человек, а как бы множество народа... Григорий удивился. Откуда быть в пустыне такому хору?.. Но чем ближе подходил Григорий к келье святого, тем пение все более стихало. Вот он уже ясно слышит, что не толпа поет, а только... трое. И еще больше юноша поразился, когда, подойдя к дверям старца, он услышал, что поет только последний и никаких других голосов не слышать. Святой кончил петь⁵¹ девятый час: день клонился к вечеру. Григорий стал у дверей, но постучать не осмелился. Священный трепет обнимал его душу и тело.

По окончании своего правила пустынный выглянул наружу и увидел стоящего юношу. Святой тотчас познал духом, кто он, и сказал:

– Чадо Григорий, войди сюда.

Тот устранился, услышав, что старец зовет его как давно знакомого человека. Войдя в келью, он увидел только одного этого старца, и больше никого. И дивился, раздумывая над тем, что слышал пение как бы многого народа, а на самом деле в келье, кроме старца, никого больше не было. Тогда Григорий понял, что со святым отцом пели Ангелы.

– Помилуй мя, отче, и моли о мне грешном, да спасет Бог мою душу...

Григорий пал к ногам святого старца и со слезами умолял его помочь ему спастись.

– Бог да помилует тебя, чадо, и подаст воздаяние за труды твои.

Так состоялось святое знакомство Григория и началось руководство у одного из тех, *которых весь мир не был достоин*, как удостоверяет апостол Павел (Евр. 11, 38), которые *скинулись по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли*. Не в городах, не в культурных центрах, не посреди общественных служений, но в глухой пустыне, куда нет дорог, а путь – по звездам и солнцу, нашел Григорий душу, очищенную от всех страстей, прозрачную, как кристалл. Только вдали от страстей мира сего можно достигнуть состояния читать мысли и сердца людей, как раскрытую книгу, и молиться с дерзновением за грехи людские.

Григорий пробыл у пустынного старца четыре года. Старец этот был не простец, а человек ученый. Кроме духовной мудрости, он в совершенстве знал и мирскую.

История дает нам подобные примеры. Мы знаем, что величайший безмолвник и краса древнего египетского монашества, сокровище дарований Святого Духа, Арсений Великий, был в миру воспитателем царевичей Аркадия и Гонория, сыновей императора Феодосия Великого, был знаком в совершенстве со всей древней философией и греко-римской классической литературой⁵². Ныне же, изучая дошедшие до нас лишь отдельные ее отрывки, иные мнят себя уже учеными. (Можно и еще указать несколько примеров, когда люди, которым нынешние профессора университетов по классической филологии и философии с трудом могут быть допущены

⁵¹ В древности всю службу обычно правили посредством пения, а не чтения; разве только Священное Писание читали, но Псалтырь опять-таки пели на особый манер (от которого осталось теперь только одно наименование – «стихословие»). Чтение появилось одновременно с леностью и упадком горячности и любви к продолжительности и труду богослужения. Но в Пасхальную Заутреню хотя и сокращенно, но все же древний чин держится повсеместно еще доселе. (Прим, авт.)

⁵² Четьи-Минеи, 8 мая, житие Арсения Великого.

в ученики, бросали все свое знание к ногам Христа и уходили – не по фанатизму или психопатизму, а по зову Самого Бога – в пустыню.) Как сейчас видим, некоторые из них свои светские познания сумели после и в пустынях приложить на пользу Церкви.

Святой отец, к которому Промыслом Божиим попал Григорий, был глубоким и тонким философом, изящным и красноречивым оратором и знатоком Священного Писания. Он научил юношу всем светским и духовным наукам, какие сам знал, образовал его ум и украсил добродетелями душу. Наконец, видя, что воспитание юноши совершенно и закончено, что блестящие дарования его развернулись и оформились в цельное безупречное мировоззрение и могут с успехом быть применены на служение воинствующей Церкви, еще же и провидя прозорливым духом, что Григорий в будущем имеет быть великим светилом миру, старец не захотел его более удерживать в пустыне, но повелел идти в мир на помощь погибающим братьям. Вместе с этим пророчествовал Григорию, что на него придет некогда великая напасть со стороны завистливых людей, и потому, поучал старец, он должен быть терпеливым и незлобным. Потом, сотворив о нем молитву и преподав последнее напутственное благословение, отпустил его.

Так Григорий, выйдя из мира простецом, полуневежественным в мирском смысле человеком, возвратился в мир совершенно новым, перерожденным, образованным мужем, искусным диалектиком, постигшим все тонкости философии, истории и изящной литературы и тайны всякого богословия и Писания.

Вместе с тем и духовный талант «во сто трудов у плодоносил»⁵³ в пустыне Григорий.

VI. Пятый Вселенский Собор

Некоторые... вступили в спор со Стефаном, но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил (Деян. 6, 9-10).

Палестина в то время, на которое падает наш рассказ, переживала тревожное состояние. Начиная с 520 года мир иноческих обителей был нарушен. Внутренний сердечный мир Христов (Флп. 4, 7) нужно было выковывать среди страшных еретических бурь и жестоких гонений. Появились невежественные монахи, которые стали учить о предсуществовании душ, о восстановлении всей твари, о конце мучений (в аду) демонов и грешников и прочее. Заблуждения эти, как видно, через Оригена уходят своими корнями даже в чистое язычество Пифагора и Платона, как наше имя-божничество.

За нечестивыми словами, как нитка за иголкой, появились подобные же дела. Еретики монахи выгоняли своих противников, православных, из родных монастырей, производили величайшие смуты среди слабых духом и простых умом и сердцем, действовали всеми средствами: хитростью, лестью, насилиями, против более твердых старались повлиять посредством происков при дворе и через единомысленных архиереев – на самого императора. Патриаршие престолы переходили из рук в руки: то православные владели ими, то ставленники оригенистов. Патриарх Макарий, упоминаемый выше, два раза был на патриаршей кафедре. Даже поместный Собор Константинопольский (543 г.), осудивший строго в 15 анафематизмах еретические измышления прельщенных монахов, не произвел на них никакого впечатления. Тщетно Иерусалимский патриарх в течение 8 месяцев уговаривал оригенистов оставить свои заблуждения, и только уже карательный отряд войска, посланный в Новую Лавру, где они засели, после взятия ее приступом очистил святое место от духовной заразы. Еретики были изгнаны, и православные возвратились наконец на свои места. Но это бедствие от оригенистов было

⁵³ Из тропаря преподобным (Нилу Постнику, Феоктисту Палестинскому и другим преподобным).

только частью тех бедствий, которые обрушились в это время на Церковь. Снова поднялись несторианские⁵⁴ и евтихианские⁵⁵ движения, замолкшие было после Халкидонского Собора, и снова потрясли православных великие скорби. Для краткости можно упомянуть только о тех из них, которые происходили в местах, связанных с нашим рассказом.

Так, в Антиохии, в которой придется прожить, как увидим дальше, некоторое время Григорию, некто Север, сперва судейский чиновник, а потом монах-евтихианец и самочинник-епископ, свергает православного и благочестивого епископа Флавиана и занимает его место. Затем анафематствует святой Халкидонский Собор, разоряет церкви, наводит на благочестивых людей страх, отправляет их в ссылку, подвергает бичеваниям. Тремстам монахам, которых постоянства Север не мог поколебать ни угрозами, ни ласками, он отрубает головы и приказывает оставить их непогребенными на добычу ночным псам. Наконец, все места оскверняет стенаниями, кровью и трупами. «Удивительно, – заключает историк, – как один человек и так много убийств совершил, и так много ересей совместил!»⁵⁶

Еще удивительнее покажется дело, если обратить внимание на то, что этот человек не в воинской одежде расхаживал, а в митре и священном омофоре, стоял перед престолом Божиим, совершая Божественную Евхаристию, и принимал почести, и благословлял толпы преданного ему и ослепленного народа!..

Велики глубины и противоречивы для ума поступки души человеческой, и кто может их постигнуть и проникнуть духовным взором до ее дна даже в ее падении?! (ер. Пс. 63, 7).

* * *

Все это блаженному Григорию довелось видеть собственными очами и от всего этого быть сохраненным благодатью Божией через посредство духоносных православных старцев-руководителей.

Выйдя от святого наставника после окончания, так сказать, четырехлетнего курса духовного университета, он направился прежде всего на те места, где совершилось наше спасение. Молитвой на Голгофе и у Гроба Господня, понятно, должно было начать новую жизнь и вместе с тем поблагодарить Господа за дарованные милости. В Иерусалиме Григорий посетил патриарха, который принял его с радостью.

В общем, молодой подвижник задержался во Святом Граде на год.

Из Иерусалима он направил свои шаги на север, в Антиохию. Из Антиохии отправился в Константинополь. Здесь он обосновался в монастыре святых мучеников Сергия и Вакха.

Те аскетические привычки, которые приобрел Григорий в пустыне у великого отшельника, он не оставил и в шумной столице, среди ее слабой духовной жизни. Подвиги и лишения его были велики – он не прикасался к пище по целой неделе, но все время проводил в чтении и писании⁵⁷ книг. Такая добродетель, конечно, не могла не обратить на себя внимание. Игумен монастыря счел необходимым доложить о ней патриарху Евтихию.

⁵⁴ Несторианство – ересь, возникновение которой связано с именем Нестория, епископа Константинопольского, который учил, что от Девы Марии родился человек Иисус, с которым, с момента его зачатия, соединился Бог Слово Своей благодатью и обитал в нем, как в храме.

⁵⁵ Ересь основана Евтихием в начале V в. Согласно Евтихию, Божественным во Христе было полностью поглощено все человеческое, поэтому Христос имел лишь кажущуюся плоть. Ересь евтихианства была осуждена Константинопольским Собором 448 года, а Евтихий, бывший архимандритом одного монастыря, низложен.

⁵⁶ Деяния Вселенских Соборов. Т. V. С. 6 («Исторические сведения о Пятом Вселенском Соборе»).

⁵⁷ Речь идет, очевидно, о переписке книг, а не о составлении их. У прп. Феодора Студита есть подробные епитимии, предназначенные «каллиграфу» (т. е. переписчику книг, выбираемому, понятно, из тех, кто обладал красивым почерком) за проступки по своему послушанию. (Прим, авт.)

– Пришел, – передавал он Святейшему, – в мой монастырь некий странствующий диакон. Замечательная личность... По внешности и по жизни прекрасен, в пощении превосходен, во всех монашеских подвигах неленив и в высшей степени искусен в знании и толковании Священного Писания. Думается мне, что в настоящее время не найдется еще такого другого во всем нашем городе...

Отзыв был слишком исключителен и необычаен, чтобы у патриарха не явилось желания повидать такого монаха самому и не испытать его в разговоре лично. Он оказал ему доступный и любезный прием и удостоил продолжительной беседы. Григорий произвел на патриарха благоприятнейшее впечатление. Святейший, видя его поразительную мудрость, пришел в радость и благодарил Бога, что послал им такого человека во время великой бури и смуты церковной, произведенной еретиками.

* * *

Обстоятельства, описанные в начале этой главы, вызывали неминуемо созыв нового Вселенского Собора, по счету пятого. Еретические волны объяли корабль церковный в трех патриархатах: Александрийском, Константинопольском и Антиохийском. Мы видели, как бесчинствовали и расправлялись с православными еретики в Антиохийском патриархате, то же было и в остальных. Каждый гнул в свою сторону: несториане – в свою, евтихиане – в свою, оригенисты – в свою. Один из епископов, преданных Оригену, именно Феодор Аскида, желая защитить гонимое учение и отвлечь от него внимание императора, коварно стал доказывать последнему удобство соединить с Церковью противников Халкидонского Собора (IV Вселенского), если только будут осуждены якобы не осужденные последним три учителя Сирской Церкви, единомысленные с Несторием, – Феодор Мопсуетский, Феодорит Кирский и Ив Едесский. Ложь и коварство советов заключались в том, что ими не мир Церкви и не уважение снискивалось к Халкидонскому Собору, а, наоборот, подрывалось всякое доверие к нему, потому что на Халкидонский Собор набрасывалась этим тень неправильного отношения к делу и к чистоте веры, тогда как обелять его было не в чем, ибо он как Феодориту, так и Иву возвратил епископское достоинство не иначе как после достойных плодов покаяния, так и Мопсуетскому не оказал никакой чести. Но император Юстиниан, желая водворить мир в империи, поддался этим лукавым советам и разослал по всем епископам исповедание веры, чтобы они подписали осуждение этим трем главам, как назывался тогда вопрос о сочинениях вышеуказанных учителей. Архипастыри православные, как и следовало ожидать, высказались о них самым невыгодным образом, но многие из епископов, втайне несторианствующие или остававшиеся при особом мнении, запротестовали. Тогда, хотя дело Святого Халкидонского Собора было правое, православные предстоятели Церкви положили собрать Вселенский Собор новый и на нем исследовать как определения предыдущего Халкидонского Собора вместе с сочинениями трех вышеупомянутых архиереев, так и мнения Оригена, которые внесли такое смущение в умы верующих.

Новый Вселенский Собор (Пятый) собрался в Константинополе. Всех епископов было 165. Председателем был св. Евтихий, патриарх Константинопольский. На этом Соборе диакон Григорий показал свои познания в исследовании Священного Писания и глубоких богословских вопросах во всем блеске. Он разбивал еретиков в спорах с неумолимой логикой, и никто не мог противиться его доводам. Между прочим, он диспутировал с неким еретиком Елевсием о воплощении Христовом и посрамил его. Православная вера вообще нашла в нем доблестного поборника и защитника в вопросах о соединении двух естеств в Иисусе Христе и образе взаимного их общения, о единой Бога Слова сложной Ипостаси, о едином нераздельном поклонении Сыну Божию и Богочеловеку и т. д. Все отцы дивились великому дару богословия и благодати Святого Духа, обитающих в Григории. Многие же из слушавших его говорили:

– Откуда появился этот человек? Говорит он, как Ангел или как один из древних великих святых...

Благочестивый царь Юстиниан не мог нарадоваться на него, так же и все его придворные. Святые отцы, прибывшие на Собор, любовно его приветствовали и ублажали многими похвалами. Слава о Григории стала распространяться повсюду.

Смиранный подвижник, однако, вовсе не хотел этого. Видя себя всеми почитаемым и прославляемым, он положил оставить Константинополь.

Решено и сделано. Григорий направился в Рим. Поклонившись гробу святых апостолов Петра и Павла и прочим святым местам, он поселился в греческом монастыре св. Саввы и начал безмолвствовать.

Можно было подумать, что теперь уже все его оставят в покое и даже никто не сыщет. Можно было надеяться укрыться от людей раз и навсегда: кому какое дело до неизвестного странствующего монаха, ушедшего в самого себя и в Бога? Да тогда в монастырях и не любили интересоваться чужими тайнами и делами и пытаться о новых людях: что они, откуда и прочее!..⁵⁸

VII. От Бога не уйдешь

Куда пойду от Духа Твоего и от Лица Твоего куда убежу?
(Пс. 138, 7).

В Акраганте за протекшее время произошли большие перемены. Епископ Патамион, крестный отец Григория, давно скончался, также и архидиакон Донат, его воспитатель. После Патамиона на кафедре был епископ Феодор. И он теперь тоже преставился. Предстояли новые выборы.

В то время, на которое падает наше повествование, выборное начало уже потеряло все свои привлекательные черты и достоинства, которые оно имело у первых христиан. Эпоха гонений на Церковь прекратилась; и потому кандидатами на епископские кафедры были часто не лица, готовые стать мучениками в любую минуту (ибо в первохристианское время епископ как пастырь первый привлекался мучителями к ответственности и обычно первый страдал за свое стадо), а лица, ищущие от епархии материальной пользы. С другой стороны, и выборщики стояли не на высоте своей задачи.

Они не душу искали в выбираемом, а внешние качества и собственные выгоды. Любовь, чистота сердца, духовность христиан первых двух-трех веков сменились теперь гневом, тщеславием, злобой и прочими страстями буйной толпы. Дело доходило иногда до страшных кровопролитий. Но все же еще общая масса христиан была высока по жизни в сравнении с нашими временами, все же еще среди нее попадалось очень много отдельных личностей величайших духовных качеств и благодатных даров, вплоть до чудотворений и пророчества, и все же еще поэтому благодать Божия была близка к людям и въявь творила великие чудеса. Однако, несмотря на это, славнейшие представители Церкви избирательное начало уже не считали полезным и хорошим учреждением и делали все возможное, чтобы лишить народ вредных для него теперь избирательных прав. К числу таких предстоятелей Церкви принадлежит, между прочим, св. Иоанн Златоуст. Такое же мнение имел и св. Григорий Богослов. И Церкви в конце концов удалось добиться, чтобы назначение епископов (и священников) по выборам было заменено назначением их по распоряжению центральной верховной власти. Такой способ замещения епископских кафедр (и пресвитерских мест) тоже, понятно, имел свои недостатки, но все же не такие, какие происходили при выборах кандидатов невежественной, буйной тол-

⁵⁸ Этим объясняется, почему в древнее время многие жены, вынужденные обстоятельствами, тайно спасались в мужских монастырях под видом мужей (евнухов) и могли остаться неузнанными. См. жития прп. Матроны (9 ноября), Евгении (24 декабря), Аполлинарии (5 января), Феодоры (11 сентября) и др. (*Прим., авт.*)

пой, да еще направляемой втайне темными лицами. Я позволю себе привести картинное описание таких выборов, сделанное св. Иоанном Златоустом в его знаменитой книге «О священстве». Это именно описание я имел в виду, когда упоминал выше имя Златоуста.

«Иди и посмотри, – говорит вселенский учитель, – на народные празднества, где большей частью и положено производить избрание на церковные должности. . . Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части, и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собой, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, – на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой – потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий – потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой – родственника, а иной – даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. . . Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения: так, одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предались на сторону противников, другие – за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть беззаконнее этого, когда люди, негодные и исполненные множества пороков, получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их и за что не следовало бы позволять им переступать порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли ты будешь искать, скажи мне, причины гнева Божия, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные? Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда Церковь становится нисколько не отличной от Еврипа. . .⁵⁹ И на этом одном они не останавливаются, а прибавляют и другое, более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость Церкви или как будто недостаточно одной причины к воспламенению гнева Божия, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдавать людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. . . Однако переносит и терпит такие злые дела Нехотящий *смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33, 11). Кто не удивится человеколюбием Его? Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения!..»⁶⁰

* * *

Не в лучшей обстановке выборы происходили в Акраганте, когда пришлось искать кандидатов на кафедру после смерти епископа Феодора. Здесь столкнулись интересы самых противоположных партий. Одни стояли за то, чтобы избран был пресвитер Савин, другие – Крискент, третьи – архидиакон Евпл, преемник Доната, и только наиболее благоразумные и скромные полагались на волю Божию: «Кого Бог изволит, тот пусть будет и епископ нам».

...В городе поднялись споры, несогласия и полный мятеж. Наконец были выбраны из почетных городских лиц и старейшего духовенства три депутации, каждая со своим собствен-

⁵⁹ Узкий пролив между островом Евбеей и Беотией с Аттикой. По древним греческим сказаниям, вода в нем прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью.

⁶⁰ «О священстве». Слово III, п. 15. (Св. Иоанн Златоуст. Творения. СПб., 1898. Т. 12. С. 436–438). (Прим, авт.)

ным кандидатом, и отправлены в Рим, к папе, под юрисдикцией которого находилась Акрагантская Церковь⁶¹, в одной из них находился и Харитон, отец Григория.

Явившись к папе, депутации и у него повели себя особняком. Каждая кучка встала отдельно со своим избранником: одна – с Савином, другая – с Крискентом, третья – с Евплом. В последней находился Харитон. Первые две настаивали горячо на своих желаниях, а последняя была нейтральной. Выражая волю тех лиц, которые ее послали, она говорила папе: «Кого Бог откроет твоей святыне, того нам и поставь епископом...»

Папа был в затруднении. Все попытки примирить первую и вторую депутации и сойтись на одном кандидате были безуспешны. Они продолжали ссориться, спорить друг с другом и папой. Последний, видя такое в них несогласие и большую распрю, велел оставить его в покое и выслал их вон.

* * *

Молва о таком шумном деле распространилась в городских церковных кругах еще накануне этого неудачного приема у папы. Что и понятно. Ведь если у последнего эта смешанная депутация из Акраганта не могла вести себя спокойно, то, конечно, она посвящала в свои споры всякого встречного посетителя и чиновника папского двора, ища протекции, и всякого обитателя того подворья или дома, где она остановилась, ища сочувствия. Как бы то ни было, до Григория дошел слух о прибытии его сограждан тут же; не неведома, разумеется, осталась и цель этого прибытия. И он решил бежать. Он имел все причины бояться. Уже в Константинополе, будучи очень молодым, он обратил на себя общее внимание. Теперь же, возмужавши, он очень естественно мог оказаться подходящим для акрагантийцев кандидатом. Тем более что был их земляком и, больше того, – клириком самого кафедрального собора. Итак – бежать... Подальше от всяких случайностей... Это спокойнее. И Григорий, не дожидаясь, чем окончится дело его земляков у папы, бежал в монастырь св. Меркурия. Впрочем, не без ведома братии св. Саввы, т. е. того монастыря, в котором он подвизался.

Между тем на другой день после приема у папы акрагантийских посланцев их опять позвали к нему. Папа имел торжественный вид и имел им что-то сообщить. Здесь же находился и знакомый нам авва Марк. Он случайно пришел в город из своего монастыря, и папа, имевший его как друга и посоветовавшийся с ним, не преминул оставить его при этом деле.

Когда все собрались и приготовились слушать, папа начал рассказывать, что он пережил за прошедшую ночь. Когда депутация накануне удалилась от него, он был в печали. И вот, по его словам, ночью явились ему в видении два честных мужа в образе апостолов и сказали:

– Зачем скорбишь по поводу несогласия людей из Акраганта? Приведенные ими недостойны епископского сана. Но есть в этом городе странник по имени Григорий. Раньше жил он в монастыре св. Саввы, а теперь, услышав о пришествии акрагантийских граждан, бежал из этого монастыря и укрывается в монастыре св. Меркурия. Вот его-то призови и поставь в епископы Акраганта. Ибо требует этого город, потому что почивает на этом человеке Дух Божий.

Сказавши это, явившиеся стали невидимы.

Передавши свое видение присутствующим, папа тотчас распорядился, чтобы пошли искать Григория в указанное место. Так как стало очевидным, что это – избранник Божий и будущий предстоятель Акрагантской Церкви, то папа послал от себя нескольких клириков и двух епископов, чтобы они все вместе составили почетное посольство к богоизбранному мужу.

⁶¹ Порядок был такой: народ избирал кандидатов, а областной архиерей утверждал достойного. Правило 4-е Никейского Собора (Первого Вселенского). Без согласия областного епископа (митрополита, папы и пр.) избрание было недействительно. Правило 6-е Первого Вселенского Собора и др. – Книга Правил (Правило 19 Антиохийского Собора). М., 1911. С. 39–40, 165. (Прим, авт.)

Хотя искать Григория в монастыре св. Саввы, по-видимому, было излишне, но папское посольство сперва направилось все же в него, чтобы ничего не упустить из дела и собрать более подробные сведения у братии о местонахождении Григория.

– Где тот странник, который жил здесь? – спросили монахов Саввинской обители.

– Два дня тому назад он ушел в монастырь св. Меркурия.

Таким образом, монахи передали то, что было уже известно посольству. Оно направилось дальше.

Григорий, придя в монастырь св. Меркурия, где его не знали, чувствовал, однако, себя беспокойно. Предчувствие говорило ему, что это место – плохая защита. Возможно, он услышал о пришедших акрагантйцах потому, что они остановились близ монастыря св. Саввы или кто-либо из них пришел в него к знакомым отцам. Подобное могло случиться опять и здесь. Потому он решил бежать. Бежать дальше – из самого Рима...

Григорий вышел за ворота монастыря на дорогу, чтобы осуществить свое намерение. Взглянул – и видит идущих по ней вдали епископов. Он тотчас узнал их: он виделся с ними на Соборе в Константинополе. И понял духом, что за ним идут. Путь отрезан... Куда деться?.. Григорий бросился за ограду и спрятался в монастырском саду.

Епископы, во главе посольства, прошли в монастырь и спросили о Григории иноков.

– Сегодня был здесь какой-то прохожий, – отвечали те, – но не знаем, куда он ушел.

Епископы взялись за игумена и наступили на него твердо:

– Если того странника тотчас не поставишь перед нами, то подвергнешься большому наказанию.

Игумен взмолился дать ему немного срока, чтобы поискать. И тотчас снарядил погоню и розыски. Искали прилежно. Наконец сам игумен нашел Григория в саду в кустах растений. В гневе схватил он его и стал укорять:

– Откуда пришел ты сюда, человек? И что за преступления твои? Чего ты такого натворил, что тебя ищут такие достопочтенные лица?.. Ты навел беду на наш монастырь... Ступай, отвечай за грехи свои...

Блаженный же Григорий не отвечал игумену на это ни единым словом, но, силой ведомый им, шел молча.

Когда его привели к епископам и поставили перед ними, они тотчас его узнали: это тот самый, которого они видели на Вселенском Соборе и которого так хвалили все отцы и почитал император. Вставши, они поклонились ему и любезно его обняли. Григорий же упал им в ноги.

– Простите меня, отцы святые, – говорил он, – я грешный человек. Для чего ищите моей худости?..

Они подняли его с земли, поцеловали и сказали:

– Святейший отец, папа зовет тебя к себе.

Игумен же, не посвященный во все это, наблюдая со стороны, как Григорию, которого он принял за преступника, выражали свое почтение папские легаты, стоял нем и недвижим и только изумлялся.

А последние взяли с собой Григория и повели его с почетом к папе.

– Хорошо, что пришел к нам, чадо Григорий. Благословен Бог, явивший нам тебя, – этими словами встретил святой папа духоносного мужа, хотя по сану только диакона, когда последний вошел к нему и поклонился в ноги.

Потом, встав со своего места, Святейший поцеловал его святым лобзанием и сказал:

– Чадо Григорий, Господь наш Иисус Христос призывает тебя на епископство своей Церкви в Акраганте, чтобы через тебя спасались люди того края.

– Прости меня, Владыко, я недостойн такого сана.

– Не будь непослушным, чадо, но бойся Бога. Вспомни, что преслушанием многие прогневали Вышнего.

Обвинение в непослушании смиренному хуже смерти.

– Отче честнейший, – стал просить Григорий, – сделай мне, рабу твоему, малую ослабу, благослови подумать, и потом дам ответ на это твоей святыне...

Папа согласился и поручил его до времени авве Марку.

Легко себе представить, какая радость охватила Григория, когда он вновь увидел вожделенного старца, к которому его сердце прилепилось с первой же минуты знакомства в Карфагене, в церкви св. Иулиана. Только исключительное обстоятельство в Святой Земле заставило Григория расстаться с Марком, но надежды, что он вновь еще увидится с ним, он не думал оставлять. И теперь, после стольких лет разлуки, – новая встреча, и при каких обстоятельствах!

Григорий припал со слезами к его ногам и в благодарном плаче ко Господу говорил:

– Благодарю Бога, что сподобил меня в этой жизни увидеть тебя, любимого мной отца.

Авва Марк повел Григория к себе в комнату, и на радостях оба провели в духовной беседе без сна всю ночь. Теперь, когда Григорий преуспел в духовной жизни, а не был, как в первый раз, малоопытным юношей, конечно, было о чем им поговорить.

Рассказал Григорий и о своем деле, и о том, что он задумал бежать в Испанию. В особенности Григорий утвердился на последнем, когда авва Марк сообщил ему, что его отец, Харитон, тоже здесь. Но старец, как и папа, удержал его от этого безрассудного шага.

– Чадо, не прогневай Бога и вместо благословения Божия не наведи на себя проклятия.

И Григорий с этой минуты умолк и не противоречил больше своему избранию во епископа. Папа же после этого призвал опять акрагантских граждан и спросил:

– Ну что же, выбрали ли вы кого единогласно из своих кандидатов на вашу кафедру?

Все молчали. Наконец, архидиакон Евпл с господином Харитоном отозвались:

– Мы, Владыко, не имеем что сказать, положились на Бога и на твои святыя молитвы. Кого Бог откроет тебе, того и дай нам, а мы примем его с любовью.

Вглядываясь во время разговора в Харитона, папа из сходства лица его с Григорием догадался, что он отец Григориев.

– Пойдемте в церковь, – сказал Святейший, – и помолимся Богу, чтобы Он явил нам, кого Сам знает, достойного.

Папа хотел окончательно умиротворить совесть делегатов. Он поведал им о своем тайном видении, не скрыл, таким образом, от них прямой воли Божией, и хотя не рассказал, что он уже нашел (и каким образом) этого избранника Божия, но надеялся, что Промыслом Божиим это знакомство последнего с акрагантскими земляками и полное их согласие на его избрание состоится.

Богослужение происходило в церкви святых апостолов Петра и Павла. Были в сослужении с папой епископы и весь клир. Присутствовал и Григорий.

Во время богослужения в алтаре появился голубь, начал виться над святым престолом и вдруг сел на главу Григория, готовимого в епископы и утверждаемого Богом уже столькими дивными сверхъестественными обстоятельствами и откровениями.

Все пришли в священный трепет и изумление.

Папа же рек:

– Вот, Бог нам явил, кого Он избрал достойным епископского сана...

Итак, Григорий стал ангелом Акрагантской Церкви. Все граждане ее забыли свои раздоры, обрадовались и зажглись любовью к нему, как к избраннику Божию. Харитон же узнал в нем родимого сына. Он плакал радостными, умиленными слезами и воздавал Богу благодарение, что Он сподобил его увидеть Григория живым, да еще в таком сане...

VIII. Великий чудотворец

*Стефан же исполнит веры и силы творяще знамения и чудеса велия
в людех
(Деян. 6, 8).*

Спустя несколько дней после хиротонии акрагантйцы с новопоставленным епископом собрались обратно домой. Как полагается, перед отправлением пошли за благословением к папе. Но наконец все было с Римом покончено и путешественники предались трудностям тогдашнего пути.

Уже Рим исчезает и закутывается в дымку под горизонтом, вдали обрисовываются, синея, Апеннинские горы, и путники, пересекая гористую живописную местность, подходят к Неаполю. Чем ближе им было к дому, тем природа делалась щедрее и богаче. Особенно в Панорме (нынешнем Палермо). Вид его у подножия горы Пелегрино, посреди апельсиновых и лимонных рощ, был великолепен. Мягкость климата, красоты окружающих бухту гористых рельефов, синь беспредельного моря – все напоминало в этом месте христианину о когда-то бывшем и потерянном земном рае, который бессильно падшее человечество пытается теперь восстановить культурными средствами.

Когда наши путешественники приблизились к Панорму, то навстречу им вышел местный епископ со своим клиром и со всем народом. И принял их любезно к себе: слава о высокой жизни Григория успела уже разнестись повсюду и бежала по дороге впереди него. Епископ усердно просил святого мужа войти в местный храм и преподать благословение народу.

Когда Григорий входил в церковь, подбежал к нему прокаженный монах, уже в сильной стадии болезни. Он кричал:

– Помилуй меня, Христов раб, и помолись о мне Богу, чтобы Он облегчил мне эту тяжкую мою болезнь – проказу...

Святой Григорий сказал ему:

– Во имя Господне буди здрав от своего недуга. И тотчас инок исцелился от проказы, тело у него сделалось чистым, все равно как у малого ребенка. Все прославили Бога, говоря:

– Благословен Бог, творящий чудеса через Своего угодника!

Теперь Григорию предстояло сделать последний переход, именно пересечь всю Сицилию с севера на юг – и он будет дома. Он увидит родные места, где впервые его душа положила начало спасению, где он получил первые божественные откровения и где ему положено Промыслом Божиим скончать свою жизнь, служа не себе, а ближним, прославить имя Божие великими делами и знамениями и завершить все славой собственных добродетелей чистоты, терпения и кротости...

Начинались родные виды. Природная роскошь Панорма осталась позади, и местность стала каменистой и непривлекательной, а воздух суше и без тонких ароматов цветущих садов северного побережья.

Когда приближались к Акраганту, встретил Григория игумен монастыря Пресвятой Богородицы, находившегося перед городом, со всей братией. После обычной встречи и молитв все тронулись в монастырский храм. На пути бросился к ногам Григория какой-то монах – он был глухонемой. Игумен начал отстранять этого монаха от ног епископа, но Григорий запретил ему:

– Оставь его, брат, пусть он скажет, чего ему нужно.

– Уродец он, владыко, – отвечал настоятель, – не говорит и ничего не слышит...

Святой же, вздохнув и воздев руки к небу, помолился, потом поднял инок с земли и сказал:

– Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, повелевшего глухому и немому бесу выйти из Своего создания, говори, брат, и слыши, и славь Бога, Сотворившего тебя.

И черноризец тотчас же заговорил и начал громогласно восклицать:

– Велия дела Твоя, Господи, которые сотворил ради праведного этого человека!..

– Сколько лет прошло, как ты не говорил? – спросил его блаженный Григорий.

– Не помню, владыко, когда говорил или слышал.

– Двадцать лет, владыко, с тех пор как мы его постригли, – отвечал за него игумен, – и когда он постригался, было ему тогда восемь лет. С тех пор и до самого нынешнего дня был нем и глух и сегодня исцелился твоими молитвами.

Объял же всех священный ужас по случаю происшедшего, и благодарили все Бога, что он даровал им такого епископа – чудотворца.

Теперь путь был, собственно, кончен. Григорий стоял у врат своей церкви. Много было всего пережито – и трудного, и радостного, – еще больше осталось. Григорий решил остаться на ночь в монастыре, чтобы вступить в стольный город утром, при свете ясного дня, с новыми силами и большей энергией.

* * *

Между тем молва о прибытии вновь поставленного епископа успела облететь весь город. Утром, когда слышали, что Григорий приближается к городу, все высыпали на улицу, волновались и спрашивали друг друга: «Кто епископом: Савин? Крискент? или Евпл?» И когда узнали, что ни тот, ни другой, ни третий, но некоторый странствующий муж по имени Григорий, удивились.

А когда услышали, что он чудотворец и исцелил глухонемого монаха, то пришли в полное изумление и страх.

Наконец произошла встреча всего народа со своим новым архипастырем. Громадная толпа народа окружила Григория. Все бросились принимать благословение святого мужа. Он же на каждого возлагал свои руки⁶².

Вышла встречать Григория и Феодотия, мать его, со старицами, не зная, конечно, что он ее сын. Увидав же его, узнала и воскликнула:

– Да это поистине сын мой, который *пропадал и нашелся* (Лк. 15, 32).

Григорий же, увидя свою мать, в ответ обратился к ней с приветствием:

– Здравствуй, матушка моя, госпожа Феодотия!

– Благословен Бог, избравший тебя пасти людей своих и сподобивший меня увидеть тебя, дорогого моего сына.

Радость духовная мудрой старицы была непередаваема.

И так подвигались постепенно к церкви. Воодушевленно раздавалось общенародное пение. Наконец Григорий, окруженный тесной толпой, вошел в храм, в котором перед престолом Всевышнего отныне должен был приносить бескровную жертву за грехи людские. Началась Божественная литургия. Некоторые из достойных видели, как во время службы сошла на него в виде голубя и осенила его благодать Святого Духа, как это раньше произошло при его хиротонии. Слух о чудотворениях и надежда на исцеление собрали к церкви множество больных и недужных, и Григорий, возлагая на них свои святые руки, подавал им здравие. Все дивились и говорили:

– Поистине, этот подобен святому Григорию Неокесарийскому, чудотворцу...

И радость была великая во всем городе...

⁶² Древняя форма благословения в виде возложения рук. (Прим, авт.)

Началась для Григория теперь новая жизнь. Не тесный затвор и безмолвная келья были его поприщем, а городские улицы и площади. То, что он собирал так долго и усердно в пустынях и обителях, теперь он раздавал щедрой рукой всем желающим. Наставления и исцеления лились изобильно на жаждущие души и тела. Особенно Григорий заботился об убогих, совершал исцеления больных, изгоняя нечистых духов. Отец и мать по силе и возможности подражали сыну. Харитон не отступал от Церкви, служа Богу постом и молитвой день и ночь, Феодотия, отвергнув всякое попечение о мире, внимала своему спасению, служа больным и находящимся в нищете и своими руками кормя и одевая их.

Итак, св. Григорий, вместе со своими родителями, украшал Христову Церковь, служа всем превосходным образцом добродетельной жизни и наставляя на таковую же свою паству и многочисленных духовных детей, чтобы на Страшном Суде можно было сказать с дерзновением Христу, указывая на них: *вот Я и дети, которых дал Мне Бог* (Евр. 2, 13).

Этим можно бы закончить повествование первой части. Но для законченности и большей поучительности событий, имеющих в будущем развернуться во второй части жития, необходимо здесь же рассказать об одном случае, происшедшем вскоре по прибытии Григория в родной город.

Спустя несколько дней по вступлении своем на кафедру, когда новый епископ познакомился дома с епархиальными делами, он вышел обозреть город и посетить нищих и больных.

У кого были больные в доме, те их выносили на улицу, на дорогу, по которой хотел идти добрый врач, святой Григорий, и он, возлагая на них руки, исцелял от всяких страданий.

У одного дома на пути Григория стояла женщина, и рядом лежала ее дочь-отроковица, совершенно расслабленная, не могшая двинуть ни рукой, ни ногой. При приближении святого врача женщина с плачем упала ему в ноги.

– Помилуй меня, раб Божий, умиلسердись над моей расслабленной дочерью, – вопияла она.

– Кто у тебя муж-то? – спросил Григорий.

В это время со двора вышел пресвитер Савин – один из тех кандидатов, которых граждане наметили было на свою кафедру, – взял благословение у св. Григория и сказал (он слышал вопрос последнего):

– Моя она жена, эта раба твоя, господин мой.

– Давно ли так хворает ваша дочь?

– Девять лет уже вот, владыко, как в расслаблении, – отвечали Григорию родители.

Тогда святой, наперед помолившись, осенил отроковицу крестным знамением и сказал:

– Во имя Иисуса Христа поднимись, девица, и встань на свои ноги.

И тотчас больная приподнялась и встала с постели совершенно здоровой, воздавая благодарность своему исцелителю. А народ, ходивший вслед ему и присутствовавший при сем, приходил в удивление от всех этих преславных чудес, творимых руками Григория.

Часть вторая

I. Гром среди ясного неба

Человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них (Еккл. 9, 12).

Древнехристианская ночная служба подходила к концу. Хотя кафедральная Акрагантская церковь была церковью городская, не монастырская, но служба начиналась с полночи: тогда еще миряне сохраняли завет апостольских времен молиться ночью (Деян. 16, 25; 20, 7).

Святой Григорий Акрагантский стоял за службой до самого отпуста. Но вот утренья кончилась, и все вышли провожать домой любимого епископа.

На востоке чуть брезжил рассвет. Пока шли, заалела заря. Кругом было тихо и безмятежно. Сердца окружающих были радостны, все как пчелки около матки вились вокруг епископа. Толпа верующих каждый раз провожала Григория от службы домой – это вошло в обычай, и каждый раз это не было ей скучно, а, напротив, радостно. Это не обязанность была, а дар признательности любящих сердец. Для них было странно бы, дико даже, если бы Григорий пошел к себе один, одинокий, а все оставили бы его и разбежались по домам, думая только о своих делах.

Вообще в Акраганте с вступлением Григория на кафедру духовная жизнь пасомых очевидно преобразилась. Ведь прошло уже несколько лет, с тех пор как произошли последние события, рассказанные в предыдущей части, и за это время такой человек, как святой Григорий, понятно, должен был многое сделать и видоизменить к благу в сердцах людей. Пороки в массе должны были уменьшиться, страсти утихнуть, добродетели возрасти. Соответственно этому и внешний мир должен был царствовать в городе. И теперь, идя из церкви домой в сопровождении доверчивого любящего народа, Григорий сам должен был испытывать мир и благодарность Богу за все дарованное.

Дойдя до дверей своего дома, Григорий остановился и, обратившись к провожающим, стал преподавать последние наставления и прощаться, благословляя каждого.

В числе провожавших Григория (на этот раз) были также пресвитеры Савин и Крискент – провалившиеся кандидаты на кафедру Акрагантскую – и некоторые из их друзей. Пока святой стоял и благословлял народ, первые вошли к нему в дом, прошли в спальню... Вдруг послышались их крики. Все вздрогнули, повернулись к дверям. Из дверей дома Савин и Крискент выводили молодую женщину, красивую, но с наглым лицом, бесстыдным видом – одним словом, некую продажную тварь по имени Евдокия.

– Смотрите, люди, – кричали соборяне, – что делает наш архиерей, так ли нужно ему поступать? Мы говорили, что он святой, а он вот блудник оказался...

Воцарилась на время жуткая тишина. Присутствовавшие стояли, как камни, безгласные, не зная, что сказать. Удивился и Григорий неожиданной этой напасти и, минуту тому назад говоривший, теперь молчал.

Стали, наконец, спрашивать женщину:

– Был ли с тобой епископ?

Та без всякого стыда и зазрения совести перед всеми заявила:

– Да, был со мной в эту ночь.

– А в какой час ночи был с тобой? – спросили ее архидиакон и прочие домашние Григория.

– После повечерия со мной был. – Можно было подумать, что она как по заученному отвечала, хотя и невпопад. Но домашние епископа запротестовали.

– Жив Господь, – божились они, – врет эта лживая баба.

Савин и Крискент со своими друзьями увидели, что она начинает путать дело, и, со своей стороны, закричали:

– Вы свои ему, вам верить нельзя, говорите с целью покрыть нечистые дела господина вашего!

Один молодой диакон по имени Филадельф, весь в порыве любви к своему епископу и веры в его чистоту, закричал в ответ:

– *Да будут немы уста льстивыя, с гордостью и презрением наговаривающия на праведника беззаконие* (Пс. 30, 19).

Крискент, этот, с позволения сказать, кафедральный иерей, подбежал и стал бить его по лицу.

Скандал разрастался. Многие соблазнились и поверили всему, как истине, видя, как женщину вывели из спальни епископа и как она в лицо всем говорила, что он был с ней. Но другие не поверили. Однако перевес оказался на стороне первых. Негодование и возмущение достигли высшей степени. Григория схватили, вывели со двора его и повели в тюрьму, в ту самую тюрьму, в которой некогда страдал за Христа его одноименник священномученик Григорий, епископ Ливийский.

Придя к тюрьме, эти недавно любящие люди, а теперь взбешенные, по действию диавола, звери провели Григория в мрачную камеру, забили, по грубому обычаю того времени, ему ноги в колодки и, заперев двери, поставили еще к ним охрану. Очевидно, затем, чтобы кто не выпустил Григория.

Итак, дело сделано. Но нечего удивляться. Народ, ходивший за Христом и по три дня находившийся при Нем не евши, не пивши (ср. Мф. 15, 32), восклицавший «Осанна, благовен грядый во имя Господне!» (ср. Ин. 12,13), немного спустя, через неделю, кричал: возьми, возьми, распни Его!.. (Ин. 19, 15). Сам Господь сказал: *Раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас...* Но и прибавил в утешение: *если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваши* (Ин. 15, 20).

Впрочем, всегда остается за нас в искушениях кучка верных, которая не соблазняется ничем.

II. Адская кузница...

Они сблизились и сошлись; каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: «крепись!» Кузнец ободряет плавильщика, разглаживающий листы молотом – кующего на наковальне, говоря о спайке: «хороша»... А ты... раб Мой... которого я избрал... Не бойся, ибо Я – с тобою; не смущайся, ибо Я – Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе... Вот, в стыде и посрамлении останутся все, раздраженные против тебя; будут как ничто и погибнут препирающиеся с тобою (Ис. 41, 5-12).

Предсказание, данное некогда Григорию великим пустынным старцем, что ему придется пережить великое искушение со стороны людей, начало, таким образом, сбываться.

До сих пор Григорий был храним Промыслом Божиим от нападок диавола и в относительной тишине (в относительной потому, конечно, что без искушений вообще невозможно

пребыть человеку и преуспеть в добродетели) (ср. Иак. 1, 3–4) постоянно восходил от духовной силы в силу (Пс. 83, 8).

Но такой порядок вещей не мог продолжаться все время. Блаженному мужу необходимо было пройти и через огненное горнило страданий (ср. Ис. 48, 10). Святость жизни не освобождает от них, а, наоборот, обязывает к ним. Пусть человек неповинен будет в этом мире, то есть победит в себе, насколько возможно, страсти и грехи, он страдать все же должен, и чем неповиннее будет, тем больше. Это противоречиво и, может быть, блазнительно, но это так.

Действительно, все принуждает человека к безропотному перенесению скорбей. Обязывает, прежде всего, пример сладчайшего Господа Иисуса Христа, *Который не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его* (1 Пет. 2, 22; ср. 2 Кор. 5, 21), даже больше – *будучи образом Божиим* (Флп. 2, 6), и однако *пострадал за нас* (1 Пет. 2, 21) *даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 8). А мы должны следовать стопам Его, ибо для этого Он страдал-то. Затем обязывает долг нашей собственной природы, которая, будучи страстной, не иначе может освободиться от похотей и страстей, как через страдания. Правда, мы спасаемся даром (ср. Рим. 3, 24; Еф. 2, 8), благодатию и верой во Христа, который страданиями искупил нас от рабства греху и смерти, и, следовательно, наши собственные страдания сами по себе – ничто и не могут быть приносимы нами в уплату за получаемую благодать и спасение, но они помогают нам самим. Мы после грехопадения праотца нашего Адама растлены грехом (ср. Рим. 5, 12) и влечемся вслед плотских похотей (ср. Рим. 7, 15–16), и победить эти похоти мы можем не иначе, как если на каждую из них ответим противоположным горьким лекарством. Например, если нам хочется вкусного и мы откажемся от него и съедим что-нибудь попроще, а излишек (в стоимости) отдадим нищим; если помысл начнет понуждать принарядиться и мы наденем если не старое платье, то новое старомодное, и если не старомодное, то приличное, но немодное, и т. д. Конечно, Богу все равно, одет ли человек в богатую одежду или в тряпье. Ему нужна чистая и любящая Его душа, да дело-то в том, что чистую душу стяжать нельзя, постоянно проводя время перед зеркалом и наряжаясь. И приходится, говорят истинные христиане, подвижники, на опыте все испытавшие, подвергать себя вольно (если невольного нет) страданию. Наконец, есть еще причина, показывающая, почему необходимы страдания и для святых. Они страдают ради славы Божией и для своих будущих превосходнейших венцов.

Для этого теперь попущено диаволу искушать Григория.

Сатана преследовал при этом две цели – погубить души акрагантийцев и причинить зло самому Григорию. Этого он достигал заодно одним ударом, именно изгнанием последнего с кафедры. С овцами без пастыря можно будет делать что угодно, а так как изгоняющим святого с кафедры нужно будет выставить в качестве предлога к осуждению только важное преступление, то обвинение в нем Григория не может обойтись для него без скорбей и страданий.

Для осуществления своих целей диавол сыскал подходящих людей. Савин и Крискент давно уже питали зависть и злобу к Григорию, с того самого момента, как были обойдены при избрании своем на местную кафедру. Лучших орудий для проведения своей мести святому человеку за подвижничество и дарования Божии диаволу нечего было искать. Нужно было только подсказать, и эти – пресвитеры по имени – сами доделают все, что нужно к причинению зла Григорию.

Обстоятельства тому благоприятствовали. За три месяца до происшедших роковых событий приехал (тоже, может быть, не без наущения бесовского) в Акрагант Елевсий. Я выше не сказал, что этот смутьян был некогда пресвитером, но потерял священство по постановлению поместного Собора в Лаодикии⁶³. Зная, что в Акраганте – Григорий, его противник и посрамитель на Пятом Вселенском Соборе, он явился тайно и остановился в городе у некоего

⁶³ Это не один из девяти поместных Соборов, перечисляемых во втором правиле Трулльского Собора (VI Вселенского) и обычно понимаемых, когда говорится, что Православная Церковь признает «девять поместных Соборов». (Прим. авт.)

Феодора, человека, который был, во всяком случае, нерасположен к блаженному Григорию. Так что последний ничего не знал о пребывании еретика в городе. Поп-расстрига, вникнув в местную церковную жизнь и почуяв неприязнь к своему архиерею со стороны Савина и Крискента, решил свести счеты с Григорием.

Адская кузница заработала. Подушаемые Елевсием, неблагодарный Савин, у которого святой муж исцелил дочь, и Крискент, дотеле враги, так как оба хотели занять одну и ту же кафедру, теперь объединились. Делить им стало нечего, а предмет зависти и злобы был один и тот же – Григорий.

– До каких пор, – говорили они, – мы будем повиноваться этому человеку? Он ведь колдун и, своим колдовством делая чудеса, удивляет лишь простецов... Разве мы не знаем, что, бежавши отсюда, он жил у какого-то волхва и от него научился волшебной хитрости? Теперь, вернувшись, оболъщает народ, называя себя человеком Божиим⁶⁴, а на самом деле бесу подобен: не ест, не пьет, все равно как бес...

Разговоры перешли в дело. Савин и Крискент стали подбивать партию недовольных Григорием людей из духовенства (клириков) и мирян. Они находились, как мы видели, в провожавшей Григория толпе, и они-то устроили скандал. В сильной ненависти к святому мужу заговорщики поклялись до тех пор не успокоиться, пока не выгонят Григория из города. О том, чтобы сесть кому-нибудь из них на его место, конечно, не могло быть и речи, и потому они сошлись на том, чтобы на кафедру возвести Елевсия.

Теперь надо было найти наиболее верный и удачный способ низложения своего архиерея и выработать план действий. На общем совещании решено было прибегнуть к излюбленному диавольскому средству опорочения монахов – обвинению в нечистой жизни⁶⁵. Что за беда, что фактов за Григорием не находилось, – клевета и подлог всему помогут!

И вот наняли уже известную нам Евдокию, чтобы она сказала перед всем народом в лицо Григорию, что он с ней был. Та сперва отказывалась.

– Не поверят мне граждане, – говорила она. – Все ведь считают его за Ангела Божия... – Нет, боюсь говорить на него, – продолжала Евдокия отказываться, – не то народ побьет меня камнями.

Заговорщики настаивали и обещали охранить ее от всякого вреда. Наконец куча золота перемогла и блудница сдалась на убеждения своих «духовных отцов».

Теперь искали только удобного времени, когда бы навести на блаженного Григория, своего архипастыря и ангела Акрагантской Церкви, напасть и бесчестие. Мы видели выше, как это им удалось.

III. Начало тернистого пути

*И был он там в темнице. И Господь был с Иосифом, и простер к нему милость
(Быт. 39, 20–21).*

Вот жизнь человеческая!.. Вчера человек был в славе, окруженный величием и преклонением народа, а сегодня находится в бесчестии, всеми проклинаемый и всюду гонимый! Вчера слышишь, как кто-либо говорит: *не поколеблюсь во век* (Пс. 29, 7), а нынче его ведут и сажают

⁶⁴ Вот гнуснейшая клевета! Смирнейший человек и вдруг будто бы сам себя называл святым! Но народ действительно так на него смотрел. И еще интересная подробность и передергивание фактов: величайший подвиг постоянного воздержания и поста Григориева ради Бога («не ест, не пьет») подвергают хуле и поносят как выражение чистого сатанинства! (Прим. авт.)

⁶⁵ Этим способом изгонялись с кафедры и предавались суду в древности святые Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, у нас – Иоанн Новгородский (который на бесе в Иерусалим ездил), Василий Рязанский; ср. также жития св. Григория Неокесарийского Чудотворца, Ефрема Сирина, Макария Египетского и многих других. (Прим. авт.)

в оковы; вчера был в великом богатстве – сегодня стал нищим; лег спать беззаботно дома – а проснулся в великой скорби на пепелище или в тюрьме, чтобы никогда не увидеть ни вольного света, ни близких милых лиц! И никто не застрахован ни от чего. Во всяком звании и состоянии подкарауливают скорби лютые человека. И если бы каждый обладал хотя частичкой всеведения Божия и наперед знал, сколько ему через несколько лет или часов придется переиспытать горя и муки, не каждый бы выдержал. А вернее сказать, без благодати Божией никто бы не выдержал. Потому как прекрасно, что Господь даровал дар прозорливости одним бесстрастным и освободившимся ради любви Христовой, хотя и посредством великих подвигов, от страхов многоятежной плоти! Кругом нас повсюду неожиданности. Вся жизнь наша состоит из этих неожиданностей. И победить эти неожиданности человеку можно только в том случае, если постоянно ожидать еще больших и ничему не удивляться.

Мрачная, сырая тюрьма со спертым земляным воздухом встретила Григория после благодатной обстановки храма. И если каземат тюрьмы всегда страшен и намеренно лишен всего сносного, чтобы ничего не было похоже на жилье человеческое, то что он представлял в те времена? Нельзя было ни переместиться с места на место, ни переступить ногами; ведь они были забиты в колодках!.. Спали, следовательно, там, где отправляли необходимые нужды, посреди кала, вони, грязи, жижи...

Понятны после этого слова одного несчастного нищего из того же времени (их случайно подслушал и записал один древний боголюбец). Нищий так взывал к Богу в скорби, но находясь на свободе: «Благодарю тебя, Господи! Сколько теперь находится в темнице богатых, отягченных железам, а у других и ноги забиты в дерево, так что они не могут и помолиться. А я, как царь (!), могу протянуть ноги мои и идти, куда мне угодно (!)».

По-видимому, Григорий находился в лучших гигиенических условиях, так как темница до него, кажется, была пуста и сам он был великий постник – по неделям не ел, не пил. Но во всем остальном суровость ее оставалась.

Как бы то ни было, блаженный не малодушествовал. Обученный всем тайнам подвижничества, на опыте закаливший волю в подвигах благочестия и в постоянной, хотя невидимой, но страшной борьбе с бесами, Григорий не был поэтому застигнут случившимся несчастьем врасплох. В славянском житии св. Димитрия Ростовского умирительно передается, что, хотя такая великая случилась с ним скорбь, «святый же благодаряше Бога, сподобившаго его страдати не повинно...». Вот пример для всякого христианина. Не только нет ропота у человека в искушении, но даже благодарность к Богу на устах! И это тогда, когда страдания пришли на не повинного ни в чем человека. Как же должно вести себя каждому, когда он несет их заслуженно, вызвавши своим собственным грешным поведением, загнивая нередко не только душой, но и телом? Великая милость Божия чувствуется в очистительных страданиях, насылаемых на грешных людей.

На молитву благодарения и славословия своего истинного раба Господь ответил сугубым даром благодати. В полночь, во время усиленной и прилежной молитвы Григория, великий свет облистал темницу. Явился Ангел Господень, освободил ноги узника от колодок и, утешив его небесными словами в терпении, стал невидим.

А двери темницы при этом сами собой раскрылись настежь.

* * *

Так было со святым Григорием. Но совсем другая картина происходила в среде простых верующих, которые не были такими адамантами, как он.

С утра, как только его опорочили и отвели в тюрьму, молва об этом распространилась по всему городу, выбежала из него и побежала по дорогам в иные города и окружающие села, распространяясь постепенно по всему острову, как круги от брошенного в воду камня.

Григория, как было сказано, любили, только ведь небольшая кучка злостных людей была против него. К тюрьме потянулось множество соболезнующего ему народа, не поверившего клевете; народа, как всегда, богатого любовью и состраданием, но совершенно бессильного и немощного, чтобы оказать какую-нибудь существенную помощь. Все только охали и плакали, сидя у дверей тюрьмы. Не то, конечно, как увидим ниже, было в стане врагов, которые всегда бывают энергичны, организованны и сильны юридически, связаны с мирской властью, поддерживающей их, хотя и лишены помощи Божией и в конечном счете приходят в ничтожество и гибнут.

Целый день просидел народ у тюрьмы, где томился Григорий, и остался на ночь. Вдруг в полночь совершилось чудо: запертые двери сами собой растворились и представили свободный доступ в темницу желающим. Все бросились внутрь к любимому пастырю. Попадали ему в ноги, прося благословения и святых молитв. Те, у которых еще оставался какой-либо помысл сомнения, исповедовались ему и говорили:

– Теперь мы знаем, что Бог с тобой и ложна клевета, на тебя возносимая.

Народ хотел тотчас пойти и расправиться с Савином и Крискентом. Но святой удержал их и запретил поднимать из-за него брань и проливать кровь. Пусть они подождут имеющего над ними быть законного церковного суда.

IV. Золотой ключ подходит ко всякой двери

*Бегают ли кони по скале? можно ли распахивать ее волами? Вы между тем суд превращаете в яд и плод правды в горечь
(Ам. 6,12).*

Враги Григория между тем не дремали. Вскоре же после заключения его в темницу они послали донос-прошение к его непосредственному начальнику, экзарху Папину (который был недалеко), о происшедшем у них, прося прибыть в Акрагант для суда над Григорием.

Экзарх явился. После соблюдения необходимых формальностей и назначения суда Папин в качестве председателя при громадном стечении народа открыл заседание и приказал ввести подсудимого. Тут же находились и противники с блудницей.

Экзарх обратился к ней с вопросом:

– Правда ли то, что говорят, будто был с тобой епископ?

– Да, Владыка, правда, что был со мной.

Но как только она произнесла эти слова, тотчас напал на нее бес, поверг на пол и начал ее бить. Евдокия, катаясь по земле и мучимая бесом, ужасно закричала. Страх охватил присутствующих, кругом заговорили:

– Неповинен Григорий злему делу, и вот отмщение Божие постигло солгавшую на него.

Но сожженные в своей совести и потерявшие страх Божий противники святителя не стыдились отвечать.

– Не говорили ли мы, что он колдун и чародей? Колдовством и заставил женщину бесноваться.

Жена Савина с дочерью, которую Григорий исцелил от расслабления, услышав про такие слова своего мужа, прибежала поспешно в суд и с яростью набросилась на него:

– Окаянный, всезлойбный, – кричала она, – забыл ты благодеяния святого этого мужа, исцелившего нашу дочь?! Наносить клевету на неповинного?! Уходи из моего дома, больше не хочу жить с тобой!..

Бедная женщина была поражена окончательно. Припадши к ногам святого, надрываясь от плача, она умоляла:

– Помилуй нас, раб Божий, не поминай злодеяния, которое совершили в отношении тебя эти нечестивые завистники.

Волнение в народе разрасталось. Суд грозил быть сорванным. Одни кричали «неповинен», другие, верившие клевете, наоборот: «Колдовством навел беса на любодеевскую с ним...» Подкупленный экзарх помогал Савину и Крискенту, но ничего не мог поделать. Симпатии присутствовавшего народа были явно на стороне Григория, вместе и численный перевес. Гул голосов народных, не хотевших и слышать о клевете на Григория, все более принимавший грозный и гневный оттенок, делал положение самого экзарха опасным. Наконец, видя окончательно возмущившийся народ, он закрыл заседание и вышел, не отдав, кажется, и приказа отвести Григория под конвоем обратно в тюрьму. Предлогом своего поспешного бегства Папин выставил недостаточную полноту следственного материала. «Необходимо тщательнее расследовать дело», – были его последние слова при выходе.

А блаженный невинный страдалец сам пошел в темницу и, сидя в ней, как будто и впрямь был осужден, ожидал, какой конец последует всему начавшемуся этому делу.

* * *

Но взятка, данная экзарху Папину, обязывала его и потому делала свое дело. Последний, видя, что ничего не может сам сделать Григорию, умыслил послать его в Рим, к папе, конечно, в сопровождении соответствующего письма. Подпись его, как начальника округа, должна придавать достоверность писанию и не дать возможности Григорию оправдаться. В сопроводительном документе он излагал папе вину последнего, причем со своей стороны клеветники также не забыли присоединить бумагу, в которой изобразили дело так, как только им хотелось. Экзарх велел приготовить судно и по обычаю тюремщиков всех времен ждал глухой ночи, чтобы тайно увезти Григория.

С наступлением полной ночи, когда город уже весь утомился, экзарх вместе с Савином и Крискентом взяли Григория из тюрьмы и повели на корабль.

Накануне, с вечера, прямо после суда, домашние блаженного прошли вместе с ним в тюрьму. Любящие сердца не могли оставить своего пастыря страдать одного, и так как никто не воспрепятствовал этому, они остались у него на ночь.

Может быть, родные имели и другую цель – последить за Григорием, так как при той ненависти, которую питали к нему враги, всего можно было ожидать. Поэтому ночной вывод из тюрьмы Григория и пересылку его в другую тюрьму нельзя было врагам сохранить втайне. Теперь они шли за ним, плача и рыдая. Григорию позволили последние часы провести в беседах с ними беспрепятственно. Святый воспользовался этим для их утешения и увещания, чтобы они не плакали и не терзались, пророчески утверждая, что они опять увидят его живым и здоровым на кафедре.

Подшли к берегу. Когда-то также ночью, под утро, стоял около него корабль, на котором Григорий уехал в такое лелеемое и желаемое путешествие. Теперь тоже стоял корабль, да не тот. И путешествие предстояло другого рода. Наступили последние минуты прощания. На судне отдавались приказания к отплытию. Григория перевели на судно. Ненавистники святителя передали его здесь под надзор и ответственность некоему корабельщику Прокопию, которому вручили и сопроводительные бумаги к папе. Архидиакон Евпл с прочими диаконами приступили было к экзарху попросить дозволения, если не благословения, сопровождать им в пути своего отца и учителя. Но тот и слышать не захотел. Только одному из них, диакону Платонику, позволил отправиться с Григорием.

Но вот якорь взят на корму, паруса подняты, и корабль тихо тронулся от пристани. Сквозь слезы старики родители Григория Харитон и Феодотия и все оставшиеся духовные чада Григориевы смотрели на увозимое от них сокровище, глядели и плакали до тех пор, пока судно

совсем не скрылось из виду. Долго еще сидели и горевали на берегу и наконец разошлись по домам своим...

* * *

Наутро, когда уже совсем начался день, громадная толпа подошла к тюрьме. Посреди нее были и уважаемые граждане города, старейшины. Народ надеялся найти в тюрьме Григория, но она была пуста.

Что можно было после этого ожидать от народа, который при этом обстоятельстве пришел в полное смятение? Поднялся плач, вой, раздались крики ненависти, проклятия, жалобы на несправедливый суд... Терпение народное и так долго уже испытывалось, теперь оно подходило к концу. Негодование против клеветников и злостных обвинителей любимого архипастыря искало выхода. И разряжение долго затаиваемого чувства грозило большими несчастьями для его виновников и возбудителей.

Толпа направилась к дому, где остановился экзарх, кажется архиерейскому. Черная грозовая туча, блещущая громами и молниями, остановилась. Вызвали Папина.

– Куда дели нашего отца и доброго пастыря? – раздались голоса.

– Убили его?!

Гул голосов, разгоряченные, гневные лица не предвещали ничего хорошего. Экзарх оробел и сразу смяк.

– Нет, братие, мы ему никакого не причинили вреда. Мы мирно послали его к папе, как он сам просил нас об этом.

Григорий действительно мог требовать над собой законного суда для восстановления своей беспорочности и доброго имени, но теперь в устах экзарха это заявление, а главное, ночная воровская насильственная отправка святого обратились в любовное некое благодеяние, оказанное ему, и в предупредительное исполнение его личного желания.

Народ почувствовал ложь слов, подделявавшихся под искренность, и решил проверить, в чем именно дело, через опрос доверенных людей Григория.

Призвали архидиакона Евпла и прочих диаконов.

– Вы знаете, где святой епископ наш, вы вчера с ним в темнице были, скажите нам правду, где он сейчас?

Те, не стараясь в присутствии экзарха замалчивать его козней, ответили, что последний действительно ночью отослал его в Рим, к папе.

Дело было ясно: поехал Григорий на суд, да только по злым проискам экзарха и его приспешников, а не по действию святых соборных канонов. Гнев народа разгорелся. Экзарх, видя, что начинается мятеж, испугался насмерть и бежал из города. Толпа, упустивши из рук одну жертву, бросилась преследовать другие. Схвативши огонь, подожгли дома всезлыхбных пресвитеров Савина и Крискента. Начали искать их самих, чтобы убить. Те побежали в церковь, толпа за ними. Дело, конечно, кончилось бы самосудом, несмотря на право убежища ее, если бы не присутствие духа и благочестивая духовная настроенность Харитона, отца святителя Григория. Последний, вставши в дверях церковных, начал умолять разгневанный народ, чтобы он не совершал кровопролития из-за его сына.

– Если, – убеждал он, – истинно будет все говоримое ими на вашего епископа, а моего сына, и вы их убьете, то и вы окажетесь повинными суду...

Вдохновенный и настоятельный голос уважаемого старца подействовал на толпу, и все стали расходиться.

V. Без суда и следствия

*Второе горе прошло; вот, идет... третье горе
(Откр. 11, 14).*

Оставим на время шумный Акрагант и последуем за Григорием, приближающимся к Риму.

Вот и опять знакомые места. Уже замелькали предместья стольного города пап. Путники давно оставили корабль и подходили к папскому дворцу. Корабельщик, первым отправившийся к папе, передал последнему грамоты от экзарха и клеветников. Папа прочел и пришел в страшный гнев и ярость на Григория. И, не допустивши его до личного свидания, не давши ему возможности ни рассказать о своей вине, ни даже отдать простой долг сыновнего почтения и благословиться, повелел заковать его руки и ноги в кандалы и бросить в тюрьму. Также и диакона его, Платоника, в особой камере приказал запереть.

Таким образом, там, где блаженный Григорий надеялся получить защиту и восстановление своей чести, он получил еще большее бесчестие и попал в положение уже безнадежное. Все было кончено. Папа после всего написанного не думал вовсе заниматься его делом. О чем тут можно еще рассуждать? Пишет доверенный наместник тех стран, а его послание подкрепляют подписи тех самых лиц, которые у него не так давно были здесь в качестве лучших людей города и кандидатов на самую епископскую кафедру.

Итак, Григорий попал снова в тюрьму, и попал надолго, без человеческой надежды выбраться из нее...

* * *

Но когда человеческие утешения иссякают и люди забывают гонимого, тогда подает утешения сердцу томящегося Сам Бог.

В одну из бессонных ночей, когда святой Григорий сидел в своем заключении и молился, внезапно облистал его небесный свет, тюремные двери сами собой отворились, и к нему вошли два пресвятых мужа в образе апостолов.

– Радуйся, Христу раб и нам возлюбленный Григорий! – приветствовали они его. – Господь послал нас освободить тебя от уз скорби твоей. Видя же, как ты ее мужественно и с терпением переносишь, радуемся. Хочет же Бог и в этом городе сотворить через тебя много чудес.

С этими словами святые апостолы Петр и Павел прикоснулись к его цепям, и тотчас кандалы спали с Григория. Он встал легко на ноги, совершенно свободный, и поклонился им в землю. Апостолы же, простившись с ним, стали невидимы.

Зашли они также и к диакону Платонику, которого, выведя из запертой камеры, привели к Григорию.

И стали жить Григорий и Платоник вместе, утешаясь взаимообоением и хваля и благословляя Бога.

Прошло еще сколько-то времени, и слова апостолов стали сбываться.

У тюремного сторожа был единственный сын, ему было 20 лет, и его мучил шесть уже лет лютейший бес. Он гонял его по дорогам и пустыням и не давал возможности ничем себя смирить. Отец связывал железными цепями бесноватого сына, запирали его в комнате, ничего не помогало: бесноватый разрывал цепи, разбивал двери и снова убегал.

Случилось около этого времени, то есть явления святых апостолов Григорию, отцу бесноватого юноши, ради нового сильнейшего припадка, схватить и приковать сына за руки, за ноги и за шею к столбу накрепко. Но силой бесовской расторглось не тело, а железо, обнимав-

шее тело, и бесноватый снова убежал. Это было в полночь. Пробегая мимо темничных дверей, он увидел их открытыми. Юноша вбежал, увидел Григория, пал к его святым стопам и так остался у его ног.

Милостивое сердце блаженного сжалось от сострадания. Он, воздев руки к небу, стал молиться. Потом сказал бесу:

– Господь наш Иисус Христос повелевает тебе, нечистый дух, выйти из Его создания!

И бес тотчас вышел из юноши. Между тем отец искал уже прилежно сына. Увидя, что место заключения, где находился Григорий, открыто, он страшно испугался, думая, что узник убежал. В смятенных чувствах он вошел внутрь и увидел чудную картину: святой Григорий и Платоник стояли и пели, а его до сих пор бесноватый и безумный сын стоял вместе с ними, совершенно здоровый, и молился...

– Истинно, ты человек Божий, – обратился тюремщик к чудотворцу, падая последнему в ноги, – прости мне, что я согрешил против тебя, накладывая на тебя свои руки.

И с этого часа тюремщик служил святому со страхом Божиим день и ночь, почитая его как Ангела Божия.

* * *

Почти в то же время произошло новое явление милости Божией, совершенное руками Григориевыми.

У одной женщины была скорченная дочь. Слух об исцелении бесноватого юноши уже успел распространиться. Женщина поспешила к Григорию в темницу с дочерью. Припадши к ногам его, она умоляла, чтобы он исцелил ее дочь.

Григорий отказывался.

– Не мое это дело, женщина, но единого Бога, могущего все сотворить словом.

Та настаивала, неотступно докучая ему и умоляя его.

Святой сотворил молитву и возложил на скорченную свою руку. И тотчас больная разогнулась. Радостная мать с дочерью возблагодарила Бога, поклонилась святому и ушла ликующая домой.

Не замедлили возникнуть вопросы соседей.

– Кто исцелил твою дочь?

– Епископ один пришлый из Сицилии. Говорят, что его осудили за какую-то вину и он сидит теперь в тюрьме. Он и исцелил дочь мою, а перед этим он же и сына тюремщика исцелил.

Слава о чудесах Григориевых стала распространяться по Риму все более и более. Удивлялись особенно чудотворной силе Григория, что он одним словом исцелил такого неизлечимо больного человека, как бесноватый сын смотрителя тюрьмы, и скорченную дочь той женщины. Не проникла только эта слава в папский дворец. И Григорий все сидел и сидел, и никто не думал его выпустать.

VI. Зло торжествует

*Теперь ваше время и власть тьмы
(Лк. 22, 53).*

В Акраганте за это время события шли своим чередом. Православные плакали и горевали, еретики с клеветниками веселились и радовались. Дела церковные все более и более запутывались и наконец пришли в полный беспорядок: зло восторжествовало. Произошло это таким образом. После отбытия Григория из Акраганта, естественно, правильное течение дел и управление епархиальное нарушились. Текущие дела стояли без разрешения, нужды пасо-

мых не могли быть выполнены. Православные послали в Сиракузы к епископу и к губернатору Сицилии особую делегацию, которой и поручили осведомить гражданскую и епархиальную власть о всем происшедшем у них.

Когда посланные пересказали все, что стряслось с их архипастырем Григорием, те удивились и очень сожалели о последнем, потому что хорошо знали о его добродетельной жизни. В ответ на просьбу акрагантийцев устроить их церковные дела они послали сановных лиц в Акрагант, которые временно поручили епархиальные дела архидиакону Евплу.

Но это, конечно, никак не могло быть по нраву противной партии. Евпл, приверженец Григория, проводник его заветов, был то же, что и последний для нее. Не за этим его свергали. Поэтому надо было убрать с дороги Евпла. Опять было созвано нечестивое собрание, и на нем обрekli новую жертву. Но Евпл, видя их неукротимую злобу, не стал дожидаться своей смерти – бежал из города и стал жить в бегах до возвращения Григориева.

Теперь Савину и Крискенту настало полное раздолье. Как решено было раньше, они возвели на Акрагантийскую кафедру попа-расстригу Елевсия. Городские власти, умоляемые Харитоном, отцом Григория, теперь не вмешивались, особенно после того, как услышали от него про слова последнего при прощании, что, волей Божией, он еще возвратится к ним здоровым и невредимым.

Дикие звери, по выражению св. Димитрия Ростовского, стали пасти Церковь Божию, как только хотели. Последний присоединяет и пример этого бесконтрольного и христоненавистного хозяйничанья в Церкви. Мощи святых, покоившиеся в алтаре, Елевсий приказал сжечь. Но огонь к ним не прикоснулся. Это не вразумило церковного разбойника в архиерейском облачении, и он велел их ночью тайно выкинуть в море.

«Мощей святых еретики не любят», – замечает при этом на полях достославный автор Минеи⁶⁶.

VII. Совет аввы Марка

*Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает
(Ин. 7, 51).*

Прошел год уж целый, как Григория без суда посадили в темницу. Но он не приблизился и к половине своих страданий. Однако по прошествии года о нем вспомнил папа. Это была уже новая милость Божия. Папа, вспомнивши о блаженном, послал за аввой Марком. С кем же лучше и ближе можно было посоветоваться об этом деле, как не с преподобным Марком, который так хорошо знал Григория, принимал столько участия в его новоначальной и дальнейшей жизни и был извещен о нем от Самого Бога?

Досточудный Марк пришел. Теперь ему предстояло сослужить последнюю службу в жизни Григория, оказать ту существенную помощь, на которую мы намекали в первой главе.

– Знаешь ли, брат, – встретил его папа, – что Григорий, епископ Акрагантийской Церкви, привезен сюда скованным и сидит в тюрьме за любодеяние?..

Отец Марк вздохнул и сказал:

– О, если бы имел я часть с ним в День Страшного Суда!..

У папы при этих словах лицо перекошилось.

– На, посмотри, – бросил он Марку письма клеветников, – присланное ко мне отношение о нем от экзарха, которого имею в той стране.

Марк, прочитав написанное, рассмеялся и громко воскликнул:

⁶⁶ То есть святитель Димитрий Ростовский.

– Клянусь Богом, что ложна клевета эта на неповинного и чистого мужа, который житием и чудотворениями равен древним великим отцам, как и сам ты, владыко, знаешь!..

Папа под действием рассудительных духовных речей аввы Марка начал постигать истинную сущность дела и свою ошибку. Но сразу еще не хотел сдаться.

– Да, знаю, что благодать Божия была в нем прежде согрешения, но когда согрешил, она отнялась от него.

Очевидно, до папы ничего не дошло о чудесах, совершенных Григорием за прошедший год в темнице. Конечно, в этом сказался Промысл Божий, и понятно почему, но нельзя каждому и не утрашиться и не подумать, что, может быть, недалеко от него чудотворец живет и творит чудеса велия, а он не видит. И горе ему, если из-за своих неверующих глаз!..

– *Познал Господь Своих*, – ответил преподобный на слова папы (ср. 2 Тим. 2, 19).

Последний окончательно смирился.

– Так как же нам поступить относительно него? Ты как советуешь?

– Послушай меня, владыко, и прими совет раба своего: собери Собор, созови епископов, не только своих западных, но и на Восток пошли, чтобы нам судить Григория не без ведома императора и патриарха. Пусть и благочестивый царь и патриарх Константинопольский пришлют от себя своих послов. Пошли же и в Сицилию, повели представить на суд клеветников и ту женщину, и тогда сделаем, что Бог укажет.

– Благ совет твой, отец, – закончил папа беседу.

И севши, написал послания к императору Юстиниану и к святейшему патриарху Константинопольскому, осведомляя их о деле и прося, чтобы они послали от себя на созываемый им в Риме Собор уважаемых мужей. Также написал и к своему экзарху, в Сицилию, и к властям, и гражданам акрагантским, повелевая тотчас послать к нему в Рим клеветников всех до единого, вместе с женщиной, про которую говорят, что она совершила с Григорием любодеяние.

VIII. Обязанные чудесам свидетели

*Он (расслабленный) тотчас встал... так что все изумлялись и прославляли Бога
(Мк. 2,12).*

Причина, почему авва Марк поминал имена греческого императора и патриарха, а папа направил к ним послания, заключалась в церковно-политических обстоятельствах того времени.

Еще св. Константин Великий, создавши в Риме церковь святых первоверховных апостолов Петра и Павла, даровал в обеспечение ее половину Акраганта. А так как население его было смешанное, состояло из римлян и греков, то с этих пор он был подчинен двойственной власти – одна часть находилась под властью папы, а другая принадлежала греческому императору. Поэтому папа не мог судить Григория сам со своими только западными архиереями, как равно не мог не поставить в известность и греческого патриарха, под юрисдикцией которого находилась вторая часть населения Акраганта.

Впоследствии император и папа отказались от своих прав и даровали их Григорию, так что все население с этих пор стало относиться лишь к своему собственному архиерею.

Но в настоящее время император и патриарх, получив от папы извещения о Соборе и о причине его, удивились клевете на столь известного им мужа, прославившегося у них в столице и святостью жизни, и даром богословия и красноречия, и вступили в свои права. Жаль, очень жаль стало им, что Григорий, ни в чем не повинный, – ибо они нисколько не поверили сообщаемому, – сидит в тюрьме.

Были выбраны сановные светские и духовные лица. Со стороны императора был назначен некто Маркиан, а со стороны патриарха три епископа – Анкирский, Кизический и Коринфский, а также хартофилакс⁶⁷ патриаршего престола Константин.

Но не так-то дело делается скоро в действительности, как на бумаге. Прошел еще с лишком год, прежде чем при тогдашних путях сообщения приглашения на Собор дошли, а посольства из Константинополя и из Сицилии в Рим прибыли.

И Григорий, конечно, все томился в темнице, ни о чем не зная, возлагая всю надежду свою лишь на Бога.

Оставалось до Рима стадий⁶⁸ 18, не более, как в цареградском посольском поезде случилась беда: Маркиан неожиданно заболел, и самым тяжким образом, так что все уже начали отчаиваться в его жизни. Епископы были из-за него в большой печали, но кое-как и с величайшими трудностями до места добрались. В Риме же Маркиан окончательно ослабел. На ноги были поставлены все люди, и употреблены для спасения больного все средства, но ни один врач не мог улучшить его положения. Маркиан больше трех недель уже в страшном жару, без памяти, метался в постели и не мог заснуть. Наконец, видимо, стал приближаться к смерти.

...Был вечер, один из прекрасных вечеров «вечного города». После раскаленного томительного дня люди искали прохлады и отдохновения. А в доме греческого посольства стоял стон и плач: Маркин умирал. Случилось в это время проходить мимо той женщине, у которой Григорий исцелил дочь. Слыша плач верных рабов, она спросила одного из них: о чем они плачут?

– Господин наш умирает, потому и плачем...

– А если хотите, – ответила женщина на это, – чтобы господин ваш был жив и здоров, то несите его за мной, и я покажу такого врача, который исцелит его одним словом. Он и мою дочь, и многих в этом городе исцелил, и не было ни одного больного, который бы ушел от него без исцеления.

Утопающий хватается за соломинку, а в те времена вера была крепкая. Среди же простых и благочестивых слуг духовного посольства нельзя было и ожидать сопротивления. Маркиана взяли вместе с постелью, на которой он лежал, и понесли за женщиной. Куда и зачем его несут, придворный, понятно, не ведал, потому что был без сознания.

Женщина привела их к тюрьме.

– Здесь сидит тот врач, который словом исцеляет недуги, – показала она и ушла по своим делам.

Слуги, не смущаясь, постучались, рассказали тюремщику, в чем дело, и, внесши своего господина в помещение тюрьмы, положили его перед святым Григорием. Все они с плачем стали умолять великого узника, чтобы он исцелил господина их.

Святой обратился с вопросом к Маркиану один раз, другой, но тот не мог отвечать ему. Сердобольный ученик Христов прослезился и положил чудотворную руку свою на больного. И тотчас тот заснул: целых двадцать пять дней он уже не спал.

В полночь подошли к нему его слуги посмотреть, что с ним, и, пощупавши голову его, не нашли уже жара. И прославили Бога.

Между тем начала заниматься заря. Святой Григорий пел утреню. Маркиан проснулся, пришел в себя, лучше же сказать, встал совершенно здоровым и начал оглядываться, удивляясь, где он находится?.. Увидя святого Григория, признал его (вспомнил по Константинопольскому Вселенскому Собору) и понял, где он, почему он пришел в себя и кто его исцелитель. Это был тот, которого выручать он приехал.

⁶⁷ Хартофилакс – греч. письмовод.

⁶⁸ Стадий, стадия – древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

* * *

Был уже давно день, солнце ярко сияло на небе, а Маркиан, как будто никогда не хворавший, сидел и мирно беседовал с Григорием, когда в помещение, где они сидели, появились новые гости. Это были прибывшие из Царьграда епископы. Днем они зашли к Маркиану на квартиру навестить его здоровье и справиться, жив ли, но, узнавши, что его отнесли к Григорию в тюрьму, пришли сюда.

Увидя неожиданно эту мирную и поразительную картину, епископы пришли в изумление.

– Благословен ты, отец Григорий, – обратились они к святому, – что сподобился быть достойным Божией благодати и дара исцелять человеческие недуги!

И, любезно поздоровавшись с ним, стали разговаривать.

– Сколько, владыко, сидишь уже здесь?

– Два года и четыре месяца, – отвечал незлопамятный святитель.

Те пришли в крайнее возмущение и недовольство на папу, что столько времени держит в тюрьме ни в чем не повинного человека, даже не узнавши о нем как следует. Хотели было его вывести, но Григорий воспротивился.

– Нет, я выйду из этого места только после решения суда и повеления папы.

Те отправились к папе и передали ему обо всем происшедшем.

Папа, услышав в первый раз рассказ о чудесах Григория и обо всем прочем, удивился. Как все это было непохоже на то, о чем ему писали!

И ужас великий объял его, прибавляет святой жизнеописатель Григория.

IX. Суд

*Суд Мой праведен
(Ин. 5,30).*

Собор по делу Григория собрался в церкви св. Ипполита, которая находилась близ его темницы. Епископов собралось, считая и папу, сто пятьдесят.

Присутствовало также бесчисленное множество монахов городских монастырей и граждан Рима. Так что в церковь всем вместиться было невозможно, и заседание было открыто на вольном воздухе.

Привели клеветников Григория. Их тоже было внушительное число: тридцать человек духовенства и восемьдесят мирян – вся партия в 110 человек с Савином и Крискентом.

Наконец, послали за самым подсудимым, которому самое дело предоставляло, скорее, достоинство судьи. Отправили к нему трех епископов, пять пресвитеров и досточудного авву Марка и привели его с честью. Восточные же епископы и хартофилакс патриарха, увидев, как святой Григорий стал на суде с великим смирением и с таким видом, как будто был преступником на самом деле, прослезились.

Папа открыл заседание и начал допрос клеветников.

– Какое обвинение вы возводите на своего епископа?

Те без стыда и совести отвечали:

– Владыка, мы застали его с женщиной, грех творящим.

– Своими ли глазами видели его грешащим, – спросил папа, – или та женщина сказала вам?

– Мы, владыка, по обычаю вошли поклониться и нашли женщину, спящую на постели его, и схватили ее. Она же перед экзархом и всем народом открыто заявила о бывшем беззаконии.

Епископы сказали:

– Пусть будет приведена женщина и пусть она обличит Григория перед всем Собором.

– Да как же она может обличить его, – запротестовали враги святого, – раз она бесноватая? Ведь с тех пор как она с ним согрешила, ее постигла казнь Божия и бес ее мучит.

Но за бесноватой все-таки послали и привели на Собор. Она совершенно не сознавала, где находилась, так как ум ею был утерян от недуга, и ее держали двое. Действительно, с этой стороны помощи выяснению дела ждать было нельзя. Папа снова обратился к клеветникам:

– На суде не ищут ответа от бесноватых и безумных, но вы, окаянные, скажите правду.

– Мы уже сказали, теперь спрашивайте еще самого того, кто грех сделал, пусть он порасскажет о себе.

На эту наглую реплику святой Григорий вздохнул из глубины души и сказал словами псалма:

– *Возстали на меня неправедные свидетели, спрашивали меня о том, чего я не знал. – Воздали мне злом за добро* (Пс. 34, 11–12).

У духоносных подвижников есть замечательная способность применять к месту тексты Священного Писания. А Господь со Своей стороны помогает им при этом Своей силой. Так и здесь, лишь только святой Григорий произнес эти слова, как женщина упала перед ним, мучимая бесом, источая пену и оцепеневая. На всех напал страх. Что готовится быть?..

Григорий же, тайно помолившись в себе, проговорил:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа и святых ради отец, здесь собравшихся, изыди, нечистый дух, из создания Божия, чтобы жена, придя в разум, возвестила о мне истину!

И тотчас демон, встряся ее напоследок страшным образом от великой злобы, что ему приходится уходить и не мучить уже более человека, вышел.

Женщина лежала посредине собрания как мертвая. Святой взял ее за руку и поднял. Видя ее совершенно здоровой, начали допрос.

– Как твое имя?

– Меня зовут Евдокией.

– Знаешь ли своего епископа? – задал вопрос хартофилакс.

– Да, знаю очень хорошо. Я много раз видала его, как он ходил по городу, посещал нищих, больных, сирот и раздавал большую милостыню. И я, окаянная, много раз сподобилась принять милостыню из рук его слуг.

– Совершил ли когда ваш епископ грех с тобой? – снова спросили ее.

Благодать Божия коснулась сердца грешницы. Совесть теперь заговорила в ней, и слезы брызнули из очей ее. Из самой глубины сердечной вздохнула она и с болезненным криком клятвенно воскликнула:

– Жив Господь сил! Не познал он меня ни разу... Но эти лукавые люди, стоящие перед вами, Савин и Крискент, принудили меня, чтобы я оклеветала праведного мужа, обещая мне много денег....

Горе кающейся было неподдельно и велико. Рыдания сдавливали ее грудь и прерывали показания.

– ...Бог да воздаст им и за грех души моей... Они ввели меня в какую беду... С того самого часа, как прельстили меня лукавые и я послушалась совета их... бес вошел в меня и мучил меня до самой сей минуты...

Евдокия с плачем и воплем бросилась к ногам Григория.

– Помилуй меня, раб Божий, и прости меня, окаянную... Тяжко я согрешила... Жив Господь Бог мой, не встану от ног твоих, пока мне не обещаешь прощения...

– Не наше дело прощать грехи, – отвечал ей добрый и смиренный пастырь, – но единого только премилосердного Бога. Нам же можно только умолять Его о прощении прегрешений. И я буду просить о тебе Его благостыню, чтобы Он простил тебе грехи твои...

С этими словами Григорий поднял плачущую и убивающуюся женщину с земли.

Все это, понятно, поразило членов Собора и присутствующих страшным образом. Все были поражены, растроганы, потрясены до слез. Все удивлялись неисповедимым путям Божиим и неизреченному милосердию Его и говорили:

– Благословен Господь Бог, показавший невинность раба Своего и ложь возведенной на него клеветы!

Но оставалось еще правосудие Божие. Прежде чем оно себя явило на клеветниках (как милосердие явило себя на кающейся блуднице), Собор сам, по апостольской заповеди, хотел изъять злого из своей среды (ср. 1 Кор. 5, 13). Папа и все епископы с сильным гневом стали поносить врагов

Григория укорительными словами. Затем приказали их разделить на две части: клириков во главе с Савином и Крискентом поставить на одну сторону, мирян – на другую. Евдокию же не включили в их число – довольно с нее было наказания от Бога, ибо повелением Божиим бес мучил ее целых два с половиной года. После этого был объявлен приговор. Предводители и зачинщики всей смуты отправлялись в ссылку: Савин – во Фракию, а Крискент – в Испанию; остальные клирики ссылались для отбытия сурового пожизненного заключения с бесчестьем в Равенну; миряне же переданы были Маркиану для суда по гражданским законам. Он отдал приказ отвести их в предварительное заключение, намереваясь после предать их мучительным казням по строгости тех времен.

Появился воинский конвой. Оцепили арестованных. Последовала команда гнать их в тюрьму. Послышались вопли, рыдания... Все громко закричали и начали умолять сердобольного, милостивого страстотерпца Христова, простившего уже главную виновницу его мучений:

– Помилуй нас, раб Христов, согрешивших против тебя... Не предавай нас на лютые мучения...

Плачущая толпа, почти в 100 человек, их ужас перед грядущими пытками, отчаяние и хотя позднее раскаяние, но все же раскаяние – все это сразу всколыхнуло острой жалостью незлобивое сердце Григория. Если судьи делали свое дело, то что ему до них?..

Святитель, считая смирение за высшее украшение своего сана, не стыдясь, сам пал на колени перед папой и всем Собором, со слезами умоляя их за своих врагов, чтобы их помиловали и не казнили из-за него.

Чудное зрелище!..

И до тех пор истинный ученик Христов (ср. Лк. 23, 34; Иак. 2,13) докучал прилежными мольбами и многими слезами, валяясь у каждого в ногах, пока все сами не прослезились и не сказали:

– Если им ты прощаешь и умоляешь за них, то мы и подавно ничего не имеем против них.

И приказали воинам оставить их.

Но не оставил их суд Божий... Еще клеветники стояли перед Собором и никто не разошелся, вдруг поднялась страшная буря и сделалось землетрясение. Ясный Божий день померк, и покрыла всех черная тьма. Все пришли в ужас, думали, сейчас разверзнется земля и пожрет их всех. Все отцы Собора воздвигнули руки свои к небу и вопияли: «Господи, помилуй!» Наконец, мало-помалу буря стала стихать и воздух проясняться. Вместе с этим обнаружилась и казнь Божия над клеветниками: у всех у них лица сделались черны, как сажа. У Савина же и Крискента не только почернели лица, но и челюсти отвисли книзу, так что невозможно было

ни стиснуть их, ни говорить. Так, какой частью тела грешит человек, через ту получает и наказание⁶⁹.

Увидя такое чудо, весь Собор воскликнул словами псалмопевца:

– *Ныне я узнал, что спас Господь помазанника Своего, услышал его с святого неба Своего: сильна спасающая десница Его* (Пс. 19, 7).

После этого папа обратился ко всем помилованным судом преступникам с грозной заключительной речью.

– Слышите, окаянные, вот вы ради того, что оклеветали ложно праведного и святого мужа, стали подобны почернелыми своими лицами вашему отцу диаволу, (тоже) некогда почерневшему... Итак, мы постановляем: вы будете с нынешнего дня рабами епископа Акрагантского и после него – будущих всех епископов, вы, и дети ваши, и род ваш до века. Также не будет от плода вашего ни иереев, ни клирик церковный никогда. И всякий епископ, который дерзнет поставить из вашего рода кого-либо во иерея или диакона или посвятить в какую-нибудь низшую церковную степень, зная о вашем нынешнем незаконном деле, да будет проклят...

И весь Собор присоединился к этому постановлению.

Настала жуткая тишина. Впечатление было подавляющее. Лишение духовных благ для церковного человека и служителя алтаря – это наказание не меньше дальнейшей ссылки и пожизненной каторги! А для некоторых и больше...

Вдруг раздались громкие рыдания. Это женщина, оклеветавшая Григория, все еще обличалась своею совестью. Покаянное чувство все глубже и глубже, минута за минутой, внедрялось в ее сердце. Под влиянием последних сильных минут оно окончательно созрело в твердую решимость.

И теперь она, припав к земле и кланяясь, с плачем вопияла к отцам Собора:

– Помилуйте меня, святые отцы, и поместите в женский монастырь! Уже я не возвращусь в свой город!

Желание ее было исполнено. Ее отдали в монастырь священномученицы Кикилии (Цецилии) и сподобили ангельского образа. 22 года она добре подвизалась в монашеском звании и преставилась Богу в истинном покаянии.

Суд был окончен. Собрание закрыто. Все радовались оправданию Григория. Подошел 9-й час дня. Святейший папа благословил Григория совершить Божественную литургию. И когда святой совершал литургию, многие из достойных епископов видели благодать Святого Духа, осенявшую Григория.

По окончании литургии папа пригласил всех к столу.

⁶⁹ Здесь клеветнические уста наказаны чудесно. Но можно получать наказательные болезни и естественно, хотя и промислительно. Например, венерические. (Прим, автг.)

Эпилог

Нам еще осталось договорить немного. Перед отъездом домой Григорий еще одно сотворил поразительное чудо.

В это время пришли плотом по реке Тигр десять деревьев на украшение храма святых апостолов Петра и Павла, больших и прекрасных. Связанные бревна стали посреди реки и не шли ни взад, ни вперед, все равно как вбитые или прикованные цепями. Нельзя было проходить судам, так как своей длиной они заняли почти весь фарватер реки. Жители города не раз собирались, пытаясь извлечь их на берег, но безуспешно, потому что те бревна задерживались невидимой некоей силой.

После всех предыдущих событий папа обратился к Григорию с просьбой, чтобы тот строил с места своей молитвой те деревья. Григорий отправился на указанное место. За ним шла большая толпа народа. Когда подходили к реке, Григорий заметил близ дороги растопленную печку. Свернув к ней, он набрал раскаленных углей в полу своей мантии и пошел дальше. Наконец, подошли все к тем неподвижным деревьям. Святой возложил на горящие угли фимиам и, творя молитву, кадил воскрылием мантии, как кадильницей. И фимиам возносился, и уголья горели, и мантия не прогорела. И, в довершение всего, при общем удивлении, когда святой по окончании молитвы приказал народу тащить деревья на берег, они тотчас тронулись и сделались сверх всякого ожидания и вопреки своей природе совершенно легкими. Так что их без труда извлекли на берег. И новая неожиданность – на них была надпись: «Пять деревьев святому апостолу Петру, а пять – святому апостолу Павлу».

В заключение всех этих событий папа снова собрал епископов, и на состоявшемся Соборе был осужден едва ли не самый главный зачинщик всей смуты – Елевсий. Этого злостного еретика сослали в Испанию.

Григорий уезжал. Уезжал после страданий и бесчестия, но со славой и почетом. Впрочем, он не прямо в Акрагант направился, а сперва совершил путешествие в Константинополь, поблагодарить императора и патриарха за оказанную поддержку на суде и дарованные милости его епархии. На обратном пути, когда граждане Акраганта услышали, что пастырь их святой Григорий приближается ко городу, то высыпали ему навстречу от мала до велика с пением псалмов и церковных песнопений, радуясь его возвращению.

Замечательная и поучительная подробность: святой не вошел в церковь, оскверненную еретиками, ни даже в свою прежнюю епископию, но вскоре выстроил новый прекрасный храм во имя своих покровителей, апостолов Петра и Павла, также отстроил и новые помещения для жилья.

Св. Григорий жил после всего этого еще довольно, сотворив бесчисленное множество чудес и оставив после себя в наследие Церкви записанные истолковательные беседы на книгу Екклесиаст. Он умер в глубокой старости и на собственном опыте, вместе с творцом последнего (Соломоном), испытавши, что ничего на этом свете нет прочного: *СУЕТА СУЕТА, СУЕТА СУЕТА*, – *ВСЕ СУЕТА!* (Еккл. 1, 2.)

Жизнь и подвижничество иже во святых отца нашего Симеона Нового Богослова Прп. Никита Стифат

1. Добродетель теплоты преисполнена и не только угли желания раздуть, но и самую душу в огонь превратить способна; может она и ум окрылить, отторгнув его от земли, вознести к небесам в духе и сделать всего человека богом.

Вот и великий Симеон, о котором нам предстоит рассказать, став теплейшим ревнителем ее, вознесся к сияющей вершине славы ее; потому-то и следует поведать всем, кто нам близок, о его прекрасных качествах – сколь многие из них были для него достоянием от рода его и отечества, и сколь великую праведность стяжал он в поте лица, трудами подвижническими, борьбой и бранями, чтобы обрести добродетель.

2. Славный добродетелью Симеон вырос из земель Пафлагонских, словно цветущее и плодоносное древо, от молодых ногтей изобилующее плодами Духа. Родиной же его было селение, называемое в тех местах Галати, а родители его, Василий и Феофано, из богатых и знатных, носили прозвище «Галатяне».

Еще в нежном возрасте он был послан родными, словно некая драгоценность, во град Константина. Там принимают его близкие к царскому двору родственники, отдают учителю словесности, и он постигает начала. Будучи с детства восприимчивым и преисполненным разума, он старательно проходил учение, а благодаря врожденной живости и способности мыслить извлекал из него пользу. Если же Симеон видел какие-либо детские шалости и вольности, то, ощущая себя как бы уже седидами умудренным и весь ум обращая к занятиям, удалялся от неразумных. А достигнув более совершенного возраста, он предался учению более сложному и, занимаясь им еще прилежней, вскоре научился очень красиво писать и овладел даже наилучшим искусством скорописи, чему верное свидетельство писанные его рукой книги.

В прохождении светских наук ему оставалось лишь по-эллински изощрить язык и успешно приобщиться к риторике. Но, будучи с детства мужем, исполненным рассудительности, избегая упреков, он не то чтобы вовсе пренебрег ей, но лишь концами пальцев едва коснувшись проистекающей от нее пользы и выучив только так называемую грамматику, все остальное, что разумеют под светской наукой, отверг и избежал неприязни сверстников.

3. Так вот, дядя его по его отцовской линии, увидев, что он отличается от многих красотой и цветущей наружностью – дядя ведь был начальником китонитов⁷⁰ и пользовался очень свободным доступом к тогдашним скиптродержцам (а это были единокровные и порфирородные братья Василий и Константин) – вознамерился представить его императору и приблизить ко двору. Но Симеон со слезами отверг намерение дяди: не пожелал он знакомиться с тогдашними правителями, чтобы не потерять Бога, стяжав то, что не стоит ни гроша. Еле убедил его дядя принять достоинство спафарокувикулария (служитель при опочивальне императора в ранге спафария) и стать одним из членов синклита. Но вот истинное благородство! Над ним не властны узы и порабощение вещам житейским, не подчиняется оно суетному блеску этой жизни. Ведь в то время, как один спешил показать свету мужа в сиянии преходящей славы, другой кое-что мудро отвергал, а кое-что по снисхождению принимал на время, ожидая будущего.

Внезапно тот знаменитый муж похищается из жизни неминуемой смертью. Тогда Симеон, пользуясь случаем, тотчас же, оставив все, бежит от мира и от того, что в мире, и устремляется к Богу. Так вся его душа, уязвленная небесными красотами, исполненная жаж-

⁷⁰ Китонит – стражник императорской опочивальни.

дой нездешней славы, легко презирает обманчивый блеск видимых вещей и всецело предается вкушению надежд и наслаждений от мира нездешнего, каждый день питая свои умственные чувства сладостью мыслей [о Боге] и стремясь более совершенным образом достичь желанного.

4. Итак, Симеон оказывается в славной Студийской обители. Он искал того, кто бы от юности его стал отцом его духовным и учителем. А был это Симеон, великий добродетелью, как никто другой достигший крайнего бесстрастия, в ком благоговение перед Богом, соединившись с благочестием и скромностью характера, дало повод для его прозвания.

Находит его Симеон, сообщает о своей цели, просит принять к себе, чтобы изменить ему полностью свою жизнь и быть причисленным к монахам. А тот, будучи опытным в монашеской жизни и зная нападки лукавого, не потворствует немедленному исполнению [просьбы], но едва достигшего четырнадцати лет юношу отклоняет от этого порыва и предлагает ему срок по достижении более совершенного возраста. Но Симеон с детства еще, живя в доме дяди, хранил готовое разгореться пламя божественного желания, поэтому сверх всего прочего он стал усердно заниматься молитвой и чтением. Когда однажды он получил из рук учителя книгу сочинений святых мужей Марка и Диадокха, раскрыв ее, он нашел среди написанного обращенные к нему слова: «В поисках пользы позаботься о своей совести; делай все, что она говорит, и обрешь пользу».

И словно из уст Божиих слыша это, начинает он заботиться о своей совести. А это божественное качество, присущее людям, каждый день укрепляло в нем пыл духовный и способствовало возрастанию добра. Оттого увеличилось у него время молитвы и бодрствования вплоть до пения петухов. Ведь образ жизни, который он вел, ограничивался лишь тем, что необходимо для длительной молитвы и чтения, и, прежде чем отказаться от мира, он возлюбил жизнь бестелесного в теле, – надо сказать, молодом и нежном. Поэтому не было нужды в многолетних периодах, чтобы полностью удалиться от видимого и погрузиться в созерцание незримых божественных видений: ведь по прошествии недолгого времени благодать Духа, обрета его душу свободной от материи и воспламененной любовью к Создателю, окрылила его вождением мысленного и, отторгнув от земли, вознесла к видениям и откровениям Господним.

5. И вот, когда однажды ночью он стоял на молитве и очищенным умом соприкасался с Умом Первичным, он увидел вдруг свет, воссиявший на него с небес, прозрачный и безмерный, все озаривший и чистый, словно превративший ночь в день, которым и сам он был освещен, – и ему показалось, что весь дом с келией, где он стоял, стал сразу невидимым и ушел в небытие, сам же он, восхищенный в воздух, совсем позабыл о теле. Такую радость испытывал он, как он [впоследствии] писал и рассказывал тем, кому доверял, что тотчас преисполнился тогда умилением и теплыми слезами; и, потрясенный необычностью чуда, ибо был еще не посвящен в такие откровения, стал он громким голосом бессечно взывать: «Господи, помилуй!» – как осознал он позже, придя в себя. Тогда ведь он вовсе не знал, звучит ли его голос и слышна ли его речь извне. Будучи под действием этого света, увидел он – и вот, словно сияющее облако, без формы и очертаний, полное неизреченной славы Божией, в небесной вышине, а справа от этого облака увидел своего духовного отца, Симеона Благоговейного (о, страшное видение!), стоящим в обычной одежде, какую он носил в жизни, неотрывно взирающим на тот Божественный свет и беспрестанно ему молящимся. Итак, долго пробыв в таком экстазе и видя отца своего стоящим одесную Славы Божией, он не чувствовал, находится ли он в теле или вне тела (ср. 2 Кор. 12, 2–3), как впоследствии он объяснял и рассказывал. А несколько позже, когда свет этот постепенно скрылся, он осознал себя снова в теле и внутри келии и тогда сердце свое обрел исполненным несказанной радости, а уста его возглашали, как уже сказано, «Господи, помилуй!», и весь он орошался слезами, более сладкими, чем мед и соты медовые. С этих-то пор он почувствовал, что тело его стало тонким и легким, как бы духовным, и так продолжалось долгое время. Таково воздействие чистоты, и столь велико действие Божественной любви на людей усердных.

6. Узрев такое видение, дивный Симеон еще более возгорелся внутри огнем Божественным и стал настойчиво просить духовного отца постричь его. А тот, прозорливым взором предузрев нужное для этого время, а также полагая нежный юношеский возраст для трудного подвига ненадежным, рассудил, что делать это рано.

Когда же прошло шесть лет после того вызывающего трепет видения и Симеон по какой-то причине поспешно собрался к себе на родину, приходит он побеседовать с тем Божественным отцом в славную Студийскую обитель. А тот удивительный муж, как только увидел его, сказал: «Вот, чадо, подходящий момент, когда, если хочешь, следует тебе изменить внешний вид и образ жизни». Эти слова стали для сердца юноши раскаленным углем, и он промолвил: «Почему же, отец, ты мне, твоему чаду, не сказал этого раньше? Но теперь-то я распрощаюсь с миром и с тем, что в нем. И так как из-за вверенной мне царской службы я спешно еду к себе на родину, там возьму я все принадлежащее мне и, возвратившись, все мое имущество, да и себя самого всецело предаю в руки твоей святости». Окончил он речь, отправился в путь и быстро оказался в родных краях. А так как наступило время поста, он полностью предался брани, чтобы стяжать добродетель. Тогда-то, осмотрев библиотеку родителей, берет он оттуда «Лествицу» Божественного Иоанна; с ней беседуя, словно некая благодатная почва, вбирал он сердцем слова и мысли, готовясь ежедневно их взращивать и плоды приносить.

А так как келия его у входа в молельню была очень маленькой, то, войдя туда, он только один там и пребывал; затем, заперев ночью дверь молельни, он молился до третьего часа, а днем то втайне молился Отцу Небесному (ср. Мф. 6, 6), то беседовал с Божественным Писанием. И, слыша о сверхъестественных добродетелях святых, в послушании пребывающих, и об успехах, ими стяжаемых, сам он горячо возжелал такого же и приступил к брани, равной их брани. Поэтому обратясь и к названной книге, он нашел в ней такие слова: «Бесчувствие есть омертвление души и смерть ума прежде смерти тела».

Как только Симеон прочел эти слова, – так как он искал и нашел в такой книге исцеление, – он стал бодрствовать и молиться на могилах, живописуя в сердце своем образы мертвых, и тем возбудил против бесчувствия целую войну: усиливал пост и бдение, пребывая в памяти о смерти и Страшном Суде.

7. И вот, когда он этому предавался, молился он однажды ночью в церкви, где стоял ковчег, полный останков, а двери он по привычке запер. Тотчас сбежалось множество бесов, и с угрозами бросились они на церковь, налегли все разом на двери, открыли их, чтобы похитить его, и так загрохотали, что он подумал, будто двери разлетелись во все стороны. Охваченный великим страхом, воздел он руки к небу и стал призывать свыше помощь Божию. Когда увидели духи злобы, что он недвижно стоит уже много часов, побежденные, они удалились. От великого же напряжения руки Симеона онемели и не гнулись, но он соединил их, несмотря на сильную боль, а затем с изумлением увидел, что двери заперты. С тех-то пор прибавилось у него мужества против бесов, ни во что уже он не ставил их нападение, потому что обрел он полную уверенность, что нет у них против нас никакой силы, если только мы не отвергнуты Богом.

Пребывая в таком состоянии и так поступая, Симеон отрешался от всякой житейской заботы, а усердствовал лишь в молитве и чтении. Если же внезапно смущало его уныние, удалялся он в места, где находились могилы, и сидел на них, то мысленно беседуя с мертвыми, находящимися под землей, то безмолвно предаваясь плачу, то испуская со слезами скорбные вопли, стараясь всем этим оградить себя и снять покров бесчувствия со своего сердца. Такова с самого начала была брань дивного Симеона и столь великим было его рвение, когда он был еще мирянином. Несомненно, благодать Божия подействовала на него, ибо зрелище мертвых тел запечатлелось в его уме, словно писанное на стене изображение. Более того, все чувства его изменились, так что с этих пор лицо каждого человека, всякую цветущую красоту, каждое животное движущееся видел он поистине мертвым.

8. Когда же наступило время его отъезда в великий город и родитель увидел, что он спешит и собирается в путь, тогда, испробовав все средства, но не имея сил отклонить его от божественной цели, он остается с ним наедине и начинает со слезами умолять его: «Молю тебя, чадо, не оставь меня в старости! Ведь, как видишь, конец дней моих близок и время моего отшествия недалеко (ср. 2 Тим. 4, 6). Вот когда сокроешь ты тело мое в могиле, тогда ступай, куда хочешь, и иди путем, каким пожелаешь. Теперь же не желай огорчить меня своим уходом. Ты ведь знаешь, что только в тебе нахожу я опору старости моей и утешение души моей. Поэтому и разлуку с тобой я считаю равносильной смерти». Это и еще многое говорил отец, проливая потоки слез. Но сын, как преступивший уже узы естества и предпочитающий Отца Небесного отцу земному, отвечал: «Невозможно мне, отец, более задерживаться в миру, даже и на краткое время, ведь мы не знаем, *что родит грядущий день* (Притч. 3, 28; 27, 1), и предпочесть что-либо служению Господу для меня рискованно и опасно».

9. Произнеся это, он тотчас же письменно отказался от всего отцовского наследства. Затем, взяв только свои собственные вещи, слуг и то, что досталось ему иными путями, вскочил на коня и, погоняя его, как Лот (см. Быт. 19, 17–26), поскакал изо всех сил. Он не оглядывался на стенания родных и не помышлял о вверенном ему мирском служении. Настолько острее всякой иной вещи и даже естественной любви к родителям всепожирающая любовь к Отцу Небесному! Он знал, что никакие природные узы не могут удержать его и никакие угрозы людей, раз уж лучшее одержало верх над худшим и отторгло самовластный помысел от всякого мирского чувства. Поэтому-то дивный Симеон, охваченный такими чувствами, приказал слугам идти вперед, а сам в глубокой печали то неторопливо следовал за ними, то отставал от них настолько, чтобы они не слышали его рыданий. Плач его оглашал горы, и жалобные вопли наполняли долины, утешала же его любовь к Богу. Так, однажды, когда он устремился вперед и достиг вершины горы, его внезапно озарила свыше, словно огонь, благодать Духа Святого, как некогда Павла (см. Деян. 9, 3; 22, 6), и он весь исполнился несказанной радости и сладости, что увеличило в нем любовь к Богу и доверие к духовному отцу.

10. И вот, за восемь дней достигнув города – главы городов прочих, – словно жаждущий олень, бежит он к источникам хладным (ср. Пс. 41, 2), достигает славного Божия старца и припадает к нему, словно к Самому Господу Иисусу Христу, сложив к его ногам все свое достоинство. А тот, поистине любвеобильнейший отец, видя глубину его смирения и веры, сначала раздал все бедным (см. Мф. 19, 21), освободив ученика от попечения об имуществе, а затем взял его с собой в монастырь и приготовил к грядущим испытаниям; провидел ведь он прозорливым оком беды, которые постигнут юношу.

11. На следующий день, взяв благородного юношу, старец представляет его игумену (большую паству студитов окормлял тогда Петр) и, отложив две литры⁷¹ золота на монастырь, облакает его в одежду подвижническую. Но так как не оказалось в то время свободной келии, где приютится бы юноша, то игумен поместил его к тому великому отцу – так оба они решили из-за молодого возраста Симеона. А старец, приняв того, кого от молодых ногтей воспитал в изучении словесных наук, повелел ему оставаться под лестницей своей келии и размышлять там об узком пути (см. Мф. 7, 14), ибо в келии был уголок наподобие гроба, – в нем юноша спал, с большим трудом туда протиснувшись. Итак, один приступает к более совершенным трудам, чтобы стяжать добродетель, а другой – к искусному его обучению.

И говорит юноше отец: «Смотри, чадо, если хочешь спастись и избежать козней лукавого, внимай только самому себе; не общайся впустую ни с кем из тех, кто пребывает здесь в священных собраниях, не ходи из келии в келию, но держись, как странник, неуязвимый для всякого человека.

⁷¹ Основная единица византийского монетного веса (456 г).

Думай о своих грехах и помышляй о вечном воздаянии; сохраняй разум не развлекаемым внешними вещами. Соблюдая это, обретишь ты великую пользу».

12. Слыша эти слова, словно из уст Божиих исходящие, Симеон неукоснительно все их исполнял. Но отец-наставник, желая увенчать труды юноши еще больше, приказал ему выполнять самые низменные работы в своей келии. Юноша же, раз и навсегда поработив себя старцу, все охотно исполнял, считая себя рабом и странником, ибо он был готов с радостью и охотой ввергнуться даже в печь огненную и в пучину морскую, если бы только приказал ему старец. Занимаясь самым презренным трудом и сильно в нем изнуряясь, он не забывал о постах и бдениях, но, зная, сколь велика от них польза, постоянно в них пребывал. Старец же, желая отсечь волю юноши, часто приказывал ему исполнять противное этому – и за трапезой сидеть, и сну предаваться: хотя это сильно огорчало Симеона, он все это переносил, многому научаясь. Ибо мудр был тот божественный старец: то заставлял он Симеона переносить унижения и труды, то удостаивал его чести и давал ему отдых, тем и другим способом противоборствуя его воле и доставляя ему награду. Итак, обучаемый отцом, юноша таким образом изменился к лучшему, доверие же его к старцу и благоговение перед ним настолько возросли, что он даже благоговейно остерегался ступить по земле, где ступали ноги его отца. Поэтому каждое место, где видел он отца стоящим или молящимся, он почитал словно святая святых, припадал к нему, простирался и лобызал его, а руками собирал с него слезы учителя и, словно лекарство от страстей, прикладывал их к голове и к сердцу; прикоснуться же к чему-либо из одежд его считал себя недостойным.

13. И вот враг, видя, что Симеон стремительно взлетает на такую духовную высоту, стал острить на него свои зубы и пытаться разными способами его уловить. Однако огненный столп молитвы старца был для Симеона прочной защитой. Но чтобы показать, что сила злобы врага ничтожна, учитель попускает ему немного нападать на Симеона в минуты слабости. Поэтому враг приступает к нему сначала во сне и вызывает расслабление, и помрачение головы, и отяжеление всего тела, так что Симеону показалось, что одет он с головы до ног в тяжелое рубище и невмочь ему ни стоять, ни преклоняться, ни уста раскрыть, ни слушать то, что поется в церкви. Но доблестный юноша, предугадывая нападки врага, отражает их крепостью и оружием Духа, нисколько не уступив и не сдвинувшись с места, где он стоял. Поэтому, будучи не в силах вынести крепости и великого упорства Симеона, враг, потерпев поражение, бежит от борьбы вот как. Однажды, когда Симеон стоял при начале утреннего псалмопения, ему показалось, что тяжесть одежды как бы освобождает концы его ног и постепенно ускользает вверх. Поэтому удаленные от нее части тела оказались свободными, а те, с которыми она соприкасалась, она подвергла ощущению еще большей тяжести. Затем словно густое облако с мощным дыханием остановилось поодаль в воздухе, – и с этого времени доблестный муж ощутил себя легким и тончайшим и словно бы всецело духовным. Тогда, исполнившись несказанной радости, сам он возопил вместе с Давидом: *Ты... разорвал вретнице мое, и опоясал меня веселием* (Пс. 29, 12). Итак, получив силу свыше, на всех службах он совсем уже не сидел, но, подражая своему учителю, все их проводил стоя.

14. Когда был побежден окончательно лукавый дух уныния, восстали на него ночью демоны страха и, когда он молился, стали сотрясать келию, поднимая шум и представляя страшные видения. Когда же отходил он ко сну, они являлись к нему, как эфиопы, испуская из своих глаз и ртов пламя, дыша в лицо ему удушливым дымом и вместе с тем наполняя им всю келию. А иногда казалось, что они вопят, потрясая огненным оружием; и где лежал он, там они поджигали пол и стены. Так совершали бесы привычное свое дело, а он при каждом нападении вставал на молитву, и они вскоре обратились в бегство.

15. Так что же? Сильнейшие прежних, не знающие отдыха демоны блуда выходят на другую брань и подступают к нему. Тогда каждую ночь дважды или даже трижды стали они нападать на него в видениях, чтобы уязвить сердце его усладой плотского смешения. Он же получил

против демонов столь великую благодать от Бога, что и во сне пребывал, словно бодрствуя, и противостоял им даже больше, чем когда не спал.

16. Так как они снова потерпели поражение и уже не осмеливались нападать на него подобным же образом, то в своем разнузданном бесновании они вооружают оружием зависти и подстрекают против него наиболее беспечных из братии и даже (чему не случиться бы!) самого кафигумена⁷² Петра. Но доблестный воитель Христов, будучи облечен в панцирь и шлем Духа, не позволял себе ни смотреть на кого-либо из искусителей, ни беседовать с ними, но и всех прочих людей избегал без ненависти; и, словно дитя Христово, безыскусное по разумению, отдыхал он только в духовных объятиях божественного отца, коему открывал он все, что было на душе, и во всеоружии выходил на битву с бесами. Поэтому на божественных службах стоял он подобно некоей колонне или безжизненной статуе, совершенно не поднимая глаз, из которых каждодневно испускал он потоки слез, ни с кем из окружающих не говоря ни слова. Так что среди монахов равные ему благочестием, видя его в таком состоянии, радовались и славили Бога, иные же не выносили видеть его: ибо все, кто погряз в нечестии, полагали, что его образ жизни обличает их нерадение. Вот от них-то на доблестного мужа и надвигается великая война. И сами они, кому невыносимо было видеть подвиги Симеона, превышающие человеческую природу, и предстоятель их начинают борьбу с ним – настойчиво стремятся отклонить его от избранного пути, лишить его доверия к духовному отцу и склонить к следованию их образу мыслей, или совсем удалить его из монастыря, если он не поддастся их увещаниям.

17. Но только ли их, словно единокровных братьев на Иосифа, выслали враги на брань с Симеоном? Совсем нет: но и кое-кого из мирян, и даже самого родного отца его. И можно было видеть странное сражение и борьбу с обеих сторон: миряне старались вернуть Симеона к семье и миру, от которого он убежал, а монахи стремились отдалить его от духовного устроения и пользы и или сделать его своим единомышленником, или, если не поддастся, полностью лишить его даже и своего общества. Но что это за мудрость мудрецов и козни против него? Льстивые речи и угрозы, поношения и хвалы, клевета и обещания, чтобы хоть в чем-то одном из этого сокрушить того, кто сопротивлялся бесам. Одни увлекали его на пиры, попойки и беседы, обещая то, что у них считается делом почетным. Что же именно? Служения, роскошные келии, рукоположения. Другие же отторгали его от себя и угрожали изгнанием. Чего ради? Чтобы он Бога презрел и отрекся от добродетели и от духовного отца.

18. Так что же сей доблестный юноша, даже пресвитеров разумением превосходящий и прекрасно умеющий отличать лучшее от худшего? Расслабился ли от лести? Поступился ли хоть немного строгостью подвига? Сменил ли узкий путь на широкий? Нисколько! Но, словно некий непобедимый борец в прекрасном нечувствии, хватает он то, что содействует его славным подвигам, – наветы, преследования, скорби, доносы, – и проходит мимо того, что услаждает многих. Что это? Похвалы, славословия, почести, председательства, служения и прочее, что радует стремящихся к этому. Но что же дальше? Умастил старец борца увещаниями, да обретет он в испытаниях мужество и крепость, и обратился к нему с такими словами: «Доблестно переноси, чадо мое, искушения, бесами на тебя воздвигаемые, ибо они суть пробный камень для нас. Хорошо усвой, что все вещи, к которым мы ревностно стремимся, чтобы стяжать их трудом в брани, как то: постничество, бодрствование или преуспевание в каком-либо ином виде подвижничества, бывают для нас впустую, если мы не боремся, чтобы стяжать душу беззлойной, простой, несуетной, смиренной и кроткой. Ибо в такой душе поселяется и дышит, словно в наиприятнейшем жилище, благодать Божественного Духа, а иным образом никто не может ни увидеть ее, ни получить».

19. Мудрейший Симеон, как только это услышал, возжелав получить благодать Святого Духа, тотчас же падает ниц и касается святых ног старца, горячо умоляя, чтобы скорее обрести

⁷² Слово «кафигумен» буквально означает «председатель», то есть предстоятель монастыря.

ему благодать по его молитвам, чем сподобиться получить ее собственными деяниями и трудами. Сострадательный старец умягчается сердцем и говорит простертому ученику: «Встань, чадо! Я и сам человек. Однако, надеясь на человеколюбие Бога, говорю, что тебе будет дарована благодать вдвое больше, чем мне». Крайне изумившись этим словам и с непоколебимой верой приняв их, Симеон встал с глазами, полными слез, а старец, поцеловав, отпустил его с миром. Было около трех часов ночи. Когда же вошел Симеон в свою келию, – о, скорое заступление Божие! – воссиял утренний свет, а затем внезапно свет свыше, подобный молнии, осиял его, полностью объял его ум и, всего его захватив, исполнил его неизреченной радости. А она окрыляет душу его еще большей любовью к Богу. С теплотой духа в сокрушенном сердце он припадает к Богу и, исповедуясь, воздает Ему благодарение. И вот ему, поверженному и плачущему, является страшное чудо. Как только припал он к Богу, сразу увидел умом ниспадающее на него световидное облако, сообщившее его душе всю сладость и наслаждение, исполнившее ее Божественной благодати, вконец истончившее земную толщу его плотского разума.

20. Итак, с этого времени стало возрастать доверие Симеона к духовному отцу и он стал простираться вперед (ср. Флп. 3,13–14). Ведь тоска по явленному видению целиком охватила его, и он обрел непреходящее умиление. Даровано ему было слово премудрости и знания, так что все удивлялись его разуму и речам и, изумленные, говорили так: «Откуда у него, не научившегося внешним наукам, такая премудрость и знание?» Сокрыто было от них, что Бог – сама премудрость и совершенное знание тех, в коих Он поселяется и творит жилище Себе, и наполняет причастных Ему неизреченной мудростью и знанием, и делает их более мудрыми, чем все мудрецы и риторы, как своих учеников и апостолов. И не только этому все поражались, но также его смирению и непрестанному умилению; ибо упорное подвижничество помогло ему за короткое время взлететь на такую высоту, что он обогнал даже тех, кто длительное время пребывал в борениях за добродетель, и стал их учителем, подобно великому пророку Даниилу (см. Дан. 1, 17–21). Это узнает всякий желающий из того, что он писал в ответ на их вопросы, чрезвычайно поражая их своими посланиями.

21. Но прошло немного времени, и завистники, видя его преуспевание в добродетели и доверие к духовному отцу, придя к игумену, сильно раздувают угли его гнева на Симеона. Игумен, призвав доблестного мужа, начал беседовать с ним и то обещаниями, то угрозами старался отвратить его от учителя и привлечь к себе: ведь питал предостатель неподобающую зависть к тому великому старцу. Но когда он увидел непреклонный дух Симеона и непоколебимое доверие его к старцу, то, побежденный убедительностью и мудростью слов блаженного мужа, тотчас приказал изгнать его из обители.

22. Увидев зависть игумена и остальных братьев, великий отец, взяв своего ученика, направляется к тому самому Антонию, который был известен тогда добродетелью, игумену расположенного неподалеку монастыря святого Маманта. Ему-то старец и вручает Симеона, словно сокровище благих. И что же? Отступил ли сколько-нибудь при этом лукавый, оставил ли зависть и козни против Симеона? Нисколько. Но воздвигает он снова отца по плоти и некоторых людей из синклита, и они стараются помешать Симеону отторгнуться от мира и от того, что в мире. Однако доблестный воин Христов, воспламененный Божественной любовью, оставался непоколебим и непреклонен.

23. Поэтому Симеон посылает отцу по плоти письмо, с каким подобало бы тому обратиться к сыну, чтобы увещевать его ничего не предпочитать любви ко Христу. Но тогда-то, когда он писал, является ему другое Божественное знамение. Когда он написал отцу наставление, желая научить его, как следует обращаться в письмах к святым мужам, он прибавил следующее: «А письмо к моему святому отцу ты напишешь так...» И при этих словах – о, необычайные тайны Твои, Царю Христе! – внезапно с неба воссиял ему беспредельный свет, как бы разделивший кровлю дома и снова наполнивший душу его несказанной радостью и сладостью, и от безмерности этого света как он сам, так и горящий светильник совершенно

затмились (ведь была ночь!). И вот из этого Божественного света исходит голос: «Апостолу, ученику Христову, ходатаю и предстателю нашему перед Богом». Как только Симеон услышал эти столь неожиданные слова, разум его пришел в исступление и чувства его охватил трепет. Ибо он клялся явившимся ему Богом, что был весь осиян Божественным светом. «Проливая потоки слез, – говорит он, – я почувствовал, как кто-то сделал легкой мою руку, толкнул ее к писанию и стал ею водить. Ведь я не мог видеть чувственным зрением, когда записывал реченное свыше».

24. Когда же пастырь добрый (ср. Ин. 10, 11) стал посещать ученика чаще и понял, что тот весь воспламенен Божественной любовью и сжигаем желанием святого образа, он постригает ученика и облакает в ризу радости (ср. Ис. 61, 10). Отныне Симеон с горячим усердием к стяжанию добродетели приступает к еще большим подвигам и с пониманием дела препоясывается по чреслам поясом (ср. 1 Пет. 1, 13; Пс. 29, 12) радости и мужества, в чем он возрос и с чем сжился от молодых ногтей. Прикасается он и к более совершенным деяниям праведности и, оставив все прочее, предается только молитве, безмолвию и размышлению над Священным Писанием и в свете созерцания соприкасается более совершенным образом с Богом, для Которого он жил до пострига и Который щедро озарял его с колыбели.

25. Ежедневной пищей его, до крайности очистившегося, были животворное Тело и честная Кровь Христа, съедобные растения и злаки. Этим поддерживал он жизнь своего тела, ничего иного не принимая в течение шести дней недели, кроме воскресных, а в дни праздников он участвовал в общей трапезе с братьями, ни на кого не глядя и в неиссякаемом умилении, затем вставал, благодаря, поспешно удалялся в келию, запирает за собой дверь и вставал на молитву. Затем, недолго почитав, он предавался кратковременному отдыху, склонившись к земле: ибо у него не было ни ложа, ни постели, ни какого-либо иного удобства для тела, но в качестве постели предпочитал он пол с постланной овечьей шкурой и циновкой, да и то проводил он на нем не каждую ночь. По воскресеньям и по большим праздникам келия видела, как пребывал он без сна с вечера до утра и таким образом, подобно Арсению Великому, не предавался сну, но вставал на молитву с первыми лучами солнца, обливаясь теплейшими слезами. Ибо он считал, что нет ничего более ценного, чем беседа с Богом. И очень старался не проронить ни единого праздного слова (см. Мф. 12, 36), ибо точно знал, что нарушение любой Христовой заповеди, даже если она кажется самой малой, в будущей жизни принесет душе немалый вред.

26. Поэтому можно было видеть его ежедневно словно на стадионе бегущим с воодушевлением и в кипении духа по пути заповедей Христовых, ни на кого из людей не оглядывающимся, всецело исполненным внимания, жара духовного, Божественных откровений и озарений. С этого-то времени сей крепчайший муж целые дни пребывал в запертой келии и вообще не выходил из нее. Пребывая же внутри келии, он производил мед добродетели и, подобно трудолюбивой пчеле (см. Притч. 6, 8), каждую добродетель прекрасно складывал в соты, чтобы иметь неиссякаемый запас пищи на будущее и чтобы плод собственного делания, достойный небесной трапезы, подобающим образом отдать своему Царю и Богу. Поэтому, сначала всецело сосредоточившись и отрешившись от внешнего, он вставал на молитву, как сказано, с рассветом, восхищая ум горе и нематериально пребывая с нематериальным Богом; разум его не облакался никакими заботами и не рассеивался чувственными впечатлениями, но Само Божество тотчас же принимало его моления и охватывало Своим светом разумную часть его души, переплавляя то, что оставалось в нем земного, и наполняя сердце его духовной теплотой и всякой радостью. Тогда, омывшись слезами, словно в бане, и весь сделавшись от молитвы словно пламя, он выходил из келии на кафизму (скамейку), а затем обращался к Священному Писанию и, читая жития ранее бывших аскетов, усваивал для себя их подвиги.

27. После чтения он принимался за рукоделие, изготовляя списки богодухновенных книг, ибо был он очень одаренным писцом, так что каждый, кто видел его письмо, преисполнялся

радости. По удару била он быстро вставал на Божественную службу и, пока совершалась Божественная Анафора, он, затворившись в одной из молебен храма, после чтения Евангелия, становился на молитву и со слезами беседовал с Богом, пока священник не возносил хлеб. Тогда, будучи весь охвачен Божественным огнем, он причащался Пречистых Таин и тотчас же молча поспешал в свою келию, принимал умеренную и незатейливую трапезу и приступал, как сказано, к своим обычным деланиям. Но когда наступал вечер и начиналась ночь, можно было видеть его, словно некую неусыпающую звезду, светящую в ночной тьме: до полуночи он стоял на молитве, читал Священное Писание и в экстазе священных созерцаний таинственно соединялся с Богом.

28. В седьмом часу пополуночи, с ударом била, он поднимался с земли, лежа на которой отдыхал весьма недолго, и вместе с братьями воспевал Богу утренние гимны. В течение всей утрени до самого отпуста стоял он прямо и не присаживался во время чтения Священного Писания, но удалялся в одну из молебен храма и стоял недвижно, слушая чтение и орошая слезами пол. Когда же оканчивалось обычное последование, он один после всех молча выходил из храма, поспешно удалялся в свою келию и предавался своим святым подвигам. Таков был путь аскетических подвигов дивного Симеона в течение всего дня и ночи. А дни святой Четырдесятницы он проводил почти без пищи, все дни каждой недели, кроме субботы и воскресенья: в эти два дня он вкушал бобы и вареные овощи на общей трапезе. Он никогда не ложился набок, но, если когда-либо чувствовал, что естество его ослабело, он, как сидел, склонял свою голову на затекшую и ноющую от боли руку и, как будто предаваясь сну, давал себе отдых не более одного часа. Таково было его делание в трудах начальных и срединных этого законного подвижничества (ср. 2 Тим. 2, 5).

29. Когда же за два года он хорошо усвоил срединную часть подвига и с помощью мудрости стал быстро двигаться к совершенству, то, пристально рассмотрев оком созерцания природу вещей и познав причины, благодаря которым они получили свыше движение, он обретает от Духа ясность речи и, составив прекрасные проповеди, произносит их посреди церкви Христовой (ср. Пс. 44, 2). А когда пастырь и учитель узнал, что ученик таким образом быстро при горячем рвении духа возрос *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13), он возымел прекрасное намерение этот уже зажженный светильник поместить на подсвечнике (ср. Мф. 5, 15) Церкви верных, чтобы он всем в ней находящимся явил то, в чем самого его просветил свет познания.

30. Вот что думал тот святой муж о Симеоне. А между тем прошло немного времени, и настоятель того монастыря, оставив земное, отошел ко Господу. И тогда решением Патриарха Николая Хрисоверга и монахов обители святого Маманта Симеон возводится на учительский престол и рукополагается во священника, как сослужитель вышних сил, не без борьбы и похвального сопротивления, которое он прочно стяжал во смирении сердца, благоговей перед достоинством священства и откладывая бремя власти по причине достохвальной и прекрасной робости. Итак, он помазуется *елеем радости* (Пс. 44, 8) и возвещает мир людям, будучи громкогласно засвидетельствован всеми как достойный иерей, блюститель Божественных Таинств и созерцатель страшных зрелищ, которые он видел очами херувимскими. Ведь когда премудрый Симеон рукополагался архипастырем во иерея и тот творил над ним молитву, а он приклонил колено и голову перед Таинством, он увидел, как Дух Святой, словно беспредельный свет, простой и лишенный формы, снизошел и покрыл его всесвятую голову. Духа Святого видел он сходящим на предложенную им жертву, когда совершал Литургию, в течение сорока восьми лет своего священства, как сам он кому-то рассказывал, будто о ком-то ином, сокровенно подразумевая самого себя, и как написано в его апофтегмах⁷³.

⁷³ Апофтегмы – собрание коротких поучений.

31. Так кто же в этом поколении поднялся до такой степени созерцания, чтобы всегда ясно видеть Духа Святого, слышать, как Он говорит, и чувствовать Его действие и движение?

Затем, погрузившись в глубины смиренномудрия, отвращаясь от людской славы, он стремился быть незаметным и избегать, насколько возможно, даже своих сослужителей. Вот поэтому-то часто, когда его спрашивали, каков должен быть священник, он, преодолевая себя, с умилением и со слезами отвечал: «Ах, братья, зачем вопрошаете меня о таких вещах? Ведь одно помышление об этом наводит трепет: я вовсе не достоин быть священником, потому что о священном достоинстве помышляю страшное; и все же я, ничтожный, твердо знаю, каким должен быть священник. Во-первых, священник должен быть чист, и не только телом, но, что гораздо важнее, самой душой; и не только это, но и быть непричастным всякому греху, по внешнему поведению смиренным, а по внутреннему устройству сокрушенным. Когда же он предстоит святому престолу, он должен мысленно видеть Божество, а чувственно дары лежащие, обрести знанием в своем сердце Того, Кто в дарах невидимо присутствует, чтобы он мог с дерзновением приносить молитвы и беседовать с Богом и Отцом, как друг беседует с другом, и неосужденно произносить «Отче наш, Иже еси на небесех», как имеющий в себе истинного Бога и по природе сущего Сына Божия, в нем пребывающего помощью вселившегося в него Духа Святого».

32. Так говоря, проливал он потоки слез и каждого из присутствовавших умолял не добиваться этого недостойно, прежде чем многими трудами не достигнет такого состояния для совершения столь высокого и даже для Ангелов страшного Таинства, но день за днем усердно трудиться в исполнении Христовых заповедей и, так сказать, ежечасно каяться в том, в чем мы, люди, согрешаем не только по плоти, но и глубинами ума и тайными помыслами души. И особенно сокрушенным духом следует ежедневно со слезами возносить жертву Богу за себя и за ближних – молитвы и прошения нашего таинственного священнодействия, которому Бог радуется и принимая которое во святой, пренебесный и мысленный Свой жертвенник, подает нам дар Всесвятого Духа.

33. Так отвечая спрашивающим и в таком состоянии восседая на пресвитерском престоле, сослужитель вышних чинов постоянно приносил бескровную Жертву в созерцании Духа, и лицо его принимало ангелоподобный образ. Даже и черствый душой, если смотрел на Симеона во время Литургии, когда он преподавал мир народу, не мог долго выносить сияние его лица, но бывал ослеплен исходящими из него лучами, находясь в смятении, подобно тому, кто внезапно взглянул на солнце и был ослеплен присущим солнцу светом. Ведь благодать Духа, полной мерой разлитая во всем теле Симеона, всего его сделала словно огонь, и он стал почти недоступен очам человеческим во время своего служения. Говорил об этом и Симеон Эфесский, который сам стал учеником этого мужа и который поведал некоторым людям о нем: «Когда я сослужил, – говорит, – святому, у меня открылись умные очи, и я увидел его во время служения его в алтаре с омофором, облаченным в патриаршую столу и погруженным в Божественные Таинства». Уверял меня и Мелетий, собственноручно постриженный святым, что, говорит он, «часто видели мы, как светящееся облако окутывало его всего, когда он стоял в алтаре во время святой Анафоры». Так и должно быть: достигающие высоты добродетелей удостоены бывают славы Божией.

34. К тому времени, когда Симеон принял попечение о пастве словесных овец Христовых, монастырь давно уже находился в полном запустении и не был ни прибежищем, ни обителью для монашествующих, но служил местом, где проживали миряне, и усыпальницей, где лежало множество мертвых тел. Из монахов остались немногие, но и те по причине духовного бесплодия одичали и томились голодом по слову Божию. Так вот эти-то малочисленные и вверенные ему души Симеон сначала вскармливает бессмертной пищей слова, утоляет голод и дает вкушать лучшей жизни. Затем собирает он с Иисусом (ср. Мф. 12, 30) и умножает овец, доводит их до большого числа и составляет из учеников войско. От единственной виноград-

ной ягоды или от молодой и незрелой грозди слагает он в хозяйское точило созревшие грозди, то есть мужей желаний духовных (ср. Дан. 9, 23; 10, 11, 19). Но так как монастырь требовал большого труда для восстановления, то он выносит за ограду все сваленное в груды и лежащее на земле как бесполезное и благолепно обновляет весь монастырь от основания, кроме храма. А храм, который, как говорят, построил император Маврикий и который давно стал усыпальницей, очищает он от мертвых тел, устилает пол мрамором и светло украшает храм пожертвованной утварью и святыми иконами. Кроме того, он устраивает хранилище книг, священных облачений и всего прочего, а еще светильников, выточенных из прозрачного камня, и удивительных по красоте паникадил.

35. Так восстановив всю обитель, Симеон обращается затем также и к духовному устройению учеников, назидая и уча их искусству искусств и науке наук, то есть монашескому образу жизни, – немного словами, но больше делом побуждая их к исполнению заповедей, показывая свой пример и говоря: *Смотрите на меня и делайте то же* (Суд. 7,17). Тогда же он установил трапезу, общую для себя и учеников, – вареные овощи и крупу, которых достаточно вкушивши, ученики с благодарением вставали, а он зачастую, отойдя от них, довольствовался сырыми овощами и умеренным количеством воды, тем самым обуздывая себя и сдерживая, являя ученикам образец теснейшего и полного трудов пути (см. Мф. 7,14). Так поступал он и так учил, и благодаря переизбытку смиренномудрия стал у него возрастать дар умиления, свыше ниспосланный, который стал для него хлебом и питьем в течение всей жизни, так что он мог сказать вместе с Давидом: *Будешь питать нас хлебом слезным и поить нас слезами в меру* (Пс. 79, 6). Для этого делания он установил себе три времени дня, как было сказано: раннее утро – после утреннего псалмопения, время священной Анафоры, когда закаляется Сын Божий, и время вечернее – после прочего псалмопения. В эти три времени, стоя уединенно, он со слезами один на один общался с Богом.

36. Каждый день сокровенно исполнял сей праведник такое делание. Однажды ночью он стоял и возносил молитвы свои Господу – и вдруг видит, что поднялась крыша дома и облако света, нисшедши с неба, опустилось на его честную голову, оно покрывало всего его довольно долго и преисполнило его величайшей теплоты и какой-то неизреченной сладости, неописуемой радости и душевного наслаждения, ибо он слышал и голос таинственный, оттуда исходивший, который поучал его неким неизведанным и сокровенным тайнам. Поэтому, когда облако удалилось, он обрел свое сердце источающим в премудрости Божией потоки Божественной благодати, и отныне он уже не принадлежал себе, но Божественная благодать, целиком его захватившая, сделала язык его тростью книжника-скарипта (см. Пс. 44, 2), а разум – источником Божественной мудрости (см. Вар. 3, 12). Поэтому, хотя он был совершенно несведущ в светских науках, он стал богословствовать, словно «любимый ученик», и предавался богословию целыми ночами.

37. Мы слышали, что всякую природу, к сей жизни причастную, сон укрощает, но душа этого человека, чуждая телесных нужд, не желала сна и не позволяла ни телу клониться, ни усталость чувствовать при всенощном бдении или стоянии, ни уступать и поддаваться нуждам голода и жажды. Как те, кто в благополучии ведет жизнь изнеженную и выглядит цветущим и румяным, так Симеон при всяком злострадании выглядел сияющим и ангелоподобным. Но будучи так усовершенствован благодатью свыше и удостоенный апостольского дара, то есть слова учительного, он сделался и видим был, повторяю, органом Духа, таинственно звучащим свыше: то он слагал свободным размером «Гимны Божественной любви», то от обилия мыслей писал толкования Священного Писания, иногда же составлял огласительные слова, а временами, обращаясь с посланиями к немногим, бывал всеми услышан.

38. Но что же дальше? Орошал он, как я сказал, непрерывно паству словами, и она ежедневно возрастала, но не безболезненно, не без различных препятствий, а с великими трудностями и вражескими искушениями. И чтобы через одно искушение показать и прочие, с

ним случившиеся, я расскажу о том, что причинили ему монахи этого монастыря во время богослужения. Однажды утром, когда кончилось утреннее славословие и блаженный муж, как было у него в обычае, начал поучать учеников, то обличая, то запрещая, то увещевая, согласно совету апостольскому (см. 2 Тим. 4, 2), – внезапно человек тридцать монахов, разодрав на себе одежды, подобно тем, которые когда-то были вместе с Анной и Каиафой (см. Мф. 26, 65), с бессвязными криками, порываясь совершить убийство и смутив всю церковь, дерзко подняли нечестивые руки на отца своего, чтобы схватить и растерзать его, словно дикие звери. А он, когда заметил внезапное изменение их и то, как они изменились к родному отцу и учителю, прижал руки к груди и мысль устремил к небу: стоя неподвижно, с ясной улыбкой взирал он на нечестивцев.

39. Они же продолжали наступать на него с бессмысленными воплями и бранью, ярость лающих псов и бесстыдство свое обнажая, но сила свыше не позволяла им наложить на него нечестивые руки, ибо благодать, в Симеоне поселившаяся, удерживала их на расстоянии и отталкивала от него. Не зная, что делать, они выбегают из церкви и, сокрушив запоры монастырских ворот, одержимые и безумные, бегут в Патриархию, оставив блаженного мужа только с благочестивыми. Когда же они, безоружные, прошли первые ворота великой церкви Божией и криками снизу стали донимать архипастыря, – а это был Сисинний, – патриарх вызывает их, осведомившись о причине смуты и о кознях против святого мужа. Распознав страшное их безумие, на следующий день вызывает он блаженного мужа. И когда блаженный вошел к нему с достоинством и в ясном спокойствии, он стал расспрашивать его о причине безумного поведения монахов. Когда же тот изысканным и красочным слогом рассказал о том, что случилось во время обычной проповеди и поучения, затем об их бесстыдстве и об их порыве совершить убийство, и как они бежали, сокрушив засовы и замки ворот, патриарх, потрясенный этим и узнав о зависти и неистовстве этих безумцев, преисполнился справедливого гнева и всех их осудил на изгнание.

40. Если бы кто-нибудь иной претерпел от них таковое, неужели не обрадовался бы этому решению? Не возвеселился бы, по слову Писания (см. Пс. 57, 11), если бы увидел отмщение? Не так пастырь добрый и точнейший подражатель Первого Пастыря. Когда он увидел стражей, приготовившихся схватить мятежников и увести их, он, преисполненный сострадания и полагающий душу за овец (ср. Ин. 10, 11), падает ниц, касается ног патриарха и в слезах испрашивает для них прощение. С трудом склоняется патриарх и в ответ на просьбы отменяет изгнание, однако не позволяет уже этим людям вернуться в обитель. Немедленно все они были отлучены от Церкви и, преисполненные безумства, разбежались, каждый следуя собственной воле. Из них одни стали оглашенными при церквях, других разбросало по разным монастырям, а все наихудшие и ничтожнейшие рассеялись, кому куда случилось.

41. А что же пастырь добрый? Один возвращается он в монастырь, внутренне терзаясь от потери овец Христовых и обливаясь слезами. И смотри на непреклонность святой души и незлобие праведника (ср. Прем. 2, 19)! Так как ему невыносимо было видеть двор опустевшим от овец, что предпринимает муж всемудрый и благородный, чтобы примирить паству с собой и с Богом и чтобы возратить к себе? Он разведывает о тех местах города, в которых каждый из этих людей пребывает по собственной воле, и, разузнав это, посылает каждому, в чем тот нуждается, смягчая утешительными словами жестокость их сердца. Поступал он так в течение многих дней и, будучи поистине добрым пастырем, смиренно с каждым в отдельности общался, с любовью беседовал, просил вернуться и простить его, как если бы скорее он их обидел, а не был обижен ими. Назидательными словами умягчил он их упорство и сердечную жестокость, и за короткое время пастырь добрый собрал всех, войдя во двор овчий дверью Иисусовой, а не иным образом, словно забравшийся туда разбойник (см. Ин. 10, 1–2), и снова наполнил свой двор прирученными овцами, которые незадолго до того одичали.

42. Да услышат пастыри нынешнего века о его добродетели и да подражают ей, дабы стать, если захотят, сопричастниками и соучастниками той благодати свыше, какую вкусил он. Ведь тому блаженному мужу, в отличие от теперешних пастырей и учителей, помогало не стремление удовлетворить всякую телесную потребность в сей жизни, но забота о том, чтобы скорее устранять пламя вожделения и не давать перевеса худшему началу души, идти только за лучшим и следовать воле Божией. Поэтому избегал он людской славы как подательницы вечного наказания. Он не страдал тем, что свойственно многим – кто, не будучи в силах явиться перед другими досточестным благодаря крайней добродетели, наводит страх на людей подвластных гордо поднятой головой и насупленными бровями, – но подражал своему Богу и Господу, соразмеряясь во всем со своими учениками; поэтому блаженную бедность и нестяжательность принимал он с радостью, как надежное богатство, ибо через них ему прекрасно удавалось и мыслями пребывать в смирении, и постоянно находиться в сокрушении духа.

43. Поэтому струились у него потоки слез, цвела в нем кротость, а влечения к Божественной любви и праведности, сострадания к ближнему, чистоты сердца, мира по отношению к себе и ко всем, терпения в искушениях и стойкости в гонении за правду (ср. Мф. 5, 5-10) – всего этого, словно великой награды, всегда стремился он достичь. Поэтому не ошибался он в своих желаниях, задуманное исполнялось на деле до конца, и обнаружил он терпение в делах, как покажет дальнейшее повествование. И лицо у него всегда было словно сияющим, он возвеселялся изнутри благодатью Духа, как сказал мудрец: *Веселое сердце делает лице веселым* (Притч. 15, 13).

44. Таков был Симеон, и таковую вел он жизнь, и таковая сопутствовала ему деятельность. Во-первых, он полностью отрешился от мира и того, что в мире, обнажившись от всякого пристрастия к вещам видимым; затем, устранив собственные желания и вступив на стезю подвига, доблестно отогнал противника. Преуспев в этом, от безмолвия обратился он к служению слова и, воссев на пресвитерской кафедре, поучениями просветил вверенный ему народ, многих, из недостойных сделав достойными, привел к Богу и, наконец, сражаясь правды ради со многими искушениями, до конца сохранил непобежденным свидетельство своей совести. Такова была, как сказано, жизнь этого человека; если выразить кратким словом, жизнь деятельная и вместе с тем в высшей степени созерцательная и возвышенная, совершенная в богословствовании и в великой премудрости Божией. Такова же была и паства его, как бы вторая церковь священных студитов, по облику ее и делам, по самому одеянию и нравам, или, лучше сказать, хор бесплотных ангелов, разумно воспевающих (ср. Пс. 46, 7–8) хвалу Богу и с горячим усердием ему служащих. Так проводя жизнь и таким образом превзойдя низменные потребности тела, блаженный муж ежедневно возрастал в стремлении к лучшему (ср. Флп. 3, 14), и возрастала у него паства Христова через постригаемых его учеников.

45. Стоит упомянуть о добродетелях одного или двух его учеников и попутно рассказать о них, чтобы через это еще явственнее для всех стала добродетель их учителя. Некий муж, происходивший также из Пафлагонии, евнух, по образованию скорописец, презрел суетность этой жизни и, когда дошел до него слух о блаженном отце, направился к нему, полностью отрехшись от мира. И вот, когда блаженный Симеон увидел и испытал его и нашел, что человек этот всячески возненавидел мир и горячо устремился к Богу, он принял его в свою паству, совок с него мирское платье и облек сначала в ризу послушничества, не обещая пострига; если же он хорошо исполнит назначенные ему работы, с готовностью претерпит труд всякого злострадания, тогда во благовремени дано будет ему и во святую схиму облечься, и разделять с прочей братией порядок и устав обители. За короткое время наилучшим образом засвидетельствовав свою покорность, показав на деле, какая у него любовь к подвигам за добродетель, и пройдя через все низменные послушания, человек этот постригается у Симеона и по внешности и внутренне и получает имя Арсений. Итак, вступает он на поприще подвижничества и, будучи свободным от душевных желаний, начинает схватку с противником.

46. И посмотри на происки врага и на крепость и разумность Арсения. Поскольку любовь к родителям есть некие трудно расторгимые узы, самым естественным сплетенные, и немногие при помощи философии стяжали убежище от них, то через это пытается враг погубить и Арсения. Но он, имея большое доверие к блаженному Симеону, с самого начала разорвал эту связь, словно паутину, как покажет дальнейшее описание его деяний. Мать Арсения была еще жива и проживала на Понте Эвксинском. Кознодей побудил ее и подвигнул, чтобы ради горячей любви к сыну дошла она до царицы городов. Придя в город, разузнает она, где находится прибежище и местопребывание сына, стремительно туда спешает и, простершись перед воротами, со слезами просит позволения увидеть сына.

Привратник, не стерпев настойчивости женщины, рассказывает Арсению о ней и о том, как она говорит: «Не встану с этого места, если не увижу сына моего возлюбленного». И что же истинный ученик истинного пастыря и учителя? «Я, – говорит он, – уже умер для мира; как же, брат, обращусь я назад и увижу, как ты говоришь, родившую меня во плоти? У меня есть родивший меня по духу, от которого ежедневно я вкушаю чистейшее млеко (ер. 1 Пет. 2, 2) благодати Божией, – я говорю о моем отце по Богу, который, родив меня в Духе, стал для меня и матерью, как говорится, и который в лоне и утробе своей лелеет меня, словно новорожденного младенца. Я никогда не смогу его покинуть и устремиться за ней, даже если услышу, что она у ворот испустила дух».

Выслушал это привратник и передал матери сказанное Арсением. Три дня, проливая слезы, пробыла она у ворот и отправилась в обратный путь, так больше и не увидев своего сына, не побежденного природной любовью.

47. Если таков был рожденный в начале ристалища, каков же был по высоте добродетели и знания родивший его? Ведь говорит мудрец, что по сыновьям познается родитель (см. Сир. 11, 28). Едва начав готовить Арсения к подвигам за добродетель, Симеон увидел, что ученик прилежен в любом послушании, и не замедлил предоставить жаждущему способы приобрести пользу: он повелевал Арсению то ухаживать за мулами, то помогать на поварне, а иной раз носить воду и выполнять всякую более низменную работу. Арсений же не только охотно нес эти труды, но превосходил всех своих сподвижников-монахов в перенесении прочих трудностей, как-то в посте, бдении и молитве. Поэтому, когда в начале его пребывания в монастыре настал пост святой Четырехдесятницы, он, будучи еще неопытен в подвижничестве, обращается к Симеону с просьбой провести первую неделю совсем без пищи. А святой, видя его горячее усердие, как и подобает, радовался и побуждал его к аскетическим подвигам, однако не хотел, чтобы тот следовал собственной воле, но предпочитал, чтобы он извлекал пользу большую и совершеннейшую через отсечение своей воли. Поэтому Симеон не потакал его воле. А тот возгорелся и, стараясь избежать препятствий в начатом деле, добивался исполнения своей просьбы.

48. Но так как блаженный муж часто пресекал его порыв, а тот часто настаивал на исполнении своего желания, то говорит ему Симеон: «Арсений! Было бы прекрасно и очень полезно для тебя не собственной воле следовать, но больше слушаться моих повелений; если же тебе кажется, что полезно исполнить собственное желание, как ты рассудил, то я, хоть и с неохотой, все же позволяю тебе сделать то, что ты хочешь. Смотри же, что предстоит тебе претерпеть и какой плод неповиновения ты получишь». Сказал, – и когда наступила первая неделя, Арсений со всем присущим ему пылом и с горячим усердием безрассудно приступает к более совершенным подвигам, будучи еще новоначальным. Когда же все прочие в десятом часу ушли на ужин, он один оставался без пищи, взирая на святого Симеона и желая ему подражать. Но во время ночного бдения четвертого дня, стоя среди воспевающих псалмы, он внезапно лишается чувств и падает навзничь, – бедствие от преслушания, очень грозный и страшный пример присутствующим. А святой, предвидя случившееся и поручив одному из учеников держать наготове сосуд с разведенным вином и немного хлеба, дает знак нести это прямо на

утреннюю службу и приказывает, как только вино и хлеб будут принесены, поднять Арсения и накормить его этим. Приняв пищу, тот поднялся с превеликим, сколь можно выразить, стыдом и слышит от блаженного: «Если бы ты был во всем подобен братьям, то, находясь среди них на бдении, не претерпел бы ничего неподобающего. Но поскольку ты раньше времени по гордыне и непокорности души поспешил достичь большего и стяжать первенство среди прочих, то по справедливости ты и меньшего не удержал».

49. С этого времени охватило Арсения непритворное раскаяние; от сознания позора ввергло оно его в глубину смирения. И дабы повествование наше показало его преуспевание в смирении, мы вспомним во украшение рассказа один или два случая из того, как поступал с ним блаженный ради смирения его. Исполняя служение келаря, Арсений однажды промыл пшеницу водой и поставил ее в притворе храма. Одну дверь он оставил открытой, чтобы зерно просушивалось. Но откуда-то налетели вороны, забрались внутрь храма, наелись зерна, сколько могли, прыгали и кричали. Услышав их голоса, Арсений бросился туда и нашел их жадно глотающими зерно, а зерно повсюду раскиданным. И вот, увидев это и преисполнившись гневом на птиц, он затворил дверь, палкой перебил их всех и побросал на землю.

И словно содеявший нечто праведное, сообщает он об этом блаженному. А тот, будто бы благосклонно приняв слова его, говорит: «Ну-ка, пойдем, посмотрю я, хорошо ли ты сделал, что убил их». Придя на место и увидев, что убитые птицы распростерты на полу, святой опечалился и вознегодовал на безрассудный порыв Арсения. Позвав одного из чад своих, он приказал принести веревку, связать ей всех птиц и повесить на шею Арсению. Исполнение приказанного опередило слова, и тогда блаженный повелел вести виновного через весь монастырь и поставить на виду у собратий-монахов. Это позорное действие Арсений переносил с таким сокрушенным настроением, что реки слез струились у него, и он громко называл себя убийцей. Итак, довольно рассказанного, чтобы показать добродетель обоих и любомудренное делание их благочестия.

50. Но надо еще прибавить к рассказанному то, что едва не ускользнуло от нас. Однажды к блаженному пришли друзья. И так как одному из них по причине какого-то телесного недуга требовалось вкушать мяса, – и притом мяса только что оперившихся голубиных птенцов, – то сострадательный и блаженный Симеон приказывает зажарить птиц и предложить нуждающемуся. Когда же недужный ел, сидевший тут же за столом Арсений смотрел на него с негодованием. Так вот, блаженный Симеон заметил его состояние и, желая научить его внимать только себе и не считать возможным оскверниться от принятия чего-либо, – ведь сказано, что *для чистых все чисто* (Тит. 1, 15), *ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его* (Мк. 7,15), – а вместе с тем, желая показать высоту смирения ученика сотрапезникам, чтобы узнали они, что есть истинные чада послушания Богу и добродетели, говорит ему; «Почему, Арсений, ты не внимаешь одному себе и не вкушаешь хлеб свой со смирением, долу потупив очи, но, устремив взор на вкушающего по немощи мясо, страдаешь от помыслов, думаешь, что ты более благочестив, чем этот человек, если ты вкушаешь овощи и земные семена, не так, как орлы поедают голубей и куропаток? Или ты не слышал, как говорит Христос: *Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст* (Мф. 15, 11), как-то: убийства, прелесть, любодеяния, зависть, корыстолюбие и прочее (см. Мф. 15, 19)? Почему ты, непонятливый, не смотришь и не помышляешь со знанием, но столь неразумно внутри себя осудил вкушающего, конечно уж пожалев об убийстве птиц, и забыл о том, кто сказал: *Кто не ест, не осуждай того, кто ест* (Рим. 14, 3)? Теперь ешь и сам от них и знай, что ты больше оскверняешься помыслом, чем вкушением этих птиц».

51. И, схватив одну из птиц, святой бросил ее Арсению, приказывая ему есть ее. А тот, как только услышал это, содрогнулся от жестокости приказания, но зная, что непослушание тяжелее вкушения мяса, положив поклон и испросив благословения, взял птицу и начал пережевывать ее и есть со слезами. Когда же святой увидел, что он уже достаточно измельчил пищу

зубами и готовился пропустить ее в желудок, он говорит: «Довольно с тебя, выплюни остальное, ибо если ты, обжора, начал есть, даже целый голубятник не сможет насытить тебя и остановить твою похоть». Так без рассуждения славный ученик великого этого отца исполнил послушание, которое перед лицом Бога обещал хранить до смерти. Не напрасно и не без умысла рассказываю я об этом, но чтобы показать знание учителем науки добродетели, преуспеяние учеников его в смирении и то, как велико было и у учителя и у учеников дело благочестия – в роде сем, который пренебрег Божественным и тщательным деланием добродетели, свойственным отцам.

52. Но, если угодно, обратим повествование и к другому его ученику. Ведь рассказ этот не только не без приятности, но и пользу доставит вам вместе с удовольствием.

Был некий епископ, из западных, весьма боголюбивый по характеру и образу жизни, разумный, чистый и добродетельный. По причине дьявольской зависти впал он в тяжкий грех убийства. Но я расскажу по порядку, как это произошло. Епископ однажды сидел у входа в свою келию, держа книгу в руках, и почувствовал легкую жажду. Был вечер. И так как прислуживал ему горячо любимый племянник, то и зовет он отрока, чтобы тот приготовил ему чашу разбавленного вина. Тотчас же выполнив просьбу, мальчик приносит чашу епископу, то есть своему дяде. Приняв ее и отведав, епископ преисполнился неудовольствия, потому что смесь была тепловатой. Тогда он поднял посох, который держал в руках, и, схватив его пальцами посредине, замахнулся на мальчика, как бы желая его напугать. А посох – о, непостижимый Твой суд, Христе! – по действию дьявола выскользнув из рук епископа и ударив мальчика по темени, мгновенно исхищает его из здешней жизни: поверженный отрок падает на землю мертвым. Епископ же, увидев, что племянник, вопреки всем его намерениям и по его же вине лежит на земле, бездыханный и мертвый, бросается на него с воплями сожаления и со слезами просит, чтобы и ему самому отдать душу.

53. Когда же плач его возвестил всем о несчастий, собирается клир его епископии, сокрушается и оплакивает не столько ребенка, сколько своего пастыря. Ведь был он для всего клира человеком добрым, кротким, спокойным, справедливым, сострадательным, милостивым, деятелем всякой добродетели и правды; поэтому, желая вывести его из состояния глубокого отчаяния, люди умоляли, припадали, кричали, что они претерпят за него все – даже наказания рабства и злострадания. А он, как пораженный до самой глубины, не мог даже слышать то, что они говорили. Утром встал он, предал погребению останки умершего, обвязал себе шею цепью и, отдав ее конец одному из слуг, приказал силой влечь себя в Рим. И вот, когда люди епископии увидели, что ничего не добились и что уже не могут удержать уязвленного до глубины души епископа, с громкими рыданиями соглашаются они на его отбытие. Быстро пройдя пешком столь великое расстояние по длинному тому пути в слезах и рыданиях, епископ входит в Рим с цепью на шее, влекомый слугой. Он исповедует свой грех папе и находившимся в Риме архиереям голосом, прерывающимся от плача и воплей. Видя его безграничное сокрушение и слезное покаяние, они не только быстро дали ему разрешение в его горе, но бесчисленными словами утешения умягчили боль страждущей души. Но побеждаемый сердечной тоской епископ оставался безутешен.

54. Оттуда направляет он влекущего его слугу к великому граду Константинову. Еще и этот путь проделав пешком, он достигает царственного града и, войдя в великую церковь Бога, со слезами исповедует свой грех патриарху и архиереям и, окончив речь, вместе с цепью слагает с себя епископское достоинство. Душевно был любим епископ патрикием Генесием, и сам он того любил в равной мере. Когда патрикий узнал о случившемся, он пригласил епископа в свой дом, обласкал его и словами утешения ободрял его душу, беседовал с ним, как изменить ему жизнь, и прямо спросил об этом, то есть каковы его намерения и какой образ жизни выберет он для остатка своих дней. А тот ответил: «Уединение, и притом в горах, пещерах и в недрах земных». Охваченный глубочайшим сочувствием, патрикий сказал: «Я не думаю, отец, что это будет хорошо для тебя: но если ты слушаешься моего доброго совета, то возлюби

проводить монашескую жизнь в киновии и получишь немалую пользу через отсечение своей воли». Епископ ответил: «Где же, господин мой, я мог бы найти киновию, окормляемую сведущим пастырем, чтобы мне, отягощенному невольным преступлением, всецело предать себя на добровольную смерть?»

55. Генесий, имея духовным отцом блаженного Симеона и зная, сколь велик он в пастырстве и врачевании душ, рассказывает о нем епископу и говорит: «Если ты стремишься к истинной пользе и хочешь увидеть второго Арсения Великого и со всей тщательностью устроенную киновию – пойди посмотри и, увидев, уверуй». Патрикий пошел впереди, а епископ тотчас же последовал за ним, и так достигли они вместе киновии блаженного, дали ему о себе знать и были ласково встречены. Когда же святой муж узнал, что приключилось с епископом, он восскорбел душой и, только слушая, проливал потоки слез. Когда же епископ увидел сочувствие святого мужа и услышал из уст его слова участия, он повергся к его ногам и просил позволения быть принятым в обитель, изменить внешний вид и поселиться вместе с его учениками. А блаженный муж, тотчас уразумев горячий порыв этого человека и познав духом, каким богоизбранным сосудом тот станет, принял его и, сотворив над ним все, что полагалось для пострижения его в схиму, наименовал иерея Божия Иерофеем.

Достигнув того, чего так горячо желал, Иерофей немедленно вступил, по доброй воле, во всеборье с уязвившим его врагом. Он изнурял свою плоть постами и длительными страданиями, укрощал себя бдениями и всенощными стояниями на молитвах, сокрушал дух свой в услужении братьям. В жажде страданий он притворялся, будто бы нечаянно, а на самом деле намеренно, разбивал горшки с нечистотами, которые он выносил, чтобы услышать ругательства или даже получить пощечины. Принимая оскорбления, он радовался, словно получал нечто желанное, и жаждал испробовать бичевания, чтобы, подставив ударам внешнюю оболочку, освободить внутреннего человека от будущих скорбей. Столь великое умиление было ему дано тогда вместе с избытком слез, что он не мог их сдержать ни днем, ни ночью.

56. Чтобы на одном примере показать всем, как от его усердия через скорби и искушения возникала жизнь добродетельная, расскажу только нижеследующее и сейчас же обращусь к блаженному Симеону.

Когда однажды Иерофей исполнял службу на складе, святой муж поручил ему наполнить из бочки один из пустых сосудов. Иерофей тотчас же повиновался и пошел к бочке. Был же у него обычай всегда петь псалмы и плакать, даже когда он шел исполнять службу, и прикладываться к образам святых и к начертаниям креста, хотя бы их были десятки тысяч. Случилось так, что крест был и на обеих сторонах крышки бочки. Иерофей открыл бочку, приложился к кресту и, закрыв крышку, снова припал. Приложившись и опять открыв бочку, он наполнил пустой сосуд, поставил его на бочку и так оставил.

Затем, снова подняв крышку, он начал целовать крест, а сосуд тотчас же опрокинулся, и вода стала выливаться на землю. Увидев же, как опустошается сосуд, он с улыбкой сказал: «Клянусь юродивым Иерофеем, о злой бес, я не подниму его, пока не приложусь к моему кресту – ведь я знаю, что ради этого ты и устроил такое зрелище!» Когда же сосуд совсем опустел, Иерофей поднял его, поспешил к блаженному отцу и рассказал обо всем происшедшем. А святой, зная усердие Иерофея и зная, что он все делал для того, чтобы навлечь на себя бесчестие, и желая жаждущему венцов предоставить таковые, приказал поступить с ним следующим образом.

Так как в этот день случилось насельникам грузить на монастырских мулов множество пустых сосудов, то Симеон приказал поместить на них Иерофея и так везти до Ксиролофа, а влекущему его говорить: «Если кто-либо повредится умом, то вот какой триумф его ожидает!» Так и сделали: посадили Иерофея поверх груза, погонщик мулов стал громко возглашать то, что было ему приказано, а дивный Иерофей вторил ему, проливая вместе со словами потоки слез.

57. Чтобы кто-нибудь не подумал, что этот человек по причине плохого обхождения с ним навлек на себя ненависть некоторых учеников Симеона, я коротко расскажу другой случай с Иерофеем, который свидетельствует о его доверии к блаженному мужу.

Однажды блаженный послал Иерофея навестить упомянутого патрикия. Увидев друга, патрикий весьма обрадовался и, угостив его, дал ему кошелек с золотом. Тот сначала не хотел брать кошелек, ибо не имел в нем нужды тот, кто никогда ничего не имел, кроме власяницы. Но так как патрикий стал заклинять и принуждать его, он все же взял кошелек и, сняв покров с головы, положил туда деньги. Держа деньги в протянутой руке, он в таком положении побежал прочь; достигнув монастыря, он увидел блаженного и вывалил кошелек с золотом ему в руки. Такое доверие и несокрушимую любовь к святому имели и этот славный ученик его и прочие – все, для которых бегство из мира было неложным, даже если подвергал их учитель многообразным испытаниям через то, что казалось тягостным и искусительным, дабы никто не оказался порочным и упрямым, сбившимся с пути ребенком и из-за своей порочности не стал ненавистным отцу. В таковой любви к Богу преуспел, среди прочих учеников Симеона, и Иерофей, что, если ему случалось когда-либо читать книгу, то, сколько бы раз ни было написано «Бог», или «Христос», или «Иисус», он прикладывал к этому Божественному наименованию свой правый глаз, затем другой, и плакал до тех пор, пока книга и грудь его не увлажнились слезами.

58. Такие нивы обрабатывал триблаженный и великий отец наш Симеон и таковых учеников приобрел. Ведь если я попытаюсь упомянуть одного за другим избранных учеников его – мудрейшего Льва, по прозванию Ксилокодон, то есть «Деревянный колокол», Антония, Иоанникия, Сотирixa, Василия и Симеона, и некоторых других мужей, взыскующих Духа Святого, то мне, повествующему, останется сказать вместе с апостолом: недостает мне времени и бумаги, чтобы повествовать о них (см. Евр. 11, 32). Но довольно об этом.

59. У дивного Симеона все шло хорошо: собрал он прекрасную паству Христову, подготовил достойных, горящих духом учеников и научил их всей душой служить Господу. Но сильно огорчали его повседневные дела и забота о них, потому что они отвлекали его от наилучшего и желанного безмолвия. Движимый Святым Духом, он замышляет устроить управление киновией и учениками согласно древнему обычаю и самому впредь освободиться от забот и снова, как раньше, предаться деланному безмолвию. Ведь любовь к безмолвию захватила его душу и даже среди суеты держала его отчужденным, чаявшим перемены к лучшему. И вот, по решению патриарха Сергия добровольно оставляет он игуменство, а игуменом ставит вместо себя ученика своего Арсения, только что достигшего Христова возраста, а духом стремительно поднявшегося до мужа совершенного, могущего пасти Христова стадо. Сам же он отделяет для себя один угол, наравне с прочими монахами возводя очи к рукам ученика в христоподражательном смирении (ср. Пс. 122, 2). С этого времени ученик Арсений приступает к попечительству над киновией, а пастырь и учитель всех монастырских насельников – к занятиям в уединении и к созерцанию логосов творения. Так что один ведет паству, а другой молитвой укрепляет ведущего и, наблюдая за сокровенными побуждениями прочих, направляет их к лучшему и более совершенному.

60. Но сначала собирает он учеников и при них обращается к дивному Арсению и ободряет его следующим поучением. «Ты знаешь доподлинно, – говорит он, – мою глубочайшую любовь к тебе и ко всем остальным – моим чадам и братьям, отче и брат, и да не забудешь ты никогда моей любви, моего сострадания, моих слез, которые проливал я за вас денно и ночью перед лицом Бога в течение двадцати пяти лет игуменства, но да будешь помнить об этом и будешь подражателем моего доверия к отцу моему духовному и отцу вашему, – я говорю о блаженном Симеоне. Зная мою к нему приверженность, да поведешь ты с верой отцов и братьев своих, да будешь заботиться о них, как о собственных членах (см. 1 Кор. 12, 26-27), и, если нужно, душу свою за них положишь (см. Ин. 15, 13) и не предпочтешь ничто из мирских

вещей любви к ним. И раз уж из всех прочих тебя избрал Святой Дух на игуменство и присудил к этому через мое смирение, то следует тебе, согласно со словом Господа и Бога нашего, быть последним по образу мыслей и Божескому смирению (см. Мк. 9, 35), дабы как сильный носил бы ты немощи слабых, как врач лечил бы недуги братьев, как пастырь возвращал бы заблудших и дабы добрым помогал рождать в изобилии добродетель, а исполненных пороком и нерадением удалял бы от своего словесного стада, чтобы не передать болезнь и здоровым. А я уже состарился, много перенес и отдохну немного от трудов и буду пребывать вместе с тобой близ Бога душой, успокоенной и несмущаемой.

61. Так постарайся, чадо мое о Господе, увеличить паству Господню заботой о ее словесных овцах, да не уклонишься ты к телесной слабости или изнеженности; не накапливай монастырское добро больше для себя, чем для братьев ради наслаждения. Не стремись часто отлучаться; хватит с тебя выйти раз в месяц, чтобы сделать наиболее необходимое для твоей обители, остальное выполнят за тебя прислужники, которые будут хранить тебя пребывающим в неотступном служении слову и в заботе о братьях. Не готовь для себя дорогие кушания, но такие, какие установлены для подчиненных тебе братьев – скромные; давай им для питья кислое вино, но да будет общая трапеза у тебя и чад твоих, одинаково с тобой жизнь проводящих и тебе единомысленных, кроме случаев немощи или посещения друзей. Еду на всех пусть готовит келарь: вареные овощи и злаки, или рыбу раз в неделю, в воскресенье или в Господский праздник. Что же касается дел монастырских, то все их один выполнить не пытайся: довольно с тебя главного и необходимого дела – я имею в виду заботу о душах братьев. Но каждому из живущих благочестиво и богобоязненно назначь обязанности по твоей киновии, сам испытывая их помыслы, согласно преданию свидетеля и исповедника Христова отца нашего Феодора Студита, которое мы приняли по отеческому завещанию как богатое наследство.

62. Не впадай в гнев и раздражение против чад твоих и братьев, если только нет повода, чреватого опасностью для их душ, но, напротив, поучай их кроткой речью, наставляя, как каждому подобает жить и вести себя среди братии. Пусть молодые и неукрепленные щадят себя и остальных братьев, чтобы видящим их не причинить вреда дерзостью и недисциплинированностью, свойственным юности. Тех, кто долго пребывал в подвижничестве, ты будешь разумным словом учить терпению в искушениях, смирению, плачу, заботе о молитве и исполнению заповедей Божиих на пользу остальным. Священнослужителей – благочестию, безмолвию, изучению Священного Писания, знанию апостольских правил и преданий, точному следованию догматам, чистоте сердечной, непрестанной молитве и умилению, стоянию со страхом у престола Божия, чтобы через слово и дело они стали бы для всей братии и для мирян Божественной солью и светом (см. Мф. 5, 13–14), *содержа слово жизни* (Флп. 2, 16). А если тебе придется когда-нибудь выступить против нарушителей порядка с благорассудительным гневом и с исправительной розгой (см. Притч. 22, 15), чтобы как-то устранить порок и отсечь дурную привычку, – это также не чуждо Церкви верных. Ведь всякое деяние наше, устраняющее зло и помогающее праведности и добродетели, похвально и богоугодно. Не скапливай добра в своей обители ни для родителей, ни для родственников – ведь ты раз навсегда отторгнул их от себя и презрел привязанность к ним, – но обращай с ним как с господним достоянием и так охраняй его, как тот, кто должен дать отчет Богу даже за ничтожную вещь. А родным, если они в нужде, дай только необходимое как нуждающимся, чтобы под личиной кротости ради похвалы от людей из-за какого-нибудь пустяка ты не преисполнился гордыни и не презрел евангельскую жизнь и монашеское устройство, но, подражая твоему Христу и Богу, скорбя и бесстрастно возмущаясь (ср. Ин. 11, 33), защищай заповеди Божии.

63. И да будет у тебя точность суждения со всеми и при исповедании помыслов каждого, чтобы ты знал, кому из них нужно стоять с молящимися, кому с причащающимися, кому отдельно и с кающимися, чтобы сознательно или бессознательно не сделать церковь Божию вместо святого храма вертепом разбойников или блудилищем: за это ты не избежишь страш-

ного суда Божия гнева. Соделай же твоих духовных чад благоговейными, согласно написанному: *благословляйте Бога, прославляйте Его, признавайте величие Его и исповедуйте пред всеми живущими, что Он сделал для вас. Доброе дело – благословлять Бога, превозносить имя Его и благоговейно проповедывать о делах Божиих; и вы не ленитесь прославлять Его* (Тов. 12, 6), – и учи их благоговейно относиться к местам, посвященным Богу, и к предметам служения Ему. Знай, что прикасаться к этому апостолы благословили только самых благоговейных монахов в священном сане, участвующих в Таинствах. Поэтому не позволяй всем желающим входить в алтарь Божий, но, как сказано, только тем из братии, кто посвящен и освящен. Что же касается остального, полезного твоей обители, то имеешь наставление и от отцов переданный устав в боговдохновенном «Завещании» великомученика и исповедника Христова Феодора – общего наставника для нас, рабов его, и святого отца нашего Студита. Если ты соблюдешь это и станешь так поступать, полагая душу за любовь к братьям твоим, то верен Бог отцов твоих (см. 1 Кор. 1, 9; 10, 13), что велика будет твоя награда на небесах и наследие твое вместе с Иисусом Христом, *Пастыреначальником* нашей Церкви верных (1 Пет. 5, 4). А в будущем твое отдохновение вместе с Антонием, Евфимием, Симеоном и Феодором, блаженными отцами нашими. Таково, отец, брат и игумен, мое к тебе поучение и завещание.

64. Подойдите также и вы, чада, братья и отцы мои, коих собрал я вместе с Иисусом Христом, Богом моим (см. Лк. 11, 23), и коих родил я через Дух Святой в преподавании слова. Выслушайте меня, недостойного отца и учителя вашего, и мне как уставшему дайте место для отдыха и для малого перерыва в трудах, чтобы я немного вздохнул и посмотрел на себя самого. А перед тем, кто благодатью свыше и моим смирением назначен игуменом вашим, преклоните колена и сердца ваши – умоляю вас во имя Иисуса Христа – и примите его, как и меня, и его и вас родившего через благодать свыше, и *смиритесь под крепкую руку Божию* (1 Пет. 5, 6) и перед ним, ставшим уже пастырем вашим по святому избранию вашему. Итак, никто из вас да не презрит ни его юность (ср. 1 Тим. 4, 12), ни лишенный прикрас слог его поучений: ведь если он невежда в искусстве речи, то в познании благодати совсем не невежда. А ведь деятельное слово, соединенное со знанием свыше, мудрее безумного людского мудрования, подобно тому как солнце светлее и лучше звезд.

65. Поэтому-то приклоните ухо ваше к словам уст его, и он передаст вам изначальные наставления, которые он услышал и узнал и которые поведали ему отцы его. Ибо истинное смирение у людей способных распознается по изучаемому и всему прочему, а именно, по умению предоставить уши для слушания того, что будет им рассказано и что узнают они из уст учителей. Вот таким образом всякий человек принимает семена слова, смиряясь перед братом, и знает, как получить тридцатикратный, шестидесятикратный и стократный совершенный плод Духа Святого (см. Мк. 4, 8, 20). Да не явится никто противоречащим или не подчиняющимся игумену, да не будет никто непослушным или дерзким; но все вы будьте покорны, все кротки, все подчиняйтесь вашему духовному отцу, поскольку, согласно Божественному апостолу, он должен бодрствовать и молиться за души ваши (см. Евр. 13, 17). Да совершает он это с радостью и без ропота – иначе это не принесет вам пользы в здешней жизни. Спешите с верой исповедовать ему помыслы, которые сеют в вас бесы, так как, согласно пословице, выявленные раны не гнивают. Подобно тому как змеи, пока прячутся в своих норах, живут и рожают многих змей, но когда выходят из нор и выползают наружу, сами становятся видимыми для людей и уничтожаются ими, таким же образом и лукавые помыслы, будучи нами как бы на столбах записаны и обнаружены перед отцами нашими, устраняются мечом Божия слова (см. Еф. 6, 17) и не порождают в нас согласия с ними, направляющего делание наше ко злу.

66. Если же, по причине нерадения, что-нибудь из дурных помыслов осуществится и мы совершим что-нибудь по человеческой слабости, тогда – умоляю – да не закоснеем в проишедшем, но поспешно бежим и припадем к ногам преподобного отца нашего и без стыда со слезами обличим порок, в горячем покаянии примем от него заживляющие лекарства или

даже прижигания и скоро получим исцеление. Не принимайте враждебно то, что он говорит и делает, даже если это противоречит мнению святых отцов, но в настоящий момент склоните перед ним головы. Потом же, если есть среди вас такие, которые отличаются от остальных возрастом, образом жизни или образом мыслей, пусть сообщат ему мнение того, кто с ним не согласен, как предписал и Василий Великий: «Претерпите его в день искушения и горечи Господа ради, никак ему не противясь и не восставая на него». Ибо противящийся ему и восстающий на него противится власти Божией, как говорит апостол Павел (см. Рим. 13, 2). А во всем том, что не противоречит заповеди Божией, апостольским установлениям и правилам, надлежит вам всячески повиноваться ему и слушаться его, как Господа. Но во всем, что грозит опасностью Евангелию и законам Церкви, не следует слушаться ни его наставлений и повелений, ни даже и Ангела, если бы внезапно сошел он с неба, благовествуя вам не то, что благовествовали самовидцы Слова (см. Гал. 1,8).

67. Так соблюдайте же, чада мои и братья, то, что проповедал я каждому наедине и отдельно для того, чтобы стяжать добродетель, как Богом данное для сокровищниц сердец ваших. Более того, трудитесь над этим и умножайте его как добрые рабы Христовы, дабы, сохраняя эти малейшие таланты и их пуская в дело, вы были допущены благодатью Христовой к вкушению множества благ Царства Божия и дабы соцарствовали с Ним и наследовали Царство Божие, уготованное праведникам от создания мира (см. Мф. 25, 34). Итак, приветствуйте меня и отца вашего, господина игумена, святым целованием (ср. Рим. 16, 16). И Бог, Который есть мир (см. Рим. 15, 33), превосходящий всякий ум (см. Флп. 4, 7), да восстановит среди вас мир свой и да поведет вас по пути заповедей Своих (см. Пс. 118, 35) и да возрастит паству свою – вас, хранящих доверие к отцам вашим по Богу, – в святое собрание, народ избранный, царственное священство Его во Христе Иисусе (см. 1 Пет. 2, 9)».

68. Преподав эти и другие увещания дивному игумену Арсению и остальной братии, святой отец наш Симеон водворяется в мастерскую безмолвия и с тем большим рвением отдается желанному любомудрию. Поскольку долгий пробег по ристалищу подвижничества был для него завершен, преуспевание же способствовало стяжанию лучшего, душа его возносилась все выше к горнему и Божественному. Труды в священных битвах превращались в нечто, не требующее усилий, или, странно сказать, в богоподобные упокоения бесплотных сил. Телесная природа превратилась в нетление, ибо выведена была из своего низменного состояния силой свыше. Тогда он снова был восхищен в видения и откровения Господни и стал прозревать будущие события.

69. Однажды, когда он стоял, вознося чистую молитву и беседуя с Богом, внезапно увидел он умом, как начал сверкать воздух, и, хотя он находился в келье, ему казалось, что он вне ее; а была ночь, время около первой стражи⁷⁴. Вверху же, казалось, занимается утренняя заря. О, страшные видения этого мужа! Дом и все остальное исчезло, и он подумал, что вообще не пребывает в доме. Когда же он совсем иступил из себя, всем умом своим постигая этот явленный свет, который понемногу увеличивался и наполнял сиянием воздух, он стал ощущать, что вместе со всем телом отторгнут от земного. Но когда свет тот заблистал еще ярче и ему представилось, что сверху светит полуденное солнце, тогда он понял, что находится внутри явившегося ему света. Сладость пребывала во всем теле его, и он исполнился радости и слез. Более того, он увидел, что самый свет чудесным образом коснулся его плоти и понемногу проник в его члены. Потрясающее видение отдалило его от предшествующего созерцания и направило на постижение только того, что дивно в нем совершалось. И он увидел, что свет постепенно охватил все тело его, сердце и внутренности, сделав его самого всецело огнем и светом. Как прежде забыл он о доме, так и теперь свет заставил его забыть форму и положение, плотскую

⁷⁴ Стража – один из промежутков времени, на которые древние делили ночь: греки – на 3, римляне – на 4, и в которые сменялась стража.

природу и внешний вид тела, и он перестал плакать. А из света дошел до него голос: «Так надлежит измениться живым и оставшимся святым, при последнем звуке трубы, и, став таковыми, будут они восхищены», как говорит и Павел (см. 1 Фес. 4, 16–17).

70. Стоя в таком положении и проводя так много часов, непрестанно славя Бога некими таинственными песнопениями, постигая умом осеняющую его славу и то блаженство, которое будет навечно даровано святым, блаженный муж начал рассуждать и говорить сам себе: «Что же, вернусь ли я в прежний телесный облик или останусь в таком состоянии?» Помыслив это, он почувствовал, как телесная форма, словно тень или дыхание, облекает его. Ведь, как было сказано, он понимал, что весь вместе с телом сделался светом – безвидным, бесформенным, нематериальным. И он чувствовал, что тело присуще ему, но какое-то бестелесное и как бы духовное, ибо он не ощущал, что оно обладает весом или плотностью, и был изумлен, видя себя во плоти словно бесплотного. А свет прежним голосом, как и ранее, говорил: «Таковыми по воскресении, в будущем веке, станут все святые, бестелесно облеченные духовными телами, – более легкими, более тонкими и более способными летать, или, наоборот, более плотными, более тяжелыми и более тяготеющими к земле, – чем будет определено для каждого его место, чин и степень приближенности к Богу».

71. Слыша это и видя исходящий от Бога неизреченный свет, богосозерцательнейший и боговдохновенный Симеон воздал благодарение Богу, прославившему род наш и соделавшему нас причастниками Своего Божества (см. 2 Пет. 1, 4) и Царства, опять полностью вошел в свое тело и снова оказался внутри келии, в прежнем виде и облике, будучи всецело человеком. Впоследствии он клятвенно уверял тех, кому доверял и кому открывал свои тайны, что в течение многих дней он ощущал эту легкость тела, не испытывая вовсе ни усталости, ни страдания, ни голода, ни жажды. Но так как благодаря таким чудесам он сделался всецело достоинством Духа и преисполнился Его Божественных дарований, то понятно, что, предельно очистив свой ум, словно древние пророки, видел он страшные видения и откровения Господни. Имея образ мыслей апостольский, как вдохновляемый и движимый Божественным Духом, он обладал благодатью, исходящей из уст его и, подобно апостолам, будучи неискушен в словесности, стал богословствовать и своими богодухновенными писаниями учил верных точному соблюдению благочестия. Проводя такую жизнь и будучи столь велик духом, он пишет в форме глав аскетические слова о добродетелях и противостоящих им пороках – то, что узнал он из опытного любомудрия и от Божественного знания. Также и тем, кто подвизается в жизни любомудренной, преподает он точное учение и становится для израильского народа монашествующих рекой Божией, переполненной водами Духа.

72. Безмолвствуя, Симеон занимался деланием, свойственным безмолвникам, и, по благодати Духа, достиг такой высоты, что житием, словом и знанием уподобился древним отцам и богословам. Поскольку же надлежало и ему, как тем людям, пройти через огонь искушений и подвергнуться испытанию в своем терпении, подобно Иову (см. Иов 2, 6), испрашивает его искушитель, и он предается в руки его. Но я расскажу по порядку, как было дело.

Упомянутый ранее Божественный муж Симеон, справедливо прозванный «Благоговейным», духовный отец и учитель этого дивного Симеона, достигнув старости после сорока пяти лет строгого подвижничества, стяжал прекрасное свидетельство совести, удостоился апостольской благодати, исцелял и творил чудеса. Будучи неученым, но вдохновляемый Божественным Духом, он написал целую книгу, полную всяческой духовной пользы. Но подобало ему упокоиться от великих подвижнических трудов, о которых всякий желающий точно узнает из подробного их описания; он заболел неизлечимой болезнью и переселился ко Господу, покинув свое многострадальное и терпеливое тело. Его блаженный ученик, зная его блестящие подвиги и подробно изучив его апостольскую жизнь, не умея скрывать дела Божии и Божественные дарования, но умея возвещать о них и воспевать их, по Божественному откровению написал в честь него гимны, похвальные слова и все его житие. И чтобы возбудить в людях ревность под-

ражать тому, кого воспевали, и стать делателями добродетели, память его Симеон стал каждый год торжественно праздновать, по апостольскому преданию, наравне со всеми святыми, написав и икону его как памятник, на котором запечатлена история его добродетельной жизни.

73. Услышал об этом и патриарх Сергий. Он вызывает святого мужа и расспрашивает его об услышанном. Когда же блаженный объяснил ему все, а также и то, как, вдохновленный Божественным откровением свыше, сложил он гимны духовному отцу и написал его житие, патриарх пожелал просмотреть это и вникнуть в написанное. Итак, взяв в руки книги, патриарх внимательно прочел весь труд, был обрадован его содержанием и, произнеся много хвалебных слов и весьма восхвалив твердую веру святого мужа, отпустил его, призвав напоминать ему, когда будет совершаться память отца, чтобы и сам он мог прислать воск и миро и молитвенно воздать почести святому. Так продолжалось в течение шестнадцати лет: и Бог прославлялся памятью слуги Своего, и люди радовались прославлению праведника (ср. Притч. 29, 2), насыщались нищие, освещались храмы, провозглашалась добродетель, и многие начинали подражать святому.

74. А что же лукавый? Предавался ли он до конца покою, видя это, или забыл о врожденной своей злобе? Совсем нет. Он восстает и, вооружившись древним оружием – завистью, воздвигает против Симеона гору искушений и поток различных скорбей. Напрягите слух ваш и выслушайте.

Некий Стефан возглавлял митрополию Никомидийскую – Стефан Алексинский – муж, в речах и в знании отличавшийся от многих, не только влиятельный у патриарха и императора, но способный всякому спрашивающему дать ответ на неожиданные вопросы благодаря широте образования и благоподвижности языка. Он отказался от епископской кафедры по причинам неясным, только ему и Богу ведомым, постоянно был при патриархе и у всех пользовался большой известностью из-за своих знаний. Но и блаженный Симеон, обладая истинным духовным знанием, пользовался в то время всеобщей любовью; его знание вызывало благоговение и восторг, и все его почитали не только как духовно мудрого, но и как святого. А так как невозможно было укрыться городу, стоящему на столь высокой горе (см. Мф. 5,14) премудрости Божией, то это дошло до слуха упомянутого мужа. Он же, будучи о себе высокого мнения и всех прочих презирая, стал как бы насмехаться над известностью святого и порицать тех, кто говорил о его знаниях, называл святого неучем или вовсе деревенщиной, лишенным дара речи, который перед мудрыми и умеющими тонко ценить слово людьми ничего вымолвить не может. Вот что говорил премудрый синкелл⁷⁵ из презрения к святому мужу; однако те, кто лично знал Симеона, распространяли по всему городу более верную молву, во всеуслышание возглашая, что «в роде сем нет равного Симеону в знании, мудрости и добродетели»; слыша это, синкелл уязвлялся жалом зависти. Ведь для него, питающего и разжигающего в себе зависть, невыносимой пыткой стала бы распространившаяся тогда по граду Константина молва, что знаниями и премудрыми речами Симеон превосходит Стефана, тем более что тот, как он слышал, пишет о вещах Божественных и человеческих и даже касается богословия, а сам он одними словами и пустыми звуками сотрясает воздух и только тешит слух.

75. Так обстояло дело: зависть разгоралась все больше и едва не угрожала пожаром. Немного спустя святой встречает синкелла в патриарших покоях, и тот, приняв личину друга, обращается к нему: «Здравствуй, благочестивейший господин Симеон, славный знанием, благочестием и витийством!» А святой отвечает: «Бог, Которому я служу, благословенный господин мой, да подаст тебе в награду за любовь к нам мир в Духе, соответственно твоему приветствию». И синкелл говорит: «Давно я стремился насладиться беседой с тобой и посидеть вместе

⁷⁵ Синкелл – название клириков, живших в одних кельях с епископом. На Востоке патриарх имел при себе корпорацию синкеллов, находившуюся под управлением протосинкелла, который сопровождал патриарха на все соборы. Обыкновенно епископы выбирали в синкеллы людей более образованных, которые могли бы им содействовать в решении важнейших вопросов.

с тобой, чтобы обсудить кое-какие неотложные вещи как с другом и как с человеком, всегда озаренным и предающимся истинному созерцанию. Но так как дела не оставляют нам времени для полноценного досуга, то желание это я отсекаю. И вот теперь, как видишь, приезд твой сюда и встреча с тобой сверх ожидания оказались для меня хорошим поводом. Но, мудрейший, сосредоточь мысли на том, о чем я намерен тебя спросить, а именно, о твоём понимании Самой Троицы, и разреши вопрос: как, скажи, отделяешь ты Сына от Отца, – мыслью или делом?» Этот лукавый и обоюдоскользкий вопрос синкелл приготовил заранее, рассчитывая, что, если Симеон скажет что-нибудь, выбрав одно из двух, то он поскользнется как якобы невежда и, избалованный при первом же нападении, вызовет по отношению к себе много осуждения и смеха, а для восхваляющих его станет явным его невежество.

76. Святой же, будучи потрясен вопросом и суетностью этого человека, сказал в ответ: «Вам, архиереям, дано знать тайны Божии (ср. Мф. 13,11), о, наимудрейший владыка, и излагать их вопрошающим, потому что это ваш самонужнейший долг. А нам, смиренным, на долю которых за всю жизнь не досталось никакой иной философии, как только познавать самих себя, должно предоставить уши учителям и с радостью предаваться молчанию перед теми, кто умнее нас. Поэтому тебе скорее надлежало бы посвятить нас в тайну познания таких предметов, а еще и научить смиреномудрствовать и только оплакивать собственные грехи, не любопытствуя о том, что глубже и выше нас. Но если ты, премудрый, стремишься испытать мой дух и желаешь узнать, какой дар от Бога дается нищим духом, то я, как видишь, ученик рыбаков, не владею изысканной речью. Но дающий молитву молящемуся и слово отвергающему уста может приклонить ко мне ухо, открыть уши души моей и дать благодать Святого Духа то, что следует мне сказать в ответ о сем предмете, чтобы я, удалившись в келию, письменно изложил это и отослал тебе». Синкелл, услышав слово «письменно», усмехнулся и ответил святому с насмешкой: «И я тоже с нетерпением желаю получить от тебя подробное изложение этого вопроса».

77. Итак, один удалился в глубину внутренних покоев, а другой, возвратившись к своей пастве, вооружается чистой и нерассеянной молитвой и, разжегши сердце Божественным огнем, приступает к изложению, описывая вначале прозой и простым языком происшедшее с ним озарение. Затем, уточнив смысл излагаемого и доведя слог до полной чистоты и ясности, составляет труд свой по способу поэтов, в свободных стихах. Силой слова и духа, а также избытком мыслей он разрешил и рассеял трудноразрешимые сплетения того мудреца, подобно льву, который нападает на охотников, распугивает их одним своим рычанием и превращает преследователей в беглецов. Но как бы мимоходом задел он мудреца намеками. Переписав сочинение, он отослал его изощрившему язык (ср. Пс. 139, 4) синкеллу. А сам отныне приготовился к испытаниям. Ведь он уже предугадал духом, что побежденный такой красивой победой не успокоится и не уступит, пока изрядно не напакостит, будучи одержим завистью, раз уж, как написано, всякий обороняется от противника.

78. И вот красобай получает разрешение вопроса. Соприкасается он с глубочайшими мыслями святого, видит величие смысла в словах простых и непритязательных, видит ясность и чистоту слога, несокрушимую силу мысли, деликатность и приятность в обращении, стройность изложения, серьезность образа мыслей, творческую силу, присущую человеку неученому и не вкушившему светской науки. Изумляется он мыслью, лишается дара речи, и даже голос у него пропадает. Но что же дальше? Уязвляется сердце синкелла стрелами премудрого слова, ибо, по Соломону, *слова мудрых – как иглы* (Еккл. 12,11). Распалается он гневом и восстает, чтобы дать отпор святому поношениями против него. Прежде всего синкелл принимается исследовать жизнь святого, не найдет ли чего-либо достойного порицания в помощь приготавливаемой против него клеветы. И затем, не найдя ничего в том, что безупречно, синкелл подстрекает некоторых церковных людей, а они – других из паствы Симеона, и принуждает их поднять крик против него за почитание его духовного отца и за торжественные службы. И вот они кричали и говорили неправду против праведника (ср. Пс. 30, 19), а синкелл положил

на небеса уста свои (ср. Пс. 72, 9), речи его достигли слуха архиерея, и он говорил неправду перед высочайшим Священным Синодом.

79. Но поскольку, как было сказано выше, архиерей, да и остальные епископы не были в неведении происходящего, они сначала отклоняли клевету, зная, что синкелл поражен завистью. «Разве, – говорили они, – есть какое-либо несогласие со Вселенской Церковью и ее установлениями в том, что доставляет душам не какой-то вред, а, наоборот, пользу, когда явно прославляется добродетель?» А тот муж, будучи по природе в высшей степени склонным возбуждать раздоры, не переставал ежедневно долбить архиерейские уши. Патриарх и архиереи Священного Синода в течение двух лет затыкали уши, не давая завистливому голосу места для входа. Им было стыдно подвергать порицанию самих себя, потому что патриарх благоуханиями и свечами ежегодно воздавал почести святому, а многие архиереи по своей воле приходили на праздник отца. Они стыдились выдать свет за мрак, а мрак за свет и назвать желчный язык синкелла сладостью, а сладость истины Симеона желчью (ср. Ис. 5, 20). На самом же деле происходило своего рода сражение между истиной и ложью: первая, соединяясь со справедливостью, мощно отталкивала безумие лжи, а вторая действовала заодно с несправедливостью и от избытка безумия нападала на доброе.

80. Чем же кончается битва между ними? Побеждает зло – иногда ведь оно пользуется удобным моментом и превосходит добро. Смотри, как праведность Иоанна была побеждена пороком Иродиады (см. Мф. 14, 6-11): в танце второй глумится над первой и тут же кичится победными трофеями. Подобным образом и в этом случае зависть, обогнав истину, побеждает праведность, насмеявшись над ней и презрев ее. Непрерывной клеветой синкелл надоел патриарху и архиереям и – о, несправедливость! о, козни сатаны! – поколебал их души; ведь и они всецело являются людьми. И они настаивают, чтобы он выставил какой-нибудь предлог для обвинения святого, чтобы приговор против святого, которого он так добивался, не был лишен основания. Так, я знаю, твердость и крепость камня долбит непрерывно падающая капля, а в душе устойчивость и постоянство повреждаются упорно прокрадывающимся в нее пороком.

81. Из года в год наш Симеон торжественно праздновал память своего духовного отца, как и надлежало ученику. А отец, еще при жизни предварительно крайним бесстрашием умертвив плоть и совершенно угасив ее природные движения, к приближающимся к нему телам имел чувство как мертвец к мертвецу, однако надевал личину чувственности, желая, во-первых, скрыть свое сокровище бесстрастия, – ибо избегал славы и людских восхвалений, словно жалящего в пяту змия, – а во-вторых, незаметно этой приманкой извлечь из глубины погибели и освободить от смерти некоторых долу лежащих, а если возможно, то и всех. Этот его чудесный способ ловли синкелл использует как благовидный предлог для обвинения и выдвигает его перед Синодом, говоря: «Своего духовного отца, который был грешником, он воспеваает как святого вместе со святыми». Таковым было выдуманное мудрым синкеллом обвинение против ничем никогда не обидевшего его Симеона. Таковым был повод осудить этого блаженного мужа, подобный обвинительному приговору Христу.

Ибо Тот тогдашними богоубийцами подвергнулся осуждению как чревоугодник и винопийца, друг мытарей и грешников, Его поносили как бесноватого за то, что Он называл Бога Своим Отцом и почитал Его, как Он и отвечал обвинителям: *Во Мне беса нет; но Я чтю Отца Моего, а вы бесчестите Меня* (Ин. 8, 49).

82. И вот вызывают блаженного Симеона, чтобы он перед Священным Синодом дал отчет в том, что отчету не подлежит, и вводят того, кто никогда никого не обидел, как осужденного, и патриарх говорит: «Что это у тебя, господин Симеон, столь великая ревность в почитании твоего отца, так что весь город сбегается на празднование его памяти и изумляется чрезмерности воздаваемой почести, хотя, как ты видишь, его желчно осуждает боголюбивейший синкелл, имеющий о нем недоброе мнение. Хотя сам я хвалю и приемлю это, но синкелл слишком часто докучает нам и Синоду, произнося против покойного громогласные речи. Поэтому

я хочу, чтобы ты освободил город от излишнего почитания его и совершал его память в присутствии только подчиненных тебе монахов. Так, конечно, и обвинитель твой когда-нибудь откажется от своих неумных нападков на тебя, и мы будем избавлены от его докучливости». А блаженный муж, отвечая, сказал: «То, что можно сказать о вере в моего духовного отца и о его прославлении, как я понимаю, всесвядтой владыка, ты знаешь лучше меня, слуги твоего. Что же касается обвинений против него, исходящих от боголюбивейшего синкелла, то я сочту достойным отвечать на них, когда обвинитель представит доказательства». Тогда патриарх говорит: «Ты дал ответ четко и обоснованно. Но можешь ли ты сейчас доказать, что, совершая память твоего духовного отца наравне с древними святыми, ты поступаешь по установлениям отцов и апостолов, дабы ты оказался точно следующим священным законом?» А святой отвечает: «Если я не смогу представить доказательств от всего Священного Писания, как ты сказал, мой господин, – а ты к этому меня побудил, – то да будет прав мой обвинитель в своих обвинениях и верен перед слушателями, а я заслуживаю любого наказания». Патриарх говорит: «Как можешь, так и скажи сейчас, в чем из Божественных установлений нашел ты себе поддержку, и мы выслушаем тебя с полным вниманием».

83. И вот умудренный в Божественных вещах Симеон начал говорить и с дерзновением сказал примерно так: «Священное собрание! Кто не знает записанных в Евангелии слов Христа, точный смысл коих: Кто принимает вас, принимает Меня, а кто не принимает вас, не принимает Меня, а не принимающий Меня не принимает Пославшего Меня (см. Мф. 10, 40)? И еще: *Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10, 41). А что в своих установлениях говорят те, кто воочию видел Слово? «Прославляй того, кто проповедует тебе слово Божие; вспоминай о нем днем и ночью; чти его как приносящего тебе добро. Ибо где учение Божие, там и Бог присутствует». И далее: «Если о родителях по плоти сказано в Священном Писании: Чти отца и мать твою и да будет тебе благо, и кто поносит отца или мать, да умрет, то насколько больше Слово будет побуждать нас чтить и любить духовных родителей как благодетелей и ходатаев пред Богом! Родивших нас заново, через воду исполнивших нас Святым Духом, напитавших нас млеком Слова, взрастивших нас в учении, утвердивших нас увещаниями, удостоивших нас спасительного Тела и драгоценной Крови, отпустивших нам грехи и сделавших нас причастниками и сонаследниками провозвестия Божия, – их благоговейно почитайте различными почестями, ибо получили они от Бога власть жизни и смерти».

84. А что говорит златоязычный Иоанн в похвалу Филогону? Если, говорит, злословящий отца или мать будет предан смерти (см. Исх. 21, 17), то очевидно, что благословляющий их вкусит жизни. Если же следует, чтобы родители по плоти получали от нас столь великое благорасположение, то тем более родители духовные, и особенно когда похвала не прибавляет прославляемым славы, а нас, внимающих, говорящих, слушающих, делает лучше. Ведь возшедшему на небо совсем не нужны человеческие славословия, потому что он отошел к уделу лучшему и более блаженному, а нам, пока еще пребывающим здесь и нуждающимся в многообразном утешении, подобает возносить хвалы святому, дабы самим снискать такую же ревность. Поэтому и некий мудрец увещевает, говоря: *Память праведника пребудет благословенна* (Притч. 10, 7). Не для отошедших, но для восхваляющих бывает от этого величайшая польза. А что так совершаемое нами благоугодно Богу и что установила это свыше благодать Духа Святого, подтверждает слово мое и Моисей-боговидец, описавший не только жизнь первых людей, но и собственную жизнь, и Ездра, и премудрый Соломон, описавший жизнь Иова, и сам восхваляющий святых Златоуст. Он говорит: «Описание жизни и подвигов святых Божественная благодать оставила нам для того, чтобы, изучив, как они, будучи одной с нами природы, исполнили всякую добродетель, мы стремились к подобному деланию и воспламенялись любовным влечением к ним. Как же происходит это? Если мы будем постоянно помнить тех мужей и, нося образ их в мыслях, будем вести их образ жизни, ибо этим больше, чем всем

остальным, вместе взятым, будет прославлен Бог. Ведь если *небеса проповедуют славу Божию* (Пс. 18, 2), не издавая ни звука, но других подвигая на это благодаря видению, то тем более давшие пример удивительной жизни прославят Бога, даже если молчат, потому что через них славят Бога другие».

85. Смотрите же, как прославлен Бог через почитание моего отца, которое мы устраиваем ему ежегодно. Усвойте крепко, что не только совершается это во славу Божию, но и для народа это очень полезно. И ясно это из слов мудреца: Когда прославляется праведник, веселится народ (ср. Притч. 29, 2). Толкуя эти слова, Василий Великий в похвале мученику Гордию говорит: «Люди радуются духовной радостью при одном только упоминании подвигов, совершенных праведниками, будучи ведомы к ревности и подражанию добродетелям, о которых они слышат. Ведь история жизни тех, кто был под хорошим руководством, словно некий свет, освещает жизненный путь спасающимся. Если похвальные слова иным людям требуют пространных речей, то праведникам достаточно истины о совершенном ими, чтобы показать выдающуюся их добродетель. Поэтому, когда мы повествуем о жизни отличившихся в благочестии, мы прежде всего прославляем Господина через рабов, восхваляем праведников благодаря свидетельству, которое признаем, потому что о них знаем, радуем людей, потому что они об этом слышат. Ибо как за огнем обязательно следует свет, а за миром – благовоние, так и за добрыми делами следует польза».

86. Но чтобы еще более убедительно доказать вам, что бесполезно для жизни не почитать проводивших свою жизнь во многих подвигах, что и сам я сегодня совершаю, приведу во свидетельство самого прославленного в богословии Григория и закончу речь. Что говорит он в похвальных словах Афанасию? «Не благочестиво и не безопасно чтить память нечестивых, а проводивших жизнь в благочестии обходить молчанием». О, Священный Синод! Если, как вы слышали от меня сегодня, поступать так, как я, и святое Евангелие повелевает, и видевшие воочию Слово учат, и святые отцы предписывали, побуждая к этому верных, – так кого же из всех прочих людей, учащего во отклонение от сказанного, будем мы слушать? Если же мой обвинитель знает нечто более глубокое, чем это, что осталось скрытым от меня, а равным образом и от святых отцов и апостолов, пусть он подробно изложит это перед вами, святыми мужами, и я не только молча выслушаю это, но и буду убежден и с душевной готовностью приму установленное священными законами, если предписанное основано на Священном Писании».

87. Желчный обвинитель синкелл был единственным обвинителем праведника и, хотя он не мог привести ни выдержки из Священного Писания, ни благовидного довода, посредством чего опроверг бы сказанное святым мужем, он получил полное согласие заседающих, открыто ему выраженное. Симеон, казалось, поет для глухих и ведет речи на воздух. Поэтому проходившее в беспорядочном словесном сражении расследование окончилось. Но так как зависть – порок, связанный со спорами, когда и побежденный не любит поражения, и победитель не успокаивается, то возбужденный ею синкелл упорно продолжал битву. Целых шесть лет таскал праведника по судам, очень желая, чтобы того осудили на смерть, – о, терпение Твое, Христе Царю! – этот мудрец, архиерей, монах, думавший, что является он для прочих светом знания, мнивший, что содержит он в себе соль Духа. Но поскольку он восстановил против праведника почти всех архиереев, он сделал его врагом и самого патриарха (чему быть не следовало бы). Нашлись же какие-то клеветники из обителей Симеона, пораженные безумием Иуды, недугующие [ненавистью] к учителю; пользуясь поддержкой синкелла и самого патриарха, крадут они в одну из ночей икону святого отца его Симеона [Благоговейного], против которого синкелл вел великую войну, и приносят ее в патриархию. Видя, что на ней изображено множество святых и Сам Христос, одни – все, кто был на стороне обвинителя, – хулили святого мужа, ложно обвиняя его, а другие – все, кто имел хоть каплю истинного знания, – сокрушались о виновниках происшедшего и содрогались от поношения Христа, сказавшего: *Кто принимает вас, принимает Меня* (Мф. 10,40), и еще: *Все, что вы сделали это одному из сих братьев Моих*

меньших, то сделали Мне (Мф. 25, 40). Ведь они знали, что облеклись во Христа святые Его (см. Гал. 3, 27).

88. Таким образом, при порицании одних и при одобрении других, икону святого от обвинителя приносят в Синод. Когда же образ был явлен всем, даже самому патриарху, снова вызывают праведного мужа, и он произносит речь по этому поводу, говоря такими словами: «Что касается меня, то, проверяя себя мысленно, скажу, что я не сделал ничего не обычного или чуждого преданию отцов и апостолов. Но отцы наши, изначально воспринявшие в наследие обычаи и установления Церкви верных, заповедали нам, чтобы мы рассказывали об изображениях святых наших отцов и чтили их и к ним прикладывались, ибо почитание переходит на первообраз Самого Христа, Чей образ мы в себе носим (см. Рим. 8, 29), если Сам Он не посчитал недостойным принять наш образ. Поэтому и написал я эту икону раба Христова, как члена от Его членов, соделавшегося сообразным Его образу. К ней благоговею прикладываюсь, поклоняюсь в этом святом Самому Христу, а ему самому во Христе и Боге, поскольку сам он во Христе через Духа и Христос в Боге и Отце, и Отец во Христе и Боге, по Священному Писанию. *В тот день*, – говорит Он, – *узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне* (Ин. 14, 20).

89. Но ведь и отец наш Иоанн Дамаскин, увещевая верных так поступать, говорит вот что: «Предстателей всего рода нашего, тех, кто за нас перед Богом совершает молитвы, следует почитать, воздвигая во имя их храмы, принося плоды, празднуя их память и веселясь о них духом, чтобы радость созывающих [нас] стала нашей». Немного далее: «В псалмах и гимнах и духовных песнопениях с умилением и состраданием к нуждающимся будем мы, верные, почитать святых, чем лучше всего выразим почтение к Богу, воздвигнем им видимые памятники и изображения и сами станем через подражание их добродетелям живыми их изображениями и памятниками».

Если, говоря это, я искажаю проповедь спасения, то я искажаю также истину и веру, и содейл дело неслыханное, какого никто до сих пор не совершал в Церкви верных, – написал икону святого мужа или даже обыкновенного человека; если же это повсеместно совершается во всей Церкви каждым верным, а от меня одного сегодня, словно преступившего закон, мудрый синкелл требует в этом объяснения, и судят меня как подлежащего ответственности, и, возможно, я подвергнусь наказанию и штрафу, – где справедливость, скажите? Я ведь, как видите, не только написал [эту икону], но с верой и любовью написал [этот образ] на каждой стене мной обновленного монастыря, написал [его] рядом с изображением Христа, воздвигнув памятник добродетели и другим преподав образец добродетели».

90. Сказав это, на глазах у всех припал он к чтимой иконе отца своего и приветствовал ее такими словами: «О, святой Симеон, через приобщение Духу Святому ставший подобным образу Господа моего Иисуса Христа, прославивший Его в членах твоих умерщвлением наслаждений, через длительное подвижничество облекшийся в блистающие одежды бесстрастия, омывшийся собственными слезами, равными изобилием крещальному источнику, носящий в себе Христа, Которого ты горячо возжелал и Которым ты много любим и Которым ты прославлен в чудесах, стяжавший от свыше снисшедшего ко мне голоса свидетельство [твоей] равноапостольной святости, защити меня, смиренного и ради тебя, как видишь, судимого. Моли обрести мне силу достойно переносить оскорбления и осмеяния, подвергаться обидам ради тебя и твоей иконы, а лучше сказать – ради Христа, потому что Он принял на Себя все наше, кроме греха, и, будучи Богом, приобщился нашим свойствам, дабы я стал причастником той славы, которой ты вкусил, находясь еще во плоти, как ты был мне показан одесную Бога стоящим, и теперь еще явственнее вкушаешь со всеми святыми».

91. Так, помолясь, он обернулся, как-то радостно посмотрел на обвинителя и сказал: «Прекрасный господин мой и синкелл! Замечательна борьба твоя и стояние за справедливость. Да оставишь ты все иное и, заботясь о своей совести, непременно обратишься к апостольским правилам и установлениям, не нарушая ни одной, даже малейшей заповеди Христа. Но что

же мы медлим? И почему ты все еще откладываешь [окончательное] решение против нас? Все твое: и престолы, и власти, и служители, и слухи. То, чего пожелаешь. Воспользуйся же принадлежащим тебе. Мы готовы претерпеть все, что уготовала [нам] твоя зависть». Так говорил святой, а тот терзался завистью и не знал, что бы [еще] сделать, видя, как Синод медлит, страшась Евангелия и праведника, сознательно и чисто исполняющего его. Насколько хватило сил, восстает он против иконы, убеждая патриарха и архиереев Святого Синода по крайней мере выскоблить на иконе надпись «святой». Совершившие это немного приостанавливают его ярость. И таким образом, после того, как икона была возвращена Симеону, судилище расходуется.

92. Так что же? Умолк ли впредь однажды допустивший клевету? Никоим образом. Ведь жала истинной мудрости Симеона, пронзая его сердце, совершенно не давали ему успокоиться. Словами какой трагедии описать мне нелепость, происшедшую в городе? Смутив патриарха клеветническими наговорами против этих святых, синкелл убеждает его, – чему не должно бы случиться – о, злоба, на столь многие и великие [вещи] восстающая! – послать [людей], дабы уничтожить все святые иконы того великого отца, где бы и когда бы они ни были написаны. Поистине и лучшие [люди] подвергаются позору. Как же не вспомнил этот славный мудростью муж о Божественном отце нашем, Иоанне Дамаскине, который так объясняет и говорит о святых иконах: «Пусть знает каждый человек, что тот, кто пытается уничтожить изображение, появившееся вследствие Божественной любви и ревности для славы и воспоминания о Христе и Матери Его – Богородице, или о ком-либо из святых, для посрамления диавола и для поражения его и демонов его, и не поклоняющийся ему, не почитающий, не приветствующий его как изображение драгоценное и не как Бога, – тот враг Христа и святой Богородицы и святых, защитник диавола и демонов его; на деле выказывает он свою печаль о том, что Бог и святые его чествуются и прославляются. Ибо изображение есть [как бы] изъяснение и триумф, и надпись на столбе в память о победе тех, кто, будучи не уstraшен, отличился, и в посрамление побежденных и низложенных лукавым».

93. Итак, что же происходит? Тотчас же посылаются люди, дерзнувшие на это ужасное дело. О, как мне рассказать слушателям без слез о том, на что они осмелились?! Одни из изображений преподобного мужа они уничтожили преступной рукой, в неудержимой ярости топором нанося удары изображениям то по голове, то по груди, иной раз по животу, а иногда по бедрам, и не прекращали бить их до тех пор, пока не обращали их в порошок. Другие же иконы спрятали, вымазав их известью и сажей, в то время как монахи и миряне горько рыдали, видя совершаемое христианами в церкви верных (что некогда уже устраивал Копроним для разрушения Божиих храмов), и не смогли защищаться от содежавших таковое, потому что и те и другие назывались христианами. Преступники почитали для себя красотой и наслаждением росписи, подобные театральным, как ради украшения расписываются и священные завесы в некоторых церквях, – я имею в виду палестры, оркестры, охотничьи домики, с различными видами собак, обезьянами, пресмыкающимися, также со стаями птиц и [табунами] коней. А иконы и образы человека, чей образ принял на себя по любви Творец, в соответствии с которым изображается совершенный человек и совершенный Бог, познаваемый в одной ипостаси, изъятые из среды церкви, словно идол, – и ни слова об их соблазне или о соблазненных людях. Так да погибнут порок и виновница его зависть, через которую десятки тысяч святых стали жертвой насильственной смерти. Так египтянин Феофил позавидовал Иоанну Златоусту, и небесный человек стал жертвой его зависти. Так и мой Симеон, избранный сосуд и многогласный орган Духа, став предметом зависти для премудрого Стефана Алексинского, стал ожидать от него страшных деяний, подобно упомянутому святому.

94. Когда опытный в Божественном Симеон увидел, что пламя зависти разгорается все больше и не утихнет, пока противник его и истины, сильный в словах, не навредит [ему], он решил, что следует письменно оправдаться в предъявленных обвинениях. Поэтому он набро-

сал первую свою апологию и разумно отложил ее до времени повторного суда, себя полностью подготовив на смерть за доброе дело. Прошло немного времени, и моего Симеона снова ведут от места подвигов на судилище. Вновь завязывается словесная битва, очень сходная [с прежней]. Борьба обеих сторон была все той же: или совершенно прекратить блестящие празднества в честь святого отца и его прославления, или вовсе удалить Симеона не только из построенного им монастыря, но и за пределы всего этого большого и славного города. Таково было содержание речей, и святой муж вручил апологию патриарху. Она читалась перед Священным Синодом в течение достаточно долгого времени. Словно гром, поразила она разум слушающих мощностью мысли, величиим слога, достоинством стиля, искусным применением [священных] изречений в сочетании с остротой и неопровержимостью истины. Будучи не в состоянии ослабить силу его слова, они поднялись со своих мест, языки их были связаны немотой, и они, осудив праведника, приговаривают его к изгнанию.

95. Таков, друзья, был мудрый исход того, что затеяно было синкеллом, мужем премудрым, монахом и священнослужителем, и на таковую лучезарную высоту вознеслась прославленная ученость его вкупе с любовью к ближнему. Увы! Мы, [ратники] священного воинства, уподобились народу, не имеющему ведения, по слову [пророка] (Ос. 4, 6), и дана нам утроба нерождающая и сосцы сухие (ср. Ос. 9, 14). Переплывши Пропонтиду близ нашего Хрисополя, те, кто увозил блаженного, поставили свое суденышко на причал у небольшого селения, называемого Палукитон. Они покинули святого, совсем не имевшего вещей в зимнее время, оставили среди пустынного места в полном одиночестве, где водружена колонна осужденного дельфина, и, будучи людьми бессердечными, не удостоили его пропитания даже на один день. Итак, когда блаженнейший Симеон понял, что безумие синкелла победило и сбылось то, чего желала зависть его, он без горечи воздает благодарность Богу, Который попустил для него таковому случиться. Прохаживаясь по этому необычайно крутому холму, он запел в какой-то душевной радости слова псалма: *Гласом моим к Господу возвал я, гласом моим Господу помолился. — Излию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возведу... на пути сем, по которому я ходил, скрыли сеть мне. — Смотрел я направо и видел: и не было знающего меня* (Пс. 141, 1–5). И еще: Вот Бог мой, Спаситель и Господь, и буду на Него уповать, и спасен буду Им, и не убоюсь, ибо слава моя и пение мое – Господь; и Он был мне во спасение (см. Ис. 12, 2).

96. Итак, спустившись к подножию холма и найдя там развалины часовни святой Марины, он вошел туда и воздал Богу молитвы девятого часа. Затем, отдавшись краткому отдыху, как истинный ученик Христов, он приветствует друга синкелла следующим письмом. «Всесвященному и святому владыке моему, преславному синкеллу из-за тебя изгнанный и преследуемый твой Симеон. Смотри, всесвященный владыко, какую жатву принесли мне семена твоих подвигов по Богу и рассуждений, какую славу и радость принесли мне, скольких венцов стали они для меня причиной, сколь великим веселием наполнили меня, возвели на вершину духовного знания и стопы ума моего прекрасно утвердили на камне (ер. Пс. 39, 3);

и уготовали мне в ту самую скалу облечься, из которой получаю я воду живую. Она ипостасно орошает меня, движет [мною], говорит со [мною] и побуждает писать тебе, преисполняя всякой радости; она вовсе не позволяет мне чувствовать смертоносные искушения, но, как трех отроков в печи сохранила она нетронутыми огнем, так и меня, как бы спрятав в своей скинии (см. Пс. 26, 5), хранит беспечальным и не ведающим страданий, – за это я благодарен тебе и никогда не перестану благодарить и молиться за тебя. Так что если у тебя есть еще что-нибудь добавить к радованию и славе любящих тебя, не медли сделать это, чтобы мзда тебе увеличилась и воздаяние от Бога, еще законоположившего, было дано тебе преизобильно. Будь здоров».

97. Получив это послание, надмеваемый знанием синкелл прочитал высокие мысли и, не поняв их большую часть, был сражен словесными жалами сильнее, чем, как казалось, сам он сразил святого мужа злыми нападками. И он отвечает, но не словами, – на это он не был спосо-

бен, – а делами. Тотчас же принимается он разить непобежденного, находящегося в отдалении, но не как мудрец, какими-либо доводами разума, – ибо не обладал свободным разумом, движимым любовью, – а как способный на все, изобилующий злобой, коварной болтовней, наветами и недостойными кознями. И вот, без промедления придя к самому патриарху и нашептав ему в уши то, что имел он против Симеона, он раздувает клеветой угли гнева, снова поджигает их и возбуждает сильнейшее пламя испытаний для Симеона. Так как он точно знал, что блаженный муж любит чтить в празднествах [своего духовного] отца и очень щедро раздает деньги бедным, он вообразил, подобно тому Мидасу, который все видел золотым, что святой муж владеет золотыми сокровищами, скрытыми в келии, – где сложены были груды аскетических подвигов. Тотчас же убеждает синкелл патриарха послать [людей] на поиски пресловутых богатств святого. И не только их, но с ними вместе изъять все находящееся в келии имущество – я имею в виду книги, одежду для тела и другие необходимые вещи.

98. Видите, что делает зависть и ненависть к ближнему? Поистине ослепляет и воображает несуществующее существующим и то, чего нет, использует, как если бы оно имело место, и с ним сражается. Итак, обыскивают келию блаженного мужа, которая некогда приобрела сокровище благодати Духа и стала его вместилищем. Ищут зарытые золотые сокровища у того, кто все презирал и отбрасывал и ничего не приобрел, кроме власяницы и плаща для защиты его иссушенного чрезмерными подвигами тела, которое тяготило даже тряпье. Обыскивают [келию] при помощи каких-то лопат и приспособлений, раскапывают пол, проламывают стены, снимают кровлю и даже весь скарб разбрасывают на открытом воздухе. Но бездушная келия, тщательно обыскиваемая в течение целого дня, со своей стороны, стала мстить за своего обитателя; сплющ продырявленная, она ничего не отдала из того, чего искали и чего жаждали погромщики. Тогда были изъяты сложенные в ней книги и малое утешение для тела того человека – все оно состояло из плаща и покрывала, по причине присущей ему немощи. Так вот, узнав о похищении имущества, Симеон апостольским разумом принимает это с радостью, совершенно презрев глумящихся и посмеявшись их наивности, ибо они думали найти золотые сокровища у того, для кого всю жизнь была богатством бедность во Христе и нужда служила трапезой роскошной и более изобильной, чем стол изощренных яств.

99. Итак, один, умудрившийся в злобе, делал все возможное, чтобы, как ему казалось, тем более уязвить святого. А другой снова отправил ему письмо, и первый больше, чем второй, получил ударов в сердце. И говорит пославший письмо так: «Добрый Стефан, господин мой, снова прибавил прекрасные венцы к моим венцам. Но чем же мы воздадим тебе за то, что ты сделал нашему ничтожеству, движимый благим расположением, и делаешь, и я знаю, что и впредь будешь делать, благодетельствуя нам ежедневно уже семь лет? Как защитимся мы перед тобой, усердным в таком деле и знающим, как почтить твоих друзей и угодить им сладкими твоими лекарствами? Но умоляем тебя, да не остановишься в твоих замыслах и не прекратишь деяний твоих; прибавь к ним, если нужно, еще такие, которые сделают труды мои более сладкими. Ты увеличил во мне свет, радость, наслаждение, которые странным образом кипят во мне, наполняя душу неизъяснимой радостью духа в умиротворенных помыслах. Все это ты, пожалуй, полностью приумножишь, творя свои обычные дела, и соединишь нас вскоре с возлюбленным Богом, ради Которого я все с готовностью переношу и ради Которого, как видишь, на меня возложены тобой эти узы изгнания. Будь здоров. Всесвященному и святому владыке моему тобой изгнанный и лишенный имущества твой Симеон».

100. Упомянутая часовня и место, на котором она стояла, принадлежали одному из сановников, Христофору, по прозванию Фагура. Узнав, что святой изгнан и расположился возле часовни, этот ученик святого не медля переправился через Пропонтиду и оказался точно в [означенном] месте. Когда он увидел, что блаженный муж сидит там с одним учеником и нет у него ничего, чтобы согреть свое тело, со слезами стремительно повергается он к прекрасным ногам учителя и горячо оплакивает его несчастье. Когда же он узнал еще и причину изгнания,

он сурово осудил поступки гонителя, однако почел счастливым самого преследуемого и слышавшего всяк зол глагол (ср. Мф. 5,11) по заповеди Божией. Осторожно попросил он святого [позволить] доставить нужные для тела вещи, чтобы тот не испытывал нужды в необходимом. А святой отвечал: «Что, чадо, нужно нам, кроме ежедневного пропитания, которое хлеб и соль с водой доставляют нам в большем изобилии, чем остальные яства? Но если ты, которого мы родили в Духе, больше заботишься о том, чтобы нас ублажать, то ты прежде всего отдашь в дар нам, лишенным крова, вот эту часовню. И если воззрит как-нибудь Бог на нашу скорбь и, взирая, призрит и удостоит нас, гонимых ради Его заповеди, некоего утешения, то мы восстановим обитель монашествующих, и для спасающихся и для тебя деяние это будет в защиту перед Богом и в награду, а нам даст место совершения молитв и исполнения заповедей Христовых». Услышав это и очень обрадовавшись сказанному, сей муж тотчас же приносит в дар святому часовню, посвящает ее Богу.

101. Но отложим рассказ о постройке монастыря, пусть изложение еще раз коснется страданий отца [нашего], и да будет поведено, как все произошло. Итак, молва о сем муже, подобно удару молнии, поразила всех, кого она достигла, и подвигла многих посетить его. Об изгнании же его одними владело одно мнение, другими иное. Он же, обладая апостольским умом, счел нужным позаботиться и о соблазнившихся. Поэтому, когда он рассказывал приходящим, что причинили ему обвинители, оных он повергал в слезы сострадания, потому что они видели его старость и незащитность, а все, кто обладал Божественным знанием и свободно владел словом, ублажали его, говоря: «Блажен ты, отче, что перенес гонение и поношения правды ради, о чем ясно сказал апостол: *Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Тем же Он хуляется, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Ибо время начаться суду с дома Божия* (1 Пет. 4, 14–17)». С этими словами они возвращались, преисполненные [уверенности] в безупречности жизни и слов его.

102. Но чтобы показать себя непричастным ко всякому обвинению и открыть все до одной причины своего изгнания людям, не только теперь приходящим к нему, но, более того, далеко находящимся и тем, которые придут впоследствии, он изготавливает небольшую книжку о себе, пишет и [послание] патриарху Сергию, где словами простыми и понятными откровенно рассказывает о своей вере и о своем дерзновении. Написанное отсылает он патриарху Тенесию и остальным правителям, для которых он был учителем благочестия, чтобы они доставили это патриарху и архиереям Церкви. И вот известные [люди] из начальствующих прежде всего устраивают встречу с патриархом, связно излагают то, что касается изгнания святого и, обличая беззаконие, наполняют страхом душу его; затем вручают ему книжку и письмо. А он, видя, как много знаменитых людей пришло к нему, уважая их известность, [а также] опасаясь, как бы обстоятельства происшедшего не дошли до императора и не закончились для него сильным порицанием, повелевает прочитать это в Синоде. Митрополиты внимательно слушали читаемое и многие из них тяжело вздыхали по поводу синкелла, соделавшего таковое, а многие громко хвалили разумность и чистый образ жизни святого.

103. По окончании же чтения написанного патриарх обращается к властителям и ученикам святого: «Что касается меня, преславные, то против господина Симеона у меня никогда не было скверного подозрения. Более того, я прочитал с самого начала написанное им о своем [духовном] отце и возрадовался, узнав жизнь того человека.

И я приказал воспевать написанное в церквах, восхваляя веру его. Но я не знаю, почему и какое расхождение возникло между ним и синкеллом и возбудило против него и его [духовного] отца несчетное множество обвинений, кроме клеветы ничего не содержащих. А то, что он пострадал от нас, он пострадал не как ошибавшийся в церковных догматах, коими укрепляется правая и непорочная вера, но потому, что неизменно держался своей цели и, почитая отца, не

переставал праздновать с блеском [его память]. Обвинители же его волновались и ежедневно толпой являлись к нам, поэтому я удалил его из монастыря и из города. Но теперь, если он пожелает и если послушается моих слов, он вновь станет господином своего монастыря, и я рукоположу его, с соизволения всего Священного Синода, архиереем в одной из высоких митрополий. Тогда происшедшие несправедливости будут исправлены и ваше к нему неугасимое доверие будет сохранено.

104. Так сказал он и, послав за святым мужем, возвращает его из изгнания. Когда же молва о его приезде распространилась повсюду, словно на большой праздник сходятся все – миряне и монахи, священники и левиты, также все известные члены синклита, которые знали блаженного по его добродетели, для которых он был учителем и отцом, – они вместе с ним направляются к патриарху. Когда сообщили о прибытии отца, выходит патриарх в малую приемную, а там его встречает святой в сопровождении высоких особ. Патриарх говорит: «Что это вздумалось тебе, благочестивый господин Симеон, себя ввергнуть в смуту и этих любящих тебя учеников огорчить, и претерпеть то, чему следовало выпасть на долю осужденного [преступника], а не такого знающего и добродетельного мужа, как ты? Ведь я – да свидетельствует сама справедливость! – имел о тебе высокое и доброе мнение и имел на твой счет кое-какие другие идеи, которые могу довести до конца, если только ты отнесешься к моим словам с доверием и большим усердием. Но послушайся нас хотя бы вот в чем: возвратись снова в свою обитель, где ты положил много трудов, а мы не будем препятствовать празднованию памяти твоего [духовного] отца; просим тебя только немного умерить блеск многодневных твоих торжеств и праздновать только с подчиненными тебе монахами и с приходящими со стороны друзьями вплоть до того времени, когда движимые против тебя завистью или успокоятся, или покинут этот мир и преходящую жизнь. Тогда ты будешь поступать, как тебе нравится и как угодно Богу».

105. А святой отвечал: «В смущении и соблазне, о которых ты сказал, господин мой, виновен не я, а разумный синкелл, который в собственных глазах является человеком ученым, для которого я стал предметом беспричинной ненависти не через что-нибудь иное, как через пустые и ненужные изыскания. В них ему любо попусту расточать время, и при помощи их думает уловлять и испытывать знание и разумение прочих людей, чтобы никто в этом не казался больше него, но чтобы все были побеждены его мудростью и знанием. По справедливости его следует осудить за эту смуту, как говорит апостол: *Смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение* (Гал. 5, 10). А за то, что я пострадал и перенес, а может быть, и еще перенесу, я воздаю благодарность Богу моему и тебе, господину, потому что потерпел не как развратник или злодей, но как раб Христов, соблюдающий апостольские установления и каноны, как учит меня Петр, глава апостолов, такими словами: *Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей... а если как Христианин, то не стыдись* (1 Пет. 4,

15). Поэтому я не только не стыжусь того, что перенес ради заповеди Божией, предписывающей не презирать отцов наших, но радуюсь и почитаю себя блаженным, потому что и сам я, ничтожный, был удостоен дать ответ за одну заповедь Бога моего, понести осуждение за правду и подвергнуться изгнанию по примеру древних отцов наших.

106. Что же касается твоего прежнего расположения ко мне, то я сам ему свидетель, и не только я, но и сама истина, между нами обитающая. Ты почитал нас часто не по заслугам и от нас всегда получал почести. Ты превозносишь веру в нашего [духовного] отца, объявляя ее Божественной и восхищаясь тем, что мы совершаем. Я признаю, господин мой, твое расположение к нам. Но зависть сатаны – я не знаю, как выразиться, – не должным образом изменила твое внутреннее устройство, сделав сладкое горьким (ср. Ис. 5, 20) и свет превратив во мрак, и не только для нас, но и для всей земли, по которой прошел слух о содеянном против нас. Что же касается каких-то иных идей, которые ты имеешь по поводу нас, которые обдумывал, продолжаешь обдумывать и намереваешься исполнить, если мы будем послушны твоим словам, то это касается временных благ – преходящей славы людской и почестей. О них я, твой раб, не

стану говорить, ибо давно уже пришел к выводу, что следует почитать бесчестье от людей залогом небесной славы, а прославление от них переносить как обиду и поношение. Если же [речь идет] о деле богоугодном и душеполезном, я буду всегда с готовностью подчиняться твоим предписаниям. И кто не похвалит тебя, господин мой, за то, что ты учишь соблюдать то, что говорили и заповедали Христос и Его ученики, по слову Сына Божия: *уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28, 20). Так соблаговоли учить согласно Священному Писанию, следуя ранее учившим святым отцам, – и мы примем тебя как апостольского единомышленника, и станем землей и прахом под твоими святыми ногами, и быть попираемыми тобой сочтем делом святым, как уже писал я ранее. И не только это, но и заповеди твои до смерти сохраним, и ты возлюбишь нас, как рабов и благоразумных учеников Христа, и восхвалишь нас как говорящих хорошо.

107. Если же ты не хочешь учить так, чтобы мы, как было сказано, подчинялись твоим повелениям, но, заручившись некоторыми обещаниями, которые прославят меня среди обычных людей и сделают союзником тебе и всем архиереям Церкви, принуждаешь нас отречься от нашего отца, просветившего нас, а теперь за нас молящегося и всегда за нас предстательствующего в жизненных обстоятельствах, как любвеобильнейший отец, ты таким образом стараешься, чтобы мы оскорбили Христа, говорящего: *Отвергающий вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16). И мы ничего другого не скажем, кроме того, что и ученики Христовы: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5, 29). Ибо *если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Тал. 1, 10). Знай, что отныне я не предпочитаю для себя случившемуся по справедливости Божией изгнанию ни монастыря, ни богатства, ни славы, ни чего-либо иного из того, к чему стремятся люди в жизни. Ведь ничто из этого, ни смерть, ни жизнь не отлучит меня от любви ко Христу (ср. Рим. 8, 38–39) и к самому моему духовному отцу. Потому что с тех пор, как я доверил всю заботу игуменства моему ученику Арсению и рассудил, чтобы он вместо меня стоял во главе братии, я всецело, даже находясь там, стал вне дел моих и трудов и, находясь в уединении, как будто и не был среди них. И так как я оттуда был изгнан из-за правды и из-за соблюдения заповеди Бога Живого, я в другой раз уже не вернусь туда, пока нахожусь в живых, но умру вместе с заповедью Христа, не отвергнув Его (ср. 2 Тим. 2, 11). Я уверен, что не отпаду от Его богодухновенных заповедей блаженства. Ведь Он говорит: *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5, 11)».

108. И вот, когда патриарх, вопреки всем ожиданиям, услышал это, он сказал: «Ты и в самом деле отцелюбивый студит, господин Симеон, и обладаешь их упорством, может быть, заслуживающим похвалы, если оно законно». Затем он кратко выразил свое мнение в следующих словах: «Я говорил, что несколько обрежу твое большое упорство в этом деле, но так как ты все тот же и нисколько не изменился, но остаешься в неколебимом почитании твоего духовного отца и в верности ему (что кажется мне и всем похвальным и законным), то во всяком случае ты выказал свое неповиновение нашим словам. Так находишься отныне, где тебе угодно, общаясь, конечно, со своими учениками и поступая, как ты желаешь, не встречая препятствий с нашей стороны, вне ли этого города или в нем, торжественно празднуя и радуясь вместе с друзьями». Сказав так, он отпустил их с миром.

109. Итак, блаженный Симеон, даже не подвергшись гонению, явил себя добровольным мучеником, и по свидетельству совести, и по терпеливому перенесению искушений, нашедших на него ради [исполнения] заповеди Господней. С возлюбленными своими чадами – высокопоставленными лицами, о которых сказано выше, радостно выходит он из патриарших покоев, и вместе со всеми ими ему оказывают гостеприимство в доме дивного Христофора, по прозвищу Фагура. Там провел он немало дней. Прежде всего он преизобильно оказал духовную пользу самому хозяину и его двум братьям, а затем и многих других беспрепятственно допустил [слушать] поучения, содержащиеся в его медоносных речах, – а это были священники,

левиты, вельможи, простолюдины, мужи и жены, дети и старики, все, кто узнал о нем и кем он был любим. Затем отправляется он к возлюбленному своему [месту] уединения, желая устроить там келию для [подвига] молчания. Но Бог, дающий гнездо орлятам и хлеб в пищу людям, наподобие ливня изливает этому блаженному мужу деньги и отверзает для него сокровища власть имущих, и сразу все – и родственники их, и друзья, и дети – доставляют ему достаточное количество золота. Приняв его, блаженный дерзновенно обращается к Богу, Которому он и молился об этом, то есть о постройке монастыря.

110. Но кто в состоянии рассказать снова о возникших против него искушениях от демонов и от соседей? Первые не явно, а вторые явно ежечасно скрежетали на него зубами, кидали [в него] камнями, оскорбляли, угрожали, запугивали. Чего только не делали они, чтобы отвести его от мысли воздвигнуть [монастырь]. Симеон же, облекшись в скалу (ср. Гал. 3, 27; 1 Кор. 10, 4), на ней утвердив навсегда основания разума своего, оставался твердым и непоколебимым для натиска искушений и для встречных ветров. Движимые завистью соседи препятствовали ему, открыто угрожали ему и преследовали его, осыпая его камнями. А давно воздвигнувшие на него брань бесы, будучи невидимыми, сотрясали постройки и заставляли его трудиться заново. Да зачем много говорить? Горе бедствий и свирепые волны ежедневно восставали на него сразу и от бесов и от людей. Но все же, как теперь видно, с большими усилиями завершается у него построение этой малой обители, где насадил он сад и виноградник во утешение монахам, которым предстояло здесь предаться подвигам. И так собрал снова Симеон другую паству и стал праздновать память отца [своего] с большими почестями, чем прежде. Ведь [в землях] Евгения, где он приобрел также подворье, в храме Богородицы собиралось почти все духовенство великой Церкви Христовой, следуя народному обычаю собираться, при большом стечении монахов и мирян, и в течение целых восьми дней совершался праздник, и никто не возбранял и не осуждал это, как прежде.

111. Но когда он почил от всех своих дел, он снова предается любимому безмолвию, которого он никогда не покидал, даже когда был вовлечен в беспокойство о многих делах. Целиком погружается он в [свои] обычные откровения и созерцания в Духе. Затем, превозмогши материю и плотность тела, умом и духом совершенно соединяется с Богом, от которого он никогда не отдалялся. Его язык становится языком огненным, богословствует он «Гимны Божественной любви» и против [собственной воли], властным дуновением Духа, обнаруживает то, что узнал в Божественном откровении и что созерцал в видениях, когда пребывал превыше естества. Под воздействием Божественного огня становясь из дня в день весь огнем и светом, он стал богом по усыновлению и отныне как сын Божий, с непокрытым лицом, таинственно беседовал с Богом и Отцом, подобно Моисею, и при помощи указующего перста Божия (см. Исх. 31,18), как на скрижалях, запечатлевал действия Божественного огня. Кроме того, силой мудрости сочиняет он тогда свои столь сильные апологетические и полемические слова, выдвигая их против своих противников.

112. Но не успокаивается демон, видящий это и искушающий его, как Иова. Возбуждает он против него злобу живущих по соседству с монастырем. Они то высокомерно обходились с ним и жестоко его поносили, а то, бывало, поднимали на него руки, – на него, старого и бесильного, – преступными руками толкали его на землю (о, терпение Твое, Христе мой, и неизреченное великодушие!), иногда даже бросали в праведника камнями. Так вот, один из этих [людей] однажды схватил камень, какой только могла вместить рука, и бросил его в то место, где святой обыкновенно сидел и писал слова Божественной благодати. Камень пробил стекло, пролетел над теменем святого и упал прямо на виду у него. От одной только силы падения честную голову его наполнил крутящийся вихрь. Если бы [камень] на лету ударил ее, ничто не помешало бы мгновенной смерти святого. Что же делает подражатель того, кто сказал: *Не воздавайте злом за зло* (Рим. 12,17)? Добрыми делами отвечал он и самому злодею и прочим обидчикам. Кротким голосом зовет он своего ученика Симеона и говорит, показав ему камень:

«Видишь, брат, что нам угрожало? Так иди и елеем добродетеля утихомирь ярость того человека и подай ему от нашей скудости в изобилии то, что нужно ему для [его] исцеления».

113. Таков был этот великий ученик Христов: он терпел то, что причиняли ему кознодей, а делавшим ему злое воздавал добром. Будучи истинным последователем апостолов и подражателем Христа, он не отвечал поношениями, когда его поносили, страдая, не роптал, будучи гоним, терпел, будучи оскорбляем, увещевал. Радуюсь в скорбях неизреченной радостью, он считал себя причастным блаженствам Христовым. Пребывая в таком состоянии и живя, согласно Евангелию, по-апостольски, блаженный ученик Христов уходит от обмана чувственного мира и, телесно находясь с людьми на земле, душой умственно пребывает с Богом, в Божественном свете, и беседует с небесными Ангелами. Кто умеет точно судить о вещах Божественных, назовет его земным Ангелом и небесным человеком. Ибо как небесный человек он освещал добрые дела земных людей, а через знание вещей небесных и премудрости Божией просвещал души приступавших к нему с верой. Как земной Ангел он, бывало, предвидел и предугадывал будущее, пророчески предсказывал его, и каждое [событие] совершалось точно в назначенное время. Свидетельствует о сказанном пророческое предсказание, с которым святой обратился к знаменитому вельможе Иоанну, бывшему при самодержце Василии протонотарием⁷⁶ дома. Ему святой дерзновенно предсказал великое испытание, и по прошествии десяти лет этого человека царь обвинил в страшном [преступлении], и его постигло жесточайшее наказание. Одновременно [подобное приключилось] и с начальником прошений, Иоанном, который приходился святому родственником. Оба случая мы в подробном жизнеописании изложили полнее, чем в сокращенном. Такова была жизнь этого человека и такова была прозорливость этой чистейшей души, так что он видел за много лет события, имевшие произойти впоследствии, и предугадывал их, словно держа в руках книгу и благодаря непрерывному изучению ее получая ясное знание о предстоящих событиях.

114. Но после того, как вспомнили мы о некоторых чудесах того, чья жизнь сплошь была великим чудом, и особенно [чудом было] слово премудрости Божией и знания, которое он, подобно апостолам, обогатил по внушению Духа, направим повествование к его блаженной кончине.

Не было воды в построенной им обители, и ученики испытывали большие тяготы, так как переносили ее снизу на собственных спинах. Это огорчало святого больше, чем его учеников. Но так как найти воду в том месте было невозможно, потому что кругом был почти один только камень, то, исполнившись жалости к труду доставляющих воду, поверяет он свою боль с душевным стенанием в молитве всеведущему Богу. Он просит таинственным образом открыть ему место, где бы трещина в скале излила воду для нужд жаждущих. Бог открыл ему место, и он, постоянно избегающий мирской славы, не мог [далее] скрываться. Но поскольку его природа, достигнув глубокой старости, стремилась к освобождению и, словно не перенесла столь многих искушений, намеревалась заплатить и общий долг, и поскольку блаженный муж предчувствовал, что уже случилась с ним его последняя болезнь, то однажды, когда несли его на носилках, он приказывает несущим отнести его во двор своей небольшой обители и [там] остановиться. После этого просит он принести ему мотыгу, которую обычно называют «цапцион». Взяв ее и сказав: «Благословен Бог!», – он ударил ею трижды посреди двора там, где находился, приказал монахам привести копающих и быстро раскопать это место. Они горячо принялись за дело, но когда достигли глубины, никакой воды не оказалось, ибо скала, на которую они наткнулись, была чрезвычайно острой и неподатливой. Очень утомленные, будучи не в силах ее расколоть, они приостановили работу. Святой услышал об этом, когда он уже диктовал писцу то, что касалось его отшествия [из жизни] и завещание. «Скажите копающим колодец, – говорит он, – чтобы они ударили по краю скалы и больше себя не утруждали: ибо тотчас же будут

⁷⁶ Протонотарий – первый или главный секретарь высшей судебной инстанции.

поданы нам от нее источники». И вот те, которые ударяли по скале многократно и с усилиями и ничего не добились, сразу же раскололи ее одним единственным ударом, и расселина излила из недр чистейшую и пригодную для питья воду. С тех пор эта впадина, обратившаяся в колодец, сохраняется во свидетельство того, чего достигло дерзновение перед Богом. Так внемлет Бог преподобным его и молчащим гласам безгласных и открывает их помимо их воли через дела благодати.

115. Но необходимо сказать и о том, что, явившись сначала в видении Анне, игумении [монастыря] Вардены, он сотворил с ней чудо. Она сама рассказала нам [об этом] в таких словах. «Однажды со мной приключилась горячка, внутри горела я страшным огнем, плоть моя расплавилась, словно воск, кости стали как сухой хворост и во всем теле наступило полное расстройство. Много дней мучилась я от снедающей меня горячки и совсем не могла вкушать даже легкой пищи. Когда врачи увидели, что от лекарств болезнь усиливается, сила уходит из тела и плоть ужасающе измождена, голос иссяк и потерял силу, они отчаялись в моем выздоровлении и ушли, оставив меня, словно дышащий труп, наедине с одной только матерью. И вот мать – что бы я без нее делала?! – когда услышала, что врачи потеряли надежду на мою жизнь, и увидела, что взор мой угасает, что я непрестанно задыхаюсь и уже при последнем издыхании, прижала меня к своей груди и стала горько рыдать. Обливаясь слезами, ожидала она минуты, чтобы мне, умирающей, закрыть глаза. Находясь в таком состоянии и уже не воспринимая, что вокруг меня происходит, я вижу в видении, что блаженный Симеон протягивает десницу святому своему отцу, Симеону Благоговейному, и со славой великой ко мне подходит. Приблизившись ко мне, он произнес кротким голосом: «Здравствуй, госпожа моя Анна! Что за ужасный недуг напал на тебя? Почему ты, находясь в таком состоянии, неподвижно лежишь на ложе и не беседуешь ни с матерью, ни с нами, твоими друзьями, и совсем не вкушаешь пищи?» И вот от голоса святого мужа, как бы придя в себя, я открыла глаза и вместе с тем уста и, с трудом узнав его, слабым голосом произнесла: «Умираю, отец мой всечестной!» Тогда святой Симеон Студит, обернувшись, говорит блаженному ученику своему, то есть святому Симеону: «Воздвигни ее, господин Симеон, поддержав рукой [твоей], и дай ей поесть». Он же, выполнив это, как показалось мне, стал меня кормить пищей, взятой у моей матери. Вкусив из тех святых рук, тотчас обрела я здоровье и силу, встала с ложа, позвала мать и рассказала ей о видении. Недавно еще безгласная и мертвая, попросила я у нее пищи, с большим удовольствием поела и встала совершенно здоровая. Так и теперь действует святое Евангелие на тех, кто живет по Богу и точно по Евангелию и неотступно соблюдает его заповеди».

116. Таков этот рассказ. Но теперь обратим повествование к другим чудесам отца нашего. Воспитывался у этого блаженного отца один мальчик, Никифор. После кончины святого он принял постриг в монастыре святой Марины и получил имя также Симеон. Он стал очевидцем некоторых чудес [своего духовного] отца и, будучи иереем, рассказал мне, призывая Бога во свидетели, следующее. «Когда я был мальчиком, – говорил он, – и только что достиг четырнадцатилетнего возраста, я был приведен моими родственниками к святому и вошел в число ему прислуживавших. Не знаю, как сказать, но естество мое с самого раннего детства противилось вкушению рыбы, а если кто-нибудь принуждал меня принять ее на трапезе, особенно свежую и несоленую, то я немедленно ее извергал, отторгала ее моя природа, и я преисполнялся всяческого отвращения. Однажды на трапезе, когда я находился в таком состоянии и сильно страдал от неприятия [рыбы], протягивает святой ко мне руку и дает кусок жареной рыбы. Я замедлил и стал отказываться.

Когда же святой спросил меня и узнал о причине отказа, он отвел руку и ненадолго углубился в себя, чтобы немедленно узнать об этом через молитву у всеведущего Бога. После того как он таинственно побеседовал с Богом, он приказал мне приблизиться и, когда я подошел, простер руку, благословил этот кусок рыбы и дал мне съесть его, со словами: «Приняв во Христе, Боге моем, съешь и обретешь отныне естественное желание ко всему, что Бог дал нам для

вкушения, сказав: *Как зелень травную даю вам все* (Быт. 9, 3)». Когда святой это произнес и я с верой потребил эту пищу, я тотчас же, по благодати Божией и по молитвам отца, ощутил в себе желание вкушать рыбу. С тех пор я ел рыбу охотнее, чем мясо раньше, когда находился в миру. Это первое знамение своей святости блаженный муж сотворил со мной, подобно знамению Иисуса, Бога моего, на браке в Кане Галилейской.

117. Но когда я стал к святому близок во всех отношениях и принял от него много любви и заботы, он вовсе не стал позволять длительно сопребывать с ним или оставаться с ним в одной келии никому из живших с ним монахов, кроме меня, возможно, потому, что, находясь еще в детском возрасте, я был незапятнан и непорочен, – он ведь постоянно заботился и со вниманием следил, чтобы никто не узнал о его подвиге, – а может быть, ради какого-либо услужения старости его, или, может быть, по домостроительству Божию, чтобы явлено было, каков был подвиг его в [сей] жизни, среди мира и города, при нынешнем поколении, ибо надлежало ему до тех пор не отходить к Богу, – сколько [времени], я не могу сказать, – пока, наконец, решительно никого не останется с ним в келии. И вот, когда однажды лежал я в углу под кровлей его келии, около полуночи, словно кем-то разбуженный, я открыл глаза и увидел повергающее в дрожь зрелище: ибо то, что совершилось с ним, было страшно для зрения и для слуха. Вверху, под самым потолком келии, был подвешен большой образ – Деисис и около него был зажженный светильник. И вот я увидел, что как раз на уровне иконы, на уровне около четырех локтей – свидетель мне Истина Христос – святой муж находился в воздухе, воздев руки и молясь, весь став светом и весь сияя. Как только я, ребенок, в таких вещах неопытный, увидел это сверхъестественное и страшное чудо, в страхе забрался я с головой под одеяло, спрятав лицо. Когда же наступило утро, одержимый страхом, рассказал я святому наедине о видении. Он же строго-настрого приказал мне об этом вообще никому не рассказывать.

118. Но так как не было для него воли Божией скрываться до конца [своих дней], но нужно было, чтобы, наконец, благодать, которую он обильно стяжал свыше, явила себя, даже если это было для него нежелательно, то всепроникающий и всем руководствующий [Божий] Промысел побудил оставить [домашний] очаг и привел к святому мужу в монастырь некую бедную женщину. Она носила на руках ребенка лет четырех, расслабленного и недвижимого, страшно изнуренного болезнью, почти не оставлявшего надежды на то, чтобы остаться ему в живых. Терзаемая сразу двумя несчастьями, – бедностью и тяжелой болезнью родного ребенка, – она жестоко страдала и проливала потоки слез. Поэтому, взойдя на лестницу, ведущую в церковь святой Марины, потихоньку положила она ребенка на помосте и поспешно удалилась, дабы из двух несчастий, ее угнетавших, избрав одно, получить короткую и малую передышку. Когда же пришли жившие возле монастыря и святого мужа монахи и увидели, что лежит ребенок, совсем иссохший, совсем недвижимый, безгласный, с дико вытаращенными глазами, испуская непрерывно тяжкие вздохи, по которым только и можно было узнать, что он жив, они сообщают святому об этом ужасном и невыносимом зрелище. А он, вынув из ящика посох, на который опирался и помогал себе в старости и телесной немощи, вышел, чтобы самому взглянуть на душераздирающее зрелище, которое уже и не было ребенком. Когда же он взглянул своими полными сострадания глазами и увидел то, на что только и были устремлены взоры смотрящих, – зрелище потрясающее и приводящее в трепет, – он заплакал над ним и восстенал из глубины сердца, пораженный как самим увиденным, так и тем, до какой степени простирается действие лукавого против творения Божиего. Затем, обратившись к нам, обступившим его, блаженный говорит: «А вы-то что думаете об этом ребенке и чего хотите?» Мы же все единодушно ответили: «Надо уже похоронить его и предать земле, он, конечно, мертв и вот-вот испустит последний вздох». «Нет, это не так, – сказал [святой], – вы дали мне ответ, не подумав». И, отложив посох, святой старец нагнулся, взял на руки дитя и положил его на кресло, сидя в котором он отдыхал в священных собраниях. А нам он приказал принести лампаду, висевшую перед [иконой] святой Марины, взял оттуда масло, помазал этого

страшно иссохшего ребенка, потом помолился и осенил его крестным знамением. Как возвеличил ты, Царю Христе, святых твоих! Тотчас же ребенок, чудом в себя пришедший, возгоревшись жизнью и обретя силу и здоровье от одного только наложения этих святых рук, встал на ноги – ребенок, который всю свою жизнь лежал неподвижно, – схватился за кресло святого, затем стал ходить и прыгать по церкви, хватаясь за скамьи, и, как водится, искал еду. Когда же ребенок насытился, то [этого] виновника несчастья и бедности матери отдали ей. Это из его явных чудес.

119. Некая иная женщина имела сына – юношу цветущего возраста и прекрасной наружности. Лукавый преследовал ее завистью, и сын, которого она носила, был сокрушаем нечистым духом, бесновался и испускал пену. И вот, движимая Промыслом свыше и благодатью, приносит она сына в обитель к святому. Поднявшись по лестнице, она остановилась у входа в церковь и стала молиться Богу за сына. Затем женщина попросила о том, чтобы святой принял ее и она повидалась с ним; ему передали ее просьбу. Христоподражательно доступный всем – мужам, женам, детям, старикам, юношам, странникам, знакомым, всякому человеку, – он подходит к ней спокойной и тихой походкой, по обыкновению держа в руках свой посох и опираясь на него. Когда она со слезами и верой коленопреклоненно почтила святого, а юноша собственными своими глазами узрел ангелоподобный облик его, нечистый дух поверг его на землю и крутил его, лежащего, скрежещущего зубами, испускающего пену и бляющего, словно козел. Увидев, как юноша мучим демоном и катается по земле, святой пожалел его, вздохнул о нем из глубины души и заплакал перед образом Иисуса Христа-Бога, написанным над воротами. Вознегодовав и запретив [нечистому] духу, говорит (а мы слышали): «Бес лукавый и нечистый! Да запретит тебе Господь Бог мой! Изыди из творения Божия!» Сказал [так] и, взяв масла от лампы перед иконой, помазал страждущего, дал ему руку, поднял его и отпустил здоровым домой вместе с матерью. Тот уже никогда не страдал больше от бесовского нападения.

120. Однажды святой отъехал на родину, в отчий дом. И когда он оказался возле очень большой реки Галл ос, протекающей по Вифинии, он заметил, что стоящий на берегу рыбак ловит рыбу удочкой и сетью. Увидев его, святой спросил, нет ли у него на продажу рыбы. А тот [ответил]: «Много я потрудился, досточтимый отче, от самого рассвета до нынешнего, как видишь, девятого часа дня и совсем ничего не поймал ни для собственного пропитания, ни на продажу». Тогда святой сказал: «Закинь удочку от моего имени и, если с Божией помощью ты поймашь что-нибудь, прими от меня деньги как цену за пойманную рыбу, а я возьму то, что ты поймал». И рыбак быстро, как только смог, закидывает удочку на середину реки и, – о, Христе, чудеса и силы святых

Твоих! – не прождав и малого времени, он вытаскивает удочку и рукой снимает с нее огромную рыбу. Когда же, вопреки всякому ожиданию, рыбак увидел пойманную им великую рыбу, он хватает ее и прячет под свою одежду. И говорит святой: «Получи то, о чем мы условились, и дай мне рыбу, пойманную во имя мое». Рыбак же отвечает: «Мне нужна она для одного патрикия, я ее не продам». А святой, уразумев порочность его и неправоту души его, оставил его и, отошедши немного, проклял несправедного. И тотчас же рыба, выскочив из его одежды, высоко подпрыгнула и бросилась на середину реки, оставив неразумного, как и раньше, ни с чем.

121. Был у этого блаженного мужа друг по имени Орест, [проживавший] возле гавани Хрисополя. Человек этот ни в чем не нуждался, имея изобилие и достаток средств. Многим владея, жил он счастливо в своем доме с женой и детьми. Но позавидовал ему из-за его процветания завистник-демон и, потихоньку подкравшись, напал на него, свернул ему весь рот до уха, и он лишился речи. На носилках отнесли его домой, к жене и детям. Когда жена увидела мужа, а дети отца, внезапно пораженного таким страшным недугом, не подающего надежды на выздоровление, они вместе со всеми присутствующими и друзьями стали бить себя в грудь, громко стонали и безутешно плакали. Тогда сообщают [святому] отцу о несчастье этого чело-

века – о том, что друг его Орест вот-вот расстанется с преходящей жизнью. А он, провидя духом будущее, сказал сообщившему: «Пойдем, я посмотрю на друга как друг пришедший, и он на меня посмотрит». Итак, взяв свой посох, пустился он в путь, ведущий к тому [человеку], и я, как говорит рассказчик [Никифор], шел впереди святого. Как только святой вошел в дом друга, увидела его скорбная и объятая горем жена и начала причитать: «Видишь, отче, друг [твой], которого мы любим и кем ты был горячо любим, умирает, и меня все скоро узрят вдовой, и дети мои станут сиротами и, лишатся отца. Но молю, помоги мне, рабе твоей, и помолись Богу, чтобы либо мне испустить дух вместе с ним и ни единого часа не оставаться без мужа, либо увидеть его исцеленным по естеству и обратившимся к дому и делам».

122. Вот что говорила жена святому. Он же, когда увидел друга под бременем тяжких страданий, безгласного и слепого, лежащего на постели и не воспринимающего ничего из того, что происходит и говорится, пролил над ним слезы сострадания и сказал: «Милый Орест, как же ты страдаешь! Что сделал с тобой завистник-демон!» Так сказав, воздел он молитвенно руки и, обратив умные очи души ко внемлющему его прошению Господу, касается головы мужа и, сотворив над ним молитву за болящих, сразу же запечатлевает [знак креста] на устах его и всей голове его. И немедленно – о, неизреченная доброта Твоя, Господи! – человек этот восстанавливается в естественное состояние и, вновь получив свободу уст своих от натиска и бича лукавого, обращается со словом к жене и приветствует святого. С тех пор, пока блаженный муж находился в живых, облагодетельствованный [им] друг постоянно приносил ему плоды в знак благодарности. А тот, по любви принимая приношения, говорил: «За все, брат, надо благодарить одного Бога, Который может сотворить Свои чудеса над всеми, на Него уповающими. Мы ведь Его творения и Им приведены из небытия в бытие, будучи сотворены для добрых дел во славу Его благодати, хотя мы, как видишь, люди грешные и наравне с вами облечены всяческой немощью. Более того, следует старательно заботиться и о собственной жизни, дабы невольно или вольно не совершили мы чего-нибудь противного благопочитанию или недостойного воли Божией и через это, дав место лукавому демону, не впали в такие вот искушения. Смотри, брат, чтобы, став здоровым по благодати Божией, ты никогда больше не впадал в зломыслие и грех, *чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5,14), чем то, что произошло, как милостиво говорит Бог Слово не только расслабленному, но и всем нам».

123. Но как же пропущу я приводящее в трепет чудо, которое совершил он над одним из братьев, которые восставали против него? Ибо [каждое] из встречающихся мне его удивительных чудес кажется значительнее предыдущего и нарушает ход повествования, мешая ему достичь конца, несмотря на мои усилия, и понуждает [меня] открыть и изложить то, что было сокрыто, но что Бог теперь явил нам. Повествование об этом страшном чуде таково. Однажды два человека из соседнего селения, братья, рожденные одной матерью, стали, как только могли, поносить святого мужа из-за основанной [им] обители. Они хулили и оскорбляли его и дерзко угрожали ему.

А он отвечал им ласково, увещевая, умоляя, говоря и делая все, что умиротворило бы их души. Они же все больше и больше возгорались яростью против святого и осыпали его ругательствами. Тогда он начал напоминать им о Страшном Суде Божиим, как он совершается над оскорбляющими и поносящими рабов Божиих. И один из них, по имени Дамиан, движимый порывом необузданного гнева, толкает святого своей преступной и нечестивой рукой и повергает его на землю. Затем, убоявшись, что когда-нибудь настигнет его дыхание гнева Божия, с раскаянием быстро наклоняется и поднимает с земли святого иерея Божия, и слышит от него: «Бог да простит тебя, брат, и не вменит тебе сего во грех».

124. А другой [брат], несчастный, имя которому было Анфис, направив бесстыдство души своей на великий вздор оскорблений и поношений, нисколько не пощадив самого себя и вообще даже не воздержавшись от издевательства, словно пьяный, насакивал на святого мужа, называя его лицемером, притворщиком, обманщиком тех, кто ищет встреч с ним и беседует.

Итак, блаженный увидел безмерную наглость того [человека], на многое простирающуюся, и что наглец изострил язык даже на храм Божий и на Духа [Святого], что есть одно и то же, да и не только это, но что он оскорбляет животворную мертвость, приобретенную в священных борениях за добродетель, энергию Божественной благодати, сокровенно в нем действующую, кроткий нрав его и аскетическую внешность – одним словом, [все] прекрасное, что получил он по вдохновению от Духа [Святого].

Тогда [блаженный] подражает гневу [пророка] Елисея, когда тот, движимый ревностью Божией, предал нечестивых детей через проклятия хищным зверям (см. 4 Цар. 2, 24). Преисполнившись гнева и возгоревшись от Духа Свыше, говорит он этому [человеку] так: «Если, как ты сам утверждаешь, я лицемер и притворщик, а облик мой поэтому служит для обмана приходящих ко мне и беседующих со мной людей, воистину говорю тебе, эту личину примешь ты, раздувшись животом, и будешь так же, как и я, обманывать людей». Сказал и – о, Боже всяческих, неизбежен суд Твой! – по [сказанному] слову, вечером того же дня несчастный, опустившись на свое ложе, больше уже не имел сил с него подняться, но, будучи охвачен тяжким недугом, непомерно вздувшись, сделавшись по цвету на вид подобным лимону, в означенные дни испустил дух от этой болезни и от страшного гнева Божия. А случилось это во устрашение невежественных и бессмысленных людей, чтобы они не пренебрегали святыми и обитающей в них благодатью, [а также] во исполнение сказанного апостолами в их Постановлениях, где они открыто говорят о необходимости почитать наших духовных отцов, в тридцатой главе второй книги, что дословно [выглядит так]: «Эти [люди] восприняли от Бога власть над жизнью и смертью, чтобы судить согрешивших и осуждать на вечную смерть, кающихся же разрешать от грехов и оживлять».

125. Когда же и для святого исполнилось время преходящей жизни и он предугадал конец числу дней своих, он приуготовляется [к этому] последней болезнью, и ложе его приемлет болящего. А болезнью его было расстройство кишечника: оно истощало его тело и полностью разрушало связь составляющих его элементов. Итак, блаженный лежал довольно дней, охваченный болезнью, постепенно терял силы, истлевал плотью и освобождался от [телесных] оков. От болезни плоть его так иссохла, что он сам не мог и пошевелинуться, если бы заранее не давали ему руку помощи и не переворачивали его с боку на бок при помощи некоего приспособления. Когда он пребывал в таком состоянии, а мы вопрошали его, нуждается ли он в чем-либо по естеству, он настоятельно просил, чтобы я один присутствовал и оставался при нем. Но я был еще молод, и мной быстро овладевал глубокий сон, – это я высказал святому [и прибавил], что нет у меня достаточных сил, чтобы ухаживать за ним в одиночку, ибо страсти этой поработен, как раб. Он же ответил мне: «Вот на этой скамейке (мы обычно называем ее «аркла») приляг и отдохни возле меня и найдешь облегчение [своей] страсти». Когда я так поступил по его приказанию, – рассказывает он, – в тот вечер, в который он повелел, и уснул на скамейке, благодатью Божией я уже не погружался, как раньше, в глубокий сон, будучи некогда всецело захвачен им по присущей мне необходимости. Но, страхнув его, словно какое-то тяжкое бремя, я с тех пор не испытывал желания спать не только, когда бодрствовал, но и когда спал, молитвами святого, по слову Писания: *Я сплю, а сердце мое бодрствует* (Песн. 5, 2).

126. Но, прибавив ко всему этому, продолжает [рассказчик], знамение, которое узрел я в то время, когда он [уже] лежал, я быстро закончу повествование. Поскольку, как я сказал раньше, никому другому, кроме меня, он не позволял пребывать в одной с ним келии, я лежал во время его сна на ложе, о котором уже говорилось, в течение всей ночи, то засыпая, то прислуживая ему в том, в чем была необходимость. Время немощи его продолжалось, и болезнь сразила его окончательно, и немного оставалось до освобождения его от оков упорствующей плоти. В одну из ночей, когда я, по своему обыкновению, лежал на том самом ложе, слегка погрузившись в тонкий и слабый сон, меня внезапно, как я уже и раньше рассказывал, словно кто-то разбудил. И о, страшное чудо! Я вижу, что этот блаженный и равноангельный муж, сра-

женный болезнью, кого мы с трудом на ложе переворачивали с боку на бок при помощи некоего приспособления, висит в воздухе под потолком келии на высоте четырех или более локтей и молится Богу своему в неизреченном свете. Когда я так увидел его (ведь из прежнего видения я помнил о его великой святости и ангельском устроении), я, преисполнившись восторга и трепета, продолжал беззвучно лежать. Рассуждал я сам с собой и говорил: «Как это тот, кто вчера и сегодня утром не мог сам перевернуться на ложе и вообще двинуться и встать без посторонней помощи, теперь сам поднялся с ложа и, взойдя на воздух, так молится – подобный нам человек, носящий плоть, которая влечет долу?»

127. Так размышляя об этом про себя и изумляясь, я против своего желания погрузился в сон, когда святой еще висел в воздухе. Поэтому через некоторое время, пробудившись от сна (ведь сердце мое трепетало от этого невероятного и странного зрелища), я увидел святого уже лежащим на ложе; он взял одеяло и накрыл им свое тело. Это больше, чем остальное, потрясло меня и лишило рассудка. Поэтому я так говорил себе, дивясь происшедшему: «Как это того, кого болезнь расслабила и сделала недвижимым, Божественная благодать, в Отце и Сыне через Духа Святого преизобильно в него вселившаяся, полностью восстановила, полностью укрепила и вознесла от земли на воздух, для общения с ней, а губительная сила болезни и немощи оказалась слабее обитавшей в нем от юности Божественной силы? Но такова сила, сходящая свыше на святых и равноапостольных через посещение Духа. Она, оказывается, выше и сильнее не только болезни, увядания и немощи, из-за которых плоть распадается, погибает и превращается в прах, но [сильнее] мучений, смерти и адских недр».

Когда же наступил день и началось мое попечение о святом, я дерзнул, оставшись наедине с ним, открыть ему тайну. А он [ответил]: «На тебе запрет от Бога и от моего ничтожества. Никому не говори об этом видении, прежде чем узришь меня покинувшим плоть». Это хранил я до настоящего времени и никому не рассказывал об этом». Здесь кончается то, что поведал нам Никифор, он же Симеон.

128. После того как благородный муж провел тринадцать лет в изгнании и за это время со смирением перенес много испытаний, трудов и скорбей, а естество [его], достигнув уже тягостной старости, стало стремиться к освобождению, его охватили немощь и болезнь. Истонченное, изможденное вконец естество претерпевало свойственные ему страдания, какие и должно [претерпевать], а душа его всецело прилепилась к Богу, для Которого он жил до [самой] смерти, для Которого богословствовал и с Которым сопребывал. Поэтому он просил о скорейшем освобождении от тела, чтобы на колеснице добродетелей быть вознесенным к небесам и водвориться в нетленных обителях (ср. Флп. 1, 23). Укрепляя себя самого и своих учеников, он ободрял их словами утешения, а вместе с тем предсказывал им день и час [своего] исхода из тела и просил, чтобы ни до времени [его смерти], ни после безрассудно не били бы они себя [в грудь] и не рыдали подобно тем, кто не имеет надежды. А еще пророчеством, наводящим трепет, запечатлел он конец своей жизни. Взглянув на плачущих и увидев [их] сиротство, он сказал: «Зачем вы оплакиваете меня, покидающего вас? В пятый индикт покроете гробом меня, умершего, и в пятый же индикт снова увидите выходящим из гроба и пребывающим с вами, любящими меня». Сказав это, когда наступил означенный день, 12 марта, приснопамятный муж причастился Пречистых Христовых Таин, что было у него в обычае на каждый день, сказал «аминь» и повелел ученикам петь отходные молитвы.

129. Так они пели при возжженных светильниках и с заплаканными глазами. А он, пока они пели, воздел святые свои руки и по мере сил еще немного помолился, а затем скрестил их и всего себя почтительно собрал. Сказав тихо и спокойно: «В руки Твои, Христе Царю, передаю дух мой», – прославленный и многострадальный подвижник Христов, радуясь, покинул терпеливое и многострадальное свое тело. Завершив блестящие битвы, он отошел ко Господу, в момент смерти став всесожигаемой жертвой от всепоедающего огня, [жертвой] непорочной и благоприятной Богу. Так мы написали в его эпитафии. Таким образом в подвигах исповеда-

ния и воздержания присоединяется к праведникам праведнику, к преподобным преподобный, к богословам богослов, священномученик, исповедник и великий учитель Церкви Христовой к исповедникам и учителям и священномученикам. Но когда прошли тридцать лет после кончины этого приснопамятного отца, предвозвещается по его пророчеству перенесение его святых останков знаком: неизреченным образом появляется цифра «пять», как бы написанная на мраморе в келии ученика его Никиты Стифата, и многие видели это. Таким образом, когда окончился пятый индикт, то есть в 6560 году, переносятся его исполненные всяческой благодати и благоухания и над землей светящиеся мощи, многих созывающие и освещающие его друзей и учеников, прикасавшихся к ним и лобызавших их.

130. Таков был, братья, преблаженный и присновосхваляемый отец наш Симеон, великий в [познании] тайн Божиих, но не известный людям, деяниями и мыслью равный апостолам, истинно живущий, как сказано, по Евангелию Христа и Бога. Поэтому он прославил в себе Бога и при жизни, и после смерти, воссияв перед лицом людей благими деяниями. А потому и сам он по справедливости был Им прославлен. А то, что он был соратником Христовых апостолов, что и он усвоил ту же благодать, это ясно не только из совершенных им чудес и из мудрых слов его, ибо он богословствовал, не будучи ученым, и, подобно Павлу, сподобился видений и откровений (см. 2 Кор. 12, 1), но также из чудес, совершавшихся от каймы его одежд, как слышим мы и о тех [мужах]. Ибо как тени апостолов Христовых непостижимо творили чудеса (см. Деян. 5, 15), так и благоухание одежд этого мужа вызывало радость и душевный восторг у тех, кто их касался, потому что они источали сладостный запах некоего странного и необыкновенного мира. Это и естественно, ибо поскольку по одеждам святого мужа распространялась благодать Духа, в нем пребывающая, то через истекающее от них благоухание она наполняла радость и восторгом сердца тех, кто к нему приближался с верой. Этой благодати обильно отдал не только я, его ученик и автор этих строк, но и другой ученик его, Феодул, который рассказывал мне вот что. «Однажды, – говорил он, – святой подарил мне свой короткий хитон, а я, приняв его, тотчас же скинул с себя одежды, отложил собственный хитон и надел его на голое тело. И когда я пришел к своему ложу, чтобы лечь и предаться сну, я ощутил столь сильное благоухание, словно от многоценного мира, что спрятал свою голову внутрь хитона, вдыхал благовоние и не мог насытиться исходящей от него радостью. Хотя я многократно стирал его и чистил, он сохранял то же благоухание, пока не износился от старости и не превратился в лохмотья». Вот что об этих вещах и обитавшей в нем благодати Духа.

131. Но пора сказать и письменно изложить то, что поручил он и мне относительно своих сочинений, не только [явившись] в сонном видении, но что еще и пророчески написал он мне о них, далеко прозревая грядущее, чтобы через меня стали они известны и всем другим к пользе читающих. Когда блаженный пребывал еще в этой жизни, он денно и ночью, помимо своей воли, записывал тайны, подаваемые его уму Божественным Духом. Ведь Святой Дух вызывал в нем радость и ликование, не давая ему передышки до тех пор, пока слова и действия Его не бывали преданы писанию. Давал блаженный и мне написанное им, и я переписывал это на пергамены и иные свитки. Переписав же, я ему их возвращал. Но однажды вздумалось мне один из них оставить у себя. Блаженный спросил о недостающем свитке у принесшего [переписанное], а так как тот по незнанию не мог вразумительно ответить, то святой муж, как бы рассердившись, его прогнал. Услышав об этом, я подумал, что блаженный заподозрил меня в некоей хитрости из-за оставленного свитка и, опечалившись, опроверг обвинение в письменном виде. А он, непрестанно движимый Божественным Духом и желая поведать о событиях последних времен в письменном виде и в устных преданиях, а также явить и подтвердить пророческое свойство души своей, поскольку [наступают] последние времена, – посылает мне ответ в простых и безыскусных словах.

132. «Писаньице мы твое получили, духовное наше чадо, но не одобрили, ибо усмотрели в нем изрядную твою глупость, потому что ты вообще подумал о нас таковое, будто я вообразил

или помыслил, что ты по некоему коварству или из любопытства, чтобы огорчить меня, утаил свиток. Какое же коварство или какая скорбь от этого коснется меня в будущем, если даже кажется, что для меня [сейчас] это вернее всего? Но так как я вовсе не знал, что ты оставил этот [свиток] у себя, и предположил, что он, возможно, погиб из-за небрежности слуги или иным каким-либо образом, это огорчило меня, поскольку я признал в тебе раз и навсегда как бы себя самого и все мое доверил тебе, надеясь через тебя открыть [это] и всем другим, как и Христос говорил Своим ученикам: *Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях* (Мф. 10, 27). Так какое же скверное подозрение имел я на тебя? Поэтому я и прошу тебя переписать это в тетради, чтобы оставить тебе в наследство все мои сочинения. И как это ты заподозрил, будто таковое помыслил я о тебе? Все же Бог простит тебе этот грех, – что ты осудил нас как отпавших от любви, которая *все переносит и никогда не перестает* (1 Кор. 13, 7–8), если только кто-либо не отдалится от нее добровольно. Но она пребывает целостной, нераздельной, кротко приемлющей всех желающих обратиться и снова прилепиться к ней, по-родственному связующей, а часто и нежелающих влекущей и призывающей к себе. Я молюсь, чтобы ты, дитя, к ней прилепился и соединился [с ней], чтобы мог ты не рассуждать о том, что плохо, что существует и что вообще не существует, но постоянно хранить себя от соблазна во всем по отношению и к нам и ко всем [прочим]. Аминь».

133. Написал он это мне, когда я был еще юным и неискушенным, когда лицо мое только покрылось первым пушком. Будучи не в состоянии постичь силу его слов, письмо это вместе с другими письмами, которые он мне посылал по разным случаям, я переписал, как думаю, по вдохновению свыше. Но когда прошло шестнадцать лет в борьбе и сражениях со многими [противниками], как сказано выше, среди искушений, я забыл не только об этом письме, но и обо всех других его боговдохновенных писаниях. Но однажды Божественная благодать по его молитвам посетила нас и увидела наши скорби и нужды, которым подвержены мы в этой жизни для искупления наших прегрешений, и открыла нам беспрепятственное возвращение в богоспасаемую нашу студийскую паству, конечно же, отогнав и лишив силы всех противников наших. Посетила же она меня тогда благодаря любимому мной покаянию, безмолвию и слезам, и вкусил я дара Божия, – так я называю утешение от Духа Святого, возникающее в сердце через сладчайшее умиление. Прекрасно ведь благоговейно склоняться перед Богом и возвещать всем милость Его. На второй неделе Великого поста внезапно охватывает меня некое иступление и изменение от изменения десницы Всевышнего (ср. Пс. 76, 11), ибо еще до того, в четверг первой недели, был я охвачен страшным видением. Изменились мои чувства и вообще естество, мысли и все движения моего тела, так что я даже забыл съесть хлеб свой, как говорит Божественный Давид (см. Пс. 101, 5). Весь я стал, свидетелем мне Христос-Истина, как бы не облеченный телом, ибо мне казалось, что я несу его как нечто легкое и духовное. Я не испытывал ни голода, ни жажды, ни усталости, ни бессонницы благодаря родившейся во мне свободе и легкости, благодаря сокрытому безмолвию душевных сил и помыслов разума и невыразимой тишине моего сердца. Ибо любовь Божия, на него излившаяся, вознесла к небесам сразу все мои чувства, и я пребывал в тихом свете, словно лишенный тела. В течение целых семи дней душа моя, не смущаемая никакой страстью, или помыслом, или, можно сказать, потребностями естества, находилась в состоянии великого наслаждения и в неизреченной радости. Вместе с тем от меня отдалялось всякое пристрастие к миру, либо становясь для меня чуждым, либо вовсе исчезая.

134. Когда таким образом был я объят этим блаженным переживанием, находясь все еще в уединении, в верхнем этаже большого храма Предтечи, воскипает в душе моей вместе со сладостью и умилением любовь к блаженному и святому отцу моему Симеону, просветившему меня и наставившему на путь [праведной] жизни. Ибо я почувствовал, как кто-то тайно подвигал и подводил мой ум к воспоминанию о вещах, совершенно мной забытых, таких, как благочестие блаженного сего отца, несравненное его добро делание, непрестанное умиле-

ние, каждодневные слезы, смирение, кротость, непритворная любовь (см. Рим. 12,9), чистая и беспрестанная молитва, воздержность, пост, всенощное бдение, стойкость в искушениях, при всех скорбях каждодневное благодарение, раздаяние милостыни нуждающимся, сострадательность, великодушие, доброта нрава, добропорядочность и прямота души, непреклонность в мыслях, твердое стояние за истину и справедливость, непреодолимость, трезвение, целомудрие, доброта, справедливость, православие, братолюбие, спокойствие, чистота сердца, с которой он каждый день причащался Божественных Христовых Таин, полная света речь, сладость в общении, величайший блеск и величайшая чистота души, отчего лицо его приобретало сияние, подобное солнцу, уступчивость, спокойствие, твердость в напастьях, нестяжательность, скромность, отсутствие тщеславия и лукавства, смирение, простота, умеренность, милосердие, благость, нищелюбие, любовь к своим чадам, отсутствие злопамятности по отношению к своим обидчикам, духовная радость, любовь к прекрасному и добродетели. К этому [можно добавить качества] более совершенные и возвышенные, [как то] мудрость в речах, знание неизреченных таинств Божиих, высоту его богословия, глубину его смиренномудрия, страшные видения, по блаженному Павлу, таинственные откровения, созерцание беспредельного и Божественного света; его херувимское благоговение в предстоянии Богу на Литургии страшных Христовых Таин, когда он ясно видел Духа Святого, сходящего и освящающего его и Дары; его пророчества, предсказания, предвидения. А еще его назидания, оглашения, практические советы и поучения, его сочинения, толкования Божественного Писания, знаменитые нравственные и огласительные слова, послания, его апологетические и полемические слова, гимны Божественной любви.

135. И вот я вспомнил о величии всего этого, как появилась сокровищница столь многих благ, как появился избранный сосуд Божий и обогатился всяческой добродетелью, всем богатством дарований Духа [Святого], потому что возлюбил он мудрость и сочетался с нею (ср. Прем. 8, 2) через переизбыток чистоты. [Но] будучи еще неопытным в этом удивительном действии [Святого Духа], я не мог точно определить, откуда и кем таинственно внушается мне таковое, кто говорит это в моем сердце, кто подвигает мою душу на любовь к нему, пока Божественная благодать не узрела меня, мнящегося и взыскующего причину сверхъестественно реченного мне, и не приблизилась, чтобы прошептать мне на ухо: «Это от пришествия и утешения Духа [Святого], как говорит Христос Бог своим апостолам и через них всем верным: *Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин. 14, 26)». Все это, как сказано, вспомнив и преисполняясь любовью к преблаженному этому отцу, я был вынужден, – Бог мне свидетель! – словно меня кто-то понуждал и подталкивал, прославить добродетельное его житие и для прославления составить некоторые гимны, подобающие высоте его святости. Но я откладывал [это] в течение многих дней, потому что не было у меня опыта в искусстве писания такого рода сочинений: я ведь не успел в достаточной мере напиться и [так сказать] набить рот внешними знаниями и отточить [свой] стиль. Ибо еще юношей в четырнадцатилетнем возрасте оставил я [мирскую] жизнь и суету, а также занятие науками. И не было мне отдыха ни днем, ни ночью от сжигающего меня изнутри Духа, силой побуждающего и толкающего меня на это.

136. Поэтому-то, будучи не в силах долго терпеть [этот] натиск, сначала я сложил гимны канонов иже во святых отцу нашему и исповеднику Феодору Студиту в знак любви к нему и ради упражнения в словесном искусстве. Затем, словно, от неизреченного наслаждения исполнился ум мой сладости слов, и я сочинил блаженному и великому отцу нашему Симеону надгробное слово, гимны, чтобы воспевать [их], и слова похвальные. Ум мой, словно из чистого источника, начал изливать изобильно и беспрепятственно потоки мыслей, и рука моя не успевала за быстротой диктуемых мне изнутри слов. Наконец, сочинив, исправив и перенеся [все это] на бумагу, я показал это одному из весьма искушенных [людей] во внешнем и в сокровенном знании. От него я услышал, что [мои сочинения] не хуже [произведений] древних гимно-

графов и не уступают им по церковному стилю. Тогда я вышел, пошел на могилу того блаженного отца и вместе с другими благочестивыми мужами воспел высоту его святости, а также прочитал надгробное слово во исполнение священного долга, усиленно воздав ему прославление. Когда же я сделал это в его [честь] с великой любовью и великой верой, в одну из ночей объяло меня следующее видение.

137. Мне казалось, что меня кто-то зовет и говорит мне: «Брат, зовет тебя отец твой духовный – пойдй, следуй за мной». Последовал я за ним с великой радостью и душевным усердием, ибо со времени переселения его к Богу не был я удостоен видеть его. Но когда я очутился близ некоего царского и блистательного чертога, который обыкновенно называется кувуклием, тот, кто звал меня, распахнул двери и пригласил войти. И вот я вижу, что на возвышенном и богато убранном ложе лежит святой [муж], отдыхая, словно некий преславный царь; лик его светится, и он, как бы улыбаясь, смотрит на меня. И когда я увидел его, он делает мне знак рукой, чтобы я подошел ближе. Тотчас же с великой радостью сердца я подбежал и, преклонив колено, как мог, воздал ему подобающее поклонение со всяким благоговением и почтением. А когда я поднялся и приблизился, он обнял меня, поцеловал в уста и сказал кротко и сладостно вот что: «Успокоил ты меня, чадо мое любимое и желанное!» Затем, взяв мою правую руку и подложив ее под свое правое бедро, а другой рукой показывая мне развернутый и исписанный лист бумаги, который держал в ней, он произнес: «Как же забыл ты говорящего: *Это передай верным людям, которые... способны и других научить* (2 Тим. 2, 2)?» Как только он сказал это, я сразу же при этих словах пробудился, словно видел это наяву, а не во сне, и обрел в себе столь великую радость и веселье душевное, и уста [мои] преисполнились такой сладостью, и так радостно вострепетало сердце мое, что от великого наслаждения и духовного восторга я стремился сбросить с себя тело и с обнаженной душой пребывать там, где в нематериальном блаженстве было дано жилище тому мужу вместе со всеми от века святыми.

138. А в том, что это было действительно видение, а не сон, меня убеждает возникшая во мне радость вместе с невыразимым ликованием сердца, а также запечатлевшееся в уме моем неизгладимое воспоминание об этом. Ведь предметы воображаемые появляются в душе соответственно воображению и совершенно исчезают из ума того, кто вообразил их, не удержавшись ни в памяти, ни в зрении. Но не так обстоит дело с видениями истинными, которые сохраняются в уме на долгие годы, даже до конца [жизни] в таком виде, как были они показаны. Убеждает меня и Григорий Богослов, так описывая в [надгробном слове] Кесарию явление ему брата, словно происшедшее наяву, и удостоверяя тех, кому он пишет. «Тогда, – говорит он, – увижу и самого Кесария, уже не отходящим, не износимым, не сожалениями сопровождаемым, [но] сияющим, прославленным, превознесенным, каким ты неоднократно являлся мне во сне, возлюбленнейший из братьев и братолюбивейший». И не только это, но когда он видел нечто подобное и относительно болящей матери, то видение оказалось истиной. И уверяет, и убеждает он меня своими писаниями, что видение это было истинным, а не какой-то сонной грезой. Ведь говорит он вот что: «Как же Бог питает ее? Не манну ли одождив, как некогда Израилью?» И немного после этого: «Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во сне не предпочитала мне никого другого), являюсь к ней вдруг ночью с корзиной и самыми светлыми хлебами, [потом] произношу над ними молитву и запечатлеваю их [крестным знаменем], как у нас принято, чтобы накормить [ее], укрепить и восстановить ее силы. И сие ночное видение было событием истинным, ибо с этого времени она пришла в себя и возросла надежда на лучший исход. Обнаружилось это ясным и очевидным образом». И что это было истинное видение, а не какая-то бессмысленная греза, ясно и для меня, как я достаточно показал во всем предыдущем повествовании.

139. Итак, сам с собой я исследовал видение и рассуждал о нем, словно под чьим-то таинственным водительством. Кроме того, я узнал, что все же следует поведать о нем старцу, очень умудренному в делах Божественных и человеческих. А он, как только внял моим словам,

точно уразумел смысл этого таинственного руководства и сказал: «Сказав тебе: «Успокоил ты меня, чадо мое желанное и любимое», святой выражал свое одобрение гимнам и похвальным словам в его честь. Он показал, что живущие в Боге святые даже после смерти с радостью и со всяческим одобрением принимают гимны и хвалы. Это показывает и Дионисий Ареопагит в мистическом толковании [чина погребения] усопших, [утверждая], что когда слава восходит к Богу, от этого бывает польза и для слушающих, так как они от слушания становятся лучше и подражают жизни и деяниям святых. Целованием же он показал происходящую от этого близость к святым и благодать, подаваемую ими пишущим это. А положить твою правую руку на его правое бедро [означало] клятву, которую некогда потребовал Авраам от своего домочадца и управляющего, сказав: «Положи руку твою под мое бедро и поклянись мне Богом неба и земли». Он намекал, что берет клятву с тебя о порождениях Духа, которых он зачал во чреве своего разума, в страхе Божиим, и родил на земле, среди теперешнего рода человеческого, – я говорю о его писаниях, свыше ему внушенных Духом, – чтобы ты списал их и преподал людям верным, к пользе читающих. Об этом он напомнил тебе через апостольское слово: «Это, – говорит, – преподай верным людям, которые будут способны и других научить»; и показал развернутую и исписанную хартию».

140. И вот, будучи таинственно научен истолкованию видения отверзшим наш ум к уразумению Писания и «ветхим деньми» мудрейшим старцем, вспомнил я внезапно о некогда мне присланном письме святого мужа и о богодухновенных его сочинениях. И как он тогда, обращаясь ко мне, точно пророчествовал, так все и произошло в свое время, и верю, что еще и дальше будет происходить! Ибо все его сочинения попали в мои руки после того, как обладал ими и хранил их, словно царское сокровище, некий упрямец в течение тринадцати лет, даже и одна небольшая книга из его сочинений, которую [тот человек] продал, была принесена ко мне и обрела место рядом с другими [книгами]. С тех пор, по его пророчеству и по его священному письмецу став наследником богатства его дарований, которым одарил его Бог, как самовидцев Слова через дар Духа, я везде его проповедую и щедро предлагаю всем, предоставляя его богословствование к благу и пользе души, даже если [этого] по своей немощи не желают те, кто завидует добродетельным. За это я надеюсь от руки Господней получить воздаяние здесь и там, по молитвам этого блаженного и святого [мужа], ибо Сам Христос истинно сказал: *Кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника* (Мф. 10, 41). И еще: *Приемлющий святого во имя святого получит награду святого, и кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка*. И еще: *Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня* (Мф. 10, 40). Но об этом достаточно.

141. Так что же? Оставить ли без упоминания и другие чудеса, которые после успения своего творил и творит из года в год богослов и великий отец наш Симеон? Как бы не понести нам праведного наказания от Бога за то, что презрели мы Божественные деяния. Но давайте, не упоминая ни словом иудействующих и завистливых, я расскажу вам, верным, сколь много чудес сотворил Бог с отцами нашими и сколь много чудес святейший отец наш силой Духа сотворил во славу Бога, прославившего его посреди Церкви Своей.

Некий священник монашествующий, только что пришедший с горы Латра и посвятивший себя странничеству, прошедши и познав многие места, останавливается, чтобы отдохнуть от странствий, в небольшой обители святой Марины, против Хрисополя, основанной святым [мужем].

Будучи принят как гость тамошними монахами, упомянутый священник прилепился к малому стаду обители и почел для себя уделом жить и проводить время вместе с монахами, а также понести вместе с ними их аскетические труды. Как сказано, эти монахи его приняли и водворили в своем братстве, и он становится членом их общины. Когда этот муж стал вместе со всеми участвовать во всех славословиях, совершающихся в храме и сослужить на Божественной литургии, тогда он увидел в углу алтаря, против жертвенника, образ святого отца [нашего]

Симеона и, пораженный помыслами неверия, начал сомневаться и говорил про себя: «Чем, какими знамениями и чудесами удостоверил он, подобно древним отцам, свою святость? Узнав о них и уверовав в таковые, я и сам признал бы его святым, подобно тому, как Церковь верных на тех же основаниях с древнейших времен признает святыми древних [мужей]».

142. И словно под воздействием духа неверия был он колеблем таковыми помыслами. Однажды, когда все закончили утреннее славословие и когда монахи, выйдя из церкви, разошлись по своим келиям, этот [человек] самовольно остался в церкви совершенно один и стал, на свою беду, осыпать святого насмешками. И вот, будучи ослеплен диаволом, несчастный подходит к иконе святого и, оказавшись близ нее, бесстыдный человек бесстыдно протягивает к ней руку и говорит с надменностью и презрением: «Никогда я не признаю, не прославлю и никоим образом не стану безрассудно поклоняться ему как святому».

И когда он еще произносил вслух эти слова, на него снизошел гнев Божий, ибо та самая рука, которую он протягивал к святой иконе, тотчас же у него, пустослова, отсохла, и он оставился с протянутой рукой, так как она не могла согнуться в локте. Будучи схвачен тогда жестокими страданиями, вопреки своим желаниям и воле, безумец вообще не мог сдвинуться с места, и его пронзительные стоны привлекли внимание всех. Испуганные его криками монахи прибежали в церковь и нашли его пораженным справедливым Божиим судом. Словно привязанный за правую руку и подвешенный в воздухе перед святой иконой, жалобными воплями он тронул взирающих на него монахов. Сбежавшиеся монахи, узнав от него причину столь великого коснувшегося его Божия гнева, горько оплакали его дерзостный поступок, но вместе с тем и пожалели его и стали молить Бога и Божественного отца Симеона избавить несчастного от этого страшного наказания. Поэтому-то, взяв масло от светильника перед его иконой, всю его иссохшую руку, за которую он был подвешен в воздухе, намазав от плеча до пальцев, только [промолившись] с утра до самого захода солнца смогли склонить Бога и святого к милости и избавить дерзкую его руку от неотвратимых и невидимых уз гнева Божия. Вот какое было страшное и странное чудо.

143. Подобное этому случилось и с другим [человеком], пораженным помыслами неверия, как раз в день праздника святого. Случилось то, чему лучше бы не случиться, и произошло это вот как. Во время совершения в этом монастыре службы святому отцу нашему, когда сошлось великое множество народа и были даже монахи из царской обители Космидия, один из них, Игнатий, [известный своим] прекрасным голосом, сладкогласно пел на утреннем бдении написанный святому кондак и звонко исполнял содержащиеся в нем икосы. Он-то под действием и по зависти сатаны был уязвлен помыслами неверия против триблаженного отца нашего, пристально смотря на Божественную икону святого, висевшую, как сказано, в углу алтаря. И так как этого человека тайно волновали таковые помыслы, святой возжелал уврачевать его душу, поврежденную диавольской завистью, а также всем поющим с ним подать благодать и помощь. Когда Игнатий еще пел сладким голосом, перед его взором и перед взором вторившего ему Мефодия, который поспешно прибыл из Студийского монастыря, лик на иконе святого словно воспламенился, [она] сделалась огневидной, начала раскачиваться и носиться из стороны в сторону по углу алтаря, где висела. И как только Игнатий узрел это невероятное чудо, голос его угас, и он остановился, лишившись дара речи, не в состоянии произнести ни звука, немой и безгласный. Когда же и певцы, и служители увидели его внезапно онемевшим, а икону святого самой собой качающейся и сотрясаемой, они стали расспрашивать, что случилось со сладкозвучным певцом, какова причина его немоты и за какие помыслы он страдает. А он, будучи правдивым и разумным, смиренно исповедал помысел неверия в своей душе и, пристально смотря на икону святого, увидел ее лик, подобный пламени, как бы ему угрожающий и движением ясно показывающий обитающую в ней благодать Святого Духа, подобно тому, как некогда показал ее Бог народу через огненные языки, [сошедшие] на апостолов и таким образом уязвленных помыслами неверия сделал верующими.

144. Но, если угодно, перейдем к иному чуду отца нашего богослова. Среди прислуживающих ученику святого (я разумею, конечно, Никиту Стифата) был также и некто известный Манассия. Заболев расстройством кишечника – болезнью, называемой также «илеос», он в течение пятнадцати дней употреблял столько пищи, сколько надо обычно для поддержания тела, но излишки ее никак не выходили. Жизнь его была в опасности, каждый день он, можно сказать, ожидал смерти, ибо все, что накапливалось у него в желудке, выходило противоестественным образом через рот.

Когда же эта болезнь показала, что против нее бессильны и всякий способ лечения, и всякое лекарство и врачи потеряли надежду на то, что он [еще] пребудет в здешней жизни, сам он, отчаявшись во всех прочих средствах, которые приносят облегчение пораженному болезнью телу, с покаянием и молитвой прибегает к Богу. От глубокого отчаяния пролив потоки слез и впад затем в сон, видит он в ночном видении, как упомянутый ученик святого, которому, как сказано, он прислуживал, предстоит перед иконой святого, зовет его, называя по имени, и обращается с такими словами: «Манассия, возьми светильник от иконы святого отца и просто выпей из него, и получишь облегчение в болезни». А тот, как только услышал это, схватил светильник и весь выпил его во сне. Еще не проснувшись, он почувствовал нужду, пробудился спрыгнул с ложа, как был, и сразу выпустив из себя накопившееся за пятнадцать дней содержимое желудка, полностью выздоровел. Таким чудесным образом получив исцеление, которого ранее, прибегнув к лекарям, он не мог получить от врачебных средств, он горячо благодарит святого, припав со слезами к его Божественной иконе. С радостью рассказывая о случившемся с ним при помощи святого, он открыто возвестил всем о святости и дерзновении этого [мужа] перед Богом. Вот каково было это [событие].

145. Неких два благочестивых человека, один по имени Иоанн, другой – Филофей, будучи еще в миру, по Божественной заповеди и наставлению Господа (см. Мф. 18, 19) сознательно согласились отречься от мира, облеклись во святую монашескую схиму и по собственной воле приступили к аскетическим подвигам.

Через этих людей Провидение замышляло воздвигнуть убежище для аскетических подвигов тем, кто желал упражняться в добродетели, уйдя от мира, и через труды монашеского благочестия стяжать евангельскую жизнь. Оно направляет их свыше, хотя живут они в бедности и нужде, не имея достаточного дневного пропитания. Содействием и силой Божией воздвигают они святую обитель близ гавани Пропонтиды Византийской, столь величественную и прекрасную, столь благоуукрашенную и полную благолепия, что внешней роскошью и драгоценной отделкой она потрясала знающих об их бедности и бережливости. После того как обитель была закончена, один из них, боголюбивый и горевший [желанием] духовных подвигов, справедливо прозванный Филофеем, устроив себе келию молчальника для затвора, водворяется в ней и закрывает всякий доступ в нее, избирая по горячему желанию путь более совершенных подвигов молчания. А другой, Иоанн, будучи немощен и слаб телом, – он ведь был евнухом, – принял на себя управление хозяйством обители и приступил к нему как мудрый эконом.

146. Но когда Филофей замыслил войти в святое место молчальнического делания, он решил сначала отправиться в царственный град и вознести молитвы в тамошних всечестных храмах, увидеть духовных мужей, побеседовать с ними, посоветоваться о [своем] намерении и затем, получив от всех них согласие, с помощью Божией приступить к подвигу молчания в упомянутой келии. Итак, прибыв в Константинополь и поклонившись во всечестных его храмах и вознеся в них молитвы Богу, он отправляется в знаменитый Студийский монастырь, чтобы приветствовать известного Никиту, по прозванию Стифат, и посоветоваться с ним [о своем] намерении. Так как упомянутый муж был пламенно преданным учеником отца-богослова, то, беседуя с Филофеем, возбудил в душе его горячую любовь к святому. Он рассказал ему, какие испытания и сколь многие скорби терпел святой ради любви ко Христу и к [своему духовному] отцу и каких благодатных даров свыше он был удостоен подобно апостолам,

как богословствовал он с помощью Божественного Духа, не будучи научен светским наукам, и написал поучения для созидания Церкви Христовой. И когда [Филофей] попросил эту книгу, Никита, вручив ему одно из богодухновенных сочинений и поучительных слов [святого], отпустил его, а тот радовался, что войдет в затвор и там изойдет потом в добродетельных подвигах. Итак, этого боголюбивого Филофея, прежде чем ему войти в убежище [предназначенное для] молчания, чтобы усердно предаться святой брани, охватили, как обычно бывает, помыслы, смущающие [его из-за] суровости аскетических подвигов, трудов и борьбы в затворе. Такова поистине подвижническая душа: она всегда ищет приложить труды к трудам, чтобы на ней исполнилось мудрое речение: *Кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1, 18).

147. Находясь в таком положении, этот человек горячо молил Бога укрепить его терпение, силу и разумение, чтобы смиренно выдержать сопутствующие затвору скорби и лишения. Однажды ночью случилось, что, когда он бодрствовал, он услышал, что кто-то стучит в ворота. Когда же он поспешил увидеть, кто же этот стучащий, он открыл ворота и увидел седого человека, благообразного евнуха, благоговейного, внешнею очень похожего на Ангела, с ликом, исполненным Божественной благодати. И говорит ему [Филофей]: «Кто ты, честной отче? И кого ищешь, прибыв к нашему смирению?» А тот [отвечает] кротко: «Я – Симеон, живущий близ Хрисополя, в тамошнем монастыре святой Марины, и пришел сюда, чтобы находиться и жить вместе с вами». А Филофей [говорит]: «И кто же, отче, разорвал твою одежду?» А святой [отвечает]: «Какие-то негодные люди сделали мне это несправедливо. Но ты, милый Филофей, о чем помышляешь про себя? О чем следует заботиться и помышлять в первую очередь, ты, конечно, должен знать, [а именно] что намеревающийся приобщиться Страшным Таинствам должен с величайшим усердием воздерживаться от многопития и [обильных] трапез и довольствоваться вечером для питья и утешения тела всего лишь тремя чашами. А после причащения точно так же ему следует удовольствоваться простой трапезой и простым образом жизни». Что этими [словами] показывает он и о чем предупреждает? «Надо тебе знать, – говорит он, – так как ты вступаешь на путь столь великих подвигов аскезы и безмолвия, что следует так очищать себя воздержанием, слезами и молитвой, чтобы каждый день быть готовым к принятию Христовых Таин. Через это [Таинство] ты, непоколебимо пребывая в молчании и молитве, из-за обильного причащения Святому Духу в созерцании сокровенных тайн Божиих, приобретешь просвещенный ум, как написано: *Дух все пронизает, и глубины Божии* (1 Кор. 2, 10)».

148. И беседуя так с Филофеем, святой просовывает свою руку под его одежду и касается обнаженного живота того, кто лежал на ложе, и надавливает на него с силой, двигает руку, как бы измеряя его, сдавливает его пальцами и ладонью, как бы делая его способным вместить [лишь] немного пищи. Затем, ласково обратившись к Филофею, сказал ему: «Если хочешь, выйди [отсюда] и приди к нам в гости, мы снова увидим и будем приветствовать тебя, милого Филофея». Когда один сказал это, а другой услышал, святой исчез из поля зрения Филофея. А Филофей, придя в себя, обрел душу свою исполненной всяческой радости. С тех пор появилась у него природная воздержанность: с малыми потребностями и с простой трапезой проходил он затворническую жизнь. С радостью рассказывал он сопребывающим о [своем] видении, о посещении и явлении ему святого. Но когда досточтимый Филофей почувствовал некую поддержку от происшедшего, он рассудил, что видение было от Бога и не было обманом, решил на деле подтвердить [свое] благомыслие. Итак, вместе с братьями, с которыми он жил, он отправляется на поиски святого и, по его указанию достигнув знакомого нам Хрисополя, ищет упомянутый святым мужем монастырь. Когда тамошние монахи показали ему холм с останками святого, он к нему припадает и молитвенно воздает отцу-богослову Симеону вместе с благодарением честь и поклонение, как подобало. Получив от упомянутого ученика святого его икону, написанные в его честь похвальные слова и его собственные богодухновенные поучения, он для себя самого полностью обретает святого, и святой пребывает со всеми тамошними монахами. Поэтому Филофей каждый год радостно празднует в своей обители память отца и преуспевает

и, говоря языком псалмов, *в сердце своем положил восхождение* (Пс. 83, 6). Вот что можно рассказать о помощи святого посторонним [людям].

149. Но, если угодно, послушаем, как помог он после смерти своему близкому ученику. Во время особо чтимого поста святой Четыредесятницы упомянутый близкий ученик святого, Никита, он же Стифат, по обычаю предаваясь святым подвигам, был поражен духом блуда, ибо попущением Божиим благодать отступила. Человек очень разумный, проводивший жизнь в брани, в посте и всяческих злостраданиях, был выведен из себя и дошел до отчаяния. Исследуя, откуда и почему проникли в него гнусные и нечистые помыслы в то время, когда он выносил из постнической брани тело иссохшее и почти что, так сказать, умерщвленное жестоким воздержанием в пище и бдением, не находя [причины], он впадал в глубокую печаль и уныние, ибо не знал, что делать для излечения болезни. Будучи охвачен печалью, творит он горячую молитву Богу и святому. И так, взывая и прося Бога и святого, однажды после незатейливой трапезы и умеренного количества пищи он ложится со скорбью в своей аскетической каморке, так как у него было еще подземное жилище под сводами. Когда ему показалось, что он засыпает, но он еще не закрыл глаза, он ясно видит наяву, ибо лежал бодрствующим, что вошел к нему святой, сел на его ложе, коснулся его одежд и назвал по имени. И говорит: «Разве ты не знаешь, чадо мое, откуда и по какой причине обступили тебя страстные помыслы?» Он же, когда внезапно увидел и услышал святого, собравшись в себя, со страхом отвечает ему: «Я, о муж Божий, святой, всячески исследовал это, – говорит он, – и еще не смог найти причину таковой напасти». А святой [в ответ]: «Но я пришел к тебе указать ее, внеми моим словам. Знай, чадо, что она заключается несомненно в гордости и превозношении разумной части твоей души. Смири свой разум, соразмеряя самого себя и свои [помыслы] с заповедями Христовыми, и вскоре отступит от тебя [эта напасть]». Сказав это, святой немедленно скрылся от его взора. А Никита, поспешно покинув каморку, отправился вослед святому и спросил прислужника: «Видел ли ты, как святой Симеон вышел [отсюда]?» От этого времени тщательно исследовав свои помыслы, он легко нашел причину, по которой, как говорил ему святой, страсть поразила его душу вопреки ожиданию в такое время. Поэтому, смилив свой разум и соразмерив свои мнимые заслуги с одним только страданием Христовым, [а именно] с оплеванием, он тотчас же был освобожден от бремени помыслов и страсти, и последовало утешение от Святого Духа через слезы и умиление. Он возносил великую благодарность отцу-богослову, соединив любовь к нему с верой. Вот каково было [это событие].

150. Бог, желая показать, что было бы благоугодно Ему и слуге Его Симеону, и на пользу Церкви верных, если бы появился список с его богодухновенных слов, показывает видение Иоанну, ученику Стифата, как некогда [показал он] Проклу, ученику Златоуста. Упомянутый Никита, он же Стифат, был некогда по откровению побужден святым, как подробно написано в житии святого, переписать его богодухновенные учения и душеполезные сочинения. Когда он старательно переписывал их на пергамен, видит его ученик во сне такое видение: показалось Иоанну, что, как обычно, пошел он к келии преподобного мужа послушать и взыскать что-нибудь полезное для души. Но только он приблизился к двери комнаты, где Стифат предавался молчанию, он стремительно вошел в нее и видит, что Стифат сидит и двигает стилем, прилежно трудясь над перепиской богодухновенных слов святого, а Божественный отец Симеон Богослов сидит прямо против него. Одной рукой он опирался на посох, а правую держал протянутой к Стифату, как бы сообщая ему что-то из собственных мыслей и близко, уста к устам, беседуя об этом, тайно наставлял его в глубинах высокого своего созерцания логосов вещей и в догматах таинственного богословия, которые он оставил Церкви Христовой как источник живоносной воды во исцеление душ. Как только Иоанн увидел это, он узнал святого, хотя не видел его при жизни и, будучи не в силах воззреть на ангелоподобный лик отца, внутренне замер, охваченный страхом, и не решился войти. Затем, немного спустя, когда святой вышел оттуда и тихо стал удаляться возводящим горе путем, Иоанну показалось, что святой зовет

его по имени и говорит: «Иоанн, скажи моему Никите: “Поспеши, чадо, завершить переписку моих трудов, и то, что ты взыску ешь, исполнится и пребудет для тебя с избытком”». Вот что после своей смерти сотворил святой со своим учеником Никитой Стифатом.

151. А как же мне пропустить и то, что, когда об этом [только] слышат, потрясает слушателей?

Все же и это свяжу я с ранее происшедшим во славу Божию, в радость и на пользу Его Церкви. Однажды справляли праздник святого третьего числа января месяца, когда мы вспоминаем его изгнание. И случилось праздновать вместе с нами Косме, благочестивейшему монаху и игумену монастыря святого Стефана, что на горе святого Авксентия. Итак, когда совершались праздничные похвалы святому и всех празднующих охватили радость и ликование во [время] прославления Бога, Который и бедных кормит, и храм освещает, вошла ревность по Богу и в упомянутого мужа, и стал он бранить мысленно себя самого, что он, не имея богодухновенных поучений и сочинений святого, все же празднует праздник богослова-отца. Тогда обратился он к часто упоминаемому ученику святого с просьбой получить от него икону богослова-отца, а еще и написанные в честь него гимны и похвальные слова, чтобы и ему самому праздновать память святого в собственном монастыре и принести [в него] благословение свыше соответственно написанному: Благословящие тебя будут благословенны, и проклинающие тебя будут прокляты (ср. Быт 12, 3).

Затем человек этот, с верой и со смущением, как сказано, получив икону великого отца нашего Симеона, вручает ее одному из монахов своего монастыря, чтобы тот поместил ее в упомянутый монастырь святого Стефана, приказывает ему предварять путь и следовать дорогой, ведущей к горе [святого Авксентия]. А этот монах взял икону святого и, пренебрегши наказами, данными ему игуменом относительно иконы, отдал ее некоему скифу, бывшему некогда прислужником упомянутого игумена, чтобы тот взошел и осторожно поднял туда икону, а монах бы следовал за ним.

152. Варвар же тот был беглым рабом и отъявленным вором. Взяв икону, он вернулся, сел на судно [плывущее] из Халкидона, пересек Пропонтиду и, прибыв в царствующий град, продал икону венецианцу. Когда же игумен прибыл в свой монастырь раньше него, он стал искать монаха, которому он вручил икону, и нигде не было ни иконы, ни того варвара, которому монах отдал по неразумию святой образ. Прошло немного дней, и когда печаль и уныние по причине случившегося охватили игумена, раба с помощью Божией предают для расследования. А он на допросе признался, что продал икону венецианцам. Деньги, которые беглый раб получил за нее и [уже] истратил, были возвращены покупателю. Получившие икону богослова-отца водворяют ее в монастырь святого Стефана, одновременно и того беглого раба [предают] бичеванию. Когда же святая икона была спасена – о, неизбежное наказание Божие! – когда отнесли ее в церковь и повесили в углу алтаря, гнев Божий снизошел на вора за такую дерзость: демон немой и страшный сокрушил его по суду правому, и несчастный тотчас же повергся перед всеми, скрежеща зубами и испуская пену, издавая бессмысленные крики. В таком состоянии несчастный провел достаточное число дней и едва освободился от демонского бича, получив исцеление милосердием святого Симеона.

Вот так славит Бог славящих Его и является им для всеобщего почитания в Своей Церкви. Ему слава во веки веков. Аминь.